

БИБЛIОТЕКА
ТОМСКАГО
ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНIЯ.
№

Годъ X-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Годъ X-й. № 11-й.

M. r. Bozhy

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го октября 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Гамбетта и его мѣсто въ исторіи третьей французской республики.

VII.

(*Окончаніе*) *).

Собраніе депутатовъ, сошедшееся 12 февраля 1871 года въ Бордо, было одною изъ самыхъ монархитскихъ и клерикальныхъ палатъ, какія только видѣла Франція въ XIX столѣтіи. Уже въ первомъ засѣданіи собраніе грубѣйшимъ образомъ оскорбило и заставило уйти Гарибальди, выбраннаго двумя департаментами въ награду за его дѣятельное участіе въ войнѣ. Послѣ этой яростной антиклерикальной манифестаціи немногочисленная лѣвая сторона собранія могла еще благодарить судьбу за избраніе въ президенты республики (14 февраля) Адольфа Тьера, а не какого-нибудь завзятаго и непримиримаго монархиста. Адольфъ Тьеръ—одна изъ характернѣйшихъ фигуръ новой исторіи Франціи. Человѣкъ сухой, совершенно свободный отъ всякихъ непосредственныхъ сердечныхъ движеній, разсчетливаго ума, дисциплинированной и твердой воли,—онъ былъ рожденъ для государственной дѣятельности. Разумъ у него былъ свѣтлый и глубокій, даръ сосредоточеннаго вниманія—огромный, проницательность и инстинктивная хитрость—поражающія, находчивость, умѣнье во-время заупрямиться и во-время уступить—необыкновенныя. Въ 1830 году онъ сильно способствовалъ въ рѣшительныя минуты утвержденію на престолѣ Луи-Филиппа; онъ велъ сношенія съ предателемъ герцогини Беррійской, тайно явившейся во Францію, чтобы низвергнуть короля; онъ былъ долго министромъ, и всегда его желѣзная воля торжествовала надъ упрямымъ королемъ; при Наполеонѣ III онъ былъ въ оппозиціи, и его не посмѣли тронуть, а, напротивъ, заискивали предъ нимъ, хотя и совершенно тщетно; въ іюлѣ 1870 года, когда готовилось объявленіе войны, Тьеръ рѣзко протестовалъ противъ нея, предсказывалъ полное и страшное пораженіе и сказалъ министрамъ: «Вы губите династію,—до этого мнѣ нѣтъ дѣла, но вы губите Францію, а до этого мнѣ есть дѣло»; когда побѣдители диктовали свои условія, Жюль Фавръ имѣлъ наивность плакать предъ Бисмаркомъ, а Тьеръ разговаривалъ съ нимъ

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1901 г.

такъ, что Бисмаркъ долженъ былъ заявлять обиженно: «Я перестаю понимать по-французски»; когда Бисмаркъ настаивалъ на отдачѣ нѣмцамъ Бельфора, Тьеръ, послѣ нѣсколькихъ часовъ спора, всталъ и заявилъ, что хотя страна разорена, но она будетъ бороться до послѣдняго человѣка, а Бельфора не сдастъ,—и Бисмаркъ уступилъ. Въ маленькомъ старческомъ тѣлѣ Тьера жила несокрушимая энергія и сила духа. Какъ въ литературной своей дѣятельности, такъ и въ политической онъ былъ поклонникомъ и теоретическимъ апологетомъ всякого прочнаго успѣха, но апологетомъ безкорыстнымъ и дальнозоркимъ. Вторую имперію, напримѣръ, онъ считалъ вредною для Франціи эфемеридою и соотвѣтственнымъ образомъ держалъ себя въ эпоху владычества Наполеона III. Еще одна черта: никто, можетъ быть, изъ всѣхъ его французскихъ современниковъ не смѣшивалъ болѣе искренно словъ— «Франція», «цивилизація», «человѣчество» съ понятіемъ—«буржуазія». Въ этомъ отношеніи онъ, Маколей, лордъ Брумъ, Гэксли—люди одного поколѣнія, однихъ привычекъ мышленія, несмотря на всю разницу между ними въ другихъ отношеніяхъ. Орлеанистомъ Тьеръ былъ по внѣшности, но защитникомъ буржуазіи онъ былъ по всѣмъ желаніямъ и чаяніямъ своей души, въ такой же мѣрѣ, какъ Шатобріанъ былъ защитникомъ аристократіи, а Луи-Бланъ или Энгельсъ—защитниками рабочаго класса. Знавшіе Тьера могли напередъ сказать, что, если для поддержки и спасенія владычества буржуазіи, нужно будетъ возстановить Орлеановъ,—Тьеръ возстановитъ Орлеановъ, если нужно будетъ для той же цѣли призвать старшую вѣтвь Бурбоновъ—Тьеръ будетъ агитировать въ пользу Шамбора, если окажется возможною для этой цѣли только республика,—Тьеръ будетъ поддерживать республику. Всякому другому показалось бы неудобоносимымъ бременемъ управленіе страною при тѣхъ условіяхъ, при какихъ началось президентство Тьера, и, дѣйствительно, дальновидные политическіе честолюбцы во-время и красиво одинъ за другимъ ретировались со сцены. 1 марта 1871 года, когда мирный трактатъ Тьера съ Бисмаркомъ удостоился санкціи собранія, Гамбетта заявилъ, что онъ больше не депутатъ, что онъ слагаетъ всѣ полномочія и не можетъ оставаться въ палатѣ послѣ уступки Эльзаса и Лотарингіи; онъ уѣхалъ въ Испанію, въ Санъ-Себастьянъ, гдѣ и провелъ всѣ страшные четыре мѣсяца, отъ начала марта до конца іюня 1871 г. Онъ не запачкался кровью ни одного изъ тѣхъ тридцати тысячъ человѣкъ, которые погибли въ пороховомъ дыму въ эти мѣсяцы, послѣ того, какъ, казалось, уже окончилось всякое кровопролитіе; ни правительственныя, ни парижскія войска не могли обвинять его въ томъ, что онъ поднялъ на нихъ руку. Делеклюзъ, котораго онъ столь эффектно защищалъ при второй имперіи, былъ убитъ; многіе и многіе временные союзники Гамбетты временъ имперіи были разстрѣляны при усмиреніи коммуны, или сосланы на каторгу, или погибли при послѣднихъ штурмахъ, на баррикадахъ и въ горящихъ домахъ; многіе,

съ другой стороны, были убиты и изуродованы, сражаясь на сторонѣ правительства, еще больше лицъ снискали себѣ за это время имѣвшую свои удобства и невыгоды репутацію слишкомъ ревностныхъ усмирителей... Гамбетта за все это время воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ братоубійственную рѣзню. Онъ, человѣкъ большого моральнаго авторитета, ни разу не обратился ни къ коммунарамъ, ни къ Тьеру съ приглашеніемъ хоть немного опомниться среди рѣкъ проливаемой ими крови. Можетъ быть, только онъ одинъ, со своею славою защитника отечества, и могъ бы сдѣлать такое двойное обращеніе съ нѣкоторою, хотя бы и слабою надеждою на успѣхъ. Но, не взирая на природную словоохотливость, Гамбетта всѣ четыре мѣсяца хранилъ гробовое молчаніе. Любопытное и яркое впечатлѣніе могло остаться у безпристрастныхъ и спокойныхъ наблюдателей этихъ страшныхъ временъ: съ одной стороны Тьеръ, безпощадный, покрытый кровью старикъ, у ногъ котораго валяются ежедневно жены и матери, и который приказываетъ ихъ выгонять вонъ; Тьеръ, съ полнымъ спокойствіемъ выслушивающій о десяткахъ разстрѣловъ до обѣда, и о десяткахъ послѣ обѣда, рвущій просьбы о помилованіи, считающій каторгу слишкомъ мягкимъ наказаніемъ; съ другой стороны,—Гамбетта въ испанской деревенской глуши, вдали отъ мірскихъ суетъ, предающійся морскимъ купаньямъ, dolce far niente—и съ неповрежденной, цѣльной репутаціей, пріѣзжающій потомъ для славы, почестей, дѣятельности—въ буржуазную республику, спасенную чужими руками. Античный эпикуреецъ, сдѣлавъ подобное сравненіе, назвалъ бы поведеніе Тьера «неразумнымъ», а поведеніе Гамбетты — «разумнымъ»; менѣе откровенные панегиристы Гамбетты обходятъ полнымъ молчаніемъ его санъ-себастьянскій отдыхъ. Такъ или иначе, руки коммунаровъ были въ крови, руки Тьера также въ крови, а руки Гамбетты оказались незапятнанными. Тьеру это, положимъ, не повредило, потому что, вообще, ему оставалось жить уже немного, но другіе дѣятели гражданской войны много разъ имѣли случай съ завистью сравнивать репутацію Гамбетты со своею собственностью. Національное собраніе, изъ котораго Гамбета вышелъ 1-го марта и въ которое онъ вернулся переизбранный 2-го іюля, отличалось такою свирѣпостью по отношенію къ усмиреннымъ инсургентамъ, что даже Тьеръ иногда находился въ затруднительности. Но было у собранія и другое качество, съ которымъ Гамбетта не считалъ возможнымъ примириться (вѣрнѣе, считалъ возможнымъ бороться, ибо онъ не примирялся лишь съ тѣми явленіями, на которыя могъ нападать съ надеждою на успѣхъ). Это другое качество можно охарактеризовать, какъ изступленную ненависть къ республиканской формѣ правленія. Дѣло въ томъ, что національное собраніе 1871 года было выбрано спеціально для заключенія мира съ Пруссіею; когда оно выбиралось, треть Франціи была занята пруссаками, столица сдана, восточныя области разорены. Гамбетта и громадное боль-

*

шинство республиканцевъ стояли за «guerre à outrance», за продолженіе борьбы послѣ сдачи Парижа, а монархисты (приверженцы графа Шамбора и Орлеановъ) за заключеніе мира. Огромная масса разоренныхъ сельскихъ округовъ, да и города, для которыхъ продолженіе status quo было равносильно голодной смерти, сплошь почти выбирали монархистовъ, исключительно за ихъ мирныя наклонности, а вовсе не всегда вслѣдствіе ихъ общихъ убѣжденій. Но, такъ или иначе, подавляющее большинство въ палатѣ оказалось монархистскимъ, и, послѣ заключенія мира и усмиренія коммуны, желаніе собранія уничтожить республику стало прорываться самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Историческая роль Гамбетты, между прочимъ, и заключается въ эти трудные семидесятые годы въ томъ, что онъ, насколько зависѣло отъ отдѣльнаго человѣка, содѣйствовалъ упроченію республики, отстоялъ ее отъ натиска монархистовъ. Но самая борьба съ этимъ натискомъ обусловила глубокое измѣненіе всей республиканской партіи и республиканской теоріи. Потрясающія событія войны и коммуны оказали замѣчательное дѣйствіе на умы огромной массы націи: стали говорить о необходимости «спасенія» Франціи. По старой памяти смѣшивая воедино понятія: республика, революція, атеизмъ,—во всей французской провинціи населеніе въ массѣ смотрѣло на коммуну, какъ на своего рода пророческое явленіе, способное повториться, если въ странѣ останется республика. Подъ «спасеніемъ» Франціи подразумѣвалось призваніе во Францію Генриха Шамбора, внука Карла X, представителя Бурбонской династіи, изгнанной въ 1830 году. Монархистское движеніе шло рука объ руку съ клерикальнымъ. На безчисленныхъ поѣздахъ, перевозившихъ по спеціально установленному тогда уменьшенному тарифу богомольцевъ въ Лурдъ и другія мѣста, на станціяхъ, на столбахъ и фонаряхъ виднѣлись надписи: «Vive Henri V, vive le pape, mort aux athées et revolutionnaires!» Монархизмъ былъ въ полномъ наступленіи. Положеніе до чрезвычайности осложнялось обстоятельствами, при которыхъ была усмирена коммуна; горы труповъ, бомбардировка и штурмъ Парижа французами, двадцать шесть военно-полевыхъ судовъ, ежедневно выносившихъ смертные приговоры,—вотъ что отдѣляло уже республику, провозглашенную 4-го сентября 1870 г., отъ той, которую засталъ Гамбетта, возвратившись изъ своего испанскаго уединенія. Конечно, режимъ 1868—1869 гг. не могъ даже и въ сравненіи идти съ драконовскими дѣйствіями республиканскаго правительства, и Тьеръ могъ бы еще поучить Наполеона III искусству усмиренія и обузданія, но Гамбетта, по отношенію къ Тьеру, сразу проявилъ полную кротость и уступчивость. Онъ былъ и остался приверженцемъ республики; республика ему казалась въ опасности, и онъ, съ обычною своею зрѣлостью мысли и властью надъ чувствомъ, рѣшился изо всѣхъ силъ поддерживать Тьера, потому что, можетъ быть, одинъ Тьеръ и былъ въ состояніи смирять монархистское боль-

шинство. Тьеръ, паладинъ и защитникъ буржуазіи, не прилѣплявшійся къ опредѣленному режиму, какъ таковому, считалъ нужнымъ теперь, въ 1871—1873 гг., противиться монархистскому собранію не вслѣдствіе пристрастія къ республикѣ, а вслѣдствіе нежеланія неизбѣжныхъ пертурбацій при перемѣнѣ режима, пока еще ни милліарды не выплачены Пруссіи, ни территорія не свободна отъ прусскаго постоя; Гамбетта же былъ (и остался во всю свою жизнь) больше человѣкомъ политической формы, приверженцемъ республики an und für sich, хотя бы эта республика давала даже minimum политической свободы. Отсутствіемъ политическаго содержанія и преобладаніемъ формы только и возможно объяснить, что такой безспорно умный и талантливый человѣкъ могъ произнести нелѣпую фразу: «Соціальный вопросъ не существуетъ на свѣтѣ». Быть можетъ, именно этотъ формализмъ талантливаго агитатора и дѣятеля и помогъ въ эти крутыя времена президентства Тьера и Макъ-Магона спасти республиканскую форму правленія: въ устахъ Гамбетты и въ рукахъ Тьера «республика» перестала пугать буржуазію и крестьянство; когда же это дѣло успокоенія было сдѣлано, монархисты палаты потеряли всякіе шансы на успѣхъ. Нужно сказать, что парламентской дѣятельности своей Гамбетта въ эти годы отводилъ несравненно меньше мѣста, чѣмъ агитаціонной. Въ палатѣ онъ ничего ровно подѣлать не могъ. Монархисты, попавшіе туда, какъ было сказано, въ огромномъ количествѣ, слышать не хотѣли о республикѣ, и историку остается удивляться лишь, какъ эта форма правленія уцѣлѣла въ эти годы, когда голосованіе палаты прямо могло положить ей конецъ. Монархисты неопредѣленно, но сильно боялись отпора и возстанія въ нѣкоторыхъ частяхъ страны, и на этотъ именно слабый пунктъ ихъ съ обычною своею политическою находчивостью и тактомъ больше всего и билъ Гамбетта. Въ іюлѣ 1871 года должны были состояться новые выборы, и Гамбетта произнесъ многознаменательныя слова предъ избирателями. «Мысленно обращаясь къ Тьеру,—какъ вѣрно замѣчаетъ историкъ,—онъ сказалъ: «Да, мы будемъ уважать вашу власть, вашу законность, ваши приказанія... Теперь, когда нужно на дѣлѣ прилагать наши принципы, мы должны быть настолько же осторожными, терпѣливыми, умѣренными, насколько мы были гнѣвными, рѣшительными, горячими, когда намъ приходилось бороться съ преступленіями и гнусностями». Послѣ іюльскихъ выборовъ, республиканцы немного усилились, но все еще не настолько, чтобы существующую форму правленія возможно было считать упроченной. Впрочемъ, сейчасъ послѣ выборовъ, надежда легитимистовъ—графъ Шамборъ издалъ манифестъ, кототорый удивительно помогъ республиканцамъ (malgré lui, конечно). Графъ Шамборъ, будучи девяти лѣтъ отъ роду, бѣжалъ вмѣстѣ съ дѣдомъ своимъ Карломъ X во время іюльской революціи. Онъ весь вѣкъ прожилъ призрачною жизнью претендента, вѣчно ожидающаго, что его позовутъ (какъ онъ и друзья его

буквально повторяли) «спасать отечество» отъ анархіи, вольномыслія и т. д. Замѣчательно было въ этомъ человѣкѣ то интеллектуальное окостенѣніе, которымъ, въ подобной мѣрѣ, не отличался ни Людовикъ XVI, ни Людовикъ XVIII, ни Карлъ X; тутъ поражалъ какой-то политическій атавизмъ, не то, что нежеланіе, а искренняя нравственная невозможность для Шамбора примириться съ тѣмъ, что онъ живетъ въ концѣ XIX вѣка, а не въ началѣ XVIII, и что говорить такъ, какъ говорилъ Людовикъ XIV, невозможно. Графъ Шамборъ открыто заявлялъ, что, если страна теперь зоветъ его «спасать», то онъ еще можетъ простить старыя прегрѣшенія, но ставить себѣ условія никогда и никому не позволитъ и не приметъ трехцвѣтнаго знамени, а желаетъ возстановить во Франціи бѣлое, съ лиліями, старое бурбонское знамя. «Я представитель монархическаго права и компромиссовъ никакихъ не признаю», писалъ онъ въ своемъ манифестѣ. Для монархистовъ палаты этотъ манифестъ былъ громовымъ ударомъ: живя во Франціи, не могли же они не понимать, что подобныя автократическія заявленія удесятеряютъ трудность возстановленія монархіи, что на одномъ вопросѣ о знамени все ихъ дѣло можетъ оборваться. На ихъ бѣду графъ Шамборъ, при всемъ своемъ глубокомъ и безнадежномъ непониманіи современности, былъ человѣкомъ суровой честности. Онъ могъ всю жизнь прождать въ надеждѣ, что тридцать семь милліоновъ людей пришлютъ къ нему просить о прощеніи и объ отеческой опекѣ на томъ основаніи, что онъ внукъ Карла X, но явиться, скрывъ свои истинныя намѣренія, и темною ночью задушить республику, какъ это сдѣлалъ 2-го декабря 1851 г. Наполеонъ III, графъ Шамборъ былъ почти такъ же неспособенъ, какъ совершить уголовное преступленіе. И до, и послѣ манифеста графа Шамбора Гамбетта не переставалъ въ собраніи дѣлать единственно пока возможное дѣло: препятствовать собранію выработать конституцію, ибо онъ не сомнѣвался, что эта конституція повлечетъ за собою возстановленіе монархіи. Но, какъ уже сказано, главное вниманіе его было посвящено агитаціи въ странѣ. 12-го апрѣля въ Анжерѣ онъ произнесъ большую рѣчь, въ которой весьма характерно для своего времени объяснялъ, что республика есть единственная гарантія строгаго порядка и опора собственности, семьи и совѣсти, и что онъ, Гамбетта, только потому за нее и стоитъ. Въ Гаврѣ Гамбетта произнесъ свою знаменитую фразу: «Не существуетъ соціальнаго вопроса, а есть только рядъ задачъ, которыя нужно разрѣшить, и затрудненій, которыя нужно побѣдить»; затрудненія же эти заключаются въ «климатѣ, привычкахъ и санитарномъ состояніи страны». Весь испугъ Гамбетты предъ призракомъ монархіи, все желаніе его спасти республиканскую форму правленія, вся оторопь населенія послѣ коммуны все это, какъ въ зеркалѣ отражается въ рѣчахъ Гамбетты. 14 іюля 1872 года, въ годовщину взятія Бастиліи, онъ пошелъ еще дальше по пути успокаиванія; въ Лафертэ-сенъ-Журъ былъ данъ банкетъ, на

которомъ Гамбетта заявилъ, что «буржуазія, крестьяне и рабочіе должны братски соединиться для охраны республики», ибо буржуа—это «старшій братъ, а крестьянинъ и рабочій младшіе братья». Въ тѣ годы все это вовсе не звучало такимъ курьезомъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, ибо, хотя между названными «братьями» царила не братская любовь, а самая лютая и сознательная ненависть, тѣмъ не менѣе, оставивъ въ сторонѣ ораторское словцо, разносословные слушатели Гамбетты, дѣйствительно, инстинктивно сходились на признаніи республики желательною. Мы говоримъ только о тѣхъ буржуа, крестьянахъ и рабочихъ, которые пригласили Гамбету въ Лафертэ-сенъ-Журъ, и вообще о нѣкоторыхъ членахъ этихъ классовъ, которые жили въ восточной и центральной Франціи. Республика манила ихъ, какъ наиболѣе эластичная форма, въ которой можетъ развиваться дальнѣйшая мирная экономическая жизнь, и которая, меньше всякой другой, подвержена революціямъ и потрясеніямъ. Многіе буржуа и крестьяне, какъ это явствовало изъ общихъ и частныхъ выборовъ, начинали понимать, что въ дѣлѣ поддержки собственности и усмиренія неспокойныхъ элементовъ, республика, покончившая съ коммуною, не уступитъ никакому другому режиму; рабочіе же были почти поголовно за республику, изъ страха и ненависти къ монархистскому большинству и къ «орлеанисту» Тьеру.

Но, именно, для новыхъ и новыхъ завоеваній въ буржуазной и крестьянской средѣ, для сплоченія изъ представителей разнородныхъ соціальныхъ классовъ единой республиканской партіи, Гамбетта и предпринималъ свои агитаціонныя поѣздки. Въ этотъ періодъ времени развился во всемъ блескѣ и во всей красотѣ ораторскій талантъ его. Пишущему эти строки приходилось встрѣчаться съ нѣкоторыми лицами, слышавшими Гамбетту. Всѣ они—и старые (т.-е. бывшіе пожилыми людьми въ тѣ годы), и средняго возраста (т.-е. слушавшіе Гамбетту юношами), и французскіе рантье, и русскіе профессора, всѣ, въ одинъ голосъ, подтверждаютъ, что можно было придти въ залъ въ весьма критическомъ и, даже, недоброжелательномъ настроеніи по отношенію къ Гамбеттѣ, можно было съ насмѣшкою прослушать первыя (всегда вялыя и тихія у него) вступительныя фразы, но затѣмъ, незамѣтно для самого себя, слушатель втягивался въ интересъ рѣчи, сидѣлъ, затаивъ дыханіе и не пропуская ни одного слова, ни одной вибраціи въ голосѣ, и по окончаніи невольными аплодисментами провожалъ оратора. Этотъ временный эстетическій гипнозъ испытывали всѣ, слушая Гамбетту, даже если и послѣ рѣчи оставались столь же несогласными съ нимъ, какъ до рѣчи. Дѣйствовалъ жаръ убѣжденія, чувство искренности, интимности, отсутствіе выдѣланности. Какъ всѣ истинные литературные и ораторскіе таланты, Гамбетта имѣлъ даръ постоянно обнаруживать полную свою искренность, казаться искреннимъ, даже если сознавалъ за собою то, что іезуиты называютъ *reservatio mentalis*.

«Удерживаемое въ умѣ» предъ одною аудиторіею, Гамбетта обнаруживалъ предъ другою, но столь могущественно дѣйствующій на слушателей колоритъ искренности не утрачивался въ его рѣчахъ никогда. Это соединеніе литературнаго и ораторскаго таланта сказалось и въ построеніи, и въ произнесеніи его рѣчей: и теперь еще, когда Гамбетта давно въ могилѣ, эти рѣчи, собранныя въ отдѣльномъ изданіи, производятъ весьма яркое впечатлѣніе на читателя.

На томъ же собраніи въ Лафертэ, гдѣ Гамбетта назвалъ братьями буржуазію, рабочихъ и крестьянъ, онъ горячо убѣждалъ (отсутствовавшихъ) людей власти въ необходимости произнести «амнистію всѣмъ пострадавшимъ за свои политическія заблужденія». Тутъ же состоялась подписка въ пользу женъ и дѣтей казненныхъ и сосланныхъ въ каторгу коммунаровъ. Вообще, силою вещей, чѣмъ больше ѣздилъ Гамбетта по странѣ, тѣмъ смѣлѣе онъ становился, тѣмъ больше убѣждался, до какой степени палата не является истиннымъ отраженіемъ Франціи. Конечно, онъ видѣлъ впереди еще много трудной работы, но существованіе въ странѣ опредѣленныхъ кадровъ республиканцевъ стояло для него уже внѣ всякаго сомнѣнія. Рѣзче, нежели прежде, сталъ онъ пропагандировать мысль о необходимости распустить монархистскую палату и назначить новые выборы; ему казалось, что съ каждыми новыми выборами палата будетъ все больше и больше наполняться республиканцами. Въ Ліонѣ, въ Шамбери (гдѣ онъ говорилъ у частныхъ лицъ, ибо банкетъ былъ воспрещенъ префектомъ), въ Альбервилѣ, въ въ Греноблѣ Гамбетта не переставалъ повторять, что «палата умерла и ее нужно только похоронить». Мало того: 26-го сентября 1872 года (въ Греноблѣ), говоря предъ огромною массою, между рядами которой было много рабочихъ, онъ сказалъ рѣчь, возбудившую въ собраніи бурю восторговъ и овацій. «Развѣ на всемъ пространствѣ Франціи не появился новый составъ политическихъ избирателей, новый составъ участниковъ всеобщаго голосованія? Я придаю безконечное значеніе этому факту и оттѣняю его. Развѣ не видимъ мы, что въ политическую жизнь вошли городскіе и деревенскіе рабочіе, этотъ трудовой міръ, которому принадлежитъ будущее? Развѣ не характерное это предостереженіе, что страна, испытавъ много формъ правленія, желаетъ, наконецъ, обратиться къ другому, новому общественному слою, чтобы испробовать республиканскую форму? Да, я предчувствую и провозглашаю появленіе и присутствіе въ политической жизни новаго соціальнаго слоя, который занимается политикою вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ и который, навѣрное, ничѣмъ и ничуть не хуже другихъ классовъ, ему предшествовавшихъ». Палата, ненавидѣвшая Гамбетту уже за его республиканизмъ, совсѣмъ не могла простить ему гренобльской рѣчи. Тьеръ, съ присущею ему диктаторскою грубостью, назвалъ публично оратора буйнымъ сумасшедшимъ (впрочемъ, онъ и раньше о немъ это говорилъ) и мятежникомъ. Но монархисты этимъ не удоволь-

ствовались. Они глубоко уязвлены были тѣми частями рѣчи, которыя говорили о необходимости заставить палату признать, наконецъ, республику окончательной формой правленія и называли монархистовъ «партіею лжи». Но въ негодующихъ заявленіяхъ своихъ они подчеркивали больше всего слова о «новомъ общественномъ слоѣ», такъ какъ знали, что именно этого и Тьеръ Гамбеттѣ не проститъ. Они обвиняли Гамбетту въ намѣреніи возстановить коммуну и стать самому президентомъ ея, и требовали отъ Тьера рѣшительныхъ мѣръ. Тьеръ сказалъ, что рѣчь Гамбетты чрезвычайно дурна по могущимъ быть послѣдствіямъ, что Гамбетта наноситъ этимъ сильный ударъ республикѣ, которую хочетъ поддержать, что онъ возстановляетъ народъ противъ собранія и, вообще, сдѣлалъ поступокъ, достойный всякаго сожалѣнія. Тьеръ указалъ, затѣмъ, что онъ запретилъ такія сборища, на которыхъ палата можетъ быть оскорблена, но собраній у частныхъ лицъ онъ воспретить не можетъ. Монархисты этимъ не удовольствовались. Устами генерала Шангарнье они потребовали чрезъ нѣсколько дней у Тьера, чтобы онъ публично назвалъ гренобльскую рѣчь и ея доктрины (о новомъ общественномъ слоѣ) «скандальными», а Гамбетту — разрушителемъ. Гамбетта сидѣлъ тутъ же и смѣялся. «Собраніе принуждено просить г. Тьера объясниться, ибо г. Гамбетта молчитъ» — заявилъ герцогъ Брольи. «И будетъ молчать», крикнулъ ему Гамбетта. Постановленіемъ собранія рѣшено было выразить порицаніе Гамбеттѣ и довѣріе Тьеру, потому что старый президентъ съ гнѣвомъ отказался вторично объясняться съ палатою о гренобльской рѣчи и потребовалъ себѣ вотума довѣрія. Но половина собранія воздерживалась отъ участія въ голосованіи, а изъ другой половины довѣріе Тьеру вотировало очень ничтожное большинство. 14-го декабря того же 1872 года Гамбетта уже въ самой палатѣ перешелъ въ наступленіе. Основываясь на томъ, что частичные выборы 2-го іюля (1871 г.) и другіе показали ясно, что настроеніе страны измѣнилось, что 8-го февраля (1871 г.) выбраны были второпяхъ многіе монархисты, вовсе не выражающіе истинныхъ чувствъ страны, Гамбетта настаивалъ, что палату необходимо распустить и назначить новые общіе выборы. «Палата состоитъ изъ двухъ почти равныхъ партій-монархистовъ и республиканцевъ,—сказалъ онъ.—«Вы монархисты, не можете возстановить монархію, ибо у васъ нѣтъ монарха, готоваго согласиться на это, и нѣтъ народа, готоваго утвердить ваше рѣшеніе. Вы желаете обезсилить страну неизвѣстностью, неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и заставить ее неожиданно броситься въ объятія какому-нибудь «спасителю». Знайте, что вамъ это неудастся»... Здѣсь бѣшеные крики и топотъ ногъ прервали его, и четверть часа при невообразимомъ шумѣ ораторъ не могъ раскрыть рта. Рѣчь его вызвала бурныя пренія, но день закончился довольно неожиданно: большинствомъ 483 голосовъ противъ 196 было рѣшено палаты не распускать. Гамбетта и республиканцы потерпѣли весьма чувстви-

тельное пораженіе, которое служило только предзнаменованіемъ новыхъ опасныхъ моментовъ въ жизни третьей республики.

Въ томъ же нерѣшенномъ состояніи былъ вопросъ о республикѣ къ концу 1872 года, въ какомъ находился онъ и тотчасъ послѣ войны. Республиканская пропаганда, поѣздки Гамбетты, автократическія заявленія Генриха Шамбора, ни за что не желавшаго дѣлать уступки никому (даже готовой примкнуть къ нему орлеанистской группѣ),—все это, правда, давало уже республиканцамъ извѣстную надежду на окончательное торжество, но монархисты собранія твердо рѣшили сдѣлать все возможное для борьбы съ противниками и побѣды надъ ними. Тотчасъ же по открытіи законодательной сессіи 1873 года, собраніе обсудило и приняло проектъ временной конституціи, выработанный монархистомъ герцогомъ Брольи. Этотъ проектъ, не разрѣшая вопроса объ окончательномъ устройствѣ Франціи, совершенно почти устранялъ Тьера отъ личнаго участія въ дѣлахъ и предоставлялъ палатѣ еще болѣе обширныя полномочія, нежели прежде. Гамбетта яростно возражалъ противъ этого проекта, въ особенности же противъ поползновенія Брольи создать верхнюю палату въ странѣ,—поползновенія, выраженнаго пока, впрочемъ, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. «Мы не хотимъ ни другихъ обманывать, ни быть обманутыми!—вскричалъ онъ. Мы требуемъ народнаго суверенитета, всецѣло стоимъ за распущеніе настоящаго собранія, отказываемся принять эту комбинацію (проектъ Брольи), которая не есть ни монархія, ни республика. Мы хотимъ установленія республики со всѣми ея вольностями, съ присущими ей правами, съ правомъ сходокъ, свободой слова, собраній, ассоціацій!» Принятіе проекта Брольи было тяжелымъ ударомъ и для Тьера, и въ еще большей мѣрѣ для республиканцевъ толка Гамбетты. Тьеръ былъ раздраженъ до такой степени, что уходъ его для всего политическаго міра Франціи и Европы сталъ лишь вопросомъ недѣль. Къ тому же времени ухудшились также и отношенія между Тьеромъ и Гамбеттою. Тьеръ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ называлъ «радикализмомъ» Гамбетты, а Гамбетта теперь, въ 1873 году, уже нѣсколько менѣе боялся за республику, чѣмъ раньше, и менѣе избѣгалъ размолвокъ со старымъ президентомъ. Въ апрѣлѣ 1873 года состоялись частичные выборы въ бельвильскомъ округѣ, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣтились въ качествѣ соперниковъ кандидатъ Тьера-Ремюза и кандидатъ Гамбетты—Бародэ. Говоря предъ избирателями, Гамбетта развилъ цѣлую теорію оппортюнизма: «Я сказалъ, что вмѣсто систематической, воинствующей, геройской, рыцарской оппозиціи, практиковавшейся нашими предшественниками, необходимо ввести въ дѣло оппозицію законную, конституціонную, парламентскую, научную (scientifique), борящуюся за каждую пядь земли, ведущую за собою мирную борьбу партій, которая есть не что иное, какъ борьба идей. Эта политика налагаетъ на насъ необходимость дѣлать много уступокъ, обходовъ, пускать въ ходъ без-

конечное множество среднихъ терминовъ, среднихъ рѣшеній. Но гдѣ? Въ парламентѣ, на естественной почвѣ политическихъ сдѣлокъ, въ области изготовленія законовъ, дѣловой сутолоки, въ томъ, что можно назвать ежедневнымъ политическимъ хозяйствомъ страны. Вотъ гдѣ необходимы уступки со стороны республиканской партіи, вотъ гдѣ онѣ справедливы, часто выгодны для насъ, всегда дѣйствительны для общественнаго мнѣнія; онѣ-то и позволили намъ укрѣпить мало-по-малу ту власть, которая была республикою только по имени... Слишкомъ часто въ этой странѣ, вотъ уже шестьдесятъ пять лѣтъ, искусные наши враги вовлекали нашу партію въ сѣти, заставляли ее совершать ошибки, преждевременно толкали ее къ началу активныхъ дѣйствій и эксплуатировали въ свою пользу ея качество, благородный пылъ, чтобы подавить, побѣдить и изгнать ее. Осторожность! О, трудно пріобрѣтается это качество! Осторожность и благоразуміе, вотъ что намъ необходимо больше всего. Но въ особенности нужно умѣть распознавать, отъ чего намъ слѣдуетъ воздержаться. Милостивые государи, поистинѣ вся политика только въ этомъ и состоитъ.» Эта рѣчь—одна изъ наиболѣе принципіальныхъ у Гамбетты. Высказаннымъ здѣсь общимъ положеніемъ онъ оставался вѣренъ до конца (что, впрочемъ, по существу, не особенно трудно); вокругъ этого же выставленнаго имъ въ Бельвилѣ девиза собралась вскорѣ и вся почти республиканская партія. Избраннымъ оказался кандидатъ Гамбетты Бародэ. Впрочемъ, это пораженіе Тьеру никакой пользы даже въ глазахъ монархистовъ не принесло: они стали говорить, что Тьеръ только наружно отказывается отъ радикала Бародэ, а на самомъ дѣлѣ онъ въ стачкѣ съ Гамбеттою. Монархисты окончательно рѣшили ускорить отставку Тьера. Между бонапартистами, легитимистами и орлеанистами произошло соглашеніе, и 24-го мая 1873 года составившееся такимъ образомъ большинство низвергло Тьера, вотировавъ ему порицаніе за «недостаточную охрану консервативныхъ интересовъ». Президентъ подалъ въ отставку немедленно, и въ тотъ же день монархисты выбрали въ президенты маршала Макъ-Магона. До сихъ поръ въ странѣ царили нерѣшительность, неопредѣленность, колебанія между монархизмомъ и республикою; въ палатѣ имѣлъ безспорное преобладаніе монархизмъ; глава исполнительной власти (Тьеръ) со всею своего энергіей и авторитетомъ непоколебимо стоялъ за республику. Теперь все осталось по прежнему, но вмѣсто Тьера—армія, полиція, финансы, дипломатія—все могущество исполнительной власти перешло въ руки монархиста и клерикала Макъ-Магона. Оборона республики стала въ еще большей степени гнетущимъ вопросомъ дня для Гамбетты и его друзей. Оппортюнистская программа, развитая Гамбеттою за мѣсяцъ до паденія Тьера, увидѣла предъ собою широкое практическое поприще. Для того, чтобы республика выдержала искусъ макъ-магонскаго управленія и упрочилась во Франціи, нужно было ей сильно измѣниться во внутреннемъ содержаніи, срав-

нительно съ республикою хотя бы 1848 года. Страна вовсе не была въ достаточной мѣрѣ готова къ воспринятію республиканизма въ качествѣ формы правленія, и такъ какъ измѣнить тенденціи милліоновъ людей сразу невозможно, то измѣнилась и приспособилась къ этимъ тенденціямъ республиканская доктрина. Оппортюнизмъ, выдвинутый въ качествѣ теоріи Гамбеттою, и явился результатомъ приспособленія...

«Съ помощью Божьей,—писалъ Макъ-Магонъ въ 12 ч. ночи 24-го мая собранію въ отвѣтъ на извѣщеніе о выборѣ,—опираясь на преданную армію, всегда поддерживающую законъ, на симпатіи всѣхъ честныхъ людей, мы общими силами закончимъ освобожденіе нашей страны и возстановленіе моральнаго порядка въ нашемъ отечествѣ, мы будемъ поддерживать спокойствіе внутри страны и основы, на коихъ основано общество. Даю въ томъ слово честнаго человѣка и солдата». На другой день Макъ-Магонъ былъ уже во дворцѣ. Самый опасный и болѣзненный періодъ въ исторіи третьей республики начался...

VIII.

Современники, бывшіе на сторонѣ Макъ-Магона, любили называть его честнымъ патріотомъ, храбрымъ солдатомъ и т. д.; противники съ ядовитою настойчивостью также повторяли о немъ: «честная шпага, старая шпага, храбрый солдатъ, честный солдатъ, старый солдатъ». Уже тогда это всѣми въ Европѣ было подмѣчено и обратило на себя полное вниманіе, а многія монархистскія газеты сочли умѣстнымъ указать на отсутствіе всякой надобности слишкомъ ужъ настойчиво сравнивать главу государства хотя бы съ почтеннымъ, но все же съ неодушевленнымъ предметомъ (вродѣ шпаги). Нужно замѣтить, что Макъ-Магонъ вовсе не былъ такъ ограниченъ, какъ о немъ сначала долго думали. Онъ не отличался богатствомъ идей,—всѣ онѣ заключались въ несложныхъ тезисахъ крайняго клерикализма и въ ясныхъ монархическихъ тенденціяхъ, но въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ онъ ошибокъ и нелѣпостей не дѣлалъ; не его вина, если республика во Франціи все-таки уцѣлѣла. Это былъ простой практическій умъ, тугой, строгій, малоподвижный; жена маршала, имѣвшая на него большое вліяніе, отличалась фанатическою преданностью католицизму. Для общаго тона этой семьи характерно, что (при продолжавшихся военныхъ судбищахъ надъ коммунарами) Макъ-Магонъ не смягчалъ самыхъ страшныхъ наказаній, а еще раньше, во время усмиренія, всегда настаивалъ на разстрѣляніи всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ личностей, но за то жена его, также прогонявшая отъ себя женъ и матерей подсудимыхъ арестантовъ, считала долгомъ своимъ устраивать въ разныхъ больницахъ и другихъ казенныхъ зданіяхъ пріюты для дѣтей разстрѣлянныхъ и сосланныхъ. Въ этихъ убѣжищахъ дѣтей по нѣсколько разъ въ недѣлю водили въ церковь и раздавали имъ спеціальныя католиче-

скія книжки съ нравоученіями и «чудесами», для искорененія преступной наслѣдственности. Г-жа Макъ-Магонъ, съ разрѣшенія и одобренія мужа, устраивала (и дѣлала общедоступными) массовыя путешествія въ Лурдъ и иныя святыя мѣста, причемъ лично навѣдывалась въ Лурдъ по нѣскольку разъ въ годъ; духовныя лица (исповѣдники и пр.) имѣли надъ нею власть непреоборимую.

Первое министерство, назначенное Макъ-Магономъ, было, какъ и слѣдовало ожидать, ультра-клерикальнымъ и монархическимъ. Гамбетта умудрился уже на двѣнадцатый день существованія этого кабинета нанести ему весьма сильный моральный ударъ, который, впрочемъ, имѣлъ болѣе пропагандистское значеніе, нежели непосредственно-политическое, ибо все равно въ собраніи большинство Гамбетту и слушать не стало. Онъ досталъ и прочелъ вслухъ въ палатѣ тайный циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ всѣмъ провинціальнымъ префектамъ. Министръ предписывалъ узнать о финансовомъ положеніи всѣхъ враждебныхъ правительству Макъ-Магона газетъ и пообѣщать имъ—по точному выраженію циркуляра—«субсидіи». Этотъ циркуляръ съ негодованіемъ комментировался немногими, но вліятельными независимыми органами печати, а министерство, чтобы поскорѣе отвлечь вниманіе отъ этого инцидента, съ жаромъ принялось за постройку храма, посвященнаго «святому сердцу Іисуса во искупленіе прегрѣшеній французскаго народа». Къ искреннему религіозному чувству (всегда, вопреки поверхностнымъ наблюденіямъ, сильному во Франціи) примѣшивалось во всемъ этомъ волненіи, поднятомъ постройкою храма, нѣчто несравненно менѣе доброкачественное: объявилась цѣлая миріада лицъ разнаго возраста, алчущихъ мѣстъ, крестовъ почетнаго легіона, денегъ, вліянія, аристократическихъ знакомствъ, и всѣ эти дѣятели воспылали необычайною, утрированною религіозностью. Парижскія церкви сдѣлались чрезвычайно посѣщаемыми мѣстами, и, къ удивленію столичной наблюдательной публики, многіе старые грѣшники, которые уже много десятилѣтій не могли собраться никакъ свернуть съ бульварнаго тротуара въ стоящую тутъ же, у большихъ бульваровъ, церковь св. Мадлены, теперь часами предавались религіозному забытью гдѣ-нибудь по близости отъ богомольнаго начальства.

Но все это, конечно, еще было слишкомъ мелко и неважно. Хуже были активныя попытки воинствующаго клерикализма искоренить во Франціи своихъ враговъ. Цѣлая масса чиновниковъ лишилась мѣстъ вслѣдствіе подозрѣній въ религіозномъ вольномысліи; нѣсколько газетъ за антиклерикальное направленіе были закрыты или подверглись инымъ карамъ и гоненіямъ; цѣлыя тучи невѣдомо откуда нахлынувшихъ іезуитовъ горячо пропагандировали, что всѣ республиканцы суть атеисты и революціонеры, а добропорядочный католикъ, заботящійся о будущемъ своей души, обязанъ стоять за «христіаннѣйшаго короля Генриха V» (такъ называли тогда уже совершенно открыто графа Шам-

бора); наконецъ, министерство при полномъ сочувствіи палаты, возбудило уголовное преслѣдованіе (за участіе въ коммунѣ) противъ члена палаты Ранка, который во-время бѣжалъ и заочно былъ приговоренъ къ смертной казни: секретъ этого поздняго преслѣдованія заключался исключительно въ свободомысліи обвиняемаго... Въ палатѣ уже вполнѣ откровенно говорили о реставраціи, высчитывали голоса, дѣлали приготовленія. Роялисты озаботились уже приготовить кареты для торжественнаго въѣзда Шамбора; орлеанисты примкнули къ легитимистамъ, ибо графъ Парижскій (внукъ Луи-Филиппа) съѣздилъ во Фрошдорфъ, гдѣ жилъ Генрихъ Шамборъ, призналъ его королемъ, а Шамборъ (бездѣтный старикъ) тутъ же назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Итакъ, слившаяся во едино монархистская партія, превосходившая численностью республиканцевъ въ палатѣ, ждала только предлога къ голосованію. Но опять Шамборъ спасъ республику. Онъ открыто заявилъ осенью этого же 1873 года, что словъ своихъ назадъ не беретъ, что придетъ онъ во Францію со старымъ, бѣлымъ, бурбонскимъ знаменемъ—или вовсе не придетъ. «Я ничего не убавляю,—писалъ онъ, если сегодня я сдѣлаю хоть одну уступку, завтра я буду безсиленъ». Реставрація на этихъ условіяхъ становилась немыслимою, по крайней мѣрѣ, безъ открытаго вооруженнаго сопротивленія со стороны республиканцевъ, а новой революціи, новыхъ потрясеній ни крестьяне, ни буржуазія ни за что не хотѣли. Тѣ люди, которые помирились бы съ мирной реставраціей, отвращались отъ перспективы борьбы и возстаній. Монархистскіе фонды сразу упали. Тогда монархисты, видя, какъ почва уходитъ у нихъ изъ подъ ногъ, встрѣчая на частичныхъ выборахъ цѣлый рядъ неудачъ и пораженій, задумали продлить на семь лѣтъ власть своего ставленника Макъ-Магона. 20-го ноября (1875 года) былъ учрежденъ этотъ «септеннатъ» президента республики. Характерно для практики оппортюнизма, что Гамбетта и его единомышленники голосовали вмѣстѣ съ монархистами за маршала и за септеннатъ, объясняя это тѣмъ, что все же Макъ-Магонъ будетъ называться президентомъ республики, значитъ, республика по крайней мѣрѣ, на семь лѣтъ упрочена. Эта черта (вѣра въ могущество словесной парламентской формалистики) сказалась у республиканской партіи еще и требованіемъ, чтобы септеннатъ былъ какъ нибудь связанъ съ общими, органическими законами о республикѣ; впрочемъ, монархисты даже этого внѣшняго удовлетворенія республиканцамъ не доставили,—никакіе общіе законы не были поставлены на голосованіе, а баллотировался лишь одинъ септеннатъ.

Послѣ отмѣченнаго письма Шамбора бонапартисты подняли голову. Провалъ имперіи, война, Седанъ—все это вовсе не окончательно уничтожило во Франціи бонапартизмъ. Многіе и многіе сельскіе округа присылали въ палату и въ общинные совѣты бонапартистовъ. При гибкости и полной свободѣ отъ всякихъ принципіальныхъ обязательствъ,

эта партія ждала только для принца Наполеона такого случая, который былъ у графа Шамборъ и который не привелъ ни къ чему вслѣдствіе принципіальной суровости графа. Но ужъ бонапартистовъ Гамбетта совершенно переносить не могъ; это было выше его силъ. Практика оппортюнизма за эти три - четыре года успѣла, конечно, отразиться и на его характерѣ; онъ больше себя сдерживалъ, нежели въ эпоху ораторскихъ упражненій въ Латинскомъ кварталѣ или защиты Делеклюза; во время самыхъ дерзкихъ провокацій, самыхъ торжествующихъ вакханалій монархистовъ онъ часто сидѣлъ безмолвно или уходилъ изъ палаты. Но на бонапартистовъ онъ не могъ никогда взглянуть равнодушно; темпераментъ вступалъ во всѣ свои права. Поэтому, когда бонапартистъ Руэръ путемъ ряда тайныхъ происковъ добился выбора въ палату своего единомышленника Бургоэна весною 1874 года, Гамбетта началъ до того острыя пренія по этому поводу, что онѣ окончились дракою; онъ вскочилъ на трибуну и крикнулъ внѣ себя Руэру и его товарищамъ: «мерзавцы!» а когда поднялся невообразимый ревъ и шумъ,—онъ остался на трибунѣ и, на требованіе предсѣдателя извиниться въ оскорбленіи, нанесенномъ Руэру, громко отвѣтилъ: «Это уже не оскорбленіе,—это клеймо, и я его снова повторяю». Въ тотъ-же день вечеромъ Гамбетта на вокзалѣ былъ избитъ бонапартистскими агентами,—и эти нападенія продолжались подрядъ нѣсколько дней.

Но болѣе трудная—если не практическая, то теоретическая борьба ожидала Гамбетту въ средѣ его же, республиканской партіи. Шестидесяти-семилѣтній старикъ Ледрю-Роллэнъ явился въ собраніе въ качествѣ депутата отъ Воклюза. Сдѣлать его оппортюнистомъ было такимъ-же немыслимымъ предпріятіемъ, какъ, напримѣръ, превратить Макъ-Магона въ революціонера. Ледрю-Роллэнъ былъ якобинцемъ въ старомъ, сенъ-жюстовскомъ, робеспьеровскомъ значеніи слова; такимъ онъ впервые явился въ Парижѣ въ началѣ царствованія Луи-Филиппа, такимъ оставался и въ 40 гг., такимъ показалъ себя въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ послѣ февральской революціи, такимъ уѣхалъ въ изгнаніе и прожилъ долгіе безрадостные годы въ Лондонѣ, — такимъ, наконецъ, онъ сѣлъ теперь, въ 1874 году, рядомъ съ Гамбеттою на скамьѣ оппозиціи. Есть въ «Быломъ и думахъ» страницы, посвященныя Ледрю-Роллену, и, вообще, этому типу якобинцевъ-доктринеровъ, заблудившихся, такъ сказать, въ XIX вѣкѣ, или, точнѣе, во второй его половинѣ. Ѣдкое, пессимистическое раздумье, прячущаяся подъ улыбкою, и тоска—проглядываютъ на этихъ страницахъ. Автору «Былого и думъ», скептику и аналитику, насквозь видѣвшему всѣ ошибки, всю наивность многихъ надеждъ, все практическое безсиліе этого теченія, съ такою грустною и мягкою ироніей умѣвшему говорить о немъ, нестерпима была; мысль о томъ, какъ глухо и безслѣдно, въ обидѣ и пренебреженіи, умираетъ огонекъ, горѣвшій нѣкогда бурнымъ пламенемъ; его мучили созданные имъ самимъ

образы «благоразумнаго лавочника и его жены», у которыхъ доживаетъ свои тоскливые дни старый, больной «Гракхюсъ-Брютюсъ-Спартакюсъ, другъ человѣчества», и которые съ нетерпѣніемъ и насмѣшкою ждутъ, чтобы онъ догорѣлъ поскорѣе, и считаютъ старика-отца «малымъ добрымъ, но поврежденнымъ». Старый, измотанный жизнью Ледрю-Роллэнъ послѣ двадцати пяти лѣтъ политическаго небытія, изгнанія, гробового одиночества въ пятимилліонномъ англійскомъ городѣ, не измѣнилъ своимъ воззрѣніямъ и своему характеру. Политики Гамбетты онъ не понималъ и не признавалъ. Онъ ни въ практикѣ, ни въ теоріи не былъ согласенъ идти на компромиссы, и болѣзненно-рѣзкая полемика не замедлила возгорѣться между примкнувшими къ Ледрю-Роллэну крайними радикалами и приверженцами Гамбетты—умѣренными республиканцами. Органъ Гамбетты съ горечью говорилъ, что люди, провалившіе своими необдуманными дѣйствіями республику 1848 года, испугавшіе націю, бросившіе ее въ руки реакціи, приходятъ теперь съ тѣми же надеждами и намѣреніями, и заставятъ Макъ-Магона только поторопиться призвать короля. Ледрю-Роллэнъ отвѣчалъ, что хоть и мало существовала республика подъ его управленіемъ, но за то она ужъ была республикою, а третья республика только даромъ носитъ это названіе. Конечно, въ теоріи они договориться ни до чего не могли. Но въ практической дѣятельности Ледрю-Роллэнъ заставилъ Гамбетту энергично выступить противъ поползновеній палаты ограничить вообще избирательное право. Больной старикъ, встрѣченный на трибунѣ яростными воплями монархистовъ, произнесъ рѣчь, которую совсѣмъ не было слышно; за то Гамбетта со своими счастливыми голосовыми средствами заставилъ слушать себя и произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе защитою suffrage universel. Въ декабрѣ 1874 года Ледрю-Роллэнъ умеръ; но эта печальная тѣнь прошлаго не вполнѣ безслѣдно промелькнула въ послѣдніе дни жизни между рядами республиканской партіи: темпъ оппортюнистской эволюціи партіи былъ нѣсколько замедленъ. За гробомъ Ледрю-Роллэна шло двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ (изъ коихъ, впрочемъ, нѣсколько тысячъ полицейскихъ); рѣчей говорить нельзя было, и толпа только, молча, постояла вокругъ могилы и разошлась.

Конституція, по которой и теперь управляется Франція, была принята собраніемъ 25-го февраля 1875 года. Республиканцы были довольны окончательнымъ узаконеніемъ слова «республика», сохраненіемъ всеобщаго избирательнаго права, обязательностью переизбранія палаты чрезъ каждые четыре года, установленіемъ отвѣтственности министровъ предъ палатою; консерваторы-монархисты радовались учрежденію сената (котораго еще за годъ ни за что не хотѣлъ Гамбетта, говоря, что никогда со «второю палатою» не помирится). Сенатъ по этой конституціи выбирается на девять лѣтъ, посредствомъ сложной системы, весьма условно и мало зависимой отъ всеобщаго

избирательнаго права. Всѣ европейскіе государствовѣды согласны между собою въ томъ, что французскій сенатъ имѣетъ гораздо больше фактической власти надъ нижнею палатою, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи палата лордовъ: въ случаѣ упорнаго нежеланія лордовъ санкціонировать рѣшеніе нижней палаты,—король, по представленію перваго министра (всегда единомышленнаго съ большинствомъ нижней палаты), можетъ назначить въ верхнюю палату сколько угодно новыхъ лордовъ,—и желаемый законопроектъ въ концѣ концовъ получитъ санкцію (благодаря голосамъ новыхъ лордовъ); а французскій сенатъ, если хочетъ, можетъ отвергать все принятое депутатами, сколько угодно разъ и никто ничего съ нимъ подѣлать не сможетъ (и сенатъ въ самыхъ острыхъ вопросахъ всегда пользуется своимъ правомъ). Гамбетта, боясь за принятіе всей этой республиканской конституціи, уже отрекся отъ своихъ взглядовъ на сенатъ, и не возражалъ противъ него; это—одна изъ наиболѣе важныхъ уступокъ, которыя сдѣлала республиканская теорія за все время своего существованія. До временъ Гамбетты, вѣрнѣе, до конца 1874 и начала 1875 года, она не мирилась съ такимъ рѣшительнымъ укороченіемъ принципа народнаго верховенства. Тотчасъ же по обнародованіи новой конституціи, министерство Сиссэ (правившее съ 16-го мая 1874 г. и ничѣмъ себя не проявившее) уступило мѣсто почти такому же консервативно-роялистскому и клерикальному кабинету Бюффэ. Бюффэ дебютировалъ тѣмъ, что сейчасъ же провелъ законъ, разрѣшавшій католическимъ конгрегаціямъ открывать высшія учебныя заведенія и выдавать дипломы (имѣющіе значеніе государственныхъ). Еще больше энергіи, нежели въ законодательствѣ, проявилъ онъ въ предвыборной агитаціи, начавшейся тотчасъ же послѣ распущенія собранія. Еще раньше Бюффэ заявилъ въ палатѣ, что онъ думаетъ энергично приняться за «подавленіе крайностей» и всецѣло воспользоваться «преимуществами осаднаго положенія» (которое держалось со временъ усмиренія коммуны). Вскорѣ послѣдовало изъятіе проступковъ прессы изъ компетенціи суда присяжныхъ, установленіе для всѣхъ желающихъ издавать газету десятитысячнаго залога и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ мѣръ. Когда часть республиканцевъ возмутилась этимъ, Гамбетта самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ всякихъ нападеній на Бюффэ: онъ, при своемъ вліяніи въ партіи, велѣлъ молчать всѣмъ, на томъ основаніи, чтобы не раздражать консервативные круги, все еще не успокаивавшіеся послѣ вотированія конституціи. Это воздержаніе оппозиціи навлекло на Гамбетту весьма раздраженные упреки среди республиканскихъ избирателей; избирательная кампанія дала поводъ къ новой ораторской пропагандѣ оппортюнизма. Онъ заявлялъ, что очень скорбитъ по поводу недружелюбнаго отношенія республиканцевъ къ сенату, увѣрялъ, что напрасно сената такъ боятся (забывая, что и онъ за годъ еще сената боялся), и высказалъ надежду на

прочное утвержденіе республики. «Смыслъ исторіи» 1875 года во Франціи заключается, съ одной стороны, въ окончательномъ отказѣ Макъ-Магона отъ попытокъ монархической реставраціи, съ другой стороны, въ рѣшимости республиканской партіи все простить правительству, лишь бы оно не уничтожало республики. Гамбетта въ 1875 году своими поѣздками сдѣлалъ больше для подавленія оппозиціи, нежели министръ Бюффэ и президентъ Макъ-Магонъ своими полицейскими распоряженіями. Онъ нигдѣ не высказывался даже по поводу позволенія духовенству открывать университеты, а только въ общихъ чертахъ говорилъ о правахъ цивилизаціи, духѣ XIX в. и т. д. Одновременно Гамбетта не уставалъ повторять: «Трудолюбивые крестьяне должны понять, что только отъ республики можно ждать облегченія податей». Обращаясь къ недовольнымъ своей партіи онъ говорилъ: «Въ такой странѣ, какъ Франція, нельзя всегда дѣйствовать въ политикѣ одинаково. Когда страна сильна, границы ея безопасны,—тогда еще можно, по желанію, заниматься вопросами политической метафизики. Но въ странѣ, потерявшей старыя свои границы, это было бы безчестно и преступно. Вы хотите знать, почему мы пошли 25 февраля (1875 г.) на соглашеніе (т.-е согласились на учрежденіе сената), почему мы рѣшились добиваться мира и согласія,—хорошо, я вамъ укажу причину: взгляните въ проходы Вогезскихъ горъ». Ненависть къ Пруссіи и жажда реванша были съ самой войны главными и коренными пружинами дѣятельности Гамбетты, и для конечной своей цѣли онъ считалъ нужнымъ полное внутреннее спокойствіе, а спокойствіе, по его мнѣнію, было немыслимо безъ оппортюнизма и пониженія тона со стороны республиканской партіи. Когда, наконецъ, выборы въ новую палату приблизились, когда впервые, послѣ пятилѣтняго существованія собранія 1871 года, Франція снова должна была высказаться и своимъ вотумомъ одобрить или низвергнуть республиканскую конституцію, Гамбетта предался почти столь же напряженной дѣятельности, какъ въ эпоху обороны отъ нашествія. Въ февралѣ (1876 г.) онъ безъ отдыха переѣзжалъ изъ Лилля въ Авиньонъ, изъ Авиньона въ Бордо, оттуда въ Парижъ, изъ Парижа въ Бельвиль, изъ Бельвиля въ Воклюзъ, потомъ въ Марсель и т. д. Во время этихъ поѣздокъ ему случалось по 5 ночей почти совсѣмъ не спать отъ переутомленія и волненій. Всюду громадныя (иногда шеститысячныя) толпы собирались слушать его, и всюду онъ повторялъ тѣ же свои положенія объ умѣренной республикѣ, о мирномъ приготовленіи Франціи къ будущей войнѣ за границей. Онъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе опять получить активную власть въ руки для скорѣйшаго осуществленія военной реорганизаціи Франціи. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году чуть не вспыхнула новая война между Германіей и Франціей. Бисмаркъ не могъ перенести спокойно мысли, что Франція вовсе не окончательно раздавлена войной 1870—1871 гг. и что, путемъ введенія всеобщей воин-

ской повинности и другихъ реформъ, она можетъ вскорѣ вернуть себѣ угрожающую позицію. Былъ составленъ проектъ внезапно напасть на Францію, захватить Бельфоръ и потребовать десяти милліардовъ контрибуціи и ограниченія комплекта арміи. Бисмарковскія рептиліи стали печатать самыя воинственныя статьи, германскій посолъ началъ грозить скорымъ отъѣздомъ, и рѣшительно неизвѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, если бы не внезапное для Бисмарка вмѣшательство императора Александра II, положившее предѣлъ мечтаніямъ о Бельфорѣ и десяти милліардахъ. Бисмаркъ возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ Горчакова еще больше (если это было возможно), нежели ненавидѣлъ его до тѣхъ поръ, но дѣло являлось окончательно проиграннымъ, и пришлось, устами тѣхъ же рептилій, увѣрять, что намѣренія канцлера были ложно истолкованы, что Германія миролюбива и пр. Всѣ эти треволненія какъ бы еще разъ встряхнули Францію и заставили еще разъ подумать о томъ, что интересы внѣшней политики не перестали быть для нея вопросомъ жизни и смерти. Оттого вышеприведенная рѣчь Гамбетты въ объясненіе оппортюнизма («я укажу на вогезскіе проходы») произвела весьма сильное впечатлѣніе, оттого же и клерикализмъ, принявшій при Макъ-Магонѣ воинственный характеръ, все болѣе и болѣе терялъ популярность въ восточныхъ департаментахъ, съ безнокойствомъ слѣдившихъ за раздражительными заявленіями прусскаго правительства по этому поводу: разгаръ «культуркампфа» совпалъ съ усиленіемъ клерикализма во Франціи, и это совпаденіе много способствовало тому, что Викторъ-Эммануилъ поспѣшилъ войти въ дружбу съ Бисмаркомъ, ибо во дворцѣ Макъ-Магона и въ клерикальной французской прессѣ вслухъ мечтали о времени, когда Франція сможетъ послать свои войска въ Римъ, чтобы отнять его у итальянскаго королевства и отдать папѣ.

Гамбетта болѣе, чѣмъ кто-либо, имѣлъ предъ глазами «границы», когда говорилъ о внутренней и всякой иной политикѣ; но онъ въ этотъ свой предвыборный объѣздъ счелъ долгомъ также подчеркнуть, что вовсе не смотритъ на политику, какъ на дѣло легкое (это былъ отвѣтъ на насмѣшки противниковъ, говорившихъ объ его поверхностномъ образованіи и пр.). «Не довѣряйте словамъ, не думайте, что политика есть игра, что она—всего лишь упражненіе нѣсколькихъ ораторскихъ способностей... Нѣтъ, понимаемая такъ—она годна только для парламентскихъ комедіантовъ; но позвольте мнѣ сказать, что нѣтъ на свѣтѣ ни науки, ни искусства (ибо политика носитъ этотъ двойной характеръ), которыя требовали бы больше труда, знаній, наблюдательности, больше постоянныхъ и упорныхъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не всего она касается? Развѣ не должна она быть обо всемъ освѣдомленной? Развѣ можетъ быть сдѣланъ шагъ впередъ въ какой угодно области человѣческой дѣятельности, который не имѣлъ бы для нея значенія, не заставилъ бы ее измѣнить свои комбинаціи, взгляды,

*

программы дѣйствія, предпріятія. Знаете ли, когда, наконецъ, политика наша будетъ хороша? Когда всѣ признаютъ, что она нуждается въ содѣйствіи всѣхъ наукъ и что, слѣдовательно, она можетъ быть лишь результатомъ и плодомъ громаднаго труда». Выборы дали такіе итоги: въ палату были избраны—352 республиканца, 21 приверженецъ конституціи 1875 г. (т. е. почти республиканецъ), 80 монархистовъ и 77 бонапартистовъ. Республиканское большинство въ сенатѣ опредѣлилось еще раньше. Республика вышла пока побѣдительницей, и Макъ-Магонъ долженъ былъ назначить министерство, на половину изъ республиканцевъ. Въ мартѣ (1876 г.) собралась новая палата, а черезъ нѣсколько недѣль старый 84-лѣтній Распайль, республиканецъ-радикалъ, просидѣвшій при всѣхъ французскихъ режимахъ въ общей сложности около двадцати лѣтъ въ тюрьмѣ, только что вышедшій изъ послѣдняго своего заточенія (куда онъ попалъ на $1^1/_2$ года въ 1874 г. за газетную статью), Распайль, избранный президентомъ новой палаты, внесъ предложеніе объ амнистіи коммунарамъ.

IX.

Усмиреніе 1871 года было однимъ изъ самыхъ жестокихъ, какія только знаетъ исторія и, конечно, самое жестокое въ XIX вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, въ странѣ, населенной бѣлокожими. Но безчисленными разстрѣлами на мѣстѣ дѣло не окончилось: нѣсколько лѣтъ еще дѣйствовали военные суды, присуждавшіе къ смерти и каторгѣ. Обращеніе со многими изъ сосланныхъ—въ Новой Каледоніи и въ Австраліи—было часто ужасное; провинившихся не стѣснялись бить плетью, сажать въ спеціально выкопанную подземную яму, приковывать къ стѣнѣ, сковывать по рукѣ и ногѣ съ уголовнымъ каторжникомъ и т. д. Глухія свѣдѣнія объ этихъ обстоятельствахъ приходили въ Парижъ, но ни Тьеръ, ни Макъ-Магонъ вовсе не были расположены выслушивать жалобы и просьбы родныхъ и близкихъ. Однако теперь, къ 1876 году, чувства мести и раздраженія нѣсколько смягчились, и вѣсти объ участи осужденныхъ встрѣчались уже и въ населеніи, и въ палатѣ съ извѣстнымъ вниманіемъ. Къ тому же были констатированы положительныя судебныя ошибки; не говоря уже о нѣсколькихъ десяткахъ лицъ, растрѣлянныхъ вмѣсто своихъ бѣжавшихъ однофамильцевъ,—въ каторгѣ томились люди, не только чуждые коммунѣ, но положительно ее ненавидѣвшіе и погибшіе вслѣдствіе поспѣшности военнаго суда (гдѣ процессы, осуждавшіе на казнь или вѣчную каторгу, длились отъ 5 до 15 минутъ). Все это дало республиканцамъ надежду на возможность амнистіи. Но надежда оказалась ложною; амнистія была отвергнута и въ палатѣ, и сенаторами; только министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что Макъ-Магонъ пересмотритъ заявленія о судебныхъ ошибкахъ и смягчитъ другимъ участь,—въ слу-

чаѣ принесенія раскаянія. Викторъ Гюго въ сенатѣ долго отстаивалъ амнистію, признавая дѣйствія коммуны преступными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая на слишкомъ страшныя наказанія, на «безнаказанность другихъ насильниковъ и убійцъ» (т-.е. виновниковъ переворота 2-го декабря 1851 г.) и т. д. Гамбетта почти не принялъ участія въ преніяхъ и не счелъ умѣстнымъ активно отстаивать даже частичную амнистію; Макъ-Магонъ все же помиловалъ около двухсотъ арестантовъ, замѣшанныхъ въ коммунѣ не слишкомъ серьезно или по ошибкѣ. Послѣ пятилѣтней каторги, они были привезены изъ Австраліи и Гвіаны на родину; съ ними же пріѣхали и лица, хотя не помилованныя, но сошедшія въ ссылкѣ съ ума; они были отданы на попеченіе своимъ женамъ и роднымъ. Но чѣмъ больше уступокъ дѣлала республиканская партія, тѣмъ смѣлѣе становились клерикалы и монархисты. Съ 1-го декабря 1876 г. первымъ министромъ былъ назначенъ Жюль Симонъ. умѣренный республиканецъ, называвшій себя «консерваторомъ до мозга костей», нѣкогда (еще въ 1871 году) противникъ Гамбетты, а теперь (въ 1876 г.) союзникъ его, ибо изъ программы Гамбетты и республиканскаго большинства уже исчезли непріятные Симону элементы. Но, силою вещей, Жюлю Симону, главѣ перваго республиканскаго кабинета за всѣ пока истекшіе годы третьей республики, пришлось выдержать послѣдній, сильнѣйшій натискъ клерикально-монархистской партіи. Клерикализмъ, захватившій въ свои руки все почти народное просвѣщеніе, отъ высшихъ до низшихъ школъ, прочно укрѣпившійся въ арміи (гдѣ отъ полковыхъ священниковъ часто зависѣло производство и перемѣщеніе офицеровъ), рѣшительно требовалъ отъ Франціи активнаго заступничества за папу противъ итальянскаго королевскаго правительства. Дюпанлу, епископъ и духовникъ жены президента, заявлялъ печатно, что если Франція желаетъ существовать, она должна стать строго-католическою страною, какъ во времена Людовика Святого. Пій IX 12-го марта (1877 г.) издалъ манифестъ, въ которомъ жаловался на итальянскія власти, на ихъ безбожные поступки, на лишеніе свободы и пр. Манифестъ носилъ характеръ прямого призыва, просьбы о помощи. Въ католическомъ населеніи Франціи поднялась цѣлая буря. Въ Парижѣ собрался спеціальный конгрессъ французскихъ католиковъ, и было рѣшено умолять Макъ-Магона о вмѣшательствѣ въ папско-итальянскій конфликтъ. Одновременно съ этимъ, папа уже прямо сталъ назначать епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ главными управителями французскихъ университетовъ (при полномъ одобреніи президента). Паломничества въ Римъ участились; г-жа Макъ-Магонъ дѣлала все отъ нея зависѣвшее (т.-е. очень многое) для облегченія этихъ пилигримствъ и другихъ религіозныхъ демонстрацій; она же стала съ особеннымъ жаромъ настаивать, чтобы гражданскія похороны, если нельзя уже ихъ запретить вовсе, совершались лишь рано утромъ. Жюль Симонъ, при всемъ оппортюнизмѣ

рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, съ одной стороны, въ виду дѣйствительно сильно возбужденныхъ католичесскихъ чувствъ части населенія, съ другой стороны, предъ лицомъ маршала, гордившагося своею преданностью престолу св. Петра, съ третьей стороны помня о страшной опасности этого движенія для республики... Нужно было выбирать, и по возможности скорѣе. Въ первыхъ числахъ мая (1877 г.), т.-е. черезъ 7 недѣль послѣ папскаго манифеста о помощи, Жюль Симонъ съ палатской трибуны заявилъ, что онъ не позволитъ никому нарушать внутренній миръ въ странѣ, что онъ обуздаетъ всякую безпокойную агитацію, и что папа вовсе не въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ думаютъ, и вовсе не есть «ватиканскій узникъ», какъ онъ себя назвалъ въ манифестѣ 12-го марта. 15-го мая Макъ-Магонъ узналъ, что папа не скрываетъ своего негодованія на французское министерство, косвенно назвавшее его «лжецомъ» (т.-е. не признавшее его «узникомъ»). Епископъ Дюпанлу съ такой суровостью отнесся къ «индифферентизму» г-жи Макъ-Магонъ и ея мужа къ «публичному оскорбленію» св. отца, что президентъ рѣшилъ успокоить свою совѣсть самымъ неожиданнымъ поступкомъ: 16-го мая (утромъ) глава кабинета Жюль Симонъ получилъ отъ Макъ-Магона весьма холодное и даже вызывающее письмо, гдѣ причина неудовольствія была, впрочемъ, нѣсколько замаскирована. Жюль Симонъ мгновенно послалъ президенту прошеніе объ отставкѣ, и отставка въ тотъ же день была принята.

Это было, собственно, поступкомъ законнымъ со стороны маршала: конституція не возбраняла ему писать письма своимъ министрамъ, но общій голосъ говорилъ, что такое письмо прямо выгоняло вонъ республиканца Жюля Симона, выгоняло за его антиклерикальный образъ мыслей. Въ Парижѣ тотчасъ же стали говорить, что г-жа Макъ-Магонъ, покорная и безгласная раба своего исповѣдника, заставляетъ мужа исполнять всѣ велѣнія Рима и т. д. Огромная масса народа собралась поздно вечеромъ на большихъ бульварахъ; кричали: «à bas les jesuites!» и т. п. Происшествіе принимало размѣры хлопотливые. Гамбетта вышелъ къ народу, встрѣтившему его рукоплесканіями, и просилъ толпу разойтись, «чтобы не дать повода реакціонерамъ говорить о бунтѣ». Толпа разошлась. На другой день Гамбетта произнесъ въ палатѣ рѣчь слѣдующаго содержанія *): «Всѣ спрашиваютъ себя, не есть ли письмо маршала симптомъ опасныхъ интригъ среди лицъ, окружающихъ главу государства; сильнѣе, чѣмъ когда-либо, выражаются опасенія, что, кромѣ конституціоннаго правительства, существуетъ тайная государственная власть, съ которою министерство оказалось не въ силахъ бороться и которая дерзнула взволновать Францію въ такую минуту, когда она только что заявила о своемъ нейтралитетѣ и нуж-

*) См. Грегуаръ, IV, 660.

дается въ продолжительномъ спокойствіи и безопасности. Опасный совѣтникъ подалъ маршалу несчастную мысль, выраженную имъ въ письмѣ къ министру (Жюлю Симону), а именно, что президентъ республики несетъ особенную отвѣтственность передъ страною, превышающую отвѣтственность министерства. Внушители такой мысли— враги маршала, которые доведутъ его до гибели. Маршалъ—человѣкъ военный; предаваясь исключительно военнымъ занятіямъ, онъ не успѣлъ изучить искусство политики. Палата обязана его предупредить. Страна, единственная властительница, желаетъ установленія разумной, окончательной республики. Она хочетъ быть избавленной отъ дѣятелей реакціи. Маршалъ долженъ заявить, желаетъ ли онъ управлять страною вмѣстѣ съ республиканцами, обладающими довѣріемъ страны, или съ людьми, непопулярность которыхъ общеизвѣстна. Если дѣло дойдетъ до распущенія палаты, большинство встрѣтитъ его безбоязненно, но страна увидитъ въ немъ предвѣстника войны, и преступно поступаютъ тѣ, которые вовлекаютъ ее въ войну». На эту рѣчь президентъ отвѣтилъ, во-первыхъ, назначеніемъ монархистскаго кабинета герцога Брольи и, во-вторыхъ, посланіемъ къ палатѣ, гдѣ Макъ-Магонъ заявилъ, что онъ не сочувствуетъ «республиканской фракціи, домогающейся радикальныхъ реформъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, своею властью онъ объявлялъ палату распущенною на одинъ мѣсяцъ. Эти дѣйствія президента имѣли своимъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ слуховъ о готовящемся переворотѣ, о приглашеніи Макъ-Магономъ Шамбора на королевскій престолъ и т. д. Трудно сказать, насколько слухи эти были основательны. Макъ-Магонъ не испытывалъ къ республикѣ, въ которой онъ являлся первымъ лицомъ, того отвращенія и ненависти, какъ вся окружавшая его клерикальная партія съ женою его и епископомъ Дюпанлу во главѣ. Но, съ другой стороны, онъ все продолжалъ считать эту форму правленія временною, долженствующею уступить свое мѣсто монархіи рано или поздно. Не будь республиканская оппозиція въ странѣ и, особенно, въ палатѣ столь рѣшительна въ *основномъ* своемъ тезисѣ (при уступчивости и оппортюнизмѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ), не привлеки Гамбетта своими успокаивающими заявленіями на сторону республики значительную часть буржуазіи и сельскихъ округовъ, не заяви графъ Шамборъ своихъ требованій бѣлаго знамени, наконецъ, не испугайся весь торгово-промышленный міръ Франціи возможныхъ потрясеній при перемене уже существующаго режима,— и, можетъ быть, Макъ-Магонъ, дѣйствительно сыгралъ бы роль генерала Монка, призвавшаго за двѣсти лѣтъ до того, при подобныхъ обстоятельствахъ, Стюартовъ на англійскій тронъ. Но всѣ указанныя условія были противъ него. Онъ назначилъ послѣ вызваннаго имъ паденія кабинета Жюля Симона новое клерикально-монархистское министерство съ слабымъ республиканскимъ элементомъ, но больше ничего предпринять не могъ. Новый кабинетъ закрылъ всѣ клубы, запретилъ

частныя собранія (безъ присутствія полиціи), возбудилъ рядъ судебныхъ преслѣдованій противъ весьма многихъ дѣятелей республиканской партіи, причемъ обновленный министерствомъ составъ судей (монархистовъ и клерикаловъ) приговаривалъ къ долголѣтнему тюремному заключенію за маловажные проступки печати и эксцессы въ устной рѣчи. 16 іюня палата собралась, но лишь затѣмъ, чтобы быть уже распущенною окончательно. Макъ-Магонъ рѣшилъ попытать счастья въ новыхъ общихъ выборахъ. Это уже въ третій разъ страна должна была высказаться: въ 1871 году она прислала клерикально-монархистское большинство, во второй разъ (1876 году) перевѣсъ до извѣстной степени склонился на выборахъ въ пользу республиканцевъ; теперь третій вотумъ долженъ былъ рѣшить—въ ближайшемъ будущемъ—судьбу президентства Макъ-Магона, а въ болѣе отдаленномъ—судьбу республики. 22 іюня палата была распущена. Во время избирательной кампаніи Гамбетта произнесъ рядъ рѣчей, возбудившихъ весьма большое вниманіе, но для нашего очерка малоинтересныхъ, ибо въ нихъ повторялись уже раньше выставленные и изложенные тезисы практической политики. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ проходило время и коммуна отдалялась въ область исторіи, излишне частыя подчеркиванія несолидарности республиканцевъ съ соціалистами и коммунарами—становились излишними, и Гамбетта въ своихъ манифестахъ къ избирателямъ больше говорилъ о роли маршала въ клерикально-монархистской агитаціи, объявшей страну. Онъ уже меньше боялся реставраціи монархіи, и продолжать аффектировать свое почтеніе къ «старому ретрограду», только потому, что онъ называется президентомъ, казалось Гамбеттѣ уже излишнимъ. Въ Лиллѣ онъ прямо заявилъ, что бояться маршала не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ, ибо выборы выразятъ верховную волю народа, и тогда маршалу придется либо «покориться, либо убраться» (se soumettre ou se démettre). «Никто не силенъ настолько, чтобы посмѣть противиться большинству», вскричалъ онъ въ заключеніе. За эту рѣчь прокуратура возбудила противъ него преслѣдованіе по обвиненію въ оскорбленіи главы государства. Гамбетту приговорили къ трехмѣсячному тюремному заключенію и штрафу въ 2.000 франковъ. Тѣмъ не менѣе, волненіе въ Парижѣ было по этому поводу такъ велико, что администрація Гамбетту не засадила въ тюрьму, и онъ продолжалъ избирательную кампанію. Черезъ девять дней послѣ суда Гамбетта повторилъ (уже въ Бельвилѣ, 20-го сентября 1887 г.) свое приглашеніе президенту «se soumettre ou se démettre», за что снова былъ приговоренъ къ 3 мѣсяцамъ заключенія и двойному штрафу, въ 4 тысячи франковъ. Опять, боясь раздражать толпы слушателей Гамбетты, его не арестовали, и только французскіе епископы окружными посланіями предписали всѣмъ вѣрующимъ дневныя и вечернія молитвы въ теченіе трехъ дней (и, по мѣрѣ возможности, съ соблюденіемъ поста) за благополучный для Макъ-Магона исходъ выборовъ въ палату.

Кромѣ сего, было прибѣгнуто также и къ мѣропріятіямъ менѣе возвышеннаго характера: министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ нѣсколько оппозиціонныхъ и антиклерикальныхъ органовъ и конфисковалъ избирательные манифесты $^9/_{10}$ всѣхъ республиканскихъ кандидатовъ.

Произведенные въ октябрѣ выборы дали республиканцамъ 320 мѣстъ, а монархистамъ—210. Правительство было страшно раздражено, и герцогъ Брольи заявилъ, что маршалъ Макъ-Магонъ, не взирая ни на что, останется у власти. Это было его непререкаемое конституціонное право, и палата съ нимъ ничего подѣлать не могла, но министерство Брольи было низвергнуто почти тотчасъ же послѣ начала засѣданій новой палаты, послѣ чего президентъ назначилъ въ тотъ же день новый кабинетъ, еще болѣе клерикальный, Рошбуэ, просуществовавшій ровно одни сутки (23—24 ноября 1877 г.). Палата наотрѣзъ отказалась даже и дѣло имѣть съ «личнымъ правительствомъ маршала» и требовала назначенія, по парламентскимъ правиламъ, кабинета изъ среды большинства (т. е. въ данномъ случаѣ—республиканскаго). Жена Макъ-Магона, епископъ Дюпанлу и другіе приступили къ маршалу съ убѣжденіями произвести государственный переворотъ, арестовавъ особенно ярыхъ республиканцевъ и распустивъ палату. Макъ-Магонъ не рѣшился, потому что не былъ увѣренъ въ повиновеніи арміи, въ исходѣ подобныхъ насильственныхъ вторичныхъ выборовъ и, вообще, въ безопасности такого предпріятія. Не назначая новаго министерства (взамѣнъ ушедшаго Рошбуэ), онъ ждалъ и раздумывалъ. Положеніе получалось невыносимое и для палаты, и для страны: подготовлялась всемірная выставка, и ея успѣхъ могъ быть серьезно скомпрометтированъ этимъ конфликтомъ между исполнительною и законодательною властями. Депутація за депутаціей, отъ фабрикантовъ, отъ винодѣловъ, отъ купцовъ являлись къ президенту республики, прося его окончить поскорѣе тягостный кризисъ, противный по существу своему, всѣмъ парламентскимъ законамъ. Сначала еще адъютанты маршала отказывали въ пріемѣ этимъ депутаціямъ, съ разными язвительными замѣчаніями, рекомендаціями обратиться къ Гамбеттѣ и т. д., но недѣля шла за недѣлей, а республиканская партія обнаруживала все ту же непримиримость и неуступчивость. Тогда Макъ-Магонъ внезапно рѣшился на шагъ, который монархисты называли потомъ «внутреннимъ Седаномъ»; у него не было той полной, окончательной рѣшимости, которая нашлась въ 1851 году у Сентъ-Арно, Морни, Наполеона III: оставляя въ сторонѣ вопросъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ, замѣтимъ, что Макъ-Магонъ не обладалъ тою окончательной политическою смѣлостью, которая ставитъ на карту все, чтобы выиграть все. Это былъ человѣкъ, такъ сказать, бумаги за номеромъ, только въ такую бумагу вѣрящій и ея боящійся; въ подобномъ смыслѣ онъ и являлся «честною шпагою». Конецъ 1877 года поставилъ предъ нимъ ребромъ вопросъ — или о подчиненіи законной

власти республиканскаго большинства, или о незаконной, хищнической попыткѣ удержать власть въ своихъ рукахъ и довѣрить ее монархистамъ и клерикаламъ. Быть можетъ, въ послѣднемъ случаѣ, вся военно-административная машина Франціи и осталась бы ему послушною, но первый, рѣшительный шагъ незаконнаго захвата «бумагъ за номеромъ» все же долженъ былъ онъ взять цѣликомъ на себя, и на это старикъ не пошелъ. 14-го декабря онъ назначилъ строго-республиканскій кабинетъ Дюфора и въ своемъ посланіи къ палатѣ заявилъ, что необходимо «твердо защищать и поддерживать республиканскія установленія», что «интересы Франціи требуютъ окончанія и неповторенія подобныхъ кризисовъ» и т. п. Въ исторіи Европы немного наберется случаевъ такого быстраго (на протяженіи нѣсколькихъ дней), полнаго и торжественнаго отреченія политическаго дѣятеля отъ самого себя, своего прошлаго, своихъ друзей, своихъ неоднократныхъ и положительныхъ заявленій. Человѣкъ, 16-го мая 1877 года разогнавшій республиканское министерство, 14-го декабря того же года — въ противность своимъ заявленіямъ, высказаннымъ всего за двѣ недѣли — назначаетъ новый республиканскій комитетъ, да еще публично кается и обѣщаетъ не повторять свои поступки! Роялисты съ тѣхъ поръ не могли безъ ярости говорить и писать о президентѣ; онъ сдѣлался посмѣшищемъ консервативныхъ, клерикальныхъ и монархистскихъ газетъ, преслѣдовавшихъ его «ренегатство», республиканцы же, не довѣряя ему, несмотря на раскаяніе, поддерживали его весьма мало и холодно. Гамбетта, не довольствуясь побѣдою своей партіи, постарался тотчасъ же до конца извлечь изъ этой побѣды все, что было возможно. Въ этомъ смыслѣ Гамбетта былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, умѣющимъ и сдерживать свой гнѣвъ при видѣ торжествующаго врага, и не поддаваться чувству жалости, когда врагъ разбитъ. Гамбетта очень походилъ на полководца, который на чей-то любознательный вопросъ о томъ, какое чувство въ немъ рождается при видѣ убѣгающаго, побѣжденнаго врага, отвѣтилъ: «Во мнѣ рождается желаніе преслѣдовать его кавалеріей». Послѣ «капитуляціи» Макъ-Магона, Гамбетта, находившійся въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ кабинету Дюфора, настоялъ на отставкѣ сверху до низу всей прежней администраціи, заполненной почти сплошь монархистами; затѣмъ были отмѣнены законы объ осадномъ положеніи департамента Сены (съ гор. Парижемъ) и о проступкахъ прессы. Когда власть Макъ-Магона была, такимъ путемъ, весьма сильно урѣзана, Гамбетта посредствомъ своего органа «La république française» заявилъ, что, если онъ во времена борьбы съ Макъ-Магономъ говорилъ: «Клерикализмъ— врагъ республики», то повторяетъ это и теперь и проситъ всѣхъ, кому дорогъ существующій образъ правленія, не успокаиваться на лаврахъ и сплотиться «для защиты пріобрѣтеній XIX вѣка противъ напора фанатизма». Одновременно съ этими стараніями консолидиро-

вать свою побѣду надъ Макъ-Магономъ, Гамбетта съ безпокойствомъ смотрѣлъ на рабочія стачки, кое-гдѣ возникавшія въ 1878 году. Его партія многократно обращалась къ рабочимъ съ увѣщаніемъ не волноваться, потерпѣть, покориться своей участи, пока республика въ достаточной мѣрѣ не упрочится. И на рабочихъ эти увѣщанія производили извѣстное дѣйствіе, ибо все еще опасность реставраціи была, по мнѣнію многихъ, налицо, а только существующій режимъ казался рабочимъ приспособленнымъ къ удовлетворенію законодательнымъ путемъ ихъ требованій (въ чемъ, впрочемъ, они ошиблись, такъ какъ рабочее законодательство третьей республики — одно изъ самыхъ отсталыхъ во всей Европѣ). Соціалистъ Луи-Бланъ, всецѣло примкнувшій къ Гамбеттѣ, съ трибуны и въ печати увѣщевалъ рабочихъ не нарушать мира и спокойствія и домогаться нужныхъ имъ реформъ «трудомъ и разсудительностью». Мнѣнія посторонняго для рабочихъ человѣка—Гамбетты получали, такимъ образомъ, авторитетную поддержку со стороны одного изъ основателей французскаго соціализма, отказывавшагося отъ своихъ словъ и дѣйствій въ 1848 году. Такъ или иначе, рабочіе были успокоены.

Грандіозный, поразившій Европу успѣхъ выставки 1878 года, когда впервые Франція показала, что несчастная война вовсе не разорила и не обезсилила ее, имѣлъ значеніе не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ страны. Республика утвердилась во Франціи надолго, это уже тогда говорили и писали самые недовѣрчивые люди. Буржуазія все больше и больше переходила на сторону республики. Кабинетъ Дюфора немало посодѣйствовалъ этому успокоенію наиболѣе пугливыхъ кадровъ буржуазіи, воспретивъ и разогнавъ соціалистическій конгрессъ, который было хотѣлъ начать свои засѣданія въ Парижѣ. Гамбетта обошелъ этотъ инцидентъ молчаніемъ, хотя нѣкоторые члены его партіи пробовали протестовать. Но кабинетъ Дюфора, опираясь на Гамбетту, могъ не бояться никакихъ запросовъ; впрочемъ, запросовъ и не было, даже тогда, когда Дюфоръ посадилъ въ тюрьму и отдалъ подъ судъ нѣкоторыхъ изъ собравшихся въ Парижѣ членовъ несостоявшагося конгресса.

Этотъ эпизодъ далъ Гамбеттѣ полную возможность, объѣзжая страну (по случаю частичныхъ сенатскихъ выборовъ) въ концѣ того же 1878 года, заявлять многократно, что республика не хуже всякой иной формы правленія, а даже лучше ихъ «защищаетъ основы общества и мирную государственную жизнь» отъ враговъ, но борется и будетъ бороться лишь противъ клерикализма и монархизма. «Клерикализмъ вербуетъ себѣ сторонниковъ въ судѣ, въ арміи, въ администраціи; онъ опаснѣйшій врагъ и съ нимъ нужно бороться наиболѣе рѣшительно», повторялъ Гамбетта. Въ сенатъ попали республиканцы (послѣ этихъ частичныхъ выборовъ) въ такомъ количествѣ, что, въ общемъ заняли 180 мѣстъ въ сенатѣ (противъ 120 монархистовъ). Итакъ большин-

ство было достигнуто и въ сенатѣ, и въ палатѣ, и Гамбетта торжествовалъ: онъ напоминалъ всѣмъ, кто (изъ его партіи) боролись противъ учрежденія сената, что его предсказаніе сбылось, и сенатъ утвержденію республики мѣшать не будетъ. Это была правда, что, впрочемъ, не помѣшало сенату всегда безъ исключенія проваливать безвозвратно всѣ выработанные палатою законы, имѣвшіе цѣлью охрану интересовъ тѣхъ «новыхъ общественныхъ слоевъ», о которыхъ Гамбетта говорилъ еще за нѣсколько лѣтъ до 1878 г. (одновременно съ вотированіемъ въ пользу сената).

Заручившись большинствомъ въ палатѣ и въ сенатѣ, республиканскій кабинетъ Дюфора, при горячей поддержкѣ Греви и Гамбетты, съ удесятеренной энергіей принялся за очищеніе всѣхъ отраслей и вѣдомствъ суда, арміи, администраціи, флота отъ подозрительныхъ (съ республиканской точки зрѣнія) лицъ. Старый маршалъ, со времени врученія власти Дюфору, сознавалъ ясно, что его политическая жизнь окончена, что ни республиканцы съ нимъ искренно не помирятся, ни монархисты ему не простятъ его отпаденія. Но когда началось безжалостное вышвыриваніе на мостовую цѣлой массы людей, виновныхъ лишь въ томъ, что они, вѣря въ звѣзду президента, пошли на казенную службу по его приглашенію,—когда побѣдители какъ метлой выметали самыхъ близкихъ ему лицъ,—онъ вынести этого уже совершенно былъ не въ состояніи. Дюфоръ рѣшилъ изгнать нѣсколькихъ корпусныхъ командировъ; старые, израненые генералы пришли къ маршалу, напоминая о проведенной вмѣстѣ жизни и прося не выдавать ихъ. Макъ-Магонъ послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ протестовъ увидѣлъ, что министерство, опирающееся на большинство, непоколебимо. Тогда старый президентъ сказалъ своимъ друзьямъ, что онъ безсиленъ помочь имъ, но за то и уйдетъ вмѣстѣ съ ними. 30-го января (1879 г.) президентъ палаты Греви при гробовомъ молчаніи присутствующихъ прочелъ заявленіе маршала объ отставкѣ. Вечеромъ, въ тотъ же день, соединенное присутствіе сената и палаты выбрало президентомъ французской республики друга Гамбетты—Жюля Греви. Республика была упрочена, и активная власть все ближе и ближе стала придвигаться къ Гамбеттѣ.

X.

Историческая роль Гамбетты была сыграна: съ паденіемъ Макъ-Магона и избраніемъ Греви республика стала твердымъ фактомъ предъ глазами и друзей, и враговъ своихъ. Тяжкихъ трудовъ, большихъ безпокойствъ стонала эта побѣда; послѣ девятилѣтней борьбы республиканская партія совсѣмъ не была похожа на ту республиканскую партію, какая существовала до паденія имперіи. Оппортюнизмъ глубоко измѣнилъ ея характеръ, программу и тонъ поведенія. Приспособляясь къ

крутымъ обстоятельствамъ, борясь съ монархическими партіями, стараясь всѣми силами отогнать отъ испуганнаго воображенія большинства народа призракъ коммуны, и, въ особенности, стремясь создать крѣпкое и устойчивое правленіе, нужное для военнаго возрожденія Франціи, Гамбетта не остановился ни предъ чѣмъ: онъ не противился учрежденію сената, хотя до сихъ поръ всегда республиканцы противились установленію какой бы то ни было верхней палаты съ правомъ veto; онъ не протестовалъ годами противъ осаднаго положенія и крайней суровости репрессіи по дѣламъ печати; онъ не пытался спасти больного восьмидесятилѣтняго старика Распайля, котораго за рѣзкую газетную статью засадили на полтора года въ сырой казематный карцеръ-камеру (гдѣ и получила скоротечную чахотку его дочь, ухаживавшая за старикомъ); онъ, въ противоположность Бисмарку и многимъ убѣжденнымъ консерваторамъ и правительственнымъ людямъ Европы, заявилъ публично, что соціальный вопросъ не существуетъ, и при возникновеніи недоразумѣній между хозяевами и рабочими всегда обращался «къ патріотизму и республиканскимъ чувствамъ» рабочихъ, убѣждая ихъ безусловно уступить; наконецъ, онъ всегда уходилъ въ сторону, когда люди его партіи пытались поставить на очередь вопросъ объ амнистіи осужденнымъ за участіе въ коммунѣ, хотя онъ и зналъ о безчисленныхъ судебныхъ ошибкахъ и драконовскихъ карахъ, имѣвшихъ мѣсто при усмиреніи. Его республика побѣдила, потому что для имущихъ классовъ (крестьянства и буржуазіи) она явственно представляла достаточныя гарантіи противъ разрушительныхъ идей, для рабочихъ она казалась наиболѣе желательною и эластичною формою правленія, не закрывающею перспективъ на лучшее будущее, для всей націи, вообще, наиболѣе выгодною уже потому, что низвергнуть ее можно было только путемъ новыхъ потрясеній, опасныхъ въ виду восточнаго врага. Графъ Шамборъ и его приверженцы, упустившіе рѣдкій моментъ, утеряли его безвозвратно, и наиболѣе проницательные изъ нихъ (но не самъ Шамборъ) уже поняли, что ихъ надежды похоронены надолго, если не навсегда. Съ избраніемъ въ президенты республики Греви, съ избраніемъ (вскорѣ послѣдовавшимъ) самого Гамбетты въ президенты палаты депутатовъ, эра борьбы за существованіе прекратилась, и для республиканской партіи начался періодъ всемогущества. Но какъ только дѣло приняло такой оборотъ, тотчасъ же обнаружилось, что положительная программа побѣдителей скудна почти до нищеты. Перелетая въ 1870 г. на аэростатѣ изъ Парижа въ Туръ, Гамбетта, спасаясь отъ прусскихъ пуль и ядеръ, выбрасывалъ одинъ за другимъ ящики съ баластомъ, благодаря чему воздушный шаръ и спасся. За 1870 — 1879 гг. онъ постепенно выбрасывалъ изъ программы республиканизма все, что могло подставить его подъ выстрѣлы монархистовъ и консерваторовъ, и когда республика пришла, наконецъ, въ безопасную гавань, обнаружилась

полная истощенность ея теоретическаго багажа. Историческая роль Гамбетты во Франціи и заключается въ томъ, что онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ опустошителемъ прежней программы своей партіи и наиболѣе вліятельвымъ борцомъ за упроченіе республики, за примиреніе съ нею имущихъ классовъ, т.-е. сильнаго матеріально и численно большинства. Три большія европейскія партіи круто измѣнились за послѣднія тридцать лѣтъ: либеральная въ Англіи, республиканская во Франціи, соціалъ-демократическая въ Германіи, и всѣ три mutatis mutandis измѣнились въ одномъ и томъ же направленіи. Въ исторіи европейской общественной мысли Гамбетта навсегда займетъ видное мѣсто перваго теоретика и «вдохновителя» оппортюнизма, сыгравшаго такую могущественную и побѣдительную роль, и вотъ въ чемъ *общее* историческое значеніе этого человѣка, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на самый оппортюнизмъ.

Намъ остается досказать немногое: послѣдніе три года жизни Гамбетты, протекшіе либо у кормила власти, либо недалеко отъ него, обнаружили только все истощеніе его политическаго творчества.

Кабинетъ Фрейсинэ, политическаго друга Гамбетты, управлявшій страною съ осени 1879 года, принялъ и провелъ амнистію для осужденныхъ коммунаровъ, которая считалась уже дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ безопаснымъ и никого не могла испугать. Возвратившіеся коммунары ненавидѣли Гамбетту, несмотря на то, что предъ вотированіемъ амнистіи въ палатѣ онъ произнесъ весьма теплую рѣчь въ ихъ пользу; они ненавидѣли его, какъ олицетвореніе гибели всѣхъ ихъ надеждъ, какъ символъ и эмблему третьей республики. Правда, весьма многіе коммунары, какъ показало близкое будущее, не имѣли ровно никакого права негодовать на «ренегатство» республиканцевъ, ибо сами они очутились черезъ нѣсколько лѣтъ въ лагеряхъ буланжизма, націонализма и т. д., и т. д.; но какъ бы то ни было, массовое возвращеніе коммунаровъ нанесло извѣстный ударъ моральному авторитету Гамбетты въ народѣ, хотя ударъ и не особенно сильный. Но другая сторона дѣятельности Фрейсинэ была уже непосредственни обусловлена вліяніемъ Гамбетты: именно, уничтоженіе іезуитскаго ордена во Франціи и изгнаніе іезуитовъ изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, находившихся въ ихъ рукахъ. Жюль Ферри, ставшій министромъ-президентомъ послѣ Фрейсинэ (въ сентябрѣ 1880 года), самымъ рѣшительнымъ образомъ примѣнилъ эти законы къ іезуитамъ и учебнымъ клерикальнымъ организаціямъ. Республиканская партія, терпѣвшая гоненія отъ клерикаловъ при Макъ-Магонѣ, пользовалась теперь властью, чтобы искоренить вліяніе своихъ враговъ. Гамбетта и вдохновляемые имъ Фрейсинэ и Ферри твердо рѣшили вырвать изъ рукъ клерикаловъ школу и всякую возможность воздѣйствія на молодые умы. Гамбетта видѣлъ въ этомъ «все будущее республики». Женское и мужское образованіе было сдѣлано свѣтскимъ, государственнымъ, и законъ

Божій сталъ предметомъ необязательнымъ. Конечно, подобными мѣрами клерикализмъ вовсе не былъ искорененъ, но республиканской партіи того времени онъ казался на радостяхъ «повергнутой гидрой». Жюль Ферри, впервые за все время существованія республики, провелъ законы о свободѣ печати и ассоціацій; это произошло лѣтомъ 1881 года,—и съ тѣхъ поръ республика не сдѣлала уже ни одного шага въ направленіи расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ во Франціи. Непримиримые радикалы вродѣ Клемансо упрекали кабинетъ въ рабскомъ подчиненіи Гамбеттѣ, а Гамбетту—въ негласной диктатурѣ; самые либеральные законы не успокаивали этихъ людей, пытавшихся противодѣйствіемъ Гамбеттѣ создать оплотъ противъ всего оппортюнистскаго движенія. Но популярность Гамбетты все еще была широка и огромна; во время совмѣстнаго путешествія его съ Греви, толпы народа привѣтствовали его гораздо болѣе восторженно, нежели президента республики; а когда (въ 1881 г.) онъ поѣхалъ въ свой родной городъ Кагоръ, его тамъ приняли такъ, что съ тѣхъ поръ въ прессѣ онъ получилъ названіе «кагорскаго царя», le tsar de Cahors. Однако, эта широкая популярность все же не была повсемѣстна. Въ томъ же 1881 году послѣ рѣчи его на одномъ избирательномъ собраніи, гдѣ присутствовало много коммунаровъ, Гамбетту проводили голоса: «болтунъ, предатель», и т. д. Ораторъ крикнулъ слушателямъ: «рабы»,—произнесъ по ихъ адресу энергичную фразу и вышелъ вонъ въ ярости. Впрочемъ, подобные пассажи были исключеніемъ: даже во враждебныхъ кругахъ общества и прессы къ нему относились сдержанно, помня роль его во время національной обороны и борьбы за существованіе республики.

Въ палатѣ онъ былъ всемогущъ, но въ сенатѣ, болѣе консервативномъ, прошлое Гамбетты обусловливало довольно холодное отношеніе къ нему. Въ 1881 г. Гамбетта пытался ввести такъ называемый «scrutin de liste», т.-е. такой порядокъ выборовъ, когда каждый могъ бы поставить свою кандидатуру не въ отдѣльномъ аррондисманѣ, а во всемъ департаментѣ,—такимъ путемъ, могъ создаться своего рода плебисцитъ, а Гамбетта сильно надѣялся на обаяніе своего имени. Палата приняла, но сенатъ отвергъ это предложеніе. Вскорѣ послѣ провала «scrutin de liste» Гамбетта былъ утѣшенъ общими выборами (происшедшими въ августѣ 1881 г.). Не только Гамбетта, но и такъ называемые гамбеттисты были избраны въ новую палату огромнымъ большинствомъ голосовъ: изъ 461 республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ — было избрано 206 откровенныхъ и прямыхъ послѣдователей Гамбетты. Начинавшая свое активное существованіе радикальная партія, помимо принципіальныхъ несогласій, не прощала Гамбеттѣ его близости съ генераломъ Галлифэ, который въ маѣ 1871 года прославился страшными поступками при усмиреніи коммуны: взявъ партію плѣнныхъ, онъ, напримѣръ, разстрѣливалъ, шутки ради, всѣхъ сѣдыхъ и блондиновъ, а брюнетовъ велъ дальше, разстрѣливалъ, не освѣдомившись даже о лично-

сти, билъ палкою арестованныхъ женщинъ и т. д. Въ тѣ времена къ этой дружбѣ отнеслись сравнительно умѣренные люди съ несравненно бо́льшимъ волненіемъ, нежели девятнадцать лѣтъ спустя отнеслись соціалисты къ засѣданію Мильерана въ одномъ и томъ же министерствѣ съ этимъ самымъ генераломъ Галлифэ (хотя и престарѣлымъ, но ничуть не утратившимъ своей бодрости и готовности). Вообще, въ своихъ знакомствахъ Гамбетта послѣ блестящихъ для него выборовъ 1881 года сталъ еще менѣе прихотливымъ, нежели прежде. Эти выборы въ значительной мѣрѣ развили въ немъ то упоеніе собственною силою и собственными качествами, которое не захватывало его, пока побѣда только еще мерцала впереди, пока шла борьба съ монархистами, даже, пока онъ не выдѣлилъ вполнѣ ясно изъ общей побѣды республиканской партіи личный свой тріумфъ, а случилось это, повторяемъ лишь послѣ выборовъ 1881 года.

XI.

Тотчасъ же, конечно, президентъ Греви поручилъ Гамбеттѣ сформировать кабинетъ. Несмотря на нѣкоторую холодность, возникшую за послѣднее время между обоими дѣятелями, Греви не могъ уклониться отъ такого проявленія парламентской корректности, какъ предоставленіе портфеля представителю большинства. Министерство Гамбетты наслѣдовало министерству Ферри, павшему вслѣдствіе несогласій съ палатою по тунисскому вопросу; новый кабинетъ, существовавшій всего около десяти недѣль (9 ноября 1881 г.—26 января 1882 г.) долженъ былъ разрѣшить, прежде всего, этотъ вопросъ объ экспедиціи французскихъ войскъ, отправленныхъ съ цѣлью подчинить Тунисъ Франціи, но встрѣтившихъ тамъ тяжелыя препятствія. Однако, самый фактъ призванія Гамбетты къ власти далеко отодвинулъ и для Франціи, и для Европы всѣ африканскія осложненія. Дѣло въ томъ, что при всемъ оппортюнизмѣ во внутренней политикѣ, Гамбетта былъ въ глазахъ Европы главнымъ представителемъ воинственно-патріотическаго теченія и вдохновителемъ идеи реванша. Справедливость требуетъ замѣтить, что Гамбетта много разъ повторялъ въ своихъ рѣчахъ о будущемъ «излѣченіи великой раны», приглашалъ своихъ соотечественниковъ «не говорить громко, но постоянно думать» о реваншѣ и т. д., но дѣлалъ онъ все это весьма осторожно, понимая, какою ужасною ошибкою была бы война для Франціи до завершенія реорганизаціи арміи и безъ союзниковъ. О союзникахъ Гамбетта заботился всегда, и это являлось его вѣчною, гнетущею думою. Въ началѣ 1880 года (еще въ министерство Фрейсинэ) произошелъ инцидентъ, сильно обратившій на себя вниманіе Европы. На французской территоріи было задержано лицо, виновное въ покушеніи взорвать желѣзнодорожный транспортъ. По этому поводу возникла переписка между заинтересо-

ванною державою и Франціей, въ результатѣ чего задержанный былъ высланъ изъ Франціи и уѣхалъ въ Англію. Отклоненіе просьбы объ экстрадиціи тотчасъ же было эксплуатировано княземъ Бисмаркомъ, всячески желавшимъ загладить воспоминаніе о своемъ поведеніи на берлинскомъ конгрессѣ въ глазахъ тѣхъ, кто пострадалъ отъ его «честнаго маклерства»: Бисмаркъ не переставалъ посредствомъ своихъ газетъ укорять французское правительство и восхвалять собственное поведеніе въ подобныхъ случаяхъ. Гамбетта, получивъ власть, тотчасъ же написалъ посланнику графу Шодорди: «Я предвижу, что васъ будутъ просить убѣдить французское правительство принять репрессивныя мѣры противъ иностранныхъ революціонеровъ въ Парижѣ. Такъ помните же, можете категорически обѣщать, что я сдѣлаю все, о чемъ будутъ просить». Этимъ былъ, по мнѣнію Гамбетты, заглаженъ инцидентъ 1880 года, къ неудовольствію Бисмарка. Вотъ что пишетъ Ганзенъ въ своей интересной книгѣ о «Франко-русскомъ союзѣ», вышедшей въ 1897 году. Гамбетта, будучи министромъ (т.-е. именно въ описываемое нами время), говорилъ Ганзену: «Франція должна быть крайне осторожна, пока не будетъ обладать сильною арміей. Создать эту армію—стоитъ на очереди дня. Я неустанно занимаюсь этимъ, это главный предметъ моихъ заботъ. Когда въ нашемъ распоряженіи будетъ сильное войско,—у насъ найдутся союзники, я въ томъ увѣренъ; тогда я вмѣстѣ съ вами буду стоять именно за войну въ союзѣ съ Россіей. Я часто обсуждалъ этотъ вопросъ вмѣстѣ съ генераломъ Скобелевымъ, котораго искренно люблю и уважаю». Эти первыя зарницы франко-русскаго союза были въ полномъ смыслѣ слова кошмаромъ Бисмарка; на поѣздки Скобелева по Европѣ онъ смотрѣлъ чуть ли не какъ на casus belli съ обоими сосѣдями. Если есть и было когда-либо что-нибудь логичное и исторически-законное въ дипломатіи, то, конечно, франко-русскій союзъ, прямо зарожденный войною 1870—1871 гг. «Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ сѣмена раздоровъ и войны», писалъ тогда нашъ поэтъ, а въ 1881 году, въ министерство Гамбетты будущая комбинація начала уже зловѣще вырисовываться на германскомъ горизонтѣ. Но, вѣрный своему убѣжденію, Гамбетта за все свое короткое управленіе не вмѣшивался активно въ европейскую политику, и если успѣлъ сблизиться нѣсколько съ какою-нибудь державою, то только съ Англіею, съ которою шло любовное размежеваніе сферъ вліянія въ Египтѣ; періодъ активной внѣшней политики для третьей республики еще не наступилъ.

Въ политикѣ внутренней «le grand ministère», какъ его почему-то называли полушутливо, не сдѣлало ничего достопримѣчательнаго. Министръ народнаго просвѣщенія Поль Беръ, дѣятельно продолжалъ очистку средней и высшей школы отъ клерикальныхъ элементовъ, но слишкомъ ужъ упрощенное вышвыриваніе за бортъ всего, имѣющаго отношеніе къ религіи, особенной пользы (какъ и всякое насиліе въ педагогической сферѣ) не принесло даже съ точки зрѣнія самого пра-

вительства: изгоняемое изъ государственныхъ школъ духовенство открывало рядомъ свои частныя училища, и разсчеты на религіозныя чувства населенія не обманули его: эти училища съ тѣхъ поръ (и понынѣ) переполнены учащимися. Кромѣ Поля Бэра ни одинъ членъ кабинета не успѣлъ никакъ проявить себя за все краткое существованіе министерства. Краткимъ же оно оказалось не только потому, что среди республиканскаго большинства была уже на лицо группа «непримиримыхъ», т.-е. анти-оппортюнистовъ, но и потому, что Фрейсинэ, Леонъ Сэ, президентъ республики Греви и другіе вліятельные республиканцы охладѣли къ Гамбеттѣ и отшатнулись отъ него съ компактною массою своихъ палатскихъ приверженцевъ. Дѣло въ томъ, что Гамбетта, при всей своей живости, энергіи, способности къ безкорыстному увлеченію, при всей основной (и несомнѣнной) незлобивости характера, отличался весьма большою самоувѣренностью, воспитанной лестью и успѣхами въ народѣ; его имя цѣлый рядъ лѣтъ гремѣло въ европейской прессѣ наряду съ именемъ Бисмарка, его въ глаза многіе иностранцы (напримѣръ, нынѣшній англійскій король Эдуардъ VII, тогда наслѣдникъ престола) называли великимъ французомъ; его ораторскій даръ сравнивали съ демосѳеновскимъ, словомъ, все было налицо, чтобы вскружить голову сангвиническому и увлекающемуся человѣку. Диктаторскія замашки у него всегда были; можетъ быть, потому онъ такъ просто и естественно вошелъ въ роль диктатора во время національной обороны въ Турѣ, ставъ, почти безъ переходовъ, изъ представителя богемы Латинскаго квартала министромъ внутреннихъ дѣлъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ армій. Теперь, на вершинѣ славы, упоенный побѣдою надъ клерикально-монархическими аспираціями, онъ еще больше давалъ чувствовать свои диктаторскія наклонности. Такъ, онъ почти навѣрное зналъ, что весьма многіе изъ республиканской партіи (даже не только «непримиримые», крайніе радикалы, но и люди, подобные хотя бы президенту Греви) были и остались врагами учрежденія сената, и, однако, это не помѣшало ему внести въ палату проектъ пересмотра конституціи, *кромѣ* законовъ о сенатѣ. Палата (26-го января 1882 г.) большинствомъ 268 противъ 218 высказалась за общій пересмотръ, и Гамбетта въ тотъ же день подалъ въ отставку. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ не разсердился на своихъ товарищей изъ республиканской партіи за урокъ, который они ему дали; вообще, онъ легко и охотно прощалъ и мирился; злобы и зависти въ немъ всегда было весьма мало. Онъ воспользовался даже вскорѣ однимъ большимъ банкетомъ, чтобы тамъ протянуть руку примиренія всѣмъ членамъ республиканской партіи, непріязненно къ нему настроеннымъ. Поглощенная вѣчнымъ созерцаніемъ восточной границы и отторгнутыхъ провинцій, мысль Гамбетты, повидимому, совсѣмъ отказывалась понимать основные пункты разногласія между крайними радикалами—и оппортюнистами. Всѣ эти об-

стоятельства казались ему не особенно важными въ виду «прусской каски». Вообще, послѣ паденія Макъ-Магона первый и самый острый періодъ консолидаціи республики прошелъ, и ко всему, что могло теперь, при Греви, случиться въ области внутренней политики, онъ относился гораздо спокойнѣе. Въ этомъ-то и разница между Гамбеттою и такими позднѣйшими оппортюнистами, какъ взяточникъ-панамистъ Бэйго, Флокэ и т. п. Интересы власти, кармана и т. д., тѣсно связанные съ личными отношеніями къ палатскому большинству, несравненно меньше его интересовали, чѣмъ самое это большинство и его общее направленіе, ибо отъ него (большинства) зависѣла устойчивость республики, а слѣдовательно, и успѣшный ходъ военной реорганизаціи, столь нужной для осуществленія надеждъ, «о которыхъ нужно думать, но не нужно говорить», какъ приглашалъ своихъ соотечественниковъ Гамбетта. А что въ нѣдрахъ республиканскаго большинства обозначаются уже теченія, не желающія сходиться въ весьма важныхъ вопросахъ внутренней политики, это его занимало не такъ ужъ сильно; вообще, въ мнѣніяхъ о его властолюбіи много вѣрнаго, но не мало и преувеличеній.

Послѣ отставки Гамбетта сравнительно мало выступалъ въ палатѣ; политически-похороненнымъ ни онъ самъ и никто его не считалъ; напротивъ, тогда-то и стали его съ особеннымъ жаромъ во враждебныхъ органахъ называть «диктаторомъ», а въ дружественныхъ—«первымъ патріотомъ». Онъ былъ въ цвѣтѣ силъ, и, повидимому, въ этомъ 1882 году особенно широко проявлялъ свои сибаритскія наклонности, ибо вызвалъ цѣлую литературу довольно неинтересныхъ, но вполнѣ однородныхъ сплетенъ. Этотъ годъ, кажется, долженъ былъ сыграть въ его жизни роль «каникулъ» послѣ напряженной двѣнадцатилѣтней политической борьбы и агитаціи. Ни во Франціи, ни въ очень интересовавшейся Гамбеттою Германіи, ни въ Россіи, гдѣ консервативная и націоналистическая пресса съ восторгомъ слѣдила за его карьерою и возрастаніемъ его популярности, ни въ Англіи, гдѣ паденію Гамбетты были очень рады вслѣдствіе его твердой политики въ египетскихъ дѣлахъ, ни въ Ватиканѣ, друзья котораго уже начали проводить многозначительныя параллели между Гамбеттою и антихристомъ, словомъ, ни среди друзей, ни среди враговъ французскаго дѣятеля не замѣчалось и сомнѣнія въ томъ, что политическій путь Гамбетты еще очень далекъ отъ конца. Судьба рѣшила иначе. 28-го ноября (1882 г.) газеты облетѣло краткое и загадочное извѣстіе, что Гамбетта, неловко вертя, въ рукахъ револьверъ, ранилъ себя слегка въ руку; пуля, по словамъ замѣтки, не затронула кости и опасности не представляетъ. Замѣтка произвела, конечно, громадную сенсацію, хотя больше, съ точки зрѣнія предполагавшейся подъ этимъ инцидентомъ таинственной любовной трагедіи, о которой слухи стали ходить въ тотъ же день. Но слухи эти оставались безъ почвы, а уже черезъ недѣлю врачи выпустили бюлле-

тень, гласившій, что раненый на пути къ выздоровленію; 16-го декабря рана уже совсѣмъ зажила. Но тутъ вдругъ открылось другое недомоганіе, внутреннее, болѣе серьезное, и, что было удивительнѣе всего, не стоявшее ровно ни въ какой видимой связи съ огнестрѣльной раной. Боли терзали его весьма сильно, и врачи безпокоились, но публика ничего не знала, ибо подозрительный Гамбетта читалъ всѣ газеты, не довѣряя отзывамъ врачей: онъ полагалъ, что съ репортерами они откровеннѣе, и врачи, зная это, ничего прессѣ не сообщали. Болѣзнь дѣлала, однако, такіе быстрые успѣхи, что къ концу декабря и Парижъ, и Франція, и Европа знали, что положеніе больного весьма опасно. Могучій организмъ упорно боролся; уже за нѣсколько часовъ до смерти, въ половинѣ десятаго вечера 31-го декабря, больной прошелъ по комнатѣ, опираясь на руку врача, и легъ на другую постель. Въ 11 час. вечера онъ лишился сознанія, а за пять минутъ до новаго (1883) года его не стало.

Новогоднія газеты разнесли вѣсть о кончинѣ Гамбетты; замѣчательно, что у всей республиканской партіи нашлось теплое слово для покойнаго, даже у радикаловъ; какъ будто чувствовалось, что окончилось существованіе, наиболѣе явственно носившее на себѣ отпечатокъ желѣзной руки исторіи. Вспоминали о человѣкѣ, не убоявшемся, при самой минимальной, призрачной надеждѣ на побѣду, вести guerre à outrance противъ Пруссіи, и задумывались надъ тѣми силами, противъ которыхъ guerre à outrance показалась ему невозможною, которыя испугали его больше, нежели арміи Мольтке...

Евг. Тарле.

ЗВѢЗДЫ.

1. На разсвѣтѣ.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозитъ въ стеклянномъ небосклонѣ.
Алмазъ предутренней звѣзды
Блеститъ въ его прозрачномъ лонѣ.
И какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожитъ она въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

2. Осень.

Звѣзды ночи осенней, холодныя звѣзды!
Какъ угрюмо и грустно мерцаете вы!
Небо тускло и глухо, какъ куполъ собора,
И заливы морскіе темны и мертвы.
Млечный путь надъ заливами мутно бѣлѣетъ,
Какъ таинственный путь, какъ неясный просвѣтъ
Въ бездну вѣчныхъ ночей,—въ запредѣльное небо,
Гдѣ ни скорби, ни радости нѣтъ.
И осеннія звѣзды, угрюмо мерцая
Безнадежнымъ мерцаніемъ тусклыхъ лучей,
Говорятъ объ иной,—о предвѣчной печали
Запредѣльныхъ ночей.

3. Просвѣты.

Изъ тѣсной пропасти ущелья
Намъ небо кажется синѣй...
Привѣтъ тебѣ, нѣмая келья
И радость одинокихъ дней!

Звучнѣй и пѣсни, и рыданья
Гремятъ подъ сводами тюрьмы...
Привѣтъ вамъ, гордыя страданья
Среди ея холодной тьмы!
Изъ рудниковъ, изъ черной бездны
Намъ звѣзды видны даже днемъ...
Гляди смѣлѣе въ сумракъ звѣздный:
Предвѣчный свѣтъ таится въ немъ!

---

4. Былое.

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ,
Надъ кривою ракитой въ заглохшемъ саду,—
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,—
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.
Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости юношей ждалъ,—
Я теперь не вернусь никогда, никогда.
И какъ будто не я по зарямъ тамъ бродилъ,
И какъ будто не я тамъ любилъ и грустилъ...
Милый, дѣвичій образъ поблекъ, какъ цвѣты...
Незабвенны лишь вы, молодыя мечты!

---

5. Вѣчное.

Не устану воспѣвать васъ, звѣзды!—
Вѣчно вы таинственны и юны!
Съ дѣтскихъ дней я робко постигаю
Темныхъ безднъ сіяющія руны.
Въ дѣтствѣ я любилъ васъ безотчетно,—
Сказкою вы нѣжною мерцали...
Въ молодые годы только съ вами
Я дѣлилъ надежды и печали.
Вспоминая первыя признанья,
Я ищу межъ вами призракъ милой...
Дни пройдутъ—вы будете свѣтиться
Надъ моей забытою могилой.
И, быть можетъ, я пойму васъ, звѣзды,
И мечта, быть можетъ, воплотится,
Что земнымъ надеждамъ и печалямъ
Суждено съ небесной тайной слиться!

Ив. Бунинъ.

НА РЯСКУ.

РАЗСКАЗЪ.

Храмъ воздыханій, храмъ печали,
Убогій храмъ земли моей,
Тяжелѣ стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колливей.
Некрасовъ.

Наступилъ уже конецъ апрѣля, но ни тепла, ни дождей еще не было. Сухой холодный вѣтеръ свободно разгуливалъ по широкой пустынной улицѣ села, яростно крутясь вихремъ и поднимая цѣлыя тучи пыли, смѣшанной съ клочьями соломы, летѣвшей съ разоренныхъ крышъ избъ и дворовъ.

Батюшка торопливымъ привычнымъ шагомъ шелъ вдоль улицы въ сопровожденіи дьячка. Оба назяблись, устали и шли хмурые и молчаливые. Маленькая, худенькая фигурка батюшки съежилась и почти исчезла въ просторномъ драповомъ кафтанѣ съ поднятымъ воротникомъ. Дьячекъ шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи мѣрнымъ апатичнымъ шагомъ. Онъ тщетно старался засунуть посинѣлыя руки въ короткіе оборванные рукава старой ватной куртки и терпѣливо боролся съ неудержимыми порывами вѣтра, который рвалъ съ него старую шапку и красный вязанный шарфъ, намотанный въ нѣсколько разъ на шею...

— Святые отче Николае моли Бога о насъ...

— Пресвятая Богородица спаси насъ...

Тонкіе дѣтскіе голоса протяжно зазвучали вдругъ въ воздухѣ, смѣшиваясь съ свистомъ и воемъ вѣтра и нарушая почти мертвую тишину улицы.

Батюшка вздрогнулъ, поднялъ понуренную голову и оглянулся вокругъ. Совсѣмъ близко около него уныло и печально звенѣли голоса.

На завалинкѣ стараго полусгнившаго амбара расположилась группа дѣтей разнаго пола и возраста, закутанныхъ во всевозможныя лохмотья. Всѣ они тѣсно прижались къ высокой худой дѣвушкѣ, очевидно руководившей пѣніемъ.

— Что это ты, Наташа, придумала?—съ ласковой улыбкой обратился къ ней батюшка.

Слабая краска выступила на минуту на блѣдномъ, попорченномъ оспой лицѣ дѣвушки.

— Я... ничего... батюшка...—тихо, запинаясь начала она, вставая съ мѣста и въ смущеніи перебирая пальцами концы черпаго ситцеваго платка, низко спущеннаго на лобъ и зашпиленнаго у подбородка.—Не велятъ имъ старики играть и бѣгать. Негоже, говорятъ, забавляться въ голодное время, помирать, можетъ, надо будетъ, коли Богъ не смилуется. А имъ скучно... маленькіе... тоскуютъ дюже, особенно сиротки-то безъ матерей...

Она говорила прерывающимся и какъ будто виноватымъ голосомъ. Такая же безсознательная вина свѣтилась и въ грустныхъ глазахъ ребятишекъ, молча смотрѣвшихъ на батюшку.

— Да ничего, ничего, пойте,—поспѣшилъ онъ одобрить и, погладивъ по головѣ нѣсколькихъ дѣтей, сидѣвшихъ поближе, торопливо отошелъ, какъ бы спасаясь отъ гнетущаго впечатлѣнія, которое наполняло тоской его душу.

— Пресвятая Богородица...—снова тягучимъ, надрывающимъ душу голосомъ потянулось за нимъ дѣтское пѣніе...

Тяжелый, смрадный запахъ наполнялъ воздухъ въ избѣ. Топить было нечѣмъ, потому тепло старательно сберегалось и каждая щелка, въ которую могъ проникнуть воздухъ, тщательно затыкалась тряпьемъ и соломой. Больные ноющіе члены не выносили стужи и каждый, кто могъ еще карабкаться, забирался на печку и почти не слѣзалъ съ нея.

Тихіе, едва слышные стоны неслись сверху. Изъ зыбки, висѣвшей около кровати, безпомощно свѣшивались длинныя скелетообразныя ножки трехлѣтней дѣвочки, лежавшей тутъ уже нѣсколько недѣль неподвижно. Громадные голубые глаза смотрѣли вверхъ стеклянньмъ остановившимся взглядомъ и только стоны показывали, что жизнь еще теплится въ крошечномъ изстрадавшемся тѣльцѣ и причиняетъ ему безсознательныя мученія.

Зыбка едва замѣтно качалась. Этимъ слабымъ движеніемъ мать пыталась усыпить ребенка, чтобы хоть на минуту не слыхать стоновъ, терзавшихъ ее непрерывно.

Она тоже давно лежала въ постелѣ съ распухшими, какъ бревна, ногами и темными пятнами на безкровномъ лицѣ.

Половину села перебралъ тяжелый недугъ. Хворали и старые, и молодые и болѣзнь затягивалась надолго. Докторъ говорилъ, что она отъ голода, но и раньше бывали голодовки, а такой немощи ни одинъ старикъ не помнилъ. Слыхали о ней отъ татаръ, у которыхъ она водилась, потому и прозвали ее татарской болѣзнью...

Кончивъ всѣ требы и отпустивъ дьячка, батюшка зашелъ сюда провѣдать больныхъ.

— Жива еще,—тихо сказала лежавшая женщина, поймавъ его безмолвный взглядъ на зыбку.—Все еще мается сердечная. Не прибираетъ Господь, видно такъ Ему угодно. Что я тебя попрошу, батюшка,— съ мольбою въ голосѣ продолжала она,— дай ты мнѣ водицы испить, все нутро перегорѣло. Подать некому, а сама не двинусь.

— А ты опять одна?

— Много насъ, да съ печки не слѣзть,—прозвучалъ хриплый старческій голосъ сверху.

И, правда, три головы свѣсились оттуда, высунувшись изъ-подъ полушубковъ. Волосы всклокоченные, глаза сонные, апатичные, губы растреснутыя и запекшіяся темной кровью, а распухшій языкъ съ трудомъ ворочается, произнося несвязныя слова.

— А Анна гдѣ?

— Что Анна!—заговорила женщина уже ворчливымъ и раздраженнымъ тономъ.—Станетъ Анна сидѣть съ нами. Поди опять бѣгаетъ съ парнями за околицей. Докторъ вотъ мази далъ— ноги растирать—такъ она и стоитъ мазь-то безъ пользы—кто натирать будетъ? Хорошо, коли хлѣба кусокъ подастъ утромъ... Ты бы ее, батюшка, къ себѣ призвалъ, да наставилъ, авось послушается.

— Скажи, чтобы завтра послѣ обѣдни зашла ко мнѣ. А ноги-то все таки надо растирать—я пришлю кого-нибудь.

— Я, батюшка,—сказала Наташа, входившая въ это время въ дверь.Перекрестившись на образа, она подошла къ божницѣ и достала оттуда разбитую чайную чашку съ мазью.

— Слышь-ко, что я тебя спрошу, батюшка,—раздался опять мужской голосъ съ печки,—столовую-то откроютъ въ Гусевкѣ, али нѣтъ?

— Не знаю,—смущенно отвѣтилъ батюшка.

Каждый день то тамъ, то тутъ преслѣдовали его этимъ вопросомъ и онъ чувствовалъ себя какъ бы отвѣтственнымъ и даже виноватымъ въ томъ, что до сихъ поръ о Гусевкѣ никто не подумалъ и не позаботился.

— Оказія,—хрипѣлъ голосъ на печки.—Помирать, значитъ, надо? И никому видно дѣла нѣтъ, что христіанская душа гибнетъ. Вездѣ кормятъ... Счастье людямъ... Въ Сосновку—слышь— солонину привезли, варево даютъ горячее съ крупой... Горохъ варятъ съ лукомъ... А тутъ помираешь, какъ окаянный, брюхо подводитъ съ голодухи...

— Счастливые!—съ страстной завистью въ голосѣ и со сле-

зами на глазахъ проговорила женщина. Горяченькаго-то похлебала бы я... Картошки, луку — цѣлую зиму въ глаза не видали...

— Писалъ я, просилъ, пріѣдутъ вѣрно...

Батюшка отвѣчалъ скороговоркой на ходу. Сознаніе своей безпомощности и какой-то точно невыполненной обязанности угнетало его и невыносимая тоска все глубже и глубже проникала въ его сердце.

— Ну подождемъ еще, авось и намъ будетъ милость Господня, — услыхалъ онъ за собой снова покорный и апатичный голосъ...

Вѣтеръ неожиданно стихъ, не нагнавъ ни одного облачка, и полная луна медленно и торжественно выплыла на середину яснаго неба, обливая заснувшее село своимъ фосфорическимъ холоднымъ сіяніемъ. Серебристый голубой свѣтъ смягчалъ безобразіе грязныхъ полуразрушенныхъ дворовъ и избъ и придавалъ имъ какой-то фантастическій и даже красивый видъ.

Въ окнахъ церковнаго дома свѣтился огонь. Маленькая жестяная лампочка коптѣла и скудно освѣщала комнату, распространяя сильный запахъ керосина. Тихо было въ домѣ до жуткости.

Батюшка жилъ совсѣмъ одинъ. Жена его умерла три года назадъ отъ тифа, свирѣпствующаго здѣсь каждую зиму.

Давно уже скрипѣло перо по бумагѣ, нарушая тишину вмѣстѣ съ однообразнымъ стукомъ маятника старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Отецъ Николай писалъ письмо за письмомъ.

Много разъ уже обращался онъ къ людямъ „власть имущимъ“ и къ простымъ городскимъ знакомымъ съ всепокорнѣйшей и настоятельной просьбой помочь голодающему населенію, облегчить его все возрастающія страданія и не дать погибнуть старикамъ, молодымъ и дѣтямъ отъ голода и болѣзней. Кругомъ уже цѣлой сѣтью раскинулись столовыя и питательные пункты, а Гусевка все еще не видала ни одного благотворителя. „Рука дающаго, да не оскудѣетъ. Господь видитъ добро и воздастъ за него сторицею. Тяжело пастырю видѣть, какъ гибнетъ стадо его и не быть въ состояніи помочь ему“.

Лунный свѣтъ уже смѣнился блѣдной утренней зарею, когда батюшка кончилъ и запечаталъ послѣднее письмо. Съ трудомъ разогнулъ онъ ноющую отъ усталости спину и взглянулъ въ окно утомленными глазами съ красными опухшими вѣками.

Исчезло фантастическое голубое освѣщеніе и на бѣлесоватомъ фонѣ разсвѣта снова выступили безобразными черными пят-

нами убогія жилища села. Утро было опять совершенно ясное и холодное — никакой надежды на дождь.

Что-то зловѣщее и неумолимое было въ этомъ ясномъ безоблачномъ небѣ и ярко-красномъ, громадномъ шарѣ, поднимающемся съ горизонта...

Опять засуха? Второй годъ неурожай?

„Ложись да помирай тогда всѣ“, говорятъ мужики. Картина за картиной изъ переживаемаго каждый день встаетъ въ возбужденномъ мозгу о. Николая. И нѣтъ силъ стряхнуть съ себя неотвязчивые образы и думы, нѣтъ силъ начать новый день съ тѣми же тревогами, отъ которыхъ уйти некуда...

Зазвучалъ вдали пастушій рожокъ, замычали коровы, заблеяли овцы, послышался стукъ и скрипъ отворяемыхъ воротъ и калитокъ—батюшка, какъ застывшій, сидѣлъ у стола и не могъ оторвать остановившагося взгляда отъ свѣтло-розоваго яснаго горизонта и спокойно-величаво восходящаго солнца...

Рано утромъ Наташа всегда приходила въ церковный домъ, гдѣ она, со смерти матушки, замѣняла и прислугу, и хозяйку. Она была почти одних лѣтъ съ покойной матушкой, молодой, недавно кончившей курсъ епархіалкой, и та относилась къ ней, какъ къ подругѣ. Она выучила ее читать и онѣ проводили вмѣстѣ все время за чтеніемъ, работой и хозяйствомъ. Наташа была какъ бы членомъ этой маленькой молодой семьи, такъ неожиданно и жестоко разрушенной. Дома ей жилось не сладко—отца и матери она почти не помнила, а старшій братъ и невѣстка обращались съ ней очень сурово и попрекали ее каждымъ кускомъ хлѣба.

На другой же день послѣ похоронъ матушки Наташа пришла къ о. Николаю въ обыкновенное время, тихая и грустная, въ темномъ сарафанѣ и черномъ платкѣ, низко спущенномъ на лобъ. Не сговариваясь и не ожидая указаній, молча принялась она за обыденную работу въ домѣ.

Съ тѣхъ поръ она приходила каждый день, стараясь сохранить во всѣхъ мелочахъ порядокъ, заведенный покойной матушкой.

Сегодня она пришла вмѣстѣ съ двоюродной сестрой своей и шабрёнкой*)—Анной, которую прислали къ о. Николаю для наставленій. Наташа прошла въ горницу, а Анна осталась на крыльцѣ и ждала батюшку.

Это была красивая, рослая дѣвушка, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ. Полныя пунцовыя губы усмѣхались дерзко и нахально. Очевидно, она во-

*) Шабрёнка—сосѣдка.

все не намѣревалась покорно выслушивать наставленія, разсердившія ее еще дома, и едва сдерживала накипѣвшую злость и обиду.

Наташа позвала ее къ батюшкѣ.

Войдя въ комнату, она остановилась у порога и молча поклонилась, ожидая, чтобы о. Николай заговорилъ съ нею.

— Здраствуй, Аннушка,—началъ тотъ, смотря на нее своими грустными, утомленными глазами.—Жалуются вотъ на тебя въ семьѣ...

— Жалуются!—съ страстнымъ негодованіемъ оборвала она его.—Пустъ жалуются, не боюсь я ихъ, никого не боюсь... А только не могу больше... Тошнехонько мнѣ... Два мѣсяца свѣта не видала, все съ ними вонючими да грязными сидѣла. А они еще ругаются, попрекаютъ, что, молъ, ничего не беретъ—ни голодъ, ни болѣзнь—все толще дѣлаюсь. Отъ зависти лопнуть хотятъ. Нешто я тому причиной, что всѣ они гнилые и дохлые... Живой я тоже человѣкъ — на волю хочется! И то у насъ ноньче все какъ на похоронахъ — ни пѣсенъ, ни посидѣнокъ, ни гулянокъ,—ничего не велятъ —ну ровно въ могилѣ. По селу пробѣжать нельзя—только и смотрятъ старики какъ бы въ клоповку засадить... Убѣжала бы я куда глаза глядятъ!

То страстная тоска, то озлобленіе звучали въ ея голосѣ. Роли дѣйствующихъ лицъ сразу измѣнились: было похоже на то, что она обвиняла и „наставляла“ батюшку, а онъ слушалъ, грустно наклонивъ голову.

— Полно, Аннушка,—тихо прервалъ онъ, наконецъ, потокъ ея страстныхъ рѣчей,—вѣдь не всегда такъ было, какъ теперь. Подумай—развѣ до пѣсенъ и до гуляній, когда весь народъ чуть не помираетъ съ голоду?—Ну хорошо—ты здоровая, молодая, сильная—тебѣ легче выносить, а вѣдь больнымъ-то очень тяжко приходится. Поневолѣ и старики строги стали. Смотри, ребятишки и тѣ только Богу молятся, да и не играется имъ на голодный желудокъ—ослабѣли совсѣмъ, которые и на ногахъ не держатся... А ты о пѣснѣ, о гуляньѣ.. Въ такое время всѣмъ надо дружно жить, поддерживать другъ друга, а ты вонъ разсердиться на всѣхъ вздумала...

Онъ увѣщевалъ ее тихо и кротко, какъ разблажившагося ребенка.

Анна, изливъ безъ помѣхи свою обиду, какъ бы потратила на это всю свою энергію и теперь стояла молча и безучастно, слушая батюшку. Также безучастно приняла она его благословеніе и также молча ушла отъ него, сохраняя на лицѣ выраженіе тупого упорства.

Старый разбитый колоколъ звучалъ сегодня особенно торопливо и разносилъ по воздуху свои дребезжащіе неровные звуки, возвѣщая о концѣ обѣдни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая повѣдать народу что-то новое, что заставляло его торопиться окончаніемъ своего дѣла.

Батюшка, на ходу застегивая свой кафтанъ, пробирался сквозь толпу, стоящую на паперти. Заморенная лохматая лошаденка, запряженная въ маленькую таратайку, уже ждала его у церкви. Черезъ минуту лошаденка затрусила легкой рысцой, поднимая сухую пыль, скоро скрывшую ихъ изъ глазъ провожающихъ.

Сосѣдній помѣщикъ спѣшно вызывалъ о. Николая на совѣщаніе, писалъ, что присланы деньги для Гусевки и пріѣхала барышня, чтобы открыть тамъ столовую. Это короткое радостное извѣстіе разошлось въ концѣ обѣдни среди бывшихъ въ церкви.

Молитвенное настроеніе было нарушено общимъ душевнымъ смятеніемъ. Понемногу стали выходить на паперть, не будучи въ состояніи сдержать любопытство и желаніе поразспросить и потолковать о радостномъ событіи.

Со всѣхъ концовъ села потянулся народъ къ церковному дому. Едва ползающіе старики и старухи, бабы съ грудными ребятами, бездомные нищіе—всѣ собирались сюда ждать пріѣзда батюшки. Позади всѣхъ медленно, тяжелой поступью, брели больные, цѣлыя недѣли уже не выходившіе изъ избъ. Съ трудомъ ступали ихъ разбухшія, обмотанныя тряпьемъ ноги и съ каждымъ шагомъ страданіе выражалось на синеватыхъ лицахъ и тихой стонъ вырывался изъ измученной груди.

— Глядико-сь, и Матрена приползла, тоже ѣсть захотѣла...

— Крещеный вѣдь тоже человѣкъ... Она по нѣскольку дней корки сухой не видитъ...

— Одинокая, кто объ ней подумаетъ.

— Бабушка, родненькая,—съ звенящей болью въ голосѣ, вскрикнула Наташа и бросилась съ крыльца навстрѣчу къ сѣдой, косматой старухѣ, ползущей на четверинкахъ по пыльной дорогѣ.

— Ишь жальливая дѣвка, всѣ ей родненькія...

— Что и говорить—дѣвка душевная... Что стараго, что малаго—всѣхъ обласкаетъ.

— Въ монашки, слышь, собирается.

— А и дѣло! Что ей за жизнь на міру? Сирота бездомная, коли и замужъ-то кто возьметъ, такъ тоже не сладко, хорошему она не нужна, а плохой вѣкъ только заѣстъ.. А тамъ Богу за насъ грѣшныхъ помолится. А грѣховъ-то, грѣховъ-то у насъ—вѣкъ не отмолить.

— Ишь приползли всѣ, а будто и ходить не могли...

Вся эта толпа, сѣрымъ убогимъ лагеремъ расположившаяся

около дома и церкви на лужайкѣ, безучастно и равнодушно смотрѣла на страданія прибывающихъ и черезъ силу двигающихся больныхъ, калѣкъ и немощныхъ стариковъ.

Въ большей или меньшей степени они всѣ переживали страданія и лишенія—сердца ихъ зачерствѣли и не отзывались на чужое горе. Напротивъ, какое-то недоброжелательство было со стороны болѣе здоровыхъ и сильныхъ по отношенію къ слабымъ. Они увеличивали число нуждающихся и своимъ видомъ вызывали сожалѣніе у дающихъ, уменьшая такимъ образомъ долю каждаго.

— Много, сказываютъ, денегъ прислали на Гусевку...

— Скотъ, значитъ, чтобы справить крестьянамъ... Лошадь, избу починить...

— Барыня пріѣхала, кормить будетъ... Варево горячее, щи, каша...

— Со свѣжинкой, слышь, щи...

— Больнымъ чай съ сахаромъ и съ лимономъ давать будутъ...

— Счастливые... Этакъ бы всѣмъ похворать.

— Есть такіе, что и накинуть на себя хворь сумѣютъ...

Фантазія разыгрывалась все больше и больше, голодные, истощенные желудки и назябшіеся члены подсказывали воображенію самыя соблазнительныя картины тепла и сытости.

— Записывать всѣхъ будутъ и билеты выдавать.

— Самымъ бѣднымъ. У кого ни коровы, ни курицы нѣтъ въ дому...

— Всѣ теперь бѣдными прикинутся.

— Извѣстно, у кого хозяинъ померъ, али вовсе сироты остались...

Часа два уже ждутъ они, но имъ не кажется долго, они ждали мѣсяцами, привыкли ждать годами.

Послышался звонъ бубенцовъ. Всѣ стали всматриваться вдаль, напрягая зрѣніе. Здоровые встали, больные остались лежать на травѣ.

Батюшка подъѣхалъ, но уже не на своей лошади, а въ парной телѣжкѣ помѣщика. Съ нимъ пріѣхала и барышня.

Маленькая, худенькая, черненькая, въ старомъ драповомъ бурнусѣ, съ бѣлымъ шелковымъ платкомъ на головѣ.

— Сестра милосердная,—послышался шопотъ въ толпѣ. И сейчасъ-же сдвинулись всѣ плотной стѣной вокругъ пріѣхавшихъ.

— Сестрица, меня запиши, родимая, сирота съ малыми осталась...

— Меня попомни—Арину Краюхину...

— Коровушка послѣдняя пала...

— Лошади нѣтъ, пахать не на чемъ выѣхать...

— Полѣчи меня, родная, больнёхонька...—Смущенными, недо-

умѣвающими глазами, полными глубокой жалости, смотрѣла пріѣхавшая на этотъ сѣрый, оборваный людъ, обступившій ее и съ надеждой заглядывающій ей въ лицо.

Съ трудомъ пробрались они съ батюшкой къ крыльцу и въ домъ. А тамъ сейчасъ же, едва снявъ верхнее платье, принялись за работу. Начался опросъ.

— Всѣхъ, всѣхъ ихъ надо записать,—шептала взволнованно барышня,—всѣ они голодные, развѣ не видно? И быстро росли столбцы именъ и фамилій.

Было уже совсѣмъ темно, когда списки были составлены и батюшка, проводивъ барышню въ отведенную ей квартиру, вернулся къ себѣ.

На крыльцѣ онъ увидѣлъ сидящаго мужика. Невольное раздраженіе возникло въ немъ при мысли, что не все еще кончено, что онъ долженъ еще разговаривать, несмотря на то, что отъ усталости у него кружилась голова и подкашивались ноги.

— Кто это?—окликнулъ онъ поднявшагося мужика.

— Я, Михайла Панютинъ, къ твоей милости пришелъ.

Маленькій, оборванный, совсѣмъ захудалый мужичонка стоялъ, понуривъ голову и робко тереба рваную шапку.

— Что же тебѣ нужно? Вѣдь ребятъ твоихъ записали и старуху тоже.

— Телку бы я... проговорилъ Михайла тихимъ умоляющимъ голосомъ.

— Какую телку?

— Никакой скотины не осталось, курицы нѣтъ на дворѣ... Пусто... Телку бы.

— Да нѣтъ, вѣдь, у меня, Михайла, говорилъ ужъ я, что на скотину мнѣ не прислали денегъ. Ну гдѣ я возьму?

Батюшка безпомощно развелъ руками.

— Плохонькую бы... Чтобы она дышала... Пришелъ я подъ навѣсъ, а она тутъ дышетъ... Пусто такъ-то.

Невѣроятная тоска звучала въ его слабомъ надтреснутомъ голосѣ.

— Нѣту, Михайла, повѣрь, если бы были, такъ далъ бы,—съ отчаяніемъ проговорилъ батюшка.

Михайла вздыхалъ, топтался на одномъ мѣстѣ и повторялъ все одно и то же:

— Чтобы только дышала... Я пришелъ, а она тутъ, дышетъ...

— Вѣдь если тебѣ, такъ и другимъ надо, а взять негдѣ. Нѣтъ, да и тебѣ одному нѣтъ.

Оба замолчали и молчали такъ минутъ пять, пока, наконецъ, Михайла потерялъ надежду вымолить телку и, громко вздохнувъ, поклонился, нахлобучилъ шапку и вышелъ изъ калитки.

Слава тебѣ Господи, Слава Тебѣ...

Громадная черная туча нависла надъ селомъ, глухіе раскаты грома раздавались каждую минуту, и яркая молнія разрывала тучу. Ужъ эта не пройдетъ мимо—слишкомъ низко наклонилась она, пухлая, нѣжная, вся наполненная влагой. Еще одинъ ударъ, громкій, раскатистый, совсѣмъ близко надъ землей, еще разъ разорвалась туча надвое и показала громадную огненную пасть, все притаилось, притихло, вдругъ стемнѣло и крупныя капли дождя застучали объ засохшую, заждавшуюся ихъ землю мягкимъ, равномѣрнымъ звукомъ, постепенно усиливаясь.

Слава Христу, Пресвятой Богородицѣ!

Небо очистилось послѣ проливного дождя, солнце уже закатилось и земля отдыхала и тихо нѣжилась, впивая въ себя давно желанную влагу.

Батюшка и Наташа сидѣли на крылечкѣ за столомъ и пили чай. Лица у обоихъ были радостныя и довольныя.

Двѣ недѣли кормили уже крестьянъ и результаты, особенно у больныхъ, были блестящіе. Всѣ, раньше не слѣзавшіе съ печки, уже выходили и даже сами приходили за пищей. Ребятишки повеселѣли и порозовѣли. Они часа за два до обѣда собирались, съ чашками и ложками, у столовой и уходили отъ нея послѣдними. Наташѣ пришлось поработать порядочно, особенно вначалѣ, когда приходилось разносить пищу больнымъ. Но она не унывала и дѣлала все съ тихимъ и восторженнымъ умиленіемъ.

— Чай да сахаръ вамъ, батюшка,—послышался голосъ со двора.

Въ калитку входила пожилая баба, чисто одѣтая, очевидно не изъ голодающихъ.

— Я къ твоей милости пришла.

— Здравствуй, Матрена,—отвѣтилъ батюшка, нѣсколько удивленный приходомъ бабы изъ „Пановъ“, такъ назывались зажиточные крестьяне села, жившіе на другомъ его концѣ.

Громадная лужа, громко именуемая озеромъ, раздѣляла село на двѣ половины. На одной жили бывшіе барскіе крестьяне, теперь совершенно обнищавшіе, на другомъ „паны-однодворцы“, издавна носившіе это названіе, оставшееся за ними, какъ говорятъ, еще отъ временъ Петра, который поселилъ здѣсь бѣдныхъ дворянъ поляковъ и далъ имъ землю. У нихъ у всѣхъ были каменные одноэтажные дома съ большими огородами и большіе надѣлы земли. Даже теперь, въ годъ неурожая, у нихъ сохранились большіе запасы и они не терпѣли нужды. Съ внѣшней стороны они очень отличались отъ своихъ односельчанъ по ту сторону озера. Насколько тѣ были болѣзненны, худы, малы ростомъ

и вообще жалки, настолько эти—крупны, красивы и, какъ контрастъ, особенно поражали сытымъ, довольнымъ видомъ.

Къ батюшкѣ „паны“ обращались только, когда нужно было крестить, вѣнчать или хоронить. Онъ зналъ, что ничего такого не случилось у Матрены, и потому былъ очень удивленъ ея приходомъ.

— Милости прошу, чайку выпей,—пригласилъ онъ.

— Много благодарны. А ты вотъ что, батюшка,—приступила она прямо къ дѣлу, присаживаясь на скамейкѣ у стола.—Поучи ты моего Андрюшку, совсѣмъ отъ рукъ отбился, непутевый сталъ парень.

— Андрей?—переспросилъ о. Николай, припоминая статнаго, черноброваго парня лѣтъ двадцати.—Что же съ нимъ сдѣлалось? Хорошій былъ, кажется парень—скромный, работящій.

— То-то и горе, что былъ, а теперь ужъ не то. Какъ связался съ Анюткой Сухотиной, такъ и пошелъ колесить. Ни онъ пахать, ни онъ сѣять... Теперь время-то какое, каждый часъ золото! А вѣдь работникъ то одинъ въ дому. Что я буду съ нимъ дѣлать? День на печи лежитъ, а какъ вечеръ, такъ съ ней возжается.

— А что же онъ на печи то лежитъ, боленъ что ли?

— Говоритъ—лихорадка треплетъ, въ рукахъ, въ ногахъ ломота. Ужъ я и доктора къ нему приводила, и хины давала, ничего пользы нѣтъ. А то начнетъ такое говорить, что ужасъ беретъ. Не хочу, говоритъ, на землю работать, все одно—не родитъ. Сколько ты надъ ней не убивайся, все равно—засуха будетъ, такъ и хлѣба не будетъ. Въ городъ, говоритъ, уйду, тамъ найду работу. Бездѣльникъ этакой! Да засуха-то, говорю, отъ кого? Отъ Бога вѣдь? Такъ развѣ супротивъ Него пойдешь? А все отъ того, что съ ней окаянной связался. Допрежъ того никогда такъ съ матерью не разговаривалъ.

— Что не работаетъ Андрей, это плохо. Пришли его, я поговорю. А насчетъ Анны ты напрасно. Дѣвушка она здоровая, красивая, работящая, добрая—немудрено, что и полюбилась ему, худого ничего въ томъ не вижу.

Баба вся вспыхнула отъ досады, но сдержалась и только, злобно поджавъ губы, процѣдила:

— И что это ты говоришь, батюшка? Да нешто она ему пара? Что у нихъ? Ни кола, ни двора. И семья вся непутевая, всѣ хвораютъ отъ пьянства, да отъ безобразія всякаго.

Подъ конецъ она забыла уже сдерживать свое негодованіе и говорила громкимъ визгливымъ голосомъ, съ волненіемъ тереба концы своего головного платка.

— Ну будетъ, будетъ,—кротко остановилъ ее батюшка.—На

сына сердиться можешь, а другихъ людей оговаривать нечего. Я Сухотиныхъ знаю не первый годъ. Ни пьянства, ни безобразія ихъ не видѣлъ, а что бѣдны они—правда, такъ на это ужъ Божья воля, сама знаешь, сколько земли у нихъ, а семья большая.

Сердитая и недовольная ушла Матрена, въ душѣ называя о. Николая потатчикомъ всякимъ голышамъ и пьяницамъ.

Отдѣльно отъ села, совсѣмъ на выгонѣ стояла избушка старой одинокой солдатки. Эту избушку молодежь выбрала для тайныхъ посидѣнокъ и гулянокъ, чтобы скрыться отъ строгихъ стариковъ, зорько слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы не нарушалось мрачное настроеніе во время голодовки.

Далеко за полночь, когда всѣ сельчане ужъ спали, намученные работой или горемъ и болѣзнями, раздавалась звонкая молодая пѣсня въ избушкѣ, прерываемая громкимъ хохотомъ и разговоромъ.

Много недобрыхъ слуховъ ходило про солдатку и про ея избушку, много дѣлъ тамъ дѣлалось въ тайнѣ, которыя выходили потомъ наружу. Но строго на это смотрѣли и строго судили это только старики и старухи, а отъ молодежи солдатка и кормилась, и нужды не знала.

Душный іюльскій вечеръ уже близился къ ночи, на селѣ все стихло, когда съ разныхъ концовъ, осторожно оглядываясь, проскальзывали, одна за другой, женскія и мужскія фигуры и скрывались за калиткой. Одна пара встрѣтилась у калитки и, не входя въ нее, направилась къ полю.

Обоимъ было не до пѣсенъ и не до болтовни. Нѣкоторое время шли они молча, взявшись за руки.

— Ну, что матка-то, все ругается?—спросила, наконецъ, дѣвушка.

— Какъ ржа желѣзо, точитъ день и ночь. Да это теперь все единственно—сказано уйду и баста.

— Съ чѣмъ пойдешь-то, или Волгу-то перелетишь, какъ птица? Она, жила, вѣдь гроша не дастъ...

Лицо парня дѣлалось все мрачнѣе и густыя черныя брови совсѣмъ нависли надъ глазами.

— А меня ужъ брось,—словно поддразнивала его дѣвушка, улыбаясь и сверкая бѣлыми крупными зубами,—потому куда я тебѣ, какъ камень на шею... Въ городѣ-то я ступить не сумѣю... Ты тамъ не этакую найдешь себѣ... въ шляпкѣ, въ кофтѣ, на что тебѣ будетъ сарафанница?

— Брось, Анна, не болтай зря языкомъ, знаешь безъ тебя

не уйду, не уѣду никуда. Погоди, дай срокъ, одѣнемъ и тебя въ шляпку и въ кофту. Тоже не хуже другихъ. Братнина жена вонъ какъ форситъ въ городѣ... Это только мы здѣсь вѣкъ сиволапыми сидимъ...

— Чего ужъ,—бойко подхватила Анна,—въ лѣсу живемъ, пенькамъ Богу молимся.

— То-то вотъ, а зубы скалишь и болтаешь ровно сорока.

Андрей обнялъ ее за плечи и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Есть у меня одинъ человѣкъ...—таинственнымъ шепотомъ началъ онъ.—Онъ насъ выручитъ... Только дѣло-то неладное...

Андрей понизилъ голосъ еще больше и наклонился близко къ уху Анны.

— Ой, Андрюшка, дѣло-то какое! Не сносить тебѣ головы, парень! А грѣхъ-то! Кому отвѣчать будемъ?

— Пошто грѣхъ! Чисто надо обдѣлать, къ другимъ не попадетъ, теперь время сырое .. Лавка, сама знаешь, на углу стоитъ, около забора деревья, близко и жилья-то нѣтъ...

— А много ли хотѣлъ дать-то?

— Четвертной билетъ похваляется дать.

— А надуетъ?

— Ну этого не посмѣетъ. Тоже, вѣдь, мы найдемъ тогда расправу...

— Охъ, Андрюшка, Андрюшка, горемычныя мы съ тобой головы, на горе спознались.

Анна вдругъ начала горестно всхлипывать и плакать,

— А ты не вой,—сурово остановилъ ее Андрей.—Опосля будетъ время повыть, коли что неладно будетъ...

Совсѣмъ стемнѣло, одиноко блестѣлъ огонекъ въ окнѣ солдаткиной избушки, пѣсня уже неслась оттуда и звонко раздавалась въ широкомъ безлюдномъ полѣ.

Безлунная звѣздная ночь властно царила надъ спящимъ селомъ. Тонкое, нѣжное стрекотаніе кузнечиковъ сливалось съ тишиной, не нарушая ея...

Легкая темная фигура внезапно появилась и быстро, какъ вѣтеръ, въ какомъ-то смятеніи, пронеслась по направленію къ церкви. Въ то же время по углу большого дома мѣстнаго лавочника быстрыми огненными змѣйками поднималось кверху пламя. Все больше и больше охватывало оно деревянныя бревна, подбиралось къ крышѣ, черезъ минуту дымъ уже валилъ большими черными клубами, слышался трескъ...

Домъ пустой, хозяева наканунѣ уѣхали въ городъ, сосѣди не слышатъ.

*

— Дядюшка, дядюшка Василій,—задыхаясь кричитъ Наташа, тщетно стараясь разбудить сторожа.

— Православные, горимъ!—кричитъ она слабымъ тоненькимъ голосомъ, затѣмъ, вся дрожащая отъ ужаса, ощупью взбирается на колокольню и дергаетъ за веревку колоколъ.

Мрачнымъ зловѣщимъ стономъ раздался звукъ набата. Всѣ услышали, всѣ проснулись.

Черезъ нѣсколько минутъ мирная картина безмолвной ночи совершенно мѣняется. Люди, скотина, птицы—всѣ ревутъ, стонутъ, кричатъ, мечутся въ невообразимомъ ужасѣ.

Огонь, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Весь домъ уже объятъ пламенемъ, который освѣщаетъ неровнымъ, бѣгающимъ свѣтомъ лужайку, церковь и озеро вдали. На крышахъ сосѣднихъ домовъ стоятъ мужики съ ведрами и поливаютъ солому, чтобы предохранить отъ летящихъ искръ и головней, на другихъ домахъ, съ суровой важностью, неподвижно, какъ каменныя изваянія, стоятъ бабы и держатъ икону въ протянутыхъ впередъ рукахъ.

Огонь точно чувствуетъ, что близко ему не будетъ поживы и, неожиданнымъ поворотомъ, вдругъ перекидываетъ крестъ на крестъ на избу, стоящую на противоположномъ углу и въ одинъ моментъ охватываетъ ее всю.

— Бабушка Матрена,—раздается чей-то вопль,—не выползетъ.. Спасайте! Радѣйте православные!

Всѣ ринулись къ загорѣвшейся избушкѣ, но поздно, она рухнула на глазахъ и погребла подъ собой старуху.

Крики, вой, шипѣніе воды, трескъ и грохотъ рушащихся бревенъ перенеслись на другую сторону. Весь жалкій скарбъ, который успѣли вытащить, сложенъ посреди лужайки, тутъ же къ телѣгамъ привязаны коровы лошади, пригнаны овцы, наполняющія воздухъ жалобнымъ, испуганнымъ мычаньемъ, ржаньемъ, блеяньемъ. На телѣгахъ сидятъ плачущія дѣти и безпомощно стонущіе больные. Только къ утру насытилось пламя, пожравъ болѣе десяти домовъ и напоивъ воздухъ гарью и копотью. Холодные сѣрые лучи разсвѣта освѣтили печальную картину разрушенія. Темные обуглившіеся остовы избъ, разбросанныя головни и блѣдныя оборванныя бабы, съ громкими причитаніями, роющіяся въ горячей еще золѣ и что-то ищущія...

— Сами уѣхали въ городъ и имущество, слышь, все съ собой забрали.

— Торговали-то нонѣ плохо. А штрафовка-то большая...

— Бога не боятся. Душа христіанская погибла безъ покаяя. Скольких по міру пустили.

Все больше и больше утверждаются въ мысли, что пожаръ

произошелъ не отъ случайныхъ причинъ. Говорятъ объ этомъ шопотомъ. Говорить громко—на себя же бѣду накличешь, не оберешься хлопотъ, какъ слѣдствіе наѣдетъ, да пойдетъ всѣхъ опрашивать.

Каждый годъ кто-нибудь подпаливаетъ, чтобы получить страховку. И все богатые, потому бѣднымъ такъ страхуютъ, что какъ получитъ, и избу поставить не на что, а ужъ не то, что обзаведеніе какое-нибудь.

— Сами, значитъ, уѣхали, а здѣсь оставили какого ни на есть вѣрнаго человѣка. Мало развѣ теперь такихъ, что на деньги польстятся...

Вся опухшая отъ слезъ и блѣдная пришла Наташа къ о. Николаю и упала ему въ ноги.

— Батюшка, освободи отъ грѣха, дай открыться...

Батюшка вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Что ты, Наташа, Господь съ тобой! Какой грѣхъ? Говори скорѣе.

— Видѣла, кто поджегъ,—шопотомъ, всхлипывая, говорила Наташа, склонивъ голову къ колѣнямъ батюшки.—Шла ночью отъ бабушки, задами, какъ съ лавкой-то поровнялась, гляжу ровно спичка вспыхнула, а внизу, видно—сѣно, али солома была подложена, скоро такъ уголъ-то занялся, а они-то оба, допрежъ ползкомъ, а потомъ встали и побѣжали къ полю... И узнала я ихъ, обоихъ узнала. Охъ, батюшка, какъ на духу тебѣ говорю, а ты покрой. Богъ съ ними! На себя возьму грѣхъ. Замолю. Бабушку жалко, христіанская душенька погибла...

И Наташа опять зарыдала, колотясь головой о колѣни о. Николая.

— Кто побѣжалъ-то, Наташа?—съ трепетомъ спрашивалъ онъ ее, наклонясь къ самому лицу.

Едва слышнымъ шопотомъ произнесла она имена.

Батюшка только ахнулъ.

— На духу тебѣ сказала, не то съ страстной мольбой, не то съ угрозой забормотала Наташа. Не хочу ихъ погибели, сама замолю грѣхъ. Въ монастырѣ постомъ и покаяніемъ...

— За что же ты-то, голубушка?—съ горемъ и страданіемъ въ голосѣ сказалъ о. Николай. Какое-то, не высказанное и даже не сознанное, гдѣ-то въ глубинѣ лежащее, чувство вдругъ всплыло на поверхность его души и потрясло ее до основанія. Второй разъ онъ сиротѣлъ, второй разъ терялъ близкое дорогое существо на вѣки. Съ чувствомъ утопающаго, который хватается за соломинку, началъ онъ уговаривать Наташу не исполнять такъ скоро ея на-

мѣренія. Онъ говорилъ, что она не виновата въ чужомъ грѣхѣ, что она еще молода и успѣетъ отмолить и свои и чужіе грѣхи и, наконецъ, робко просилъ пожалѣть его и не оставлять совсѣмъ одинокимъ...

Наташа плакала навзрыдъ, цѣловала его руки, но твердила, что она дала клятву и не можетъ измѣнить ей.

Еще только мѣсяцъ должна была пробыть она въ селѣ, чтобы собрать себѣ на ряску.

Каждый день съ тѣхъ поръ ходила она по окрестнымъ помѣщикамъ и богатымъ крестьянамъ и робко, кланяясь въ ноги, произносила: „на ряску Христа ради".

Въ ясное августовское утро отъ воротъ церковнаго дома отъѣхала телѣга, на которой Наташа ѣхала въ городъ. Все въ томъ же темномъ сарафанѣ и черномъ платкѣ, съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ, подошла она въ послѣдній разъ подъ благословеніе батюшки.

Благословляющая рука дрожала и слезы, одна за другой, капали на склоненную голову дѣвушки.

Ушли всѣ провожавшіе, замолкли звуки колокольчиковъ и стукъ колесъ, улеглось облако пыли, только прохладный утренній вѣтерокъ тихо шелестилъ и ласково пробѣгалъ по волосамъ и лицу батюшки, одиноко стоящаго на своемъ крылечкѣ.

Вскорѣ послѣ этого Андрей и Анна ушли въ городъ на заработки.

Ек. Нелидова.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ГЕОЛОГІИ.

Проф. **А. П. Павлова**.

(*Окончаніе*) *).

Въ то время, когда работали Кювье и Броньяръ, ученіе Геттона о важной роли вулканическихъ явленій въ жизни земли уже прочно утвердилось въ Англіи и стало распространяться и на европейскомъ континентѣ; тѣмъ болѣе, что оно гармонировало и съ популярными въ то время воззрѣніями Кювье. Напротивъ того, нептунистическая школа

Александръ Гумбольдтъ.

Вернера быстро утрачивала свое значеніе и, наконецъ, совершенно пала послѣ того, какъ два талантливыхъ ученика Вернера, А. Гумбольдтъ и Л. Бухъ, открыто признали несостоятельность воззрѣній своего учителя и сдѣлались вулканистами.

Гумбольдтъ былъ не столько геологъ, сколько географъ и путешественникъ. Во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ посѣ-

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1901 г.

тилъ и описалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мѣстностей, богатыхъ вулканами. Его наблюдательность и способность комбинировать частныя наблюденія въ общую картину и его живое талантливое изложеніе было причиной пробужденія большого интереса къ вулканамъ и вулканическимъ явленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдѣнія геологовъ о природѣ вулкановъ и ихъ распространеніи были значительно расширены. Оказалось, что вулканы образуютъ на земной поверхности то болѣе или менѣе обширныя группы, то обнаруживаютъ рѣзко выраженное рядовое расположеніе, причемъ эти ряды вулкановъ идутъ вдоль горныхъ цѣпей или образуютъ цѣпи вулканическихъ острововъ. Кромѣ того, обнаружилась связь между дѣятельностью вулкановъ и

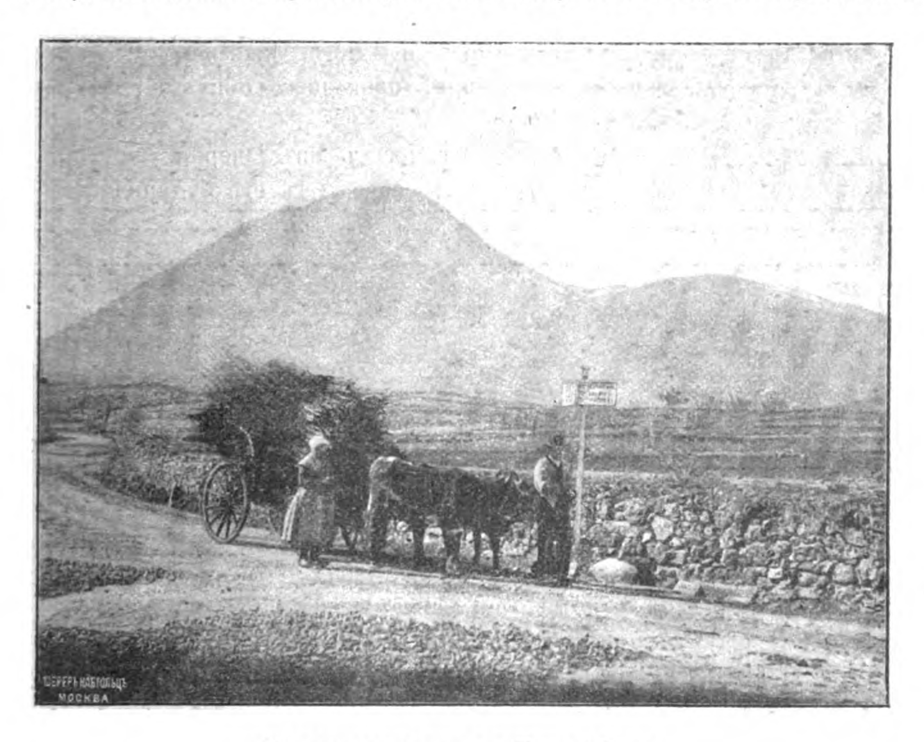
Леопольдъ фонъ Бухъ.

землетрясеніями, и все это привело къ заключенію, что на вулканы нельзя смотрѣть, какъ на незначительное въ жизни земли мѣстное явленіе, а что они должны быть поставлены въ связь съ природой внутреннихъ областей земли и что ряды или цѣпи вулкановъ намѣчаютъ своимъ положеніемъ трещины или разрывы, проникающіе въ глубокія области земли.

Развитіе этихъ геологическихъ воззрѣній происходитъ, какъ Гумбольдтъ и самъ на это указываетъ, не безъ вліянія его близкаго друга и сотоварища по Фрейбергской академіи Леопольда фонъ-Буха, одного изъ знаменитѣйшихъ авторитетовъ геологической науки въ первой половинѣ XIX вѣка. Жизнь и труды Л. Буха представляютъ прекрасный примѣръ борьбы предвзятыхъ идей или усвоенныхъ въ ранней

молодости ученій съ усиліями болѣе зрѣлаго разума освободиться отъ этихъ ученій, оказавшихся ложными, и самостоятельно добраться до истины. Бухъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Вернера и началъ свою ученую карьеру проникнутый идеями своего знаменитаго учителя объ универсальныхъ водныхъ формаціяхъ (къ которымъ причислялся и базальтъ) и о ничтожной роли вулкановъ въ жизни земли.

Познакомившись съ нѣкоторыми мѣстностями Германіи, гдѣ не встрѣтилось ничего, что противорѣчило бы идеямъ Вернера, Бухъ предпринимаетъ путешествіе черезъ Альпы въ вулканическую Италію, гдѣ нептунистическая теорія его учителя подвергается впервые серьезнымъ

Вулканическій куполъ Пюи де-Дома.

испытаніямъ, но онъ еще не можетъ съ нею раздѣлаться и въ окрестностяхъ Везувія старается найти тѣ слои каменнаго угля, которые, по идеѣ Вернера, должны обусловливать дѣятельность вулкановъ. Слоевъ этихъ тамъ не оказывается.

Посѣтивъ затѣмъ центральную Францію, съ ея многочисленными потухшими вулканами, стоящими прямо на гранитѣ, этотъ убѣжденный нептунистъ и преданный ученикъ Вернера, хотя и не безъ борьбы и колебаній, но, въ концѣ концовъ, рѣшительно принимаетъ огненное крещеніе. Онъ съ жаромъ неофита развиваетъ идеи, до которыхъ не додумывались и вулканисты геттоновой школы. Онъ высказываетъ мысль, что куполообразная масса трахитовой породы, образующая Пюи де-Домъ

и называемая домитомъ, есть результатъ переработки гранита вулканическими силами и что самъ домитовый куполъ Пюи де-Дома поднялся напоромъ этихъ подземныхъ силъ на подобіе колоссальнаго пузыря.

Перенеся свои изслѣдованія въ другую область Центральнаго плато Франціи, на вулканическій массивъ Мондора, съ огромнымъ циркообразнымъ пониженіемъ въ средней части, Бухъ высказываетъ предположеніе, что весь этотъ колоссальный вулканическій массивъ можетъ представлять собою приподнятую напоромъ вулканическихъ силъ область, средняя часть которой вновь осѣла и образовала родъ огромнаго цирка, внутри котораго помѣщается главная вершина Мондора. Базальтовый покровъ Мондора, лежащій на болѣе древнихъ порфировыхъ породахъ, Бухъ считаетъ лавовымъ изліяніемъ изъ того, нынѣ разрушеннаго кратера, который возникъ на вершинѣ приподнятаго купола, впослѣдствіи обрушившейся.

Эти идеи Бухъ высказалъ въ письмахъ изъ Оверни, напечатанныхъ въ 1809 г. Онѣ представляютъ зародышъ его будущей теоріи

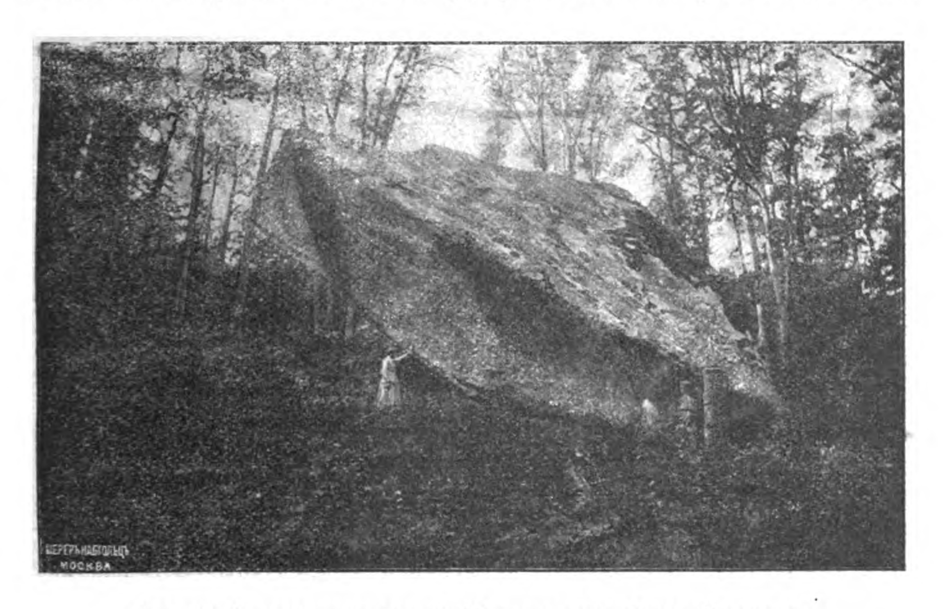
Вершина Тенерифскаго пика на Канарскихъ островахъ.

кратеровъ поднятія, развитой имъ послѣ годичнаго пребыванія въ Англіи въ 1814 г. и посѣщенія вулкановъ Канарскихъ острововъ, гдѣ онъ особенно отчетливо наблюдалъ, что наклонные слои, образующіе склоны вулкана, близъ самой вершины круто обрываются и образуютъ родъ цирка, въ серединѣ котораго возвышается дымящаяся вершина вулкана. Эти-то цирки, внутри которыхъ расположены вулканы, и получили названіе кратеровъ поднятія.

Дальнѣйшая ученая дѣятельность Буха, какъ геолога, представляетъ собою какъ бы развитіе этой идеи о поднимающей силѣ скрытыхъ подземныхъ упругихъ массъ и примѣненіе ея съ одной стороны къ объясненію медленныхъ движеній цѣлыхъ областей суши, напр., Скандинавіи (1810—1811 гг.), съ другой стороны, къ объясненію происхожденія тѣхъ поднятій и изгибовъ, какіе наблюдаются въ пластахъ, образующихъ горныя цѣпи. Подъ вліяніемъ этихъ идей, Бухъ представлялъ себѣ, что вся цѣпь Альпъ расположилась вдоль огромнаго раскола земной коры, по которому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вы

ступили изъ глубины массы авгитоваго порфира, поднявшія и смявшія въ складки близлежащіе пласты. Мы не станемъ подробно останавливаться на изложеніи дальнѣйшаго развитія этихъ теорій Буха, упомянемъ только, что онъ пытался опредѣлить эпохи поднятія горъ европейскаго континента, основываясь на томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ одинаковое направленіе и болѣе или менѣе сходное строеніе и составляютъ какъ бы одну систему поднятія. Такихъ системъ въ западной половинѣ Европы Бухъ различалъ четыре.

Наклонность Буха къ объясненію геологическихъ явленій кратковременной дѣятельностью колоссальныхъ силъ хорошо иллюстрируется также его двумя статьями о происхожденіи огромныхъ каменныхъ глыбъ или валуновъ, какъ бы разбросанныхъ по равнинамъ и хол-

Огромный валунъ на склонѣ Юрскихъ горъ близъ Невшателя.

мамъ, окружающимъ Альпы и встрѣчающимся на довольно значительной высотѣ на склонахъ Юрскихъ горъ. Эти валуны, состоящіе нерѣдко изъ кристаллическихъ породъ, слагающихъ центральные гребни Альпъ, давно обращали на себя вниманіе и представляли родъ геологической загадки, настолько непонятными казались тѣ силы, которыя перенесли и разбросали ихъ по странѣ.

Кювье тоже упоминаетъ о нихъ, говоря о распространеніи и расположеніи горныхъ породъ, образовавшихся въ разныя эпохи и высказываетъ мысль, что они или были выброшены изверженіемъ, или попали на свое мѣсто тогда, когда еще не было долинъ, которыя ихъ отдѣляютъ отъ мѣста ихъ происхожденія и которыя должны бы были задержать ихъ движеніе.

Изучивъ многія области, особенно богатыя этими валунами, и со-

бравъ о нихъ литературныя свѣдѣнія, Бухъ присоединился къ мнѣнію, высказанному ранѣе Соссюромъ объ участіи воды въ переносѣ этихъ валуновъ, но развилъ это мнѣніе въ довольно замысловатую теорію разноса или разбрасыванія валуновъ силой колоссальныхъ грязевыхъ потоковъ, хлынувшихъ съ горъ въ моментъ ихъ поднятія (1827 г.).

Вообще идеи Буха о геологическихъ измѣненіяхъ, произведенныхъ кратковременнымъ дѣйствіемъ колоссальныхъ силъ, замѣчательнымъ образомъ совпали съ популярными въ то время идеями Кювье о катастрофахъ, нарушавшихъ спокойный ходъ событій, совершающихся на землѣ.

Сравнивъ между собою идеи Буха и Кювье, мы, пожалуй, будемъ ближе къ истинѣ, если скажемъ, что Бухъ, а не Кювье былъ истиннымъ творцомъ ученія о разрушительныхъ катастрофахъ.

Развитіе геологической мысли въ этомъ направленіи было завершено французскимъ геологомъ Эли де-Бомономъ, который распространилъ мысль Буха о системахъ горныхъ цѣпей, различающихся своимъ направленіемъ, на всѣ горныя цѣпи земли и подвергъ это ученіе математической разработкѣ; при этомъ, за недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній, приходилось часто прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Въ результатѣ получилось теоретическое построеніе, которое оказалось въ противорѣчіи съ добытыми впослѣдствіи фактическими данными и мало-по-малу было предано забвенію.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Эли де-Бомону принадлежитъ хотя и вскользь высказанная идея о томъ, что основныя черты рельефа земной поверхности являются слѣдствіемъ постепеннаго охлажденія земного шара и сокращенія объема его внутренней массы; при этомъ твердая и не участвующая въ этомъ сокращеніи земная кора должна была приспособляться къ этой внутренней массѣ и образовать впадины и выступы, а при очень значительномъ напряженіи давать трещины. Эти трещины открывали выходъ на поверхность вулканическимъ продуктамъ, а возникавшее при этомъ боковое давленіе разрѣшалось образованіемъ складокъ, системы которыхъ и составляютъ горныя цѣпи. Эта мысль послужила впослѣдствіи исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда работъ, которыя привели къ тѣмъ выводамъ и объясненіямъ процессовъ горообразованія, какими располагаетъ современная наука.

По мысли Эли де-Бомона, эпохи воздыманія горныхъ системъ совпадали съ границами отдѣльныхъ геологическихъ формацій; онѣ и были тѣми катастрофами, о которыхъ говоритъ Кювье въ своемъ разсужденіи о переворотахъ на земной поверхности.

Работы Буха, Эли де-Бомона и нѣкоторыхъ другихъ примкнувшихъ къ нимъ авторовъ создали не единственное, а лишь одно изъ направленій научной мысли первой половины XIX столѣтія. Параллельно съ

работами этого характера идетъ изученіе осадочныхъ напластованій земли и мало-по-малу вырабатывается та хронологическая классификація этихъ напластованій, какая теперь установилась въ наукѣ.

И самъ Бухъ интересовался не одними вулканами и горными цѣпями, онъ занимался также и осадочными напластованіями, преимущественно вторичными или флёцовыми и переходными и изучалъ заключенныя въ нихъ остатки органической жизни. Его работы много содѣйствовали развитію точныхъ свѣдѣній объ этихъ напластованіяхъ.

Мы уже видѣли, что начало изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи было положено Кювье и Броньяромъ во Франціи и В. Смитомъ въ Англіи. Кювье интересовался отложеніями сравнительно недавняго геологическаго періода, лежащими выше мѣла; они особенно богаты остатками млекопитающихъ. Онъ и Броньяръ различили по ископаемымъ и описали цѣлый рядъ горизонтовъ, изъ которыхъ слагаются эти отложенія (пластичная глина, грубый известнякъ, гипсъ и мн. др.). Эти отложенія получили впослѣдствіи названіе третичныхъ. Слои болѣе древніе или такъ называемые вторичные были имъ мало извѣстны, хотя Кювье и указывалъ на интересъ, который они представляютъ, и на необходимость ихъ изученія. В. Смитъ въ Англіи изслѣдовалъ преимущественно эти вторичные слои и также различилъ среди нихъ и описалъ цѣлый рядъ подраздѣленій: бѣлый мѣлъ, сѣрый мѣлъ, зеленый песчаникъ, синій мергель или гольтъ, портландскій камень, коралловый известнякъ, лейпасъ. Самыя эти названія показываютъ, что минералогическимъ признакамъ придавалось при этомъ большое значеніе. Въ Германіи, еще до Вернера, также были различены, преимущественно по минералогическимъ признакамъ, нѣкоторые характерные геологическіе горизонты, частью среди вторичныхъ, частью среди первичныхъ слоевъ; таковы: раковинный известнякъ, цехштейнъ, мѣдистый сланецъ, красный лежень, каменноугольные флёцы.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка всѣ эти отдѣльные горизонты все точнѣе и точнѣе изучались, къ нимъ прибавлялись новые и дѣлались попытки группировать ихъ вмѣстѣ въ болѣе крупныя серіи, получившія названія формацій terrains, нынѣ ихъ обыкновенно называютъ системами. Такъ англійскій геологъ Бёклендъ обратилъ особенное вниманіе на разные, большею частью рыхлые наносы (4-я группа Вернера) лежащіе на болѣе древнихъ морскихъ слояхъ, и различилъ между ними: 1) новѣйшіе наносы рѣчные, озерные, также торфъ и т. п. образованія, отлагающіяся и теперь; они получили названіе «аллювій» (отъ слова alluo намываю); 2) древніе наносы, отлагавшіеся при иныхъ условіяхъ. Сюда, главнымъ образомъ, были отнесены неслоистыя, бурыя глины съ валунами, покрывающія въ Англіи большія площади. Пытаясь объяснить происхожденіе этихъ глинъ, Бёклендъ высказалъ мнѣніе, что онѣ представляютъ собою памятникъ хаотическихъ наводненій, имѣвшихъ мѣсто передъ наступленіемъ на землѣ современныхъ

условій жизни; эти древніе наносы получили названіе «дилювій» (diluvium потопъ, наводненіе). Слѣдующую ниже, болѣе древнюю формацію, ту самую, которую особенно хорошо изучили Кювье и Броньяръ во Франціи, Бёклендъ назвалъ надмѣловою (теперь третичная система). Ниже, по схемѣ Бёкленда, слѣдовали: формація мѣловая, формація зеленаго песчаника, формація оолитовая и лейасъ. Вскорѣ двѣ первыя формаціи были соединены въ одну, удержавшую названіе мѣловой системы (курсъ геологіи Конибира и Филлипса 1822); а двѣ послѣднія составили юрскую систему (Броньяръ. 1829). Въ 1825 г. Эйнхаузенъ, Дегенъ и Ля-Рашъ напечатали результаты своихъ изслѣдованій въ Рейнской области, гдѣ они подробно изучили толщу слоевъ лежащихъ ниже лейаса и выше цехштейна. Эта толща была подраздѣлена на 3 яруса (пестрый песчаникъ, раковинный известнякъ и кейперъ) и получила названіе «тріасъ». Кромѣ того, уже въ 1822 г., въ упомянутомъ уже курсѣ Конибира и Филлипса, была подробно описана еще болѣе древняя формація каменноугольная, включившая въ себя, не только давно извѣстные въ Англіи угленосные слои, но и лежащій подъ ними жерновой песчаникъ и каменноугольный известнякъ и еще ниже лежащій «древній красный песчаникъ»—извѣстный въ Англіи строительный камень.

Такимъ образомъ, въ началѣ второй четверти XIX вѣка выработалась для слоевъ, составлявшихъ третичную или наносную группу и вторичную (флёцовую) группу въ классификаціи Вернера, хронологическая классификація, въ основныхъ чертахъ уже мало отличающаяся отъ современной (см. ниже прилагаемую таблицу). Самая древняя изъ этихъ формацій или системъ — каменноугольная впослѣдствіи была отдѣлена отъ вторичныхъ, и вообще изученіе слоевъ, лежащихъ ниже тріаса, было въ это время еще далеко не закончено. Къ исторіи изученія этихъ слоевъ мы теперь и переходимъ.

За все это время дѣятельной разработки хронологической классификаціи осадочныхъ напластованій, всего труднѣе поддавались изученію тѣ, болѣе древніе слои, которые выступаютъ изъ-подъ каменноугольныхъ. Въ бо́льшей части мѣстностей они изогнуты или смяты въ складки и обыкновенно лишены остатковъ органической жизни или очень бѣдны ими. Въ системѣ Вернера эти образованія были названы переходными или сѣрыми вакками и Вернеръ былъ склоненъ видѣть въ нихъ породы отложившіяся въ эпоху переходную, между эпохой хаотическаго состоянія земли и тою эпохой, когда земля сдѣлалась обитаемой.

До начала 30-хъ годовъ въ огромныхъ толщахъ этихъ сѣрыхъ ваккъ не удавалось установить никакихъ хронологическихъ подраздѣленій, не удавалось подмѣтить никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы было различать отдѣльные горизонты и распознавать ихъ въ разныхъ странахъ, какъ это уже давно дѣлалось со всѣми выше

лежащими слоями. Наконецъ, въ 1831 г. лондонскому геологу Мурчисону и почти одновременно его другу кембриджскому профессору Седжвику удалось разобраться и въ этомъ хаосѣ.

Областью ихъ изслѣдованій была гористая и мало населенная область западной Англіи Уэльсъ, а впослѣдствіи Девонширъ и Корнуэльсъ въ южной Англіи.

Мурчисонъ (род. 1791 г.) въ юности не думалъ о геологіи; онъ былъ офицеромъ, воевалъ съ Наполеономъ I, былъ взятъ въ плѣнъ и по окончаніи войны вернулся въ Англію и пристрастился къ охотѣ за лисицами. По совѣту друзей, онъ сталъ слушать лекціи геологіи и 32-хъ лѣтъ отъ роду предпринялъ первыя экскурсіи въ Альпы, въ центральную Францію и Шотландію. Онъ заинтересовался загадочными сѣрыми вакками и въ 1831 г. рѣшился приняться за ихъ изученіе, надѣясь найти и въ нихъ такіе слои, которые можно распознать по ископаемымъ и такимъ образомъ примѣнить и къ этой хаотической группѣ методъ В. Смита и Броньяра. Этотъ планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Морская толща сѣрыхъ ваккъ Уэльса была подраздѣлена на рядъ геологическихъ ярусовъ, которые и были объединены въ особую систему силурскую. (Нижняя часть этой системы, изслѣдованная Седжвикомъ, нѣкоторыми геологами обособлена теперь въ особую систему Кембрійскую).

Р. Мурчисонъ.

Для сѣрыхъ ваккъ Девоншира, относящихся къ болѣе позднему геологическому времени, Мурчисономъ была установлена еще одна си-

стема, девонская, и къ ней же былъ отнесенъ давно извѣстный въ Англіи и Шотландіи древній красный песчаникъ, служащій тамъ основаніемъ каменноугольной системы.

Съ цѣлью провѣрить примѣнимость вновь установленнаго подраздѣленія геологической лѣтописи, Мурчисонъ и Седжвикъ предприняли путешествіе въ разныя мѣстности Германіи, также въ Бельгію и сѣверную Францію, что и повело къ обнаруженію широкаго распространенія силурской и девонской системъ на континентѣ Европы.

Въ 1840 и 1841 гг. Мурчисонъ въ сообществѣ съ французскимъ геологомъ Вернейлемъ и въ сопровожденіи русскаго геолога гр. Кейзерлинга и минералога Кокшарова предпринялъ два путешествія, сначала въ сѣверную Россію, потомъ въ центральную и южную Россію и на Уралъ. Въ результатѣ явилось первое, весьма обстоятельное описаніе геологическаго строенія почти всей Россіи, сопровождаемое геологической картой, весьма значительное обогащеніе свѣдѣній о силурской, девонской и каменноугольной системахъ, ихъ строеніи и распространеніи и установленіе еще новой системы—пермской для слоевъ, лежащихъ выше каменноугольныхъ и соотвѣтствующихъ красному лежню и цехштейну Германіи.

Къ эпохѣ второго путешествія Мурчисона, т.-е. къ 1841 г. относится появленіе въ свѣтъ сочиненія англійскаго профессора Джона Филлипса, посвященное описанію девонскихъ отложеній южной Англіи и ихъ органическихъ остатковъ. Въ этомъ-то сочиненіи и были въ первый разъ сгруппированы вмѣстѣ всѣ прежніе переходные слои, т.-е. кембрійскіе, силурскіе, девонскіе и слѣдующіе за ними слои каменноугольной и пермской системы и для всей этой группы было предложено названіе палеозойныхъ слоевъ. Слѣдующіе далѣе вторичные слои, т.-е. тріасовые, юрскіе и мѣловые получили названіе мезозойныхъ, а еще болѣе новые третичные и послѣтретичные слои названы кенозойными. (Первое изъ этихъ названій составлено изъ греческихъ словъ Πάλαιός древній и ζῶον животное, въ составъ втораго названія вошло слово μέσος средній и въ составъ третьяго — слово καινός новый).

Такимъ образомъ, мало-по-малу трудами цѣлаго ряда изслѣдователей, изъ которыхъ мы упомянули самыхъ выдающихся, расширялись, углублялись и упорядочивались наши свѣдѣнія объ осадочныхъ напластованіяхъ земной коры, составляющихъ предметъ исторической геологіи.

Современная классификація этихъ напластованій можетъ быть представлена (безъ большихъ подробностей) въ слѣдующемъ видѣ:

ГРУППЫ.	СИСТЕМЫ СЛОЕВЪ.	ОТДѢЛЫ СИСТЕМЪ.
Новая (кенозойная).	Четвертичная	Современный (аллювій). Ледниковый (дилювій).
	Третичная.	Верхній или неогенъ (міоценъ и пліоценъ). Нижній или палеогенъ (эоценъ и олигоценъ).
Средняя (мезозойная).	Мѣловая.	верхній (мѣловая формація прежнихъ авторовъ). нижній (зеленый песчаникъ прежнихъ авторовъ).
	Юрская (Юра).	Мальмъ } оолитовая формація прежн. авторовъ. Доггеръ } Лейасъ.
	Тріасовая (Тріасъ).	Кейперъ. Раковинный известнякъ. Пестрый песчаникъ.
Древняя (палеозойная).	Пермская.	Верхній (цехштейнъ). Средній (красный лежень). Нижній (пермо-карбонъ).
	Каменноугольная.	Верхній. Нижній.
	Девонская.	Верхній. Средній. Нижній.
	Кембро-силурская.	Верхній (2-й силурскій). Средній (1-й силурскій). Нижній (кембрійскій), часто отдѣляемый въ особую систему.
Архейская.	Система кристаллическихъ сланцевъ. Система гнейсовъ.	

Изслѣдуя въ систематическомъ порядкѣ эти осадочныя напластованія съ сохранившимися въ нихъ слѣдами организмовъ и изучая прорѣзывающія ихъ или чередующіяся съ ними массы изверженныхъ или огневыхъ породъ, геологъ возсоздаетъ по нимъ, какъ историкъ по документамъ, всѣ тѣ измѣненія, какія послѣдовательно переживали раз-

ныя области земли и ихъ органическое населеніе съ самыхъ отдаленныхъ временъ, отъ которыхъ сохранились въ слояхъ остатки жизни. Мы видѣли, какъ постепенно удавалось разбирать все болѣе и болѣе древніе изъ этихъ геологическихъ документовъ и къ сороковымъ годамъ разобраться въ той толщѣ, которая въ системѣ Вернера называлась переходною.

И до этого времени и послѣ были попытки разобраться и въ слояхъ еще болѣе древнихъ—въ первичной группѣ Вернера, состоящей изъ гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ, чередующихся съ массами гранита и другихъ древнихъ огневыхъ породъ, но, за отсутствіемъ въ этихъ породахъ остатковъ органической жизни, приходилось руководствоваться при ихъ изученіи только минеральнымъ составомъ, строеніемъ и расположеніемъ.

Это изученіе показало, что однѣ изъ относящихся сюда породъ были когда-то водными осадками, такими же какъ и осадки другихъ системъ, но послѣ своего отложенія претерпѣли столь сильныя измѣненія, что распознать ихъ первоначальные признаки почти невозможно, другія породы своимъ расположеніемъ свидѣтельствуютъ о своемъ изверженномъ огневомъ происхожденіи, но и онѣ подъ вліяніемъ разнообразныхъ позднѣйшихъ воздѣйствій настолько измѣнились, что совершенно утратили свои первоначальные признаки. Эти древнѣйшія или первозданныя массы обыкновенно называются архейскими (отъ слова ἀρχή начало) и служатъ основаніемъ всѣхъ осадочныхъ напластованій, изъ подъ которыхъ мѣстами выступаютъ наружу, именно тамъ, гдѣ покрывавшія ихъ когда-то толщи были разрушены и удалены. Это наблюдается въ глубокихъ долинахъ рѣкъ, прорѣзавшихъ всю осадочную толщу, въ центральныхъ частяхъ горныхъ кряжей, гдѣ приподняты въ сложныя складки самыя древнія напластованія земли, въ томъ числѣ и архейскія, и, наконецъ, эти первозданныя породы слагаютъ мѣстами цѣлыя обширныя области, обрамленныя по краямъ или лишь мѣстами прикрытыя неизмѣненными осадочными породами. Примѣрами могутъ служить Канада, Финляндія, значительная часть Бразиліи. Исторія происхожденія этихъ напластованій и до сихъ поръ еще темна и загадочна, они еще ждутъ своего Мурчисона.

Теперь мы должны вернуться къ тому времени, когда Мурчисонъ и Седжвикъ начинали свои замѣчательныя изслѣдованія, и ознакомиться съ тѣмъ, что было сдѣлано ихъ современниками въ другихъ областяхъ геологической науки.

Припомнимъ, что послѣ сочиненія Кювье о переворотахъ на земномъ шарѣ, и особенно послѣ работъ Буха, въ наукѣ прочно водворилось то мнѣніе, что неоднократная смѣна организмовъ, остатки которыхъ встрѣчаются въ послѣдовательныхъ слояхъ и помогаютъ подраздѣлять ихъ на системы и ярусы, находитъ свое объясненіе въ разрушительныхъ переворотахъ, время отъ времени повторявшихся на

землѣ и губившихъ ея органическое населеніе, послѣ чего новая жизнь являлась на смѣну прежней.

Были однако скептики, относившіеся съ недовѣріемъ къ такому объясненію, и самымъ талантливымъ между ними былъ современникъ и соотечественникъ Мурчисона—Чарльзъ Ляйель, издавшій въ 1830—1833 гг. свое знаменитое сочиненіе «Основы геологіи», положившее конецъ ученію о катастрофахъ и создавшее новое, чрезвычайно плодотворное направленіе въ наукѣ или новую школу, получившую названіе униформитарной.

Ляйель былъ сынъ богатаго землевладѣльца и большого любителя природы и путешествій. Въ дѣтскіе и юношескіе годы Ляйель увлекался энтомологіей и мало интересовался классической литературой, которую изучалъ въ средней школѣ. По окончаніи курса, онъ думалъ

Чарльзъ Ляйель.

посвятить себя юриспруденціи и даже пріобрѣлъ званіе адвоката и поступилъ на службу; но еще ранѣе этого, въ эпоху пребыванія въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ страстно увлекается геологіей, слушаетъ лекціи Бёкленда, знакомится съ нѣсколькими геологами, предпринимаетъ рядъ экскурсій и путешествій и мало-по-малу самъ становится замѣчательнымъ геологомъ-наблюдателемъ. Съ 1823 г. и до самой своей смерти (1875 г.) онъ неустанно работаетъ на этомъ поприщѣ.

Уже самыя раннія наблюденія Ляйеля зародили въ немъ сомнѣніе въ вѣрности ученія о катастрофахъ. Наблюдая размывающую работу рѣкъ, изучая образованіе отложеній въ ихъ дельтахъ, знакомясь съ дѣятельностью ледниковъ, моря, вулкановъ, онъ подмѣтилъ, что медленныя, едва замѣтныя измѣненія суши могутъ накопляться, суммироваться и приводить къ очень замѣтнымъ результатамъ, и онъ рѣ-

*

шился подвергнуть вопросъ основательной разработкѣ. Нужно было самому убѣдиться и доказать другимъ, что, прослѣживая исторію измѣненій земли отъ настоящаго до довольно отдаленныхъ, несомнѣнно, геологическихъ временъ, не удается открыть ясныхъ слѣдовъ перерыва въ послѣдовательности событій и что силы, нынѣ измѣняющія формы и рельефъ земной поверхности, могли, если бы долго работали, произвести всѣ тѣ явленія, на которыя указывалось, какъ на доказательства, подтверждающія ученіе о катастрофахъ. Наиболѣе цѣнные результаты обѣщало дать изученіе отложеній третичнаго періода, непосредственно предшествовавшаго современному, и, принявшись за это изученіе, Ляйель вскорѣ убѣдился, что въ третичныхъ слояхъ есть много видовъ животныхъ, которые и теперь еще живутъ, что они появляются въ слояхъ не вдругъ, а постепенно, на смѣну видамъ, отживающимъ свой вѣкъ. Такимъ образомъ, настоящее оказывалось связаннымъ съ прошедшимъ непрерывною цѣпью жизни, звенья которой можно прослѣдить до отдаленнѣйшихъ временъ.

Теперь оставалось показать, что даже и за историческое время имѣли мѣсто довольно значительныя измѣненія въ очертаніяхъ и скульптурѣ суши и что въ этихъ измѣненіяхъ важнѣйшую роль играютъ знакомые намъ агенты: смѣна температуры, дождь, рѣки, море и проч. Поѣздка въ вулканическія области Италіи и Франціи дала новое подтвержденіе этимъ идеямъ. Оказалось, что тѣ огромные внѣшніе кратеры или цирки, которые обрамливаютъ вполнѣ или отчасти центральные конусы нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ, не состоятъ, какъ это думалъ Бухъ, изъ пластовъ, приподнятыхъ напоромъ подземныхъ силъ, а построены изъ чередующихся слоевъ вулканическаго пепла и лавы, отлагавшихся одинъ на другой въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ, причемъ, напримѣръ, Этна имѣетъ въ своемъ основаніи третичные морскіе слои со многими моллюсками, и понынѣ живущими въ Средиземномъ морѣ. Это наблюденіе съ очевидностью показало, что источникомъ заблужденія ученыхъ прежней школы была невѣрная оцѣнка продолжительности геологическаго времени, что, отказывая себѣ во времени, они естественно должны были восполнять этотъ недочетъ гипотезой о страшной напряженности силъ, производившихъ геологическія измѣненія.

Всѣ эти изслѣдованія, вмѣстѣ съ критикой господствующихъ воззрѣній и были изложены Ляйелемъ въ его «Основахъ геологіи», нанесшихъ рѣшительный ударъ прежнимъ ученіямъ. Съ точки зрѣнія новой геологіи оказывалось, что между отдѣльными геологическими образованіями нѣтъ рѣзкихъ границъ и что разница въ органическихъ остаткахъ, въ нихъ находимыхъ, не можетъ служить указаніемъ на внезапные катастрофическіе перерывы въ правильномъ ходѣ событій исторіи земли и ея обитателей, что геологическая исторія представляетъ неразрывную цѣпь явленій, изъ которыхъ послѣдующее строго вытекаетъ изъ предыдущаго, и что, вмѣсто внезапныхъ разрушительныхъ потря-

сеній, въ ней обнаруживается медленно и постепенно совершающійся процессъ развитія, конечныя стадіи котораго и нынѣ происходятъ передъ нашими глазами.

Какъ бы исполняя программу, указанную Кювье, Ляйель усердно изучалъ вторичные или мезозойные пласты и еще болѣе усердно третичные слои Франціи, въ мѣстахъ мало знакомыхъ Кювье, и въ Италіи. Дѣятельнымъ сотрудникомъ Ляйеля въ этомъ изученіи былъ французскій палеонтологъ Деге, описавшій множество ископаемыхъ раковинъ и сравнившій ихъ съ современными. Эти работы Ляйеля и Деге повели къ подраздѣленію третичной системы на три отдѣла: эоценъ, міоценъ и пліоценъ, отличающіеся тѣмъ, что въ эоценѣ сильно преобладаютъ вымершіе виды моллюскъ, а видовъ и донынѣ существующихъ очень малая примѣсь; въ міоценѣ нынѣшнихъ значительно больше, но все-таки вымершіе преобладаютъ, а въ пліоценѣ нынѣ живущіе виды уже преобладаютъ надъ вымершими.

Мы видимъ, что программа, намѣченная Кювье, была выполнена Ляйелемъ, но привела къ нѣсколько иному толкованію причинъ геологическихъ измѣненій.

Такимъ образомъ, въ 30-е годы XIX вѣка два англійскіе геолога Мурчисонъ и Ляйель разрабатывали геологическую лѣтопись въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Мурчисонъ раздвигалъ предѣлы нашихъ познаній въ неизвѣданную до тѣхъ поръ глубь геологическихъ временъ, Ляйель, напротивъ того, изучалъ болѣе новые листы геологической лѣтописи, стремясь связать минувшее съ настоящимъ, времена геологическія съ историческими.

Сущность созданнаго Ляйелемъ ученія заключается въ томъ, что, при допущеніи огромной продолжительности геологическаго времени, нынѣ дѣйствующихъ причинъ совершенно достаточно для осуществленія самыхъ крупныхъ измѣненій земной поверхности, для созданія самыхъ удивительныхъ памятниковъ прошлаго, съ какими знакомитъ насъ геологія.

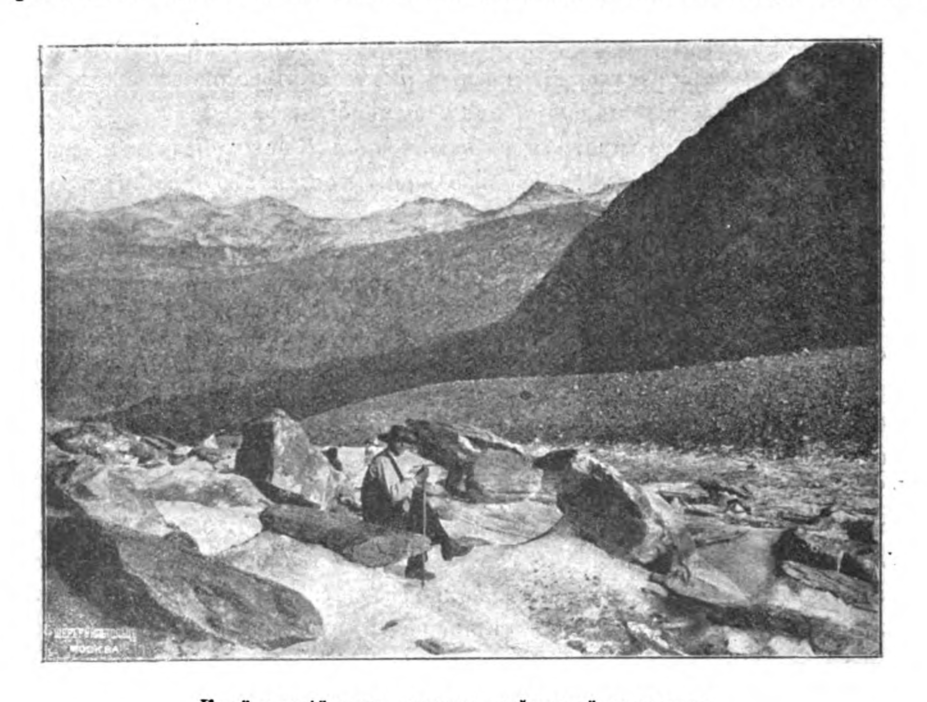
Твердо держась такой точки зрѣнія, Ляйель въ своихъ «Основахъ геологіи» подробно очертилъ характеръ дѣятельности разнообразныхъ агентовъ, нынѣ измѣняющихъ земную поверхность, останавливаясь болѣе всего на дѣятельности воды въ разныхъ ея видахъ, на дѣятельности вулканической и на той дѣятельности, какую проявляетъ органическая жизнь. Сравнительно мало онъ останавливается на дѣятельности льда, которая какъ разъ въ эпоху появленія основъ геологіи начала обращать на себя большое вниманіе.

Картина геологической дѣятельности льда въ настоящее и недавнее прошлое время была въ ту эпоху мастерски очерчена трудами цѣлаго ряда изслѣдователей, изучавшихъ ледниковыя явленія въ Швейцарскихъ Альпахъ.

Изъ ихъ изслѣдованій вытекало, что ледники достигали въ пред-

шествующую геологическую эпоху необыкновенно могучаго развитія и проявляли такую дѣятельность, о которой дѣятельность современныхъ ледниковъ даетъ лишь очень слабое понятіе. Но эти результаты мало соотвѣтствовали идеямъ двухъ вліятельнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ въ ту эпоху геологовъ, Л. Буха въ Германіи и Ч. Ляйеля въ Англіи, и интереснѣйшіе результаты швейцарскихъ изслѣдователей не встрѣтили общаго признанія со стороны современниковъ, какого они безспорно заслуживали.

Современные альпійскіе ледники, ихъ образованіе и движеніе, попадающія на нихъ и въ нихъ отъ разрушенія сосѣднихъ скалъ и переносимыя ими скопленія каменныхъ обломковъ, такъ наз. морены, были

Край альпійскаго ледника, усѣянный валунами.

изучаемы еще въ XVIII и въ самомъ началѣ XIX-го вѣка. Въ знаменитомъ путешествіи Соссюра 1796—1803 г. уже развита мысль о томъ, что морены могутъ служить указаніемъ на прежнее распространеніе ледниковъ, на прежнее поступательное или отступательное движеніе ихъ нижняго конца. Въ концѣ 20-хъ годовъ, т.-е. почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ основъ геологіи Ляйеля, швейцарскій инженеръ Венецъ публиковалъ рядъ своихъ изслѣдованій о ледникахъ и о колебаніи температуры въ Альпахъ. Онъ показалъ, что, кромѣ моренъ, свидѣтельствующихъ о небольшихъ періодическихъ измѣненіяхъ длины ледниковъ, существуютъ еще другія морены, лежащія очень далеко отъ нынѣшнихъ ледниковъ и своимъ положеніемъ свидѣтель-

ствующія о прежнемъ огромномъ распространеніи ледниковъ въ Швейцаріи. Онъ высказалъ, кромѣ того, мнѣніе, что не только моренные валы швейцарскихъ долинъ, но и столь обыкновенные въ разныхъ приальпійскихъ странахъ и въ сѣверной Европѣ валуны или эррати-ческіе камни обязаны своимъ происхожденіемъ огромнымъ ледникамъ прежнихъ эпохъ.

Припомнимъ кстати, что почти одновременно съ этимъ (1827) знаменитый Л. Бухъ создалъ свою теорію разнесенія валуновъ стремительными грязевыми потоками.

Объясненія Венеца встрѣтили большое сочувствіе со стороны двухъ швейцарскихъ ученыхъ, Шарпантье и Агассица, и они предприняли, частью совмѣстно, частью независимо, дальнѣйшія изслѣдованія и напечатали работы давшія идеямъ Венеца дальнѣйшее развитіе и обоснованіе. При этомъ Шарпантье пытался найти причину прежняго развитія ледниковъ въ большей высотѣ Альпъ въ ту эпоху. Агассицъ высказалъ предположеніе, что въ эпоху, непосредственно предшествовавшую поднятію Альпъ, земля во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся валуны, была покрыта ледянымъ покровомъ. (Послѣдующія изслѣдованія показали, что ледяная эпоха, дѣйствительно, существовала, но наступила не до, а значительно позже времени поднятія Альпъ). Въ 1840 г. Агассицъ предпринялъ поѣздку въ Шотландію и былъ очень счастливъ [убѣдиться въ томъ, что и эта страна усѣяна валунами и мѣстами покрыта такою же глиной съ камнями (диловій Бёкленда), изъ какой состоятъ швейцарскія морены, а мѣстами предсталяетъ оригинальный ландшафтъ съ округленными и отшлифованными, движеніемъ льда каменными выступами, очень напоминающими такъ называемые бараньи лбы Швейцаріи. Со времени этой поѣздки прежнее оледенѣніе Шотландіи и части Англіи стало для Агассица фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Однако, идеи швейцарскихъ ученыхъ о прежнемъ необычайномъ развитіи ледниковъ въ Альпахъ и о существованіи сплошнаго ледяного покрова въ Сѣверной Европѣ не встрѣтили всеобщаго признанія. Бухъ рѣшительно высказывался противъ этихъ идей и отстаивалъ свою теорію разнесенія валуновъ, а Ляйель, признавая заслуги швейцарскихъ геологовъ въ дѣлѣ изученія альпійскихъ ледниковъ, для объясненія происхожденія валуновъ и другихъ слѣдовъ предполагаемаго оледенѣнія сѣверныхъ странъ, создалъ гипотезу покрытія этихъ странъ моремъ, по которому плавали ледяныя горы съ вмерзшими въ нихъ камнями, которые они и роняли при своемъ оттаиваніи. Да и трудно было ожидать, чтобы эти идеи были сочувственно встрѣчены въ ту эпоху, когда ученіе объ однообразной многовѣковой работѣ нынѣ дѣйствующихъ агентовъ торжествовало свою окончательную побѣду. Представить себѣ колоссальные ледники и ледяные покровы тамъ, гдѣ теперь цвѣтущіе холмы и долины, значило бы допустить совершенно иную интенсивность холода и иной мас-

штабъ работы льда на землѣ, чѣмъ это наблюдается нынѣ, а такое допущеніе приближалось къ ученіямъ катастрофистовъ, съ которыми наука только что покончила счеты. Вполнѣ понятно поэтому, что только спустя много времени, уже въ семидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ оледенѣніемъ Гренландіи и цѣлаго ряда новыхъ изслѣдованій въ Швейцаріи, Германіи, Англіи и Скандинавіи и особенно изслѣдованій шведскаго геолога Торелля, идеи, впервые высказанныя Венецомъ, восторжествовали, что и было причиной необычайно плодотворнаго въ послѣднюю четверть XIX вѣка развитія изслѣдованій въ этомъ направленіи и созданія цѣлой новой отрасли геологіи.

Послѣ этого отступленія, имѣвшаго цѣлью отмѣтить прогрессъ въ области, мало затронутой Ляйелемъ, мы вернемся къ тому преобразованію геологіи, какое было создано работами Ляйеля и особенно его основами геологіи.

Это преобразованіе геологіи — проведеніе принципа эволюціи въ область изученія неорганической природы земли — подготовило почву для эволюціоннаго ученія въ примѣненіи къ міру органическому. Идея о непрерывности измѣненій въ развитіи земли естественно должна была повести къ идеѣ о непрерывной измѣнчивости формъ растительнаго и животнаго міра. Замѣчательно, что первый томъ «Основъ геологіи» вышелъ незадолго до отъѣзда Дарвина въ его путешествіе на кораблѣ «Бигль». Дарвинъ самъ заявляетъ въ своей автобіографіи, что эта книга произвела на него глубокое впечатлѣніе, что онъ взялъ ее съ собой въ путешествіе и внимательно изучалъ ее.

Появленіе въ 1859 г. «Происхожденія видовъ» Дарвина производитъ такое же и даже еще болѣе сильное впечатлѣніе на современниковъ, какъ и появленіе «Основъ геологіи» Ляйеля. Провозглашеніе и утвержденіе ученія, согласно которому современное органическое населеніе земли, также какъ и населеніе каждаго изъ подраздѣленій геологическаго времени, представляетъ собою потомство формъ, населявшихъ землю въ непосредственно предшествовавшую эпоху, совершенно измѣняло взглядъ на значеніе ископаемыхъ остатковъ.

Благодаря В. Смиту, эти остатки стали знаками, по которымъ геологъ разбираетъ исторію наслоеній и устанавливаетъ ихъ хронологію. Послѣ Кювье и Ляйеля, они стали единственными остатками когда-то существовавшихъ на землѣ и исчезнувшихъ фаунъ и флоръ. Послѣ Дарвина эти ископаемые остатки стали звеньями никогда не порывавшейся цѣпи жизни; органическія формы каждаго періода стали фазами развитія этой жизни, которая и донынѣ продолжаетъ развиваться и измѣняться, какъ развивалась и измѣнялась впродолженіи безчисленнаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ. Въ изученіи ископаемыхъ фаунъ и флоръ стали видѣть средство возсоздать и понять эту удивительную и сложную исторію живой природы. Палеонтологія, не пере-

ставая служить геологу могучимъ средствомъ разъяснять исторію земли, сама становится исторіей органическаго населенія земли.

Не трудно представить себѣ, какое вліяніе должно было оказать утвержденіе ученія о развитіи органическаго міра на дальнѣйшій прогрессъ палеонтологіи.

Сочиненія Дарвина не остались безъ вліянія и на геологическія идеи второй половины вѣка.

Самъ Дарвинъ мало опирался въ своихъ выводахъ на данныя палеонтологіи; да въ то время онъ и не могъ найти въ ней большой поддержки своимъ взглядамъ. Признавая, однако, свидѣтельства палеонтологіи чрезвычайно важными и рѣшающими, онъ старался найти причину отсутствія или крайней скудности палеонтологическихъ указаній въ пользу своей теоріи и нашелъ эту причину въ томъ, что условія, дѣлающія возможнымъ сохраненіе органическихъ остатковъ, крайне рѣдко осуществляются и что, слѣдовательно, дошедшая до насъ геологическая лѣтопись естественно должна быть крайне отрывочна. Разбирая причины этой отрывочности, Дарвинъ, еще болѣе наглядно, чѣмъ это сдѣлалъ Ляйель, доказалъ, насколько велики должны быть тѣ промежутки времени, впродолженіи которыхъ отлагалась та или иная группа слоевъ; онъ показалъ далѣе, что ничѣмъ не восполненные промежутки, протекшіе между эпохами отложенія нѣкоторыхъ геологическихъ формацій, должны были продолжаться еще долѣе, чѣмъ продолжалось отложеніе этихъ формацій, и что, раньше чѣмъ отложились самые древніе слои съ ископаемыми, должны были протечь періоды еще болѣе продолжительные, чѣмъ время отложенія всѣхъ этихъ формацій; періоды, впродолженіи которыхъ на земномъ шарѣ уже существовало разнообразное органическое населеніе. Эти идеи, хорошо гармонировавшія съ выводами Ляйеля о медленности геологическихъ измѣненій и съ общимъ характеромъ самой древней изъ извѣстныхъ фаунъ, мало-помалу получили общее признаніе. Факты и аргументы, приведенные Ляйелемъ и Дарвиномъ, неизбѣжно приводили къ выводу, что нужны были огромные промежутки времени для того, чтобы могли совершиться всѣ тѣ измѣненія, слѣды которыхъ неизгладимо запечатлѣлись въ земной корѣ, и для того, чтобы могли произойти тѣ послѣдовательныя измѣненія, какія пережило органическое населеніе земли. Соображенія, высказанныя этими учеными, показали, насколько правъ былъ Геттонъ, утверждавшій, что измѣненія, пережитыя землею, требовали огромной продолжительности геологическихъ временъ и что въ тѣхъ матеріалахъ, съ которыми имѣетъ дѣло геологъ, онъ не усматриваетъ никакихъ указаній на самыя начальныя фазы этихъ измѣненій. Однако ни Ляйель, ни Дарвинъ не пытались опредѣлять въ цифрахъ продолжительность этихъ геологическихъ періодовъ. Только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о возможности такого болѣе точнаго опредѣленія продолжительности геологическихъ временъ и вообще о продолжительности суще-

ствованія земного шара въ состояніи обитаемой планеты былъ выдвинутъ знаменитымъ физикомъ Вильямомъ Томсономъ и остановилъ на себѣ вниманіе нѣкоторыхъ геологовъ. Первоначально (въ 1862 г.) Томсонъ воспользовался для этого тѣмъ соображеніемъ, что если земля сохранила въ своихъ глубинахъ остатки того жара, какимъ она обладала до образованія на ней твердой коры, то, зная, въ какой степени возрастаетъ ея температура съ глубиною, можно опредѣлить, сколько времени прошло съ момента отвердѣнія земли, если при этомъ извѣстно, при какой температурѣ имѣло мѣсто это отвердѣніе и какова средняя теплопроводность земли и средняя температура атмосферы. При отсутствіи точныхъ данныхъ обо всемъ этомъ, пришлось вводить въ вычисленія различныя возможныя или вѣроятныя величины, и продолжительность существованія земли въ твердомъ состояніи была опредѣлена въ цифрахъ не менѣе 20 милліоновъ лѣтъ и до 400 милліоновъ лѣтъ.

Впослѣдствіи многіе другіе физики приняли участіе въ рѣшеніи вопроса; была сдѣлана попытка воспользоваться для освѣщенія вопроса о возрастѣ земли соображеніями о ходѣ вѣкового охлажденія солнца и нѣкоторыми еще другими соображеніями. Но всѣ эти попытки не дали болѣе счастливыхъ результатовъ. Рѣшеніе вопроса о возрастѣ земли на основаніи данныхъ о вѣковомъ охлажденіи земли или солнца только тогда можетъ привести къ сколько-нибудь надежнымъ результатамъ, когда ученымъ будутъ извѣстны въ одномъ случаѣ природа и динамическое состояніе внутреннихъ массъ земли, въ другомъ случаѣ природа и динамическое состояніе массы солнца, но въ этомъ отношеніи наука пока безсильна, и то состояніе матеріи, которое представляетъ себѣ физикъ, ищущій данныхъ для рѣшенія своей задачи, можно назвать только однимъ изъ многихъ возможныхъ, но мало вѣроятныхъ предположеній. А, между тѣмъ, для рѣшенія задачи нуженъ еще цѣлый рядъ данныхъ, съ измѣненіемъ которыхъ рѣзко измѣняется результатъ вычисленій. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ данныхъ не можетъ пока считаться точно опредѣленнымъ.

Высоконаучный авторитетъ В. Томсона и та смѣлость, съ которою онъ ставитъ и пытается рѣшить эту чрезвычайно интересную и трудную задачу, произвели въ свое время, да и теперь продолжаютъ производить извѣстное впечатлѣніе какъ на физиковъ, такъ и на геологовъ. Дѣлаются попытки подойти къ рѣшенію вопроса съ разныхъ сторонъ, пытаются освѣтить его со стороны біологической, опредѣлить то время, впродолженіи котораго могли выработаться современныя формы органической жизни. Но и эти попытки нельзя признать болѣе удачными.

Всѣ эти измѣненія и вычисленія не измѣнили существенно представленіе геологовъ о громадной продолжительности тѣхъ временъ, съ какими они имѣютъ дѣло, и которые они и не пытались точно измѣрить. Цифры, полученныя В. Томсономъ (отъ 20 — до 400 милліо-

новъ лѣтъ) настолько неопредѣленны, данныя, на которыхъ основано вычисленіе, настолько не надежны, что едва ли можно говорить о какомъ-нибудь рѣзкомъ измѣненіи взглядовъ на геологическую хронологію созданномъ этими работами. Едва ли также можно признать справедливымъ мнѣніе, что изслѣдованія В. Томсона показали неосновательность тѣхъ взглядовъ, которые развивалъ Геттонъ, впервые освѣтившій вопросъ о продолжительности геологическихъ временъ.

Припомнимъ, что задачей Геттона было провести рѣзкую грань между областью геологіи, дѣлающей свои выводы изъ твердо установленныхъ научныхъ фактовъ, изъ того, что геологъ, дѣйствительно, видитъ и изслѣдуетъ, и областью спекулятивныхъ догадокъ о томъ, что могло когда-то быть, но чего никто никогда не наблюдалъ и что не можетъ быть признано за твердо установленный научный фактъ. Провести эту границу было необходимо для того, чтобы положить конецъ безплоднымъ спорамъ о происхожденіи и о начальныхъ фазахъ существованія земли,—спорамъ, въ которыхъ постоянно примѣнялись аргументы и соображенія, не имѣвшія ничего общаго съ духомъ и пріемами научнаго изслѣдованія. Эти условія времени необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ того утвержденія Геттона, что въ матеріалахъ, съ которыми имѣетъ дѣло геологъ, онъ не находитъ слѣдовъ начала и указаній на конецъ. И теперь, какъ и во времена Геттона, полезно помнить различіе между достовѣрнымъ и гадательнымъ, а это достовѣрное для геологіи ограничено каменной твердой оболочкой земли, повѣствующей объ измѣненіяхъ, которымъ она когда-то подвергалась. Предположенія и догадки могутъ быть весьма остроумны, рѣшеніе вопросовъ, на нихъ основанное, можетъ быть чрезвычайно талантливо, но опыты прошлаго геологической науки должны побуждать геолога относиться къ этимъ рѣшеніямъ съ тою сдержанностью, къ которой его обязываетъ недоказанность исходныхъ посылокъ.

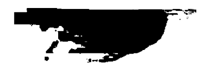
Мы довели нашъ краткій обзоръ исторіи геологической науки до послѣдней четверти минувшаго вѣка. Въ эту послѣднюю четверть геологическая мысль развивается въ различныхъ направленіяхъ, намѣтившихся въ предшествовавшія эпохи, и прогрессу науки мощно содѣйствуютъ, съ одной стороны, международные геологическіе конгрессы, собирающіеся черезъ каждые три года въ разныхъ странахъ міра, съ другой стороны многочисленныя ученыя общества и спеціальныя правительственныя учрежденія, работающія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ надъ изученіемъ ихъ геологическаго строенія, какъ съ цѣлями чисто научными, такъ и съ практическими.

Излагать состояніе каждаго изъ отдѣловъ науки въ его современномъ развитіи не входитъ въ задачу настоящаго очерка, равно какъ и прослѣживать всѣ направленія, въ какихъ развивалась наука во вторую половину XIX вѣка. Но нельзя не упомянуть здѣсь о разработкѣ во 2-ю половину XIX вѣка одного очень интереснаго вопроса—

вопроса о происхожденіи горныхъ цѣпей. Исторія разработки этого вопроса послѣ Эли де-Бомона интересна потому, что она завершилась возникновеніемъ и быстрымъ развитіемъ въ послѣднюю четверть вѣка нѣкотораго новаго направленія, которое является самою выдающеюся чертою въ исторіи геологіи конца XIX вѣка.

Блестящій успѣхъ теоріи горныхъ цѣпей, развитой Эли де-Бомономъ, не помѣшалъ цѣлому ряду ученыхъ выступить съ возраженіями противъ обобщеній знаменитаго французскаго геолога. Особенно много возраженій встрѣтило мнѣніе Эли де-Бомона, что нѣкоторыя цѣпи, которыя имѣютъ одно и то же направленіе или параллельны одна другой, поднялись одновременно и притомъ внезапно. Были указанія, что Альпы, Рудныя горы, Гарцъ и многія другія горы обнаруживаютъ въ своемъ строеніи слѣды нѣсколькихъ періодовъ поднятія. Многія горныя цѣпи сдѣлались предметомъ болѣе детальнаго изслѣдованія, и обнаружилось, что онѣ имѣютъ несравненно болѣе сложное строеніе, чѣмъ то, какое представляли себѣ Бухъ и Эли де-Бомонъ. Американскіе геологи, изучавшіе Алеганы и Скалистыя горы и между ними особенно Дэна и Ле-Контъ разрабатываютъ свою теорію образованія горныхъ цѣпей, сильно уклоняющуюся отъ теоріи Эли де-Бомона, но хорошо гармонирующую съ тѣмъ, что извѣстно о горныхъ цѣпяхъ американскаго континента. Эта теорія примыкаетъ къ Эли де-Бомоновой въ томъ смыслѣ, что признаетъ за причину возникновенія складокъ, расколовъ и различныхъ смѣщеній пластовъ, наблюдаемыхъ въ горахъ, приспособленіе уже остывшей и не сокращающейся земной коры къ остывающему и сокращающемуся въ своемъ объемѣ внутреннему ядру земли.

Въ дальнѣйшей разработкѣ этой теоріи, не имѣющей уже ничего общаго съ идеями Эли де-Бомона, американскіе геологи предполагаютъ, что тамъ, гдѣ находятся нынѣшніе континенты, образовались на охлаждающейся планетѣ первые твердые участки, что вдоль краевъ континентовъ идутъ нѣкоторыя линіи или полосы, гдѣ земная кора обладаетъ меньшею прочностью, въ силу неодинаковой толщины и температуры земной коры, и что по этой-то линіи и возникаютъ горныя цѣпи, вслѣдствіе того, что вертикальное движеніе участковъ земной коры, стремящейся опуститься внизъ, по направленію къ сокращающемуся ядру земли, переходитъ въ боковое напряженіе, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ сводахъ. Это боковое напряженіе и порождаетъ изгибы и складки пластовъ. Горы, возникающія въ видѣ одной складки (моногенетическія горы), обыкновенно подвергаются быстрому разрушенію работой атмосферныхъ агентовъ. Горныя цѣпи, болѣе сложныя, состоящія изъ нѣсколькихъ гребней, возникали въ огромныхъ, но пологихъ прогибахъ земной коры, такъ называемыхъ геосинклиналяхъ, въ которыхъ накоплялись мощныя толщи осадковъ. Опускаясь въ геосинклинали на сравнительно большую глубину и подвергаясь тамъ дѣй-

ствію повышенной температуры, слои становились менѣе прочными, разламывались, разрывались и сдвигались боковымъ движеніемъ въ складки и, въ силу этого, поднимались. Такое образованіе и поднятіе складокъ могло и повториться и за одной системой складокъ могла возникнуть другая, болѣе поздняя, что и обнаруживается при изученіи строенія сложныхъ многоскладчатыхъ горныхъ цѣпей. Образованіе такихъ цѣпей требовало огромныхъ промежутковъ времени и ихъ несимметрическое строеніе стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями ихъ возникновенія и развитія. И теперь въ глубокихъ частяхъ океановъ, примыкающихъ къ гористымъ континентальнымъ побережьямъ создаются новыя горныя складки, которымъ предстоитъ подняться и присоединиться къ уже существующимъ на краю континента горнымъ хребтамъ. Въ болѣе новые геологическіе періоды, съ утолщеніемъ и упрочненіемъ земной коры, процессъ замедляется, но напряженіе все-таки растетъ и разрѣшается возникновеніемъ еще болѣе могучихъ складокъ и образованіемъ расколовъ, по которымъ поднимаются изъ глубины расплавленныя каменныя массы.

Такова въ краткихъ словахъ теорія образованія горныхъ цѣпей Дэна и Ле-Конта, возникшая на американской почвѣ и во многомъ опередившая собою тѣ взгляды, которые господствовали въ Европѣ въ началѣ послѣдней четверти вѣка. Новую эпоху въ развитіи этого вопроса, да и въ развитіи геологической науки вообще намѣчаетъ небольшая, вышедшая въ 1875 г. книжка вѣнскаго профессора Эдуарда Зюсса: «Происхожденіе Альпъ». Въ ней идеи американскихъ геологовъ нашли подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе примѣнительно къ особенностямъ горъ европейскаго континента. Но этого мало. Вопросъ о рельефѣ земной поверхности, о происхожденіи горныхъ цѣпей и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ ставится въ этомъ сочиненіи несравненно шире, чѣмъ это дѣлалось раньше и рѣшается не на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ въ какой-нибудь одной странѣ, касающихся какой-либо одной горной цѣпи, а на основаніи всей той массы фактовъ и наблюденій, которая къ тому времени накопилась въ геологической литературѣ. Мастерское сопоставленіе и освѣщеніе этихъ фактовъ и наблюденій проливаетъ совершенно неожиданный свѣтъ не только на вопросъ о происхожденіи Альпъ и другихъ горъ европейскаго континента, но и на всю исторію развитія рельефа и другихъ географическихъ особенностей земного шара.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 80-хъ годахъ, проф. Зюссъ печатаетъ два тома другого, еще болѣе важнаго сочиненія: «Ликъ земли», имѣющаго задачей начертать, пользуясь колоссальной геологической литературой всѣхъ странъ, общій ходъ измѣненій, пережитыхъ земною поверхностью въ различные геологическіе періоды и выразившихся какъ въ многообразныхъ движеніяхъ и перемѣщеніяхъ твердой оболочки земли, такъ и въ тѣхъ еще далеко не разъясненныхъ движе-

ніяхъ ея водной оболочки, о которыхъ намъ свидѣтельствуютъ своимъ распространеніемъ и своими органическими остатками осадочныя напластованія земли.

Здѣсь невозможно изглагать содержаніе или оцѣнивать значеніе колоссальнаго труда Зюсса, тѣмъ болѣе, что послѣдній его томъ еще и не появился. Это не прошедшее, а настоящее геологіи, нынѣшняя

Эдуардъ Зюссъ.

фаза ея развитія. Мы закончимъ это упоминаніе о самомъ замѣчательномъ явленіи въ исторіи геологіи ознаменовавшемъ послѣднюю четверть XIX вѣка тѣми словами, которыми извѣстный французскій геологъ М. Бертранъ закончилъ предисловіе къ французскому переводу «Лика земли»: «Созданіе науки, какъ и созданіе міра, требуетъ не одного дня, но когда наши преемники будутъ писать исторію нашей науки, они скажутъ, я убѣжденъ въ этомъ, что трудъ Зюсса отмѣчаетъ въ этой исторіи конецъ перваго дня, о которомъ сказано: «и бысть свѣтъ».

СТОЛКНОВЕНІЕ ДВУХЪ ТЕЧЕНІЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

(Памяти Н. А. Добролюбова).

Пятидесятые годы близились къ концу. То была эпоха знаменитаго «пролога къ прологу», время, когда надъ русской тундрой повѣяло живительнымъ дыханіемъ наступавшей весны, когда стала «качаться цѣпь великая», когда все юное, свѣжее и неиспорченное тяжелой атмосферою предшествовавшаго періода съ энтузіазмомъ привѣтствовало наступленіе новой эры.

«Лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дождаться, пока они освободятъ себя снизу» — такова была категорическая форма, въ которой доводила до всеобщаго свѣдѣнія свои намѣренія относительно крестьянскаго вопроса высшая власть въ странѣ. Всѣ знали, что недолго уже оставалось ждать до момента осуществленія завѣтнаго желанія «людей сороковыхъ годовъ», что однимъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостного права реформа ограничиться не можетъ, что подняты вопросы о капитальномъ ремонтѣ всего, столѣтіями выросшаго на крѣпостномъ фундаментѣ зданія, что цѣлая полоса русской исторіи отходитъ въ область прошлаго, что на горизонтѣ вырисовываются контуры чего-то новаго, большóго, еще не бывалаго на Руси...

Одни привѣтствовали наступленіе близкаго будущаго съ восторгомъ, видя въ немъ зарю той жизни, о которой они мечтали съ юныхъ лѣтъ; другіе встрѣчали ежедневно приходившія въ самые глухіе углы Россіи вѣсти о «новомъ курсѣ» со страхомъ передъ мерещившейся имъ бурей, которая де развѣетъ по вѣтру вѣковыя «дворянскія гнѣзда». Бодро, свѣтло и радостно было настроеніе людей прогрессивнаго лагеря. Противники существующаго строя еще въ недалекомъ прошломъ, они готовы были восклицать вмѣстѣ со своимъ передовымъ борцомъ: «Ты побѣдилъ, галилеянинъ!..» Мрачно, угрюмо и злобно будировали противъ «новшествъ» противники реформъ. Два существующіе во всякое время, но обостряющіеся съ особою силою въ критическіе моменты исторіи, враждебные одинъ другому потока общественной мысли сталкивались на каждомъ шагу. Прогрессивное начало жизни ликовало и торжествовало свою побѣду. Безсильное защитить себя при дневномъ свѣтѣ силою аргументовъ, начало обратное изощряло всѣ

свои способности въ привычной ему сферѣ инсинуацій и интригъ противъ всего добраго и живого. И чѣмъ неизбѣжнѣе казался восходъ солнца новой жизни, тѣмъ безпокойнѣе становилась дѣятельность не переносящихъ свѣта совъ и нетопырей нашихъ канцелярій и университетовъ, казармъ и редакцій журналовъ.

Но не этими только двумя теченіями общественной мысли и ихъ столкновеніемъ опредѣлялся вполнѣ характеръ приснопамятной эпохи русской жизни. Рядомъ съ прогрессивнымъ и реакціоннымъ теченіемъ ясно обозначился и третій потокъ. Прогрессисты вышли сами почти поголовно изъ барской среды. Расходившіеся нерѣдко между собою, казалось, чрезвычайно глубоко, люди эти носили на себѣ, тѣмъ не менѣе, ясную печать взростившей ихъ среды и имѣли не мало родственныхъ чертъ во всемъ складѣ ихъ психической природы. Была такая общая скобка, за которою безъ труда помѣщались вмѣстѣ и западники, и славянофилы. Не одно только «общее дѣло», не исключительно лишь борьба съ крѣпостниками, ради достиженія одинаковой дорогой и западникамъ, и славянофиламъ ближайшей цѣли (само собою разумѣется, что мы говоримъ о славянофилахъ типа Хомякова, Самарина, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, а отнюдь не о людяхъ, только по недоразумѣнію называющихъ себя ихъ единомышленниками) сближали между собою этихъ людей; нѣтъ, тутъ была извѣстная доля психическаго родства, безотчетной симпатіи, взаимнаго тяготѣнія. Хомяковъ и Тургеневъ, Самаринъ и Кавелинъ, Аксаковъ и Панаевъ, Кирѣевскій и Анненковъ принадлежали одинаково къ поколѣнію «людей сороковыхъ годовъ»; у всѣхъ у нихъ было много общихъ дорогихъ воспоминаній, позади каждаго изъ нихъ стояла барская усадьба, съ царившемъ въ ней, правда, «чудовищемъ», бороться съ которымъ они давали «аннибаловы клятвы», но и съ очаровательными, тѣнистыми парками, съ поэтическими бесѣдками, съ широкимъ привольемъ, съ чудными женскими головками... Радость, непритворная, глубокая радость наполняла сердца Тургенева и его близкихъ по духу людей при видѣ паденія крѣпостного права, но къ радости этой не могла не примѣшиваться черточка и нѣкоторой грусти... Вѣдь, какъ ни какъ, а съ исчезновеніемъ фундамента, фундамента—не перестаемъ повторять это—искренно ненавидимаго, обрекалось на исчезновеніе и многое другое, близкое, многое такое, съ чѣмъ съ дѣтства сроднилась душа и что̀ теперь, при косыхъ лучахъ уже склонившагося далеко къ западу солнца личной жизни, представлялось окруженнымъ особо поэтическимъ ореоломъ... Да и могло ли быть это иначе, могли ли люди сороковыхъ годовъ усиліями разума и воли, въ особенности воли, на отсутствіе которой у своего поколѣнія они сами не разъ горько сѣтовали, освободиться отъ всего того, что наслоилось вѣками, развилось подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства, закрѣпилось дальнѣйшимъ обращеніемъ въ опредѣленной общественной средѣ? Неужели Тургеневъ, этотъ «Гомеръ дво-

рянскаго сословія», могъ бы когда-нибудь подарить намъ такую чудную, такую высоко-поэтическую вещь, какъ «Дворянское Гнѣздо», если бы онъ не былъ самъ кость отъ кости и плоть отъ плоти одного изъ такихъ «гнѣздъ»? Неужели та тихая грусть, которой проникнуто это чарующее произведеніе, могла бы имѣть мѣсто и, чтò особенно важно, сообщаться такъ сильно читателю, если бы на такую тему caeteris paribus вздумалъ написать романъ, напр., Чернышевскій? Каждому свое. Безъ извѣстнаго элемента барства въ натурѣ, Тургеневъ не былъ бы Тургеневымъ. Тэнъ говоритъ, а Мельхіоръ де-Вогюэ повторяетъ, вполнѣ съ нимъ соглашаясь, что «Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ художниковъ, какими только обладалъ міръ послѣ художниковъ Греціи». Невѣдомо откуда посылаетъ судьба своимъ избранникамъ то, чтó называется дарованіемъ, талантомъ, геніемъ, но дѣло совершенно ясное, что для *развитія* этихъ даровъ необходимы благопріятныя условія жизни. Барство и было важнѣйшимъ условіемъ для развитія талантовъ людей сороковыхъ годовъ. Но сослуживъ имъ такую службу, оно же не могло не коснуться ихъ и своими отрицательными сторонами. Оно надѣлило ихъ такими чертами характера, въ силу которыхъ люди сороковыхъ годовъ не шли дальше «благихъ порывовъ», а «свершить имъ ничего не было дано». Между тѣмъ, пришло время, когда, выражаясь въ экономическихъ терминахъ, на рынкѣ русской жизни появился спросъ на людей иного закала, на людей съ твердой волей, непреклонными характерами, умѣньемъ бороться за свои идеалы. Сороковые же годы могли выработать все, что угодно но только не это.

Пробилъ часъ появленія на исторической аренѣ Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ.

Въ своей извѣстной книгѣ «Русскіе писатели и артисты» А. Я. Панаева-Головачева разсказываетъ, между прочимъ, о причинахъ столкновенія, происшедшаго между Тургеневымъ и Добролюбовымъ, которое окончилось разрывомъ Тургенева съ редакціей «Современника» *). Нисколько не сомнѣваясь въ искренности почтенной дамы-писательницы, мы въ то же время совершенно убѣждены, что изъ ея книги читатель не получитъ ни малѣйшаго представленія объ описываемыхъ ею событіяхъ. Наблюдая все происходившее вокругъ и вспоминая всевозможныя мелочи, госпожа Головачева, подобно крыловскому «любопытному», «слона-то и не примѣтила». Упоенный литературною славою,— повѣствуетъ намъ г-жа Головачева,—Тургеневъ, приглашая какъ-то къ себѣ обѣдать Некрасова, Панаева и другихъ, повернулъ небрежно голову къ Добролюбову и сказалъ: «приходите и вы, молодой человѣкъ». Добролюбовъ на это обидѣлся и не пошелъ. Тургеневъ увидѣлъ въ такомъ поступкѣ Добролюбова непочтеніе къ своей особѣ и

*) См. книгу Головачевой, стр. 303, 319 и др.

пр., и пр., и пр. Дѣло кончилось присылкою Тургеневымъ Некрасову ультиматума, который гласилъ: «выбирай: я или Добролюбовъ». Все это, можетъ быть, и такъ, все это даже похоже на правду, но эта «правда» такого сорта, которая, вмѣсто разъясненія дѣла, затемняетъ его хуже всякихъ вымысловъ. Г-жа Головачева напоминаетъ, повторяемъ, именно «любопытнаго», который «все видѣлъ, высмотрѣлъ» до «бабочекъ, букашекъ и мушекъ» включительно, а не замѣтилъ бездѣлицы: слона.

Она становится на сторону Добролюбова, описываетъ его очень симпатичными штрихами, но, прочтя до конца всѣ посвященныя Добролюбову страницы, Добролюбова-то вы въ нихъ и не найдете.

«Въ противоположность вѣчно занятому сплетнями и пересудами кругу Тургенева,—повѣствуетъ Головачева,—Добролюбовъ, Чернышевскій и ихъ друзья вели постоянно серьезныя бесѣды». О чемъ же бесѣдовали они, спроситъ заинтересовавшійся такими строками читатель, что служило главною темою ихъ разговоровъ между собою въ то лихорадочное время, какъ откликались они въ своемъ тѣсномъ кругу на происходившія тогда крупныя событія? Но тщетно будетъ задавать онъ подобные вопросы, ибо тутъ-то находится слонъ, котораго не замѣтила госпожа Головачева. Ничего новаго по *этому* поводу читатель изъ ея книги не узнаетъ...

Но, если госпожа Головачева не замѣтила ровно ничего изъ характернѣйшихъ чертъ того общества, среди котораго она такъ долго вращалась, то существуютъ, къ счастью, свидѣтельства другихъ лицъ, обрисовывающихъ дѣло съ наиболѣе интересной стороны.

Вотъ слова одного изъ современниковъ и единомышленниковъ Добролюбова, напечатанныя вскорѣ послѣ смерти знаменитаго писателя:

«При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ жило русское общество въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—говоритъ П. А. Бибиковъ,—увлечься было легко, но много надо было смѣлости и здраваго смысла, чтобы усумниться во всеобщемъ увлеченіи и еще болѣе того, чтобы громко высказать свое сомнѣніе. Горе было человѣку, у котораго доставало яснаго пониманія и твердой рѣшимости сказать обществу, что оно топчется на одномъ мѣстѣ и ни на шагъ не ступаетъ изъ болота, въ которое втянула его судьба, когда оно было въ полной увѣренности, что корабль тронулся да еще и пошелъ полнымъ ходомъ. За это и поднялись противъ него люди всѣхъ партій и оттѣнковъ. *Этого* они не могли простить ему» *)...

Эти нѣсколько словъ говорятъ куда громче всего многословія Головачевой. Не останавливаясь ни на какихъ «бабочкахъ и букашкахъ» въ жизни и міросозерцаніи Добролюбова, Бибиковъ ука-

---

*) Бибиковъ. «О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова». Изд. Н. Серно-Соловьевича. Спб. 1862. Стр. 58.

валъ прямо на «слова», которымъ Добролюбовъ и его друзья отличались отъ другихъ людей «всѣхъ партій и оттѣнковъ».

Что партія реакціонеровъ должна была ненавидѣть «Современникъ», это понятно само собою; что немногимъ лучше относились къ нему люди въ родѣ редактора еженедѣльной газеты «Наше Время» Павлова *), это то же вполнѣ естественно, но на причинахъ далеко недружественнаго отношенія къ Чернышевскому и Добролюбову людей, дѣйствительно, прогрессивныхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что прогрессисты типа Тургенева, привѣтствуя отъ всей души паденіе крѣпостного права и мечтая о широкихъ реформахъ, не могли, однако, смотрѣть на массу иначе, какъ нѣсколько, а многіе даже и не нѣсколько, сверху внизъ. Они могли признать девизомъ своей дѣятельности формулу—«tout *pour* le peuple», но всѣмъ складомъ своей психики были чужды формулы «tout *par* le peuple». На этомъ-то центральномъ пунктѣ и столкнулось міросозерцаніе старыхъ баръ и новыхъ разночинцевъ. «Посмотрите, какой подъемъ въ общественномъ настроеніи, какъ искренно увлеченіе передовыхъ слоевъ общества, какъ много вышло изъ помѣщичьихъ усадьбъ силъ, которыя готовы посвятить себя дѣлу обновленія отечества; на нихъ, на этихъ силахъ, и должны покоиться наши упованія. Эти силы сдѣлаютъ tout pour le peuple». Въ такой приблизительно формѣ раздавались рѣчи прогрессистовъ. Но недовѣрчиво внимали имъ Добролюбовы, Чернышевскіе, Бибиковы, Серно-Соловьевичи и только временами произносили сквозь зубы:

А глядишь нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

Или:

А нашъ новый Мирабо
Стараго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещетъ въ грудь и въ рыло...

Немного найдется въ нашей литературѣ болѣе злыхъ характеристикъ русскаго общества, чѣмъ въ статьѣ Чернышевскаго «Русскій человѣкъ на rendez-vous». Поводомъ для нея послужило появленіе въ 1858 году въ «Современникѣ» тургеневской повѣсти «Ася». Статья Чернышевскаго напечатана въ іюньской книжкѣ журнала «Атеней» за тотъ же годъ и носитъ, кромѣ указаннаго названія, еще подзаголовокъ: «Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася». Показавъ, что герой этой повѣсти (русскій Ромео, какъ назвалъ его Чернышевскій) находится въ близкомъ родствѣ съ героемъ некрасов-

*) См., напр., статью Павлова, «Г. Чернышевскій и его время», въ № 28 газеты «Наше Время». Стр. 467—476.

ской поэмы «Саша», герценовскаго романа «Кто виноватъ» (Бельтовымъ) и многими другими, Чернышевскій писалъ:

«Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми порядочными людьми, подобно ему выведенными другими у другихъ поэтовъ; пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ: подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія, и большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе объ ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія и сказать: «вы хотите того-то и того-то. Мы очень рады. Начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ». При такой репликѣ, одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что «какъ же можно такъ скоро» и «при томъ же они честные люди» и не только честные, но очень смирные и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ и что, вообще, развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать и что лучше всего—ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они «никакъ не желали и не ожидали» и проч. *).

Указавъ на поразительную недогадливость Ромео, авторъ продолжаетъ: «При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, вамъ можетъ показаться, что предъ вами или дитя, или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій подъ тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что все сводится къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе,— онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки

*) Атеней. Май—Іюнь. 1858. Стр. 71.

серебромъ; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ которой выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей и вы увидите, что онъ совершенно переконфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство: онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ, не сумѣетъ и картъ держать въ рукахъ. Онъ похожъ на моряка, который всю жизнь дѣлалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію вехъ между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ. Что если этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя въ океанѣ?» *).

Теперь спрашивается, какъ должны были относиться всѣ игроки въ ералашъ «по маленькой» да моряки, плавающіе въ полупрѣсной водѣ къ автору подобныхъ строкъ и его школѣ? Не ясно ли, какъ правъ былъ Бибиковъ, утверждавшій, что «*этого* они не могли простить ему?..» Правда, Бибиковъ говорилъ это про Добролюбова, но сущность дѣла отъ того не мѣняется. Люди сороковыхъ годовъ чувствовали, что отъ новоявленныхъ разночинцевъ ихъ раздѣляетъ бездонная пропасть. Съ Чернышевскимъ они еще кое-какъ мирились; съ Добролюбовымъ же чувствовали себя окончательно не въ своей тарелкѣ. Самъ Чернышевскій видѣлъ это и приписывалъ такую разницу большей цѣльности натуры и убѣжденій Добролюбова. Въ открытомъ письмѣ къ Зарину онъ писалъ уже послѣ смерти Добролюбова такія строки:

«Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его (Добролюбова) первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 года. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ сначала того года. «Странное дѣло,— сказалъ мнѣ, между прочимъ, г. Кавелинъ,—я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? Образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, если бы могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ *совершенно чуждъ мнѣ*, между тѣмъ какъ, напримѣръ, вы *не вовсе чужды*». Я сказалъ тогда: «Это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ намъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ къ вашему. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взгля-

*) Ibid., стр. 81—82.

домъ»... Другой подобный же разговоръ, былъ у Чернышевскаго съ Тургеневымъ. «Онъ (Тургеневъ) былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «Васъ я еще могу переносить, но Добролюбова не могу». «Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже».—«Да,—отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя». Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже считался самымъ полнымъ представителемъ того направленія, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ» *).

Едва ли правъ былъ Чернышевскій, ставя себя во всѣхъ отношеніяхъ ниже Добролюбова, хотя онъ и утверждалъ это всю свою жизнь, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія. Въ разсказанныхъ Чернышевскимъ случаяхъ ясно выступила та непримиримость взглядовъ, которая болѣе и болѣе обнаруживалась между людьми сороковыхъ годовъ и новою школою. На этой-то почвѣ и долженъ былъ рано или поздно произойти расколъ въ редакціи «Современника», въ которой нѣкоторое время уживались представители, въ сущности, глубоко различныхъ между собою міросозерцаній.

По поводу повѣсти «Ася» Чернышевскій написалъ статью, въ которой прямо бросилъ въ лицо разнымъ «героямъ» свое «не вѣрю», «ничего вы не сдѣлаете» и пр. Для возможности претворенія идеала въ дѣйствительность онъ указывалъ на совсѣмъ другіе общественные слои. А Добролюбовъ? Что такое его знаменитая статья объ «Обломовщинѣ», какъ не доведенное до крайняго предѣла отрицаніе возможности возлагать на вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами культурныхъ русскихъ людей какихъ бы то ни было надеждъ и упованій?

По чрезвычайно вѣрному замѣчанію одного русскаго писателя, «Добролюбовъ былъ геніальный публицистъ, по нуждѣ сдѣлавшійся критикомъ». Кто будетъ упускать изъ вида это обстоятельство, тотъ никогда не пойметъ роли Добролюбова въ нашей литературѣ. Съ публицистическимъ перомъ въ рукѣ и написалъ онъ свою статью «Что такое обломовщина»? Правильно или нѣтъ, но въ ней рѣшилъ онъ безповоротно, что вѣрить въ то, во что вѣрила въ концѣ пятидесятыхъ годовъ масса образованнаго общества, нельзя, что «Обломовъ» глубоко сидитъ во всякомъ культурномъ русскомъ человѣкѣ и что надо, поэтому, искать другихъ путей.

«Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣче-

*) Въ изъявленіе признательности. Письмо къ г. З—ну. «Современникъ». Февраль 1862 г., стр. 393—394. Эта же статья была перепечатана въ изданныхъ М. Н. Чернышевскимъ «Замѣткахъ о современной литературѣ», стр. 440—441.

ства и о необходимости развитія личности,—я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства,—онъ Обломовъ.

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п. я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что все это пишутъ изъ «Обломовки».

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ не уменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую «Обломовку».

«Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «Вы говорите, что не хорошо то-то и то-то; что же нужно дѣлать?» Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «Да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: «Что же вы намѣрены дѣлать?» Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать? Я слишкомъ хорошо знаю какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами»... и пр. Больше *отъ нихъ вы ничего не дождетесь*, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины» *).

Ясно, что на культурные классы русскаго общества Добролюбовъ ставилъ, что называется, полный крестъ. Но отчаявался ли онъ, вслѣдствіе этого, въ осуществленіи въ русской жизни дорогихъ ему началъ? Нисколько, ибо культурные классы далеко еще не составляютъ всей Россіи. Кромѣ нихъ, есть еще народъ или, какъ называлъ его нерѣдко Добролюбовъ, «простонародье». Этотъ-то народъ и его интересы занимали центральный пунктъ всѣхъ думъ Добролюбова, всѣхъ его помысловъ, всей его литературной дѣятельности. Не народъ - абстрактъ вродѣ того, какимъ онъ представлялся воображенію славянофиловъ, а народъ реальный, состоящій изъ мыслящихъ и чувствующихъ живыхъ людей,—вотъ кто призванъ, по мнѣнію Добролюбова, осуществить въ жизни начала добра и справедливости. «Любовь къ народу и сочувствіе къ нему,—справедливо говоритъ Зайцевъ,—были у Добролюбова не пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мисти-

*) «Сочиненія Н. А. Добролюбова», т. II, стр. 520—521.

ческимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ» *). Культурные классы находятся передъ народомъ въ неоплатномъ долгу и тѣ отдѣльныя личности изъ интеллигенціи, которыя дошли до пониманія этой истины, должны подумать прежде всего объ уплатѣ народу долга. «Кто серьезно проникается этой мыслью,—говорилъ Добролюбовъ—тотъ почувствуетъ болѣе довѣрія къ народу, болѣе охоты сблизиться съ нимъ... Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія живыя силы». Отсюда, по мнѣнію Добролюбова совершенно ясна и задача литературы. Къ ней призывалъ онъ въ слѣдующихъ страстныхъ словахъ: «Неужели же такъ и суждено нашей литературѣ навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества волнуемаго карточными страстишками, любовью къ звѣздамъ и боязнью пожелать что-нибудь страстно и твердо? Неужели только эта грошевая «образованность», дѣлающая изъ человѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ требованій природы, рутинныя сентенціи отжившихъ авторитетовъ всякаго рода, — неужели она только будетъ красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы, занимать собою нашихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ? Не пора ли уже намъ отъ этихъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъросткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды? Событія зовутъ насъ къ этому, говоръ народной жизни доходитъ до насъ и мы не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушиваться къ этому говору» **).

Къ этой цѣли и были направлены всѣ усилія Добролюбова. Отсюда всѣ его насмѣшки надъ культурными слоями общества, его, приводящій и понынѣ въ смущеніе не одного только г. Волынскаго, ироническій хохотъ надъ вопросами, ничего смѣшного, повидимому, въ себѣ не заключающими, отсюда и знаменитый «Свистокъ».

Приведемъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ добролюбовскаго отношенія къ волновавшимъ интеллигенцію событіямъ. Извѣстный писатель-этнографъ Павелъ Якушкинъ, странствуя по градамъ и весямъ Россіи, съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ, былъ арестованъ псковскою полиціею и продержанъ нѣсколько дней въ «холодной». На такой произволъ полиціи Якушкинъ принесъ жалобу обществу (тогда это было еще возможно) въ статьѣ «Проницательность и усердіе губернской полиціи», напечатанной въ журналѣ «Русская Бесѣда» за 1859 годъ.

*) Зайцевъ.—«Бѣлинскій и Добролюбовъ». «Русское Слово», февраль 1864 года стр. 66.

**) «Черты для характеристики русскаго простонародья». «Сочиненія», т. III. стр. 442—443.

Случай этотъ сильно взволновалъ интеллигенцію и много было наговорено теплыхъ словъ по адресу полиціи. Иначе отнесся къ этому дѣлу Добролюбовъ.

«Мы не могли безъ особеннаго восхищенія,—иронизировалъ онъ,—читать мастерского очерка г. Якушкина. Какая смѣлость!.. Какое благородство выраженій!.. Какое достоинство тона!.. Простому полицейскому случаю придана форма вполнѣ литературная, и притомъ чисто-народная. Отрадно читать подобное описаніе. Сердце каждаго русскаго, истинно любящаго литературу своего отечества, должно ощущать радостный трепетъ при чтеніи статьи г. Якушкина. Она служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ велики прогрессы, до которыхъ дошли мы въ жизни и литературѣ, вслѣдствіе широкаго развитія гласности».

Приведя эту цитату изъ Добролюбова, г. Волынскій недоумѣвающе спрашивалъ: «Надъ чѣмъ хохоталъ Добролюбовъ? Надъ принципами гласности? Надъ Якушкинымъ?» *).

Нѣтъ, не надъ Якушкинымъ, отвѣтимъ мы, и тѣмъ болѣе не надъ принципами гласности. Добролюбовъ «хохоталъ» надъ той чертою современныхъ ему культурныхъ классовъ въ Россіи, въ силу которой они готовы были расточать «смѣлыя слова и благородныя выраженія» по поводу того или другого непріятнаго приключенія съ человѣкомъ «бѣлой кости», рѣшительно забывая, что вся жизнь милліоновъ крестьянъ состоитъ изъ сплошной массы такихъ «приключеній». «Если вамъ, дѣйствительно, не нравится существованіе подобныхъ явленій на Руси,—подразумѣвалъ въ своемъ «хохотѣ» Добролюбовъ,—то сдѣлайте такъ, чтобы ихъ *вовсе* не было ни съ бѣлой, ни съ черной костью,—а не можете, такъ стоитъ ли и толковать о вашихъ крошечныхъ обидахъ, составляющихъ каплю среди океана горя народнаго. Наконецъ, къ кому вы апеллируете? Къ обществу? Да, вѣдь, это общество и санкціонируетъ своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ милліонамъ аналогичныхъ фактовъ изъ народной жизни тотъ строй, на почвѣ котораго выростаютъ подобные цвѣточки. Нѣтъ, вы дѣлаете совсѣмъ не то. Апеллировать, конечно, слѣдуетъ, да только не въ ту инстанцію». Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ «хохота» Добролюбова въ эпизодѣ съ Якушкинымъ. Тутъ чрезвычайно ярко выразилась точка зрѣнія «отца русскаго народничества». Она оставила послѣ себя глубокій слѣдъ. Стоя именно на этой точкѣ зрѣнія, послѣдующее поколѣніе интеллигентовъ-народниковъ считало стремленіе къ завоеванію для себя болѣе сносныхъ условій гражданской жизни дѣломъ не только безполезнымъ, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ вреднымъ. Характеризуя это движеніе, г. Михайловскій говоритъ, что настроеніе народнической интеллигеніи того времени можно выразить словами: «ну, и пусть сѣкутъ; вѣдь, мужика сѣкутъ же». Это значило, по нашему мнѣнію, вотъ что: или полное обнов-

*) «Русскіе критики», стр. 248.

леніе условій жизни для *всего народа*, или, если этого достигнуть невозможно, то лучше подвергаться до поры до времени и самимъ всѣмъ, безъ исключенія, условіямъ, въ которыхъ живетъ народъ, чѣмъ занимать по отношенію къ нему какое бы то не было привилегированное положеніе. Бóльшія права, бóльшая свобода отдѣльныхъ классовъ лягутъ лишь еще большею тяжестью на плечи народа.

Мы знаемъ теперь всю несостоятельность подобныхъ разсужденій; отъ нихъ принуждены были отказаться и многіе изъ партизановъ даннаго ученія, но ничего не пойметъ ни въ литературной дѣятельности Добролюбова, ни во многомъ другомъ, съ нею связанномъ, тотъ, кто увидитъ здѣсь, подобно г. Волынскому, лишь плодъ недомыслія и не вникнетъ въ *духъ* проповѣди знаменитаго писателя. Онъ-то и наложилъ свою печать на цѣлыя полосы русской жизни. Въ немъ лежитъ нетлѣнная заслуга литературной дѣятельности Добролюбова. Его ошибка состояла во взглядѣ на народную массу, какъ на нѣкое сплошное цѣлое, которое можетъ быть противопоставлено въ литературѣ и жизни культурнымъ классамъ, тогда какъ на дѣлѣ и самъ «народъ» дробился на весьма различные классы, но «поправка», внесенная жизнью въ ученіе Добролюбова, не коснулась и не должна касаться *духа* произведеній знаменитаго писателя.

Говорятъ, что Добролюбовъ не понималъ ничего въ сферѣ художественной и эстетической. Это неправда. Если онъ относился подчасъ иронически къ тому или другому, заслуживавшему иного къ себѣ отношенія, произведенію, то это опять—таки не вслѣдствіе непониманія имъ художественной цѣнности такого произведенія, а въ силу того взгляда на литературную критику, который онъ считалъ *временно* необходимымъ.

Н. Островская, у отца которой часто бывалъ Добролюбовъ, разсказываетъ, что однажды ея отецъ спросилъ его, какъ ему нравится «Наканунѣ», т.-е. то самое произведеніе, изъ за - котораго вышелъ разрывъ Тургенева съ «Современникомъ».

— Прелесть,—отвѣчалъ Добролюбовъ, съ непривычнымъ ему восторгомъ.

— Хорошо-то хорошо, только герой не совсѣмъ ясенъ.

— Не было у него передъ глазами молодежи для такихъ людей. Но за то новая, свѣжая мысль! И дѣвушка эта,—какъ хороша. И какъ умно, что онъ не воротилъ ее въ Россію послѣ смерти мужа...

«Никогда не видала я Добролюбова такимъ: у него лицо стало добрѣе и точно моложе, и голосъ звучалъ иначе...

«Когда же въ другой разъ зашла рѣчь о повѣсти Тургенева «Первая любовь», то Добролюбовъ, признавая всѣ ея художественныя красоты, настаивалъ на томъ, что теперь *не время* ими заниматься»... *).

---

*) Н. Островская. «Мои воспоминанія о Н. А. Добролюбовѣ». «Волжскій Вѣстникъ». 17 ноября 1893 г. № 296.

Требуя настоящаго дѣла и задѣвая нерѣдко за живое дряблое русское общество, Добролюбовъ становился, разумѣется, мишенью для самыхъ ожесточенныхъ нападокъ и крайне одностороннихъ статей. Дѣло дошло до того, что по адресу Добролюбова и Чернышевскаго появилась статья Герцена «Very Dangerous!!!» (Очень опасно). Эта, воспроизводившаяся неоднократно въ выдержкахъ въ нашей литературѣ *) статья служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій того «столкновенія двухъ теченій общественной мысли», о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Не надо забывать, что литературная дѣятельность Герцена конца пятидесятыхъ годовъ весьма отличалась отъ его же дѣятельности болѣе поздняго времени, что «Колоколъ» находилъ въ то время самый сочувственный откликъ въ той именно средѣ, къ которой весьма скептически относились Чернышевскій и Добролюбовъ, что въ газетѣ Герцена того времени сотрудничали Тургеневъ, Кавелинъ и многіе другіе, впослѣдствіи рѣзко съ нимъ разошедшіеся во взглядахъ. Герценъ конца пятидесятыхъ годовъ отнесся, поэтому, къ «Современнику» и въ особенности «Свистку» крайне отрицательно.

«Въ послѣднее время, — писалъ Герценъ,—въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ мысли* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника).

«Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими, катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными попытками *гласности*. И это не то, что бы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, только она недавно сидѣла въ острогѣ...

«Время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ, въ самомъ дѣлѣ, *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй.

«Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ, потому что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

«Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, доказывая, что *у насъ гласность не нужна*, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ, потому что нѣтъ *буржуазіи*!

«У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во времена общаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ

*) См., напр., статью В. Б. «Герценъ и Тургеневъ» въ февральской книжкѣ «Вѣстника Всемірной Исторіи» за 1901 г., стр. 136—138.

фуроръ отъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», отъ разсказовъ «Охотника», отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывается на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора. Самъ Пушкинъ испыталъ, что значитъ взять неправильный аккордъ...

«Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкою памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала — ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу; посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

«Чего ему недоставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго, того вѣчнаго, тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему недоставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которую все поставлено, страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорившій; оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями.

«Но мы далеки отъ того, чтобы Сенковскаго осуждать безусловно; онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которую онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasé, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя, сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ... Это было все бѣгство... Какъ же тогда было не бѣжать?.

«Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса,—съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать... Теперь все вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ... Виновата будетъ ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя вымороченнымъ поколѣніемъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такою страшной истиной.

«Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно. Но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваютъ свои ослиные бубенчики... къ той тройкѣ, которая въ поту, и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ, можетъ иной разъ оступившись, нашу телѣгу изъ грязи!..

«Не лучше ли со сто кратъ, господа, вмѣсто освистыванія нелов-

кихъ опытовъ вывести на торную дорогу,—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью.

«Мало ли на что вамъ есть точить желчь... Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорожкѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но и...

«Можетъ, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперь!»

Трудно даже повѣрить, чтобы такую несправедливую, опрометчивую и безтактную статью могъ написать умный и проницательный Герценъ. Но слишкомъ ужъ велика была разница между его барской натурой и натурой новоявленныхъ разночинцевъ. Она то и сбила его съ толку. Если «Современникъ» хваталъ своимъ смѣхомъ черезъ край, если онъ и былъ вообще правъ далеко не во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, то приравниваніе его руководителей къ Булгаринымъ и т. п. господамъ являлось уже прямо непростительнымъ. Герценъ не замѣтилъ, что Добролюбовъ и Чернышевскій дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно той же «карты, страсти, боли», подъ вліяніемъ которой работалъ и Бѣлинскій. «Оттого рѣчи (такихъ людей, какъ Бѣлинскій) становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями», писалъ Герценъ. Не то ли самое случилось и съ людьми, которыхъ онъ называлъ «милыми паяцами»?..

Головачева разсказываетъ, что статья Герцена не произвела особеннаго впечатлѣнія, потому что интересъ къ «Колоколу» въ это время уже ослабѣлъ. Это показаніе не выдерживаетъ критики уже по одному тому, что статья «Very Dangerous» напечатана въ 1859 году, т.-е. въ эпоху зенита славы и вліянія Герцена. Да и въ самой редакціи «Современника» къ ней отнеслись вовсе не безучастно. Сама Головачева говоритъ по этому поводу, что «одинъ изъ сотрудниковъ «Современника» нарочно поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы поговорить съ редакторомъ объ этой статьѣ. Поѣздка его продолжалась недолго. Никто не подозрѣвалъ объ его отсутствіи, и только четыре лица въ редакціи знали объ этой поѣздкѣ» *).

Головачева не называетъ по имени лица, которое ѣздило объясняться съ Герценомъ по поводу его статьи, но теперь извѣстно, что лицомъ этимъ былъ Чернышевскій.

Почти черезъ годъ (15-го октября 1860 года) Герценъ написалъ вторую статью подъ названіемъ: «Лишніе люди и желчевики», въ которой, хотя сильно сбавилъ тонъ по отношенію къ «желчевикамъ» въ сравненіи съ первой статьей, но за то разразился самыми страшными обвиненіями противъ редактора «Современника», Н. А. Некрасова. Объ этомъ обстоятельствѣ, какъ не имѣющемъ прямого отношенія къ предмету нашей статьи, мы упоминаемъ лишь вскользь и изъ «Лишнихъ

*) Головачева, стр. 325.

людей» возьмемъ только строки, относящіяся къ высоко интересному спору, происшедшему въ это время между Герценомъ и Чернышевскимъ.

«Типъ желчныхъ людей,—писалъ Герценъ,—мы изучили не на мѣстѣ и не по книгамъ; мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ, съ 1850 года».

Герцена особенно поражала въ этомъ типѣ прямолинейность, «безконечная нетерпимость директора департамента» и тонъ разговоровъ.

«Этотъ fion директорско-распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго сиплаго крика, напоминающаго густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

«Тонъ—не бездѣлица.

Das was innen—das ist draussen!

«Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т.-е. желчные люди наши тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же, они съ такимъ aplomb преувеличиваютъ все на свѣтѣ,—и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое «бутылками, и пребольшими» у нихъ готово мрачное: «нѣтъ-съ бочками сороковыми».

«— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ,—говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ sehr ausgezeichnet in seinem Fache,—дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneghine? Извольте видѣть, они образовались иначе, имъ міръ, ихъ окружающій, слишкомъ грязенъ, не довольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги... То ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи, а потомъ спокойно ѣсть да пить...

«Мы было ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, но Даніилъ и слушать не хотѣлъ... Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

«— Позвольте же мнѣ, хоть на этомъ основаніи и въ качествѣ homo Benkendorfii testes, защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали или дѣлали вздоръ.

«— Безъ всякаго сомнѣнія; они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того, правда, они не умѣли.

«— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: напр., Чаадаевъ. Онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете... Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Ки-

рѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ. Издалъ двѣ книжки,—запретили журналъ. Онъ помѣстилъ статью въ «Денницѣ». Цензора Глинку посадили на гауптвахту. Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Николая Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни, а все-таки крылья «Телеграфа» подрѣзали и, признаюсь въ своей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

«— А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грановскій читать лекціи, они не сложили рукъ.

«— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи... то не ясно ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этимъ.

«— Зачѣмъ же они, въ самомъ дѣлѣ, не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы?

«— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобы не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

«— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы все еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

«— Какъ на вовсе невеселую необходимость.

«— Почему же имъ не дѣлить общей необходимости?

«— Безъ сомнѣнія. Да, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и, къ несчастью, не были такъ воспитаны.

«— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

«— Затѣмъ что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи перкаріевъ, они за свои поступки отвѣчать не могутъ. А ужъ разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да, кстати, на какомъ это правѣ требуете вы отъ людей, чтобы они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ соціализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

«— Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ, что это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ?

«— Заслуживаютъ ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе и нѣтъ ни одного страданія, которому нельзя было бы отказать въ немъ...

«Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ, въ спорѣ не сдавался».

Вотъ описаніе происходившаго сорокъ лѣтъ тому назадъ между

двумя замѣчательными представителями русской литературы спора, въ которомъ съ чрезвычайною силою отразилось столкновеніе стараго и новаго поколѣнія. Читая эти строки, видишь совершенно ясно, что Чернышевскій былъ по существу дѣла неправъ, но не надо забывать, что мы имѣемъ показаніе по этому поводу только одной стороны и что, какъ бы ни старался Герценъ быть объективнымъ въ изложеніи спора, едва ли могъ онъ этого достигнуть въ необходимой для составленія третьими лицами безпристрастнаго о немъ сужденія степени. Можно думать также, что Чернышевскій *умышленно* доводилъ свои положенія до крайней степени. Вѣдь, онъ пріѣхалъ объясняться по поводу статьи «Very Dangerous», авторъ которой также отнесся и къ нему и его друзьямъ,—да еще печатно,—съ неумолимымъ осужденіемъ. Отчего же было не отвѣтить тѣмъ же въ частномъ разговорѣ? Изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что послѣ спора Чернышевскій вывелъ заключеніе о Герценѣ, какъ о замѣчательной «умницѣ», но вполнѣ «отсталомъ» человѣкѣ, у котораго «въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ», а у Чернышевскаго была слабость въ спорахъ съ «барами» умышленно утрировать ту или иную идею. Кавелинъ писалъ Герцену о Чернышевскомъ такія строки: «Чернышевскаго я очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ». «Безтактность», о которой писалъ Кавелинъ и состояла въ той маленькой слабости Чернышевскаго, о которой мы говоримъ. Онъ любилъ, такъ сказать, «подразнить» баръ. Развѣ въ вышеприведенномъ нами спорѣ Чернышевскаго съ Кавелинымъ и Тургеневымъ о Добролюбовѣ не замѣтно той же черточки? Но и за всѣмъ тѣмъ, мысль Чернышевскаго ясна: онъ отрицалъ у поколѣнія сороковыхъ годовъ наличность сильныхъ характеровъ, умѣнье бороться за свои идеалы, работать для нихъ, не взирая на всѣ неблагопріятныя условія. И развѣ это не фактъ? Герценъ объяснялъ Чернышевскому, почему Кирѣевскій или Чаадаевъ стали «лишними людьми». Эти объясненія очень хороши, но неужели для Кирѣевскаго такъ-таки ничего болѣе и не оставалось, кромѣ философіи Оптиной пустыни, а для Чаадаева того, написаннаго имъ *абсолютно безъ всякой необходимости*, письма къ графу А. Ф. Орлову, о которомъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Жихаревъ? *). Наконецъ, эту самую мысль развивалъ впослѣдствіи не разъ и самъ Герценъ. Онъ упрекалъ *свое* поколѣніе въ отсутствіи энергіи и противопоставлялъ ему въ этомъ отношеніи поколѣніе новое. Въ напечатанномъ имъ въ 1865 году второмъ «Письмѣ къ противнику» (теперь извѣстно, что этимъ «противникомъ» былъ Ю. Ф. Самаринъ) находятъ такія строки!.

«И вы, и мы (т.-е. славянофилы и западники. В. Б.) по положенію, по необходимости, были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжника-

---

*) См. «Вѣстникъ Европы» 1871 г., сентябрь, стр. 49.

ми, *тайнобрачными* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника) супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти поглубже въ себя, добраться до какого-нибудь свѣта,—все это, такъ,—но *энергіей*, но *дѣломъ*, но *мужествомъ* мы мало отличались...

«Мы, кромѣ книги, ни за что не брались, мы удалялись отъ дѣла оно было или такъ черно или такъ невозможно, что не было выбора. Люди, какъ Чаадаевъ или Хомяковъ, исходили болтовней, ѣздили изъ гостиной въ гостиную спорить о богословскихъ предметахъ и славныхъ древностяхъ. Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость: Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обриться и онъ обрился. Бывъ подъ слѣдствіемъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, товарищи тоже... Не то теперь»...

Роли въ 1865 году уже перемѣнились. Герценъ стоялъ въ сравненіи съ другими представителями поколѣнія сороковыхъ годовъ на лѣвомъ флангѣ и высказывалъ, какъ видите, много такого, противъ чего за шесть лѣтъ до того страстно спорилъ съ Чернышевскимъ. Тогда онъ отзывался о Чаадаевѣ, какъ о жертвѣ своей эпохи, теперь онъ отзывается о немъ, на ряду съ Хомяковымъ, весьма непочтительно, какъ о людяхъ «исходившихъ болтовней»...

Въ воспоминаніяхъ объ М. С. Щепкинѣ Герценъ разсказываетъ, какъ осенью 1853 года Щепкинъ пріѣзжалъ къ нему въ Лондонъ и убѣждалъ его прекратить начатое Герценомъ дѣло. «Я видѣлъ ясно,— говоритъ Герценъ,—что это было *не только* (курсивъ подлинника) личное мнѣніе Щепкина». Знаменитый актеръ совѣтовалъ Герцену уѣхать въ Америку, дать себя забыть, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, можно было начать хлопоты о возвращеніи въ Россію. Герценъ рѣшительно въ этомъ Щепкину отказалъ. «Если то, что я печатаю, дурно, скажите друзьямъ, чтобы они присылали свои рукописи».—«Никто ничего не пришлетъ», говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ. Мои слова его сильно огорчали»... А между тѣмъ, «лицо Щепкина,—говоритъ Герценъ,—было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга»...

Статья о Щепкинѣ напечатана въ 1863 году, т.-е. опять-таки черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свиданія Герцена съ Чернышевскимъ, и слѣдовательно, ни на нее, ни на статью «Письма къ противнику» Чернышевскій ссылаться не могъ, но общій смыслъ его мнѣній о людяхъ сороковыхъ годовъ сводился именно къ тому, о чемъ самъ Герценъ, повѣствовалъ въ этихъ статьяхъ.

Не остался равнодушнымъ къ статьямъ Герцена о «Современникѣ» и Добролюбовъ. Мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не знаемъ никакихъ подробностей относительно его личнаго и письменнаго объясненія по

этому поводу съ Герценомъ, но что таковыя были, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Въ изданномъ въ 1867 году открытомъ письмѣ А. Серно-Соловьевича къ Герцену находятся, между прочимъ, такія строки:

«Позвольте посовѣтовать вамъ перечесть письмо Добролюбова къ вамъ по этому поводу (т. е. по поводу статьи «Very Dangerous»), Оно лучше, чѣмъ что-нибудь, должно освѣжить въ вашей памяти давно забытыя воспоминанія и показать вамъ»... и т. д.

Припоминая разныя другія вещи, Серно-Соловьевичъ употребилъ между прочимъ, и такую фразу:

«А поѣздка Добролюбова за границу и ваши взаимныя отношенія во время пребыванія его за границей?»

Если письмо Добролюбова къ Герцену было извѣстно другимъ лицамъ, значитъ, оно не носило частнаго характера, вѣроятно, циркулировало въ литературныхъ кружкахъ и, быть можетъ, сохранилось у кого-нибудь въ копіи и до настоящаго времени. Сколько намъ извѣстно,— а мы старались узнать это,—оно *нигдѣ* ни разу напечатано не было. Не пришло ли время, въ виду исполняющагося сорокалѣтія со дня смерти Добролюбова, опубликовать этотъ документъ и не пора ли бы лицамъ, имѣющимъ свѣдѣнія о тѣхъ «взаимныхъ отношеніяхъ Добролюбова и Герцена», о которыхъ упоминаетъ вскользъ Серно-Соловьевичъ подѣлиться ими съ читающей публикой? Вѣдь дѣло идетъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ русской исторіи, о столкновеніи такихъ двухъ теченій общественной мысли, изъ которыхъ каждое требуетъ самого внимательнаго къ себѣ отношенія.

В. Богучарскій.

СОСНЫ.

I.

Вечеръ, тишина занесеннаго снѣгомъ дома, шумная лѣсная вьюга наружи...

Утромъ у насъ въ Платоновкѣ, умеръ сотскій Митрофанъ, а въ сумеркахъ у меня сидѣлъ священникъ изъ Роставицы, о. Василій, опоздавшій причастить Митрофана, пилъ чай и долго разсказывалъ о томъ, какъ много народу померзло въ нынѣшнемъ году. Поэтому, и вечеръ, и тишина, и вьюга производятъ теперь необыкновенно скучное впечатлѣніе одиночества и заброшенности...

— Чѣмъ не сказочный боръ?—думаю я, прислушиваясь къ шуму лѣса за окнами и къ высокимъ жалобнымъ нотамъ вѣтра, налетающаго вмѣстѣ съ снѣжными вихрями на крышу. И мнѣ представляется путникъ, который кружится въ нашихъ дебряхъ и чувствуетъ, что не найти ему теперь выхода во вѣки...

— Есть ли живъ-человѣкъ въ этихъ хижинахъ? — говоритъ онъ, съ трудомъ различая въ бѣлой, крутящейся мглѣ Платоновку.

Но морозный вѣтеръ захватываетъ ему дыханіе, ослѣпляетъ снѣгомъ, и мгновенно пропадаетъ огонекъ, который, казалось, мелькнулъ сквозь вьюгу. Да и человѣчьи ли это хижины? Не въ такой ли же черной сторожкѣ жила сама Баба-Яга? „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Пріюти странника на ночь!“ Но, кажется, даже Бабы-Яги нѣтъ въ нашемъ глухомъ лѣсномъ царствѣ.

Лежа весь вечеръ на диванѣ, я очень хорошо чувствую всю безпомощность такого путника и ясно представляю себѣ, какъ пугливо и зыбко мерцаютъ два освѣщенныя окошечка въ моемъ флигелѣ,—совсѣмъ одинокія среди бушующаго лѣса, съ головы до ногъ посѣдѣвшаго отъ вьюги. Домъ стоитъ у широкой просѣки,—по сравненію съ прогалиной направо, гдѣ находится деревня, въ затишьи, но когда ураганъ гигантскимъ призракомъ на снѣжныхъ крыльяхъ проносится надъ лѣсомъ,—сосны, которыя

*

высоко царятъ надъ всѣмъ окружающимъ, отвѣчаютъ урагану настолько угрюмой и грозной октавой, что въ просѣкѣ дѣлается страшно. Снѣгъ при этомъ бѣшено и безпорядочно мчится по лѣсу, непритворенная дверь въ сѣнцахъ съ необыкновенной силой бьетъ въ стѣну, а собаки, которыя лежатъ въ нихъ, утопая въ снѣгу, какъ въ пуховыхъ постеляхъ, жалобно взвизгиваютъ сквозь сонъ, дрожа крупной дрожью... И мнѣ опять вспоминается Митрофанъ, который ждетъ могилы въ такую мрачную ночь.

Въ комнатѣ тепло и тихо. Окна въ ней такъ замерзли, что стекла кажутся ледяшками, которыя холодно играютъ разноцвѣтными огоньками, точно мелкими, драгоцѣнными камнями. Лежанка натоплена жарко, а къ шуму и стуку я такъ привыкъ, что могу не замѣчать ихъ. Лампа на столѣ у дивана горитъ ровнымъ соннымъ свѣтомъ. Ровно и таинственно звенитъ въ ней выгорающій керосинъ, монотонно и неясно, точно подъ землей, баюкаетъ кто-то ребенка за стѣною въ кухнѣ,—не то сама Ѳедосья, не то ея Анютка, которая съ малолѣтства находитъ удовольствіе во всемъ подражать своимъ вѣчно вздыхающимъ теткамъ и бабкамъ. И прислушиваясь къ этому знакомому съ дѣтства напѣву, къ этимъ шумамъ и стукамъ, тихо и незамѣтно отдаешься во власть долгаго вечера.

Ходитъ сонъ по сѣнямъ
А дрема по дверямъ—

поетъ внутри меня жалобная пѣсня, а вечеръ рѣетъ надъ головою неслышной тѣнью, завораживаетъ соннымъ звономъ въ лампѣ, похожимъ на замирающій зудъ комара, и таинственно дрожитъ и убѣгаетъ на одномъ мѣстѣ темнымъ волнистымъ кругомъ, кинутымъ на потолокъ лампой. Одни часики въ будильникѣ живутъ своей торопливой жизнью,—все куда-то спѣшатъ и что-то приговариваютъ...

Но вотъ въ сѣнцахъ слышенъ пѣвучій визгъ шаговъ по сухому бархатистому снѣгу. Хлопаютъ двери въ прихожей и кто-то топаетъ въ полъ валенками. Слышу, какъ чья-то рука шаритъ по двери, ища скобки, а затѣмъ чувствую холодъ и свѣжій запахъ январской метели, сильный, какъ запахъ разрѣзаннаго арбуза.

— Николай Палычъ, спите?—спрашиваетъ Ѳедосья осторожнымъ шопотомъ.

— Нѣтъ,—съ трудомъ откликаюсь я.—А что? Это ты, Ѳедосья?

— Я-съ,—отвѣчаетъ Ѳедосья, мѣняя голосъ на громкій и естественный.—Ай я васъ разбудила?

— Нѣтъ... ты что́?

Вмѣсто отвѣта, Ѳедосья оборачивается къ двери,—хорошо ли притворила? и, улыбнувшись, становится къ печкѣ. Очевидно, ей просто хотѣлось провѣдать меня. Это небольшая, но плотно сби-

тая баба въ короткомъ полушубкѣ; голова у нея закутана шалью и похожа на сычиную, на полушубкѣ и на шали таетъ снѣгъ.

— Тамъ несетъ!—говоритъ она съ удовольствіемъ и, ежась, прижимается къ печкѣ.—Чтó, давно вечеръ-то по часамъ?

— Половина десятаго,—отвѣчаю я.

Ѳедосья киваетъ головою и задумывается. За день она передѣлала сотни мелкихъ дѣлъ и до тѣхъ поръ бѣгала на деревню, пока твердо не убѣдилась, что Митрофанъ умеръ. Теперь она въ туманѣ отдыха. Она устремляетъ взглядъ на лампу, и это ее мгновенно гипнотизируетъ. Глядя на свѣтъ совершенно безсмысленными, но удивленными глазами, она съ наслажденіемъ затягивается долгимъ и глубокимъ зѣвкомъ и, зѣвая, бормочетъ:

— Ахъ, Господи, что-жъ это зѣвается, куда это дѣвается!.. Вотъ жалко Митрофана-то, Николай Палычъ! Цѣлый день съ ума не идетъ, а тутъ еще наши: выѣхали, нѣтъ ли?.. Поѣдутъ—замерзнутъ!

И вдругъ быстро прибавляетъ:

— Постойте,—въ какомъ ухѣ звенитъ?

— Въ правомъ,—отвѣчаю я.—Нынче они не поѣдутъ...

— Вотъ и не угадали,—перебиваетъ Ѳедосья.—А я было про мужика своего загадала. Боюсь обморозится...

И, увлеченная думами о метели, Ѳедосья начинаетъ:

— Такъ-то, Николай Палычъ, на Сóроки было, на Сорокъ Мучениковъ. Вотъ, разскажу вамъ, страсть-то была! Вы-то, извѣстное дѣло, не помните, вамъ тогда, небось, пяти годочковъ не было, а я-то явственно помню. Сколько тогда народу померзло, сколько обморозилось— конца-края не было!..

Я не слушаю, такъ какъ наизусть знаю разсказы о всѣхъ метеляхъ, которыя помнитъ Ѳедосья. Она говоритъ долго, много разъ дѣлая отступленія въ сторону покойника Митрофана. А я только машинально ловлю ея слова, которыя страннымъ образомъ переплетаются съ тѣмъ, что я слышу внутри себя. „Не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, — пѣвуче и глухо говоритъ внутри меня голосъ старика-пастуха, который часто разсказываетъ мнѣ сказки, — не въ нашемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, а у самомъ у томъ, у какомъ мы живемъ,—жилъ, стало быть, молодой вьюноша“...

Лѣсъ гудитъ надо мной, точно вѣтеръ дуетъ въ тысячу эоловыхъ арфъ, заглушенныхъ стѣнами и вьюгою. „Ходитъ сонъ по сѣнямъ, а дрема по дверямъ“,—думаю я,—„и намаявшись за день, поѣвши „сосноваго“ хлѣбушка съ болотной водицей, спятъ теперь по Платоновкамъ наши былинные люди, смыслъ жизни и смерти которыхъ знаютъ, должно быть, только старыя сосны“... Вьюга рисуетъ мнѣ безконечныя картины снѣжныхъ полей и лѣсовъ, и

чувство глубочайшей тоски медленно начинаетъ подыматься въ душѣ...

Вдругъ вѣтеръ со всего размаху хлопаетъ дверью въ стѣну и какъ огромное стадо птицъ, съ шумомъ и свистомъ проносится по крышѣ.

— Охъ, Господи!— говоритъ Ѳедосья, вздрагивая и хмурясь.— Хоть бы ужъ спать поскорѣй въ страсть такую!

— Ужинать-то будете?—прибавляетъ она, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы взяться за скобку.

— Рано еще,—отвѣчаю я нерѣшительно.

— А мой сгадъ—нечего третьихъ пѣтуховъ ждать! Поужинали бы и спали бы, спали себѣ... Ну, видно, пойтить прилечь пока. Назяблась я, грѣшная... И какъ это завтра опять въ погребъ лѣзть, какъ его откапывать—самъ домовой не знаетъ!

Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь одинъ.... Я уже собираюсь ложиться въ постель, но вдругъ раздается торопливый стукъ въ окно. Потомъ одна за другою быстро хлопаютъ двери въ прихожей.

— Николай Палычъ! — говоритъ Ѳедосья, появляясь на порогѣ.—Хотите послушать? Тамъ голосятъ бабы, такъ голосятъ!..

По головѣ у меня пробѣгаетъ нервный холодъ, какъ отъ ледяной щетки, но я тотчасъ же накидываю пледъ и спѣшу за Ѳедосьей на крыльцо. Вѣтеръ широко распахиваетъ передъ нами дверь въ сѣнцахъ, съ торжествомъ бьетъ ею въ стѣну и встрѣчаетъ насъ цѣлымъ урагапомъ морознаго снѣга. Гулъ лѣса вырывается при этомъ изъ шума вьюги, какъ звуки органа изъ церкви, когда сразу отворить дверь съ паперти.

— Стойте!—говоритъ Ѳедосья.—Слушайте.

И въ то же мгновеніе до слуха долетаетъ несказанно-тоскливый и пронзительный женскій крикъ. Онъ съ такой силой отчаянія взвивается вмѣстѣ съ вихрями снѣга, что у непривычнаго человѣка могутъ волосы стать дыбомъ: это бабы выскочили изъ избы, какъ полагается по обряду, „въ первую полночь“ послѣ смерти родственника и съ криками падаютъ въ сугробы на всѣ четыре стороны. Вѣтеръ рветъ распущенные волосы этихъ древнихъ плакальщицъ и далеко раскидываетъ ихъ крики.

— Охъ, Божья Матушка!—шепчетъ сквозь слезы Ѳедосья.— Какъ хорошо причитаютъ-то! Вотъ жалость-то, Николай Палычъ!..

II.

Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что значитъ смерть въ деревнѣ. Въ городѣ некогда думать о покойникахъ, равно какъ и вообще о суетѣ суетъ. Заботъ много, а времени мало, и среди

заботъ и многолюдства даже смерть близкаго знакомаго забывается быстро.

Совсѣмъ иное въ деревнѣ. Зимы наши темны и долги, лѣса пустынны и велики, а деревушки такъ малы подъ ними! Тайное сознаніе этого всѣхъ роднитъ и сближаетъ, и поэтому смерть въ деревнѣ—событіе. Она прошла по лѣсамъ чѣмъ-то большимъ и темнымъ, и посѣщеніе ея долго будетъ чувствоваться во всемъ. Лежитъ покойникъ въ избушкѣ подъ стѣною бора, и поневолѣ кажется, что даже сосны стоятъ съ другимъ выраженіемъ надъ нею...

Нѣчто вродѣ этого чувствую и я. Возвратясь въ комнату, я долго хожу изъ угла въ уголъ и мнѣ кажется, что даже метель шумитъ какъ-то иначе, чѣмъ обыкновенно. „Въ этотъ день, въ эту метель умеръ Митрофанъ,—думаю я.—Умеръ... что же это значитъ? Исчезъ куда-то и уже больше никогда не вернется тотъ самый Митрофанъ, который чуть не вчера стоялъ вотъ на этомъ порогѣ, а теперь лежитъ „подъ святыми" и называется покойникомъ, существомъ совершенно изъ другого міра, чѣмъ нашъ! Какъ же это странно и непонятно!.. „На мгновеніе я взглядываю на лампу, на узоры изъ кирпичей на печкѣ.. Мнѣ начинаетъ казаться, что Митрофанъ вотъ-вотъ войдетъ ко мнѣ и безмолвно притворитъ за собою двери...

Это былъ высокій и худой, но хорошо сложенный мужикъ, легкій на ходу и стройный, съ небольшой, откинутой назадъ головой и съ бирюзово-сѣрыми живыми глазами. Зиму и лѣто его длинныя ноги были аккуратно обернуты сѣрыми онучами и обуты въ лапти, зиму и лѣто онъ носилъ коротенькій, изорванный полушубокъ. На головѣ у него всегда была самодѣльная заячья шапка шерстью внутрь... И какъ привѣтливо и весело глядѣло изъ-подъ этой шапки его обвѣтренное лицо, съ облупившимся носомъ и съ рѣдкой бородкой! Это былъ Слѣдопытъ въ своемъ родѣ, настоящій лѣсной крестьянинъ-охотникъ, въ которомъ все производило цѣлое впечатлѣніе: и фигура, и шапка, и заплатанныя на колѣняхъ портки, и запахъ курной избы, и одностволка. Появляясь на порогѣ моей комнаты и вытирая полою полушубка мокрое отъ метели, коричневое лицо, оживленное бирюзовыми глазами, онъ тотчасъ же наполнялъ комнату свѣжестью лѣсного воздуха и принимался разсказывать... объ охотѣ, о погодѣ... И сколько было этихъ разговоровъ въ нашихъ свитаніяхъ подъ монотонный напѣвъ сосенъ!

— А хорошо у насъ, Миколай Палычъ!—говорилъ онъ мнѣ часто.—Главное дѣло—лѣсу много. Правда, хлѣбушка, случается, не хватаетъ, али чего прочаго, да, вѣдь, на Бога жаловаться некуда: есть лѣсъ—въ лѣсу зарабатывай. Мнѣ, можетъ, еще труд-

нѣй другого, у меня однихъ дѣтей шесть человѣкъ, а я все-таки иду да иду! Волка ноги кормятъ. Сколько годовъ я тутъ прожилъ и все не нажился. Я и не помню ничего, что было. Былъ будто одинъ-два дня лѣтомъ, али, скажемъ, весной—и больше ничего. Зимнихъ денъ больше вспоминается, а все тоже похожи другъ на дружку. И ничего не скушно, а хорошо. Идешь по лѣсу—лѣсъ изъ-за лѣсу выходитъ, синѣетъ, а тамъ прогалина, крестъ изъ села видѣнъ... Придешь—заснешь—глядь, ужъ опять утро и опять пошелъ на работу... была бы шея—хомутъ найдется! Говорятъ—живете вы, молъ, въ лѣсу, пнямъ молитесь, а спроси его, какъ надо жить—не знаетъ. Видно, живи какъ батракъ: исполняй, что приказано—и шабашъ.

И Митрофанъ, дѣйствительно, прожилъ всю свою жизнь такъ какъ будто былъ въ батракахъ у жизни. Нужно было пройти всю ея тяжелую лѣсную дорогу—Митрофанъ шелъ безпрекословно... И разладила его путь только болѣзнь, когда пришлось пролежать больше мѣсяца въ темнотѣ низенькой хижины, а затѣмъ отправляться въ страну, „идѣ же нѣсть ни печали, ни воздыханія".

— За траву не удержишься!—говорилъ онъ мнѣ, снисходительно улыбаясь, когда я совѣтовалъ ему съѣздить въ больницу.

И кто знаетъ,—можетъ быть, онъ былъ совершенно правъ съ своей точки зрѣнія? Что за радость проводить эти безконечныя зимнія ночи, лежа больнымъ и безпомощнымъ въ темной избѣ, занесенной снѣгомъ! „Умеръ, погибъ, не выдержалъ борьбы въ этой лѣсной жизни,—значитъ, такъ надо,—думаю я.—Бушуетъ вѣтеръ, заноситъ насъ снѣгами—значитъ, тоже такъ надо!" И рѣшительно надѣвъ шубу и шапку, я подхожу къ лампѣ. На мгновеніе шумъ метели за окномъ смущаетъ меня, но затѣмъ я говорю себѣ: „вздоръ!" и дую на свѣтъ.

Въ темныхъ, пустыхъ комнатахъ, черезъ которыя я прохожу, мутно сѣрѣютъ окна. Отъ налетающихъ вихрей они то свѣтлѣютъ, то темнѣютъ,—совсѣмъ, какъ люки корабельной каюты въ качку. Въ прихожей холодно, какъ въ сѣнцахъ, и пахнетъ сырой, промерзлой корой дровъ, заготовленныхъ на топку. Огромная старинная икона Божіей Матери съ мертвымъ Іисусомъ на колѣняхъ чернѣетъ въ углу. И глянувъ на нее, я робко крещусь и спѣшу выйти въ сѣни.

Тамъ повторяется прежнее: вѣтеръ рветъ съ меня шапку и съ головы до ногъ осыпаетъ меня морознымъ снѣгомъ. Но это даже пріятно. Охъ, какъ хорошо поглубже вздохнуть холоднымъ воздухомъ и почувствовать, какъ легка и тонка стала шуба, насквозь пронизанная вѣтромъ! На мгновеніе я останавливаюсь и дѣлаю усиліе взглянуть... Новый порывъ вѣтра прямо въ лицо перехватываетъ мнѣ дыханіе, и я успѣваю разглядѣть только

два-три вихря, промчавшихся по просѣкѣ въ поле. Гулъ лѣса снова вырывается при этомъ изъ шума вьюги, какъ гулъ органа. Я крѣпко нагибаю голову противъ вѣтра, погружаюсь почти по поясъ въ сугробъ и долго иду, самъ не зная—куда...

Ни деревни, ни лѣса не видно. Но я знаю, что деревня направо и что въ концѣ ея, у плоскаго болотнаго озерка, теперь занесеннаго снѣгомъ,—изба Митрофана. И я иду,—долго, упорно и мучительно,—и вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня вспыхиваетъ сквозь дымъ вьюги огонекъ. Кто-то бросается мнѣ на грудь и чуть не сбиваетъ меня съ ногъ... Наклоняюсь,—Султанъ, собака, которую я подарилъ Митрофану. Онъ отскакиваетъ при моемъ движеніи съ жалобно-радостнымъ визгомъ назадъ и бросается къ избѣ, точно хочетъ показать, что тамъ дѣлается. А у избы, около окошечка, свѣтлымъ облачкомъ кружится снѣжная пыль. Огонекъ освѣщаетъ его снизу, изъ сугроба. Утопая въ снѣгу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю въ него. Тамъ, внизу, въ слабо освѣщенной избѣ, лежитъ у окна что-то длинное, бѣлое и высокое. Племянникъ Митрофана, Тимошка, стоитъ наклонившись надъ столомъ и читаетъ огромный псалтирь. Въ глубинѣ избы, на нарахъ видны въ полусумракѣ фигуры спящихъ бабъ и дѣтей... Жутко, должно быть, имъ проводить ночь съ покойникомъ!..

И поспѣшно, точно совершивъ что-то запретное, подгоняемый вѣтромъ въ спину и ничего не видя, я почти бѣгу домой. А дома я быстро раздѣваюсь, дую на лампу и тотчасъ же завертываюсь съ головой въ одѣяло, стараясь ни о чемъ не думать и не слушать глухихъ и шумныхъ голосовъ этой безконечной ночи...

III.

Утро. Оно настало какъ-то внезапно, потому что въ лѣсу спится крѣпко. Выглядываю въ кусочекъ окна, не зарисованный морозомъ, и не узнаю лѣса. Какое великолѣпіе и спокойствіе!

Надъ глубокими, свѣжими и пушистыми снѣгами, завалившими чащи елей,—синее, огромное и удивительно нѣжное небо. Такія яркія радостныя краски бываютъ у насъ только по утрамъ въ аѳанасьевскіе морозы. И особенно хороши онѣ сегодня, въ контрастѣ съ свѣжимъ снѣгомъ и зеленымъ боромъ. Солнце еще за лѣсомъ налѣво, но уже по всему видно, какой будетъ свѣтлый и морозный день. Просѣка въ голубой тѣни. Въ колеяхъ свѣжаго санняго слѣда, смѣлымъ и четкимъ полукругомъ прорѣзаннаго отъ дороги къ дому, тѣнь совершенно синяя. А на вершинахъ сосенъ, на ихъ пышныхъ зеленыхъ вѣнцахъ уже играетъ золотистый солнечный свѣтъ. И сосны, какъ хоругви, замерли подъ глубокимъ небомъ.

Прошлая ночь кажется мнѣ темнымъ сномъ, но все-таки я радъ, что братья пріѣхали изъ города. Они привезли съ собой много бодрости морознаго утра. Пока въ прихожей обметали вѣниками валенки, обивали отъ снѣга тяжелые воротники шубъ и вносили покупки въ рогожныхъ кулькахъ, пересыпанныхъ сухой снѣжной пылью, какъ мукою,—въ комнатахъ нахолодилось и металлически запахло морознымъ воздухомъ.

— Градусовъ сорокъ будетъ!—съ трудомъ выговариваетъ кучеръ, входя съ новымъ кулькомъ. Лицо у него багровое,—по голосу чувствуется, что оно задеревенѣло отъ морозу,—усы, борода и углы воротника въ тулупѣ смерзлись въ ледяныя сосульки... Какой онъ весь холодный!

— Митрофановъ братъ пришелъ,—докладываетъ Ѳедосья, просовывая голову въ дверь.—Тесу на гробъ проситъ.

Я выхожу къ Антону, и онъ спокойно разсказываетъ о смерти Митрофана и дѣловито переводитъ разговоръ на тесъ. Равнодушіе это или сила?.. Скрипя сапогами по замерзшему снѣгу на крыльцѣ, мы выходимъ изъ дому и, переговариваясь, идемъ къ сараю. Воздухъ крѣпко сжатъ утреннимъ морозомъ, такъ что голоса наши раздаются какъ-то странно, а паръ отъ дыханія вьется при каждомъ словѣ, точно мы куримъ. Тонкій, остистый, ледяной иней садится на рѣсницы.

— Ну, и денекъ Господь послалъ!—говоритъ Антонъ, останавливаясь у сарая, гдѣ уже пригрѣваетъ, и, щурясь отъ солнца, глядитъ на густую зеленую стѣну хвои вдоль просѣки и глубокое ясное небо надъ нею.—Эхъ, кабы и завтра-то такъ же!

Потомъ мы отворяемъ скрипучія ворота насквозь промерзшаго сарая. Антонъ долго гремитъ досками и, наконецъ, взваливаетъ на плечо длинную сосновую тесину. Сильнымъ движеніемъ подкинувъ и поправивъ ее на плечѣ, онъ говоритъ: „Ну, покорнѣйше благодаримъ васъ!“—и осторожно выходитъ изъ сарая. Слѣды лаптей похожи на медвѣжьи, а самъ Антонъ идетъ, присѣдая и приноравливаясь къ колебаніямъ доски, причемъ тяжелая зыбкая доска, перегнувшись черезъ его плечо, мѣрно покачивается въ ладъ съ его движеніями. Когда же онъ, утонувъ почти по поясъ въ сугробъ, скрывается за воротами, я слышу замирающій скрипъ его шаговъ. Вотъ такъ тишина! Двѣ галки звонко, металлически и радостно сказали что-то другъ другу относительно тишины и красоты утра. Одна изъ нихъ съ разлету опустилась на самую верхнюю вѣточку густо-зеленой, стройной, какъ кипарисъ, ели,—закачалась, едва не потерявъ равновѣсія, и съ пышныхъ лапъ ели густо посыпалась и стала медленно опускаться радужная снѣжная пыль. Галка засмѣялась отъ удовольствія, но тотчасъ

же смолкла... И по мѣрѣ того, какъ поднимается солнце, все тише становится въ просѣкѣ...

Послѣ обѣда всѣ поочередно ходятъ смотрѣть Митрофана. Иду и я. Деревня тонетъ въ снѣгу. Снѣжныя, бѣлыя избушки кольцомъ расположились вокругъ ровной бѣлой поляны, а на этой ярко сверкающей подъ солнцемъ полянѣ теперь очень уютно и пригрѣваетъ. Домовито пахнетъ дымкомъ, печенымъ хлѣбомъ. Мальчишки возятъ друга другъ на ледяшкахъ, собаки сидятъ на крышахъ избъ... Совсѣмъ дикарская деревушка! Вонъ молодая плечистая баба въ замашной рубахѣ любопытно выглянула изъ сѣнецъ... Вонъ худой, похожій на старичка-карлика, дурачекъ Пашка въ огромной шапкѣ идетъ за водовозкой. Въ обмерзлой кадушкѣ тяжко плескается дымящаяся, темная и вонючая вода, а полозья визжатъ, какъ поросенокъ... Но вотъ и грустная изба Митрофана.

Какая она маленькая, низенькая и какъ все буднично вокругъ нея! Лыжи стоятъ у дверей въ сѣнцы. Въ сѣнцахъ дремлетъ и жуетъ жвачку корова. Стѣна избы, выходящая въ сѣнцы, сильно подалась отъ нихъ,. и поэтому дверь надо отворять съ большими усиліями. Она отлипаетъ, наконецъ, и въ лицо пахнуло теплымъ избянымъ запахомъ. Въ полусумракѣ стоятъ нѣсколько бабъ у печки и пристально глядя на покойника, шопотомъ переговариваются. А покойникъ подъ коленкоромъ лежитъ въ этой напряженной тишинѣ и слушаетъ, какъ плаксиво и жалобно, женскимъ голосомъ читаетъ псалтирь Тимошка.

— Совсѣмъ талый! — съ жалостнымъ умиленіемъ говоритъ одна изъ бабъ и приглашая меня посмотрѣть покойника, осторожно приподнимаетъ коленкоръ.

О, какой важный и серьезный сталъ Митрофанъ! Голова — маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, мертвый большой носъ обрѣзался; большая грудь, приподнятая послѣднимъ вздохомъ, точно закаменѣла, а ниже ея, въ глубокой впадинѣ живота, лежатъ большія восковыя руки. Чистая рубаха красиво оттѣняетъ его худобу и желтизну. Баба тихо взяла одну руку (видно, какъ тяжела эта ледяная рука) подняла и опять положила. Митрофанъ остался совершенно равнодушенъ къ этому и продолжалъ спокойно слушать, что читаетъ Тимошка. И мнѣ показалось, что онъ знаетъ даже и то, какъ ясенъ и торжественен сегодняшній день,—его послѣдній день въ родной деревнѣ!..

День этотъ кажется очень долгъ въ мертвой тишинѣ: все точно созерцало его таинственное и беззвучное теченіе. Солнце медленно проходитъ свой небесный путь, и вотъ красноватый, парчевый лучъ уже скользнулъ въ полутемную избу и косо озарилъ желтый лобъ покойника. Когда же я выхожу изъ избы на

улицу, солнце прячется между стволами сосенъ за частый ельникъ, теряя свой блескъ.

Опять я тихо бреду вдоль просѣки. Снѣга на полянѣ и крышѣ избъ, которыя точно облиты сахаромъ, алѣютъ отъ заката. Въ просѣки, въ тѣни, ясно чувствуется, какъ рѣзко морозитъ къ ночи. Еще чище и нѣжнѣе стали краски зеленоватаго неба къ сѣверу, еще тоньше рисуется мачтовый сосновый лѣсъ на его фонѣ. А съ востока уже встала большая блѣдная луна. И по мѣрѣ того, какъ темнѣетъ закатъ, она подымается все выше... Собака, съ которой я хожу вдоль просѣки, забѣгаетъ иногда въ ельникъ и выскакивая, вся въ снѣгу, изъ его таинственно-свѣтлыхъ и темныхъ дебрей, замираетъ вмѣстѣ съ своей рѣзкой, черной тѣнью на ярко-озаренной дорогѣ. Мѣсяцъ уже высоко... Въ деревушкѣ—ни звука, робко краснѣетъ огонекъ изъ тихой избы Митрофана... И большая, остро содрагающаяся изумрудомъ звѣзда на сѣверо-востокѣ кажется звѣздою у Божьяго трона, съ высоты котораго Господь незримо присутствуетъ надъ снѣжной лѣсной страной...

IV.

А на слѣдующій день, въ воскресенье, нѣсколько человѣкъ идущихъ и ѣдущихъ съ воплями и причитаніями провожаютъ гробъ Митрофана по лѣсной дорогѣ къ селу.

Воздухъ по прежнему былъ рѣзокъ и морозенъ, и милліоны мельчайшихъ иглъ и крестиковъ тускло поблескивали на солнцѣ, кружась въ воздухѣ. Боръ и воздухъ слегка затуманивались, — только на горизонтѣ къ югу ясно и зелено было ледяное небо. Снѣгъ, какъ алебастръ, пѣлъ и визжалъ подъ санями, когда я бѣжалъ на лыжахъ въ Роставицу и мужики обгоняли меня. Все-таки я пришелъ раньше ихъ и долго мерзъ на паперти, пока, наконецъ, увидалъ среди бѣлой сельской улицы бѣлые зипуны и бѣлый большой гробъ изъ новаго тесу. Отворили дверь въ церковь,—оттуда вмѣстѣ съ запахомъ воска тоже пахнуло холодомъ: бѣдная лѣсная церковка промерзла вся насквозь, — весь иконостасъ и всѣ иконы побѣлѣли отъ густого, матоваго инея. И когда она сразу наполнилась сдержаннымъ говоромъ, стукомъ шаговъ и паромъ отъ дыханія, когда съ трудомъ опустили тяжелый разлатый гробъ на полъ и, отворивъ царскія врата, священникъ торопливымъ простуженнымъ голосомъ заговорилъ и запѣлъ въ наступившей тишинѣ, у меня сжалось сердце отъ холода и грусти. Жидкія синеватыя струйки дыма вились надъ гробомъ. Кадило въ рукахъ священника было почти пусто, дешевый ладонъ, брошенный въ еловыя уголья, издавалъ запахъ лучины, а самъ

священникъ, повязанный по ушамъ платкомъ, былъ въ большихъ валенкахъ и въ старомъ мужицкомъ полушубкѣ, поверхъ котораго торчала старая риза. Онъ, на перебой съ дьячкомъ, въ полчаса справилъ службу и только «со святыми упокой» пропѣлъ не спѣша и стараясь придать своему голосу трогательные оттѣнки,—печаль о бренности всего земного и радость за брата, отошедшаго, послѣ земного подвига, въ лоно безконечной жизни, «идѣ же праведные упокоеваются». Напутствуемый протяжнымъ пѣніемъ, гробъ съ мерзлымъ покойникомъ, который уже ни на кого не производилъ впечатлѣнія, вынесли изъ церкви, пронесли по улицѣ и за селомъ, на пригоркѣ опустили въ неглубокую яму, которую и закидали мерзлой, глинистой землей и снѣгомъ. Затѣмъ, въ снѣгъ воткнули елочку и, покряхтывая отъ мороза, торопливо разошлись и разъѣхались.

Глубокая тишина царила теперь на лѣсной полянкѣ, по которой торчало изъ сугробовъ нѣсколько низкихъ деревянныхъ крестовъ. Беззвучно кружились въ воздухѣ безчисленные морозные останки, и только гдѣ-то высоко надъ головой тянулъ сдержанный, глухой и глубокій гулъ: такъ шумитъ подъ вечеръ въ отдаленіи море, когда оно скрыто за горами. Мачтовыя сосны, высоко поднявшія на своихъ глинисто-красноватыхъ, голыхъ стволахъ зеленыя кроны, тѣсной дружиной окружали съ трехъ сторонъ пригорокъ. Съ него широко открывалась синѣющая еловыми лѣсами низменность. Длинный, земляной бугоръ могилы, пересыпанный снѣгомъ, молча, лежалъ на скатѣ у моихъ ногъ. Онъ казался то совсѣмъ обыкновенной кучей земли, то значительнымъ,—думающимъ и чувствующимъ. И глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знаетъ только одинъ Богъ, — тайну ненужности и въ то же время значительности всего земного.

— Митрофанъ!—сказалъ я громко, подходя къ могилѣ.

Могила молчала... Чтобы показать себѣ, какъ все это просто, я сталъ на нее ногой и опять задумался... Но мысли путались по прежнему и по прежнему я не понималъ ни себя, ни окружающаго, ни жизни, ни смерти бѣднаго лѣсного Слѣдопыта.

— Такъ!—сказалъ я опять громко и, рѣшительно ставъ на лыжи, съ разбѣгу толкнулся подъ гору. Туча холодной снѣжной пыли взвилась мнѣ навстрѣчу, а по дѣвственно-бѣлому, пушистому косогору правильно и красиво прорѣзались два параллельные слѣда. Не удержавшись, я упалъ подъ горой въ густой и необыкновенно-зеленый, пышный ельникъ, набилъ въ рукава снѣгу и это окончательно отрезвило меня. Задѣвая за ельникъ лыжами, я быстро пошелъ зигзагами между его кустами. Пестрыя сороки съ рѣзкимъ стрекотаньемъ, игриво качаясь въ воздухѣ, перелетали надъ ними. Минуты текли за минутами—я все также рав-

номѣрно и ловко совалъ ногами по снѣгу. И уже ни о чемъ не хотѣлось думать. Тонко пахло свѣжимъ снѣгомъ и хвоей, славно было чувствовать себя близкимъ этому снѣгу, лѣсу, зайцамъ, которые любятъ объѣдать молодые побѣги елочекъ... Небо мягко затуманивалось чѣмъ-то бѣлымъ и обѣщало долгую тихую погоду... И только отдаленный, чуть слышный гулъ сосенъ сдержанно и неумолчно говорилъ и говорилъ о какой-то вѣчной и покорной печали.

Ив. Бунинъ.

ВЫСШІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ *).

Въ настоящемъ году минетъ уже двѣнадцать лѣтъ, считая съ того дня, когда въ Финляндіи была открыта первая высшая народная школа, называемая на Западѣ «народною академіею». Въ теченіе этого, сравнительно незначительнаго, промежутка времени, вышеназванныя школы оказали столь осязательное содѣйствіе въ поднятіи общаго уровня народнаго образованія, что увеличеніе ихъ численности становится безусловно необходимымъ даже во мнѣніи самого народа. Настоятельною потребностью въ этихъ школахъ несомнѣнно опредѣляется также и высота той ступени, на которой въ настоящее время находится народное образованіе Финляндіи. Въ низшихъ слояхъ населенія довольно значительная его часть не удовлетворяется уже однимъ только прохожденіемъ курса народной школы и требуетъ новаго притока свѣта, стремясь къ болѣе широкому просвѣщенію. Это отрадное явленіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что всѣ труды и заботы общества, также какъ и значительные расходы, предпринятые съ цѣлью поднять общій уровень народнаго образованія, не пропали даромъ и начинаютъ уже давать плоды, о которыхъ мечтали столько лѣтъ, ожидая ихъ появленія съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Высшія народныя школы, какъ извѣстно, возникли впервые въ Даніи, гдѣ онѣ получили названіе «крестьянскихъ академій». Идея устройства подобныхъ школъ для взрослыхъ крестьянъ принадлежала нѣкоему капеллану Грундвигу, издавшему въ 1838 году, въ Копенгагенѣ, небольшую по объему, но весьма интересную книгу, въ которой онъ подвергалъ жестокому осужденію формализмъ и схоластичность современной ему школы. Автору книги было въ то время всего 45 лѣтъ и, слѣдовательно, онъ находился въ періодѣ наибольшаго развитія всѣхъ силъ. Хотя его книга, также какъ и самъ авторъ, не была лишена своеобразной односторонности, тѣмъ не менѣе она возбуждала къ себѣ живой интересъ, благодаря чрезвычайной оригинальности нѣкоторыхъ выводовъ и богатства въ ней глубокихъ мыслей. Упорное

*) Нѣкоторыя свѣдѣнія для настоящей статьи заимствованы изъ очерковъ «О высшей народной школѣ» гг. Е. Лагуса, П. Нордмана и О. Гротенфельдта, а также изъ №№ 69 и 73 газеты «Hufvudstadsbladet» за 1901 годъ.

стремленіе Грундвига пересоздать существовавшія школы по новому, предложенному имъ образцу не встрѣтило, однако, надлежащаго сочувствія въ обществѣ, отчасти уже потому, что онъ предлагалъ ввести повсюду совмѣстное обученіе дѣвицъ и юношей. Онъ совѣтовалъ начать въ этой, совершенно преобразованной школѣ воспитывать только гражданъ, возбуждая въ нихъ любовь къ родинѣ, но не чиновниковъ или ученыхъ, относящихся, по его мнѣнію, слишкомъ индифферентно или легкомысленно къ ея интересамъ и нерѣдко пренебрегающихъ даже тѣмъ, что особенно дорого сердцу каждаго гражданина и что служитъ иногда потребностью его жизни.

Своими трудами въ многочисленныхъ изданіяхъ и въ то же время, какъ выдающійся неутомимый борецъ за политическую и нравственную свободу, Грундвигъ съумѣлъ, наконецъ, обратить на себя вниманіе короля Христіана VIII и заручиться отъ него обѣщаніемъ необходимой поддержки. Однако и на этотъ разъ его завѣтнымъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Король скончался, а волненія, возникшія въ Шлезвигъ-Голштиніи, при нѣкоторыхъ еще другихъ политическихъ осложненіяхъ, отвлекли надолго вниманіе общества отъ предположенной реформы школы.

Только въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ неудачной войны съ Пруссіей, мысль Грундвига о необходимости создать для народа свободную высшую школу, нашла, наконецъ, благопріятную почву въ подроставшемъ молодомъ поколѣніи. Всюду, какъ грибы послѣ проливного дождя, стали появляться въ Даніи «крестьянскія академіи» и въ 1891 г. число ихъ доходило уже до семидесяти, при общей ежегодной численности учащихся—и мужчинъ, и женщинъ—въ 5.000 человѣкъ.

Идея о высшихъ народныхъ школахъ проникла изъ Даніи въ Норвегію и Швецію, а затѣмъ уже въ Финляндію, въ которой она впервые обсуждалась на страницахъ мѣстной печати лишь въ 1868 г. Хотя вопросъ о введеніи въ Финляндіи высшихъ народныхъ школъ возбуждался затѣмъ неоднократно въ печати и педагогическомъ обществѣ, однако благопріятное разрѣшеніе его послѣдовало только въ 1889 г. Значительное запозданіе введеніемъ высшихъ народныхъ школъ, сравнительно съ открытіемъ таковыхъ въ скандинавскихъ странахъ, объясняется тѣмъ, что все вниманіе не только правительства, но и педагогическаго общества было устремлено тогда на повсемѣстное насажденіе въ Финляндіи народныхъ школъ, численность которыхъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ была еще весьма незначительна. Если практическому осуществленію идеи введенія высшихъ народныхъ школъ предшествовали въ Финляндіи многочисленные дебаты въ педагогическомъ обществѣ и пространныя разсужденія на страницахъ мѣстной печати, имѣвшіе, въ общемъ, немаловажное значеніе, то не было также недостатка и въ примѣрахъ, обнаруживавшихъ стремленіе свести безконечныя пренія на болѣе реальную почву или, иначе говоря, перейти отъ словъ къ дѣлу.

Первый и, несомнѣнно, болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ госпожей Хагманъ, открывшей въ 1888 г., въ приходѣ Кангасала, первую женскую школу, нѣсколько приближавшуюся объемомъ своего курса къ типу современной высшей народной школы. Въ ней было открыто семь курсовъ, причемъ продолжительность каждаго не превышала трехъ мѣсяцевъ. Въ школьную программу входили слѣдующіе предметы обученія: 1) ткачество, шитье одежды, вязанье и изготовленіе чемодановъ, сакъ-вояжей, картузовъ и т. п.; 2) правописаніе, рисованіе узоровъ, гимнастика и пѣніе; 3) лекціи (отдѣльныя или серіями) по разнымъ предметамъ, а также отечественной и общей исторіи, слово Божіе и литература разностороннихъ областей науки и искусства. Школа, главнымъ образомъ, стремилась дать практическую подготовку. Ученическая плата была установлена въ размѣрѣ 15 марокъ за слушаніе одного и 25 марокъ—двухъ курсовъ. Окончивъ одинъ курсъ, спустя всего нѣсколько дней, ученицы начинали уже второй, что во всѣхъ отношеніяхъ было для нихъ чрезвычайно удобно. Благодаря отсутствію долгихъ перерывовъ между курсами, большинство ученицъ одновременно заканчивало два курса. Этой школѣ была назначена въ теченіе пяти лѣтъ весьма незначительная субсидія отъ правительства, доходившая ежегодно до 1.000 марокъ, что составляетъ по современному курсу всего 375 рублей.

Въ слѣдующемъ, 1889 году г-жа Сундгрэнъ открыла въ селеніи Лаппо (въ Эстерботніи) точно такую же школу для финскихъ женщинъ. Эти примѣры оказали, наконецъ, рѣшительное воздѣйствіе на педагогическое общество и 10-го октября 1889 года была открыта въ городѣ Борго первая высшая народная школа для совмѣстнаго обученія дѣвицъ и юношей.

Преслѣдуя цѣль—поднять общій уровень образованія въ народной массѣ, высшая народная школа содѣйствуетъ постепенному уменьшенію глубины пропасти, раздѣляющей образованный классъ отъ болѣе значительной остальной части населенія. Наиболѣе цѣлесообразными средствами достиженія благопріятнаго разрѣшенія столь трудной задачи, высшая народная школа признаетъ: упорное стремленіе къ расширенію умственнаго кругозора учащихся, укрѣпленіе ихъ нравственныхъ силъ и всяческія гуманныя мѣры, содѣйствующія облагораживанію характера. Слѣдовательно, уже отсюда видно, какое огромное значеніе придаютъ эти школы воспитательному элементу, на ряду съ желаніемъ дать учащимся возможно больше полезныхъ свѣдѣній, могущихъ содѣйствовать возбужденію мысли и усвоенію возвышенныхъ взглядовъ на жизнь. Сравнивая высшія народныя школы въ скандинавскихъ странахъ съ таковыми же въ Финляндіи, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—не только образовать человѣка, но также и воспитать его. Все вышесказанное о высшихъ народныхъ школахъ, такимъ образомъ, должно сводиться къ

слѣдующимъ заключительнымъ выводамъ: 1) высшая народная школа совмѣстнаго обученія молодежи—дѣвицъ и юношей—имѣетъ строго гражданскій характеръ; 2) она открываетъ глаза народу и помогаетъ ему разбираться въ жизненной дѣятельности; 3) укрѣпляя нравственную связь между мужчиной и женщиной, она возвышаетъ значеніе семьи и научаетъ каждаго ея члена сознавать: «чѣмъ онъ обязанъ Богу, самому себѣ, семьѣ и обществу».

Естественно, что при столь серьезныхъ задачахъ высшей народной школы, ея учениками не могутъ быть дѣти, но только люди зрѣлаго возраста, для которыхъ она не служила бы лишь однимъ продолженіемъ пройденнаго ими курса въ народной школѣ. Въ ея стѣнахъ должна собираться молодежь, одержимая стремленіемъ къ знанію и побуждаемая къ этому собственнымъ сознаніемъ необходимости образовать себя. Только такіе, убѣжденные, молодые люди, могутъ впослѣдствіи оказать неизмѣримую услугу, распространяя въ окружающей ихъ деревенской средѣ знаніе и благотворно на нее вліяя.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ учрежденіе высшихъ народныхъ школъ вызывалось различными обстоятельствами и, между прочимъ, также политическими соображеніями. Однако, въ Финляндіи подобныя школы имѣютъ только одно практическое значеніе и были вызваны настоятельною потребностью въ образованіи самого населенія. Дѣйствительно, присматриваясь нѣсколько ближе къ жизни крестьянскаго сословія, нельзя не замѣтить, что особенность ея условій, какъ и вездѣ въ сѣверныхъ странахъ, сама выдвинула впередъ вопросъ о необходимости осуществленія для народа высшихъ школъ, вызвавъ среди массы населенія огромный спросъ на высшее образованіе. Справедливость сказаннаго подтверждается современнымъ положеніемъ въ Финляндіи школьнаго дѣла, а также и всеобщимъ стремленіемъ къ знанію, замѣчаемымъ впродолженіи многихъ вѣковъ. Упорное стремленіе къ свѣту и жажда знаній составляли во всѣ времена отличительныя свойства характера всѣхъ сѣверныхъ народовъ, не исключая и финскаго, и этимъ самымъ, собственно говоря, только и можно объяснить замѣчаемое повсюду въ Финляндіи сочувственное отношеніе ея населенія къ развитію школьнаго дѣла вообще, а также полную готовность народа участвовать въ многочисленныхъ расходахъ на повсемѣстное насажденіе просвѣщенія. Не говоря о раціональности школьной организаціи въ Финляндіи, являющейся плодомъ крупныхъ жертвъ и вѣковаго усилія, замѣтимъ только одно, а именно — что школьный вопросъ вступилъ въ настоящее время въ тотъ фазисъ, который болѣе всего соотвѣтствуетъ всѣмъ особенностямъ жизни края и содѣйствуетъ болѣе широкому распространенію образованія среди общей массы населенія. Несомнѣнно, что высшія народныя школы при настоящемъ, довольно высокомъ, уровнѣ народнаго образованія не являются продуктомъ случайнаго стеченія

обстоятельствъ въ краѣ или національныхъ, религіозныхъ и другихъ движеній. Напротивъ, постепенное увеличеніе ихъ численности вызывается настоятельною потребностью въ нихъ и приводитъ къ убѣжденію, что въ Финляндіи настала уже пора, когда значительная часть молодежи не можетъ болѣе удовлетворяться прохожденіемъ только курса народныхъ школъ, а потому сознательно стремится къ высшему образованію.

Охарактеризовавъ такимъ образомъ, значеніе высшихъ народныхъ школъ въ Финляндіи, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ организаціи и дѣятельности за двѣнадцать лѣтъ.

Высшія народныя школы совмѣстнаго обученія въ Финляндіи содержатся преимущественно на средства, гарантированныя частными обществами. Каждый членъ общества, заинтересованнаго этимъ дѣломъ, обязывается въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ вносить ежегодно заранѣе установленную денежную сумму, предназначаемую на покрытіе текущихъ расходовъ по содержанію школы. Другой статьей прихода служатъ ученическіе взносы за право слушанія лекцій. Размѣръ этихъ взносовъ неодинаковъ во всѣхъ школахъ и колеблется въ предѣлахъ 15—30 марокъ за слушаніе одного курса при его продолжительности въ 2—3 мѣсяца. Къ статьѣ прихода слѣдуетъ отнести также суммы, поступающія отъ частныхъ жертвователей, а также собираемыя путемъ устройства лоттерей и гуляній. Наконецъ сюда же причисляются ренты, получаемыя съ основного фонда, образовавшагося отъ единовременныхъ, болѣе крупныхъ вкладовъ разныхъ лицъ, содѣйствующихъ идеѣ распространенія и устройства высшихъ народныхъ школъ. Каждое общество, обязавшееся въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ доставлять средства для содержанія школы, выбираетъ изъ числа своихъ членовъ нѣсколько лицъ въ члены правленія, предсѣдателемъ котораго всегда состоитъ директоръ школы. Правленіе обязано вести отчетность по хозяйству, наблюдать за порядкомъ въ школѣ и нравственностью учащихся, приглашать преподавателей и лекторовъ, выписывать книги и учебныя пособія, опредѣлять размѣръ платы за право слушанія лекцій и составлять отчетность по всѣмъ отдѣламъ, которая разсматривается на годовомъ собраніи учредителей. Въ годовомъ собраніи ревизуются всѣ денежныя дѣла и составляется смѣта на слѣдующій учебный годъ.

Директоръ высшей народной школы, судя по сущности школьной организаціи, является во всемъ, центральнымъ лицомъ, вокругъ котораго группируются, какъ сами учащіеся, такъ и весь педагогическій персоналъ. Отъ его личныхъ качествъ зависитъ весь успѣхъ занятій, раціональность школьной организаціи и успѣшное веденіе хозяйства. Удачный выборъ директора имѣетъ огромное значеніе для школы уже потому, что, являясь фактически единственно отвѣтственнымъ лицомъ, онъ сохраняетъ за собою силу полноправнаго хозяина. Стоя во главѣ

*

педагогическаго дѣла, онъ долженъ быть искренно преданъ служенію ему и отличаться способностью вносить всюду полезное оживленіе. Одновременно въ немъ желательно видѣть человѣка смѣтливаго и свѣдущаго въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Вотъ почему въ Финляндіи, прежде чѣмъ приступить къ подробному обсужденію вопроса объ открытіи новой высшей народной школы, стараются подыскать вполнѣ подходящее лицо, способное занять мѣсто директора. При выборѣ директора рѣдко обращаютъ вниманіе на представляемые дипломы, даже, если бы они были чрезвычайно блестящими и выданы высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Дипломъ, самъ по себѣ, говоритъ слишкомъ мало, между тѣмъ требованія, предъявляемыя къ директору школы, слишкомъ значительны и серьезны.

Преподавательскій персоналъ обыкновенно бываетъ немногочисленнымъ. Кромѣ директора, въ его составъ входятъ—мѣстный пасторъ, какъ законоучитель, двѣ или три учительницы и столько же учителей. Содержаніе, выдаваемое этимъ лицамъ, приблизительно одинаково во всѣхъ высшихъ школахъ. Директоръ, кромѣ квартиры, получаетъ въ годъ 3.000 марокъ, учительница—600 марокъ и учитель—1.800 марокъ. Многія высшія народныя школы успѣли уже обзавестись собственными домами, службами и обширными земельными участками.

Слушателями и слушательницами курсовъ принимаются молодые люди не моложе 18-ти лѣтъ и окончившіе курсъ въ народной, или другой школѣ съ одинаковой программой. Въ видѣ исключенія, впрочемъ, разрѣшается дирекціи принимать также и лицъ, не достигнувшихъ этого возраста.

Преподаваніе въ стѣнахъ высшихъ народныхъ школъ ведется въ видѣ популярныхъ лекцій по разнымъ предметамъ общеобразовательнаго характера и совершенно не стѣснено заранѣе установленной программой. Во многихъ школахъ обращается серьезное вниманіе также и на практическую подготовку учащихся и на возможно большее сообщеніе имъ полезныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ они могли бы потомъ извлекать практическую пользу. Всѣ школы подчиняются контролю окружного школьнаго инспектора.

Чтеніе лекцій сопровождается часто обмѣномъ взглядовъ по разнымъ вопросамъ между лекторомъ и слушателями, причемъ нерѣдко этотъ обмѣнъ мыслей переходитъ въ продолжительный диспутъ между учащимися. Въ подобныхъ случаяхъ роль руководителя исполняетъ лекторъ. Вызывая оживленіе и содѣйствуя правильному теченію спора, онъ такимъ образомъ почти всегда достигаетъ не только значительной однородности во взглядахъ среди слушателей, но и болѣе полнаго освѣщенія всѣхъ сторонъ возбуждаемаго вопроса. Этотъ чисто практическій методъ, помимо воспитательнаго, имѣетъ также огромное значеніе въ смыслѣ быстраго усвоенія всей массой слушателей самой сущности разсматриваемаго вопроса, что въ иныхъ случаяхъ и при

иномъ методѣ преподаванія достигается лишь съ большимъ трудомъ. Относительно интереса слушателей, возбуждаемаго этимъ путемъ къ разсматриваемымъ вопросамъ—и говорить нечего. Послѣ окончанія лекцій эти споры и дебаты переносятся отдѣльными кружками слушателей далеко за предѣлы школьныхъ стѣнъ, въ окружныя деревни, становясь, такимъ образомъ, извѣстными и въ крестьянской средѣ.

Высшія народныя школы обходятся безъ выпускныхъ экзаменовъ, причемъ свидѣтельства о прохожденіи курса выдаются слушателямъ только по ихъ собственному желанію. Кстати можно замѣтить, что число желающихъ получить свидѣтельства всегда бываетъ самое ограниченное. За отсутствіемъ интерната при высшихъ народныхъ школахъ, всѣ почти слушатели курсовъ квартируютъ по сосѣднимъ деревнямъ, отстоящимъ нерѣдко отъ мѣстонахожденія школы въ нѣсколькихъ километрахъ. Еженедѣльно въ помѣщеніи школы устраиваются общія собранія для слушателей курсовъ, причемъ на нихъ обсуждаются разнообразные вопросы изъ мѣстной и общественной жизни. Вся масса слушателей, обыкновенно, разбивается на нѣсколько кружковъ, причемъ каждый изъ нихъ представляетъ собою тѣсно сплоченный союзъ. Въ большинствѣ случаевъ эти кружки издаютъ рукописную газету и имѣютъ собственные, утвержденные, уставы. Во всѣхъ высшихъ народныхъ школахъ имѣются библіотеки и въ нѣкоторыхъ, болѣе старѣйшихъ, число изданій превышаетъ 3.000 экземпляровъ. Предметами преподаванія служатъ: законъ Божій, шведскій или финскій языки и ихъ литература, отечественная и общая политическая исторія, естествовѣдѣніе, географія, ариѳметика, геометрія, государственное устройство Финляндіи, рисованіе, черченіе, бухгалтерія, агрономія, гигіена, ветеринарное искусство, молочное хозяйство, пѣніе, игра на народномъ инструментѣ «кантэлэ», ручной трудъ, гимнастика и кулинарное искусство для женщинъ.

Для болѣе точнаго выясненія всей полноты объема курсовъ мы приводимъ отчетность по занятіямъ въ высшей народной школѣ города Борго, составленную за второй годъ ея существованія.

По закону Божію было сдѣлано нѣсколько разъясненій изъ разныхъ мѣстъ Библіи; пройдена въ сжатомъ видѣ исторія церкви, причемъ обращалось особое вниманіе на дѣятельность апостола Павла; прочитано нѣсколько лекцій о значеніи реформаціи; сдѣлано нѣсколько сообщеній о реформаціи въ Швеціи и пройдено: введеніе христіанства въ Финляндіи, дѣятельность въ ней первыхъ католическихъ епископовъ, реформація и позднѣйшія, болѣе главныя, событія изъ исторіи ея церкви.

По изученію родною языка и упражненію въ немъ было обращено вниманіе, чтобы ученики внѣ школы занимались писаніемъ небольшихъ сочиненій, преимущественно на темы описательнаго характера и составленіемъ дѣловыхъ писемъ, удостовѣреній, довѣренностей и

пр. бумагъ, имѣющихъ немаловажное значеніе въ жизни. Отъ учениковъ требовалось умѣніе правильно и послѣдовательно излагать устно все прочитанное, преимущественно изъ разсказовъ Топеліуса и стихотвореній Рунеберга. Особенное вниманіе обращалось на ознакомленіе въ общихъ чертахъ съ исторіей шведской литературы и съ произведеніями позднѣйшихъ писателей, а также съ финской литературой по образцамъ народной поэзіи.

По географіи. Особенное вниманіе обращалось на подробное изученіе карты Финляндіи и ея природы. Независимо отъ обстоятельнаго изученія всѣхъ достопримѣчательностей страны, слушатели ознакомились весьма подробно съ господствующими въ разныхъ ея частяхъ условіями жизни, путями сообщенія, заводской и промышленной дѣятельностью, а также въ общихъ чертахъ совсѣмъ прочимъ, дающимъ представленіе о результатахъ культурной борьбы.

По отечественной исторіи были прочитаны лекціи о древне-финскомъ народѣ и его богахъ, его постепенномъ развитіи, а также о многихъ, болѣе важныхъ, событіяхъ. Послѣднія лекціи были посвящены разсмотрѣнію общиннаго устройства въ Финляндіи.

По естествознанію учащіеся были ознакомлены съ устройствомъ человѣческаго тѣла и многими главнѣйшими явленіями природы. Было прочитано значительное число лекцій по химіи, физикѣ и физической географіи.

По математикѣ было пройдено: метрическая система, начала алгебры и довольно обстоятельно планиметрія.

По агрономіи и молочному хозяйству лекціи читались только для мужчинъ.

Ручному труду было удѣлено нѣсколько часовъ въ недѣлю, причемъ мужчины, главнымъ образомъ, занимались столярными и плотничными работами.

Говоря о ручномъ трудѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ скандинавскихъ странахъ не только въ высшихъ, но почти во всѣхъ народныхъ школахъ введенъ ручной трудъ. Онъ признается тамъ однимъ изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ для дѣтей и молодежи, пріучая каждаго къ терпѣнію и аккуратности и устраняя склонность къ праздному времяпрепровожденію. Въ крестьянскомъ обиходѣ знаніе какого-нибудь ремесла крайне необходимо, а потому это чрезвычайно важно и полезно для каждаго деревенскаго жителя. Помимо того, что знаніе какого-нибудь ремесла даетъ возможность сокращать нѣкоторые расходы, оно, при нѣкоторой опытности, можетъ также служить постояннымъ источникомъ небольшихъ доходовъ. Знаніе ремесла, наконецъ, весьма часто предотвращаетъ крестьянина отъ пьянства. Въ этомъ отношеніи ручной трудъ, какъ средство борьбы противъ пьянства, заслуживаетъ особаго вниманія. Лица или общества, занятыя искорененіемъ этого отвратительнаго порока среди нашихъ слоевъ об-

щества, должны знать, что именно тамъ, гдѣ люди не умѣютъ занять себя чѣмъ-либо полезнымъ и не знаютъ, куда дѣвать весь избытокъ свободнаго времени, этотъ порокъ переходитъ, обыкновенно, въ повальную болѣзнь со всѣми ея печальными послѣдствіями.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ предметовъ, въ кругъ занятій вошли также рисованіе, черченіе, бухгалтерія, гимнастика и пѣніе. Послѣднему не только въ Финляндіи, но и въ скандинавскихъ странахъ удѣляется всегда много времени въ школахъ. Въ сѣверныхъ странахъ смотрятъ на пѣніе, какъ на весьма серьезное воспитательное средство, содѣйствующее болѣе тѣсному объединенію отдѣльныхъ лицъ, кружковъ и цѣлыхъ обществъ. Въ Финляндіи, въ которой повсемѣстно замѣчается стремленіе къ введенію въ школахъ совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, дѣвицъ и юношей,—пѣсня въ недалекомъ будущемъ получитъ еще большее значеніе, нежели то, которое она уже и теперь имѣетъ въ жизни финскаго народа.

Переходя къ разсмотрѣнію, въ общихъ чертахъ, дѣятельности всѣхъ высшихъ народныхъ школъ въ Финляндіи за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, мы, главнымъ образомъ, сошлемся на статистическія данныя, позаимствованныя изъ офиціальнаго изданія.

Первая высшая народная школа была открыта въ городѣ Борго въ 1889 году. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1891 году были открыты двѣ другія подобныя же школы; въ 1892 г. ихъ было открыто четыре, въ 1893 г.—двѣ, въ 1894 г.—три, въ 1895 г.—пять, въ 1896 г.—двѣ, въ 1897 г. и въ 1899 г. по одной высшей народной школѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе перваго десятилѣтія со дня открытія первой высшей народной школы число ихъ достигло 21. Если всѣ эти школы распредѣлить по губерніямъ, то окажется, что въ настоящее время въ Нюландской губерніи ихъ находится четыре (въ Борго, Эсбо, Инго и Вихтисѣ), въ Абоской губерніи четыре (въ Хвиттисѣ, Финстрэмѣ, Паргасѣ и Пэмарнѣ), въ Выборгской губ. три (въ Новой Киркѣ, Ведерлаксѣ и Сипполѣ), въ Вазаской губ. (въ Кронобю, Илмолѣ и Лаукасѣ), въ Тавастгусской губ. двѣ (въ Лахтисѣ и Сэкемэки), въ Улеоборгской губ. двѣ (въ Лиминго и Хаапавэси), въ Куопіоской губ. двѣ (въ Куопіо и Кихтелюсвара) и, наконецъ, въ С-тъ Михельской губ. одна (въ Іоройсъ). Школы въ Борго, Эсбо, Кронобю, Паргасѣ, Финстрэмѣ (на островѣ Оландѣ) и Инго—всѣ шесть для шведскаго населенія, а остальныя 15 для финскаго.

Относительно двухъ школъ въ оффиціальное изданіе не вошли статистическія данныя, вслѣдствіе чего нижесказанное будетъ относиться лишь къ 19 школамъ.

Весь персоналъ учащихъ въ минувшемъ году состоялъ изъ 19 директоровъ, 14 надзирательницъ, 47 учителей и 40 учительницъ. Изъ числа директоровъ и учителей двое были со степенью доктора философіи, 11—пасторовъ, 2 студента, 6 учителей народныхъ школъ, 14 кан-

дидатовъ философіи, 16 агрономовъ и двое лицъ разныхъ спеціальностей. Изъ числа надзирательницъ и учительницъ только самое незначительное меньшинство имѣло академическое образованіе, многія окончили учительскія семинаріи и почти всѣ—женскія гимназіи. Обучающія хозяйству и ручному труду окончили школы хозяйства и ткачества.

Число учащихся за весь этотъ періодъ достигало 5.352 человѣкъ. Въ различныхъ школахъ среднее число учащихся за годъ, принимая во вниманіе всѣхъ учениковъ за этотъ періодъ, колеблется между 17,8 (на Оландѣ) и 54,4 (въ Сэксмэки). Въ минувшемъ году школы посѣщались 273 мужчинами и 426 женщинами, или въ общемъ числѣ 699 лицами, изъ которыхъ 399 человѣкъ прошли весьма успѣшно народную школу. Большинство учащихся, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, принадлежало къ классу собственниковъ, имѣющихъ свои дворы. Въ хозяйственныхъ школахъ преобладалъ элементъ прислуги. Что касается возраста, то среднее число близко подходило къ 18 годамъ, хотя были лица моложе и старше этого возраста.

Предметы занятій были распредѣлены на двѣ группы, причемъ въ первой преслѣдовалось, главнымъ образомъ, теоретическое ихъ изученіе путемъ пояснительныхъ лекцій; во второй группѣ обращалось вниманіе на практическое ознакомленіе съ дѣломъ. Въ первой группѣ отдавалось предпочтеніе исторіи, которою занимались 2—6 часовъ въ недѣлю. Лекціямъ по земледѣлію, садоводству, домашнему хозяйству удѣлялось времени 1—8 час. въ недѣлю, изученію родного языка (литература, правописаніе и др.)—5—9 часовъ, мужскому ручному труду удѣлялось въ Вестанкварнѣ 4 часа, въ Илмолѣ—22 часа въ недѣлю.

Расходы по содержанію школъ обнаруживаютъ въ разныхъ мѣстахъ сильное колебаніе, въ зависимости отъ обширности программы, принятой въ школахъ. Начиная съ 6.041 марокъ (въ Борго), они доходятъ до 16.842 марокъ (въ Лаукасѣ). Средній годовой расходъ на школу не превышаетъ, однако, 10.000 марокъ. Болѣе значительнымъ расходомъ во всѣхъ школахъ является вознагражденіе, выдаваемое персоналу учащихъ. Въ школѣ города Борго этотъ расходъ не превышаетъ 5.038 марокъ, между тѣмъ какъ въ Лаукасѣ онъ доходитъ до 8.320 марокъ. Въ среднемъ эти расходы не превышаютъ 6.861 мар.

Весь приходъ за минувшій годъ равнялся: 12.612 мар. отъ ученической платы, 49.655 м. отъ обязательныхъ взносовъ членовъ общества и ренты отъ пожертвованныхъ капиталовъ, 6.595 марокъ отъ доходовъ, полученныхъ съ полей, садовъ и огородовъ, 58.724 м. отъ разныхъ земледѣльческихъ обществъ и, наконецъ, 49.000 мар., полученныхъ изъ государственныхъ суммъ въ видѣ субсидіи. Ученическая плата въ среднемъ не превышала 20 марокъ за слушаніе одного курса, причемъ въ каждой школѣ имѣлась небольшая часть безплатныхъ учениковъ. Только въ одной высшей народной школѣ

эта плата доходила до 30 мар., также какъ только въ одной она была уменьшена до 15 мар.

Въ каждой школѣ имѣется библіотека, содержащая около 700—800 томовъ и только въ высшей народной школѣ селенія Кронобю число томовъ превышало 3.000.

Въ виду того, что высшія народныя школы въ Финляндіи во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ программы и организаціи, имѣютъ много общаго съ прочими ея школами, мы приведемъ въ заключеніе отзывъ одной весьма распространенной финской газеты о всѣхъ, вообще, финляндскихъ школахъ. Газета говоритъ:

«Школы въ Финляндіи возбуждаютъ въ ученикахъ интересъ къ знанію и даютъ имъ возможность впослѣдствіи умножать свои познанія, не прибѣгая къ чужой помощи.

«Школа и принятые въ ней учебники стремятся, главнымъ образомъ, дать ученикамъ возможность правильно усваивать всю сущность преподаваемаго. Какихъ-либо другихъ цѣлей ни школа, ни учебники не преслѣдуютъ, да и не должны этого дѣлать. Многолѣтній опытъ въ другихъ странахъ показалъ, что бывали нерѣдко случаи, когда школою пользовались для проведенія различныхъ ученій, имѣвшихъ политическую окраску. Однако, подобныя попытки, не соотвѣтствовавшія главному назначенію школы, отражались неблагопріятно на просвѣщеніи народа, понижая уровень его знаній.»

Школа въ Финляндіи, въ отношеніи программы и тѣхъ цѣлей, которыя она преслѣдуетъ, является чисто національнымъ учрежденіемъ. Она устроена въ совершенно такомъ же духѣ, какъ весь общественный строй Финляндіи. Всякое измѣненіе настоящей ея цѣли неминуемо отразилось бы на историческомъ развитіи національнаго образованія. Будущность финскаго народа зависитъ отъ сохраненія настоящаго положенія школы и полной неизмѣняемости преслѣдуемыхъ ею цѣлей.

К. Гр.

СЕСТРЫ.

Повѣсть.

(*Продолженіе*) *).

IV.

Эва, по обыкновенію, проснулась въ восьмомъ часу утра, какъ только на темномъ фонѣ стѣны, между переплетомъ окна выдѣлились силуэты оконныхъ стеколъ. Ей бы и хотѣлось понѣжиться немного въ постелѣ, да надо вставать поскорѣе, потому что у нея много работы.

Кромѣ Финогеича, у Каргановыхъ больше не было прислуги и обѣ женщины дѣлали все сами. Софья Андреевна ходила въ лавку за провизіей, Эва приготовляла ее, а Финогеичъ потомъ только присматривалъ, какъ бы не выкипѣлъ бульонъ, не подгорѣло мясо, да не было чаду: въ домѣ не выносили кухоннаго запаха.

По субботамъ приходила поденщица привести въ порядокъ кухню, въ этотъ же день являлись полотеры. Эва сама убирала постели, вытирала пыль на безчисленныхъ лакированныхъ японскихъ этажерочкахъ.

Здѣсь стояли всевозможныя граціозныя бездѣлушки,—китайцы, съ качающимися головами, шары изъ разноцвѣтнаго гранита на мраморныхъ подставкахъ, драконы темной бронзы, красивыя вазы—курильницы благовоній, великолѣпныя японскія чаши, покрытыя пестрымъ узоромъ разноцвѣтной эмали.

Иногда Финогеичъ присоединялся къ барышнѣ и, осторожно помогая ей своими дрожащими руками, разсказывалъ безконечныя исторіи по поводу каждой вещицы: вотъ этого дракона Эвушка испугалась, когда увидала первый разъ у адмирала; а этотъ разноцвѣтный шаръ моложе ея только на два года: его купили въ Гонконгѣ во время перваго кругосвѣтнаго плаванія;

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

а эту восьмиугольную чашечку свалило на полъ во время качки на Тихомъ Океанѣ и—чудеса!—она не разбилась...

Вытерши пыль, Эва шла на кухню, гдѣ уже стояла корзина съ провизіей, которую принесъ краснощекій мальчикъ, чистила тамъ овощи, мыла мясо и наливала его водою.

Софья Андреевна свѣжая, крѣпкая, розовая послѣ прогулки, выходила къ чаю, гдѣ уже ее ждала Эва съ Анной Семеновной, которая, по причинѣ своихъ немощей, вставала позднѣе всѣхъ. Блѣдная, съ отекшимъ лицомъ и голубыми дряблыми подушечками подъ глазами, она по очереди перебирала одной рукою опухшіе пальцы другой и жаловалась:

— Ахъ, душеньки, сегодня ночью такъ ломило въ суставахъ! Вотъ будетъ бѣда, коль ноги совсѣмъ отнимутся, чѣмъ я стану тогда ходить?

— Надѣйтесь на Бога, другъ мой, — утѣшала ее Софья Андреевна.

— Вотъ, только эту зиму потерпите, а потомъ въ колоніи станете молодцомъ,—говорила Эва, намазывая ей масло на хлѣбъ.

Анна Семеновна улыбалась и вѣрила, что въ деревнѣ она станетъ молодцомъ. Но скоро улыбка сбѣжала съ ея лица и оно омрачилось новой заботой.

— Ахъ, душеньки,—сказала она, — право, не могу я взять въ толкъ, отчего это уже три дня не приходитъ Володенька? Эвочка говоритъ, что это изъ-за англійскаго языка; но только чуетъ мое сердце, что тутъ не ладно дѣло... ужъ не хвораетъ-ли онъ, батюшка?

— Какія пустяки, — утѣшала ее Эва, хотя уже ей было извѣстно, что Владиміръ Алексѣевичъ дѣйствительно боленъ,— вѣдь онъ ходитъ на урокъ на Васильевскій Островъ, подумайте, легко ли ему потомъ бывать еще и у насъ?

— Такъ-то такъ, —задумчиво шептала старушка, — только, все-таки...

Анна Семеновна вздохнула, не договоривъ своей мысли; больше всего она боялась, чтобы сынъ, чего Боже сохрани, снова не запилъ.

Эва замѣтила ея безпокойство.

— Я сегодня зайду къ нему,—сказала она,—и увидите, все будетъ хорошо...

Пробило десять часовъ. Перемывъ чашки, Эва торопливо собралась уходить изъ дому. Путь ей предстоялъ не малый: отъ ихъ квартиры до Вяземской Лавры было больше четырехъ верстъ; но она не пользовалась извозчиками и даже къ конкѣ прибѣгала только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Не смотря на порядочную пенсію, Каргановы никогда не имѣли лишней копѣйки, благодаря

массѣ постороннихъ расходовъ, подрывавшихъ ихъ бюджетъ. На дняхъ, напримѣръ, Аннѣ Семеновнѣ пришлось купить теплое пальто, потому что ея шубка еще прошлой весной пропала въ ломбардѣ; а такой расходъ уже надолго требовалъ экономіи.

Сегодня Эвѣ было очень пріятно идти.

Слякоть прекратилась, легкій морозъ сковалъ всѣ лужицы и одѣлъ ихъ тонкимъ снѣжнымъ покровомъ. Блѣдное небо, изрѣзанное силуэтами крышъ и трубъ, освѣщенныхъ невидимымъ солнцемъ, точно отдыхая отъ непогоды, улыбалось. Песокъ весело скрипѣлъ подъ ногами оживленныхъ прохожихъ.

Эва бодро прошла широкія, блестящія улицы, минула нѣсколько площадей и вошла въ переулки гдѣ стало грязнѣе и тѣснѣе. Высокіе дома уже не имѣли зеркальныхъ оконъ, лавки съ простыми вывѣсками замѣнили красивые магазины; изъ съѣстныхъ и трактировъ вырывалась брань вмѣстѣ съ чадомъ винныхъ паровъ и прогорклаго масла. Люди здѣсь были плохо одѣты, но чувствовали себя на улицѣ какъ дома.

Теперь Эва привыкла и къ людямъ этимъ и къ воздуху переулковъ, удушливому, пропитанному испареніями лука, алкоголя, старой одежды, несвѣжаго мяса; но раньше, когда она въ первый разъ увидала эти мѣста, ей стало противно и даже жутко. Это было года четыре тому назадъ, когда ее привезла сюда княгиня Арташева, бывшая попечительницей одного изъ ночлежныхъ домовъ. Потомъ она уже одна ходила сюда, наблюдая за его ремонтомъ и санитарными улучшеніями.

Сердце Эвы тогда горѣло отъ горя и обиды, какая-то темная завѣса точно закрыла отъ нея всѣ радости жизни; но горе, которое она увидала въ этихъ затхлыхъ переулкахъ, помогло ей перенести свою бѣду, оно потонуло въ немъ, какъ капля въ морѣ, и въ этихъ трущобахъ ей неожиданно стало легче. Ее тянуло сюда изъ дому, потому что здѣсь все забывалось.

Когда ночлежный домъ былъ устроенъ, она приходила дежурить въ чайной; наконецъ, однажды, съ душевнымъ трепетомъ, зашла въ корридоры прославленной Вяземской Лавры; но тамъ не нашла уже ничего особенно ужаснаго.

Минуя переулки, Эва подошла къ рынку, гдѣ торговали старыми вещами и углубилась въ узкій проходъ, вымощенный острыми камнями, весь заставленный старымъ хламомъ.

— Что покупаете, скажите?—тотчасъ пристала къ ней косоглазая еврейка, — скажите, мадамъ, у насъ подушки, тюфяки, сундуки, ситцы, занавѣсы, ковры, матеріи...

— Кровати, не угодно ли кровати, тюфяки, матрасы пружинные, волосяные, карнизы!—перебилъ ее розовый мальчишка, крича во все горло.

— Вотъ желѣзный товаръ! — выкрикивали дальше. — Ножи, ножницы, вилки, кастрюли, самовары.

— Барынѣ надо башмаковъ! Башмаковъ и туфлей!—говорила баба, предъ которой возвышалась груда починенной и блестяще вычищенной обуви.

Эва молча лавировала по серединѣ прохода, между разнымъ хламомъ, который вынесли сюда для продажи старьевщики. Здѣсь кучками лежали газеты, рваныя книги, старыя рамы, съ потускнѣвшей золотой рѣзьбой, болты, гвозди, ручки отъ дверей, зеркала, щетки разрозненная посуда. Около каждой кучки стоялъ хозяинъ, передъ нимъ дефилировала, толкаясь масса покупателей. Иногда въ этотъ потокъ людей врѣзывалась телѣга, нагруженная мебелью и люди, ругаясь, тѣснились плотной кучей, чтобы дать ей мѣсто. Иногда въ толпѣ застрѣвалъ татаринъ съ изломанной желѣзной кроватью на плечахъ или съ разбитымъ зеркаломъ подъ мышкой, и не смотря на просьбы, на ругательства, не могъ скоро выбраться къ лавкѣ старьевщика. А тамъ уже стоялъ мастеровой съ кускомъ желѣза въ рукахъ и, пошатываясь, кричалъ пьянымъ голосомъ:

— Черти! Кровопивцы! Ну, давай четвертакъ, вѣдь этакій товаръ!

— Гривенникъ,—холодно процѣживаетъ старьевщикъ, закутанный въ лисью шубу.

— Сударыня, купите мебель! Случайную мебель! Ну, хоть посмотрите.

Эву чуть не хватаютъ за платье; но она, привычная къ этому гвалту, молча пробирается впередъ.

Эва могла бы обойти это шумное мѣсто; но она нарочно ходила мимо, отыскивая и въ тоже время опасаясь встрѣтить человѣка, котораго житейская недоля довела до послѣдней крайности. Здѣсь именно Эва встрѣтила Анну Семеновну съ самоваромъ, отсюда она пришла къ ней домой, гдѣ застала въ безобразномъ видѣ ея сына.

Но вотъ переулокъ почти пройденъ. Здѣсь уже меньше народу, потому что остались однѣ желѣзныя лавки; за то шумъ оглушительный: посреди дороги стоитъ обозъ, съ котораго выгружаютъ старыя рельсы. Нѣкоторыя кидаются прямо на мостовую, иныя ставятъ стоймя у дверей лавокъ рядомъ съ другими желѣзными полосами. Лица у работающихъ напряженныя, рты раскрыты, всѣ кричатъ, что есть мочи, но и то лязгъ желѣза не даетъ ничего разслышать.

Наконецъ, Эва вышла на каналъ, гдѣ уже было значительно тише, хотя и тутъ еще продожалась торговля. На узенькой панели постоянно встрѣчались оборванцы, несшіе то полушубокъ,

то сапоги или пиджакъ; а тутъ-же, прислонясь къ рѣшеткѣ канала, стояли какія-то личности въ теплыхъ пальто картузахъ и валенкахъ. Завидя оборванца съ товаромъ, они выжидали пока онъ поровняется съ ними и небрежно бросали:

— Дороги ли сапожки? Дорогъ ли пиджачекъ?

Оборванецъ останавливался и между ними завязался оживленный торгъ шепотомъ. При появленіи городового, группа въ одно мгновеніе разсѣивалась и торговецъ съ покупателемъ внезапно пропадали куда-то.

Наконецъ, Эва вошла во дворъ Вяземской Лавры.

Сегодня она не то что боялась, но чувствовала себя здѣсь неловко. Недавно, какой-то оборванецъ въ дырявомъ рыжемъ пиджакѣ, покрытомъ пятнами, пригрозилъ ей... Угроза была весьма неопредѣленная.

— Ну, барышня,— сказалъ онъ,— больно часто заходила... Мотри, у насъ тутъ не то, что домъ обнаковеный, а Лавра.

Раньше здѣсь никто не обижалъ Эву; но съ тѣхъ поръ, какъ она стала говорить съ падшими женщинами о пріютѣ, который, для нихъ устроили, мужчины начали отпускать ей вслѣдъ язвительныя штучки, а потомъ и сердито хмуриться. Наврозовъ, услыхавъ объ этомъ, часто приходилъ сюда къ опредѣленному часу, чтобы проводить Эву домой; но теперь посѣщенія эти становились все рѣже, и дѣвушка все больше по нимъ скучала.

Нѣсколько взволнованная ожиданіемъ непріятностей, Эва торопливо поднялась по скользкимъ ступенямъ во второй этажъ, повернула въ узкій вонючій корридоръ и, ощупью найдя дверь, на которой кистями висѣла рваная рогожа, вошла въ большую комнату.

Здѣсь было душно и накурено. Низкій потолокъ точно нависъ надъ людьми и, казалось, упалъ бы на нихъ, не будь толстаго столба, подпиравшаго его по серединѣ. Въ одномъ углу комнаты помѣщалась русская печка, другой уголъ отдѣлялся для хозяевъ невысокой досчатой перегородкой съ наклеенными на ней лубочными картинками. Остальное мѣсто было сплошь занято нарами съ узенькимъ проходомъ по серединѣ. Два небольшихъ окна безъ вторыхъ рамъ слезились, пропуская мало свѣта, но все же около нихъ сидѣли какіе-то люди за работой. По угламъ передъ окнами, теплилась масса лампадокъ, разныхъ формъ, цвѣтовъ и величинъ. Подвѣшенныя на различной высотѣ отъ потолка, онѣ привѣтливо мерцали своими разноцвѣтными огнями, изъ-за которыхъ изрѣдка сверкала фольговая риза святого, или темнѣла доска со стариннымъ изображеніемъ Троеручицы.

При появленіи Эвы, шумъ и разговоры въ комнатѣ смолкли.

Мужчины только равнодушно оглянулись, за то женщины почти всѣ повскакали съ наръ, чтобы окружить гостью радостной толпой.

— Что-й-то, барышня такъ давно у насъ не бывала,—раздались голоса,—мы соскучились.

— Я уже всю твою шерсть связала, кабы еще немного—и чулки готовы!

— У Аннушки животъ болитъ, ждетъ тебя не дождется.

— Я была здѣсь позавчера,—сказала Эва,—но только не имѣла времени зайти къ вамъ.

— Не угодны, значитъ, стали,—прошептала молодая бабенка съ младенцемъ на рукахъ.

— Знаемъ, знаемъ!—воскликнула какая-то старуха,—ты теперь энтими, дрянями, занимаешься, а насъ честныхъ побросала.

— Зачѣмъ вы бранитесь, имъ, вѣдь, хуже, чѣмъ вамъ,—съ упрекомъ замѣтила Эва.

— Имъ-то хуже!—закричало сразу нѣсколько негодующихъ голосовъ.—Да чего же имъ, еще нужно? Ничего не работаютъ, а какъ одѣты? Вѣчно сыты и пьяны!

Эва не хотѣла поддерживать этого разговора.

— Какъ здоровье Феклы?—спросила она.

— Померла,—отвѣчала одна изъ старухъ,—вчерась въ больницу отвезли ужъ полумертвую. На улицѣ кончилась... И съ твоими валенками!

— Пропали валенки!—повторила другая старуха, мрачно качая головой.—Пропала и юбка.

— Агашка-то, барышня, осталась въ судомойкахъ у графини,—сказала молодая баба съ ребенкомъ,—вчера за имѣніемъ своимъ сюда приходила, такъ ужъ благодарила тебя, ахъ, какъ благодарила!

Одна изъ привиллегированныхъ жиличекъ, сидѣвшая на настоящей кровати, со всѣхъ сторонъ укрытой ситцевой занавѣской, замѣтила, жеманно поджимая губы:

— Только не уживется твоя Агашка! Куда ей, ротозѣйкѣ, на хорошемъ мѣстѣ...

— А тебѣ что, завидно,—откликнулась баба.

— Чего мнѣ завидовать,—съ достоинствомъ возразила привиллегированная особа,—я мужняя жена, слава Богу, и все у меня есть.

— Кому кипятку, кипятку?—раздался на всю комнату громкій голосъ хозяйки, суетившейся возлѣ печки.

Бабы—схвативъ изъ-подъ наръ жестяные чайники, поспѣшили на призывъ. Въ узкомъ проходѣ осталась одна Эва.

Тогда изъ самаго дальняго угла выползла маленькая, смиренная фигурка женщины, которая, подойдя къ дѣвушкѣ, тихонько спросила:

— Отчего это Владиміръ Алексѣевичъ не приходитъ?

— Онъ захворалъ,—отвѣчала Эва,— вотъ уже нѣсколько дней, какъ лежитъ. Кажется, у него тифъ.

— Ахъ, жалость какая! Ужъ какъ я люблю его слушать, такъ онъ хорошо, такъ жалостливо читаетъ. Я вонъ книжечку энту купила.

Поднявшись на нары, она сняла съ маленькой полочки, на которой стояла темная икона, небольшое Евангеліе, спрятанное за горѣвшей розовой лампадкой.

— Кабы ты намъ хоть немного почитала, вѣдь ты, чай, тоже грамотная,—просила старушка, взглядывая на гостью большими загноившимися глазами,—а то такъ скучно безъ слова Господня.

— Мнѣ, милая, некогда,—отвѣчала Эва, но все-таки взяла книгу изъ рукъ старушки.

Увидя это, мужчины, занимавшіе лучшія мѣста у оконъ, оставили свою работу и оглянулись. Лысый старикъ съ огромнымъ лбомъ, на которомъ желтая кожа ясно обрисовывала всѣ выпуклости, пересталъ чинить свою ветошь и приготовился слушать. Изъ-за перегородки, отдѣлявшей общую отъ хозяйской клѣтушки, вышелъ босой мужъ хозяйки въ пестромъ жилетѣ, одѣтомъ поверхъ кумачевой рубахи.

— Ужь почитайте за Владиміра Алексѣевича, сдѣлайте милость,—попросилъ онъ,—больно мы соскучились; а завтра какъ разъ праздникъ и мы уже всѣ лампадки позажигали.

Эва больше не отказывалась. Она только подождала, чтобы женщины, ушедшія за кипяткомъ, вернулись къ своимъ нарамъ. Смиренная обладательница Евангелія пожирала закрытую книгу глазами и уже заранѣе собиралась плакать отъ умиленія.

Наконецъ, въ комнатѣ затихло; но только теперь, среди наступившей тишины, вдругъ раздался храпъ пьянаго мужчины, который лежалъ на животѣ, раскинувшись на какихъ то тряпкахъ, замѣнявшихъ ему тюфякъ.

Пергаментный лобъ старика вдругъ весь покрылся румянцемъ.

— Чего ты ржешь?—крикнулъ онъ, загораясь негодованіемъ и со всего размаху толкнулъ спящаго босой ногою. Пьяный вскочилъ во весь ростъ, выкрикнулъ ужасное ругательство и снова повалился.

— Молчи, рожа!— съ невыразимымъ презрѣніемъ сказалъ старикъ.

Пьяный снова хотѣлъ вскочить; но только крикнулъ еще нѣсколько циническихъ словъ и захрапѣлъ.

— Вы лучше ужъ его не трогайте, тогда онъ не помѣшаетъ намъ,—сказала Эва.

— Да какъ же, когда такой мерзавецъ,—отвѣчалъ старикъ,— тутъ Евангеліе, а онъ...

— Ну, читай, барышня, читай,—торопила старушка,—почитай намъ про Мати Божію, какъ она у Святого Креста плакала.

— Да, да, про Скорбящую,—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, пусть лучше про Нечаянную Радость,—жеманно сказала обладательница кровати съ занавѣской.

— Скорбящая—куда лучше!—протестовала старуха.—Ужъ куда намъ до Нечаянной Радости!

— Да вѣдь Богородица одна,—улыбаясь возразила Эва,— только названія ей разныя.

Это объясненіе было встрѣчено молчаніемъ.

— Не вѣрите?—смущенно продолжала дѣвушка.—Но, право, это такъ... Ну, вотъ, тебя, напримѣръ, зовутъ Анна, а иной по отцу называетъ Матвѣевна... или вотъ во время переписи и фамилію еще спрашиваютъ.

Но это объясненіе никого не удовлетворило. Идея о нѣсколькихъ богородицахъ такъ крѣпко сидѣла въ головахъ у публики, что ее нельзя было такъ скоро разубѣдить.

— А какъ же Богъ,—вмѣшался босой мужъ хозяйки,—вотъ Онъ одинъ, а все-таки Онъ же и Саваоѳъ, и Христосъ и Голубь—Духъ Святой, все вмѣстѣ—едино. Вотъ такъ и Богородица бываетъ Скорбящая, Нечаянной Радости, Казанская, Тихвинская, Троеручица.

— Вотъ, вотъ!—раздались вокругъ одобрительныя восклицанія.

Эва оказалась побѣжденной. Ей рѣдко приходилось разговаривать съ обитателями трущобъ о религіозныхъ отвлеченностяхъ, это было дѣло Звѣрева и онъ всегда блистательно справлялся съ затрудненіями, но Эва чувствовала себя въ такихъ дѣлахъ совершеннымъ профаномъ.

— Что же я могу сдѣлать, если вы мнѣ не вѣрите,—сказала она смущенно,—жаль, что здѣсь нѣтъ Владиміра Алексѣевича, онъ бы вамъ все объяснилъ... Да вы бы спросили своего батюшку. Вы какого прихода?

— Какого прихода!—насмѣшливо повторилъ лысый старикъ,— развѣ мы прихожане? Никакого у насъ нѣтъ прихода, дальше паперти насъ въ церковь не пущаютъ...

— Полно, полно, дѣдушка,—остановила его Эва.

— Матушка моя, правду онъ говоритъ,—заступилась ста-

руха,—куда насъ, лохмотниковъ пустятъ? Изъ нашихъ угловъ только хозяевъ пущаютъ, да вотъ ее.

Она указала на счастливую собственницу кровати съ занавѣской.

— Мы и такъ хороши, зачѣмъ намъ церковь?—иронизировалъ старикъ, поглаживая худую кошку, которая терлась о рукавъ его рубахи.—А въ церкви господа на насъ обижаются, жалуются, что будто мы нехорошій духъ пущаемъ... Ну, сторожа насъ и гонятъ.

— Это дѣйствительно такъ, сударыня,— подтвердилъ хозяинъ,—у каждой церкви сторожъ при дверяхъ стоитъ, онъ ихъ всѣхъ и гонитъ. А какъ это понять? Въ Евангеліи говорится, что трудно попасть въ Царствіе Небесное богатому, а между тѣмъ въ жизни бываетъ наоборотъ: куда дѣваться бѣдному отъ грѣховъ своихъ?

Пьяный, бормотавшій все время что-то во снѣ, вдругъ вскочилъ съ наръ, окинулъ всѣхъ дикимъ взоромъ и заоралъ:

— Эхъ, вы Сашеньки-канашеньки мои.

Старикъ однимъ ударомъ кулака повалилъ его обратно на тряпки.

Эва воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы избѣгнуть вопросовъ, на которые она не умѣла отвѣчать и, развернувъ Евангеліе, начала читать первую попавшуюся ей главу.

Въ огромной комнатѣ сразу наступила полная тишина. Всѣ, притаивъ дыханіе, вслушивались въ каждое слово. Старушка, обернувшись къ образамъ, передъ которыми сіяли разноцвѣтныя звѣздочки лампадокъ, тотчасъ же стала на колѣни, голова ея билась о грязныя доски пола, протянутыя къ образамъ, руки дрожали, а больные глаза жадно смотрѣли впередъ, точно стараясь заглянуть куда-то дальше, за предѣлы земного.

— Господи, Господи,—шептала она темному лику Спасителя,—вотъ я прачкой была сорокъ восемь лѣтъ, все по господамъ ходила, все честно стирала, а теперь ужъ не берутъ меня! Не берутъ меня, Іисусе! Христосъ Небесный, а ну какъ я еще долго проживу, куда я дѣнусь, чѣмъ кормиться буду?

Эва возвышала голосъ, стараясь имъ покрыть причитанія старухи; но они все-таки были слышны.

— Ну, ты, молчи! —прикрикнула на старуху обладательница кровати.—Пошла шепелявить. Этакая падаль, а всѣмъ мѣшаетъ. И она слегка толкнула ее ногою.

Прачка покорно умолкла; но черезъ минуту все ея тѣло снова невольно потянулось къ образамъ, опять поднялись къ нимъ дрожащія руки съ узловатыми пальцами и она опять зашептала:

— Богородица скорбящихъ, помоги мнѣ, какъ я вовсе оста-

нусь безъ работы... Пошли мнѣ тогда смерть не лютую, пошли кончину праведную поскорѣича... Сказано, бо не единъ волосъ не упадетъ безъ воли Твоей.

Эва слышала каждое слово, и эта мольба о смерти человѣка, прожившаго въ трудахъ цѣлую жизнь, тяжелымъ камнемъ падала ей на душу... И какъ это еще удивляются ея знакомые, какъ они могутъ спрашивать ее, зачѣмъ она ходитъ въ эту ужасную Лавру? Но развѣ эта одна старушка не стоитъ того, чтобы ради нея приходить сюда ежедневно?

Дверь со скрипомъ отворилась и въ нее заглянуло веселое личико румяной пятнадцатилѣтней дѣвушки.

— Барышня, къ намъ пожалуйте,—закричала она свѣжимъ голоскомъ, ясно прозвенѣвшимъ во всѣхъ затхлыхъ углахъ комнаты,—у Авдотьи сынишка захворалъ, и такъ ужъ она васъ проситъ, такъ проситъ!

— Чего мѣшаешь, егоза?—огрызнулся старикъ.—Видишь, барышня занята. Чуть что, сейчасъ и лѣзутъ, наказаніе! Вотъ жадный народецъ, бѣда!

— А ты на откупъ взялъ барышню, что ли?—снова зазвенѣлъ голосокъ румяной дѣвушки.—Аль хочешь украсть ее, да въ сундукъ спрятать? Небось, не спрячешь, чай, вольная... захочетъ и уйдетъ.

— Да ты чего приходишь въ чужое мѣсто скандалить?—закричала изъ-за печки хозяйка.—Шляются здѣсь, чистая бѣда!

— А ты къ намъ, небось, не шляешься,—не оставалась въ долгу дѣвушка,—теперь тебѣ „чистая бѣда“, а какъ къ мамашѣ ходишь то за чаемъ, то за кофеемъ, тогда не бѣда?

— Ахъ ты! Попрекать чужимъ добромъ вздумала!—закричала хозяйка, подходя къ дверямъ съ воинственными намѣреніями.—А откуда у васъ этотъ чай, да кофей? Ну-ка, скажи это при барышнѣ?

Но тутъ вдругъ вскочилъ со своихъ тряпокъ пьяный человѣкъ и покрылъ бабью ссору такой ужасной бранью, что Эва, возвративъ книгу старушкѣ, поспѣшила къ дверямъ.

— Ахъ подлецъ ты, прямой подлецъ!—крикнулъ съ негодованіемъ лысый старикъ.—И тебѣ, аспидъ, не стыдно, что ты прогналъ отъ насъ барышню?

Но пьяный упалъ обратно на нары и, не обративъ никакого вниманія на нравоученіе, уже храпѣлъ, уткнувши лицо въ лохмотья.

Румяная дѣвушка, замѣтивъ возлѣ себя Эву, сказала, торжествующе улыбаясь:

— Ага, что взяла?

Эва вышла съ ней въ смрадный коридоръ, шедшій въ глубь

дома подъ прямымъ угломъ къ галлереѣ, освѣщенной полукруглыми окнами. По обѣимъ сторонамъ его скользкихъ стѣнъ, покрытыхъ зеленоватыми узорами плѣсени, тускло свѣтились переплеты оконъ, въ которыхъ горѣлъ огонь днемъ и ночью. Эти блѣдные силуэты едва освѣщали неровности каменнаго пола, да скелетъ прогнившей деревянной обшивки на потолкѣ, лишенномъ штукатурки, и, постепенно уменьшаясь, пропадали въ сыромъ полумракѣ. Сюда выходили окна и двери комнатъ, получавшихъ воздухъ и свѣтъ лишь съ одного конца пролета, упиравшагося въ свѣтлую галлерею.

— Зачѣмъ вы постоянно бранитесь, Саша? — сказала Эва шедшей рядомъ съ ней дѣвушкѣ.

— Да развѣ можно, барышня, здѣсь не браниться?—возразила та, смѣясь. — Какое же тогда будетъ намъ уваженіе? Мы вѣдь не какіе-нибудь, тоже углы содержимъ; а она думаетъ, что если ужъ комната ея больше, то и...

Изъ сырого закоулка выступила худая, какъ скелетъ, женщина и загородила Эвѣ дорогу.

— Свѣтикъ, ангелочекъ мой,—воскликнула она глухимъ голосомъ, складывая съ мольбою руки,—Василій мой по тебѣ стонетъ! Все ждетъ тебя, родимая, не дождется; а смертынька его ужъ за плечами.

— Барышня къ намъ идетъ,—грубо закричала Саша.

Женщина точно не слышала этого крика. Она продолжала, глядя на Эву глубоко впалыми, изстрадавшимися глазами.

— Въ тотъ разъ ты что-то ему почитала, и на цѣлый день ему легче стало, ясочка моя, лебедушка бѣлая! А во снѣ тогда, разсказывалъ, даже цвѣты пахучіе видѣлъ.

Блѣдныя губы женщины вдругъ раздвинулись въ подобіе улыбки.

— Проходи, не мѣшай,—снова грубо сказала Саша.

— Онъ помретъ скоро,—прошептала женщина.

Эва повернула въ темное отверстіе, куда уходила одна изъ вѣтвей коридора.

— Я сейчасъ, Саша, подождите меня,—сказала она.

Дѣвушка сердито надула губы.

Женщина нащупала одну изъ дверей, съ которой лохмотьями висѣла рогожа.

— Нагнитесь, барышня,—предупредила она, толкая дверь колѣнкой,—прошлый разъ здѣсь головку себѣ ушибли.

Эва вошла, но удушливый смрадъ на мгновеніе удержалъ ее у порога.

Въ крошечной комнатѣ было очень тихо и почти темно, хотя на одномъ изъ угловъ русской печки стояла горящая лампочка;

но она больше чадила, чѣмъ давала свѣта. Все свободное пространство было занято нарами, въ одномъ углу которыхъ лежалъ параличный старикъ; а другой, подлѣ двери, оставался теперь свободнымъ, хотя не пустовалъ, судя по лежащимъ тамъ лохмотьямъ. На скамейкѣ у печки стояло корыто, въ которомъ спала двухлѣтняя дѣвочка, покрытая лоскуточнымъ одѣяломъ. Блѣдное личико ея обрамлялось роскошными бѣлокурыми волосами, а все худое тѣльце напоминало тонкую больную травку, выросшую въ сыромъ подвалѣ, безъ воздуха и свѣта. Это была дочь хворавшаго, Катя, которую Эва прозвала Снѣгурочкой.

— Барышня у насъ, Василій!—радостно закричала женщина.

На печкѣ что-то охнуло, завозилось, закашлялось. Кашель, удушливый, захлебывавшійся, продолжался долго, со стонами, чуть ли не съ крикомъ.

Обѣ женщины молча жались посреди небольшого свободнаго пространства. Хозяйка прибавила немного огня въ лампѣ, Эва слегка качала корыто со спящей Снѣгурочкой.

Наконецъ, кашель отпустилъ больного, и изъ рамы четырехъугольника, образуемаго потолкомъ, верхомъ печки и ея трубою, выглянула еще багровая отъ натуги голова съ жидкой бородкой и всклокоченными волосами. Прижавъ руки къ рубашкѣ, подъ которой ходуномъ ходила разбитая грудь, больной смотрѣлъ на Эву лихорадочно горящими глазами и радостно улыбался, обнажая бѣлые зубы. Наконецъ, онъ открылъ ротъ, зашевелилъ губами и что-то зашепталъ ими скоро, скоро.

— Не говорите, Василій, а то опять закашляетесь,—поспѣшно сказала Эва,—но вы молодецъ! Кажется, вамъ сегодня лучше?

Больной весело кивалъ головой, шевелилъ беззвучно губами и смотрѣлъ на Эву выразительнымъ, молящимъ взглядомъ. Она же въ это время вынула что-то изъ мѣшечка, который носила съ собою, и сказала:

— Вотъ вамъ лимонъ и сахаръ, а чаю еще вамъ, вѣрно, хватитъ.

Больной не взглянулъ на подарокъ, продолжая шепотомъ молить о чемъ-то.

— Опять почитать васъ проситъ,—пояснила жена, смущенно улыбаясь.

— Какъ я спалъ тогда,—прохрипѣлъ Василій,—и все-то мнѣ царевичи, царевны... цвѣты... ну, точно ребенку малому... снятся...

Кашель оборвалъ его радостную исповѣдь.

— Голубчикъ, я книжки съ собой не взяла,—сказала Эва,—у меня на сегодня еще такъ много дѣла... Вотъ завтра я къ вамъ приду надолго и много почитаю.

— А сегодня къ тѣмъ идешь, — раздался вдругъ разби-

тый голосъ параличнаго старика, который все время слѣдилъ за Эвой и былъ очень обиженъ ея невниманіемъ къ нему.

— А ты откуда знаешь, куда я иду? — спросила его Эва, оглянувшись.

— Слухомъ земля полнится, я вчера только изъ того корпуса... А для чего имъ помогать? Чего имъ, еще надо?

— Откуда у васъ этотъ старикъ?—шепотомъ спросила Эва.

— Это мужъ жилички...

— Какъ, двое въ одномъ углу?

— Ничего... Ея цѣлый день нѣту, только по праздникамъ съ работы приходитъ; а этого какъ разъ по праздникамъ на паперть выносятъ...

— Зачѣмъ?

— А милостыню просить... И вправду, онъ богатый, могли бы два угла занять; да ужъ скупой старикъ-то, бѣда, скупой. Ты ему, смотри, ничего не давай: всѣ нищіе у насъ богатые...

— Приходи скорѣй, а то помру,—оборвалъ Василій шепотъ жены.

— Я завтра же приду, не тужи,—отвѣчала Эва,—а пока прощай, мнѣ некогда. Ну, а какъ насчетъ больницы, все не хочешь?

Больной отрицательно замоталъ головой.

— И отчего ты не хочешь?—продолжала Эва.--Въ больницѣ и воздухъ чистый, и пища хорошая, и уходъ, все есть. Я тоже буду приходить...

— Сюда лучше приходи,—прохрипѣлъ больной.

— Какъ хочешь, а все-таки въ больницѣ лучше.

— Здѣсь хоть въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—примирительно сказала жена, — боится онъ больницы! Говоритъ, замаютъ его тамъ, да зачистятъ до смерти... ну ее!

— Пока до свиданія,—сказала Эва.

— Приходи,—прошепталъ Василій и, придерживая лѣвой рукой правую, перекрестилъ ею уходившую дѣвушку.

Саша нетерпѣливо сторожила у дверей и тотчасъ же накинулась на женщину, вышедшую вслѣдъ за Эвой.

— И чего столько держите, стыда у васъ нѣту! Другіе ждутъ, а она все себѣ.

— Полно, Саша, полно,—остановила ее Эва, вдыхая полной грудью вонючій воздухъ корридора, который все-таки освѣжилъ ее послѣ смрада закоулка, гдѣ валялся уже два года умирающій Василій.—Ну, прощай, Марья. А какъ поживаетъ Снѣгурочка?

— Ничего, здорова дѣвчонка, — отвѣчала женщина, улыбаясь,—живетъ, растетъ, чего ей...

— Не забывай ее кормить той кашкой, которую я принесла прошлый разъ; да и Василію ее ѣсть не мѣшаетъ.

— Онъ не хочетъ... Онъ только чай съ лимономъ пьетъ, а больше ничего.

— Прощай,—сказала Эва и пошла дальше.

— Ну, ужъ люди,—ворчала Саша,—не сегодня-завтра помретъ, а все требоваетъ, чтобы съ имъ няньчились.

Тутъ она подошла къ одной изъ многочисленныхъ дверей корридора и отворила ее толчкомъ ноги.

Здѣсь было также темно и смрадно; два небольшихъ окошка не могли передать много свѣта изъ корридора, который самъ освѣщался только полукруглой аркой, выходившей на просторную галлерею. Комната раздѣлялась невысокой перегородкой на четыре части, изъ которыхъ три было занято нарами съ узенькими крестообразными проходами. Подъ нарами помѣщались сундуки, ларцы, корзины; на полочкахъ по стѣнамъ стояла посуда, чайники, горшки, кастрюли; въ воздухѣ, на протянутыхъ бичевочкахъ висѣло бѣлье, платье.

Въ четвертомъ отдѣленіи помѣщалась хозяйка, которая теперь сидѣла съ гостями у столика, накрытаго клеенкой, гдѣ стояла бутылка водки, хлѣбъ и селедка.

— Авдотья, вотъ тебѣ барышня! Говорила, что приведу,—съ торжествомъ крикнула Саша и прошла затѣмъ на хозяйскую половину.

Авдотья, закачивая на рукахъ пронзительно кричавшаго ребенка, поспѣшно поднялась съ наръ.

— Мотри, барышня, ажъ посинѣлъ,—сказала она съ испуганнымъ недоумѣніемъ,—и что съ имъ сталося, ума не приложу? Простудила, видно, на паперти окаянная Санька.

— А ты чего даешь ей ребенка?—раздался старческій голосъ существа, скрытаго за сосѣдней перегородкой,—давала бы мнѣ, былъ бы онъ здоровенькій... А то польстилась на лишній пятакъ,

— Молчи, здѣсь барышня,—зашепталъ кто-то и старуха умолкла.

Эва пощупала голову, нажала твердый животикъ ребенка, затѣмъ нацѣдила изъ самовара воды и, распустивъ часть порошка, который вынула изъ своей сумочки, ловко влила его въ маленькій ротикъ.

— Просто запоръ,—сказала она,—теперь только держи его въ теплѣ. Саша, проводите меня внизъ, я не знаю дороги.

Саша въ это время держала рюмку съ водкой въ высоко поднятой рукѣ и собиралась чокнуться съ однимъ изъ гостей.

— Выкушайте съ нами, барышня,—пригласила хозяйка Эву.

— Что вы, я не пью,—сконфузившись, отвѣчала дѣвушка.

— Полно, полно,—убѣждала хозяйка,—да вы не церемонь-

тесь, что-жъ такое, чай, знакомые! Сегодня мой праздникъ, ну, хоть эту крохотную рюмашечку.

— Но, увѣряю васъ, я никогда не пью.

Недовѣрчиво улыбаясь, хозяйка уже протягивала ей руку съ рюмкой.

— Право же слегка краснѣя отъ гнѣва,—повторяла дѣвушка,— я никогда въ ротъ не беру вина, да и всѣмъ бы это совѣтовала.

Хозяйка расхохоталась. Ей вторила Саша, сосѣдки и гости.

— Да ну ужъ,—снисходительно сказалъ одинъ изъ нихъ,— выпей, чего кочевряжешься.

— Саша, проводите меня,—сердито прервала его Эва.

— Ну идемъ, я провожу,—сказала Саша, накидывая на голову платокъ,—вашъ-то провожатый снова безъ заднихъ ногъ.

— Майоръ опять запилъ?

— Во-всю! Раздобылъ откуда-то деньжатъ и утѣшается. Что-жь, стыдиться теперь ему некого: Владиміръ Алексѣевичъ болѣнъ, а васъ все время не было видно.

— Барышня все къ тѣмъ подлянкамъ ходитъ,—сказала пожилая женщина, укоризненно качая головой,—посидѣли-бы съ нами, о божественномъ поговорили бы... И охота вамъ съ энтими мараться? Вотъ я еще о богатомъ Лазарѣ хочу спросить...

— Это вамъ все Владиміръ Алексѣевичъ объяснитъ,—прервала ее Эва и вышла, кивнувъ головой на прощанье.

Эвѣ всегда было больно, когда эти люди обращались къ ней съ вопросами, на которые она ничего не могла имъ отвѣтить. Какъ бы хотѣлось ей все знать, быть настолько высоко образованной, чтобы давать такіе отвѣты на ихъ, подчасъ нелѣпые вопросы, которые бы просвѣтили ихъ сознаніе, но она чувствовала себя неспособной для этой роли.

V.

Обѣ женщины вышли изъ темнаго корридора въ свѣтлую галлерею съ арками, черезъ разбитыя стекла которыхъ свободно задувалъ вѣтеръ.

— Скажите, Саша, — спросила Эва, когда онѣ, повернувъ налѣво, направились къ каменной лѣстницѣ, не огражденной перилами,—куда это Авдотья отдаетъ своего ребенка?

— Въ родимчики, — отвѣчала Саша, едва замѣтно пошатываясь.

— Что это значитъ?

— Да нищенки у нея его нанимаютъ, чтобы стоять на паперти: съ ребенкомъ больше подаютъ. Такъ вотъ, Санька косая

платитъ ей четвертакъ въ день, а наша старуха Лукерья только двугривенный. Мало теперь въ нашемъ корпусѣ робятъ, отъ дихтерика поумирали, вотъ на него цѣну и набавляютъ. Авдотьѣ-то и лестно получить пятачкомъ дороже. Только несправедливо: Санькѣ за ея убожество и такъ хорошо подаютъ, а Лукерьѣ иной разъ и двугривеннаго не откуда взять.

— Ахъ, Боже мой, какъ же она рѣшается отдавать ребенка? Вѣдь онъ оттого простуживается и хвораетъ.

— Онъ и такъ помретъ, все одно, — со смѣхомъ возразила Саша,—а вы, думаете, съ дитемъ весело? Безъ него Авдотья пойдетъ на работу, да еще ни за что четвертакъ получитъ, а съ нимъ на рукахъ куда дѣнешься?

Говоря такъ, Саша пересмѣивалась со встрѣчавшимися по пути мужчинами, заглядывала въ нѣкоторыя изъ оконъ, выходившихъ въ галлерею и какъ-то покровительственно, даже насмѣшливо отвѣчала Эвѣ. Лицо ея было краснѣе обыкновеннаго и имѣло чрезвычайно счастливое выраженіе.

— Саша, отъ васъ, кажется, водкой пахнетъ? — несмѣло сказала Эва.

Дѣвушка звонко расхохоталась.

— Чать, не пивомъ,—отвѣтила она затѣмъ.

— Неужели вы много выпили?

— Ой, смѣшно! Развѣ мнѣ, барышня, впервые? У насъ, въ Лаврѣ, никто водочки не чурается.

Эва хотѣла что-то возразить; но Саша оборвала ее, указывая на лѣстницу безъ перилъ со скользкими отъ влажной грязи ступенями.

— Ну, меня гости ждутъ, я побѣгу домой,—сказала она,— идите внизъ, а потомъ налѣво... Да вонъ и вашъ Папенкинъ прохлаждается! Онъ и доведетъ.

Слегка свѣсившись съ площадки надъ пропастью пролета, которая была ничѣмъ не огорожена, Саша указала внизъ, на какую-то безформенную массу, дремавшую въ одной изъ каменныхъ нишъ галлереи нижняго этажа.

— Вотъ онъ... а пока прощайте,—сказала она, быстро убѣгая обратно.

Эва осталась одна. Сдерживая начинающееся головокруженіе, она начала осторожно спускаться, прижимаясь къ потной стѣнѣ лѣстницы. На площадкѣ она остановилась перевести духъ. Въ это время фигура дремавшаго майора встрепенулась. Онъ поднялъ голову и на мгновеніе замеръ, встрѣтившись глазами со взоромъ Эвы. Вдругъ онъ вытянулъ впередъ руки, замахалъ ими и дико крикнулъ:

— Не подходи, ангелъ! Не подходи къ недостойному.

Остановившись, Эва глядѣла на него съ недоумѣніемъ.

— И не смотри,—кричалъ майоръ,—не то я сейчасъ, вотъ съ этого самаго окна...

Дѣвушка испуганно опустила глаза.

Тогда майоръ Папенкинъ покинулъ свою нишу и весь грязный, оборванный, растрепанный, шатаясь, еле волоча ноги, убѣжалъ въ какой-то закоулокъ, откуда сейчасъ же раздался его голосъ, прерываемый пьянымъ рыданьемъ:

— Варька Пучеглазая, иди!

Изъ того же закоулка вышла женщина и, пугливо оглядываясь, пошла навстрѣчу Эвѣ.

— Здравствуйте, Варя,—сказала ей послѣдняя.

— Здравствуйте, милая барышня,—отвѣчала Варвара,—стараясь говорить потише; но отъ водки ли, отъ болѣзни или отъ хронической простуды, голосъ ея ей не повиновался, и она произнесла свои слова хрипло и громко.

Когда-то Варвара, должно быть, была очень красива, но теперь лицо ея поражало ужасомъ, благодаря глазамъ, которые вылѣзали изъ орбитъ и, огромные, точно пустые внутри, смотрѣли на міръ съ пугливой тоскою. Ея сѣрое лицо не имѣло оттѣнковъ, на шеѣ виднѣлся зобъ, грудь трепетала отъ непрерывнаго сердцебіенія, а всегда раскрытый ротъ старался ловить побольше воздуха.

— Проводите меня, Варя, къ вамъ,—сказала Эва.

— Душечка, барышня, не ходите!—заговорила Варька, прикладывая худую руку къ трепещущемуся сердцу,—ей-ей не ходите! Это майоръ нарочно здѣсь сидѣлъ, чтобы васъ устеречи. Онъ было хотѣлъ идти къ вамъ навстрѣчу, да не осмѣлился... Сами видѣли, каковъ? Вотъ, онъ меня къ вамъ и выслалъ подстеречь.

— Да что же случилось?

— Кавалеры наши на васъ больно осерчали: уже двухъ дѣвокъ вы у нихъ въ пріютъ сманили, да еще самыхъ любимыхъ, вотъ они теперь и лютуютъ, идолы.

— Развѣ я кого-нибудь увожу силой,—сказала Эва,—начиная волноваться,—я только хочу разсказать въ вашемъ корпусѣ, что есть теперь такой домъ, куда всякой изъ васъ можно придти и начать честную жизнь.

— Тсс... тише, родимая, тише,—зашептала Варвара своимъ прерывистымъ, громкимъ голосомъ,—вонъ ужъ изъ окна выглядываютъ... Я боюсь! Прошлый четвертокъ Матвѣй меня избилъ, за то, что я съ вами разговаривала... Ужъ такъ, аспидъ, избилъ такъ избилъ—въ кровь.

Варвара схватилась за сердце и докончила:

— Такъ вы ужъ, барышня, къ намъ не ходите.

— Тогда вы идите ко мнѣ, Варя.

— Это въ пріютъ-то? А какая тамъ работа?

— Пока мы завели прачешную.

— Вишь ты, — Варвара холодно улыбнулась, — въ другихъ мѣстахъ, сказываютъ, только холстъ подрублять заставляютъ, да и то наша сестра на это не больно льстится.

— Нельзя же ничего не дѣлать, Варя.

— Знамо...—лѣниво бросила та и замолчала, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Варя, вотъ вы больная, вамъ такая жизнь прямо отрава. Вы скоро умрете, если будете продолжать жить въ этой обстановкѣ.

— А на что мнѣ жить?—улыбаясь, спросила Варя.

— Все-таки, жизнь каждому дорога. У насъ вы бы пожили въ покоѣ, поправились бы...

— Это въ прачешной-то?—язвительно улыбнувшись, спросила Варвара,—ну, барышня, видно вы сами бѣлья не стирывали.

Эва, густо краснѣя, опустила глаза.

Не сама она придумала прачешную. Она даже была противъ этой формы труда; но баронесса Вольтке убѣдила весь совѣтъ, что такъ какъ стирать умѣютъ всѣ женщины низкаго званія, то лучше и проще этой работы для начала нельзя и придумать.

Однако, при первой же стиркѣ бѣлья для благотворительной столовой, Эва замѣтила, что многія изъ женщинъ не умѣли стирать, хотя руки ихъ уже черезъ два часа были растерты до крови. Она тогда же рѣшила придумать какую-нибудь иную работу въ ихъ пріютѣ; но все-таки почувствовала теперь всю справедливость насмѣшливаго упрека Варьки Пучеглазой.

— А что бы вы хотѣли работать?—спросила она, но въ это время раздался за ея спиною грубый мужской окрикъ:

— Ты опять здѣсь, окаянная? Что я тебѣ давеча заказывалъ?

Огромный волосатый кулакъ показался передъ лицомъ Эвы и тяжелая рука, точно молотъ, ударила въ грудь Варвары. Она охнула, отлетѣла въ сторону на нѣсколько шаговъ и, ударившись о косякъ, упала на холодныя ступени лѣстницы.

Вся дрожа отъ негодованія и неожиданности, Эва быстро оглянулась.

Передъ ней стоялъ, разставивъ ноги въ истоптанныхъ галошахъ, коренастый мужчина. Онъ былъ одѣтъ въ бумазейную изорванную рубаху, въ штаны изъ чортовой кожи; на головѣ торчалъ вверхъ козырькомъ измятый картузъ, изъ-за разстегнутаго ворота виднѣлся черный шнурочекъ съ мѣднымъ образкомъ.

— Охъ, смёртынька... — стонала Варвара, силясь приподняться,— охъ, убилъ, на смерть убилъ.

Эва помогла ей встать, послѣ чего женщина скрылась въ одномъ изъ темныхъ корридоровъ.

— Вы, вѣрно, не представляете себѣ, какъ теперь больно Варварѣ,—сказала Эва, у которой негодованіе пересилило чувство страха.

— А ты мнѣ тоже не представляй здѣсь... Я те представлю,— возразилъ, пошатываясь, мужчина.

Эва боялась пьяныхъ, а человѣкъ, стоявшій передъ нею, былъ въ томъ градусѣ, когда пьяные жаждутъ скандаловъ и не потеряли еще силы ихъ производить.

Эва безпомощно поглядѣла на закоулокъ, куда скрылся маіоръ Папенкинъ, но онъ не показывался, да въ настоящемъ случаѣ могъ бы и не защитить ее, а только усугубить непріятность. Въ корридорѣ было пусто. Даже любопытные, глядѣвшіе раньше на нее изъ оконъ своихъ комнатъ, теперь куда-то попрятались. Вдали, въ концѣ длинной галлереи, мелькали силуэты людей, тамъ же стояли торговки съ лотками провизіи; а около Эвы только появилось нѣсколько ребятишекъ, которые оставили свои игры, въ ожиданіи необыкновеннаго развлеченія.

— Ну, брысь,—сказалъ пьяный, указывая Эвѣ пальцемъ по направленію къ выходу.

Дѣвушка, не понимая, смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Брысь, говорю я,—повторилъ онъ,—мигомъ сокройся, или...

— Какъ вы говорите?—попыталась было возразить Эва.

— Я покажу тебѣ какъ.

Мужчина сталъ близко возлѣ Эвы, для равновѣсія широко разставивъ свои ноги въ галошахъ. Потомъ онъ протянулъ къ ней блѣдную грязную руку и сказалъ:

— А ты все хочешь мутить, а? Нашла себѣ забаву? Я те позабавлюсь... Пошла, пошла, стеклянная? Огромная блѣдная рука вдругъ опустилась на хрупкое плечо дѣвушки и сдавила его точно клещами.

— Оставьте меня!—крикнула та, дрожа отъ страха и отвращенія.

Однако, мужчина и не подумалъ снять руки. Вмѣсто того, онъ однимъ движеніемъ пальцевъ повернулъ Эву въ сторону, противуположную той, къ которой она стояла.

— Не вопи!—сказалъ онъ затѣмъ, легонько ее подталкивая,— аль думаешь, что ты у себя на Невскомъ и сейчасъ къ тебѣ прибѣжитъ городовой? Небось, здѣсь нашинская Лавра криковъ не боится! Отъ криковъ у насъ только веселѣе.

И онъ съ особенной цинической гордостью расхохотался, об-

давая Эву смраднымъ дыханіемъ сивухи. Эва увидѣла, что сопротивляться или противорѣчить совершенно безполезно.

— Оставьте меня, я сама уйду,—сказала она, стараясь сохранить самообладаніе.

— Иди со мной, я такъ хочу,—возразилъ мужчина, подталкивая ее впередъ.—небось, послѣ такой науки долго къ намъ не заглянешь. Ходи себѣ вонъ въ энти корпуса, я те трогать не стану, а нашего не мути.

Мужчина выступалъ медленно, важно, отступивъ отъ своей жертвы на разстояніе протянутой руки, кисть которой сильно вдавилась въ плечо Эвы и побуждала ее идти впередъ съ нимъ въ ногу. Она пыталась ускорить шагъ, но желѣзная рука властно покоряла ее своей волѣ. Лицо Эвы горѣло, опущенные глаза увлажились слезами, но она все-таки старалась сохранить какое-нибудь подобіе независимости въ своей жалкой фигурѣ.

Но это было лишнее. Люди, которые имъ попадались на пути, такъ привыкли къ всевозможнымъ скандаламъ, что даже не обращали вниманія на такое пустяшное приключеніе. Только нѣсколько ребятишекъ присоединилось къ небольшой группѣ товарищей, да и тѣ болѣе интересовались костюмомъ Эвы, чѣмъ ея положеніемъ.

Но когда эта группа подошла къ бабамъ торговкамъ, стоявшимъ у выхода съ какой-то зловонной снѣдью, на дѣвушку посыпались насмѣшки, сопропровождаемыя такими комментаріями, отъ которыхъ у нея загорѣлись уши.

Пылающая, съ блестящими глазами, въ которыхъ высохли слезы, она чуть не бѣжала впередъ преодолѣвая сопротивленіе оборванца, слѣдовавшаго за нею съ гордой улыбкой на пьяномъ лицѣ.

Такъ провелъ онъ свою жертву по всей панели двора, до воротъ и, выйдя съ нею на улицу, сказалъ:

— Ну, теперь иди сама. Только помни мое наставленіе, да поминай меня добромъ, за то, что я тебя ничѣмъ не обидѣлъ.

Отпустивъ ея плечо, онъ повернулъ обратно; но точно раскаяваясь въ своей мягкости, крикнулъ въ догонку уходившей дѣвушкѣ:

— А въ другой разъ, мотри, не то будетъ!

Поспѣшными шагами Эва прошла до конца улицы, повернула за уголъ и тутъ только свободно перевела дыханіе. Теперь это приключеніе показалось ей не такимъ ужаснымъ; она могла оцѣнить и комическую его сторону. Припоминая все, она улыбалась; но улыбка это не была лишена нѣкоторой доли горечи.

Эва думала о Наврозовѣ, который раньше такъ часто приходилъ сюда, чтобы провожать ее домой. Какъ она ждала этихъ минутъ, какъ весело было возвращаться и вмѣстѣ обѣдать. От-

чего же онъ не пришелъ сегодня? Вѣдь онъ зналъ про угрозу этого человѣка? А какъ онъ раньше интересовался ихъ пріютомъ! Онъ пожертвовалъ на это деньги, самъ покупалъ всю меблировку... И все Зоя! А можетъ быть, Антонъ Михайловичъ не могъ придти потому, что у него на рукахъ больной Звѣревъ?

Эта мысль очень утѣшила Эву. Она рѣшила сейчасъ же идти къ Наврозову, чтобы провѣдать Владиміра Алексѣевича и, обрадованная этимъ рѣшеніемъ, весело зашагала къ его квартирѣ.

Наврозовъ жилъ въ трехъ небольшихъ комнатахъ, изъ которыхъ одну занималъ самъ, другую предоставилъ въ распоряженіе Звѣрева, а третья была ихъ общая столовая.

Въ этой столовой на диванѣ, укрытый плэдомъ, лежалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Онъ встрѣтилъ Эву лихорадочно горящими глазами, рука его была суха и горяча.

— Что, какъ поживаете?—спросила дѣвушка.

— Право, я ничего не понимаю!—съ раздраженіемъ заговорилъ Звѣревъ.—Мнѣ кажется, что я здоровъ, а меня почему-то держатъ взаперти... Раньше, всю эту недѣлю, мнѣ, дѣйствительно, было плохо, и тогда мнѣ позволяли выходить, а теперь, когда все прошло, меня держатъ...

Антонъ Михайловичъ, стоявшій у его изголовья, дѣлалъ Эвѣ какіе-то знаки, изъ которыхъ она поняла, что больному не слѣдуетъ противорѣчить.

— Мнѣ скучно,—продолжалъ жаловаться Звѣревъ,—я такъ привыкъ цѣлый день бѣгать. Я могу лишиться урока, чѣмъ я тогда буду жить? Мнѣ и такъ стыдно, что я отнимаю цѣлую комнату у Антона Михайловича.

— Урокъ вы не потеряете,—сказалъ Наврозовъ,—потому что я за васъ хожу къ ученику, а о комнатѣ даже говорить стыдно.

— Все благотворительность! — рѣзко возразилъ Владиміръ Алексѣевичъ, нетерпѣливо дергаясь на диванѣ.—Ахъ, какъ это все тяжело! Петля! Петля какая-то! Меня терзаетъ, что я опять пропускаю свои уроки англійскаго... О, когда я стану на ноги? А Вяземка... Мнѣ по ней скучно! Это мой университетъ... Тамъ я учусь жизни. Были вы тамъ сегодня, Эва Романовна?

— Была... Тамъ по васъ всѣ скучаютъ.

Глаза больного заблестѣли.

— Меня сегодня, наконецъ, выгнали,—сказала Эва и, смѣясь, передала всю исторію.

— Это возмутительно! — воскликнулъ съ негодованіемъ Наврозовъ.

Владиміръ Алексѣевичъ смѣялся, его дурное настроеніе прошло.

— А что же вашъ бравый защитникъ, майоръ Папенкинъ?— спросилъ онъ.

— Увы! — отвѣчала Эва, — онъ что-то и собирался сдѣлать въ мою пользу, да оказался не въ состояніи.

— Онъ снова пересталъ приходить лѣчиться,—сказалъ Наврозовъ,—мы уже догадывались, что это значитъ.

— Пропалъ человѣкъ, а онъ хорошій... — прошепталъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Затѣмъ, онъ, послѣ небольшого молчанія, сказалъ съ нескрываемымъ самодовольствомъ:

— Вотъ вы, Эва Романовна, больше меня бывали въ Вяземкѣ, а все еще не умѣете говорить съ тамошнимъ народомъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ бы вывелъ меня этотъ пьяный оборванецъ. О!.. Онъ поднялъ бы на меня руку, но черезъ минуту уже стоялъ бы на колѣняхъ.

Эва недовѣрчиво усмѣхнулась.

— И это потому, что у всякаго негодяя есть въ сердцѣ струны,—продолжалъ больной точно въ бреду,—о, струны сердца! Нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ играть на этихъ струнахъ. Извлекать оттуда звуки, слушать ихъ мелодію.

Онъ протянулъ впередъ горящую руку.

— Вотъ вамъ оборванецъ, грязный, босой вонючій, онъ сейчасъ только ругался, втаптывалъ въ грязь свое достоинство человѣка, и вдругъ совершается чудо... Вамъ смѣшно, вы удивляетесь?.. Да, да, чудо! — упрямо повторилъ Звѣревъ. — Чудо Духа Святого: глаза оборванца пылаютъ чистой любовью, сердце его горитъ и даже гнусное лицо преображается.

— Простите, голубчикъ, только такія чудеса бываютъ очень рѣдко,—возразилъ, улыбаясь, Наврозовъ.

Лицо больного покрылось гнѣвнымъ румянцемъ.

— Рѣдки потому, что рѣдки люди, умѣющіе играть на струнахъ сердца человѣческаго,—закричалъ онъ,—я самъ былъ почти такимъ же оборванцемъ, я самъ стоялъ надъ пропастью позора, и я знаю, что значитъ слово, обращенное къ такому человѣку. Или я долженъ считать себя лучше ихъ? Но почему? Я такой же. А теперь для меня нѣтъ лучшаго, нѣтъ высшаго наслажденія, какъ осторожно будить такую уснувшую душу.

— Хорошо, какъ уснувшую, а если—мертвую? — возразилъ Антонъ Михайловичъ.

— Мертвая душа бываетъ только въ мертвомъ тѣлѣ... О, вы не можете понять, какое наслажденіе доставляетъ мнѣ эта бѣдная душа, когда она вдругъ начинаетъ пробуждаться... Тогда во мнѣ поднимаются громадныя силы! Я предвкушаю восторги миссіонера... Разбудить сердце дикаря для истины...

Звѣревъ замолчалъ, но тотчасъ же снова лихорадочно заговорилъ съ несвойственнымъ ему задоромъ:

— Есть такіе, что удивляются мнѣ! Они говорятъ: какъ это вы, математикъ, мечтаете проповѣдывать дикарямъ Евангеліе? Глупцы! Да развѣ истина: „Любите другъ друга", противорѣчитъ какой бы то ни было наукѣ?

Онъ вскочилъ и сѣлъ, облокотившись о подушки. Эва тревожно переглянулась съ Наврозовымъ, тотъ только пожалъ плечами.

Обыкновенно замкнутый и серьезный, теперь, подъ вліяніемъ жара, Владиміръ Алексѣевичъ говорилъ много, обнажая передъ ними самые тайные изгибы души своей.

— А это чувство власти надъ другимъ, — продолжалъ онъ, лихорадочно сверкая глазами, — развѣ что-нибудь можетъ съ этимъ сравниться!.. Власть, власть, чудное слово! Къ тебѣ ведутъ разные пути... И какая власть можетъ быть выше власти духа? Вотъ онъ, свободный человѣкъ, а вдругъ покоренъ мнѣ, ничтожному недоучкѣ! Студенту, котораго провалили на экзаменѣ... Нищій, пьяница, бывшій рабъ своихъ страстей, дѣлается вдругъ царемъ надъ душами тысячъ.

Эва встала. Она не хотѣла слушать подобныхъ признаній, опасаясь, что, по выздоровленіи, Звѣревъ можетъ вспомнить о своемъ полубредѣ и ему будетъ неловко.

— Ну, до свиданія, поправляйтесь, — сказала она,—протягивая ему руку.

Онъ, удерживая эту руку, проговорилъ:

— Да, есть на землѣ большія чувства, доступныя не однимъ великимъ міра... Надо только умѣть отыскать ихъ... Вы помогали мнѣ искать, благодарю, благодарю...

— Что вы, что вы,—возразила Эва, — мнѣ такъ чуждо все, что вы говорите.

— Это все равно! Я ждалъ чего-то и пьянствовалъ, вы пришли и меня разбудили. Теперь мнѣ не надо водки, теперь я и такъ полонъ грезъ. Я грежу во-снѣ огромнымъ кораблемъ, который плыветъ по океану въ невѣдомыя страны. О, мама, потерпи еще немного, ты скоро будешь имѣть могущественнаго сына... А какъ ласково баюкаютъ волны... А вдали уже виднѣются берега... Что за берегъ? Откуда?..

Онъ бредилъ, полуоткинувъ голову на подушки, и, наконецъ, выпустилъ руку Эвы.

Сопровождаемая Наврозовымъ, она тихонько вышла въ переднюю.

— Если онъ бредитъ, то всегда славой и миссіонерствомъ,— сказалъ Антонъ Михайловичъ.

— Но что говоритъ докторъ?

— Что у него тифъ.

— Тогда придется сказать Аннѣ Семеновнѣ.

— Конечно; да и вы бы сюда не ходили.

Эва улыбнулась.

— У меня былъ уже сыпной тифъ два года тому назадъ и я застрахована, — отвѣчала она, — Владиміръ Алексѣевичъ долженъ также пройти черезъ это: всякій, кто часто посѣщаетъ Вяземку, непремѣнно чѣмъ-нибудь да заразится. Но вотъ вамъ бы отсюда уѣхать не мѣшало... Особенно, если это будетъ сыпной тифъ.

Антонъ Михайловичъ почувствовалъ себя неловко, потому что самъ въ эту минуту думалъ о томъ же.

— Да нѣтъ, что же,—пробормоталъ онъ.

— Вамъ непремѣнно надо уѣхать,—настаивала Эва,—а сюда мы перевеземъ Анну Семеновну. Вблизи она не такъ будетъ тревожиться и лучше васъ выходитъ Владиміра Алексѣевича. Я иногда буду приходить къ ней на помощь.

Наврозовъ молчалъ, какъ бы выражая этимъ свое согласіе.

Эва пожала ему руку, вглядываясь въ его лицо, которое, въ тайныхъ глубинахъ своей души, уже привыкла считать своимъ, но лицо это было теперь какое-то тусклое и глаза его не отвѣчали на ея взглядъ обычнымъ взоромъ, исполненнымъ честнаго дружелюбія и симпатіи.

Эва вышла, унося съ собою тоскливое чувство.

„Хорошая дѣвушка", подумалъ Антонъ Михайловичъ, съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти.

Съ книгой въ рукахъ, онъ сѣлъ у изголовья больного, который продолжалъ бредить, но не могъ читать, весь отдавшись нахлынувшему чувству...

Какъ ему раньше нравилась Эва! А теперь уже не то... И зачѣмъ стала между ними эта Зоя, со своей задорной красотой, съ насмѣшливымъ смѣхомъ?.. И все шутитъ эта Зоя, все смѣется, и пустая она и, кажется, не очень добрая... Вотъ почему это новое увлеченіе не очень радуетъ Антона Михайловича. Эва же всегда спокойна, добра, такъ честно относится къ жизни. Конечно, Эва куда лучше своей кузины, но съ ней вдругъ стало какъ-то скучно... А съ Зоей весело...

Но все-таки съ Эвой Наврозова уже соединяло былое, хотя и невысказанное чувство. Ему казалось, что милая дѣвушка въ вправѣ обижаться на его измѣну. Оттого онъ еще больше чувствовалъ себя неловко въ ея присутствіи и посѣщалъ Зою не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось.

Эва думала почти то же, что думалъ Наврозовъ, и ее угнетало

чувство оскорбленной гордости. Но, несмотря на свои печали, она торопилась идти, вспоминая, что немножко опоздала къ обѣду и что мать, навѣрно, о ней безпокоится.

И чѣмъ ближе подходила Эва къ своей квартирѣ, тѣмъ легче становилось у нея на душѣ. Она любила входить въ теплую переднюю своего гнѣздышка, съ ярко горящими лампами, любила знать, что ее ждетъ мама съ вѣрно преданной Анной Семеновной, любила смотрѣть на столъ, покрытый блестящей бѣлой скатертью и встрѣчать привѣтливый взоръ Финогеича, суетившагося съ приборами въ рукахъ. Это чувство домашней уютности наполняло отрадой сердце Эвы и какъ бы растворяло въ себѣ горечь разочарованій, которымъ ей приходилось подвергаться внѣ стѣнъ своего тихаго уголка.

VI.

Зоя хворала.

Она даже нѣсколько дней не ходила въ ломбардъ, но оттуда вскорѣ пришелъ уполномоченный съ заявленіемъ, что если она не явится къ назначенному сроку, на ея мѣсто поступитъ другая. Пришлось идти на службу, сидѣть снова на высокомъ стулѣ передъ конторкой съ какимъ-то томительнымъ недомоганіемъ во всемъ тѣлѣ и негодующей тоскою въ сердцѣ. Но сегодня воскресенье, и Зоя могла валяться въ постелѣ сколько угодно.

Было не рано. Изъ кухни, которая выходила дверью въ переднюю и находилась противъ комнаты Зои, доносился скрипучій голосъ ея тетки Вѣры Петровны, выговаривавшей кухаркѣ.

— Вы, милая, не имѣете права вставать такъ поздно,—говорила медленно тетка,—если бы вы жили на своей квартирѣ, ну, это другое дѣло.

— Господи, да я давно уже вставши!—возражала кухарка.—Вонъ плита уже три часа какъ топится.

— Милая, я знаю, что вы встали поздно: у васъ даже обувь еще не чищена.

— О Боже, Боже,—шептала Зоя,—какая тоска! И какъ мнѣ отъ нея избавиться?..

Она заворачивалась съ головой въ одѣяло; но все же слышала до мельчайшихъ деталей всѣ кухонныя пререканія. Тогда она вскочила, набросила на себя юбку и съ отвращеніемъ оглядѣла свою комнату, въ полутемномъ сумракѣ которой виднѣлись разбросанныя по стульямъ юбки, корсетъ, кофточки...

Изъ кухни идетъ какой-то горькій чадъ,—это топятъ говяжье сало, на которомъ потомъ будутъ жарить цѣлую недѣлю жаркое. Но вотъ еще какой-то новый угаръ присоединяется къ аромату,

который можетъ законно разгуливать по комнатамъ,—вѣроятно Маланья пролила на плиту сливки, и тетушка, подобно зоркому полководцу, замѣтившему оплошность непріятеля, уже спѣшитъ на мѣсто дѣйствія.

— Что это, милая, тутъ у васъ? Кажется, сбѣжали сливки? Но развѣ можно ихъ держать на плитѣ цѣлый часъ?

— Цѣлый часъ!—восклицаетъ Маланья.—Да и плита-то сею минутою только затоплена.

— Вѣдь вы, милая, сказали мнѣ недавно, что плита у васъ топится уже три часа?—раздается ехидно торжествующій голосъ Вѣры Петровны.—Когда же вы соврали?

Въ отвѣтъ на это, что-то со звономъ падаетъ изъ рукъ Маланьи, но побѣдившій полководецъ проявляетъ великодушіе: тетенька не дѣлаетъ замѣчанія, она на время удовлетворена блистательной побѣдой.

Вѣра Петровна заглядываетъ въ комнату Зои и говоритъ съ ласковымъ укоромъ:

— Милая, ты еще не одѣта, а мы скоро будемъ завтракать...

— Пришлите мнѣ сюда, — отзѣчаетъ Зоя, глядя на сѣрое небо, которое, словно темной шторой, закрываетъ свѣтъ въ окошкѣ.

Изъ отцовской комнаты, наконецъ, доносится харканье, вздохи, откашливанье,—Романъ Павловичъ Щегольковъ проснулся. Онъ не спалъ всю ночь и сейчасъ очень не въ духѣ, потому что „всего его тянетъ“.

— Маланья!—зоветъ онъ кухарку.—А, Маланья!

— Неужели онъ выпилъ уже ту бутыль, что стояла подъ кроватью? — шепчетъ Вѣра Петровна, тревожно переглядываясь съ Зоей.

— Маланья!—грозно повторяетъ старикъ.

— Лавки еще заперты!—кричитъ изъ кухни кухарка.

Вѣра Петровна выходитъ изъ комнаты Зои.

Въ это время въ кухнѣ раздается шопотъ Романа Петровича:

— Она уже тебя пробирала, Малаша?

Въ отвѣтъ кухарка что-то швыряетъ.

— Охъ, умѣетъ она язвить, умѣетъ,—жалуется старикъ,—а ты слышала, какъ она меня вчера отчитывала? А за что? Развѣ я пью на ея деньги? Какъ она смѣетъ? Я старше ее на десять лѣтъ... Старая дѣвка!

Маланья съ шумомъ выливаетъ что-то въ раковину.

— И какъ ты можешь жить у насъ, Малаша,—сочувствуетъ Романъ Петровичъ, — вотъ кабы ты раньше у насъ жила, при ангелѣ... при Лелечкѣ дорогой...

Голосъ старика обрывается.

*

— Только и живу здѣсь потому, что по вечерамъ въ гости ходить пускаетъ,—наконецъ, говоритъ Маланья.

— Ходи, ходи,—бормочетъ старикъ,— только, милая, принеси мнѣ сейчасъ хоть бутылку! Ты съ задняго хода, голубушка...

— Экую бутылицу выдули!

— Да мнѣ только опохмѣлиться, а больше ни-ни! Ты думаешь, мнѣ самому не противно? Я самъ брошу скоро, вотъ увидишь...

Зоя слышитъ это почти ежедневно.

Она сжимаетъ голову руками и закрываетъ глаза. Ея чудесные волосы растрепаны, все лицо полно выраженія тоскливой растерянности...

Всегда одна, все носитъ она въ себѣ, некому ей пожаловаться, разсказать безъ утайки...

Да и какъ разсказать такой ужасъ?

Артуръ Гершъ... Откуда въ ея жизни появился этотъ субъектъ, эта династія банкировъ? Артуръ Гершъ и Сынъ... Артуръ Гершъ и Внукъ.

— Негодяй, подлецъ,—вся дрожа, шептала Зоя.

Она подошла къ зеркалу, чтобы посмотрѣть на свое измѣнившееся, осунувшееся лицо, съ котораго вдругъ исчезъ лучистый блескъ юности, точно съ свѣжаго персика, который потерялъ свой розовый налетъ послѣ прикосновенія руки человѣка.

— Гершъ, Артуръ,—шептала она, глядя съ укоризной на свое изображеніе,—и какъ я могла... Какъ я не подозрѣвала, не понимала... О, Боже! Боже!

— Зоя, иди завтракать,—раздался изъ столовой повеселѣвшій голосъ отца. Очевидно, Маланья исполнила уже его порученіе.

— Не хочу, ничего не хочу!—отвѣтила Зоя, глядя въ зеркало глазами, полными отчаянія.

Зоя давно уже никуда не выходила. Даже тетка начала замѣчать это необыкновенное домосѣдство, но дѣвушка сказала, что у нея лихорадка, и Вѣра Петровна перестала обременять ее участіемъ. У нихъ въ домѣ рѣдко кто долго интересовался другъ другомъ.

Зоѣ некуда было уйти, хотя комната, въ которой она пряталась отъ людей, могла вогнать въ меланхолію даже веселаго человѣка.

Небольшое окошко ея смотрѣло во второй дворъ, гдѣ можно было увидѣть только дрова, выгребную яму, да низкую крышу сосѣдняго сарая. Эта крыша составляла единственное развлеченіе Зои при настоящемъ ея душевномъ состояніи, потому что тамъ неожиданно появлялись самыя разнообразныя вещи. Вдругъ тамъ оказывалась пара вывѣсокъ, съ нарисованнымъ на нихъ виногра-

домъ, затѣмъ металлическій каркасъ сломаннаго фонаря безъ стеколъ, диванъ, изъ нѣдръ котораго торчала трава, съ оголенными пружинами... Постепенно все это исчезало куда-то, и Зоя, утромъ выглядывая изъ окна, всегда могла ожидать самыхъ разнообразныхъ новинокъ на своей крышѣ.

Стѣны пятиэтажнаго дома со всѣхъ сторонъ закрывали крошечную площадь мощенаго дворика, на которомъ за день перебываетъ масса всякаго народа.

Едва только сѣрое утро обозначало переплетъ оконной рамы, какъ уже со двора въ комнату неслись пронзительные крики женщины:

— Селедки голандскія, селедки!

— Костей, тряпокъ, костей, тряпокъ продавать!—перебивалъ ее характерный прерывистый басъ тряпичника.

— Точить ножи, ножницы, бритвы править!—вдругъ раздавался протяжный голосъ мальчишки точильщика.

— Рябчики битые! рябчики!—слѣдовало затѣмъ.

— Рябчики, сюда!—кричала изъ какой-нибудь форточки кухарка и на мгновеніе все смолкало; но вдругъ эту краткую тишину нарушалъ умѣренно-громкій, исполненный необычайнаго достоинства горловой баритонъ:

— Халатъ, халатъ...

И татаринъ, выйдя на середину двора съ измятымъ котелкомъ въ рукахъ, поднималъ голову, пристально посматривая на всѣ этажи дома, окрашеннаго въ мрачную желтую краску. Но не долго стоитъ онъ здѣсь одинъ, уже изъ-подъ воротъ вынырнули двѣ бабы. У одной за плечами плетенка и она кричитъ:

— Клюква ягода, клюква!

Другая несетъ десятка два швабръ, которые, подобно гигантскому вѣеру раскинулись за ея спиною.

— Швабры половыя, швабры! — несется вверхъ, прямо къ небу, ея чахоточный молящій голосъ. Но на смѣну ей уже пришелъ веселый краснощекій шалунъ съ деревянной неопрятной доской, на которой рядышкомъ лежатъ рыжія волосатыя бычачьи ноги.

— Хорошій остудень, остудень!—кричитъ онъ звонко на всѣ лады, стараясь изъ скучнаго дѣла устроить себѣ забаву...

Зоя одѣвалась подъ эти крики, завтракала, и возвращаясь со службы, встрѣчала на дворѣ уже шарманщика, который только что завелъ свою музыку. На шарманкѣ прыгаетъ птичка, возлѣ нея стоитъ дѣвочка въ коротенькой юбкѣ: она сейчасъ начнетъ пѣть и танцовать подъ звуки невеселой польки.

И такъ до вечера...

Но и ночью также не было покоя. Послѣ полуночи во дворъ

съ громомъ въѣзжали телѣги, съ появленіемъ которыхъ приходилось, какъ можно плотнѣе, закрывать форточки.

Комната Зои находилась надъ воротами, ея полъ лежалъ какъ разъ надъ ихъ полукруглымъ сводомъ, отчего всякій шумъ долеталъ сюда съ необычайной отчетливостью. Кромѣ того, одна стѣна ея выходила на лѣстницу, по которой день и ночь стучали галоши жильцовъ, а надъ нею жили студенты, очень любившіе плясать ночью подъ звуки балалаекъ.

Зоя жила въ этой маленькой неуютной квартирѣ уже третій годъ, условія ихъ жизни здѣсь были все тѣ же; но только теперь, послѣ рокового ужина въ ресторанѣ, она начала слышать весь этотъ шумъ, котораго раньше даже не замѣчала. Теперь же онъ разстраивалъ ее до одурѣнья, доводилъ до слезъ... Хотя, быть можетъ, слезы эти лились бы изъ глазъ ея и безъ такой причины...

О, кто спасетъ ее, кто захочетъ спасти Зою? Вотъ Антонъ Михайловичъ добрый, милый, онъ бы хорошо пожалѣлъ ее, но развѣ ему придетъ въ голову пожалѣть ее, ее, которая всегда такъ весела, самоувѣренна, такъ насмѣшливо относится къ людямъ? Чтобы жалѣть, онъ долженъ все знать, а развѣ можно разсказать то, что съ ней случилось.

Вчера Наврозовъ заходилъ къ Зоѣ, но она еще не вернулась со службы. Онъ сказалъ, что зайдетъ сегодня, о, добрый! Милый, И зачѣмъ онъ Эвѣ? Эва сама добродѣтельная, ей ничего не нужно въ жизни, а Зоѣ такъ необходимъ человѣкъ, который бы ее спасъ отъ отчаянія. Иначе, что ей дѣлать?

О, если бы Наврозовъ на ней женился... Она бы преданно обожала его, она бы слушалась его всю жизнь, она бы никогда не забыла того, что онъ для нея сдѣлалъ! И отчего бы ему не жениться? Онъ очень богатъ, значитъ, можетъ дѣлать все, что ему хочется, а Зоя знаетъ, что она ему очень нравится. Раньше, конечно, онъ за Эвой ухаживалъ, даже ради нея десять тысячъ отвалилъ на какой-то пріютъ, а теперь вотъ охладѣлъ къ ней! Теперь ему нравится Зоя, а не Эва... О, недаромъ кузина боялась ей показывать Наврозова, хитрая! Но и она, Зоя, тоже не младенецъ, еще поборемся...

Глаза Зои сурово блеснули.

И потомъ, съ Эвой его прямо стошнитъ отъ скуки! А я всегда такая веселая... Вотъ только теперь... какъ бы пережить это время, а потомъ, о, Боже, да я цѣлой жизнью искуплю! Никто никогда ничего не узнаетъ! Да развѣ я такъ ужъ виновата, Господи!

Она стала передъ образомъ и протянула къ нему руки.

— Зоя, неужели ты съ нами и обѣдать не будешь? — раздался изъ столовой ласковый голосъ отца.

Дѣвушка сперва нетерпѣливо пожала плечами, но затѣмъ пріодѣлась и вышла. Отецъ привѣтствовалъ ее виноватой улыбкой. Это былъ еще красивый старикъ съ высокимъ лбомъ, кудрявой шевелюрой и темными глазами, опухшими отъ непрерывнаго пьянства. Съ нѣжностью цѣлуя дочь, онъ спросилъ:

— Дѣвочка, отчего ты такая грустная?

Онъ спрашивалъ ее объ этомъ чуть ли не каждый день послѣ той достопамятной ночи. Зоя, еще сильнѣе нахмурившись, отвѣчала:

— Да такъ... очень устаю на службѣ.

Отецъ опустилъ глаза и больше не разспрашивалъ. Онъ очень жалѣлъ дочь, которая должна такъ трудиться, чтобы заработать какихъ-нибудь сорокъ рублей. Какія-то неясныя мечты о службѣ, о новой жизни, мелькали въ головѣ его въ это время. Онъ вспоминалъ знакомыхъ, съ которыми давно уже порвалъ сношенія, онъ выражалъ увѣренность, что ему скоро дадутъ работу...

Дочь и сестра, не противорѣча, выслушивали его планы; онѣ-то ужъ хорошо знали, что не подняться никогда надломленному старику, и потому не противорѣчили.

Кой какъ тянулось время до сумерекъ; но какъ только въ домѣ зажигали огонь, Романа Петровича охватывала необъяснимая жуткая тоска. Казалось, все было такъ же, какъ днемъ, а, между тѣмъ, тоска все сильнѣе сжимала его сердце. Тѣснились воспоминанія, отъ которыхъ становилось такъ жутко... Вѣдь Лелечка, его милая, незабвенная Лелечка, скончалась ночью, при зажженныхъ свѣчахъ... какъ же ему не бояться огня?

Но проходила эта тоска скоро, послѣ одной-двухъ рюмокъ водки. Жизнь снова получала кой-какую цѣнность, а мозгъ наполнялся фантасмагоріями, замѣнявшими мысли. Зоя и раньше скучала въ своемъ семействѣ, но теперь отдаляла ее отъ него еще чувство горькой обиды, почти злобы. Отдѣлываясь отъ вопросовъ отца стереотипной фразой, она думала въ это же время:

„О, если бы у меня была мать! Или отецъ, которому можно было бы открыться... Я бы призналась во всемъ, во всемъ безъ утайки и какъ бы мнѣ послѣ этого стало легче! Но съ папой развѣ можно поговорить? Развѣ онъ поможетъ? Развѣ онъ утѣшитъ? Вѣдь онъ только сильнѣе напьется съ горя и выболтаетъ все теткѣ и даже Маланьѣ...

Раздался звонокъ и Зоя, услышавъ голосъ Наврозова, выбѣжала къ нему навстрѣчу. Отецъ также обрадовался чужому человѣку, но стѣснялся войти въ комнату дочери, а сказалъ только, немного пріотворивъ ея дверь:

— Ты бы къ намъ привела своего гостя, Зоюшка!

— Но папа, — возразила дѣвушка, — о чемъ онъ будетъ съ вами разговаривать?

— И то правда!—добродушно согласился старикъ.—Я ужъ лучше гулять пойду.

Проходя мимо запертыхъ дверей дочерней комнаты, онъ услыхалъ тамъ оживленные голоса и ласково улыбнулся.

— Развлекайся бѣдняжка,—прошепталъ онъ,—дай тебѣ Богъ всего... загубилъ я тебя и себя загубилъ! И онъ со вздохомъ вышелъ на лѣстницу.

— Ушелъ,—сказала Зоя, прислушиваясь,—ахъ, Боже мой, всякій разъ, какъ онъ уходитъ, я боюсь, что онъ не вернется, а гдѣ-нибудь... у воротъ...

— Но если бы мы пошли къ нему посидѣть, онъ бы остался дома,—сказалъ Наврозовъ.

Зоя густо покраснѣла.

— Конечно, это дурно, — отвѣчала она, — но я стѣсняюсь показывать отца чужимъ людямъ, онъ такой несчастный, даже говорить разучился... Глаза у него постоянно налиты кровью, руки и ноги трясутся... даже губы трясутся.

— И давно онъ такъ... боленъ?

— Давно! Моя мать умерла, когда мнѣ минуло десять лѣтъ, а онъ уже съ тѣхъ поръ началъ. Но сначала, конечно, это было не такъ замѣтно, а потомъ, когда я вернулась изъ института... ужасно! Спасибо тетѣ Сонѣ за то, что она мнѣ сберегла кой-какія мамины деньги, а то хоть по міру иди!

Зоя положила на столъ свои локти, а на нихъ голову и задумалась.

— Онѣ удивляются,—сказала она, затѣмъ, съ раздраженіемъ,—что я постоянно жалуюсь. Конечно, Эва счастливая! Ей папаша оставилъ хорошую пенсію, такъ она и можетъ какіе угодно фокусы выкидывать.

— Чтобы вести такую жизнь, какую ведетъ Эва Борисовна, надо имѣть еще нѣчто, кромѣ пенсіи, — возразилъ Антонъ Михайловичъ,—развѣ мало людей получаетъ пенсію, а живетъ иначе?

— Ужъ я тамъ не знаю,—упрямо сказала Зоя,—но если бы ей пришлось шесть часовъ сидѣть въ ломбардѣ, то она потомъ не ходила бы никуда благотворительствовать.

— Конечно, тогда стремленія Эвы Борисовны вылились бы въ иную форму,—возразилъ Наврозовъ, съ едва замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— А вы знаете, почему „стремленія ея вылились“ въ настоящую форму? — зло усмѣхаясь, спросила Зоя. — Вы думаете, она всегда была такая тихоня?

— Я знаю Эву Борисовну уже три года...

— А я знаю двадцать три! Прежде она была самой обык-

новенной дѣвицей, развѣ только здоровье ея было плоховато, ну, а послѣ того, какъ ее бросилъ Свирскій...

— Бросилъ Свирскій? — перебилъ Антонъ Михайловичъ, необыкновенно взволновавшись.

— Да, Свирскій, ея бывшій женихъ...

— У Эвы Борисовны былъ женихъ?—съ возрастающимъ волненіемъ спрашивалъ Наврозовъ.

— А вы думаете, что она ужъ совсѣмъ святая? — сказала Зоя, сердившаяся на слушателя за тотъ интересъ, который онъ проявлялъ къ ея разсказу.— Свирскій былъ очень красивый молодой человѣкъ и любилъ Эву, но вдругъ, на бѣду, влюбился въ одну актрисочку, да такъ влюбился, что и до сихъ поръ ѣздитъ за ней по всѣмъ Европамъ. Вотъ съ тѣхъ поръ Эва стала добродѣтельной и одѣвается въ черное.

Зоя позабыла о своемъ горѣ. Лицо ея смѣялось, лукавые глаза смотрѣли насмѣшливо на гостя, но послѣдній не отвѣчалъ на ея улыбку. Онъ прошепталъ, видимо взволнованный:

— А я и не зналъ, что у нея была драма...

— Ну, развѣ у Эвы можетъ быть драма? Она такая курица... Свирскій разъ пріѣзжалъ къ ней просить прощенія, она простила, она даже утѣшала его... Она говорила, что вовсе не жалѣетъ о случившемся, потому что это горе внесло необычайный миръ въ ея душу, что ей не страшно никакое испытаніе, потому что она уже прошла черезъ... горнило, что ли. А тетя Соня съ Финогеичемъ стояли подъ дверьми и плакали отъ умиленія.

Зоя вдругъ начала сердиться и говорила все злѣе, хотя понимала, что это не можетъ нравиться ея собесѣднику.

Антонъ Михайловичъ сидѣлъ нѣкоторое время, опустивъ голову. Видно было, что саркастическій разсказъ Зои его сильно разстроилъ.

— Какую нужно имѣть благородную душу, чтобы послѣ такого горя избрать себѣ такое утѣшеніе,—сказалъ онъ, наконецъ, взглядывая далеко не дружелюбно на пышущее красотой лице сидящей передъ нимъ дѣвушки.

Сердце Зои тоскливо сжалось, но она начала смѣяться.

— По моему, бòльшій подвигъ сидѣть въ ломбардѣ среди тѣхъ же нищенскихъ тряпокъ! — сказала она задорно.

— Васъ заставляетъ необходимость, у васъ нѣтъ выбора, а ея жизнь могла бы быть веселѣе.

— Скажите! Бываютъ разныя понятія о весельи. Иному весело ходить съ постнымъ лицомъ и говорить о добродѣтели, а иному весело...

Глаза ея сверкнули и померкли.

— Что же весело иному? — спросилъ Наврозовъ.

— Да, просто, веселиться, — кончила она сухо.

— Вы, я вижу, не долюбливаете вашу кузину, — сказалъ Антонъ Михайловичъ.

— Ужъ очень часто мнѣ ее въ примѣръ ставятъ. Вѣдь, это такъ съ дѣтства, — у нея все хорошо, у меня все плохо. Въ институтѣ мы вмѣстѣ были года три, тамъ тоже, все въ примѣръ ставили: „Ахъ, Щеголькова, берите примѣръ съ вашей кузины, какъ она учится, какъ себя ведетъ“... Да это ангела выведутъ изъ терпѣнія! А я такъ, положительно, не понимаю, что можетъ нравиться въ Эвѣ?

— Ея вѣра въ добро, ея настойчивость въ любви къ людямъ,—отвѣтилъ Наврозовъ нѣсколько изысканно.

— Ужъ какъ-то вы очень книжно выражаетесь, — насмѣшливо замѣтила Зоя,—а впрочемъ... вы думаете, я не хотѣла бы всѣхъ любить? О, сердце мое раскрыто, — прибавила она, со скорбной ироніей,—только я не знаю, какъ за это приняться... научите.

— Этому нельзя научить, — серьезно отвѣчалъ Антонъ Михайловичъ,—вотъ гдѣ, дѣйствительно, наука только портитъ.

— Ну, вотъ видите... — Зоя засмѣялась.

Затѣмъ она, нахмурившись, забарабанила пальцами по столу и неожиданно сказала:

— О, люди всѣ злые, да, да, злые! Недаромъ кто-то сказалъ: „Когда у тебя смерть въ душѣ, не ищи у ближнихъ сочувствія; напротивъ, одѣнь лучшія одежды и сдѣлай видъ, что ты веселишься“. Это очень, очень вѣрно!

Неожиданная вспышка заставила Наврозова пристальнѣе вглядѣться въ лицо Зои.

— Вы говорите это такъ, точно у васъ на душѣ Богъ знаетъ какое горе,—ласково сказалъ онъ.

— Васъ это удивляетъ?

Зоя, смѣясь, посмотрѣла на гостя.

— Конечно, удивляетъ; какое можетъ быть у васъ горе!

Зоя снова захотѣла посмѣяться, но, вмѣсто этого, глаза ея наполнились слезами; она вдругъ закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Растерявшійся гость нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, затѣмъ подошелъ къ ней, отнялъ одну изъ ея рукъ отъ лица и, пожимая ее своими обѣими, началъ говорить какія-то безсвязныя утѣшенія, на которыя она отвѣчала не менѣе безсвязными восклицаніями.

— Это сейчасъ пройдетъ, это пустяки, — сказалъ онъ, наконецъ, и поцѣловалъ ея мокрую отъ слезъ руку.

— Конечно, это пройдетъ, — отвѣтила дѣвушка, откидывая со лба волосы,—только когда? Иное проходитъ скоро, иное же проходитъ только тогда, когда человѣкъ ложится въ могилу.

— О, какъ это страшно,—замѣтилъ, улыбаясь, Наврозовъ и погладилъ Зою по головѣ.

— Да, это страшно, страшно!—повторила Зоя и снова начала плакать, тронутая его простодушной лаской.— Ахъ, если бы у меня былъ другъ, настоящій другъ, если бы я могла кому-нибудь разсказать все, что у меня на душѣ... все, безъ утайки.

— Отчего же вы не хотите разсказать мнѣ?—полушутя спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— Очевидно, вы не такой, какъ надо... Вы у меня еще другъ парадный, а мнѣ нужно самаго простого, затрапезнаго.

— Зоя, милая, я вашъ лучшій и самый искренній другъ! Отъ меня вамъ нечего скрывать свои маленькіе секреты.

— Маленькіе,—прошептала Зоя, блѣднѣя.

— Ну, скажите, голубушка,—продолжалъ Наврозовъ съ необычайной теплотою,—скажите, можетъ быть, я въ силахъ помочь вамъ.

Онъ опустился подлѣ ея стула на колѣни и обнялъ ея станъ. Но Зоя вырвалась у него изъ рукъ, отбѣжала въ другой уголъ комнаты и воскликнула:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я ничего не могу сказать вамъ! Ничего, ничего мнѣ не надо...

Наврозовъ подумалъ что, вѣроятно, ей нужны деньги и ему было теперь очень пріятно, что она ихъ у него не попросила.

— Жаль, что вы не хотите мнѣ довѣриться,—сказалъ онъ,— вѣроятно, вамъ такъ легко помочь...

— А вы сперва заслужите мое довѣріе,—отвѣтила Зоя, неожиданно улыбнувшись.

Она вдругъ чрезвычайно похорошѣла. Изъ ея заплаканныхъ глазъ вырвался точно снопъ горячихъ лучей, которые сразу высушили всѣ слезы.

— Такая красавица и еще плачетъ о чемъ-то!—воскликнулъ съ восхищеніемъ Наврозовъ.

По лицу Зои мелькнула судорога: тонъ, какимъ были сказаны эти слова, очень напомнилъ ей разговоры Герша... Но это продолжалось лишь одно мгновеніе. Усиліемъ воли она прогнала изъ своего сердца мучительное воспоминаніе и сказала весело:

— Больше не хочу плакать! Нечего мнѣ жаловаться, если у меня есть такой другъ, какъ вы... А теперь, идемъ пить чай, я слышу, отецъ уже вернулся. Ужъ такъ и быть пошлю за вареньемъ на свои, на трудовыя.

Антонъ Михайловичъ пилъ чай въ столовой, къ великому удо-

вольствію Романа Петровича, который уже отвыкъ видѣть у себя за столомъ гостей. А гость, къ тому же, былъ такой ласковый и сердечный и просидѣлъ съ ними далеко за полночь.

Провожая Наврозова, Зоя ему сказала:

— Помните же, вы подарили мнѣ свою дружбу.

— Развѣ это забываютъ?—нѣсколько смущенно отвѣчалъ Антонъ Михайловичъ.

— Ну, такъ приходите скорѣй опять... Это меня утѣшитъ... Какъ другу, я уже сейчасъ могу открыть вамъ свою первую тайну.

Она подняла на него свои глаза, въ которыхъ, несмотря на ихъ веселое выраженіе, трепетала какая-то скрытая тревога.

— Мнѣ скучно!

Зоя засмѣялась, увидѣвъ, что лицо ея слушателя получило вдругъ разочарованное выраженіе.

— Мнѣ скучно!—повторила она многозначительно,—я погибаю отъ скуки! Поймите, погибаю.

Теперь Антонъ Михайловичъ не сомнѣвался, что въ словахъ этихъ скрытъ какой-то тайный смыслъ, но когда онъ посмотрѣлъ въ лицо Зои съ цѣлью разгадать его, это лицо только сіяло красотой да смѣялось.

Когда Наврозовъ ушелъ, тетушка заглянула къ Зоѣ и нашла ее сидящей въ углу съ головой, низко опущенной на грудь.

— Онъ очень богатый?—спросила Вѣра Петровна.

— Очень...

— Ну, этого ужъ не выпускай.

— Кого же я выпустила?—насмѣшливо спросила Зоя.

— Правда, правда! Онъ первый, который серьезно...

— Который серьезно!—гнѣвно прервала Зоя.—О, Боже, какая пошлость, о Боже! Боже! Когда я вырвусь отсюда!

— Да, вѣдь, тебѣ же добра желаешь,—сказала тетушка и ушла къ себѣ, хлопнувъ дверью.

— О, милый, спаситель,—шептала Зоя точно молитву,—какъ я буду любить тебя, какъ я уже люблю тебя! Только вырви, вырви меня отсюда!

Давно уже Зоя не спала такъ сладко. Ее не тревожили ни студенты, игравшіе на балалайкахъ, ни шаги людей на лѣстницѣ, ни крики разнощиковъ. Проснувшись утромъ она тотчасъ же вспомнила о Наврозовѣ и прошептала съ прежней улыбкой на прекрасномъ лицѣ:

— Онъ скоро опять придетъ...

Но онъ не пришелъ.

VII.

Проходилъ день за днемъ, минула цѣлая недѣля, а Наврозовъ не явился къ Зоѣ; но она хотя и скучала, однако мало безпокоилась, такъ какъ узнала отъ Каргановыхъ, что Антонъ Михайловичъ уѣхалъ по дѣламъ въ свое имѣніе. Но вотъ, изъ того же источника она услышала, что онъ уже вернулся.

Зоя повеселѣла, каждый вечеръ одѣвалась скромно, но кокетливо, ожидая прихода Наврозова, но онъ почему-то не являлся. Прошло много томительныхъ дней, пока, наконецъ, Зоя рѣшилась послать Антону Михайловичу коротенькую записочку.

„Не захворали ли вы? Или уже забыли своего новаго друга? Приходите въ воскресенье ѣсть пирогъ“.

Отвѣтъ получился неблагопріятный. Наврозовъ извѣщалъ, что въ воскресенье придти не можетъ, потому что въ этотъ день ему надо ѣхать съ Эвой Борисовной къ княгинѣ Арташевой, гдѣ назначено засѣданіе по поводу неурядицъ въ ихъ новомъ пріютѣ.

Антонъ Михайловичъ нарочно писалъ сухо и дѣловито, потому что ему совѣстно было вспоминать свое послѣднее свиданіе съ Зоей. Эта дѣвушка такъ зло говорила объ Эвѣ, она смѣялась надъ ея несчастьемъ, и хотя это не нравилось ему,—онъ черезъ часъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ и обнималъ ее. И случилось это какъ разъ въ то время, когда онъ узналъ, что бѣдняжка Эва была уже разъ оскорблена, покинута...

Наврозовъ понималъ, что значитъ для Эвы теперь эта вторая любовь и ласка, недаромъ глаза ея такъ чудесно сіяли, въ отвѣтъ на всякое его теплое слово. Но что же дѣлать, если источникъ этой спокойной ласки изсякъ въ его душѣ? Неужели именно ему суждено вторично нанести ударъ сердцу, кроткому, незлобивому сердцу, которое, быть можетъ, еще и не совсѣмъ зажило послѣ первой раны? Развѣ можно вполнѣ оправиться послѣ такихъ двухъ ударовъ?

Но если онъ любитъ другую?

А стоитъ ли его новая любовь страданій Эвы? Быть можетъ, это только пустое увлеченіе, которое не только разобьетъ жизнь дѣвушки, но и не дастъ ему ожидаемаго счастья? Развѣ онъ не видитъ ясно всѣхъ недостатковъ Зои? И если прошло такъ внезапно его чувство къ Эвѣ, которое онъ считалъ такимъ положительнымъ, то отчего же не ожидать, что та же участь постигнетъ и эту новую, неожиданную страсть?

Антонъ Михайловичъ обѣщалъ себѣ быть осторожнымъ. Онъ рѣшилъ свободно проанализировать свое чувство, для чего избѣгалъ пока посѣщать Зою, потому что слишкомъ поддавался очарованію въ ея присутствіи. Но рѣшеніе, котораго твердо дер-

жался Наврозовъ, нисколько не уменьшило его любви и не сдѣлало его совѣсть спокойнѣе.

А Зоя все ждала, и сердце ея мало-по-малу ожесточалось. Машинально исполняла она свои обязанности въ ломбардѣ, и возвратившись домой, усаживалась въ своей комнатѣ съ какой-нибудь книжкой на колѣняхъ.

Отецъ и тетка удивлялись этому прилежанію, но книжка все лежала развернутая на одной и той же страницѣ, а Зоя все время сидѣла, прислушиваясь къ шагамъ, раздававшимся на лѣстницѣ. Каждый разъ, заслышавъ стукъ кожаныхъ галошъ по камню, она вздрагивала и шептала:

— Это онъ!

И всякій разъ она ошибалась.

Наступила ранняя весна. Грязная вода, почернѣвшая отъ сажи, струилась изъ водосточныхъ трубъ въ ведра, а оттуда на тротуары; въ огромныхъ свѣтло-коричневыхъ лужахъ плавали куски бураго льда и колеса экипажей, попадая въ нихъ разбрасывали далеко отъ себя брызги жидкой грязи, перемѣшанной съ навозомъ.

Зоя возвращалась домой изъ ломбарда, и подобравъ высоко платье, переходила улицу. Съ низко нависшихъ тучъ сыпалась незамѣтная водяная пыль, осѣдавшая на ея платьѣ сѣрымъ налетомъ. Улицу наполняли подводы съ глыбами грязнаго снѣга; за этими подводами тянулись еще телѣги, на которыхъ лежали растопыренныя ноги бычачьихъ тушъ, покрытыя сѣтью синихъ жилъ, съ жирнаго мяса которыхъ тоненькими струйками стекала вода.

Масса этихъ телѣгъ загромоздила улицу, и сердце Зои, отравленное ядомъ несбывшихся надеждъ, вдругъ наполнилось отчаяніемъ, когда она увидала въ двухъ шагахъ отъ себя Эву съ Наврозовымъ наизв озчикѣ. Они о чемъ-то оживленно разговаривали; Эва такъ мило улыбалась, на щекахъ ея игралъ слабый румянецъ. Антонъ Михайловичъ жестикулировалъ и, повидимому, что-то убѣдительно доказывалъ.

Парочка проѣхала мимо, не замѣтивъ Зои, но резиновыя шины ихъ фаэтона обдали ее цѣлымъ фонтаномъ бурой зловонной жидкости, отъ которой она не догадалась своевременно отклониться.

Дѣвушка вспыхнула, кровь прилила къ ея сердцу точно послѣ какого-нибудь нестерпимаго оскорбленія. Ея сверкающіе глаза проводили экипажъ съ оживленной парочкой далеко-далеко, а на губахъ ея играла въ это время злая улыбка.

— Вотъ она, добродѣтель, сытая и счастливая...

Они вонъ на извозчикѣ ѣдутъ кого-нибудь благодѣтельствовать, а я пѣшкомъ должна тащиться послѣ шестичасовой работы.

Такъ разсуждая, она почти бѣгомъ отправилась домой.

— Ну и чортъ съ вами,—продолжала она бормотать, — эта Эва оказалась умнѣе, чѣмъ я думала. Но съ какой стати стану я скучать? Это глупо... Всякій устраиваетъ свое счастье, какъ умѣетъ...

Зоя разсуждала такъ, но въ то же время тоска одиночества грызла ея сердце. Вспоминая свой послѣдній разговоръ съ Наврозовымъ, она ужасалась собственной безтактности, она не могла ее себѣ простить! Зачѣмъ ей было смѣяться надъ Эвой! Къ чему она разсказала ея неудачный эпизодъ съ женихомъ? Вѣдь только для того, чтобы оттолкнуть отъ себя Антона Михайловича и снова привлечь его къ Эвѣ? Но что же дѣлать, если ей тогда хотѣлось говорить именно такъ, вѣдь она совсѣмъ не умѣетъ притворяться!

Зоя торопливо пообѣдала, почитала немного отцу газету, и потомъ, одѣвшись въ свое лучшее платье, вышла въ переднюю.

— Куда ты?—спросила тетка, которая уже привыкла къ ея домосѣдству.

— Куда? — съ нетерпѣливымъ удивленіемъ переспросила Зоя.—Въ театръ, конечно...

Въ конкѣ она сидѣла возбужденная, почти веселая. И чего ради замуровала она себя въ темной, тѣсной, непривѣтливой комнатушкѣ? Почему изъ-за какого-то мерзавца, съ которымъ ей не хотѣлось встрѣчаться, она лишила себя удовольствія бывать въ театрѣ? За это время сколько тамъ новыхъ пьесъ поставили!

Зоя любила эти незамысловатыя пьесы, гдѣ жизнь является въ такомъ легкомъ видѣ, гдѣ представлены лишь привлекательныя или смѣшныя стороны порока. Такъ пріятно быть увѣренной въ благополучномъ концѣ всякаго происшествія. Вѣдь всѣ зрители знаютъ тамъ, что сколько бы сначала не сыпалось злоключеній на голову героевъ, они всегда восторжествуютъ, и все смѣшное выльется на голову добродѣтели, которая имъ ставила препятствія.

— Эхъ, не все ли равно, было бы весело, — думала Зоя, проходя обычной скромной походкой по бархатному коврику въ первые ряды креселъ.

Она издали уже увидала на обычномъ мѣстѣ Артура Герша, щегольски одѣтаго и чудесно расчесаннаго, но сдѣлала видъ, будто его не замѣчаетъ.

Однако, въ антрактѣ банкиръ подошелъ къ ней съ обычнымъ вѣжливымъ поклономъ.

— Вы такъ давно здѣсь не были,—сказалъ онъ,—что я уже собирался зайти къ вамъ и справиться о вашемъ здоровьи.

— Какъ вы смѣете... — вспыхивая до корня волосъ, начала

было Зоя, но лицо представителя банкирской фирмы оставалось такимъ непроницаемо-вѣжливымъ, что дѣвушка фразы не сумѣла докончить.

— Неужели это съ моей стороны такая дерзость?—спросилъ онъ, слегка къ ней наклоняясь.

— Вы не знакомы съ моимъ семействомъ... у меня отецъ офицеръ,—не зная, что отвѣчать, пробормотала Зоя.

— Вотъ я и желалъ познакомиться...

— Съ какой стати?

— Я имѣю предложить на усмотрѣніе вашего батюшки одну вещь...

— Моего батюшки? — перебила его Зоя съ удивленіемъ. — Какое отношеніе можете вы имѣть къ моему отцу?

И вдругъ ей представилось, что Гершъ хочетъ предъявить ему неоплаченный счетъ, который остался тамъ, въ ресторанѣ... О, ужасъ! Какъ она могла забыть? И эти башмаки еще теперь у нея... у нея сейчасъ они на ногахъ... Зоя задрожала и сдѣлала порывистое движеніе по направленію къ выходной двери.

Банкиръ точно угадалъ, что происходитъ въ возмущенной душѣ дѣвушки. Онъ сказалъ, слѣдуя за нею съ покорнымъ видомъ:

— Я хотѣлъ просить вашего батюшку дозволить вамъ перемѣнить родъ службы: у меня въ конторѣ открылась вакансія.

Зоя круто остановилась, красная, запыхавшаяся, она отвѣчала, подозрительно глядя въ глаза Герша:

— Отецъ въ эти дѣла не входитъ, я и въ ломбардъ поступила безъ его разрѣшенія. И вообще, я бы просила васъ не заводить съ моими знакомства.

— Но, вѣдь, я только, движимый безграничнымъ уваженіемъ къ вамъ...

Зоя оборвала его нетерпѣливымъ движеніемъ, и Артуръ Гершъ перемѣнилъ тонъ.

— Охота вамъ сидѣть въ ломбардѣ за сорокъ рублей,—дружески сказалъ онъ,—у меня въ конторѣ платятъ гораздо больше, а работаютъ меньше.

— Какъ меньше? — возразила Зоя. — Говорятъ, у васъ надо сидѣть отъ десяти утра до одиннадцати вечера!

— У меня двѣ смѣны служащихъ,—съ достоинствомъ пояснилъ Гершъ, — я не эксплуататоръ. Слава Богу, фирма наша такъ прочно стоитъ во мнѣніи публики, что ей можно позволить себѣ такую роскошь.

— Гдѣ же здѣсь роскошь? Вѣдь работаютъ все-таки по шести часовъ въ сутки.

— Но въ другихъ конторахъ то же дѣло дѣлаетъ одна смѣна... да и вездѣ такъ, въ аптекахъ, магазинахъ... А затѣмъ, если вы

вычтете время завтраковъ, чаевъ, обѣдовъ, то увидите, что работы у насъ меньше, чѣмъ на пять часовъ.

— Да, вы, дѣйствительно великодушны, — насмѣшливо сказала Зоя,—а сколько же вы положите мнѣ жалованья?

— У васъ будетъ вечерняя работа, за которую платятъ семдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Это не дурно... Неужели всѣ получаютъ столько?

— Есть служащіе, которые получаютъ по сто, полтораста и даже двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, — небрежно отвѣтилъ Гершъ.

Зоя была ослѣплена, хотя сохраняла передъ банкиромъ видъ гордой независимости. Она ненавидѣла свою службу въ ломбардѣ, куда ходили только бѣдняки съ озабоченными лицами и заплаканными глазами, гдѣ служащіе говорили ей комплименты, истрепанные не менѣе той ветоши, которую они оцѣнивали ежедневно. Перемѣнить эту службу на работу въ чистой конторѣ, гдѣ нѣтъ ни грязи, ни непрерывно мѣняющагося хлама, представлялось Зоѣ чрезвычайнымъ благополучіемъ. Но, вѣдь, это предлагаетъ ей Гершъ, тотъ подлецъ и негодяй, котораго она могла только ненавидѣть... Можетъ, онъ и предлагаетъ ей такое хорошее мѣсто, только какъ плату.

Она окинула его взглядомъ полнымъ ненависти и отошла, ничего не отвѣчая.

— Вы подумайте, mademoiselle, — сказалъ Гершъ, умоляюще протягивая къ ней руку.

Зоя взглянула на эту руку и не могла удержаться отъ улыбки: вытатуированный якорь исчезъ съ ея бѣлой мякоти, вмѣсто него темнѣло только уродливое пятно. Итакъ, Надежда погибла навѣки!

— Хорошо, я подумаю, — отвѣчала Зоя, съ души которой вдругъ слетѣлъ весь трагическій налетъ.

Гершъ отошелъ, почтительно поклонившись. Было уже около часа, когда Зоя вернулась домой, потому что спектакль кончился поздно, а на извозчика у нея не хватило денегъ.

Измокшая, пропитанная до костей сыростью падавшаго тумана, она, наконецъ, дошла до своей лѣстницы, выпускавшей теперь изъ всѣхъ поръ своихъ міазмы, которые на день куда-то стыдливо прятались. Зоя открыла двери собственнымъ ключомъ, такъ какъ Маланьи по ночамъ обыкновенно не бывало дома.

Черезъ двери столовой въ переднюю ложилась тоненькая полоска свѣта. Тамъ ходилъ, покачиваясь, пьяный Романъ Петровичъ и по пути гремѣлъ задѣваемыми вѣнскими стульями.

Какъ тихо ни старалась войти Зоя, но отецъ услыхалъ ея

приходъ. Онъ выглянулъ въ дверь всклокоченный, раздѣтый, съ воспаленными глазами на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

— Гдѣ шлялась? Куда бѣгала? — забормоталъ онъ, удерживаясь за ручку двери.

— Идите спать, папа, и мнѣ не мѣшайте, — сказала Зоя, входя въ свою комнату.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, гдѣ ты шлялась? — съ пьяной настойчивостью повторялъ старикъ.

— Вы знаете, что я была въ театрѣ, — отвѣчала Зоя, закрывая на крючокъ дверь своей комнаты.

— Какой театръ, — кричалъ отецъ, дергая ручку, — уже второй часъ, а она все на театръ валитъ... Признавайся, распутница, гдѣ была?

— Папа, дайте мнѣ уснуть, вѣдь завтра я должна рано встать, — сказала Зоя.

Отецъ отошелъ отъ дверей, но въ столовой еще долго раздавались его разсужденія о дочери, которая позоритъ его сѣдины...

„Онъ, кажется, дѣйствительно, способенъ произнести къ случаю такую рѣчь“, подумала Зоя съ горькой улыбкой.

Она легла, но долго не могла уснуть. Она мечтала о томъ времени, когда у нея, наконецъ, будетъ немного больше денегъ. Тогда придется непремѣнно нанять отдѣльную комнату... Она будетъ отдавать имъ половину своего жалованья, но не станетъ жить вмѣстѣ. Вѣдь въ такую обстановку даже въ гости никого нельзя позвать! Что за жизнь! Сегодня площадная брань, а завтра раскаяніе, виноватая улыбка... и такъ постоянно, безъ перерыва. Надо непремѣнно жить отдѣльно.

Тутъ размышленія Зои вдругъ сразу измѣнили свое теченіе. Какъ же это? Значитъ, она уже рѣшила взять мѣсто, которое ей предлагаетъ Гершъ? Неужели у нея не хватитъ гордости отказаться и никогда больше не разговаривать съ этимъ банкиромъ?

Зоя пережила мучительныя минуты. Она не могла рѣшиться на отказъ, хотя чувствовала, что этого требуетъ ея честь и ея достоинство. Но какъ отказаться отъ такой веселой перспективы? Неужели опять сидѣть на высокомъ стулѣ и все ждать чего-то, надѣяться на чудесное освобожденіе, и, ненавидя настоящее, мечтать о сказочномъ принцѣ? Но, увы! принцъ уже былъ и уже успѣлъ исчезнуть...

Однако, почему и не взять этого мѣста? Вѣдь она будетъ работать, какъ другіе, а съ Гершемъ можно никогда не встрѣчаться, не разговаривать даже.

Зоя насмѣшливо улыбнулась, она была слишкомъ умна, чтобы повѣрить въ такую чудесную комбинацію.

Зоя заснула только подъ утро и сильно опоздала на службу.

— — —

Когда завѣдующій сдѣлалъ ей замѣчаніе по этому поводу, она отвѣтила:

— Въ такомъ случаѣ, можете меня больше не считать въ числѣ служащихъ!

Затѣмъ она написала нѣсколько оффиціальныхъ строчекъ Гершу, выражая свое согласіе поступить къ нему на службу.

Банкиръ, прочтя письмо, весело улыбнулся.

VIII.

Владиміръ Алексѣевичъ, наконецъ, оправился послѣ своей продолжительной болѣзни, и Анна Семеновна, не покидавшая сына все это время, теперь снова поселилась у Каргановыхъ. Эва, которая во время ея отсутствія сидѣла больше обыкновеннаго съ матерью, такъ какъ послѣдняя скучала въ одиночествѣ, теперь начала снова по цѣлымъ днямъ уходить изъ дома.

Сегодня съ утра Эва ушла въ пріютъ-прачешную, гдѣ начинались безпорядки, такъ какъ женщины, жившія тамъ, отказывались отъ стирки. Затѣмъ, она была въ Вяземкѣ, откуда ей удалось извлечь молодую дѣвушку, которая приходила къ ней для бесѣды, тайкомъ, въ комнату чахоточнаго Василія, а послѣ обѣда, не успѣла Эва выпить чашку чаю, какъ принесли письмо отъ княгини Арташевой, которая извѣщала ее, что въ Петербургъ, наконецъ, пріѣхала давно ожидаемая проповѣдница миссъ Джаксонъ и сегодня у нея, княгини, будетъ первая бесѣда. Послѣ этой бесѣды, состоится ихъ обычное собраніе, гдѣ секретарь сдѣлаетъ докладъ о неудовольствіяхъ, возникающихъ въ пріютѣ для падшихъ женщинъ.

„Пріѣзжайте, милочка, пораньше, — прибавляла въ концѣ княгиня, — кажется, кромѣ васъ, некому будетъ взять на себя трудъ переводчицы: миссъ Джаксонъ очень глотаетъ слова! Я бы сама могла переводить, но, къ сожалѣнію, я не умѣю скоро говорить по-русски“.

Узнавъ о пріѣздѣ миссъ Джаксонъ, про которую разсказывали такъ много интереснаго, къ княгинѣ рѣшила ѣхать и Софья Андреевна вмѣстѣ съ Анной Семеновной. Во время такихъ собесѣдованій входъ въ дома, гдѣ они происходили, былъ доступенъ всѣмъ желающимъ.

Эва оставила своихъ собираться, а сама поторопилась выйти изъ дому раньше ихъ и въ семи часамъ уже входила въ роскошныя сѣни огромнаго особняка княгини.

Послѣ своихъ маленькихъ комнатъ, она всегда чувствовала себя такой крошечной въ этой огромной осьмигранной передней, покрытой сплошь лѣпными арабесками, которые, постепенно

суживаясь, поднимались къ полукруглому своду. Наверху всѣ восемь граней сходились вмѣстѣ, образуя одну выпуклую кудрявую розетку, изъ центральной стрѣлки которой спускалась люстра съ бѣлыми лиліями электрическихъ огней.

Прямо противъ входныхъ дверей горѣли дрова въ мраморномъ каминѣ, а направо поднимались вверхъ полукругомъ двѣ бѣлыхъ лѣстницы, соединяясь вмѣстѣ на площадкѣ перваго этажа, гдѣ стояла пара бронзовыхъ геніевъ съ лампами въ рукахъ. Дверь посрединѣ вела въ огромный залъ, гдѣ едва только мелькали позвякивающія подвѣски хрустальной люстры, отражавшей въ себѣ свѣтъ уличнаго газа. Тамъ было теперь холодно, темно и пусто.

Эва вошла въ дверь налѣво, въ комнату, увѣшанную картинами въ старинныхъ рамахъ художественной работы. Здѣсь стоялъ верстакъ, токарный станокъ, гимнастика и валялось много разной работы изъ дерева, которой по утрамъ занимались дѣти княгини.

Отсюда надо было пройти въ большую низкую комнату, съ лѣстницей, ведущей на антресоли, меблированную лишь партами, пюпитрами да скамейками. Это была классная, и здѣсь часто происходили публичныя бесѣды.

Въ комнатѣ уже набралось много народа.

Заднія парты были заняты опрятно одѣтыми женщинами въ платочкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали ихъ благообразныя лица съ вдумчивыми глазами. Мужчины въ цвѣтныхъ пиджакахъ и пестрыхъ рубахахъ жались около стѣнъ. Впереди на вѣнскихъ стульяхъ сидѣли дамы, тихонько перешептываясь со своими кавалерами.

Двѣ горничныхъ тащили откуда-то высокую желтую кафедру, за ними казачокъ несъ круглый табуретъ на одной ножкѣ.

Гладко выбритый старичокъ-управляющій суетился около всѣхъ, ласково принималъ каждаго гостя и усаживалъ его по собственному усмотрѣнію.

Увидѣвъ Эву, онъ привѣтливо доложилъ ей, что княгиня вмѣстѣ съ миссъ Джаксонъ ожидаетъ ее въ зимнемъ саду. Старичокъ вѣжливо проводилъ дѣвушку до дверей внутреннихъ комнатъ и тамъ сдалъ ее лакею.

Зимній садъ благоухалъ гіацинтами, и Эву сразу оживила влажная теплота воздуха, пропитаннаго ихъ ароматомъ. Цвѣтовъ этихъ вездѣ стояла масса... бѣлые, блѣдно-розовые, синіе, голубые—ихъ пышныя короны на тонкомъ стебелькѣ мелькали всюду, гирляндами украшая грунтъ подъ пальмами, латаніями и радодендронами.

Изъ за уютнаго уголка, сплошь обвитаго зеленью, вышла высокая хозяйка и своей медленной, изнемогающей походкой подошла къ Эвѣ.

— Какъ вы милы, ma petite, что пріѣхали пораньше,—сказала она, точно усталая, — вы видѣли, какая масса народу? Не правда ли, сегодня будетъ давка? Идемъ, я васъ познакомлю.

Княгиня взяла Эву подъ руку и, сильно опираясь на нее, направилась къ бесѣдкѣ.

Она шла слегка нагнувъ впередъ блѣдное лицо, обрамленное взбитыми волосами, которые спадали внизъ двумя овальными прядями, закрывавшими уши вплоть до самыхъ мочекъ, гдѣ сверкали чудесные брилліанты. Ея синіе усталые глаза точно молили о чемъ-то, точно чего-то не договаривали... Иногда, на мгновеніе, они закрывались прозрачными вѣками, и все лицо ея тогда будто засыпало; иногда она вздрагивала, словно во снѣ, и шептала: „А-ахъ!..“

Вся фигура ея, тонкая и слабая, очень гармонировала съ полусвѣтомъ зеленаго сада, въ глубинѣ котораго тихонько журчалъ фонтанъ, съ запахомъ гіацинтовъ, вившихся вездѣ пестро-граціозной гирляндой.

Въ бесѣдкѣ сидѣло небольшое общество. Тамъ былъ старикъ генералъ съ классическимъ профилемъ, точно выточеннымъ изъ бронзы, его молодой, но совершенно лысый адъютантъ съ розовой головой, напоминавшей новорожденнаго младенца и, наконецъ, миссъ Джаксонъ. Послѣдняя охрипшимъ голосомъ жаловалась на петербургскій климатъ.

— Вѣдь и у насъ въ Лондонѣ бываютъ туманы,—услышала Эва ея рѣзкій англійскій говоръ, доносившійся сквозь зеленую листву трельяжа,—но мы тамъ такъ не простуживаемся... А здѣсь я только второй день и уже безъ голоса!

Она замолчала, но потомъ, какъ бы про себя, прибавила:

— Впрочемъ, миссіонеръ долженъ быть готовъ ко всему.

Эва знала здѣсь всѣхъ, кромѣ англичанки. Послѣдняя встала ей навстрѣчу.

— Такъ это вы будете доброй посредницей между мною и моими новыми братьями?—сказала она, протягивая ей руку.

— Я очень рада быть полезной,—отвѣчала Эва,—но боюсь, что не сумѣю въ полной точности передать ваши слова.

— О, не скромничайте, милочка,—томно замѣтила княгиня,— вы чудесно переводите. Я всегда удивляюсь, какъ вы умѣете все схватить и передать все такъ мѣтко и сильно. Это прямо у васъ даръ Божій.

Миссъ Джаксонъ радостно улыбнулась, а старый генералъ, кажется, немного задремавшій, теперь меланхолически покачалъ головой.

— Даръ... даръ...—повторилъ онъ проникновенно.

Адъютантъ съ розовой головой младенца переглянулся съ кня-

гиней, которая не могла удержаться отъ улыбки, а онъ, напротивъ, сдѣлалъ необычайно серьезное лицо.

— Быть можетъ, уже начинать?—спросила миссъ Джаксонъ.

— Пожалуй,—отвѣчала княгиня,—народу много, только нѣтъ нашихъ... но если они опаздываютъ...

Слегка пожавъ плечами, она пошла впередъ, приглашая за собой англичанку съ Эвой; а за ними, легонько позвякивая шпорами, послѣдовали военные.

Въ классной уже чувствовалась духота отъ присутствія массы народа. Не только всѣ мѣста были заняты, но даже въ дверяхъ учительской комнаты и гимнастическаго зала толпились слушатели.

Легкій говоръ, наполнявшій комнату, стихъ, когда вошла туда княгиня, и всѣ глаза обратились на иностранную гостью. Миссъ Джаксонъ, поклонившись, подошла къ желтому пюпитру. Среди необычайной тишины, она сдѣлала знакъ Эвѣ стать съ нею рядомъ, а сама, облокотившись, закрыла глаза рукою.

Всѣ послѣдовали ея примѣру. Розовый лысый адъютантъ разсматривалъ сквозь пальцы женскія лица и, наконецъ, остановилъ свое вниманіе на молодой дѣвушкѣ, повидимому, больничной сидѣлкѣ, въ бѣломъ чепцѣ и такомъ же передникѣ, которая обратила къ миссъ Джаксонъ голубые глаза, полные ожиданія.

„Хорошенькая, подумалъ адъютантъ, лучше бы она была проповѣдницей...“

Коротконогая, плоская фигура англичанки ему вовсе не нравилась.

Между тѣмъ, толпа, погруженная въ тихое самосозерцаніе, была неожиданно потревожена: изъ гимнастическаго зала пробирался впередъ лакей, въ коричневой ливреѣ съ гербами и, раздвигая публику, пронесъ въ обѣихъ рукахъ по стулу, которые поставилъ противъ желтаго пюпитра. Вслѣдъ за нимъ, въ узенькомъ пространствѣ между сжатыми людскими тѣлами, появились двѣ немолодыя дѣвушки съ румянцемъ смущенія на блѣдныхъ щекахъ и, поклонившись издали хозяйкѣ, сѣли на приготовленныя для нихъ стулья.

— Княжны Волховскія,—прошепталъ старичокъ-управляющій на вопросъ какого-то любопытнаго.

Миссъ Джаксонъ отняла руку отъ глазъ и всѣ сдѣлали то же. Затѣмъ она, глубоко вздохнувъ, изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ оглядѣла всѣхъ присутствующихъ.

— Я буду сегодня говорить съ вами о жизни во Христѣ,—сказала она медленно.

Эва тотчасъ же повторила ея слова по-русски.

Тишина была нарушена. Всѣ вздохнули, зашевелились, но миссъ Джаксонъ продолжала стоять неподвижно, глядя на всѣхъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ и приглашая къ молчанію.

Наконецъ, движеніе затихло, и пропов̀ѣдница снова заговорила.

— Что значитъ жить во Христѣ?

Кой-гдѣ раздались глубокіе вздохи.

— Прежде, во время Его жизни, легко было узнать это. Надо было пойти только туда, гдѣ Онъ сидѣлъ, смотрѣть на Него, слушать Его, вопрошать Его, исполнять всѣ Его велѣнія. Тогда это и была жизнь во Христѣ... А теперь?

Миссъ Джаксонъ говорила медленно, дѣлая паузы послѣ каждой фразы, во время которой Эва переводила ея слова безъ запинки, не задумываясь ни на мгновеніе. Въ то же время глаза ея перебѣгали изъ одного конца комнаты въ другой, стараясь отыскать въ этой толпѣ лица матери и Анны Семеновны съ сыномъ. Наконецъ, она нашла ихъ въ тѣсномъ углу, выглядывавшихъ изъ-за спины какого-то кучера. Анна Семеновна, задыхаясь отъ изнеможенія, опиралась головой о плечо сына, глаза котораго, сверкавшіе возбужденіемъ, были устремлены на говорившую англичанку.

— Итакъ, — продолжала миссъ Джаксонъ, — думаете ли вы, мои братья и сестры, среди вашей суетливой и суетной жизни о приближеніи къ Христу? Не правда ли Онъ кажется вамъ теперь такимъ далекимъ? Конечно, вамъ кажется, что теперь Онъ отъ васъ гораздо дальше, чѣмъ онъ былъ отъ тѣхъ людей, которые окружали Его здѣсь, во дни Его земного пребыванія?

Она сдѣлала паузу, но черезъ секунду продолжала, слегка повысивъ голосъ:

— Да! Намъ кажется, будто мы потеряли Его... Мы думаемъ, что теперь Онъ гдѣ-то тамъ, на небесахъ, далеко-далеко... Мы зовемъ Его, мы алчемъ Его, мы кричимъ: „Христосъ, Христосъ, гдѣ Ты“.

Миссъ Джаксонъ остановилась и, слегка повернувъ наклоненную голову, замерла, точно прислушиваясь къ чему-то... И вдругъ лицо ея стало веселымъ, будто она, наконецъ, нашла то, чего искала. Выпрямившись, она взглянула на слушателей просвѣтлѣвшими глазами.

— А между тѣмъ, о, мои братья и сестры, Христосъ около насъ!—воскликнула она затѣмъ, улыбаясь.—Онъ теперь гораздо ближе къ намъ, чѣмъ былъ раньше, во время своего недолгаго пребыванія на землѣ!

— А-ахъ!..—тихо прошептала княгиня и глаза ея на мгновеніе закрылись прозрачными вѣками.

Лысый адъютантъ было нагнулся къ ней, но она уже открыла глаза и поблагодарила его блѣдной улыбкой.

— Христосъ здѣсь!—продолжала восторженно миссъ Джаксонъ —Братья мои! сестры! Христосъ здѣсь, а вы не знаете этого-

вы зовете Его, а Онъ около васъ! Вы кричите Ему, а Онъ безъ криковъ вашихъ васъ услышитъ... Вы алкаете Его, а Онъ уже готовъ напитать васъ... Почему же это такъ?

Въ комнатѣ, среди сбившейся толпы, началось нетерпѣливое движеніе. Всѣ точно двинулись навстрѣчу словамъ проповѣдницы, ловили ея каждое слово, опасаясь пропустить что-нибудь... Она же смотрѣла на всѣхъ широко раскрытыми, торжествующими глазами.

— Почему же это такъ?—повторила миссъ Джаксонъ, какъ бы съ недоумѣніемъ.

Затѣмъ, послѣ небольшой паузы, она улыбнулась опять и бросила слушателямъ снисходительно, точно дѣтямъ:

— Да очень просто почему: потому что онъ въ васъ... да, въ васъ самихъ!

Она подождала, чтобы улеглось волненіе, вызванное ея словами, и продолжала:

— Да, братья, Христосъ во всѣхъ... И въ тебѣ, братъ...

Взглядъ миссъ Джаксонъ случайно упалъ на кучера въ позументахъ.

— И въ тебѣ, моя сестра...

Повторяла она, глядя на молоденькую сидѣлку въ бѣломъ чепцѣ, на ясныхъ глазахъ которой уже давно нависли крупныя слезы, и въ тебѣ... и въ тебѣ...

Но тутъ миссъ Джаксонъ немного замялась, потому что взглядъ ея упалъ на стараго генерала, который мирно дремалъ, прислонясь къ широкой спинкѣ диванчика, обитаго голубымъ штофомъ.

— Да, мои братья и сестры,—продолжала она, отвернувшись отъ этой картины,—всякій, кто пожелаетъ Христа, уже его имѣетъ. Христосъ—у всякаго, кто самъ во Христѣ. Онъ — вездѣ, только искренно взалкайте. Вы алчете? Искренно? Тогда онъ здѣсь...

Миссъ Джаксонъ подняла обѣ руки, протянула ихъ вмѣстѣ въ одну сторону и граціознымъ взмахомъ небрежно поднятыхъ ладоней указала налѣво.

— И здѣсь...

Она повторила тотъ же жестъ, повернувшись направо.

— Онъ вездѣ, только имѣйте чистое сердце, да мужество, чтобы идти по стопамъ Его.

Она мгновенно сложила руки и подняла глаза кверху.

— Да, братья, кто достигъ внутренняго совершенства, тотъ смѣло можетъ сказать: „Христосъ во мнѣ!“ И всякій, всякій человѣкъ, все равно, малый ли онъ или великій, долженъ стремиться къ тому, чтобы душа его сдѣлалась храмомъ Господнимъ.

Тутъ миссъ Джаксонъ рѣзко оборвала свою рѣчь. Лицо ея вдругъ стало строго, брови сдвинулись... Окидывая толпу страстно горящими глазами, она отрывисто спросила:

— Но можете ли вы, братья мои и сестры, сказать, что имѣете въ себѣ Христа?

Кой-гдѣ послышались сокрушенные вздохи. Лица слушателей, повернутыя къ каѳедрѣ, точно цвѣты къ солнцу, затуманились и получили скорбное выраженіе. Но среди этого дружнаго взрыва умиленнаго состоянія Эва замѣтила лицо, которое являлось здѣсь полнымъ диссонансомъ. Это было лицо Звѣрева. Его блиставшіе глаза теперь потухли и скучали, на губахъ блуждала саркастическая улыбка.

— Скажите же, братья и сестры, имѣете ли вы въ себѣ Христа?—строго повторила миссъ Джаксонъ.

Среди глубокаго молчанія пронесся, точно вздохъ, шопотъ нѣсколькихъ голосовъ:

— Да... да... да...

Миссъ Джаксонъ изъ разныхъ концовъ комнаты собирала эти вздохи. Она казалась удовлетворенной и воскликнула:

— Благодареніе создателю!—но тутъ же горестно себя перебила.—Однако, многіе ли изъ васъ произнесли это „да!..“

Опять наступило молчаніе, которое было нарушено слишкомъ громкимъ сморканіемъ проснувшагося генерала.

— Будемъ же стараться, — продолжала миссъ Джаксонъ,— чтобы всѣ, насъ окружающіе, могли, въ свою очередь, сказать вмѣстѣ съ нами это святое „да!“ Сказать это съ полной вѣрой, съ полнымъ удовлетвореніемъ.

— Аминь!—тихо раздалось вокругъ.

— О, хотѣла бы я, братья и сестры, внести въ общую сокровищницу свою лепту любви къ ближнему и труда на его пользу! Хотѣлось бы мнѣ, силою слова и убѣжденія, вложеннаго Христомъ въ мою душу, заставить очнуться всѣхъ равнодушныхъ! О, если бы они взалкали Христа, какъ я Его взалкала когда-то! О, если бы они нашли Его потомъ, какъ нашла Его я! Тогда они познали бы истинную сладость жизни, тогда они на вопросъ мой, „гдѣ Христосъ?“ радостно отвѣтили бы: „въ сердцѣ!..“

Миссъ Джаксонъ кончила, но нѣкоторое время она еще простояла у пюпитра, снова закрывъ глаза правой рукою. Вся аудиторія опять послѣдовала ея примѣру.

Наконецъ, англичанка отняла руку отъ глазъ, и въ комнатѣ все ожило. Раздался топотъ ногъ, послышался слабый говоръ, скрипъ отодвигаемыхъ стульевъ. Но наступившее оживленіе было снова на минуту остановлено громкимъ голосомъ Эвы:

— Желающіе пусть знаютъ, — переводила она, — что завтра будетъ собесѣдованіе на заводѣ у г. Мелькеръ, на Фарфоровой улицѣ... а о послѣдующихъ будутъ извѣщенія.

Сказавъ это, Эва на минутку отошла отъ каѳедры, чтобы по-

говорить со своими, которые ожидали ее у дверей. Анна Семеновна казалась огорченной.

— Представьте, душечка, — сказала она Эвѣ, — Володенькѣ не понравилось... Онъ говоритъ, что это не проповѣдь, а... манная каша...

— Тсс...—прошептала Софья Андреевна.

Эва взглянула на Владиміра Алексѣевича; на лицѣ его блуждала саркастическая улыбка.

— Ну, мамочка, пойдемъ, тутъ не мѣсто говорить объ этомъ,—сказалъ онъ, — притомъ и миссъ Джаксонъ уже ищетъ Эву Борисовну...

— Да, да, я пойду, — сказала Эва торопливо, — я подошла сказать, что бы вы меня не ждали: я вернусь поздно... Меня, вѣроятно, проводитъ Антонъ Михайловичъ.

И она, кивнувъ головою, отошла отъ нихъ. Комната опустѣла. Только внизу еще раздавались голоса, но и тамъ скоро стало тихо.

Миссъ Джаксонъ, ни на кого не глядя, съ опущенными глазами направилась въ маленькую гостиную, носившую названіе учительской, выпила тамъ стаканъ воды съ сахаромъ и стала надѣвать перчатки.

— Куда же вы, останьтесь съ нами, — просила княгиня, — у насъ сейчасъ засѣданіе... Вы узнаете, какъ мы тутъ работаемъ въ пользу нашихъ сестеръ и братьевъ.

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчала миссъ Джаксонъ, — я сейчасъ же должна ѣхать къ мистриссъ Каллертъ, тамъ тоже будетъ собесѣдованіе.

— Нива велика, а сѣятелей мало,—сказала старшая княжна Волховская со вздохомъ.

— Да,—отвѣтила англичанка и, пожимая Эвѣ руку, прибавила!—благодарю васъ, вы много сегодня потрудились.

Она еще сдѣлала общій поклонъ и вышла.

— Святая, — сказала дама съ сѣдыми локонами, по старинному обрамлявшими весь овалъ ея худого лица.

— Да, да,—серьезно подтвердила княгиня,—вся жизнь ея—подвигъ.

— И мы всѣ оцѣнили это,—прибавилъ генералъ.

IX.

— Баронесса Вольтке и господинъ Наврозовъ, — доложилъ вошедшій лакей.

— А, нашъ комитетъ собирается аккуратно,—сказала княгиня, — я очень рада! Ну, господа, такъ какъ насъ уже достаточное число, мы можемъ начать засѣданіе.

Всѣ стали разсаживаться вокругъ длиннаго стола, покрытаго зеленой скатерью съ золотой бахромою.

Княгиня помѣстилась посрединѣ, посадивъ рядомъ съ собою баронессу Вольтке. Возлѣ баронессы сѣла дама съ сѣдыми локонами, рядомъ съ нею Грековъ, чиновникъ изъ министерства, въ которомъ князь Арташевъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ, возлѣ Грекова обѣ сестры Волховскія, затѣмъ Эва съ Наврозовымъ, а дальше, уютно примостившись въ глубокомъ креслѣ, полудремалъ генералъ, охраняемый своимъ лысымъ адъютантомъ.

Грековъ, молодой человѣкъ слишкомъ чистенькій, черезчуръ тщательно выбритый и съ необычайно розовыми губами на блѣдномъ лицѣ, имѣлъ передъ собою письменный приборъ. Въ качествѣ секретаря, онъ уже держалъ перо и съ внимательнымъ видомъ собирался записывать рѣчи ораторовъ.

— Ну... пусть будетъ засѣданіе открыто...—сказала хозяйка, улыбаясь.

Секретарь уже что-то записалъ на листѣ бумаги.

— Амелія Константиновна,—продолжала княгиня, обращаясь къ баронессѣ Вольтке,—вы, кажется, желали сдѣлать сообщеніе о неурядицахъ въ пріютѣ для падшихъ женщинъ?

Баронесса кивнула своей большой головой, крѣпко сидящей на широкихъ плечахъ. Ея маленькіе глаза смотрѣли на міръ твердо, даже сурово, а выдвинутая впередъ нижняя челюсть обладала такими крѣпкими зубами, что они, казалось, могли бы свободно разгрызть мраморные фрукты, которые украшали собою рѣзьбу камина. Голосъ ея соотвѣтствовалъ всей фигурѣ: онъ былъ рѣзокъ и рѣшителенъ.

— Мнѣ очень грустно,—начала баронесса Вольтке,—что я должна сегодня сообщить вамъ печальныя извѣстія. Одно наше доброе дѣло, пріютъ для этихъ... женщинъ идетъ далеко не такъ, какъ мы бы того желали!

Эва покраснѣла, точно ее въ чемъ нибудь обвиняли. Ей было больно сознаться, но она также видѣла, что не все въ пріютѣ обстоитъ благополучно.

— Эти женщины, — продолжала баронесса, — вѣроятно, вообразили, что ихъ зовутъ на жизнь пустую, исполненную развлеченій, а не на трудъ. Онѣ удивляются, онѣ даже ужасаются,—баронесса подняла тонъ голоса, — что надо ежедневно или стирать бѣлье, или его гладить. Онѣ отказываются повиноваться и возражаютъ,—голосъ баронессы получилъ металлическій оттѣнокъ,—что онѣ раньше и своего-то бѣлья не стирали.

— Раньше! — воскликнула старая дама въ локонахъ.—Онѣ рѣшаются вспоминать о томъ, что съ ними было раньше!

— Боюсь сказать,—отвѣчала хозяйка,—но мнѣ кажется, что онѣ вспоминаютъ о прошломъ даже съ сожалѣніемъ...

— Однако, это надо искоренить... надо имъ внушить...—заволновался секретарь Грековъ.

— Я всѣми силами стараюсь внушить имъ любовь къ святому труду,—энергически воскликнула баронесса.

— Но они намъ не внемлютъ, — сказала княгиня, томный голосъ которой составлялъ рѣзкую противоположность громкому басу ея сосѣдки, — онѣ даже издѣваются надъ нашими словами, какъ передавала мнѣ надзирательница, онѣ даже грозятъ разбѣжаться. Эти несчастныя не знаютъ, что такое трудъ.

— Вы бы имъ показали, княгиня, ваши пальцы, исколотые иголкой,—сказала старая дама въ локонахъ,—эти пальцы, которые столько трудятся для бѣдныхъ!

— Я много говорила съ ними,—отвѣчала хозяйка съ блѣдной улыбкой,—но онѣ перестаютъ меня слушать... Иногда онѣ даже... поворачиваютъ мнѣ спину.

— Бѣдныя madame Штольцъ никогда не возражаютъ ей ни на одно ея замѣчаніе! — воскликнула старшая княжна Волховская,—вы, дорогая, слишкомъ деликатны съ ними.

Княгиня только вздохнула.

— Нельзя ли попытаться перевести этихъ женщинъ на другую работу?—сказалъ Наврозовъ.

— На какую это?—спросилъ секретарь, вглядываясь въ него съ преувеличеннымъ любопытствомъ.

— Право, сразу трудно сказать,—отвѣчалъ тотъ,—вѣдь, есть еще какія-то швейныя мастерскія, потомъ чайныя, столовыя... Наконецъ, вотъ я предлагаю отсылать желающихъ въ нашу земледѣльческую колонію.

Взглядъ секретаря, упорно обращенный на говорившаго, становился все враждебнѣе.

— Швейныя мастерскія,—кротко пояснила княгиня,—переполнены истинно трудящимися женщинами, тамъ даже для нихъ не хватаетъ матеріалу.

— А затѣмъ, — прибавила баронесса рѣзкимъ голосомъ, — нельзя же такихъ женщинъ пускать въ среду порядочныхъ труженицъ! Это можетъ поселить и среди тѣхъ духъ протеста, неудовольствія, даже развращенности. Онѣ также могутъ забыть, что жизнь есть трудъ, а жить—значитъ вѣчно трудиться.

— Тогда нельзя ли изъ нихъ составить контингентъ прислуги для столовыхъ? — сказалъ Наврозовъ.

— Въ такомъ случаѣ придется не пускать туда мужчинъ,—отвѣчалъ секретарь, язвительно улыбаясь.

Дамы опустили глаза, княжны покраснѣли. Одна Эва не оказалась сконфуженной; только лицо ея становилось все болѣе и

болѣе грустнымъ: въ пріютѣ, о которомъ шла рѣчь, большею частью жили ея кліентки.

— Позвольте мнѣ немного дополнить слова баронессы, — сказала она печально,—женщины въ пріютѣ отказываются, дѣйствительно, отъ работы, но только не потому, что онѣ не хотятъ работать, а просто потому, что этотъ трудъ имъ не по силамъ.

— А-ахъ...—прошептала княгиня и глаза ея на мгновеніе закрылись прозрачными вѣками.

Эва было запнулась, но княгиня уже открыла глаза и сказала съ ласковой улыбкой:

— Chèrie, продолжайте...

— Я бываю въ пріютѣ почти ежедневно и вижу, что, дѣйствительно, трудъ ихъ очень тяжелъ.

— Это стирка-то?—съ усмѣшкою перебила баронесса.—Да, вѣдь, стирать умѣетъ всякая баба и мы выбрали для начала прачешную только потому, что стиркѣ не надо учиться.

— И мы ошиблись,—возразила Эва,—прошу извиненія, но теперь, вникнувъ въ дѣло, я вижу, что трудъ прачки очень тяжелъ.

— Это онѣ вамъ все наговорили!

— Я вижу сама... Прачка встаетъ чуть свѣтъ.

— Это дѣлаетъ всякая простая женщина!

— Она идетъ въ холодное помѣщеніе, растапливаетъ печку, кипятитъ воду, иногда обвариваетъ себѣ руки... Въ прачешной холодъ, на полу вода замерзаетъ, а около печки невыносимая жара. Паръ носится клубами, осѣдаетъ на стѣнкахъ, на тѣлѣ, а нужно постоянно выходить, отчего получаются ревматизмы, флюсы, невралгіи. А, вѣдь, эти женщины не привыкли къ труду, силы ихъ большею частью надорваны, нервы расшатаны. Онѣ не умѣютъ упорно работать.

— Но нельзя же ихъ даромъ кормить и одѣвать,—сухо замѣтилъ секретарь.

— А потомъ, — прибавила баронесса Вольтке, — почему обязаны мы имъ дѣлать ихъ жизнь легкой?

— Потому что, — сказала младшая княжна очень тихо и смущаясь,—тогда ихъ больше спасется.

— Но онѣ должны узнать, что дорога къ истинѣ покрыта не розами, а терніемъ,—возразила дама съ сѣдыми локонами.

— Тогда онѣ станутъ избѣгать этой дороги,—сердито возвысивъ голосъ, сказалъ Наврозовъ.

— А-ахъ, — вздрогнула княгиня отъ его рѣзкаго тона, но тотчасъ же, открывая глаза, прибавила: — быть можетъ, Эва Борисовна и права... Но только на какую еще работу годятся эти несчастныя.

— Бѣдныя мадамъ Штольцъ, очень хорошо умѣютъ переплетать тетради и книги,—сказала старшая княжна Волховская.

— Отчего же и намъ не завести у себя переплетную? — подхватила Эва. — Можетъ быть, нѣкоторымъ это понравится. Потомъ, среди прачекъ есть одна женщина, Маша, которая была раньше мѣтельщицей при магазинѣ. Ей можно достать отдѣльную работу.

— Если мы станемъ заниматься каждой изъ нихъ въ отдѣльности, то у насъ и сутокъ не хватитъ, — недовольнымъ басомъ замѣтила баронесса.

— А потомъ, — прибавила дама съ локонами, — этихъ женщинъ надо держать вмѣстѣ, а мы собираемся по одиночкѣ помѣщать ихъ въ среду честныхъ труженицъ. Это опасно.

— Вся жизнь, которая окружаетъ въ городѣ трудящихся женщинъ, есть зараза, — возразилъ Антонъ Михайловичъ, — всѣ онѣ съ малаго возраста извѣдали массу грязи и горя, имъ ли бояться вліянія нѣсколькихъ несчастныхъ, усталыхъ, разбитыхъ созданій, которыя только и думаютъ, какъ бы спокойнѣе дожить до смерти.

— Надо попробовать, — сказала княгиня, — я чувствую... Самъ Господь говоритъ во мнѣ, что отъ этой перемѣны несчастнымъ будетъ польза...

Никто не возражалъ противъ заявленія, сопровождаемаго мистическимъ взоромъ синихъ глазъ предсѣдательницы.

— Всѣ другія наши дѣла,—продолжала она затѣмъ,—находятся въ блестящемъ положеніи: въ швейной мастерской такъ много работы, что мы купили въ разсрочку еще двѣ машины. Столярная завалена заказами, издѣлія слѣпыхъ раскупаются прекрасно... не говорю уже о столовой, гдѣ учатся кухарить восемнадцать женщинъ, а народу обѣдающаго такая масса, что не хватаетъ приборовъ.

— Все идетъ такъ благодаря вашему дѣятельному участію,— сказалъ Грековъ, улыбаясь.

— Что я...—скромно возразила княгиня.

— Конечно, все вы,—послышалось вокругъ нея.

— Я—ничто!—твердымъ голосомъ повторила княгиня.—Я— песчинка въ вихрѣ житейской суеты... Все въ рукахъ Того, Который...

Она опустила синіе глаза и на мгновеніе, посреди общаго молчанія, тихо сосредоточилась въ себѣ, но затѣмъ, поднявъ голову, прибавила съ веселой улыбкой:

— Приходится открывать еще одну столовую.

— Чудесно! Прекрасно!—раздались голоса.

— А теперь,—сказала она, когда восклицанія замолкли,—

я прошу вашего вниманія для Антона Михайловича... Онъ придумалъ что-то новое... Загородную колонію для бѣдныхъ.

— Это вовсе не ново,—возразилъ Наврозовъ,—въ Англіи на такое дѣло обществомъ уже собраны милліоны. И, дѣйствительно, для того, чтобы выходилъ какой-нибудь прокъ изъ дѣлъ благотворительности, надо продолжать начатое до конца. Мы стараемся очистить городъ отъ вредныхъ элементовъ населенія, но при нашихъ скудныхъ средствахъ мы не можемъ помогать всѣмъ, которые требуютъ помощи, потому что тѣ, которыхъ мы уже взяли, остаются до конца своей жизни на нашихъ рукахъ. Вотъ если бы мы, по примѣру англійскихъ филантроповъ, начали постепенно освобождать наши городскія помѣщенія, отправляя ихъ квартирантовъ въ деревню,—у насъ было бы и средствъ больше и больше мѣста.

— Какъ же вы думаете на практикѣ осуществить эту теорію?—спросилъ Грековъ.

— У меня есть земля, которую я отдамъ для этого дѣла. Тамъ уже ведется молочное хозяйство—сывареніе... Даже бри приготовляютъ! Вотъ, для начала, на эту ферму можно отправить женщинъ, которыя захотятъ этому поучиться. Затѣмъ, у насъ предполагается свиноводство и собственныя колбасныя заведенія, а потомъ мы заведемъ и щеточную мастерскую... Будемъ дѣлать щетки изъ свиной щетины.

— Все-таки вы пріютите у себя ограниченное число народа,—упрямо пробасила баронесса,—ну устроится десятка тричетыре, а дальше?

Генералъ одобрительно кивнулъ головой. Онъ сначала слушалъ Наврозова очень внимательно, для чего долженъ былъ сидѣть, повернувъ шею въ сторону оратора, а такъ какъ это было неудобно, то слушатель мало-по-малу началъ приходить въ дурное настроеніе и весь проектъ Антона Михайловича показался ему никуда не годнымъ.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ Наврозовъ баронессѣ,—тутъ можно устроить не мало народа. Дѣло въ томъ, что опытныхъ работниковъ и сельскихъ хозяевъ чрезвычайно мало и многіе помѣщики пожелаютъ взять къ себѣ въ имѣніе служащаго, который хорошо знаетъ свое дѣло. Мы будемъ посылать на службу всѣхъ тѣхъ, за которыхъ сможемъ поручиться. Это, кромѣ благотворительности, будетъ еще и культурная миссія нашего поселка.

— Вы устраиваете все это только для своихъ бѣдныхъ?—спросила старшая княжна Волховская.

Наврозовъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Или же сюда можно будетъ пріобщить также бѣдныхъ мадамъ Штольцъ и мадамъ Оплетухиной?—пояснила княжна.

— Всѣхъ, кто пожелаетъ,—отвѣчалъ Антонъ Михайловичъ, едва сдерживая улыбку.

— Такъ дѣлаетъ и онъ... — многозначительно проговорила дама въ локонахъ.

— Кто онъ?—спросилъ Наврозовъ.

— Генералъ Бутсъ,—тихо сказала за нее княгиня Арташева.

— Да, я знаю,—заговорилъ снова Наврозовъ,—но, конечно, генералъ Бутсъ дѣлаетъ дѣло въ грандіозныхъ размѣрахъ, и оно идетъ у него блистательно... Мы же, при настоящихъ условіяхъ русской жизни, не имѣемъ возможности подражать этому вождю, но даже наши маленькія единичныя усилія могутъ все-таки оказать обществу небольшую помощь.

— Я думаю, всѣ согласны, что проектъ Антона Михайловича предоставляетъ возможность дѣлать добро въ болѣе широкихъ размѣрахъ, а потому намъ остается только благодарить его за поддержку святого дѣла,—сказала княгиня.

Засѣданіе было окончено. Часть комитета осталась ужинать у хозяйки, менѣе знакомые тотчасъ же откланялись.

Эва ѣхала домой, упоенная перспективой будущаго.

— Теперь,—говорила она Антону Михайловичу,—мнѣ будетъ не такъ трудно разговаривать съ моими дѣвицами. Раньше, на мои предложенія я часто ожидала услышать: „Иди-ка сама постирай!“ А теперь, когда я ихъ буду звать въ деревню, на веселую работу, на чистый воздухъ, пусть онѣ мнѣ скажутъ: „Иди сама!“ Я отвѣчу имъ: „Съ удовольствіемъ!“ Какъ мнѣ весело будетъ говорить объ этомъ въ Лаврѣ!

— Развѣ вы еще туда ходите?

— Потихоньку,—отвѣчала Эва со смѣхомъ,—мы съ дѣвушками въ заговорѣ: когда нѣтъ буяновъ, онѣ меня зовутъ, а когда тѣ дома—онѣ приходятъ въ комнату Василія, а майоръ сторожитъ въ корридорѣ. Съ нѣкоторыми я устраиваю свиданія на Невскомъ.

— На Невскомъ? Неужели ночью?

— Ночью!—торжествуя, повторила Эва.

— Но, вѣдь, васъ тамъ могутъ оскорбить?

— Никогда!—возразила она, качая головой.— Конечно, пройдетъ иногда пьяный, крикнетъ ругательство или даже толкнетъ, но развѣ это такъ важно? За то я имѣю возможность свободно разговаривать... Впрочемъ, мои лаврскія знакомыя тамъ рѣдко бываютъ, но это еще лучше.

— Лучше, потому что расширяется кругъ вашего знакомства?

— Вотъ, вы смѣетесь, а это дѣйствительно такъ. Я теперь часто хожу туда, потому что у меня тамъ завелись двѣ новыхъ пріятельницы. Онѣ ходятъ всегда вмѣстѣ и очень хотѣли бы это бросить да боятся.

— Кого же онѣ боятся?

— Боятся преслѣдованій своихъ кавалеровъ. Но теперь, когда ихъ можно будетъ сразу перевести въ деревню, онѣ перестанутъ колебаться. Неправда ли ихъ можно будетъ перевести сейчасъ же?—говорила Эва, заглядывая въ лицо Наврозова съ ласковой улыбкой.

— Вы птичекъ сперва поймайте, а ужъ мы придумаемъ, куда ихъ заточить...

— О, навѣрно, поймаю! Это еще такія молодыя и очень хорошія дѣвушки... А вотъ отчего вы все время такой печальный?

Вопросъ вырвался у Эвы до того неожиданно, что она вся точно съежилась отъ смущенія.

Но Антонъ Михайловичъ какъ-то мало обратилъ вниманія и на вопросъ дѣвушки, и на ея смущеніе.

— Такъ, скучно,—принужденно улыбнувшись, отвѣчалъ онъ.

— Господи! Устраиваете такое чудесное дѣло и скучаете!—пылко воскликнула Эва.

— Развѣ устраиваю что-нибудь я, я лично? Развѣ тотъ, кто даетъ деньги, что-нибудь дѣлаетъ? Онъ даже не искупаетъ этимъ грѣха своего богатства.

— Развѣ вы не вѣрите въ наше дѣло?—спросила Эва, радостное настроеніе которой вдругъ исчезло.—А если не вѣрите, зачѣмъ же вы начинаете его?

— Но, вѣдь, вы вѣрите? Вѣдь вы будете продолжать?

— Для меня здѣсь нѣтъ и вопроса. Что значитъ вѣрить? Признаться, я объ этомъ и не думаю. Мнѣ хочется помогать людямъ, которыхъ я знаю—и только. А такъ какъ такихъ людей, къ сожалѣнію, всегда будетъ много, то я и вѣрю, что дѣла мнѣ всегда хватитъ. Но, вѣдь, и вы всегда будете принимать участіе въ нашей работѣ?

— О, милая Эва Борисовна,—отвѣчалъ Наврозовъ съ неожиданнымъ раздраженіемъ,—я старый бродяга! Для меня всякое обязательство—это путы, отъ которыхъ мнѣ всегда хочется какъ можно скорѣе избавиться. Для меня мученіе чего-нибудь хотѣть, потому что я всегда боюсь подпасть подъ власть этого хотѣнія! Посягательство на мою свободу заставляетъ меня стремиться къ ней, какъ къ величайшему счастью на землѣ.

— Но развѣ вы теряете свободу, посвящая часть своего времени какому-нибудь дѣлу?—возразила Эва, пораженная его словами и въ особенности тономъ, которымъ они были произнесены.

— Около дѣла стоятъ люди,—сказалъ Антонъ Михайловичъ раздраженно.

Нѣкоторое время они ѣхали молча.

— У меня дурной характеръ,—прибавилъ, наконецъ, Навро-

зовъ въ видѣ извиненія,—такіе, какъ я, мало приносятъ пользы: мнѣ все ужасно скоро надоѣдаетъ, и я первый отъ этого страдаю.

— Это потому, что вы никогда не боролись за кусокъ хлѣба.

Антонъ Михайловичъ сердито усмѣхнулся. Фраза показалась ему банальной и не требующей отвѣта.

Вообще за послѣднее время въ душѣ его накипѣла горечь и раздраженіе, которое, наконецъ, начало даже вырываться наружу. Точно онъ старался сбросить съ себя гнетъ власти, которую имѣла надъ нимъ Эва, точно онъ боялся, чтобы она не угадала силы этой власти и не воспользовалась ею. Эва была съ нимъ по прежнему дружелюбна и довѣрчива, но она стояла между нимъ и Зоей и Антонъ Михайловичъ не могъ простить ей этого, хотя понималъ, что она здѣсь ни въ чемъ не виновата.

Эва больше ничего не говорила всю дорогу. Никогда еще перемѣна въ отношеніяхъ къ ней Наврозова не выражалась такъ рѣзко, какъ сегодня, но говорить объ этомъ казалось ей невозможнымъ. Да и о чемъ говорить? Какъ разобраться въ оттѣнкахъ, которые неуловимы, но, однако, замѣтны для чуткаго сердца? Развѣ можно спросить, отчего голосъ Антона Михайловича звучалъ когда-то мягче, а глаза смотрѣли ласковѣе?

Экипажъ остановился у подъѣзда квартиры Каргановыхъ, и Эва замѣтила огонь въ спальной матери.

— Милая мама, она ждетъ меня, хотя я ее предупреждала, что вернусь поздно,—сказала дѣвушка, и голосъ ея, кроткій, исполненный благодарности, смягчилъ сердце Наврозова.

Онъ помогъ ей сойти съ извозчика, проводилъ до дверей и сказалъ:

— Вы достойны любви и довѣрія... Я люблю васъ, какъ сестру, какъ родственную душу... Я скоро все скажу вамъ.

Приподнявъ шляпу, онъ отъѣхалъ отъ подъѣзда, а Эва начала медленно подниматься по темной лѣстницѣ.

— Такія, какъ я, всегда всѣмъ сестры,—шептали ея губы.

Юлія Безродная.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *).

III.

Современное соціально-политическое направленіе въ Германіи.

Экономическая теорія развивается въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ практической жизнью. Вліяя на хозяйственный бытъ, политическая экономія еще болѣе подчиняется его вліянію. Подобно тому, какъ политическая экономія начала XIX вѣка ясно отразила происходившій въ то время колоссальный экономическій и соціальный переворотъ, вызванный первыми шагами капитализма, такъ и на современной экономической наукѣ не могли не отразиться новыя экономическія и соціальныя отношенія, созданныя дальнѣйшими успѣхами того же капитализма, сопровождавшимися, какъ мы видѣли, огромнымъ увеличеніемъ соціальнаго могущества рабочаго класса и практическимъ банкротствомъ принципа laissez faire.

Уже въ самомъ началѣ капиталистической эры раздался голосъ Сисмонди, призывавшаго государство къ новой политикѣ—соціальныхъ реформъ. Политическая экономія долгое время оставалась глуха къ этому призыву; но жизнь требовала соціальныхъ реформъ и онѣ явились вопреки ученымъ теоретикамъ, остававшимся вѣрными старой смитовской догмѣ. Такъ, мало-по-малу сложилась въ Англіи стройная система фабричнаго законодательства, при ожесточенномъ сопротивленіи представителей экономической науки. То же слѣдуетъ сказать и о профессіональной организаціи рабочихъ, для дискредитированія которой въ общественномъ мнѣніи экономисты сдѣлали все, что могли.

Жизнь шла вопреки наукѣ — и наука пошла на уступки, сначала робкія, затѣмъ все болѣе рѣшительныя. Въ настоящее время соціально-политическое направленіе торжествуетъ среди тѣхъ представителей экономической науки, которые признаютъ товарохозяйственный строй необходимой формой общежитія. Защитниковъ никѣмъ не регулируе-

*) См. «Міръ Божій», октябрь.

маго, вполнѣ свободнаго товарнаго хозяйства почти не осталось. И теорія, и опытъ достаточно обнаружили, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ для массы населенія ведетъ неограниченная хозяйственная свобода. Изученіе законовъ свободной игры экономическихъ силъ — въ чемъ заключается важнѣйшее содержаніе политической экономіи—привело къ признанію необходимости планомѣрнаго регулированія этой игры общественной властью.

Новое направленіе въ политической экономіи получило особое развитіе въ Германіи. Національная идея играла такую выдающуюся роль въ новѣйшей германской исторіи, что космополитизмъ Смита не могъ не встрѣтить оппозиціи среди нѣмецкихъ экономистовъ. Въ то время, какъ въ англійской политической экономіи неограниченно царила школа свободной торговли, Германія уже въ 30-хъ годахъ истекшаго вѣка имѣла замѣчательнаго экономиста, выступившаго съ смѣлой и рѣзкой критикой ученія Смита, именно съ національной точки зрѣнія. Этимъ экономистомъ былъ авторъ «Національной системы политической экономіи» Фридрихъ Листъ.

Листъ упрекаетъ Смита въ космополитизмѣ и абстрактности его выводовъ. Для творца «Богатства народовъ» нація есть не что иное, какъ механическій аггрегатъ отдѣльныхъ лицъ. Въ основаніе экономической политики государства Смитъ хотѣлъ бы положить тѣ же самые принципы, которыми руководствуется въ своей хозяйственной дѣятельности каждый лавочникъ. Но, возражаетъ Листъ, нація есть нѣкоторое высшее цѣлое, стоящее между отдѣльной личностью и человѣчествомъ,—цѣлое, объединенное языкомъ, нравами, историческими судьбами, государственными учрежденіями. Національная политика не можетъ исходить изъ тѣхъ же основаній, какъ и частнохозяйственная дѣятельность. Охрана интересовъ націи, какъ цѣлаго, должна стоять для государства на первомъ планѣ. Жизнь націи можетъ считаться практически неограниченной во времени — и потому цѣлью національной политики должно быть не накопленіе возможно большаго количества мѣновыхъ цѣнностей (въ чемъ усматривалъ національное богатство Адамъ Смитъ), а возможно полное развитіе національныхъ производительныхъ силъ.

Свобода торговли не даетъ возможности такого развитія для болѣе отсталыхъ націй. Свобода торговли ведетъ къ тому, что вполнѣ окрѣпшая промышленность болѣе старыхъ странъ подавляетъ еще юную промышленность странъ, позже выступившихъ на дорогу экономическаго прогресса. Послѣднія страны становятся поставщиками сырья для первыхъ и не могутъ выйти изъ земледѣльческой стадіи; однако, для полнаго развитія національныхъ производительныхъ силъ необходимо, чтобы съ земледѣліемъ комбинировалась промышленность и торговля. Земледѣльчески-промышленно-торговое государство—таковъ хозяйственный идеалъ національнаго развитія. Достиженіе этого идеала невоз-

можно для болѣе молодыхъ странъ при сохраненіи свободы международной торговли. Поэтому Листъ выступаетъ горячимъ защитникомъ протекціонизма, покровительства національной промышленности путемъ таможенныхъ пошлинъ.

Защита германскихъ національныхъ интересовъ, не только въ теоріи, но и на практикѣ (Листъ былъ однимъ изъ главныхъ творцовъ промышленнаго объединенія Германіи путемъ знаменитаго таможеннаго союза германскихъ государствъ въ 1833 г.) сдѣлала Листа однимъ изъ самыхъ популярныхъ и вліятельныхъ экономистовъ въ Германіи. Національная идея въ теченіе всего XIX столѣтія была излюбленнымъ лозунгомъ нѣмецкой интеллигенціи; она окрасила собой и нѣмецкую экономическую науку. Даже самое названіе науки было измѣнено. «Политическую экономію» англичанъ и французовъ нѣмцы переименовали въ «національную экономію».

Другой особенностью германской экономической науки явилась тѣсная связь этой науки съ изученіемъ исторіи. Космополитическая и абстрактная политическая экономія Смита не нуждалась ни въ какомъ историческомъ основаніи, такъ какъ она претендовала на всеобщую примѣнимость въ любой странѣ и въ любое время. Національная экономія нѣмцевъ стремилась стать исторической наукой. Уже Листъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи очень много, давъ общую схему историческаго развитія хозяйства. Но главнымъ источникомъ умственнаго вліянія, поведшаго къ образованію такъ называемой исторической школы политической экономіи, былъ не Листъ, а знаменитый юристъ Савиньи. Рошеръ, признанный «глава» исторической школы, былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Савиньи. Въ чемъ же заключается сущность новаго историческаго метода, на который возлагаютъ такія великія надежды многіе нѣмецкіе экономисты? Обратимся къ первоисточнику—къ характеристикѣ этого метода Рошеромъ въ предисловіи къ его сочиненію «Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode» (1843).

«Историческій методъ,—говоритъ Рошеръ,—обнаруживается не только во внѣшней формѣ изслѣдованія экономическихъ явленій въ ихъ хронологической послѣдовательности, но и въ слѣдующихъ основныхъ идеяхъ: 1) историческій методъ стремится показать, какъ и о чемъ думали націи по экономическимъ вопросамъ, чего отъ нихъ желали, что открыли въ экономической области, отчего боролись и почему достигли желаемаго; 2) народъ не представляетъ собой массы индивидовъ, только въ настоящее время живущихъ. Кто хочетъ заниматься изученіемъ народнаго хозяйства, для того недостаточно наблюдать лишь современныя экономическія отношенія; 3) изслѣдованію и сравненію въ экономическомъ отношеніи подлежатъ всѣ народы, о которыхъ мы можемъ только узнать что-нибудь; съ особой пользой и интересомъ мы имѣемъ возможность изучать жизнь древнихъ народовъ,

исторія которыхъ уже закончилась и мы можемъ обозрѣть ее во всей ея цѣлости; 4) историческій методъ не допускаетъ ни порицанія, ни восхваленія экономическихъ учрежденій; мало было такихъ учрежденій, которыя могли бы быть вредны или полезны для всѣхъ народовъ и во всѣ стадіи развитія; главная задача науки, съ точки зрѣнія экономиста-историка, заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ и почему цѣлесообразное постепенно превращается въ нелѣпое, а изъ благодѣянія часто получается бѣдствіе».

Разберемъ же эту характеристику метода новой школы, сдѣланную ея главой—такимъ образомъ мы получимъ ключъ къ оцѣнкѣ научнаго значенія этой школы. Прежде всего бросается въ глаза, что вмѣсто объясненія метода Рошеръ даетъ описаніе предметовъ и вопросовъ, къ изученію которыхъ онъ желалъ бы привлечь экономическую науку. Такъ, первый тезисъ гласитъ, что политическая экономія должна изучать исторію хозяйства. Второй тезисъ является простой перефразировкой перваго. Третій прибавляетъ къ этому нѣкоторое утвержденіе, правда методологическаго характера, но достоинство котораго больше чѣмъ сомнительно: будто «особенно полезно» для пониманія современныхъ экономическихъ явленій изучать хозяйственный бытъ древняго міра, на томъ основаніи, что «исторія его уже закончилась и мы можемъ обозрѣвать ее во всей цѣлости». Этотъ аргументъ былъ бы правиленъ, если бы исторія повторялась, если бы исторія слагалась не изъ прогрессивныхъ, а изъ циклическихъ измѣненій. Но такъ какъ теперь никто не держится мнѣнія Вико, будто новая исторія воспроизводитъ древнюю, то и выводы относительно будущаго соціальнаго развитія, на основаніи аналогіи съ явленіями греко-римскаго міра, нельзя не считать совершенно ненаучнымъ пріемомъ. Капиталистическое хозяйство, изученіемъ котораго занимается политическая экономія, существовало въ древнемъ мірѣ только въ слабыхъ начаткахъ. Что же можетъ намъ дать, для пониманія законовъ капиталистическаго хозяйства, исторія Греціи или Рима?

Четвертый тезисъ Рошера заключаетъ въ себѣ правильную мысль, что цѣлесообразность общественныхъ учрежденій должна быть оцѣниваема не абстрактно, а конкретно—въ связи съ исторической средой, въ которой они дѣйствуютъ. Но и съ этой правильной мыслью соединена совершенно невѣрная,—будто всякое общественное учрежденіе соотвѣтствуетъ своему назначенію (ибо иначе, почему же «историческій методъ запрещаетъ порицаніе или восхваленіе учрежденій»? Это можно было бы понять, какъ предостереженіе противъ субъективизма, смѣшенія экономической науки съ экономической политикой. Но Рошеръ, какъ видно изъ его курса System der Volkswirtschaft, именно сторонникъ этого смѣшенія и не проводитъ никакого принципіальнаго различія между изслѣдованіемъ того, что есть, и того, что должно быть).

Неудачная попытка Рошера формулировать сущность историческаго

метода весьма характерна для всей германской исторической школы. Отличительная черта этой школы—отсутствіе солиднаго теоретическаго базиса и даже вообще пренебреженіе къ теоріи. Самъ Рошеръ, глава школы, не сдѣлалъ ровно ничего въ области экономической теоріи. Но даже и въ построеніи исторіи хозяйства заслуги Рошера весьма не велики. Если сравнить его курсъ политической экономіи съ курсами его нѣмецкихъ предшественниковъ школы Смита, то можно замѣтить только одно существенное нововведеніе: необычайное изобиліе подстрочныхъ примѣчаній, обнаруживающихъ большую эрудицію автора и содержащихъ въ себѣ массу отрывочныхъ и разнообразныхъ историческихъ фактовъ. Примѣчанія эти, во всякомъ случаѣ, замѣчательнѣе текста, блѣднаго и неоригинальнаго, не представляющаго никакого интереса для человѣка, знакомаго съ работами Германна, Рау, Бруно Гильдебранда и другихъ нѣмецкихъ экономистовъ, современныхъ Рошеру. Общей теоріи хозяйственнаго развитія или хотя бы общей характеристики историческихъ ступеней народнаго хозяйства Рошеръ не далъ—дѣло ограничилось указанными историческими примѣчаніями къ тексту, ничего новаго собой не представляющему.

Славу созданія исторической школы въ политической экономіи дѣлитъ съ Рошеромъ другой нѣмецкій экономистъ—Карлъ Книсъ. Этотъ послѣдній, какъ теоретикъ, гораздо сильнѣе Рошера и его книга «Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichltichen Methode» (1853) можетъ быть признана выдающимся произведеніемъ. Главной задачей Книса въ этой книгѣ является доказательство относительности экономическихъ ученій и ихъ тѣсной связи съ національностью и исторической эпохой. Никакая экономическая доктрина не является, поэтому, абсолютно вѣрной, но каждая изъ смѣнявшихъ другъ друга системъ политической экономіи имѣла въ свое время право на существованіе и заключала долю истины. Экономическая наука подвержена процессу развитія, въ тѣсной связи съ развитіемъ изучаемаго ею объекта—народнаго хозяйства.

Защита историческаго метода у Книса гораздо глубже и содержательнѣе, чѣмъ у Рошера. Однако, и Кнису не удалось примѣнить предлагаемаго имъ метода на дѣлѣ. Даже наоборотъ: въ своихъ собственныхъ, пользующихся заслуженной извѣстностью, изслѣдованіяхъ по теоріи денежнаго обращенія и кредита Книсъ является представителемъ самаго абстрактнаго, дедуктивнаго метода изученія экономическихъ явленій. Новѣйшія работы послѣдователей исторической школы дали для теоріи политической экономіи столь же мало.

Тѣмъ не менѣе, мы отнюдь не склонны отрицать заслугъ этой школы. Если она и не внесла ничего существенно-новаго въ теорію хозяйства, за то она собрала необозримый фактическій матеріалъ по исторіи хозяйства. Рошеръ и Книсъ возбудили среди германскихъ экономистовъ живѣйшій интересъ къ изученію хозяйственной исторіи и ре-

зультатомъ этого идейнаго толчка явилось множество превосходныхъ историческихъ монографій, возстановившихъ съ чрезвычайной детальностью картину прошлаго экономическаго быта. Особенно цѣнны въ этомъ смыслѣ работы по исторіи германскихъ цеховъ. Но, подобно Рошеру, сторонникамъ исторической школы не удалось использовать этого богатаго историческаго матеріала не только для экономической теоріи, но даже и для широкихъ историческихъ обобщеній. Можно сказать, что распространеніе историческаго направленія въ политической экономіи выразилось не преобразованіемъ экономической теоріи, на что разсчитывали Рошеръ и Книсъ, а временнымъ охлажденіемъ интереса къ экономической теоріи или даже полнымъ отрицаніемъ ея. Поэтому вполнѣ понятна замѣчаемая въ самые послѣдніе годы реакція противъ крайностей исторической школы и возрастаніе интереса къ чисто теоретическимъ экономическимъ изслѣдованіямъ абстрактнаго характера—реакція, создавшая заслуженный успѣхъ блестящимъ работамъ, такъ называемой, австрійской школы политической экономіи, съ Карломъ Менгеромъ во главѣ.

Историческое направленіе, вмѣстѣ съ національной идеей, оказало могущественное вліяніе на германскую экономическую мысль. Третьимъ факторомъ, положившимъ свой отпечатокъ на всю германскую общественную науку, явился своеобразный строй германской государственной жизни—чрезвычайное развитіе въ современной Германіи мощной государственной власти. Система Смита создалась въ совершенно иной соціальной средѣ, чѣмъ новѣйшая Германія. Англія—страна широкаго развитія индивидуальной самопомощи. Средній англичанинъ уже давно освоился съ мыслью, что все достижимое частной инидіативой, должно и достигаться ею безъ всякаго вмѣшательства государства. Государство можетъ ограждать лицъ, физически болѣе слабыхъ, какъ дѣти и женщины, но взрослый мужчина долженъ быть избавленъ отъ государственной опеки. Представленіе о государствѣ, только какъ о «ночномъ сторожѣ», ограничивающемъ свои задачи простой охраной имущества и личной безопасности гражданъ, но отказывающемся отъ какихъ бы ни было положительныхъ задачъ въ сферѣ народнаго хозяйства, находило себѣ благодарную почву во всемъ строѣ англійской общественной жизни.

Германія представляетъ собой въ этомъ отношеніи прямую противоположность Англіи. Національное единство могло быть завоевано нѣмцами только мечомъ, а война требуетъ крѣпкой власти. Пруссія, поглотившая собой всю Германію, была и остается страной слабой частной иниціативы и чрезвычайно способной, образованной и добросовѣстной бюрократіи. Общественное мнѣніе привыкло въ Пруссіи къ самому энергичному участію государственной власти въ народохозяйственной дѣятельности страны. Прусское государство никогда не отступало передъ положительными задачами въ экономической и со-

ціальной области и не боялось соціальныхъ реформъ, глубоко захватывающихъ народную жизнь.

Все это не могло не отразиться и на германской экономической наукѣ. Наконецъ, въ ряду факторовъ, создавшихъ современное соціально-политическое направленіе германской политической экономіи, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ, быть можетъ, наиболѣе могущественномъ—о нѣмецкой рабочей партіи. Всѣмъ извѣстны успѣхи рабочей партіи въ Германіи; по числу избирателей она идетъ впереди всѣхъ нѣмецкихъ политическихъ партій и на выборахъ 1898 г. объединила подъ своими знаменами болѣе 2 милліоновъ голосовъ. Непрерывность этихъ успѣховъ не могла не убѣдить правящіе круги Германіи, что однѣми репрессивными мѣрами невозможно бороться съ такимъ широко распространеннымъ народнымъ движеніемъ и что политика соціальныхъ реформъ, удовлетворяющая, на почвѣ существующаго соціальнаго строя, нѣкоторымъ требованіямъ рабочихъ, является политикой, наиболѣе благоразумной во всѣхъ отношеніяхъ. По собственному признанію Бисмарка, его соціальное законодательство создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній этого рода.

Итакъ, національная идея, историческая школа, крѣпкая государственная власть, ростъ рабочей партіи—вотъ разнообразные факторы, опредѣлившіе современное направленіе германской—экономической мысли. Его характернѣйшей чертой является требованіе и защита соціальныхъ реформъ. Къ соціально-политическому направленію принадлежатъ въ настоящее время всѣ сколько-нибудь выдающіеся нѣмецкіе профессора политической экономіи. При такомъ обширномъ кругѣ сторонниковъ разсматриваемое направленіе или школа должно включать въ себя множество разнообразныхъ оттѣнковъ взглядовъ. Общимъ для всѣхъ ихъ является признаніе необходимости широкой государственной иниціативы, на почвѣ существующаго экономическаго строя, въ дѣлѣ развитія національныхъ производительныхъ силъ, поднятія народнаго благосостоянія и охраненія слабѣйшихъ общественныхъ элементовъ. Соціально-политическое направленіе совершенно чуждо преклоненія передъ принципомъ свободной конкуренціи и требуетъ ограниченія этой свободы въ интересахъ представителей труда. Оно отказалось отъ смитовскаго идеала свободнаго, не регулируемаго товарнаго хозяйства. Оно признаетъ историческій характеръ господствующаго нынѣ капиталистическаго хозяйственнаго строя и допускаетъ возможность въ немъ глубокихъ измѣненій. Но для даннаго времени и предвидимаго будущаго оно считаетъ неизбѣжнымъ сохраненіе основъ этого строя—частной собственности и частнохозяйственнаго предпринимательства. Государственная власть должна ставить границы злоупотребленіямъ хозяйственной свободой, но не убивать послѣднюю въ корнѣ. Товарный обмѣнъ представляется соціально-политическому направленію еще на неопредѣленно долгое время необходимой формой общественнаго сотрудничества.

Такимъ образомъ, разсматриваемое направленіе занимаетъ средину между школой laissez faire и соціализмомъ. Оно является синтезомъ обѣихъ крайнихъ школъ политической экономіи, соединяя ихъ здоровые элементы и избѣгая ихъ ошибокъ—такъ говорятъ друзья этого направленія. Наоборотъ, по мнѣнію противниковъ, соціально-политическое направленіе есть не болѣе, какъ компромиссъ, попытка эклектическаго соединенія двухъ противоположныхъ общественныхъ началъ, изъ которыхъ то или другое должно получить перевѣсъ. Либеральные экономисты прежняго толка ядовито окрестили ученыхъ представителей новаго направленія «катедеръ-соціалистами».

Кличка эта была дана Оппенгеймомъ, нѣмецкимъ фритредеромъ, выступившимъ въ 1871 г. со статьями, надѣлавшими много шуму, которыя затѣмъ вышли особой брошюрой, подъ заглавіемъ «Der Katheder-sozialismus». Оппенгеймъ находилъ, что ученые, защищающіе широкія соціальныя реформы на началахъ государственнаго вмѣшательства въ частноправовыя отношенія, въ сущности, не что иное, какъ сознательные или безсознательные друзья соціализма, распространенію и развитію котораго должны содѣйствовать всѣ эти реформы. Экономисты, подвергшіеся нападенію, отвѣтили, и завязалась полемика, въ которой приняли участіе главари новаго направленія—Вагнеръ, Брентано, Шёнбергъ и др. Результатомъ споровъ было образованіе этими учеными, вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, Гнейстомъ, Рошеромъ, Книсомъ и др., новаго ученополитическаго общества «Verein für Sozialpolitik».

Въ 1872 г. въ г. Эйзенахѣ собралось 158 друзей соціально-политическаго направленія, среди которыхъ было 25 профессоровъ, а остальные принадлежали разнообразнымъ кругамъ нѣмецкаго образованнаго общества. Задачи учреждаемаго союза были формулированы въ вступительной рѣчи Шмоллеромъ. Шмоллеръ заявилъ, что общимъ для членовъ союза является прежде всего опредѣленное представленіе о государствѣ, одинаково далекое какъ отъ либеральнаго индивидуализма, выше всего ставящаго свободу личности, такъ и отъ соціалистическаго идеала государства, поглощающаго личность. Новое направленіе признаетъ блестящіе успѣхи современной промышленности и не отрицаетъ ихъ значенія, но оно не закрываетъ глазъ и на соціальныя бѣдствія, вызванныя ростомъ крупнаго производства. Основную причину этихъ бѣдствій оно усматриваетъ въ томъ, что въ новѣйшее время, при всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, всѣхъ нововведеніяхъ производства, при новой организаціи предпріятія и новой формѣ рабочаго договора, имѣлось въ виду лишь достиженіе наибольшаго производства, но отнюдь не наиболѣе справедливаго распредѣленія. Вновь учреждаемый союзъ не желаетъ нивелированія общества, не мечтаетъ о какихъ-либо соціалистическихъ экспериментахъ; онъ признаетъ существующія формы хозяйства, существующее законодательство и существующее классовое сложеніе общества отправными пунктами своей дѣятельности, но онъ

разсчитываетъ на реформы и считаетъ возможнымъ значительное улучшеніе современнаго положенія вещей. Промышленная свобода должна быть сохранена, также какъ принципъ наемнаго труда, но необходимо планомѣрное и энергично проводимое въ практической жизни фабричное законодательство, реальная, а не только юридическая свобода рабочаго въ установленіи условій рабочаго договора, контроль этой свободы общественнымъ мнѣніемъ, фабричная инспекція, государственное вмѣшательство въ банковое и страховое дѣло, государственныя анкеты по соціальнымъ вопросамъ. Государство должно также взять на себя заботу объ улучшеніи воспитанія и образованія, а также и жилищныхъ условій рабочаго класса.

«Союзъ соціальной политики», существующій и понынѣ, оказался весьма жизнеспособнымъ научнымъ учрежденіемъ. Къ союзу принадлежали и принадлежатъ лица различныхъ политическихъ убѣжденій—отъ консерваторовъ до рѣшительныхъ прогрессистовъ (радикальные элементы, естественно, чужды «Союзу»); дѣятельность «Союза», объединяющаго собой, главнымъ образомъ, умѣренныхъ сторонниковъ соціальныхъ реформъ, выражается въ изученіи соціальнаго вопроса и пропагандѣ соціальныхъ реформъ путемъ обсужденія ихъ на съѣздахъ «Союза», а также организаціи и изданіи научныхъ работъ соціально-политическаго характера. «Союзъ» играетъ выдающуюся роль въ движеніи нѣмецкой экономической науки и оказываетъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство страны.

Отчасти подъ вліяніемъ «Союза», а главнымъ образомъ подъ давленіемъ рабочей партіи, германское правительство осуществило за два послѣднія десятилѣтія довольно широкую програму соціальныхъ реформъ, оставляющую за собой скромныя пожеланія Шмоллера во вступительной рѣчи на первомъ собраніи «Союза» въ 1872 г. Въ ряду этихъ реформъ имѣетъ особое значеніе государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, при наступленіи старости и неспособности къ труду, созданное законами 1883, 1884 и 1889 гг. Государство отчасти приняло на себя въ Германіи тѣ функціи по обезпеченію рабочихъ отъ случайностей, соединенныхъ съ заработкомъ наемнаго рабочаго, которыя въ Англіи ложатся на трэдъ-юніоны. Средства для выдачи пенсій рабочимъ собираются путемъ обязательныхъ вычетовъ изъ заработной платы, сборовъ съ предпринимателей и приплатъ изъ средствъ государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, благодаря государственному страхованію рабочихъ, *отчасти* признается принципъ права на существованіе, провозглашенный еще Сенъ-Симономъ и Фурье—государство отчасти принимаетъ на себя обязательство давать средства къ жизни рабочимъ, неспособнымъ къ труду.

Представители экономическаго направленія, разборомъ котораго мы теперь заняты, называютъ его обыкновенно «соціально-этическимъ», или «историко-реалистическимъ». Мы избѣгаемъ этихъ наименованій.

такъ какъ они, на нашъ взглядъ неудачно характеризуютъ, сущность разсматриваемаго теченія экономической мысли. Мы не называемъ его «этическимъ» потому, что не признаемъ за его представителями исключительнаго права на нравственность; главное же, мы не думаемъ, чтобы можно было характеризовать научныя направленія съ точки зрѣнія этики. Правда, многіе экономисты разбираемой школы любятъ говорить объ этикѣ, о необходимости нравственнаго подъема предпринимателей и рабочихъ, о христіанской любви между ними, терпѣніи въ перенесеніи земныхъ бѣдствій и прочихъ душеспасительныхъ матеріяхъ. На насъ такія кислосладкія разсужденія сомнительной искренности отнюдь не производятъ этическаго впечатлѣнія и мы считаемъ ихъ лишь весьма безвкуснымъ орнаментомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой. Проповѣди терпѣнія и смиренія можно сочувствовать или нѣтъ, но ее нельзя, во всякомъ случаѣ, разсматривать, какъ составную часть политической экономіи.

Поэтому, мы считаемъ этическія упражненія Шмоллера, Шенберга и др. не болѣе, какъ ихъ частнымъ дѣломъ, и никакъ не можемъ согласиться, чтобы эти упражненія характеризовали какое бы то ни было направленіе въ экономической наукѣ. Мальтусъ былъ тоже большой любитель проповѣдовать мораль воздержанія неимущимъ классамъ; нельзя, однако, считать его на этомъ основаніи создателемъ «этической» школы политической экономіи.

Мы не можемъ, далѣе, называть разбираемаго направленія и реалистическимъ, такъ какъ это было бы равносильно признанію его единственно научнымъ. Дѣйствительно, нереалистическимъ можетъ быть признано лишь такое направленіе въ политической экономіи, которое пренебрегаетъ реальными фактами, не считается съ дѣйствительностью. Но политическая экономія, игнорирующая дѣйствительность, не можетъ претендовать и на званіе науки, ибо предметъ политической экономіи—народное хозяйство—вполнѣ реаленъ и ничего идеальнаго въ себѣ не заключаетъ.

По этимъ причинамъ мы называемъ экономическое направленіе, о которомъ идетъ рѣчь, не «этическимъ» или «реалистическимъ», а «соціально-политическимъ», желая подчеркнуть этимъ названіемъ наиболѣе характерную черту его—сочувствіе соціальнымъ реформамъ, соціальной политикѣ (въ противность школѣ laissez faire, отвергающей государственное вмѣшательство, съ одной стороны, и соціализму, требующему не реформъ, но кореннаго преобразованія соціальнаго строя—съ другой).

Мы уже говорили, что соціально-политическое направленіе въ Германіи слагается изъ нѣсколькихъ теченій или школъ. Можно различить три главныхъ соціально-политическихъ теченій, различающихся другъ отъ друга по весьма существеннымъ пунктамъ.

Правое крыло «катедеръ-соціалистовъ», представляемое, главнымъ

образомъ, Шмоллеромъ и Шенбергомъ, менѣе всего заслуживаетъ упрека въ пристрастіи къ соціализму. Симпатіи къ государственному вмѣшательству скорѣе исходятъ у этихъ экономистовъ изъ консервативнаго пристрастія, къ такъ называемому, полицейскому государству и антипатіи къ свободѣ. И Шмоллеръ и Шенбергъ — убѣжденные друзья прусскаго государственнаго строя. Оба они называютъ себя сторонниками «этической» школы. Шенбергъ особенно настаиваетъ на поднятіи нравственности рабочаго класса, чего, по его мнѣнію, возможно достигнуть увеличеніемъ вліянія духовенства. Раздѣляя взгляды Мальтуса, онъ видитъ одно изъ существенныхъ проявленій безнравственности рабочихъ въ ихъ легкомысленной склонности къ раннимъ бракамъ и беззаботности къ числу дѣтей. «Пока господствуетъ такой безнравственный образъ дѣйствій,—важно заявляетъ Шенбергъ въ извѣстномъ коллективномъ «Курсѣ политической экономіи», вышедшемъ въ 3-хъ томахъ подъ его редакціей и выдержавшемъ рядъ изданій— до тѣхъ поръ нельзя найти никакихъ средствъ надолго повысить доходъ низшаго класса рабочихъ. Зло чрезмѣрнаго рожденія дѣтей составляетъ, быть можетъ, центръ соціальнаго вопроса».

Несмотря на это заявленіе, переносящее соціальный вопросъ въ область недоступную государственному контролю, Шенбергъ высказывается за обычную въ Германіи соціально-политическую программу— страхованіе рабочихъ, фабричное законодательство и, съ значительными ограниченіями, за свободу рабочихъ союзовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ желаетъ «установленія наказаній за публичное приглашеніе къ противозаконному прекращенію работъ, подвергающее опасности общественное благо, съ усиленіемъ наказанія за совершеніе даннаго дѣянія въ видѣ постояннаго занятія», рекомендуетъ соединеніе работодателей въ предпринимательскіе союзы, которые «обязывали бы своихъ членовъ не принимать къ себѣ рабочихъ, нарушившихъ договоръ, и выдвигали бы въ крайнихъ случаяхъ противъ общихъ противозаконныхъ рабочихъ забастовокъ, поддерживаемыхъ рабочими другихъ предпринимателей, угрозу и дѣйствительное осуществленіе общей остановки производства».

Государственныя мѣропріятія по улучшенію рабочаго быта встрѣчаютъ со стороны Шенберга больше сочувствія, чѣмъ самостоятельная коллективная самопомощь рабочихъ черезъ посредство союзовъ. «Дѣятельность рабочихъ союзовъ,—заявляетъ нашъ авторъ,—можетъ оказаться вредной для общества. Если союзы являются лишь орудіями борьбы, защищаютъ только эгоистическіе классовые интересы, то они могутъ усилить антагонизмъ между работодателями и рабочими, постоянно угрожать соціальному миру, наносить большой вредъ предпринимателямъ, промышленности, справедливымъ интересамъ капитала и потребителей и даже ухудшать положеніе рабочихъ. Опасность такого вреднаго дѣйствія рабочихъ союзовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже образованіе рабочихъ и чѣмъ меньше ихъ экономическая предусмотри-

тельность; эта опасность неодинакова для разныхъ странъ. Поэтому вопросъ, нужно ли и насколько нужно содѣйствовать, въ интересахъ рабочихъ и народнаго блага, развитію рабочихъ союзовъ, не можетъ быть рѣшенъ одинаково для всѣхъ странъ и для всѣхъ отраслей фабричной промышленности.

Эти выдержки достаточно характирезуютъ классовыя симпатіи Шенберга. Его требованія въ области соціальныхъ реформъ весьма скромны и къ проявленію самодѣятельности и самопомощи рабочихъ онъ относится съ нескрываемыми опасеніями. Соціальная политика германскаго правительства, сдѣлавшаго очень много въ области государственнаго страхованія рабочихъ, но до сихъ поръ не дающаго полной свободы рабочимъ союзамъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его вкусамъ.

Такую же, приблизительно, позицію занимаетъ и Шмоллеръ. Подвергшись нападенію Трейчке, консервативнаго историка Пруссіи, обвинившаго сторонниковъ соціально-политическаго направленія въ сочувствіи соціализму, онъ отвѣтилъ полемической книгой «Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft» (1875), въ которой изложилъ свою точку зрѣнія на экономическую науку вообще и на задачи соціальной политики въ частности. Въ теоретическомъ отношеніи эта книга довольно слаба, а что касается до соціально-политическихъ воззрѣній автора, то они также не представляютъ ничего замѣчательнаго. Какъ сказано, Шмоллеръ вмѣстѣ съ Шенбергомъ занимаетъ правое крыло соціальныхъ политиковъ «Союза». Въ своей вступительной рѣчи при пріемѣ его въ члены прусской академіи наукъ, онъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ свою научную дѣятельность. «Я попытался быть вмѣстѣ и историкомъ, и экономистомъ. Меня всегда привлекала задача закончить и на дѣлѣ привести въ исполненіе то, что Гильдебрандъ, Книсъ и Рошеръ пытались осуществить въ нѣмецкой экономической наукѣ: совершенно освободить науку отъ догматики англійско-французской утилитарной философіи и поставить ее на иную почву, болѣе прочную въ психологическомъ и историческомъ отношеніи».

Эта «привлекательная задача» не была разрѣшена Шмоллеромъ ни въ его болѣе раннихъ трудахъ, ни въ недавно вышедшемъ курсѣ политической экономіи. Онъ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ сравнительно съ Рошеромъ и Книсомъ и, подобно имъ, много говорилъ объ историческомъ методѣ въ экономической наукѣ, но никакой новой исторической теоріи хозяйственнаго процесса не создалъ. Заслуга Шмоллера, какъ и Шенберга и многихъ другихъ современныхъ представителей нѣмецкой экономической науки, заключается въ превосходныхъ историческихъ работахъ фактическаго характера. Для широкихъ историческихъ обобщеній Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли.

Единственная замѣчательная работа по общей теоріи развитія народнаго хозяйства, вышедшая въ новѣйшее время,—«Происхожденіе народнаго хозяйства» Карла Бюхера,—не можетъ быть поставлена въ

активъ нѣмецкой исторической школы, такъ какъ авторъ ея отнюдь не сторонникъ историческаго метода. Но и Бюхера нельзя считать вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ теоретикомъ, ибо его основныя идеи заимствованы у иныхъ, несравненно болѣе могучихъ представителей германской экономической мысли—Родбертуса и Карла Маркса, которые дѣйствительно осуществили то, къ чему безуспѣшно стремились трудолюбивые, но лишенные творческаго генія гелертеры исторической школы—создали научную теорію историческаго развитія современнаго хозяйственнаго строя, не отказываясь въ то же время отъ абстрактно-дедуктивнаго метода классической политической экономіи.

Представителями второй школы соціалъ-политиковъ могутъ считаться Адольфъ Вагнеръ и Шеффле. Это—школа государственнаго соціализма. Оба названныхъ ученыхъ, въ противность «этической» группѣ Шмоллера и Вагнера, отнюдь не заражены презрительнымъ отношеніемъ къ теоретической политической экономіи и являются сами выдающимися теоретиками. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Grundlegung der politischen Oekonomie» (1876) Вагнеръ набрасываетъ широкую картину экономическаго строенія современнаго общества.

Современное народное хозяйство, говоритъ онъ, покоится и еще долго будетъ покоиться на трехъ различныхъ хозяйственныхъ принципахъ, ведущихъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ—частно-хозяйственной, общественно-хозяйственной и каритативной или благотворительной. Частно-хозяйственная система слагается изъ совокупности частныхъ хозяйствъ, основнымъ принципомъ которыхъ является стремленіе къ наибольшему доходу даннаго хозяйства. Связь между отдѣльными частными хозяйствами устанавливается обмѣномъ. Общественныя хозяйства бываютъ двоякаго рода: добровольныя и принудительныя. Образцомъ первыхъ можетъ служить любое общество взаимопомощи, образцомъ вторыхъ—государство. Принципомъ общественнаго хозяйства является не частный, а общій интересъ—болѣе или менѣе обширной общественной группы. Особо важное значеніе имѣетъ именно принудительное общественное хозяйство—въ частности государственное хозяйство. Государство преслѣдуетъ цѣли общаго интереса, собирая принудительнымъ образомъ со своихъ гражданъ нужныя для того средства. Государственное хозяйство отнюдь не руководствуется частно-хозяйственнымъ принципомъ наибольшаго барыша и можетъ дѣлать затраты, не дающія никакихъ доходовъ казнѣ, но за то содѣйствующія благосостоянію населенія или развитію производительныхъ силъ націи.

Каритативная или благотворительная система восполняетъ недостаточность двухъ предшествующихъ системъ, такъ какъ обѣ онѣ неспособны устранить изъ современнаго общества незаслуженную бѣдность и нищету. Борьбой съ этими бѣдствіями и занята благотворительность.

Итакъ, современное народное хозяйство слагается не изъ одной

частно-хозяйственной системы, которую только и изучаютъ политико-экономы, но изъ трехъ въ равной мѣрѣ необходимыхъ системъ. Задача соціальной политики заключается въ наиболѣе цѣлесообразномъ комбинированіи этихъ системъ.

Школа Смита стремилась свести роль государства къ чисто отрицательной задачѣ охраны имущественной и личной безопасности гражданъ. Она исходила изъ мысли, что наибольшее благополучіе общества можетъ быть достигнуто наибольшимъ развитіемъ частно-хозяйственной системы. Это—глубокая ошибка. Принципъ частнаго хозяйства слишкомъ узокъ и недостаточенъ для достиженія цѣлей общаго блага. Опытъ показалъ, что неограниченная свобода частно-хозяйственной дѣятельности ведетъ къ подавленію слабыхъ сильными, и бѣдности большинства населенія. Въ частности, эта свобода благопріятствуетъ побѣдѣ капитала надъ трудомъ. Отсюда слѣдуетъ, что, въ общихъ интересахъ, слѣдуетъ стремиться не къ ограниченію, а къ развитію общественно-хозяйственнаго принципа. Необходимо ограниченіе свободы конкуренціи. Широкій ростъ государственнаго хозяйства долженъ восполнить недостатки частнаго.

Тѣмъ не менѣе, нечего разсчитывать, въ предвидимомъ будущемъ, на полную замѣну частнаго хозяйства общественнымъ. Дѣло въ томъ, что хотя частно-хозяйственный принципъ—стремленіе къ наибольшему барышу—ведетъ ко многимъ гибельнымъ послѣдствіямъ въ области распредѣленія народнаго дохода—за то онъ даетъ незамѣнимый стимулъ для развитія національнаго производства. Современное человѣчество не можетъ обойтись безъ этого стимула хозяйственной энергіи, которая, въ противномъ случаѣ, грозитъ угаснуть. Поэтому, полное прекращеніе дѣйствія частно-хозяйственной системы было бы равносильно экономическому, культурному и вообще соціальному упадку. Частно-хозяйственная система должна быть сохранена—но коррективомъ ей должна служить система принудительно-общественнаго хозяйства.

Какая же комбинація трехъ названныхъ системъ наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ общества? Этотъ вопросъ не допускаетъ общаго отвѣта. Абсолютно истинной и всеобщепримѣнимой комбинаціи не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, Вагнеръ считаетъ возможнымъ формулировать, какъ общій законъ развитія народнаго хозяйства, неизбѣжность роста системы общественно-принудительныхъ хозяйствъ насчетъ частныхъ хозяйствъ.

Статистика вполнѣ подтверждаетъ обобщеніе Вагнера. Государственное хозяйство росло за истекшее столѣтіе гораздо быстрѣе частнаго—государственный бюджетъ поглощаетъ все бо́льшую и бо́льшую долю народнаго бюджета каждой страны. Такимъ образомъ, развитіе народнаго хозяйства идетъ въ обратномъ направленіи сравнительно съ ожиданіями школы Смита: сфера государственнаго хозяйства не сокращается, а быстро растетъ, ограничивая сферу частнаго хозяйства.

М. де Сисмонди.

Государство становится все болѣе могущественнымъ факторомъ хозяйственнаго развитія. Оно вліяетъ на народохозяйственный строй страны тремя путями: 1) своей непосредственной хозяйственной дѣятельностью (сфера государственнаго хозяйства въ узкомъ смыслѣ—государственныя домены, желѣзныя дороги, почта, телеграфъ, государственные банки и пр.); 2) нормированіемъ условій частнаго хозяйства и 3) своей финансовой политикой.

Что касается до нормированія государствомъ условій частно-хозяйственной дѣятельности, то въ этой области особое значеніе имѣетъ отношеніе государства къ институту частной собственности. Вагнеръ совершенно отрицаетъ обычное юридическое представленіе о частной собственности, какъ о неограниченномъ и безусловномъ правѣ собственника распоряжаться предметомъ своей собственности. Право собственности ничѣмъ не отличается отъ другихъ юридическихъ институтовъ, содержаніе которыхъ опредѣляется государствомъ. Исторія показываетъ, что неограниченнаго права собственности никогда не существовало. Государство опредѣляетъ объекты, на которые можетъ распространяться это право, и самое реальное содержаніе послѣдняго. Такъ, человѣкъ въ настоящее время не можетъ быть предметомъ собственности. Право собственности на землю всегда ограничивалось въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ государствомъ. Вообще же институтъ частной собственности долженъ быть сохраняемъ постольку, поскольку онъ полезенъ для общества.

Если собственники не выполняютъ никакой полезной соціальной функціи, то они не должны ожидать отъ государства сохраненія за ними ихъ исключительныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія Вагнеръ подвергаетъ критикѣ право собственности на городскіе земельные участки и городскіе дома и находитъ, что «съ соціально-политической точки зрѣнія и въ интересахъ распредѣленія слѣдовало бы желать устраненія этой формы частной собственности». Уничтоженіе права собственности на землю вообще и на орудія производства Вагнеръ не считаетъ, при существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ, ни возможнымъ, ни желательнымъ.

Изъ этого бѣглаго очерка основныхъ взглядовъ Вагнера можно видѣть, какъ широко онъ смотритъ на задачи соціальной политики. Несмотря на то, что какъ членъ прусскаго ландтага, онъ принадлежалъ къ консервативной партіи и былъ долгое время сподвижникомъ извѣстнаго антисемитическаго консервативнаго дѣятеля пастора Штёккера, Вагнеръ является представителемъ такого соціально-политическаго направленія, которое весьма приближается къ соціализму. Это обстоятельство вызвало разрывъ Вагнера съ «Союзомъ-соціальной политики», члены котораго держались болѣе умѣренныхъ воззрѣній.

Какъ теоретикъ, Вагнеръ понимаетъ важность абстрактно дедуктивнаго метода въ политической экономіи и чуждъ теоретической огра-

ниченности исторической школы. Что касается до Шеффле, то этотъ замѣчательный ученый, взгляды котораго въ соціально-политической области близки къ взглядамъ Вагнера, является сторонникомъ такъ называемаго «органическаго» метода въ соціологіи — объясненія соціальныхъ явленій путемъ аналогій съ жизнедѣятельностью организмовъ. Огромная четырехтомная работа Шеффле — «Bau und Leben des sozialen Körpers» (1875—1878 гг.) представляетъ собой попытку дать широкую картину анатоміи, физіологіи и психологіи человѣческаго общества, какъ единаго соціальнаго организма. Не будучи соціалистомъ, Шеффле не мало содѣйствовалъ распространенію этого ученія своей извѣстной популярной брошюрой «Die Quintessenz des Sozialismus», выдержавшей множество изданій.

Представителемъ наиболѣе прогрессивной группы соціалъ-политиковъ мы считаемъ знаменитаго мюнхенскаго профессора Л. Брентано. Вагнеръ и Шеффле, несмотря на свой экономическій радикализмъ, не прочь заключать союзы съ самыми реакціонными общественными элементами. Вагнеръ въ особенности слишкомъ проникнутъ бюрократическими и націоналистическими традиціями государства Гогенцоллерновъ и его соціализмъ нерѣдко трудно отличить отъ деспотическаго пренебреженія поклонника сильной власти къ частнымъ правамъ гражданъ. Мощное государство пользуется такимъ обаяніемъ въ глазахъ Вагнера, что онъ готовъ пожертвовать ради него и гражданской свободой.

Государственный соціализмъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ стариннымъ традиціямъ Пруссіи; и это прекрасно понялъ типичнѣйшій и величайшій представитель прусскаго государственнаго духа—князь Бисмаркъ. Но политика Бисмарка, встрѣтившая дѣятельную поддержку со стороны Вагнера, имѣла во внутренней жизни Германіи глубокое реакціонное значеніе. Современная Германія нуждается въ широкомъ просторѣ для развитія своихъ общественныхъ силъ, наталкивающихся на стѣну бюрократическихъ стѣсненій. Государственная власть выступаетъ въ нѣмецкихъ государствахъ врагомъ демократическихъ теченій и потому всѣ прогрессивныя партіи Германіи стремятся въ настоящее время къ усиленію вліянія общества на государство, къ расширенію общественной самодѣятельности во всѣхъ областяхъ народной жизни.

Защитѣ этихъ стремленій въ экономической сферѣ и посвящена научная дѣятельность Брентано. Если Вагнеръ выражаетъ въ нѣмецкой экономической мысли прусское начало государственнаго соціализма, то Брентано служитъ выраженіемъ въ ней либеральнаго духа Англіи. Первая выдающаяся работа Брентано «Die Arbeitergilden der Gegenwart» (1871—1872 гг.) посвящена англійскимъ рабочимъ союзамъ, съ которыми онъ познакомился во время своего пребыванія въ Англіи. Свободная англійская жизнь, сравнительное благосостояніе англійскихъ рабочихъ, ихъ энергія и удивительная способность къ самопомощи, благодаря которой имъ удалось создать свои мощныя организаціи,

ограждающія ихъ интересы лучше всякаго закона, произвели глубокое впечатлѣніе на нѣмецкаго экономиста. Англійская фабрика, побѣдоносно разносящая англійское вліяніе по всѣмъ частямъ свѣта и создавшая колоссальное богатство страны, показала Брентано экономическую мощь крупнаго капиталистическаго производства. Всѣ успѣхи Англіи покоятся на ея быстромъ усвоеніи передовыхъ формъ промышленности; въ центрѣ міровой торговли, рядомъ съ колоссальными прядильными и ткацкими фабриками Манчестера и Ольдгэма, романтическія симпатіи къ стариннымъ формамъ хозяйства, къ ручной прялкѣ и грубому ткацкому станку въ крестьянской избѣ какой-нибудь живописной горной деревушки, не могли не растаять, какъ ночной туманъ при ясномъ блескѣ солнца. Окунувшись въ англійскую жизнь, Брентано вынесъ изъ нея твердое и законченное экономическое міросозерцаніе, которому онъ остался вѣренъ и понынѣ.

Будучи сторонникомъ свободнаго развитія общественной самодѣятельности, Брентано отнюдь не служитъ идолу свободной конкуренціи. Наоборотъ, онъ признаетъ настоятельную необходимость ограниченія послѣдней путемъ сплоченія конкурирующихъ лицъ въ мощныя организаціи. При свободной конкуренціи побѣждаетъ сильнѣйшій, поэтому интересъ слабыхъ требуетъ поставить на мѣсто слабой личности сильную группу. Исторія показываетъ,—говоритъ Брентано,—что слабѣйшіе общественные элементы всегда стремились сплотиться въ такія группы. Это имѣло мѣсто въ средніе вѣка, когда подмастерья образовывали обширныя общества самопомощи, это же мы видимъ и нынѣ въ рабочихъ союзахъ.

Экономисты-классики разсматривали рабочую силу человѣка, какъ товаръ. Но если она и товаръ, то товаръ совершенно особаго рода. Всѣ прочіе товары ничѣмъ не связаны съ личностью владѣльца; напротивъ, товаръ рабочая сила—есть самъ человѣкъ. Это ставитъ продавцовъ рабочей силы въ очень неблагопріятное положеніе, еще усиливаемое тѣмъ, что рабочіе лишены средствъ къ существованію. Они не могутъ ждать съ продажей своего товара и, при полной свободѣ конкуренціи, не могутъ ограждать своихъ интересовъ въ борьбѣ съ покупателемъ рабочей силы—капиталистами.

Помочь этому злу могутъ союзы рабочихъ. Изученіе англійскихъ трэдъ-юніоновъ показало Брентано огромное значеніе ихъ въ смыслѣ поднятія матеріальнаго и культурнаго уровня жизни рабочихъ. Въ противность консервативному крылу соціалъ-политиковъ, Брентано является самымъ горячимъ сторонникомъ распространенія профессіональной организаціи также и среди нѣмецкихъ рабочихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Брентано требуетъ и широкой соціально-политической дѣятельности со стороны государства. Соціальное законодательство и самопомощь рабочихъ должны идти рядомъ, рука объ руку. Рабочіе союзы безсильны, безъ помощи государства, оградить интересы обширной

массы чернорабочаго, необученнаго труда, такъ какъ членами союзовъ являются лишь избранники рабочаго класса, рабочая аристократія; но и государство, безъ помощи самихъ рабочихъ, не можетъ достигнуть многаго въ дѣлѣ ихъ охраны, такъ какъ при пассивномъ отношеніи рабочихъ самые лучшіе законы не будутъ имѣть практическаго примѣненія. Самоохрана рабочихъ есть необходимое условіе дѣйствительности ихъ государственной охраны.

Одной изъ теоретическихъ основъ экономическаго міросозерцанія Брентано является его убѣжденіе, что техническій прогрессъ есть основа соціальнаго. Развитіе капиталистическаго хозяйства только на первыхъ порахъ ведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ. Послѣдующіе же шаги капитализма сопровождаются поднятіемъ заработной платы, сокращеніемъ рабочаго дня и вообще подъемомъ рабочаго класса. Интересы предпринимателей отнюдь не страдаютъ отъ этого, ибо высокая заработная плата и короткій рабочій день въ огромной мѣрѣ повышаютъ производительность труда. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что на міровомъ рынкѣ побѣждаютъ страны, съ лучше оплачиваемыми рабочими. Въ противоположность взгляду Рикардо, что выгода рабочихъ есть убытокъ капиталисту, Брентано утверждаетъ, что выгоды обоихъ враждующихъ нынѣ классовъ, въ концѣ-концовъ, совпадаютъ.

Эта точка зрѣнія, впервые высказанная авторомъ въ небольшой, но чрезвычайно содержательной брошюрѣ «Über das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung» (1876), есть источникъ и силы, и слабости экономическаго міровоззрѣнія Брентано. Съ одной стороны, она дѣлаетъ мюнхенскаго профессора рѣшительнымъ противникомъ всякихъ скрытыхъ или явныхъ попытокъ воскрешенія отжившихъ формъ хозяйства. Въ противность многимъ соціалъ-политикамъ, боящимся революціоннаго характера капитализма и потому сочувствующимъ консервативному строю мелкаго производства, Брентано всецѣло на сторонѣ капитализма. По этой же причинѣ — вслѣдствіе убѣжденія въ солидарности интересовъ капиталистовъ и рабочихъ — Брентано искренно сочувствуетъ рабочимъ организаціямъ и требуетъ для нихъ самой широкой свободы. Онъ — несомнѣнный и рѣшительный защитникъ экономическаго прогресса и въ этомъ его сила.

Слабость Брентано и всей его школы (среди которой выдѣляется талантливый фрейбургскій профессоръ Шульце-Геверницъ, авторъ переведенныхъ на русскій языкъ интересныхъ работъ «Крупное производство» и «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи») заключается въ чрезмѣрномъ экономическомъ и соціальномъ оптимизмѣ. Стремясь къ «соціальному миру», Брентано усматриваетъ миръ и тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ кипитъ ожесточенная борьба. Картина современной дѣйствительности представляется нашему ученому въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Основной тезисъ Брентано—зависимость соціальнаго прогресса отъ техническаго—заимствованъ у Маркса. Мы счи-

таемъ этотъ тезисъ вѣрнымъ. Но разсматриваемая связь, во-первыхъ, далеко не имѣетъ такого абсолютнаго характера, какъ это принимаетъ Брентано, а во-вторыхъ, она осуществляется лишь путемъ соціальной борьбы. Если интересы капиталистовъ и рабочихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ солидарны (и тѣ, и другіе заинтересованы, напр., въ благопріятныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ производства), то въ другихъ отношеніяхъ интересы тѣхъ и другихъ прямо противоположны. Ученіе Рикардо объ обратной зависимости прибыли и заработной платы совершенно вѣрно, если мы будетъ имѣть въ виду *долю* каждаго общественнаго класса въ національномъ продуктѣ, хотя, разумѣется, сокращеніе *доли* того или иного общественнаго класса можетъ сопровождаться увеличеніемъ абсолютной цѣнности, поступающей въ распоряженіе даннаго класса.

Несмотря на общность нѣкоторыхъ интересовъ предпринимателей и рабочихъ, классовой антагонизмъ продавцовъ и покупателей рабочей силы коренится въ самомъ существѣ наемаго труда и потому исчезнуть никогда не можетъ. Всѣ разсужденія Брентано и его ученика Шульце-Геверница о «соціальномъ мирѣ» выражаютъ лишь благія пожеланія авторовъ, но мало характеризуютъ дѣйствительность. Даже для Англіи, картина соціальнаго прогресса, рисуемая школой Брентано, слишкомъ подслащена и является въ значительной мѣрѣ «насъ возвышающимъ обманомъ», которымъ «соціальные гармонисты» хотятъ заставить читателя забыть о «горькой истинѣ». Классовая борьба въ Англіи нашего времени приняла, правда, болѣе культурныя и цѣлесообразныя формы (рабочіе теперь уже не разрушаютъ машинъ и не поджигаютъ фабрикъ), но не стала отъ этого менѣе энергичной, и условія рабочаго договора, какъ раньше, такъ и теперь, диктуются въ конечномъ счетѣ силой.

М. Туганъ-Барановскій

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРИ ЖЕНСКИХЪ ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ БРУНО СПЕРАНИ.

Съ итальянскаго, переводъ **В. А. Москалевой.**

(*Окончаніе*) *)

Глава XII.

Начало ненависти.

Докторъ Кіаре говорилъ правду: Вирджинія, дѣйствительно, умирала. Впрочемъ, этого нужно было ожидать. Не одинъ разъ, видя, какъ работа въ полѣ утомляла ее и замѣчая, какъ съ каждымъ днемъ она все больше и больше худѣла и слабѣла, крестьяне говорили между собою:

— Не выдержитъ. Помретъ.

А болѣе злые прибавляли:

— Вьючный оселъ будетъ отмщенъ.

Во всякомъ случаѣ, пока она оставалась на ногахъ, казалось, что медленно подходившая смерть еще далеко. Съ весны она стала страшно кашлять и кашель уже не оставлялъ ее. Видно было, что ей съ нимъ до смерти не разстаться. Но работать она не переставала,—ей было страшно оставаться одной дома: на нее тогда нападала страшная тоска; кромѣ того, ей не хотѣлось, чтобы сказали, что у нея чахотка. Она ужасно боялась, что людская справедливость осудитъ ее и стала очень подозрительной; едва она замѣчала, что гдѣ-нибудь двое остановились и разговариваютъ, она подходила ближе и прислушивалась, не говорятъ ли о ней или о ея болѣзни. Если кто-нибудь съ сочувствіемъ или любопытствомъ спрашивалъ ее:

— Какъ ваше здоровье, Вирджинія?

Она быстро отвѣчала:

— Превосходно!

Только докторъ безжалостно говорилъ ей:

— Поберегись, а то будетъ хуже!

---

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь 1901 г.

Понимая прекрасно, что болѣзни отъ врача не скроешь, она сердито возражала:

— Что же мнѣ дѣлать? Работа должна быть сдѣлана, а съ тѣхъ поръ какъ моя невѣстка изъ-за своихъ капризовъ ушла отъ насъ, мнѣ никто не помогаетъ.

Докторъ оставался равнодушенъ и, насмѣшливо улыбаясь, повертывался къ ней спиной.

Напрасно Сандро и Піетро, по прежнему влюбленные въ это чудное тѣло, которое разрушалось, умоляли ее быть осторожнѣе. Она неизмѣнно отвѣчала:

— Мотыга сама собою не станетъ взрыхлять землю. Виноваты тѣ, которые бросили меня одну!

Такимъ образомъ въ простомъ и грубомъ сердцѣ Піетро мало-по малу выростала ненависть къ невѣсткѣ, которую онъ обвинялъ въ томъ, что она внесла разладъ въ семью и отдалила братьевъ другъ отъ друга. Онъ находилъ, что Сандро былъ черезчуръ слабохарактеренъ, черезчуръ неблагодаренъ. Обращать вниманіе на бабью болтовню! Изъ за этого разрушить семейное благополучіе! Этого онъ не могъ ему простить ни въ какомъ случаѣ.

Но когда Сандро пришелъ къ нему и сталъ оказывать всевозможныя услуги, вниманіе, привязанность, старшій братъ съ нимъ примирился, а вся его досада обратилась на Скарамелли и дона Джорджіо Кастеллани, котораго онъ ругалъ самыми послѣдними словами, и который сдѣлалъ такую сумасбродную вещь, какъ снялъ съ себя священническій санъ, чтобы жениться на Кристинѣ. Упоминая объ этомъ Піетро дѣлалъ знаменіе креста, потому что даже упоминаніе о священникѣ, ради женщины совершившемъ смертный грѣхъ, наводило на него ужасъ.

Какъ бы тамъ ни было, но самымъ несчастнымъ изъ трехъ былъ Сандро. У себя дома его брала тоска и мучила совѣсть, когда онъ смотрѣлъ на свою бѣдную жену, по его винѣ потерявшую здоровье. Въ домѣ брата тѣ же мученія совѣсти и кромѣ того постоянный страхъ, что братъ можетъ все узнать. И при всемъ томъ никакого утѣшенія отъ этой проклятой любви, измучившей его душу и отравившей жизнь. Вирджинія не любила его больше. По мѣрѣ того, какъ усиливалась ея болѣзнь, она начинала все меньше и меньше любить. Физическая привязанность, до сихъ поръ такая сильная и упорная, понемногу обратилась въ какую-то манію преслѣдованія. Она требовала, чтобы онъ постоянно былъ подлѣ нея, но только для того, чтобы его мучить. Она продолжительно разглядывала его и находила его огрубѣвшимъ, постарѣвшимъ, неряшливымъ. А при воспоминаніи, что онъ не захотѣлъ пожертвовать ей своей молодой женой, ея любовь обращалась въ ненависть.

Она требовала, чтобы онъ сидѣлъ подлѣ нея и горе ему, если онъ

въ положенный часъ не являлся! Она готова была таскать его за собою, привязаннаго на веревкѣ, какъ большую собаку, чтобы посмѣяться надъ нимъ и позлить его, доказывая всѣмъ, что онъ составляетъ ея собственность, ея вещь и не можетъ отъ нея освободиться. О! если бы Марія не ушла отъ нея! Если бы она могла вонзить въ нее свои ногти, не нашлось бы лучшаго лѣкарства отъ ея болѣзни!

Лихорадочное желаніе повелѣвать и преслѣдовать, находящееся въ глубинѣ сердца каждой женщины,—извращенная реакція долгой, тяжелой и безотвѣтной подчиненности,—достигло у умирающей невозможной крайности.

Сандро чувствовалъ, какъ въ ней усиливалась ненависть къ нему; онъ чувствовалъ это въ ея кошачьихъ ласкахъ, въ ея продолжительныхъ испытующихъ взглядахъ, въ безсвязномъ, раздраженномъ разговорѣ. Не умѣя проникнуть въ головокружительную глубину этой лживой и испорченной натуры, онъ приписывалъ всѣ ея болѣзни ревности, страху смерти, и потому жалѣлъ ее и только больше любилъ.

Но напрасно пытался онъ умилостивить этого ужаснаго врага. Напрасно приносилъ онъ ей бѣлый хлѣбъ, свѣжее масло для каши, молоко отъ козъ. Напрасно тратилъ онъ послѣднія деньги на дорого стоющія лѣкарства, прописанныя магнетизеромъ, лишая себя послѣдней крошки вина, ограничивая пищу своей жены и свою сухой полентой утромъ и вечеромъ, а въ праздничные дни небольшимъ количествомъ похлебки, едва приправленной каплей льняного масла. Напрасно дѣлалъ онъ все, что только могъ сдѣлать бѣдный крестьянинъ. Ничто ее не радовало.

Вирджинія принимала подарки, требовала жертвъ, но не говорила ему ни одного дѣйствительно ласковаго слова. Если въ глубинѣ ея сердца и вспыхивала иногда какая-нибудь искорка прежней страсти, то это была только мимолетная вспышка потухавшаго огня, быстро исчезавшая при малѣйшемъ взрывѣ гнѣва или возвращеніи дурного расположенія духа. А если не было ни взрывовъ гнѣва, ни проявленій дурнаго расположенія духа, то появлялись приступы кашля, продолжительные обмороки, отнимавшіе у бѣднаго Сандро послѣднюю надежду.

При первой возможности она снова начинала свои вѣчныя жалобы. Онъ виноватъ, что она впала въ такое состояніе! Зачѣмъ онъ измѣнилъ ей, покинулъ ее! Онъ виноватъ, что она ему надоѣла и онъ увлекся своей молодой женой и захотѣлъ добить ее такимъ образомъ! О! Онъ вѣдь порядочный трусъ! Почему онъ ей сразу не сказалъ! Она бы поняла, покорилась бы, не стала бы ничего требовать. Чего онъ боялся? Чтобы она не заставила его силой...

Сандро не въ силахъ былъ выслушивать подобныя вещи и умолялъ ее замолчать, перестать. Развѣ онъ не просилъ у нея прощенія? И сколько разъ... Сколько разъ она обѣщала ему простить все и никогда объ этомъ не упоминать! Да, это правда, онъ былъ слабохарак-

теренъ, но не потому, какъ она полагаетъ, что влюбился въ свою жену,—бѣдная Марія, такая красивая и такая молодая, она ему никогда не нравилась,—но просто изъ сожалѣнія, видя, какъ она худѣла и блѣднѣла, и еще потому, что онъ все разсказалъ на исповѣди и донъ Джорджіо тронулъ его сердце. Конечно, слабость характера. Но все же онъ не заслуживалъ, чтобы его до такой степени мучили и презирали. Развѣ онъ не вернулся къ ней очень скоро? Развѣ онъ не подвергался невѣроятнымъ опасностямъ? Развѣ онъ не нарушилъ клятвы, данной передъ Богомъ, развѣ онъ сдержалъ обѣщанія, данныя женѣ и священнику? Чего же еще она отъ него хочетъ? Пусть скажетъ, онъ на все готовъ. Но пусть только перестанетъ мучить его и себя!

И бѣдный малый, бывшій солдатъ, волосы котораго начинали сѣдѣть, плакалъ, плакалъ, какъ ребенокъ. Въ свою очередь, она не знала, какъ его успокоить, и повертывалась къ нему спиною, закрывая уши руками, чтобы не слышать. И вдругъ разомъ набрасывалась на него.

Скажите! О, онъ совсѣмъ не трусъ, онъ честный человѣкъ! Онъ пошелъ въ церковь спасать свою душу и принялся болтать о своихъ и чужихъ дѣлахъ и пустилъ дурную славу о замужней женщинѣ,—*своей настоящей женѣ*, какъ онъ, бывало, говорилъ въ минуты восторга, когда онъ дѣйствительно любилъ ее. И кому же онъ разсказалъ все,—сплетнику попу, который разболталъ это всѣмъ! О да! Онъ честный человѣкъ... Пожалѣлъ свою жену и каялся въ томъ, что измѣнилъ ей!.. Ну, уходи, уходи же разъ навсегда, уходи къ своей Скарамелли!..

Онъ хвастается тѣмъ, что вернулся!.. Ха! ха! ха! Есть чему посмѣяться. Неужели онъ не помнитъ, какъ онъ вернулся?.. Его звалъ, приглашалъ этотъ добрякъ Піетро, который не могъ жить, не видя его, и которому нуженъ былъ помощникъ, чтобы вскопать большое поле! А разъ онъ пришелъ въ домъ, имъ пришлось оставаться однимъ, сидѣть рядомъ, и въ немъ возродилось желаніе снова обладать ею; всѣ вѣдь мужчины на одинъ ладъ!.. А она, она, которая его дѣйствительно любила, была такъ взволнована, что у нея не хватило силъ ни закричать, ни позвать на помощь, и она уступила ему... Какъ она потомъ плакала! Развѣ онъ забылъ?.. О! Этого никогда не было! Никогда не было!..

Ужасный припадокъ кашля прервалъ ее; кашель смѣнился мучительными рыданіями, или, лучше сказать, конвульсіями, отъ которыхъ она совсѣмъ посинѣла. Можно было думать, что она сейчасъ умретъ, но она не сдавалась. Едва прошелъ припадокъ, она еще была страшно блѣдна и вся дрожала, на глазахъ еще стояли слезы, лицо было въ пятнахъ, губы покрыты пѣной, какъ она снова принялась, заглушеннымъ голосомъ, за свои вѣчныя и грубыя обвиненія. Вотъ до чего онъ довелъ ее!.. Можетъ смѣло хвастаться, что убилъ ее.

Да! да! Онъ и Скарамелли убили ее!.. Да! да! оставить ее такимъ

образомъ, значило осудить ее на эту невыносимую работу, разрыхлять землю мотыкой, полоть рисъ, стоя по колѣни въ водѣ, ее, которая къ этому совсѣмъ не привыкла! Да еще подъ этимъ солнцемъ, которое жгло, какъ огонь. И тутъ же людская злоба, насмѣшки, шутки, когда она утомлялась! Что она тогда выносила, она одна можетъ сказать. И все это потому, что онъ сдѣлалъ ее басней всего округа. О, эти негодныя бабы, что только онѣ говорили, думая, что она не слышитъ!..

Такъ-то она нажила себѣ болѣзнь, такъ-то она получила воспаленіе,—какой огонь жегъ тогда ея грудь; досада измучила ее; постоянный потъ ослабилъ ее и далъ ей этотъ проклятый кашель! И все это изъ-за него и изъ-за его драгоцѣнной жены. Нашлись же такіе, которые говорятъ, что у нея всегда было расположеніе къ чахоткѣ. Нашли что! Имъ больше нечего выдумывать!.. У нея, всегда такой бѣлой, розовой и полной, у нея хотятъ найти чахотку!.. Негодяи!.. Дѣйствительно, она была нѣжна, да, нѣжна, она не родилась грубой мужичкой, какъ онѣ. Ея положеніе по рожденію выше, и всегда она жила въ господскихъ домахъ, тамъ ее обожали и баловали... На свое несчастье она попала въ этотъ собачій уголъ... Сгнить здѣсь... Боже Боже! Умереть!.. Кончить!.. Умереть... такъ..- И никто не хочетъ спасти ее... Никто!..

Вторичный припадокъ отчаянія, сопровождаемый сильнымъ удушливымъ кашлемъ, заставилъ ее, наконецъ, замолчать. Она лежала, вытянувшись на простой скамьѣ подлѣ очага и среди ея чудныхъ русыхъ волосъ, собранныхъ на затылкѣ большимъ, мягкимъ и волнистымъ узломъ, красиво выдѣлялось ея блѣдное личико, отмѣченное печатью смерти.

Когда конвульсивныя рыданія прекратились, она стала плакать тихо, будто маленькая дѣвочка, обиженная людскою несправедливостью.

Сандро не уставалъ любоваться ею, и, забывая всѣ оскорбленія, готовъ былъ отдать половину своей жизни, чтобы возвратить здоровье этому обожаемому тѣлу.

Время между тѣмъ проходило, становилось поздно, ему нужно было уходить, сердце его сжималось и голова горѣла, когда ему приходилось выпрашивать поцѣлуй, въ которомъ ему часто отказывали.

Глава XIII.

Разложеніе.

Сухое лѣто этого года, обезсиливающій зной, постоянный потъ, недостаточно питательная пища усилили болѣзнь и довели Вирджинію до такой слабости, что она уже не въ силахъ была выйти изъ комнаты. И мало-по-малу слабость ея настолько усилилась, что она уже не поднималась съ постели.

Ея злоба и вѣчные упреки и жалобы сдѣлались за послѣднее время еще настойчивѣе и невыносимѣе. У нея появилось полное отвращеніе къ Сандро. Это отвращеніе, уже не прерывавшееся возвратами страсти, питало глухую ненависть. Нравственное и физическое разложеніе шло быстрыми шагами.

Что касается Піетро, то этотъ слѣпой свидѣтель измѣны и долгихъ страданій измѣнника, простой, честный, здоровый малый былъ неспособенъ подозрѣвать брата и весьма нечувствителенъ къ заразѣ чахотки; но за то онъ быстро поддался заразѣ нравственнаго разложенія. И глухое неудовольствіе у него быстро обратилось въ свирѣпую ненависть, напоминавшую бѣшенство звѣря, понюхавшаго крови. Внѣшнія обстоятельства добавили еще къ роковому развитію этого ужаснаго чувства.

Онъ не возненавидѣлъ бы своего брата, если бы Скарамелли была тутъ у него на глазахъ, доставляя ему возможность срывать на ней свою злобу. Память о давней привязанности, признательность за оказываемыя ему ежедневныя услуги неминуемо ослабили бы въ немъ приливъ ядовитой злобы.

Но другого врага подъ руку не подвертывалось, по близости не находилось никакого козла отпущенія и его раздраженіе расло, расло до такой степени, что стало невозможно, чтобы человѣкъ грубый, страстный, растерявшійся передъ постигшимъ его несчастіемъ, могъ удержаться и не излить его на кого-нибудь. Внѣшній видъ его тоже очень быстро и очень печально измѣнился. Онъ отличался прежде высокимъ ростомъ, широкими плечами, красивой и твердой походкой; лицо его обрасло густой бородой, а прямой лобъ красивой и строгой линіей окаймлялъ цѣлый лѣсъ черныхъ волосъ,—и всѣ эти признаки силы и здоровья съ каждымъ днемъ все больше и больше исчезали, и дюжій, крѣпкій мужикъ обращался въ вялаго неповоротливаго толстяка.

Одинъ изъ самыхъ утомительныхъ и знойныхъ іюльскихъ дней склонялся къ вечеру; въ низкой каморкѣ, подъ черепичной кровлей, раскаленной до невозможности, Вирджинія лежала на пуховикѣ,—составляющемъ честолюбивую мечту всѣхъ ломбардскихъ крестьянъ. Ея вспотѣвшее тѣло прилипало къ пуховику и она безпокойно ждала какого-нибудь благодѣтельнаго человѣка, который бы помогъ ей приподняться.

Сандро, занятый порученіями своего хозяина, цѣлый день не показывался, а Піетро окучивалъ корни кукурузы, подъ которой только что кончили взрыхлять землю. Сосѣди, мало заботившіеся о Вирджиніи, отговаривались подъ разными предлогами. Она на всѣхъ одинаково изливала свой мучительный гнѣвъ и всѣхъ одинаково проклинала:

— Проклятые! Чтобы вамъ всѣмъ сдохнуть!.. Чтобы солнце всѣхъ васъ наконецъ спалило.

Но за пароксизмомъ гнѣва послѣдовалъ такой упадокъ силъ, что она должна была лежать неподвижно, ни о чемъ не думая, ничего не желая, въ продолжительномъ онѣмѣніи. Тутъ можно было замѣтить, какъ страшно она исхудала, это былъ настоящій скелетъ. Красивая овальная форма лица исчезла и оно сдѣлалось длиннымъ и узкимъ, съ огромными глазами и большимъ ртомъ. Однако, нужно замѣтить, что эти глубокіе глаза чахоточной, эти пылающія щеки, масса волосъ, бѣлые зубы придавали ей особую красоту.

Солнце наконецъ совсѣмъ скрылось среди обычнаго вечерняго тумана. По полямъ пробѣжалъ легкій вѣтерокъ и въ каморку больной проникла нѣкоторая свѣжесть. Но она ее не облегчила; по всему тѣлу у нея вдругъ выступилъ холодный потъ и сильный ознобъ охватилъ ее.

Небольшая лѣсенка, которая вела изъ кухни въ ея каморку и закрывалась опускною дверью, заскрипѣла подъ тяжелыми шагами и надъ поломъ показалась большая голова и согнутыя плечи Піетро. Когда онъ подошелъ къ постели, Вирджинія собиралась бранить его, но не произнесла ни слова, замѣтивъ его разстроенный видъ и глаза, напухшіе отъ слезъ. Ея равнодушіе эгоистки и больной было потрясено этимъ невыразимымъ отчаяніемъ.

— Что съ тобою?—прошептала она.

Онъ хотѣлъ отвѣчать, но слова не шли съ языка, и только въ горлѣ слышалось какое-то клокотаніе. Почти упавъ на скамейку, стоявшую подлѣ постели, онъ съ трудомъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Хозяинъ посылалъ за мной. Онъ отнимаетъ у меня землю!.. Онъ уже заключилъ условіе съ Джіованни Капеллы изъ Гу, у котораго два взрослыхъ сына и четыре подростка!..

Онъ замолчалъ, у него не было силъ объяснять такой краснорѣчивый фактъ. Вирджинія первую минуту была ошеломлена, но затѣмъ съ грустнымъ цинизмомъ она произнесла свистящимъ голосомъ:

— На святого Мартына меня здѣсь больше не будетъ!

— Развѣ тебѣ уже объ этомъ говорили?—вырвалось у Піетро.

— Кто? Докторъ?! Значитъ, это правда?.. Я умру?!..

Ея голова, поднять которую у нея хватило достаточно энергіи, какъ бы желая избѣжать грубаго удара, ея бѣдная, исхудавшая голова, будто мертвая, тяжело свалилась на подушки.

Піетро почти не слышалъ, что она говорила, но все же, сознавая ужасъ положенія, сидѣлъ, открывъ ротъ, испуганный, растерянный, согнувъ спину, склонивъ подбородокъ на грудь, опустивъ руки. Онъ не въ силахъ былъ ни говорить, ни думать.

Наступила ночь. Въ маленькой каморкѣ, тѣсно, заставленной двуспальной кроватью, комодомъ и старымъ платянымъ шкапомъ, тѣни сгустились. Въ комнаткѣ рядомъ, гдѣ прежде помѣщались Сандро и Марія, теперь жила одна молодая женщина, недавно пріѣхавшая въ

Валь-Мишіа; напѣвая однообразную пѣсенку она убаюкивала своего первенца.

Мало-по-малу Піетро пришелъ въ себя; изъ угнетеннаго состоянія, въ которое бросили его эти два неожиданныхъ удара, отчетливо выдѣлилось ужасное сознаніе огромнаго несчастія, угрожавшаго ему. Двѣ разлуки, одинаково для него мучительныя, предстояли ему,—двѣ невозвратимыя потери: большой и плодородный участокъ земли, который онъ съ такою любовью воздѣлывалъ, и красивая, мужественная хозяйка и жена, — все, что у него было самаго дорогого въ жизни! Еще нѣсколько мѣсяцевъ и онъ долженъ будетъ уйти изъ этого дома, который онъ такъ любилъ, потому что поселился въ немъ еще ребенкомъ, вмѣстѣ со своей многочисленной и сильной семьей, умѣвшей предохранить себя отъ нужды и нищеты; уйти отсюда неизвѣстно куда, не имѣя ни гроша, обремененный долгами и одинокій, потерявъ жену, свою дорогую Вирджинію!..

Почти противъ воли мысли его перешли на брата, покинувшаго его и, по его мнѣнію, бывшаго главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдъ.

Снова заскрипѣла лѣсенка и въ отверстіи показалась голова мужчины.

— Вотъ онъ! — проговорила Вирджинія, вся трясясь. — Вотъ онъ. Злой духъ твоего дома, мой бѣдный Піетро!

Смущенный словами Вирджиніи и тѣмъ особеннымъ удареніемъ, съ которымъ она ихъ произнесла, Піетро вздрогнулъ, но промолчалъ. Сандро вошелъ какъ обыкновенно, выражая свое участіе и извиняясь въ невольномъ промедленіи.

Старшій братъ, едва обмѣнявшись нѣсколькими необходимыми словами, ушелъ; нужно было перемѣнить подстилку у скота и задать ему кормъ, и онъ пользовался случаемъ, пока подлѣ Вирджиніи кто-нибудь есть.

Оставшись одна со своимъ возлюбленнымъ, она закричала, задыхаясь отъ рыданій:

— Уходи прочь!.. Я умру... А ты будешь жить... Уходи прочь... Я тебя ненавижу...

Глава XIV.

Возмездіе.

Заря едва занималась на туманномъ небѣ. Надъ полемъ, побитомъ градомъ, проносился холодный вѣтеръ, будто ноябрскій. Весь и безъ того плохой урожай дурного года былъ въ одинъ мигъ уничтоженъ. Такъ кончилось это ужасное лѣто!

При первыхъ лучахъ свѣта женщины повыходили изъ своихъ домишекъ, гдѣ онѣ провели всю ночь на колѣняхъ передъ святыми образами, сжигая масляничныя вѣтви, принесенныя домой и сохранявшіяся

съ вербнаго воскресенья, зажигая освященныя свѣчи. Однѣ плакали; другія, казалось, одурѣли; мало у кого хватало духу говорить, высказываться. Мужчины обходили поля при слабомъ свѣтѣ, подгоняемые послѣднею надеждой, которая понемногу улетучивалась.

— Все! все!.. Въ полномъ смыслѣ все! — слышались отчаянныя восклицанія.

Кукуруза, поднявшаяся было уже довольно высоко, казалось, была избита палками, конопля была изломана въ куски и разбросана далеко по ту сторону выступившихъ изъ береговъ каналовъ, такъ какъ вслѣдъ за градомъ полилъ страшный ливень. Рисъ, поспѣвшій-было уже и ожидавшій сбора, погибъ окончательно.

Всѣхъ ожидалъ печальный годъ, голодный и мучительный. Оставалось одно средство не умереть съ голоду—это хозяйскіе задатки, то-есть пустить къ себѣ въ домъ нищету и невозможность оправиться, кто знаетъ, въ теченіе какого рядъ лѣтъ.

Одинъ пожилой уже мужчина, загорѣлый и сѣдой, замѣчательный работникъ, у котораго на рукахъ была большая семья, безсознательно схватился за волосы, почти обезумѣвъ. Сыновья Мерони и Мелики толковали о томъ, что нужно эмигрировать. Остальная молодежь угрюмо и внимательно слушала ихъ. Но бабы сердились слыша подобныя рѣчи.

— Кто здѣсь останется, тому придется ѣсть траву, подобно коровѣ!—сказалъ старый Мелика, отецъ несчастной Джуліи.

Нѣкоторые давали выходъ своему раздраженію, разсыпая колотушки дѣтямъ, которые, полуголые, бѣгали по грязи и собирали початки кукурузы съ поломанныхъ стволовъ, чтобы испечь ихъ на горячихъ угольяхъ.

Кое гдѣ еще можно было найти градины, дававшія отчасти понятіе о величинѣ зеренъ выпавшаго града; принимая во вниманіе что, находимыя градины отчасти растаяли, можно было предположить что, ихъ настоящая величина была не менѣе крупнаго грецкаго орѣха.

На зарѣ прибѣжалъ арендаторъ, выпуча глаза, взбѣшенный; онъ попытался-было свалить отчасти вину на поселянъ, которые не поторопились собрать совсѣмъ поспѣвшій и даже ложившійся отъ тяжести рисъ, будто распоряженіе не отъ него зависѣло! Но Мелика, худой, старый, пригрозилъ задушить этого нахала, если онъ не перестанетъ. Пусть себѣ выгоняетъ! Все равно, гдѣ ни умирать съ голоду!

Солнце, едва выглянувъ, спряталось за черными тучами, предвѣщавшими бурю.

— Вслѣдъ за полемъ туда же дорога и дому,—говорили нѣкоторые, намекая на возможность того, что окружающія ихъ рѣчки выступятъ изъ береговъ и затопятъ ихъ жилища.

Постепенно приходили грозныя извѣстія изъ сосѣднихъ деревень. Потери были громадныя. Буря захватила огромный районъ, пропустивъ нѣкоторыя мѣстности, а другія только слегка захвативъ; преимущественно

же она ожесточилась противъ «острова». Большой участокъ Рамполди былъ особенно попорченъ, не осталось ни кусочка живого; буквально ничего! Превосходный привѣтъ для послѣдняго года.

— Какъ только уберется этотъ скелетъ, Піетро придется эмигрировать,—сказалъ сынъ Мелики, котораго такъ занималъ вопросъ объ эмиграціи.

— Убирайтесь куда хотите, хоть къ самому дьяволу въ адъ,—злобно проворчалъ арендаторъ.

— Но гдѣ же Піетро?—спросилъ какой-то крестьянинъ, поле котораго граничило съ участкомъ Рамполди.

— Онъ еще не показывался,—отвѣтилъ другой.

Онъ все не приходилъ... Неужели онъ не слышалъ всего этого шума?

— Окно у него отворено, — сказала одна молодая дѣвушка, пришедшая съ той стороны,—но самого его не видать.

Нунціата Мерони прибѣжала на границу большого участка, засѣяннаго кукурузой, по которому, казалось, всю ночь галопировалъ во всѣ стороны цѣлый кавалерійскій полкъ.

— Вирджинія умерла!—закричала она почти весело, и прибавила вполголоса,—вотъ будетъ-то доволенъ вьючный оселъ!...

— А ты, когда ты-то окачуришься, вѣдьма? — раздался голосъ, который всѣ узнали; это былъ голосъ стараго Мелика.

Совершенно неожиданно подлѣ нихъ вдругъ очутился Піетро Рамполди, будто изъ подъ земли выросъ. Всѣ замолчали. Даже Мерони не осмѣлилась отразить дерзость стараго Мелики.

Піетро былъ неузнаваемъ. Онъ сразу постарѣлъ, его широкія плечи будто съузились, шелъ онъ прямо, прижимая колѣни, какъ автоматъ. Лицо его было землистаго цвѣта, губы почернѣли; онъ бросалъ дикіе взгляды изъ подъ зажмуренныхъ глазъ. Въ шапкѣ его черныхъ,всклокоченныхъ волосъ серебрились цѣлыя пряди, которыхъ прежде у него никто не замѣчалъ. Въ рукахъ у него были вилы, которыми онъ выносилъ навозъ изъ хлѣва. Онъ молча смотрѣлъ на разоренное поле. Замѣтивъ обращенные на него взгляды, онъ вдругъ сразу набросился на Мелика, схватилъ его за руку и закричалъ дикимъ голосомъ, отъ котораго у присутствующихъ дрожь пробѣжала по жиламъ.

— Чего вы такъ на меня смотрите?

Не ожидавшій нападенія старикъ растерялся. Это еще что за новости?.. Вотъ еще!.. Развѣ на него запрещено смотрѣть?

— Они задушатъ одинъ другого,—проговорила Мерони въ лихорадочномъ ожиданіи.

Піетро молча повернулся, поглядѣлъ кругомъ, вытаращивъ глаза, и наконецъ произнесъ:

— Я вамъ долженъ сказать, что сегодня умерла моя жена!.. Сегодня ночью, во время бури и страшнаго грома!.. Это большое для меня несчастье!

Сказавъ это, онъ снова обвелъ всѣхъ глазами, испытующе приглядываясь къ лицамъ, на которыхъ мелькало неуловимое выраженіе насмѣшки. Кое-кто вздохнулъ; одна-двѣ женщины вполголоса проговорили: «Бѣдный!.. Конечно!..» Но всѣ остальные склонили головы, чтобы не выдать злораднаго выраженія своихъ глазъ.

— Лучше взгляните на вашу землю!—сказалъ Мелика, не будучи въ силахъ удержаться,—не въ женщинахъ будетъ нужда, а въ кукурузѣ; всѣмъ намъ плохо придется въ этомъ году!

— Правда! Правда!—произнесъ Піетро глухимъ голосомъ,—а мнѣ еще будетъ недоставать моей бѣдной жены.

— Есть о чемъ плакать! Найдется другая на ея мѣсто.

— Да, но такой уже не будетъ.

— За это можно ручаться!

Слегка насмѣшливый тонъ этихъ словъ не обратилъ вниманія толпы крестьянъ, но проходившій въ эту минуту мимо арендаторъ не утерпѣлъ и засмѣялся въ лицо Піетро, который не обратилъ на это никакого вниманія, повернулся и молча ушелъ по направленію къ своему дому. Зайдя въ хлѣвъ. онъ поодиночкѣ осмотрѣлъ коровъ, будто хотѣлъ запечатлѣть въ памяти всѣ ихъ примѣты. Черной коровѣ, которая съѣла весь свой кормъ, онъ подложилъ еще свѣжаго сѣна и машинально похлопалъ ее по спинѣ. Затѣмъ подошелъ къ воламъ, подложилъ сѣна и тѣмъ, такъ чтобы имъ хватило корму на весь день. Сложивъ вилы, онъ вышелъ и заперъ дверь и отправился въ огородъ, откуда и прошелъ въ кухню черезъ небольшую дверь. Въ кухнѣ было темно и царствовалъ страшный безпорядокъ, потому что прошло уже довольно много времени, какъ ни одна женская рука не притрогивалась къ ней. Онъ ничего не замѣтилъ,—онъ успѣлъ къ этому привыкнуть.

Снявъ со стѣны старое одноствольное ружье, которое годъ тому назадъ братъ ему подарилъ, онъ осмотрѣлъ его и прочистилъ. И совершенно спокойно, вполнѣ хладнокровно вынулъ изъ ящика въ посудномъ шкафу все нужное для заряда, пороху тамъ оказалось только на одинъ зарядъ. Въ глазахъ его сверкнуло удовольствіе и онъ заботливо принялся заряжать ружье. Окончивъ, онъ поднялся въ комнату, гдѣ лежала покойница. Его чрезвычайное спокойствіе видимо оставило его, когда, поднявшись въ опускную дверь, онъ инстинктивно взглянулъ на постель, на которой лежала Вирджинія, похожая скорѣе на спящую, чѣмъ на мертвую. Онъ вздрогнулъ и оступился.

— Чор...! Чуть не спустилъ курка,—проговорилъ онъ, вздрагивая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по каморкѣ, не спуская глазъ съ покойницы, и остановился у окна, вдыхая свѣжій воздухъ; грудь его давила такая тяжесть, что онъ не въ силахъ былъ продохнуть. Погода видимо хотѣла измѣниться,—сильный вѣтеръ разгонялъ тучи и утреннее солнце окрашивало небо въ розовый цвѣтъ. Многіе поселяне,

склонивъ голову, опустивъ руки, возвращались домой, а другіе, будто сумасшедшіе, метались по полямъ.

Піетро отошелъ отъ окна и, шатаясь, снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Лицо его было земляного цвѣта, глубокія морщины образовались подъ глазами и спускались къ носу. Его била лихорадка и въ горлѣ пересохло. Онъ отыскалъ ведро съ водой, которое принесъ туда ночью, оно было почти полно; поднеся его ко рту, онъ принялся жадно пить. Дышать стало легче, но ноги его отяжелѣли и колѣни сгибались отъ усталости. Ему захотѣлось присѣсть и онъ сѣлъ на соломенный стулъ, стоявшій подлѣ постели съ той стороны, съ которой онъ спалъ, и прислонился къ постели лѣвымъ плечомъ, держа ружье въ правой рукѣ. Покойница, которая въ бреду ночью крѣпко къ нему прижималась, склонилась совсѣмъ въ его сторону и такъ близко, что ему казалось, что онъ чувствуетъ ея прикосновеніе, какъ въ тотъ ужасный часъ. Онъ содрогнулся. Горе давило его и онъ спряталъ лицо въ подушки и заплакалъ. Слезы медленно текли по подушкѣ и образовали большое пятно на постельномъ бѣльѣ.

— Вирджинія!.. Моя Вирджинія!—безсознательно повторялъ онъ.

Вдругъ его будто что-то толкнуло; онъ посмотрѣлъ на покойницу близко-близко, и все больше и больше присматривался къ ней, глаза ея расширились и сдѣлались стеклянными, длинныя рѣсницы едва ихъ прикрывали. Не отдавая себѣ отчета, онъ почувствовалъ, что она попрежнему хороша, наклонился къ ней и поцѣловалъ ее. О! Какая она холодная! И снова слезы потекли по его лицу. Онъ сталъ всматриваться въ ея глаза,—мертвые, неподвижные, они имѣли ужасное выраженіе. Эти глаза, казалось, говорили:

— Убей его! Убей!—подобно тому, какъ въ бреду агоніи это повторяли ея губы.—Убей его! Это злой духъ твоего дома!.. Онъ измѣнилъ тебѣ, тебѣ, своему родному брату!.. Я?.. Я?.. Да, прости меня!.. Онъ любилъ меня... я уступила... Прости меня! Я всегда любила тебя одного, всегда!.. Убей его, этого пса!.. Убей его, мы оба измѣняли тебѣ.

Піетро повторялъ про себя эти ужасныя слова. Ему казалось, что онъ снова ихъ слышитъ среди страшнаго молчанія маленькой каморки. Онъ думалъ, что она умерла въ грѣхѣ, думая только о мести, угасающимъ голосомъ повторяя ему эти слова, «убей его». Несомнѣнно, окаянная грѣшница! Ея бѣдная душа должна уже находиться въ аду, въ вѣчномъ огнѣ. Онъ также собирается совершить окаянный грѣхъ. Что, если они тамъ встрѣтятся...

Но вѣдь и тотъ тоже долженъ туда попасть!.. Онъ затѣмъ и хотѣлъ убить его сразу, чтобы онъ не имѣлъ времени покаяться. О! ружье хорошо, а онъ умѣетъ цѣлиться.

Онъ сидѣлъ противъ опускной двери. Одинъ только выстрѣлъ, единственный! Бѣда, если промахнется! Но нѣтъ, рука у него крѣпкая, выстрѣлъ непремѣнно попадетъ въ цѣль.

Сегодня воскресенье и Сандро придетъ скоро; онъ знаетъ, что Вирджиніи было очень плохо. Онъ еще поторопится, чтобы узнать, какой вредъ принесъ градъ. Кромѣ того, ему могутъ сказать о смерти Вирджиніи и онъ прибѣжитъ взглянуть на нее и поцѣловать ее въ послѣдній разъ.

— Песъ!.. Убійца!.. Цѣловать мою жену! Отнять у меня послѣднюю радость!—И затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, бросить меня съ этимъ большимъ участкомъ земли на рукахъ, зная, что одинъ я не справлюсь съ работой. Отнять у меня послѣднюю утварь подъ предлогомъ, что нужно раздѣлиться!.. Собака!.. Нѣтъ. Каинъ!.. Ты умрешь, не успѣвъ произнести «Іисусе», и будешь вѣчно горѣть въ огнѣ.

Зубы его стучали, глаза налились кровью, грудь высоко поднималась. Внутри его бушевала такая буря, что онъ невольно соскочилъ съ мѣста.

— Иди же! Иди скорѣе!

Все еще никого. Онъ свалился на стулъ, стараясь сдерживаться и терпѣливо ждать. Долгое ожиданіе не ослабитъ его. Тѣмъ пріятнѣе будетъ месть. Этотъ Іуда навѣрное придетъ утромъ... непремѣнно придетъ. Никто не подозрѣваетъ, что Піетро хочетъ сдѣлать ему зло, никто не предупредитъ его. Онъ придетъ, какъ всегда, со своей выправкой солдата и лицомъ обманщика.

Неужели они братья?.. Братья!.. Онъ давно уже привыкъ видѣть только врага въ этомъ человѣкѣ. Онъ его ненавидѣлъ. Онъ убьетъ его, какъ вредное животное. Онъ не скажетъ ему ни слова, а только выстрѣлитъ, и «аминь». Онъ взглянулъ на покойницу, будто спрашивалъ ея одобренія. Взглядъ его выражалъ столько любви и тоски. Ему даже не приходила въ голову мысль, что она могла быть главной виновницей.

Способность осязательно воспроизвести въ умѣ какой-нибудь сообщенный, но не наблюдаемый фактъ, такъ сильно развитая у нѣкоторыхъ, совсѣмъ отсутствовала или была весьма слаба у этого несчастнаго человѣка. Образъ этой женщины, здоровой, цвѣтущей, въ страстномъ порывѣ лежащей на груди его брата, этотъ образъ, способный свести съ ума всякаго другого при подобныхъ обстоятельствахъ, еще не отразился въ его умѣ, смутно и медленно соображавшемъ. Память не лучше служила ему въ этомъ случаѣ, онъ не помнилъ ни кокетства, ни улыбочекъ, ни вызывающихъ жестовъ красивой женщины въ присутствіи родственника. Несомнѣнно, онъ просто не обращалъ на такія вещи вниманія, видимо, онъ не понималъ ихъ. Съ другой стороны, пораженный послѣдними происшествіями и упорною ненавистью умирающей къ ея соумышленнику, Піетро никакъ не могъ разобрать скрытыхъ подъ явными причинами психологическихъ и физіологичесихъ поводовъ этой неумолимой ненависти.

Для него вся вина его жены заключалась только въ ея чрезвы-

чайной слабости; онъ иначе не представлялъ себѣ Вирджинію, какъ борющеюся и падающею жертвой настоящаго насилія. Переходъ отъ этого нравственнаго убѣжденія къ полнѣйшему оправданію обольстительнаго созданія, нѣжныя ласки котораго никогда уже больше не будутъ веселить его тяжелую жизнь, былъ не долгъ. Нѣкоторымъ образомъ его чувства были незамѣтнымъ движеніемъ души, смутнымъ проблескомъ сознанія и, можетъ быть, они способствовали къ обостренію его ненависти къ измѣннику и укрѣпленію рѣшимости отмстить. Въ сущности у него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, ни малѣйшей неувѣренности на этотъ счетъ.

Умъ его уже давно былъ къ этому подготовленъ, только инстинктивное отвращеніе къ человѣкоубійству и остатокъ братской привязанности до сихъ поръ удерживали его. Но послѣ признанія Вирджиніи, когда братоубійство представилось ему ясно, подъ вліяніемъ лихорадочной жажды мести, когда злоба его быстро усиливалась и дошла до свирѣпости, онъ не почувствовалъ ни удивленія, ни ужаса, до такой степени совѣсть его привыкла смотрѣть на это преступленіе, какъ на неизбѣжное и поэтому справедливое. Однако, прежде чѣмъ совершить задуманное, онъ попробовалъ поискать доказательствъ и нашелъ ихъ въ насмѣшливыхъ взглядахъ и двусмысленныхъ намекахъ сосѣдей. Онъ убѣдился, что они смѣялись надъ его безграничнымъ довѣріемъ, что Сандро во всякомъ случаѣ отдалъ его на общее посмѣшище и глумленіе, и ненависть его расла и расла.

Большіе стѣнные часы показывали десять минутъ девятаго, когда онъ со своего мѣста увидалъ въ окно Сандро, вышедшаго изъ-за шелковичныхъ деревьевъ и направлявшагося къ тропинкѣ, которая вела въ небольшой огородъ Піетро. Сандро по своему обыкновенію шелъ тихо, поднявъ голову. Видъ у него былъ серьезный, но не особенно разстроенный. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Мерони. Посмотрѣвъ на него пристально, она сказала:

— Ваша невѣстка сегодня ночью умерла!

Несчастный Сандро поблѣднѣлъ и съ большимъ усиліемъ проговорилъ:

— Умерла?!.. Умерла?!..

Онъ старался сдержать рыданія, чтобы не дать ихъ замѣтить старухѣ, коварно и насмѣшливо смотрѣвшей на него.

Мало-по-малу это первое горе уступило мѣсто смутному чувству облегченія и освобожденія, сознаніе это было сначала очень неясно и нерѣшительно, но понемногу становилось яснѣе и онъ подумалъ:

— Бѣдная Вирджинія! Умереть такъ рано, въ двадцать восемь лѣтъ! Бѣдняжка, я тебя очень любилъ и никогда, никогда не забуду!..

Онъ былъ вполнѣ искрененъ. Но рядомъ съ высказываемымъ имъ сожалѣніемъ внутренній голосъ шепталъ ему вкрадчивое утѣшеніе: «Нечего приходить въ отчаяніе! Ей слѣдовало умереть, она была слиш-

*

комъ больна!.. Кто знаетъ, что бы ей пришлось вынести въ эту зиму при бѣдности, которая ждетъ всѣхъ. Она хорошо сдѣлала, что умерла, хорошо для себя... и... для другихъ».

Онъ вдругъ испугался и попробовалъ заглушить назойливый голосъ. Но внутреннее облегченіе, чувство освобожденія съ каждой минутой становилось все яснѣе, живѣе и навязчивѣе. Страсть, такъ много заставлявшая его страдать, умерла вмѣстѣ съ красивой женщиной; обаяніе, исходившее изъ этого тѣла, застыло вмѣстѣ съ нимъ, разсѣялось въ царствѣ тѣней.

...О да! Она хорошо сдѣлала, что умерла!..

Бѣдная Марія наконецъ-то отдохнетъ. Они снова поселятся съ Піетро... и Марія будетъ теперь довольна... Они будутъ работать съ любовью и согласно... какъ прежде... Станутъ понемногу откладывать деньги на черный день... Марія, можетъ, поздоровѣть...

. . . .

Какое счастье, что Піетро ничего не подозрѣвалъ. Теперь можно начать какъ бы новую жизнь... Можно забыть...

. . . .

Эти обрывки мысли, произведеніе медленно работающаго ума, принимали все большіе и большіе размѣры и быстро созрѣвали, Но когда онъ вошелъ въ огородъ, многочисленные образы и воспоминанія его долгой любви бурно осадили его и мудрые совѣты разума и эгоизма постыдно примолкли.

Вотъ тутъ, подлѣ колодца, они первый разъ встрѣтились восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ только-что отбылъ срокъ военной службы, а она едва десять мѣсяцевъ была замужемъ. Какъ она была хороша! Кожа ея была нѣжна и бѣла, подобно нѣкоторымъ цвѣткамъ съ жирными лепестками, которыми онъ любовался въ садахъ Флоренціи и Палермо.

Онъ вошелъ въ кухню и его охватило чувство страшной тоски и ужаса. Волненіе будто клещами сжимало ему горло. Онъ готовъ былъ бѣжать. Все здѣсь говорило о ихъ любви... напоминало пріятныя согрѣшенія... все—а въ особенности очагъ. А теперь... онъ увидитъ ее... мертвую... на этой кровати!.. И пожалуй, выкажетъ черезчуръ большое горе, разрыдается... а Піетро, можетъ быть, что-нибудь подозрѣвалъ уже... догадается... Лучше бѣжать; уйти совсѣмъ, подальше, и никогда больше сюда не возвращаться. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ выходу, но тутъ услышалъ надъ головою тяжелые шаги своего брата, нетерпѣливо ходившаго взадъ и впередъ по каморкѣ.

Сандро подумалъ, что Піетро могъ видѣть, какъ онъ вошелъ и ему сдѣлалось стыдно.

Бѣдный Піетро, должно быть, въ ужасномъ состояніи послѣ такой страшной ночи,—рядомъ покойница, а тамъ погибшій урожай! Покинуть его въ эту минуту будетъ подлостью, лучше показаться...

Онъ собрался съ духомъ и сталъ подниматься по лѣсенкѣ, громко сказавъ:

— Піетро! Это я...

Глухое рычаніе было ему отвѣтомъ. Раздался громкій выстрѣлъ, Сандро вскрикнулъ и захрипѣлъ. Его окровавленное тѣло съ страшно изуродованнымъ лицомъ, упало неподвижной массой на грязный каменный полъ кухни.

Глава XV.

Одна.

Прошло три года самопожертвованій и докторъ Карло Кьяри получилъ наконецъ болѣе подходящее мѣсто.

Не обращая вниманія на холодъ, вѣтеръ и дождь, онъ велѣлъ въ одинъ скверный ноябрскій день запречь лошадь въ старый фаэтончикъ, и отправился по печальной, затопленной водою мѣстности. Послѣднее посѣщеніе больныхъ! На его мѣсто уже былъ назначенъ новый врачъ, и какъ добрый товарищъ, докторъ Кьяри водилъ его отъ одного больного къ другому и знакомилъ съ ними. А теперь онъ отправился по своему собственному дѣлу, желая попрощаться съ нѣкоторыми старыми друзьями.

— Славный парень,—думалъ онъ, вспоминая разговоръ со своимъ замѣстителемъ.—Онъ обживется лучше, чѣмъ я; имѣетъ семью и не честолюбивъ. Я ухожу, наконецъ-то!.. Горизонтъ мой расширяется и счастье начинаетъ мнѣ улыбаться... Доволенъ-ли я?..

Онъ имѣлъ полное основаніе радоваться. Ему предстояло жить въ большомъ городѣ, получать порядочное жалованье и, кромѣ того, можно было разсчитывать на доходы отъ практики. И при всемъ этомъ онъ не умѣлъ отвѣтить на заданный имъ себѣ вопросъ, а смотрѣлъ вдаль, влѣво отъ дороги, на большое черное пятно, образуемое постройками Кашина-Гранде.

— Что за погода!—проговорилъ онъ, бросая окурокъ сигары и думая о другомъ.

Тоска разставанія проникла и въ его торжествующую честолюбивую душу. Три года, составлявшіе такую малую часть его жизни, проведенные среди навязанныхъ привычекъ и незначительныхъ привязанностей, въ минуту освобожденія отъ нихъ, тяжело отзывались въ его сердцѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Кашина-Гранде, тѣмъ болѣе расло это тоскливое чувство, тѣмъ становилось оно упорнѣе, больнѣе.

— Марія!

Ему вдругъ пришло въ голову не лучше-ли будетъ съ ней совсѣмъ не видаться.

Небо было сѣрое и солнце заходило за тучи. На одну минуту по-

рывъ вѣтра разогналъ эту массу грязныхъ облаковъ и золотой кругъ выдѣлился на зеленоватомъ фонѣ. Нѣкоторыя темныя тучи по краю окрасились пурпуромъ. Старыя постройки Кашина ярко освѣтились. Дикій виноградъ въ саду у арендатора, еще покрытый желтыми и кроваво красными кистями, заблестѣлъ на солнцѣ. Стекла въ окнахъ сверкали яркимъ пламенемъ.

Деревня! Да и деревня умѣла пощеголять... Даже эта ужасная мѣстность въ минуты разставанія показалась доктору красивой. Онъ засмѣялся, должно быть, надъ собою. Доставъ сигару изъ кожанаго портсигара, онъ закурилъ ее и откинувъ голову на подушки своего фаэтончика, задумался, пуская кверху дымъ мелкими извивами.

Новое мѣсто введетъ его въ общество настоящихъ баръ, людей образованныхъ; онъ познакомится съ красивыми дамами... Это несомнѣнно. Его умъ, знанія, замѣчательное остроуміе, наконецъ найдутъ возможность показать себя... Онъ вдругъ зѣвнулъ, разомъ выпрямился и сбросилъ пепелъ съ сигары инстинктивнымъ изящнымъ движеніемъ своей аристократической руки, настоящей руки оператора, благодарной руки, особенно для нѣкоторыхъ операцій, какъ вчера вечеромъ сказалъ ему его замѣститель,—руки, вполнѣ заслуживающей важную барскую практику. Вздоръ!.. Въ его жизни все приходитъ не во время!.. Эти три года состарили его, по крайней мѣрѣ, онъ рано созрѣлъ. Какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы это счастье, которое онъ теперь считалъ такимъ блѣднымъ, недостаточнымъ, улыбнулось ему три года тому назадъ...

Подъѣзжая къ воротамъ ограды большой мызы, лошадь по привычкѣ уменьшила шагъ, и доктору ничего больше не оставалось какъ повернуть во дворъ.

Проблескъ зари продолжался недолго, тучи снова сгустились и покрыли все небо. Старые домишки приняли свой естественный цвѣтъ, грязный, закопченный, стѣны ихъ видимо были изъѣдены плѣсенью. Снова полилъ дождь.

Докторъ выскочилъ изъ экипажа, приказалъ конюху, вышедшему на встрѣчу, поставить его въ защищенное отъ дождя мѣсто и почти побѣжалъ въ помѣщеніе, занимаемое вдовой Сандро. Это была небольшая кухонька въ первомъ этажѣ. Дверь, по обыкновенію, была притворена. Докторъ отворилъ ее и входя, проговорилъ веселымъ голосомъ:

— Позволь старому другу передъ отъѣздомъ попрощаться съ тобою!..

Молодая женщина стояла у очага и готовила свой скромный ужинъ; при звукѣ этого голоса она быстро выпрямилась и обернулась.

— О! Господинъ докторъ!..

Она хотѣла что-то сказать, но слова не шли на языкъ и она стояла

сконфуженная, сильно покраснѣвъ. Онъ молча смотрѣлъ на нее и наконецъ протянулъ ей руку.

— Давно мы съ тобою не видались!.. Какъ твое здоровье?.. Лучше, какъ я вижу.

— Да, да... Я снова начала работать. Бью коноплю.

— Коноплю? Ну, это скверно. Эта работа еще не для тебя.

— О! Я сильна теперь!—Она улыбнулась.

— Вижу, что твое здоровье поправилось. Но тебѣ не слѣдуетъ утомляться.

Она продолжала улыбаться и наклонилась, чтобы поправить въ печкѣ разсыпавшіяся виноградныя вѣтви. Потомъ прошла въ глубь кухни, взяла еще охабку этихъ вѣтокъ и подбавила ихъ въ печь.

— Присядьте здѣсь, господинъ докторъ, погрѣйтесь; на дворѣ, должно быть, очень холодно.

— Ужасная погода!—вскричалъ молодой человѣкъ, садясь, видимо довольный полученнымъ приглашеніемъ.

— И такъ, вы уѣзжаете?..

— Завтра, милѣйшая Марія! Завтра! И очень сожалѣю!

— Какъ?.. значитъ, неправда то, что мнѣ говорили, что вы получили очень хорошее мѣсто?..

— Это-то правда. Но всегда тяжело уѣзжать изъ какого-нибудь мѣста, гдѣ такъ долго прожилъ... А тебѣ, развѣ тебѣ все-равно, что я уѣзжаю?..

— Это несчастье для всѣхъ насъ, бѣдныхъ крестьянъ,—отвѣчала Марія, склонивъ голову.—Такого врача, какъ вы, намъ больше не получить!..

Онъ сталъ возражать и сказалъ, что назначенный на его мѣсто докторъ Фортини превосходный человѣкъ.

— Я вѣрю... Но вы...—Она не продолжала.

— Сядь, пожалуйста!—проговорилъ докторъ, раздраженный тѣмъ, что она продолжала стоять.—Вотъ такъ!.. Хорошо сидѣть у огня такъ рядомъ, близко, близко другъ къ другу... Если бы ты тогда захотѣла!..

Онъ вдругъ замолчалъ при мысли, что пришлось бы Маріи выстрадать, разставаясь съ нимъ, если бы онъ далъ волю своему капризу. Но былъ ли это дѣйствительно капризъ? Ничего другого быть не могло. Однако на сердцѣ у него было очень тяжело...

— Почему ты тогда не захотѣла?—вдругъ спросилъ онъ.

Марія посмотрѣла на него большими глазами, въ которыхъ выражалось недоумѣніе и тоска.

— Не будемъ объ этомъ говорить—прошептала она печально, собираясь встать съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Сиди здѣсь. Будемъ говорить о другомъ. Будь сегодня добрая, это вѣдь въ послѣдній разъ!.. Послушай, я тебѣ дол-

женъ передать много пожеланій и привѣтовъ отъ одной особы или, лучше сказать, отъ двухъ.

— Мнѣ?

— Да, тебѣ. Ты знаешь, что на прошлой недѣлѣ я былъ въ Миланѣ?

Она покачала головой. Она жила такъ одиноко, никогда ничего не знала.

— Если бы я знала, я попросила бы васъ зайти на квартиру дона Джорджіо... Три мѣсяца тому назадъ Кристина прислала мнѣ денегъ, чтобы я навѣстила ее, а я до сихъ поръ не собралась.

— И дурно сдѣлала.

— Боже мой! Такъ пришлось... Во-первыхъ, хозяинъ никогда бы меня не отпустилъ; во-вторыхъ, у моей сосѣдки боленъ ребенокъ, маленькій Джиджино; этотъ ангельчикъ все зоветъ меня... Я именно хотѣла написать Кристинѣ, что пріѣду къ ней на праздники...

— Теперь ужъ поздно, моя милочка!..

— Поздно?.. Боже!.. Не пугайте меня! Она вѣрно больна?.. Боже! Боже...

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся. Она не только не больна, а напротивъ...

— Вы развѣ видѣли ее?

— Конечно. Вѣдь я же сказалъ тебѣ, что мнѣ поручено передать тебѣ поклонъ.

— Ахъ да! Я совсѣмъ забыла. Гдѣ вы ее видѣли? Встрѣтились съ ней?..

— Да, мы встрѣтились!.. Но если ты не успокоишься и у тебя будетъ такое лицо, я ничего не скажу.

— О! Господинъ докторъ!..

— Успокойся. Я видѣлъ твою сестру...

— А Кастеллани, вы его тоже видѣли?.. Или онъ ее бросилъ?..

— Когда же ты перестанешь волноваться?.. Кастеллани и не думаетъ бросать ее. Развѣ ты не знаешь, что они обвѣнчаны?.. Развѣ они тебѣ не писали?..

— Да, да, писали. Но я никакъ не могу себѣ представить, что они дѣйствительно повѣнчаны. Мнѣ это кажется сномъ.

— Напротивъ это настоящая правда; они очень любятъ другъ друга и очень счастливы... Но...

— Но?..

— Вотъ что, выслушай меня совершенно спокойно. Въ Павіи я вышелъ изъ поѣзда, такъ какъ зналъ, что въ поѣздѣ идущемъ въ Геную находится нѣсколько эмигрантовъ, которыхъ я не могъ видѣть въ Миланѣ, а я хотѣлъ съ ними проститься. Вдругъ вижу, что въ окно вагона высунулся какой-то молодой, дюжій рабочій, машетъ мнѣ обѣими руками и громко зоветъ по имени... Я присмотрѣлся и подошелъ къ нему... Вообрази себѣ! Это былъ Кастеллани... а изъ-за его спины выглядывала красивая головка твоей сестры...

— О!—вскричала Марія и разрыдалась горькими слезами.—Они уѣхали въ Америку!.. Бѣдная моя сестра!.. Въ Америку!.. Я никогда ужъ больше не увижу ее!..

Докторъ ожидалъ этого взрыва и далъ ей выплакаться, а потомъ принялся утѣшать ее. Она не должна приходить въ такое отчаяніе. Кристина выглядитъ очень хорошо... Оба они одѣты прилично, зажиточно, и счастливы, влюблены другъ въ друга,—любовь такъ и сверкаетъ въ ихъ глазахъ, даже завидно дѣлается...

— Неужели ты не понимаешь, что самая несчастная изъ всѣхъ, это ты?.. Ты остаешься здѣсь одна, въ этой бѣдности, послѣ всего того, что тебѣ пришлось вынести!

Она вовсе не была расположена плакаться на свою судьбу и только пожала плечами. Какое ей дѣло до себя?.. Но ея сестра... О, это совсѣмъ другое!..

Она разсказала, что на прошлой недѣлѣ провожала семерыхъ несчастныхъ, которые отправились въ Миланъ, а оттуда въ Геную, а изъ Генуи они поѣдутъ далеко-далеко, такъ далеко, что они никакъ не могли представить себѣ этого разстоянія; ей было такъ тяжело, что она плакала по этимъ, совсѣмъ чужимъ ей людямъ. А теперь ей невыносимо слышать, что ея сестра и этотъ несчастный донъ Джорджіо отправились туда... О!.. Есть отчего умереть... И она снова разрыдалась.

Но доктору не нравилось, что она приходитъ въ такое отчаяніе, и онъ рѣшилъ, что ее нужно утѣшить. Онъ сталъ говорить, какъ имъ въ Миланѣ, было тяжело жить,—Кастеллани былъ плохой чиновникъ, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ такой службѣ; Кристина чувствовала себя какъ рыба вынутая изъ воды. Въ Америкѣ они будутъ жить въ деревнѣ. Кастеллани рѣшился на переселеніе не на авось: онъ отправился въ Аргентину управлять большимъ имѣніемъ одного мѣстнаго богача, итальянскаго уроженца, который поручилъ одной миланской фирмѣ найти ему подходящаго человѣка. Истинная удача.

— Но зачѣмъ такъ внезапно!—охала Марія.—Если бы я знала это, я могла бы съѣздить въ Павію попрощаться съ сестрой.

— Ты права. Но это въ самомъ дѣлѣ случилось совершенно неожиданно. Пароходъ отходилъ изъ Генуи на слѣдующій вечеръ и переѣздъ былъ оплаченъ. У нихъ оставалось только два дня чтобы собраться и уложиться. Кристина плакала, теряла голову. Правда, тебѣ можно было написать, чтобы ты ихъ встрѣтила на станціи въ Павіи, но Кастеллани боялся, что это свиданіе дурно подѣйствуетъ и на тебя и на Кристину. Встрѣтиться только на минуту было бы ужасно. Они напишутъ тебѣ изъ Милана и изъ Марселя. А если они тамъ хорошо устроятся, будь увѣрена, что они тебя не забудутъ.

Мало-по-малу Марія успокоилась и перестала плакать.

— Слышала ты, что твоего зятя выпустили?—спросилъ докторъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ; какъ?.. Развѣ онъ уже отсидѣлъ свой срокъ?..

— Конечно; годъ прошелъ...

— Правда. Но я никогда не могла понять почему его такъ мало наказали. Развѣ убить брата не есть страшное преступленіе?..

— Несомнѣнно, это большое преступленіе, но за него были смягчающія обстоятельства; слѣдствіе показало, что онъ убилъ брата подъ вліяніемъ непреодолимой силы... Иначе сказать, онъ убилъ Сандро за то, что тотъ измѣнялъ ему...

— Откуда же эти господа могли узнать?..

— Изъ показаній свидѣтелей. Ты этого не помнишь потому, что была очень больна и не могла быть въ судѣ.

Она съ ужасомъ отмахнулась. Она не могла понять, чтобы правосудіе такъ поступало. По ея мнѣнію, никто не имѣлъ права обвинять Сандро, покойника, который не могъ самъ защищаться! Докторъ не возражалъ ей и не пытался разъяснить ей сложный строй законовъ, отчасти потому, что полагалъ, что она не пойметъ, а отчасти потому, что это простодушное чувство, этотъ способъ смотрѣть на вещи съ такой неожиданной точки зрѣнія сильно занималъ его и глубоко трогалъ. Онъ съ волненіемъ смотрѣлъ на нее и удивлялся ей.

— Марія!—проговорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.—Марія поѣдемъ со мною.

Она поблѣднѣла, быстро подняла голову, мелькомъ взглянула на него и, опустивъ глаза, сказала:

— *Я не гожусь въ прислуги*; я совсѣмъ мужичка и ничего не умѣю.

— Марія! Кто тебѣ говоритъ о службѣ?..

Онъ не договорилъ и не могъ продолжать. Большіе простодушные глаза глядѣли на него испытующе. Онъ искалъ словъ, которыя могли-бы тронуть ее и убѣдить, но не находилъ ихъ и подъ этимъ пытливымъ взглядомъ не въ силахъ былъ произнести ничего неправдиваго и глубоко прочувствованнаго. Онъ хотѣлъ бы сказать ей:

— Ты будешь моей подругой. Я тебя буду всегда любить.

Но это была бы неправда. Эти глаза ему ясно говорили, что это была бы неправда. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство онъ къ ней испытывалъ? Она привлекала его, возбуждала въ немъ сильныя желанія, смягчаемыя чувствомъ ласки и жалости. Ему хотѣлось сжать ее въ своихъ объятіяхъ, взять ее... А затѣмъ?.. Унести съ собой... А затѣмъ?

— А затѣмъ? Я не знаю,—думалъ онъ, недовольный самимъ собою,—жизнь есть жизнь, сегодня не отвѣчаетъ за завтра, каждому дню довлѣетъ злоба его. Я никогда ее не покину, устрою ее какъ слѣдуетъ...

— Марія,—проговорилъ онъ громко, подъ вліяніемъ рѣшенія, показавшагося ему честнымъ,—Марія! Я люблю тебя. Поѣдемъ со мной.

Она печально покачала головою.

— Я не гожусь въ прислуги, — повторила она съ тѣмъ крестьянскимъ упорствомъ, которое составляло основаніе ея характера.

— Кто тебя зоветъ въ прислуги?—снова возразилъ докторъ.

Она на минуту задумалась; казалось, она обсуждаетъ данный вопросъ, но вдругъ, оправившись, она сказала голосомъ, дрожащимъ отъ глубокаго волненія.

— Понимаю... но во всякомъ случаѣ, живя у васъ чѣмъ бы тамъ ни было, я все же буду только вашей служанкой. Даже, если на короткое время я буду чѣмъ-нибудь другимъ... я скоро обращусь въ служанку. А я не умѣю дѣлать того, что должна дѣлать служанка, я знаю только мужицкую работу.

Онъ склонилъ голову. Сколько истины было въ этихъ словахъ и какое глубокое чувство! Она все поняла, и не смотря на свое полное невѣжество, необразованность и неразвитіе, изъ всего сдѣлала общій выводъ, исключительно руководствуясь божественнымъ внушеніемъ женской души. Эта бѣдная, неразвитая женщина обладала замѣчательнымъ характеромъ, и что бы онъ ни дѣлалъ, могъ только унизить ее. Роковая судьба.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Въ печкѣ сталъ потухать огонь. Марія заволновалась и пробовала раздуть огонь при помощи еще не догорѣвшихъ вѣтокъ, но видя, что это ей не удается, она вышла и вернулась съ охабкой болѣе толстыхъ полѣньевъ, но на столько сырыхъ, что они наполнили всю комнату дымомъ. Не смотря на всѣ уговариванія доктора, чтобы она не безпокоилась, она приходила въ отчаяніе, что не можетъ быть на столько гостепріимна, на сколько бы ей это хотѣлось. Къ счастью, она нашла нѣсколько сухой соломы, при помощи которой дрова разгорѣлись и перестали дымить.

Молодой человѣкъ собрался уходить, ему больше ничего не оставалось дѣлать.

— Ты иногда будешь меня вспоминать?

— О господинъ докторъ! Я вамъ такъ много обязана, я никогда этого не забуду.

Онъ остался еще и внимательно разспросилъ ее о ходѣ ея болѣзни не велѣлъ ей много работать и сказалъ, чтобы она продолжала принимать лѣкарство, которое онъ по прежнему будетъ ей присылать.

Она на все отвѣчала утвердительно, не переставая благодарить.

Онъ подошелъ уже къ дверямъ, предлоговъ оставаться больше не было, но онъ не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста. Сердце говорило ему:

— Ты покидаешь твое единственное счастье. Жизнь не дастъ тебѣ больше ничего подобнаго.

Почти безсознательно, побуждаемый внутреннимъ волненіемъ, онъ сказалъ:

— Рѣшайся... поѣдемъ со мною!

Она снова молча и печально покачала головою. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, опасаясь, что оскорбила его, она проговорила тихимъ голосомъ:

— Не безпокойтесь обо мнѣ. Я не одинока. Тамъ лежитъ моя дѣвочка... и Джулія и Сандро... всѣ они умерли несчастливо... Я должна за нихъ молиться...

— Бѣдная Марія! Замолчи!.. Замолчи!.. — съ ужасомъ вскричалъ докторъ.

Что-то, будто тисками сдавило ему горло.

— Прощай! Прощай!..

Онъ наклонился къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ и исчезъ въ темнотѣ. Дождь продолжать лить. Холодная сырость успокоила его лихорадку. Онъ повернулъ въ Джелъ и погналъ лошадь, отказываясь отъ дальнѣйшихъ посѣщеній, которыя ему еще предстояло сдѣлать. Горькія слезы падали на его сердце, но глаза его были сухи и горѣли. Окружавшій его мракъ подходилъ къ его настроенію и успокаивалъ нервы; холодный воздухъ проникалъ подъ рѣсницы и пріятно освѣжалъ глаза.

Марія!.. Бѣдная Марія!..

Онъ былъ недоволенъ собою. Однако онъ не могъ отказать себѣ въ нѣкоторомъ чувствѣ уваженія. Онъ находилъ себя одновременно сильнымъ и малодушнымъ. Сильнымъ потому, что отнесся къ Маріи съ уваженіемъ, а малодушнымъ потому, что не сумѣлъ убѣдить ее въ своей любви.

Бѣдная Марія! Какая злая судьба преслѣдовала ее въ жизни! Чудное созданіе, предназначенное природой для высшихъ цѣлей; прекрасно сложенная, но не отличающаяся той бурной красотой, которая смущаетъ чувства и помрачаетъ умы; съ прекрасною душою, не знающая сама себѣ цѣны; истинная мать и настоящая подруга для человѣка простого и благоразумнаго. И тотъ, кто ее понялъ, восхищался ею, полюбилъ ее, какъ образованный человѣкъ, который умѣетъ оцѣнить достоинство всякаго созданія; какъ поэтъ, жаждущій идеальнаго счастья; какъ человѣкъ, алчущій счастья дать такую мать своимъ дѣтямъ, тотъ покидалъ ее тоже! Почему? Потому, что онъ не обладалъ простымъ сердцемъ, потому, что онъ не былъ благоразумнымъ человѣкомъ. Потому, что все его пониманіе ему ни къ чему не послужило!—заключилъ онъ, улыбаясь своей прежней горькой улыбкой.

— Блаженны не разсуждающіе; блаженны повинующіеся сердечному инстинкту, понимая жизнь просто!.. Блаженъ донъ Джорджіо, эмигрировавшій въ Америку со своею Кристиной!..

Кристина! Она ни тѣломъ, ни душою не представляла такого совершенства, какъ Марія, но она была соблазнительнѣе, женственнѣе, обаятельнѣе. Какъ она ему нравилась!..

Увѣренъ ли онъ, что она ему и теперь не нравится?.. Ха! ха! ха!..

Онъ погналъ лошадь, которая и безъ того уже быстро бѣжала, издали чувствуя конюшню.

Тяжело было у него на сердцѣ. Онъ жалѣлъ Марію, но онъ лучше бы

употребилъ время, пожалѣвъ самого себя. Марія, одинокая, привязанная къ могилѣ своего ребенка, къ памяти обманывавшаго ее мужа, тоскующая по уѣхавшей въ даль сестрѣ, можетъ быть тоскующая и по немъ, полубольная, настолько нуждающаяся, что должна дѣлать непосильную работу, чтобы не умереть съ голоду, была богаче его. Что онъ такое въ сущности? Несчастный кутила, у котораго являются невозможныя желанія; обжора съ испорченнымъ желудкомъ, мучимый перемежающимися аппетитами, способный измѣнять вкусы и привязанности съ перемѣной свѣта и перспективы, способный, увезя Марію съ собою, перестать ее любить, найти ее грубой, разъ она выйдетъ изъ своей прекрасной рамы нищеты и горя! Способный, подобно Сандро, воспитанному казармой, предпочесть ей какую-нибудь врожденную проститутку, въ родѣ Вирджиніи. О, онъ прекрасно изучилъ себя.

Ему суждено влюбиться подъ старость въ какую-нибудь женщину, привыкшую потѣшаться надъ слабостью мужчинъ, и уморить съ горя любимую женщину, дѣйствительно пожертвовавшую ему всѣмъ. Звѣрь и утонченный развратникъ. Онъ засмѣялся, зѣвнулъ и потянулся. Впрочемъ, мѣняться незачѣмъ! Наслѣдственность. Печальныя слѣдствія старыхъ причинъ, которыя не всегда легко бываетъ отыскать. Онъ еще разъ повторилъ: судьба!

. . . .

Пріѣхавъ въ Джель, докторъ остановился у аптеки, гдѣ собрались и ждали его немногіе друзья. Свѣтъ, теплый воздухъ и шумный разговоръ быстро разсѣяли всѣ фантазіи, порожденныя мракомъ, все ясновидѣніе души.

Только ложась уже спать, полудремля, онъ подумалъ:

— Блаженны простые сердцемъ! Если есть счастье на землѣ, оно для нихъ создано.

Немного спустя, въ глубинѣ его совѣсти промелькнуло сознаніе:

— Бѣдная Марія... Бѣдный я!.. Оба мы остались безъ любви... Одиноки!..

Утромъ онъ проснулся новымъ человѣкомъ. Чувство дѣйствительности, честолюбіе и непреодолимое желаніе жить и наслаждаться охватили его съ новою силою. Закончить старую книгу! Безполезно надъ ней раздумывать. Передъ нимъ открылась бѣлая страница, и кто знаетъ, сколько прекраснаго и, конечно, не менѣе интереснаго на ней написала судьба!

Въ это же самое утро Марія поднялась съ зарей, чтобы идти обдѣлывать коноплю. Во время работы мысли ея были вездѣ и съ путешествующими, и съ покойниками... Она вспомнила бѣдную Джулію, погибшую три года тому назадъ. Вспомнила своего Сандро, Кристину... и даже безсовѣстную Вирджинію... Но главное мѣсто въ ея мысляхъ занималъ еще одинъ образъ... молодого врача... тоже уѣхавшаго! Она

почувствовала себя такой одинокой, что сердце ея сжалось. Какъ прожить въ такомъ одиночествѣ?..

Вокругъ нея шопотомъ передавались неслыханныя вещи. Старикъ Мелика, возбужденно передавалъ, что крестьяне устали терпѣть, что они возмущались, что они устраивали стачки, убивали!..

— Гдѣ?.. Когда?..—раздавались заглушенные голоса.

— Недалеко отсюда?..

— Очень далеко?..

— Ближе къ Мантуѣ?..

— За Мантуей... Въ Комаско... Въ Галларате...

— ...въ разныхъ мѣстахъ...

Всѣ разговаривали, работа остановилась. Подошелъ надсмотрщикъ, а за нимъ скоро появился и самъ хозяинъ, блѣдный, суровый.

Разговоръ прервался, только машина стучала и шумѣла, будто ураганъ.

— Давайте пѣть!—проговорила Мерони, перепуганная.

— Споемте хвалу Пресвятой Богородицѣ.

— Начните вы, Марія, начните!—умоляла Меника, несчастная женщина, вѣчно страдавшая лихорадкой.

— Не могу,—отвѣчала Марія,—не могу.

На сердцѣ у нея было такъ тяжело, что она задыхалась.

Никто больше не произнесъ ни слова, даже хозяинъ, поспѣшившій удалиться; въ ушахъ у него раздавалось жужжаніе. Машина продолжала стучать.

Марія думала: Крестьяне бунтуютъ!.. Устали терпѣть!.. Но на что могутъ они надѣяться?.. Что̀ хотятъ дѣлать?.. Что̀, Бога ради?.. Ихъ усмирятъ, накажутъ... Мы рождены, чтобы работать и терпѣть, мы бѣдняки, и вездѣ такъ... То же говорилъ и несчастный Сандро!..

И въ первый разъ въ жизни у нея явилось непреодолимое желаніе кричать, шумѣть, пустить въ ходъ свои тяжелые кулаки и кого-нибудь исколотить,—однимъ словомъ, чѣмъ-нибудь разразиться.

Почти безсознательно ей пришли на память слова «Пѣсни рабочихъ», которую принесла изъ Павіи молодежь, работавшая тамъ. Пѣснь вылилась изъ ея груди, переполненной тоской и слезами. Всѣ были поражены и слушали ее съ удивленіемъ, не смѣя вторить этому глубокому и страстному голосу, смущавшему ихъ. Но когда Марія запѣла послѣдній куплетъ, всѣ женщины, увлеченныя таинственной силой, разомъ подхватили; при повтореніи вступили всѣ мужчины. Стѣны задрожали и стукъ машины былъ заглушенъ.

Хозяинъ успѣлъ уже отойти довольно далеко, но остановился среди дороги и слушалъ, стиснувъ зубы.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ САНТЕРИ ИНГМАНА.

1. Безхвостый теленокъ.

Нашъ городокъ занималъ не послѣднее мѣсто въ краѣ,—далеко не послѣднее. У него была даже собственная газета и собственная типографія, а, вѣдь, бываютъ и такіе городки, въ которыхъ ничего подобнаго не водится.

Да-съ, была и типографія,—совсѣмъ новенькая, съ новыми машинами, выписанными изъ-за границы. Но у нея былъ только одинъ недостатокъ: нечего было печатать. Газета выходила всего два раза въ недѣлю по вечерамъ, да два раза—по утрамъ, а въ остальное время машина стояла безъ дѣла и только ржавѣла, и наборщики шатались безъ работы, только даромъ получая жалованье,—шатались и нерѣдко пьянствовали, заводили скандалы и пріобрѣтали дурную репутацію.

Ну, что же тутъ было хорошаго!

Акціонерное общество, которому принадлежала типографія, раза два уже возбуждало на своихъ собраніяхъ вопросъ о томъ, что бы такое печатать? Судили-рядили и такъ, и этакъ, собирали справки и о томъ, и объ этомъ, составляли проекты, вносили предложенія и всѣ ихъ проваливали, и такъ-таки ни къ какому рѣшенію придти не могли. Типографія стояла безъ дѣла четыре дня въ недѣлю.

И вотъ, опять созвали собраніе, чтобы порѣшить этотъ вопросъ, но и на этотъ разъ дѣло шло не лучше, чѣмъ прежде: для печатанія не могли придумать ничего такого, что пришлось бы всѣмъ по нраву: напротивъ, каждый порицалъ предложенія другихъ,—и дѣло опять затормозилось. Наконецъ, кожевникъ Ніираненъ, у котораго тоже была акція, хотя до тѣхъ поръ онъ и не считалъ себя достаточно зрѣлымъ для дѣятельнаго участія въ собраніяхъ общества, всталъ и сказалъ:

— Такъ вотъ, господа, есть у насъ типографія, которая стоитъ безъ работы, и есть типографское общество, которое собирается два раза въ мѣсяцъ и никакъ не можетъ пустить типографію въ ходъ. Я не понимаю, какой вредъ будетъ отъ того, если мы станемъ печатать все, что намъ закажутъ; но я хочу предложить такое, въ чемъ не будетъ уже рѣшительно никакого вреда: я желалъ бы, чтобы мы, для улучшенія нашего дѣла, начали сначала и напечатали бы азбуку.

Азбуку,—это было, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто новое. И это сразу всѣмъ понравилось.

— Я считаю долгомъ горячо поддержать это предложеніе,—сказалъ почтмейстеръ, до тѣхъ поръ особенно сильно нападавшій на всѣ другіе проекты.—Это прекрасная мысль. Я хотѣлъ бы только прибавить, что азбуку слѣдовало бы издать съ картинками и клише для нихъ выписать изъ Германіи.

— Я также поддерживаю это предложеніе,—сказалъ купецъ Рихканенъ. Это—такое дѣло, которое ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ убытку, а напротивъ, можетъ дать на долгое время хорошій барышъ. Расходы по изданію не будутъ очень велики, даже если бы книжка вышла и съ картинками; составителю также не придется платить очень дорого, а между тѣмъ, сбытъ обезпеченъ: вѣдь азбука—это все равно, что листовой табакъ!

Учитель народной школы Посіо, вообще на все смотрѣвшій нѣсколько свысока и не увлекавшійся, подобно другимъ, высказался, однако, также въ пользу этого предложенія.

— Я полагаю,—сказалъ онъ,—что мы всѣ должны быть благодарны автору этого предложенія за его практичную идею. Я высказываюсь за ея осуществленіе. При самомъ началѣ нашей дѣятельности, мы выступимъ, такимъ образомъ, распространителями просвѣщенія въ народѣ; притомъ, всякое дѣло, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ начинать сначала. Такимъ образомъ, предложенная намъ задача заслуживаетъ полнаго вниманія: это—задача, которая...

И онъ подробно распространился о значеніи этой задачи. Ректоръ училища и прокуроръ также оказались на сторонѣ предложенія, и даже докторъ, хотя и посмѣивался себѣ въ бороду, но ничего не возражалъ.

Предсѣдатель собранія, единственный въ нашемъ городкѣ коммерціи совѣтникъ, долго и терпѣливо слушалъ всѣ эти разсужденія, а секретарь прилежно строчилъ протоколъ. Наконецъ, воспользовавшись минутой общаго молчанія, предсѣдатель сказалъ:

— Намъ сдѣлано предложеніе, заслуживающее полнаго вниманія и встрѣченное общимъ одобреніемъ,—предложеніе, противъ котораго никто не возражалъ. А потому я считаю долгомъ спросить господъ присутствующихъ: одобряется ли ими предложенное намъ предпріятіе?

— Одобряется.

— Итакъ, рѣшено издать азбуку съ картинками?

— Рѣшено.

— И клише выписать изъ Германіи?

— Изъ Германіи.

Предсѣдатель положилъ свою трость на столъ и, вынувъ носовой платокъ, отеръ обильно струившійся съ его лица потъ. Наконецъ-то удалось придти хоть къ какому-нибудь рѣшенію. Трудный шагъ былъ сдѣланъ, и всѣ почувствовали себя облегченными. Всѣми овладѣло

бодрое и благожелательное настроенiе,—сознанiе, что теперь общiя стремленiя будутъ направлены уже къ опредѣленной цѣли, и, какъ результатъ этого сознанiя, смѣлая увѣренность въ будущемъ. Поэтому, какъ только выбрана была коммиссiя—изъ пяти членовъ съ двумя кандидатами, такъ сейчасъ же единогласно рѣшено было ознаменовать новое начинанiе общимъ обѣдомъ въ гостинницѣ.

Прошелъ мѣсяцъ-другой. Текстъ азбуки былъ уже готовъ; заказанныя въ Германiи клише получены. И вотъ, опять созвано было собранiе акцiонеровъ—для выслушанiя отчета коммиссiи и для постановленiя окончательнаго рѣшенiя.

Собранiю было доложено, что теперь остается только приступить къ печатанiю азбуки. Всѣ стали разсматривать пробные оттиски картинокъ и похваливать ихъ. Въ числѣ этихъ картинокъ находилось также изображенiе Iосифа, пасущаго стада отца своего.

— Вотъ рогатый скотъ,—овцы и коровы.

— Да, да... Посмотрите, теленокъ, словно живой, прыгаетъ, задравъ хвостъ.

И въ самомъ дѣлѣ, у теленка хвостъ былъ поднятъ кверху и даже немножко закрученъ.

— А вѣдь это не годится—рисовать теленка съ такимъ неприлично задраннымъ хвостомъ. Мнѣ эта картинка не особенно нравится,—сказалъ почтмейстеръ, которому всегда нужно было къ чему-нибудь придраться.

— Совершенно неумѣстная шутка въ серьезномъ дѣлѣ,—прибавилъ ректоръ.

— Не только неумѣстная, но прямо невозможная,—воскликнулъ учитель,—этимъ не только нарушается эстетическое впечатлѣнiе, но и оскорбляется чувство стыдливости.

— Да кому же вредитъ этотъ телячiй хвостъ, и не все ли равно, въ какую сторону онъ повернется?—спросилъ кожевникъ Нiиранenъ, передавая картинку ректору.—По моему, картинка очень хороша, и хвостъ тоже хорошъ.

— А я совершенно противоположнаго мнѣнiя и не понимаю, какъ можно было для дѣтской книжки прислать такую неприличную картинку,—сказалъ ректоръ, бросая разсердившее его изображенiе на столъ и тыкая пальцемъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ былъ нарисованъ телячiй хвостъ.—Этого мы не можемъ допустить въ азбукѣ, а потому я требую, чтобы эта картинка была уничтожена.

— Такъ не годится,—возразилъ купецъ Рихканенъ.—Мы заказали въ Германiи картинки, заплатили за нихъ деньги, а потому уничтожать ихъ нельзя: вѣдь, не бросать же деньги на вѣтеръ. Что куплено, то надо и продать. А что касается телячьяго хвоста, такъ, вѣдь, если онъ васъ такъ пугаетъ,—можно его и не печатать: стоитъ только срѣзать его прочь,—и дѣло съ концомъ!

— Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ теленокъ окажется безъ хвоста,— замѣтилъ секретарь, поднимая голову отъ своего писанья.

— Ну, такъ что же? По крайней мѣрѣ, онъ никому не повредитъ.

Итакъ, значитъ, печатать безхвостаго теленка? Предсѣдатель задумался: какъ, собственно, формулировать этотъ вопросъ?

Но тутъ поднялся докторъ:

— Господа, да, вѣдь, это—совершенная безсмыслица! Вѣдь вполнѣ естественно было нарисовать теленка именно съ поднятымъ хвостомъ, потому что это—беззаботное дитя природы, которое свободно прыгаетъ и бѣгаетъ по полю, среди стада, и въ этомъ случаѣ всегда задираетъ хвостъ кверху. Было бы совсѣмъ несогласно съ натурой, если бы художникъ изобразилъ этого жизнерадостнаго теленка какъ-нибудь иначе. Эта картинка именно и свидѣтельствуетъ о вѣрности художника натурѣ и объ его тонкой наблюдательности; было бы совсѣмъ неразумно съ нашей стороны, если бы мы ради этого забраковали картинку,— и еще неразумнѣе и смѣшнѣе, если бы мы захотѣли укоротить или срѣзать у этого теленка хвостъ. Картинка, сама по себѣ, вполнѣ естественна и умѣстна.

— Естественна-то она естественна,—сказалъ ректоръ, уже начинавшій выходить изъ себя,—но развѣ естественное всегда умѣстно? Развѣ не естественно, напримѣръ, что собака поднимаетъ заднюю лапу, или что свинья валяется въ грязи? Но развѣ изображать все это—искусство? И развѣ подобное искусство пригодно для дѣтей,—для дѣтей народа? Вотъ въ чемъ вопросъ!

— Но позвольте,—сказалъ почтмейстеръ, который, какъ мы видѣли, и былъ первымъ виновникомъ этого вопроса о телячьемъ хвостѣ, но вовсе не предполагалъ, что дѣло можетъ зайти такъ далеко и, кромѣ того, не отличался стойкостью въ мысляхъ.—Нельзя же смотрѣть на дѣло съ такой серьезной стороны! Вѣдь дѣти не поймутъ его такъ, какъ мы. Притомъ же, дѣти каждое лѣто видятъ въ натурѣ, какъ телята бѣгаютъ, задравъ хвостъ, по двору и по полю, такъ что же страшнаго, если они то же самое увидятъ на картинкѣ?

— Извините-съ,—заговорилъ учитель, отчеканивая каждое слово,— я полагаю, что мы относимся къ своему дѣлу совершенно неправильно; гораздо лучше было бы съ самаго начала отказаться отъ мысли издавать азбуку, да и вообще—какія бы то ни было книги, чѣмъ допустить возможность распространенія подобныхъ непристойностей. И гдѣ же мы хотимъ ихъ распространять?—Среди еще неиспорченной народной массы! Вотъ куда хотимъ мы нести эти жалкіе, грязные отбросы! Неужели мы захотимъ смутить счастливое, чистое дѣтство сыновъ этого народа, который смотритъ на насъ съ такимъ довѣріемъ? Неужели мы захотимъ подвергнуть опасности всю будущность этого народа и его духовныя силы?

— Конечно,—сказалъ кожевникъ Ніиранепъ,—нельзя похвалить привычку теленка бѣгать, задравъ хвостъ; это легкомысленная и дурная привычка. Но, по-моему, вреда тутъ нѣтъ, именно потому, что, вѣдь, это—теленокъ, двухнедѣльный, молочный ребеночекъ, отъ котораго нельзя и требовать житейской опытности. Другое дѣло, если бы это былъ взрослый быкъ, или старая корова, а теленочку, право, можно и простить!

— Ого?—воскликнулъ прокуроръ.—Да развѣ это порядокъ? развѣ это нравственность? Вѣдь, если телятамъ позволять задирать хвосты, такъ чего же потомъ дождемся мы отъ другихъ? Если дѣтямъ станутъ показывать подобныя картинки, то каковы же будутъ ихъ понятія о порядкѣ и нравственности?

— Я уже сказалъ, что это нелѣпо,—замѣтилъ докторъ.—Изъ-за этого вопроса о телячьемъ хвостѣ мы теряемъ цѣлый часъ, приплетая къ нему и порядокъ, и нравственность, какъ будто бы мы разсуждаемъ, и въ самомъ дѣлѣ, о какомъ-нибудь серьезномъ и порядочномъ предметѣ! Да бросьте вы, господа, совсѣмъ этого глупаго теленка!

— Здѣсь вопросъ идетъ уже не о телячьемъ хвостѣ,—заговорилъ ректоръ, все болѣе и болѣе разгораясь,—здѣсь рѣчь идетъ о той основной идеѣ, ради которой учреждено наше акціонерное общество,—объ идеѣ распространенія знаній и культуры. Здѣсь идетъ рѣчь также и о другихъ, еще болѣе важныхъ идеяхъ,—о тѣхъ идеяхъ, борьба между которыми, къ сожалѣнію, проявляется и на нашей, финской почвѣ: я говорю о борьбѣ благородныхъ идеаловъ просвѣщенія съ тѣмъ развратомъ, который, прикрываясь невинными названіями реализма и правдивости, пробирается уже и сюда, въ наше мирное провинціальное общество. Я считаю долгомъ предостеречь общество и не допускать, чтобы этотъ ядъ отравилъ самое лучшее наше начинаніе!

Докторъ началъ обнаруживать признаки безпокойства. Замѣтивъ это, предсѣдатель рѣшилъ какъ-нибудь прекратить разгорѣвшійся споръ.

— Господа,—сказалъ онъ,—позвольте мнѣ сдѣлать дружеское замѣчаніе: затягивая такимъ образомъ наши пренія, мы никогда не придемъ ни къ какому рѣшенію. Мнѣ кажется, что дѣло уже достаточно выяснилось, и если я правильно понялъ ваши сужденія, то намъ слѣдуетъ, прежде всего, рѣшить вопросъ объ этой картинкѣ, объ этомъ... телячьемъ хвостѣ,—не такъ ли?

— Такъ, такъ!

— Сдѣлано было два предложенія: одно—вовсе не печатать упомянутой картинки, другое—печатать, но съ тѣмъ, чтобы хвостъ у теленка былъ срѣзанъ прочь. Если я правильно понялъ пренія, то это послѣднее предложеніе не встрѣтило поддержки.

— Прошу слова,—сказалъ прокуроръ.—Я намѣренъ поддерживать именно это послѣднее предложеніе, хотя до сихъ поръ объ этомъ и не успѣлъ еще заявить. Вѣдь, именно, въ этомъ-то хвостѣ и усматривается

непристойность, изъ-за которой намъ нѣтъ никакого основанія исключать изъ книжки изображеніе Іосифа со всѣмъ его стадомъ.

Кожевникъ Ніиранепъ замѣтилъ что-то о безхвостыхъ телятахъ и прочихъ несчастныхъ животныхъ. Почтмейстеръ его поддержалъ, и споръ опять разгорѣлся. Учитель снова сталъ развивать общіе взгляды и разъяснять съ высшей точки зрѣнія тотъ вредъ, который можетъ послѣдовать отъ телячьяго хвоста для народа и всего отечества. Ректоръ въ пылу спора высказалъ, что люди, которые въ мелкихъ дѣлахъ выступаютъ защитниками грязи, какъ явленія естественнаго и обычнаго, и въ дѣлахъ болѣе крупныхъ не могутъ внушать довѣрія къ своимъ нравственнымъ качествамъ, ибо ихъ понятія о приличіи и изяществѣ весьма невысоки.

Тутъ опять поднялся докторъ.

— Хороша же та нравственность, которая краснѣетъ отъ телячьяго хвоста! Чистому—все чисто, и наоборотъ. Надо имѣть очень грязное воображеніе для того, чтобы увидѣть что-либо непристойное въ томъ, что у рѣзваго теленка поднятъ кверху хвостъ; такимъ воображеніемъ не обладаетъ народъ, а еще менѣе—его дѣти; оно составляетъ привилегію только тѣхъ людей, которые цѣломудренно питаютъ свою фантазію всякими непристойностями!

Это была уже ссора. Предсѣдатель попросилъ держаться объективнѣе и не выходить изъ предѣловъ вопроса. Но ректоръ уже всталъ, схватилъ шляпу и палку и, уходя, тихо проворчалъ, что ему тяжело видѣть, какъ дѣло, которое онъ считалъ благомъ, обращается въ зло; но онъ отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ и не считаетъ болѣе возможнымъ принадлежать къ такому обществу, куда допускаются люди, прямо высказывающіе свои злобныя мнѣнія въ столь оскорбительной формѣ, что продолжать съ ними споръ можно только на судѣ.

И онъ ушелъ. А за нимъ ушли также школьный учитель и прокуроръ. Прочіе остались... но у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣ потеряли надежду на дружное общее дѣло и чувствовали тоскливую неувѣренность въ будущемъ...

И во всемъ этомъ виноватъ былъ телячій хвостъ, или безхвостый теленокъ.

Такимъ образомъ вопросъ остался открытымъ. Высказано было два, собственно—три мнѣнія, столь несогласимыхъ между собою, что попытаться рѣшить дѣло голосованіемъ было немыслимо, такъ какъ это нанесло бы смертельный ударъ самому существованію общества. Поневолѣ пришлось отложить рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія, тѣмъ болѣе, что наступила уже ночь. Между тѣмъ, по предложенію Ніиранена, рѣшено было запросить мнѣнія нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу общества, и прежде всего—бургомистра и старшаго пастора.

Къ нимъ обоимъ и обратились, и вскорѣ отъ обоихъ получены были письменныя заключенія.

Бургомистръ писалъ, что если бы, напримѣръ, на улицахъ города произошло что-либо подобное, т. е. стали бы бѣгать телята съ задранными кверху хвостами, и кто-нибудь указалъ бы на это публикѣ, то такой фактъ, конечно, не послужилъ бы къ чести города, а скорѣе—наоборотъ. Но изображеніе подобнаго случая въ дѣтской книжкѣ, предназначаемой для простонародья, разумѣется, не можетъ причинить столь большого вреда.

Старшій пасторъ, съ своей стороны, удостовѣрялъ, что онъ нигдѣ не находитъ запрещенія подобнаго дѣянія, изъ чего и заключаетъ, что оно должно считаться дозволеннымъ. Ибо если бы оно было запрещено, то объ этомъ непремѣнно гдѣ-нибудь было бы сказано.

Согласно этимъ компетентнымъ заключеніямъ, азбука была, наконецъ, отпечатана и вышла въ свѣтъ, дабы распространять просвѣщеніе, причемъ теленокъ сохранилъ свой хвостъ. Но ректоръ, учитель и прокуроръ сложили съ себя всякую отвѣтственность: они продали свои акціи съ аукціона.

А въ то время, когда мужья въ собраніи акціонернаго общества спорили и препирались о телячьемъ хвостѣ, жены, скучая, сидѣли дома и дожидались ихъ, удивляясь, отчего они такъ долго не идутъ. Чего добраго, опять не придется вмѣстѣ и поужинать! Вотъ каковы эти мужчины! Докторша вспомнила, что, вѣдь, и ректорша, должно быть, также дожидается своего мужа, и рѣшила сейчасъ же спросить у нея по телефону (въ нашемъ городкѣ имѣется и телефонъ), вернулся ли ректоръ домой. Но бѣдняжка или позабыла, что по телефону не передаютъ секретовъ, или просто еще не знала, что ея добрымъ отношеніямъ съ семьей ректора уже никогда не суждено возобновиться...

Вскорѣ, однако, ей пришлось это узнать, а въ тотъ же вечеръ узналъ объ этомъ и весь городъ. Но настоящая причина разрыва такъ и осталась неизвѣстной. Разсказывали, правда, что всему виною былъ телячій хвостъ или безхвостый теленокъ, но въ то же время догадывались, что тутъ, вѣроятно, скрывается какая-нибудь глубокая тайна.

Еще меньше знали объ этомъ городскія кухарки, которыя по цѣлымъ часамъ стояли на базарѣ или у фонтана, разсказывая другъ другу эту удивительную исторію. Изъ всего дѣла онѣ знали только безхвостаго теленка,—только эти два слова. Но эти самыя два слова въ ту же осень стали самыми популярными и распространенными во всемъ городѣ; ихъ повторялъ и старъ, и младъ, и всѣ хорошо ихъ запомнили, потому что эти два слова послужили источникомъ великихъ перемѣнъ во внутреннихъ дѣлахъ нашего города.

Дѣло въ томъ, что въ то самое время, когда ректоръ поссорился съ докторомъ, поссорились между собой также и двое другихъ сосѣ

дей,—кожевникъ Ніираневъ и прокуроръ Спетсъ, а за ними—и другіе. И хотя они и сами хорошенько не знали, изъ-за чего пошла между ними вражда, однако, все продолжали ссориться. Дома кожевника и прокурора стояли рядомъ; ихъ раздѣляла только низенькая изгородь, а потому въ прежнее время ихъ дѣти съ утра до вечера играли вмѣстѣ то на одномъ дворѣ, то на другомъ. А теперь тѣ же самыя дѣти начали драться и у воротъ, и на улицѣ, и черезъ изгородь дразнить другъ друга «безхвостыми телятами». И даже четырехлѣтній карапузъ, сынишка Ніиранена, ростомъ куда ниже изгороди,—и тотъ карабкался на бочку, грозилъ оттуда дѣтямъ прокурора палкой и кричалъ:

— Безхвостый теленокъ! Безхвостый теленокъ!

---

2. Ржаной кофе.

Эта идея родилась на сѣверѣ и оттуда мощнымъ потокомъ разлилась по всей Финляндіи.

Это была идея—ржаного кофе.

Она повліяла на всѣ классы населенія, проникла въ «самые глубокіе слои» народа и не миновала даже и тѣхъ, которые находятся ближе къ поверхности. И это было вполнѣ естественно: вѣдь новыя идеи всегда обладаютъ неотразимой привлекательной силой!

И вотъ, она стала жгучей злобой дня, на словахъ и на дѣлѣ, въ нашемъ приходѣ.

Здѣсь эту великую идею впервые пустила въ ходъ супруга школьнаго учителя; затѣмъ, она появилась, хотя только въ видѣ опыта, у пономаря и мостового надзирателя, а оттуда перешла въ нѣсколько самыхъ крупныхъ домовъ, которые и раньше всегда заботились о томъ, чтобы пользоваться самыми новѣйшими идеями, какъ только онѣ начинали появляться въ обращеніи.

Но широкимъ потокомъ разлилось по приходу это движеніе въ пользу ржаного кофе только тогда, когда къ нему примкнулъ, съ своей обычной пылкостью и энергіей, мѣстный членъ сейма, начавшій разъяснять глубокое, благородное и высоко-патріотическое значеніе этой идеи, вполнѣ заслуживающей того, чтобы ради нея напрягать силы и приносить жертвы. Онъ неутомимо убѣждалъ и проповѣдывалъ,—онъ всегда былъ неутомимъ въ рѣчахъ о благѣ меньшого брата,—а школьный учитель поддерживалъ его всѣми тѣми средствами и пособіями, какія даетъ наука. Скоро чистую рожь начали жарить и варить и у ленсмана, и у сборщика податей, и почти во всѣхъ домахъ прихода.

Открыто противъ этого движенія никто не осмѣливался выступать но безмолвное противодѣйствіе, скрытное, потаенное, все таки суще-

ствовало,—и это было хуже всего. Размѣры этого противодѣйствія, его сила и вліяніе ясно обнаружились въ Андреевъ день у пономаря.

Въ этотъ день къ пономарю собрались чуть ли не всѣ жители деревни, потому что всѣмъ было заранѣе извѣстно, что тутъ въ первый разъ будутъ поить гостей ржанымъ кофе. Неудивительно, что разговоръ шелъ почти исключительно объ этомъ новомъ и столь пріятномъ предметѣ. Всѣ прочія деревенскія сплетни и ссоры были забыты. Членъ сейма—онъ же былъ и старостой въ приходѣ,—раньше не бывалъ у пономаря, потому что тотъ когда-то посмѣлъ возражать ему на приходской сходкѣ, но теперь явился съ благодушной улыбкой на устахъ; супруги ленсмана и сборщика позабыли свою прошлогоднюю ссору и дружелюбно обмѣнялись привѣтствіями. Одно и то же чувство соединило всѣхъ въ прекрасномъ, единодушномъ порывѣ; мелочные раздоры и огорченія уже не тревожили сердца,—и всѣ радостно пробовали новый ржаной кофе, находя, что въ этомъ занятіи заключается не одно только удовольствіе, но и служеніе идеѣ.

— А, вѣдь, и взаправду,—говорила старостиха женѣ учителя,—этотъ кофеекъ будетъ повкуснѣе всякаго покупного! Да только—неужто онъ изъ чистой ржи?

— Изъ самой чистой полевой ржи,—увѣряла ее жена кантора.—Да прикушайте еще чашечку—пшеничнаго!

— Благодарствуйте,—ужъ довольно. А вотъ, вѣдь, никто и не думалъ...

— Говорите про другихъ,—перебилъ ее учитель, жена котораго была первой въ приходѣ поборницей новой идеи,—раньше насъ, дѣйствительно, никто не догадался...

— А я помню, когда была маленькой, всѣ смѣялись, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ стали поджаривать рожь для примѣси къ кофе, да еще вымачивали ее прежде въ хмѣлевой водѣ.

— Ну, такъ, вѣдь, то—другое дѣло!

Мостовой надзиратель опрокинулъ чашку на блюдечко и поклонился.

— Весьма благодаренъ. Теперь, можно сказать, уже вездѣ это дѣло поняли: только иные и понимаютъ, да не хотятъ. Вонъ, въ Лескелѣ ни за что не положатъ въ кофе ни крошечки ржи!

— Да и въ Келлалѣ тоже!

— Въ томъ-то отъ нихъ и бѣда, что они пьютъ чашками все только чистый кофе, да мало того, что сами пьютъ, еще и работниковъ поятъ!

— Конечно, отъ этого добра не жди!

И всѣ опять наливали и выпивали по другой чашкѣ.

— А старыя мамзели въ Тюнелѣ? И онѣ туда же!

— Ну, объ этихъ что и говорить! Старыя дѣвы, вѣчныя кофейницы!

— Разумѣется, такимъ ужъ ничѣмъ не поможешь. Но когда ви-

дишь мужиковъ, которые не хотятъ пить другого кофе, кромѣ покупного...

— А кто причиной?—Все лавочники! Лавочники ихъ на смѣхъ поднимаютъ,—объяснилъ пономарь,—они другъ передъ другомъ наперерывъ стараются высмѣять все это дѣло и всѣхъ его сторонниковъ.

— Да, вѣдь, извѣстно, отчего они такъ дѣлаютъ,—сказалъ староста.—Причины-то, вѣдь, не скроешь: ясно, что если никто не станетъ покупать кофе, такъ у нихъ останутся на рукахъ и будутъ гнить всѣ ихъ запасы. Вѣдь, эка сила изъ рукъ уплыветъ! Ну, вотъ, и приходится имъ дѣйствовать, какъ только можно, противъ этой новости, чтобы ее придушить въ самомъ началѣ. Только напрасно они хлопочатъ: противъ теченія, братъ, недалеко уплывешь!

— Конечно, напрасно,—подтвердилъ лавочникъ Туппурайненъ, у котораго забирали товаръ пономарь, сборщикъ и ленсманъ. Онъ успѣлъ уже сбыть весь свой запасъ кофе лавочнику изъ сосѣдняго прихода, гдѣ новое движеніе еще не такъ сильно распростанилось, и теперь выставилъ на окнѣ своей лавки объявленіе, что «продается готовый, жареный, ржаной кофе по 10 пенни за фунтъ».—Напрасно; какой же дуракъ станетъ теперь покупать заграничный соръ, когда самый лучшій кофе растетъ на нашемъ собственномъ полѣ?

— Развѣ только подгородные крестьяне и станутъ его покупать, —убѣжденно сказалъ ленсманъ.

— Да, вѣдь, какое дурачье!—прибавила его жена,—говорятъ,—изо ржи кофе дѣлать, значитъ—Божій даръ портить!

— Вотъ олухи!—пономарша даже всплеснула руками.—А не угодно ли вамъ еще чашечку домашняго?

— Покорно благодарю,—я ужъ напилась... А впрочемъ, позвольте.

И супруга ленсмана взяла третью чашку.

— Да, много еще темноты у насъ въ народѣ,—говорилъ членъ сейма.—Своей собственной пользы не понимаютъ. Надо понемножку просвѣщать народъ: вѣдь безъ капли и моря не будетъ! Нашъ долгъ помогать ему словами и примѣромъ, и мы, конечно, охотно будемъ дѣлать все, что идетъ на пользу народу и всему отечеству!

Супруга сборщика тоже выпила третью чашку, съ полнымъ сознаніемъ, что трудится ради благого дѣла. Вѣдь въ этомъ было не одно только удовольствіе, но служеніе идеѣ!

— А посмотрите-ка, пасторъ сюда ѣдетъ!—сказалъ кто-то, и всѣ бросились къ окнамъ. Это извѣстіе нѣсколько охладило общій пылъ. Всѣмъ было извѣстно, что въ пасторскомъ домѣ придерживались еще стараго расточительнаго обычая—пить заграничный кофе, и что, именно по той причинѣ многіе крестьяне и не рѣшались пристать къ новой модѣ, такъ какъ примѣръ пастора имѣлъ рѣшительное вліяніе на людей, не привыкшихъ поступать самостоятельно. Членъ сейма уже не разъ говорилъ, что духовенство вообще всегда возстаетъ противъ

всего новаго, хорошо оно или дурно, такъ что съ этой стороны нечего и ждать поддержки новому кофейному движенію.

Съ пріѣздомъ пастора всѣми овладѣло какое-то угнетенное состояніе. Пытались заговорить о чемъ-нибудь постороннемъ, но разговоръ не клеился, и всѣмъ было неловко. А когда, наконецъ, всѣ разошлись по домамъ, то многимъ вспомнились слова старосты: безъ капли и моря не бываетъ!

Но молодыя дочки пастора уже давно тяготились этимъ отсутствіемъ среди прихожанъ единодушія въ кофейномъ вопросѣ. Одна изъ нихъ, Августа, часто бывавшая въ домѣ ленсмана, уже успѣла усвоить тамъ и теоретически, и практически благородную идею ржаного кофе и затаила въ душѣ рѣшеніе замѣнить у себя въ домѣ настоящій кофе ржанымъ. Ее удерживало только замѣчаніе матери, что отецъ разсердится за такія новости. Пасторша и сама въ глубинѣ души была не прочь перейти къ новой модѣ, но открыто она не смѣла поступать противъ воли своего супруга и повелителя. А самъ пасторъ, какъ это ни казалось страннымъ, ни однимъ словомъ даже не обмолвился о новомъ движеніи; когда же при немъ заговаривали объ этомъ предметѣ, онъ спокойно и молча поворачивался спиной.

Но однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ въ столовой и послѣ обѣда пилъ кофе, вся семья замѣтила, что у него что-то есть на умѣ. Всѣ молчали. Пасторъ, затянувшись раза два изъ трубки и выпустивъ клубъ дыма, вдругъ заговорилъ:

— Я человѣкъ старый, и нечего мнѣ гоняться за модными идеями, которыя то и дѣло появляются на свѣтѣ, то здѣсь, то тамъ...

Дочка Августа навострила уши: что-то будетъ?

— Но я все-таки постараюсь усвоить тѣ изъ этихъ новыхъ идей, которыя считаю въ самомъ дѣлѣ хорошими и полезными; я думаю, что я обязанъ такъ поступать для того, чтобы подавать примѣръ другимъ.

Пасторъ опять глубокомысленно раза два затянулся и среди общаго внимательнаго молчанія продолжалъ:

— И я надѣюсь, что съ этой минуты въ нашемъ домѣ не будетъ другого кофе, кромѣ ржаного,—изъ чистой полевой ржи. Я надѣюсь, что такъ и будетъ, и знаю, что мое желаніе будетъ исполнено.

Пасторъ обвелъ всѣхъ присутствовавшихъ строгимъ и рѣшительнымъ взглядомъ, потомъ всталъ и, тяжело ступая, вышелъ изъ комнаты. Онъ сознавалъ, что въ эту мунуту онъ принесъ жертву на алтарь отечества.

— Ахъ, какой онъ добрый, нашъ отецъ!—вскричала Августа, подпрыгивая отъ радости.—Сейчасъ побѣгу, расцѣлую его!

— И я, и я тоже,—вскочила младшая сестра.

— Нѣтъ, не ходите къ нему,—сказала мать,—онъ этого не любитъ. Пойдемъ-ка лучше, поджаримъ ржи, да приготовимъ ему поскорѣе чашку новаго кофе.

— Да, скорѣе, скорѣе!—Августа захлопала въ ладоши.—Теперь мы и не подумаемъ покупать кофе! А нашъ примѣръ увлечетъ всю деревню и весь приходъ!

— И весь свѣтъ!—добавила младшая сестра, и всѣ вмѣстѣ, припрыгивая, побѣжали за рожью.

А молодой сынъ пастора, магистръ, только вернувшійся домой изъ Гельсингфорса, покручивая усы, улыбался этой дѣтской затѣѣ съ ея наивными восторгами. Ржаной кофе! Вотъ была бы потѣха, если бы въ Оперномъ ресторанѣ, напримѣръ, стали подавать рожь съ конькомъ!

Вѣсть о рѣшеніи пастора съ быстротою вихря распространилась по деревнѣ и всѣхъ несказанно обрадовала. И скоро въ газетахъ появилась корреспонденція, гдѣ говорилось, что въ нашемъ приходѣ уже нельзя найти другого кофе, кромѣ ржаного. «Примѣръ, достойный подражанія!»

Такъ прожили мы всю зиму и дожили до половины весны. Все время пили ржаной кофе. Но—видно, такъ ужъ ведется на свѣтѣ—прежній пылъ значительно поохладѣлъ. Появились другія стремленія, разныя новыя увлеченія, вошли въ моду благотворительныя лоттереи, концерты и т. д., и приходъ снова сталъ дѣлиться на партіи—уже по отношенію къ этимъ новымъ идеямъ. Теперь всѣмъ уже казалось страннымъ и дѣтски-наивнымъ ссориться съ сосѣдями изъ-за такихъ пустяковъ, какъ чашка кофе. Когда къ пономарю пріѣзжали гости изъ Келлалы, на столѣ являлся покупной кофе, хотя этимъ и обижался староста, если ему случалось ловить сосѣда «на мѣстѣ преступленія». Но и староста скоро предоставилъ все это дѣло на усмотрѣніе хозяйки: пусть-де бабы варятъ себѣ, что хотятъ, и угощаются, чѣмъ угодно; у мужчинъ найдутся дѣла поважнѣе этихъ пустяковъ! А лавочники стали все больше и больше подшучивать надъ Туппурайненомъ, который настоящій то кофе распродалъ, а на ржаномъ ничего не нажилъ.

Однажды у ленсмана собрались городскіе гости, и кто-то заговорилъ о «кофейномъ движеніи».

— Я съ самаго начала хорошо знала, что эта черная гуща не можетъ быть полезной для здоровья,—говорила жена сборщика,—но я пила ее, когда подавали, потому что не хотѣла ни съ кѣмъ ссориться изъ-за такой бездѣлицы.

— И мнѣ тоже противно было пить,—сказала ленсманша.—Больше одной чашки я никогда и не пила, а дома всегда варила себѣ настоящій кофе, или мѣшала его больше, чѣмъ на половину, съ ржанымъ.

— И я тоже,—чтобы не чувствовать горечи.

— А у меня ржи давно ужъ и въ поминѣ нѣтъ. Мужъ ея терпѣть не можетъ, только никому объ этомъ не сказываетъ, чтобы не поссориться съ кѣмъ-нибудь.

— А вѣдь сначала крестьяне горячо взялись за это дѣло... Вотъ, напримѣръ, староста.

Пасторша сказала, что пока объ этомъ говорила только ея дочь Августа, до тѣхъ поръ она считала всю эту исторію только ребячествомъ, но когда и мужъ, ради примѣра, захотѣлъ поддержать новую идею, тогда она завела у себя ржаной кофе,—«для людей»; для себя же, конечно, всегда держала настоящій.

— Ну, за то эта идея была полезна для бѣдныхъ крестьянъ, у которыхъ нѣтъ лишняго пенни въ карманѣ.

— Да, для нихъ этотъ кофе здоровъ и вкусенъ, особенно, если его... посолить!

А дочки пастора такъ увлеклись лоттереями, такъ усердно хлопотали о концертахъ, что имъ уже рѣшительно некогда было вспомнить о ржаномъ кофе.

Наконецъ, когда все было готово для лоттереи, учитель на народномъ праздникѣ произнесъ рѣчь и закончилъ ее слѣдующими словами:

«Въ нашемъ служеніи родинѣ мы не должны увлекаться мелочными стремленіями, блуждать по узенькимъ тропинкамъ, но должны отдать своему народу и краю всю свою душу и всѣ свои силы!»

И многіе догадались, что подъ «узенькими тропинками» ораторъ разумѣлъ «кофейное движеніе».

Съ финскаго П. Морозовъ.

ПИСАТЕЛЬ-НАРОДНИКЪ А. А. ПОТѢХИНЪ.

(Къ 50-й годовщинѣ его литературной дѣятельности).

Это было давно,—цѣлыхъ полвѣка тому назадъ.

Далеко на западѣ пошелъ дождь, а у насъ поспѣшили раскрыть зонтикъ, и этотъ зонтикъ безпросвѣтной свинцовой тучей нависъ надъ русской мыслью. Кажется, за все столѣтіе литература наша не испытывала болѣе строгихъ стѣсненій, чѣмъ въ эту глухую пору конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ: русское слово было связано цѣлой сѣтью цензуръ, одна другой строже и придирчивѣе, которыя, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, преслѣдовали «вольный духъ» даже въ поваренныхъ книгахъ,—и, наконецъ, по словамъ современника, даже самая цензура пришла въ какое-то оцѣпенѣніе, не зная, чего держаться. Министръ народнаго просвѣщенія, нѣкогда—членъ знаменитаго «Арзамаса», Уваровъ, громко выражалъ надежду, что наконецъ-то русская литература совсѣмъ прекратится... И это была не пустая фраза:. Бѣлинскій уже лежалъ въ могилѣ, Гоголь медленно и мучительно умиралъ, представители младшаго литературнаго поколѣнія—Достоевскій, Салтыковъ, Плещеевъ и ихъ товарищи—были выбиты изъ строя, Тургеневъ сидѣлъ въ кутузкѣ, Островскій за свою первую комедію отданъ былъ подъ надзоръ полиціи и долженъ былъ письменно доказывать свою благонамѣренность; другіе просто замолкли, хотя въ ту пору и молчаніе не всегда считалось признакомъ смиренія и подчасъ могло вызвать грозный окрикъ: «Что слышу? вы молчите?»

Словомъ, литература была совсѣмъ на краю того идеала, къ которому велъ ее Уваровъ. Въ печати господствовалъ духъ бюрократическаго оппортюнизма; «изящная» словесность пробавлялась преимущественно переводами «съ иностраннаго», которые тоже надо было выбирать съ большой осмотрительностью; оригинальные романы и повѣсти, очень немногочисленные, подъ русскими именами изображали какую-то фантастическую жизнь, полную пламенныхъ любовныхъ похожденій и разныхъ запутанныхъ приключеній; въ театрѣ господствовали переводныя мелодрамы, нелѣпые водевили да трескучія драмы Куколь-

ника, въ которыхъ русскаго было такъ же мало, какъ и въ новинкахъ парижскихъ бульварныхъ театровъ,—и по прежнему все еще оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ восклицаніе Гоголя: «Да когда же, наконецъ, будетъ у насъ свой, народный, русскій театръ?» Журналистика, послѣ Бѣлинскаго совершенно опустившаяся, довольствовалась вмѣсто критики библіографическими изслѣдованіями о старинныхъ, совсѣмъ забытыхъ, писателяхъ, и редакція «Отечественныхъ Записокъ» заботливо хранила въ своемъ портфелѣ обширную статью «О ловлѣ кондоровъ», — на случай, если бы вдругъ понадобилось замѣнить чѣмъ-нибудь безъ вѣсти пропавшіе листы очередной книжки.

Чѣмъ-то далекимъ, чуть не сказочнымъ, вѣетъ отъ воспоминаній объ этой глухой, тяжелой порѣ, когда человѣку съ умомъ и сердцемъ, казалось, некуда было податься, и жутко было, какъ въ темномъ лѣсу... Но—«живъ Богъ, жива душа человѣческая!» Въ самое темное время не перевелись люди, продолжавшіе работать если не для настоящаго, то для будущаго. Они шли ощупью, наугадъ, постоянно наталкиваясь на разныя препятствія и затрудненія, но все побѣждая смѣлой вѣрой въ лучшіе дни, которые уже чуялись вѣщимъ сердцемъ... Ихъ поддерживала и согрѣвала душевная любовь къ народу,—не къ тому отвлеченному народу, съ которымъ поэты обыкновенно риѳмовали «свободу», наряжая его въ красивыя лохмотья, взятыя напрокатъ изъ заграничныхъ магазиновъ, и не къ тому, въ которомъ наши философы усматривали, по Гегелю, сосудъ «исконныхъ» національныхъ началъ и откровеніе «народнаго духа», а къ самому обыкновенному, но за то дѣйствительно существующему мужику, представителю безправной крѣпостной Руси. Этого настоящаго мужика только затронули тогда Григоровичъ и Тургеневъ, — первый въ «Деревнѣ» и «Антонѣ-Горемыкѣ», второй — въ «Запискахъ Охотника», попытавшись, насколько это было возможно, освѣтить его отношенія къ властвовавшему барству. Но внутренняя жизнь народа, — его бытъ, его міросозерцаніе, все еще оставались книгой за семью печатями. Были, правда, попытки заглянуть въ этотъ бытъ, въ народную душу, — но это были или навѣянныя псевдоклассицизмомъ выдумки «словено-русской» миѳологіи, или приторныя разглагольствованія, насквозь пропитанныя квасымъ патріотизмомъ (какъ напр. у Сахарова), или разсказы, хотя и написанные для взрослыхъ читателей, но совершенно въ томъ же тонѣ, въ какомъ пишутся повѣстушки «для добрыхъ и послушныхъ дѣтей», — разсказы не о мужикѣ, а о «мужичкѣ», который пашетъ «землицу», коситъ «травку», кормитъ «лошадку»... Въ этомъ родѣ были, напр., разсказы Даля, который на эти пустячки размѣнялъ свое дѣйствительно серьезное знаніе народной жизни и недюжинное литературное дарованіе.

Но и въ этихъ, пока еще неумѣлыхъ и неловкихъ попыткахъ по-

дойти къ народной жизни уже чувствовалось — хотя, быть можетъ, еще и безсознательное—вѣяніе того могучаго демократическаго духа, который проявился впослѣдствіи въ нашей литературѣ и сообщилъ ей особый, своеобразный характеръ, рѣзко отличающій ее отъ другихъ европейскихъ литературъ. Этотъ демократическій духъ, это влеченіе къ массѣ, къ простому быту, и особенная воспріимчивость къ получаемымъ отъ него впечатлѣніямъ — явленіе, вполнѣ естественное въ нашемъ, по извѣстному выраженію Кавелина, «мужицкомъ» царствѣ, но прошло не мало времени, пока оно изъ безсознательной стихіи нашей литературы стало вполнѣ ясно сознаваемымъ творческимъ ея началомъ. Въ ту пору, о которой мы теперь говоримъ, — въ началѣ 50-хъ годовъ, вниманіе и сочувствіе передовыхъ дѣятелей нашей литературы все яснѣе и яснѣе направлялись въ сторону народной массы: европейскія идеи сороковыхъ годовъ не могли пройти безслѣдно для вдумчиваго русскаго человѣка; интересъ къ народу, стремленіе защитить его права, поднять его изъ того матеріальнаго и нравственнаго униженія, въ которомъ онъ находился,—вотъ чемъ заключался одинъ изъ самыхъ важныхъ стимуловъ литературнаго движенія, только что намѣчавшаго себѣ узенькую тропинку въ дремучемъ лѣсу предразсудковъ и недоброжелательства... Много нужно было искренней любви къ своему дѣлу, много молодой силы и горячаго одушевленія идеей и много упорнаго труда для того, чтобы «дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду». Недаромъ Аполлонъ Григорьевъ, вспоминая о первыхъ дѣятеляхъ небольшого кружка талантливыхъ писателей, составившихъ такъ называемую «молодую редакцію» погодинскаго «Москвитянина», такъ восторженно говорилъ объ этихъ людяхъ: «Явился Островскій, и около него, какъ центра, кружокъ, въ которомъ нашлись всѣ мои, дотолѣ смутныя, вѣрованія... О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія, пророческія рѣчи лились, бывало, изъ устъ Островскаго... какъ сознательно шли мы тогда къ великой и честной цѣли! Пуста и гола жизнь послѣ этого сна!..» *).

Однимъ изъ піонеровъ этого новаго литературнаго движенія явился Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

По мѣсту своего рожденія, Потѣхинъ—костромичъ (род. 1-го іюля 1829 г. въ Кинешмѣ, Костромской губ.). Костромичамъ, вообще, выпала въ нашей литературѣ особая и замѣчательная роль: достаточно назвать Островскаго, Писемскаго, С. В. Максимова. Верхнее Поволжье, какъ исконное гнѣздо старой, «кондовой» Руси, дольше другихъ русскихъ областей сохраняло и еще продолжаетъ сохранять старинные, вѣковые уклады народнаго быта, впечатлѣнія котораго воспринимаются и дѣйствуютъ здѣсь съ особенной силой и, будучи восприняты въ дѣтствѣ, остаются на всю жизнь. У Писемскаго и Островскаго на всю

*) «*Эпоха*» 1864, № IX, стр. 45, 12.

жизнь остались даже слѣды костромского народнаго говора «съ оттяжкой»; у Потѣхина этихъ слѣдовъ уже нѣтъ, какъ не было ихъ и у покойнаго Максимова; но оба эти представителя младшаго поколѣнія литературныхъ костромичей—родные братья старшимъ по своей органической связи съ народнымъ бытомъ и по своимъ отношеніямъ къ народной жизни. Въ бытовыхъ пьесахъ Островскаго, въ драмахъ и разсказахъ изъ народной жизни Писемскаго и Потѣхина, въ разнообразныхъ и богатыхъ содержаніемъ путевыхъ впечатлѣніяхъ Максимова слышится, такъ сказать, собирательный голосъ той среды, въ которой выросли эти писатели: тутъ нѣтъ идеализаціи ни игрушечнаго «мужичка», ни «мужика вообще, что смиреньемъ великъ»; тутъ передъ нами — впечатлѣнія, непосредственно воспринятыя чуткой душой и переданныя съ той любовью къ быту, во всѣхъ его проявленіяхъ, которая составляетъ отличительную, характерную черту названныхъ писателей. Если иногда эта непосредственность, такъ сказать, подрисовывается нѣкоторою наклонностью къ поученію, то это объясняется только требованіями избираемой писателемъ литературной формы, — романа, повѣсти, драмы, а также и внѣшними условіями, въ какихъ приходилось дѣйствовать литератору того времени, о которомъ теперь идетъ наша рѣчь. Другая характерная особенность этихъ писателей заключается въ ихъ языкѣ: это—не условная книжная рѣчь, а чисто-русскій красивый и образный языкъ, простой и вмѣстѣ художественный, не сочиненный, а подсказанный самою жизнью; онъ выработался у нихъ какъ-то самъ собою, въ постоянномъ общеніи съ живыми источниками народнаго словеснаго творчества, и весь складъ мысли, этимъ языкомъ выражаемой, совершенно народный, бытовой, а не «городской». Оттого-то всѣ они и являются несомнѣнными мастерами русскаго слова, свободно отдаваясь своему художническому чутью, которое никогда ихъ не обманывало.

Но обратимся къ Потѣхину. Въ 1849 г. онъ окончилъ курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ и вскорѣ потомъ поселился въ Москвѣ. При бѣдности тогдашней литературы и при отсутствіи общественной жизни, огромное значеніе для всѣхъ образованныхъ людей имѣлъ театръ: это было единственное мѣсто, гдѣ еще можно было отвести душу, въ особенности благодаря превосходному составу московской труппы, которая своимъ исполненіемъ заставляла забывать о бѣдности, а подчасъ и нелѣпости тогдашняго нашего драматическаго репертуара. Знаменитая фраза Бѣлинскаго: «О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!» болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сохраняла свое значеніе въ то время, когда на московской сценѣ дѣйствовали Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій и ихъ знаменитые товарищи. Понятно, что театръ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе и на молодого Потѣхина, который послѣ одного спектакля-бенефиса тогда еще недавно выступившаго на сценѣ Шум-

скаго не могъ удержаться, чтобы не послать въ «Московскія Вѣдомости», небольшую статейку объ этомъ театральномъ событіи. Статейка была напечатана 27-го сентября 1851 г., и редакція предложила момолодому театралу писать постоянныя театральныя рецензіи. Такимъ образомъ Потѣхинъ сдѣлался литераторомъ и получилъ возможность сблизиться съ кружками своихъ собратій, бывшихъ, какъ и онъ, горячими поклонниками театра.

Но начавшаяся такъ случайно дѣятельность театральнаго хроникера не могла надолго удовлетворить молодого человѣка, уже начинавшаго чувствовать въ себѣ настоящій литературный талантъ, который замѣчался въ немъ и другими. Тогдашній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», Катковъ, настаивалъ на томъ, что Потѣхинъ долженъ попробовать свои силы въ какомъ-нибудь болѣе серьезномъ и оригинальномъ произведеніи. Результатомъ этихъ настояній явились два небольшіе этнографическіе очерка изъ жизни родной Потѣхину Костромской губерніи: «Путь по Волгѣ въ 1851 году» и «Уѣздный городокъ Кинешма», напечатанные въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г. Вслѣдъ затѣмъ въ «Современникѣ» появился новый, уже гораздо болѣе обширный очеркъ нашего автора: «Забавы и удовольствія въ городкѣ», а въ «Москвитянинѣ» небольшой «Отрывокъ изъ романа» и первый разсказъ изъ народной жизни: «Титъ Софроновъ Козонокъ». Въ эту пору Потѣхинъ успѣлъ уже близко сойтись съ кружкомъ «молодой редакціи Москвитянина», съ Островскимъ, Эдельсономъ, Алмазовымъ, Ап. Григорьевымъ, и послѣдній, въ своемъ обозрѣніи литературы 1852 года, горячо привѣтствовалъ начинающаго писателя, пророча ему литературную будущность. «Талантъ г. Потѣхина возбудилъ въ насъ большую симпатію уже и тогда, когда мы прочли «Забавы и удовольствія въ городкѣ»,—писалъ критикъ,—намъ было очень пріятно замѣтить въ этой статейкѣ совершенное отсутствіе претензій и насмѣшливаго тона, съ которымъ обыкновенно смотрятъ наши современные писатели на русскій провинціальный бытъ. Авторъ разсказа высказываетъ теплое сочувствіе этому быту, смотритъ безъ ироніи на его увеселенія, самъ желаетъ отъ души ему веселиться и приглашаетъ читателей раздѣлить съ нимъ это желаніе... Но особенно сильно выступаетъ талантъ г. Потѣхина въ его разсказахъ изъ крестьянскаго быта. Не говоримъ о надеждахъ, которыя мы возлагаемъ на талантъ г. Потѣхина, не говоримъ также о недостаткахъ, свойственныхъ всякому еще не установившемуся таланту. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ г. Потѣхина литература пріобрѣтаетъ новаго талантливаго, честнаго и плодовитаго дѣятеля».

Ап. Григорьевъ совершенно вѣрно опредѣлилъ то направленіе, въ которомъ впослѣдствіи окрѣпъ и развился талантъ Потѣхина, именно народническое: содержаніе почти всѣхъ позднѣйшихъ романовъ и повѣстей нашего писателя, а также нѣкоторыхъ изъ его драмъ, взято

изъ крестьянскаго быта. Небольшой разсказъ «Титъ Софроновъ Козонокъ» заслуживаетъ вниманія не только потому, что онъ былъ первымъ произведеніемъ Потѣхина въ этомъ родѣ, тогда еще совершенно новомъ въ нашей литературѣ, но и потому, что въ немъ уже болѣе или менѣе ясно сказались главныя особенности позднѣйшихъ произведеній писателя и его отношеніе къ народу.

Героемъ этого разсказа является сбившійся съ пути дворовый, лѣнтяй и пьяница. Разсчитывая что-нибудь раздобыть, онъ отправляется въ уѣздный городокъ на ярмарку. На дорогѣ ему встрѣчается молодой паренекъ, единственный внукъ зажиточнаго крестьянина, посланный дѣдомъ на ярмарку же продавать медъ. Титъ Софроновъ пристаетъ къ этому пареньку, насильно вваливается къ нему въ телѣгу, пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ и тамъ старается его споить, чтобы поживиться на его счетъ; когда же это не совсѣмъ удается, Титъ, стакнувшись съ двумя такими же забулдыгами, какъ и самъ, подстерегаетъ парня, уже успѣвшаго продать медъ, на обратномъ пути и убиваетъ его, чтобы ограбить. Но видъ убитаго приводитъ убійцу въ ужасъ, Титъ безъ оглядки бѣжитъ домой, предоставляя своимъ товарищамъ пользоваться плодами злого дѣла, и скоро сознается въ своемъ преступленіи. Дѣдъ убитаго, богобоязненный мужикъ, прощаетъ убійцѣ, и даже беретъ къ себѣ въ домъ его несчастную жену, а Титъ, мучимый раскаяніемъ, скоро умираетъ въ острогѣ.

Такимъ образомъ, въ этомъ первомъ разсказѣ Потѣхина изъ народнаго быта передъ нами обрисовываются два типа, различныя разновидности которыхъ нерѣдко встрѣчаются и впослѣдствіи у нашего писателя: положительный типъ мужика, крѣпкаго землѣ, хозяйливаго, богобоязненнаго и добросердечнаго, который умѣетъ переносить тяжелыя испытанія и помогать другимъ, стойко держаться противъ ударовъ судьбы, и отрицательный типъ человѣка, лишеннаго прочныхъ нравственныхъ устоевъ, слабохарактернаго, испорченнаго развращающимъ вліяніемъ барской дворни или городской мастеровщины. Но и въ этихъ отрицательныхъ типахъ не совсѣмъ еще погасла искра Божья: она все еще теплится, до поры, до времени, гдѣ-то глубоко на днѣ ихъ измызганной души, и въ рѣшительную минуту можетъ еще вспыхнуть яркимъ пламенемъ раскаянія и очищенія...

Кромѣ того, въ этомъ первомъ народномъ разсказѣ Потѣхина, какъ и во многихъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, довольно значительное мѣсто отведено чисто бытовому, этнографическому элементу, — повѣрьямъ, обычаямъ и т. п. (бесѣда бабъ о лихоманкахъ и о разныхъ способахъ лѣченія); авторъ даетъ здѣсь очень живое описаніе ярмарки въ маленькомъ городкѣ,—описаніе, которое, собственно, въ разсказѣ не составляетъ необходимой части, но придаетъ ему бытовой интересъ, а для того времени, когда оно явилось, было, конечно, и новостью.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Островскій уже успѣлъ занять выдающееся мѣсто въ литературѣ — своей первой комедіей «Свои люди — сочтемся» (1850) и на сценѣ — дальнѣйшими своими пьесами: «Бѣдная Невѣста» и «Не въ свои сани не садись» (1852—53). На сценѣ повѣяло новымъ духомъ, явились надежды на созданіе новаго, самобытнаго, русскаго драматическаго репертуара, расцвѣли выдающіяся артистическія силы Садовскаго, Никулиной, Шумскаго... Вполнѣ естественно, что и молодой талантливый писатель почувствовалъ влеченіе къ театру и рѣшился попробовать свои силы въ драмѣ. Примѣръ Островскаго и собственный литературный вкусъ указали ему то направленіе, въ которомъ слѣдовало теперь работать для русской сцены,—направленіе бытовое. Въ первой же своей пьесѣ Потѣхинъ вывелъ на сцену крестьянскій бытъ, съ его характерными особенностями и подлинной народной рѣчью. Это была драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Судъ людской—не Божій», написанная въ 1853 году и поставленная весною 1854 года. Пьеса эта написана въ нѣсколько приподнятомъ и отчасти—мелодраматическомъ тонѣ: отецъ проклинаетъ дочь за то, что она слюбилась съ парнемъ, и это проклятіе потрясающимъ образомъ дѣйствуетъ на разсудокъ нервной, впечатлительной дѣвушки, къ ужасу для всѣхъ окружающихъ и самого отца, который, во всемъ себя обвиняя, не знаетъ, какъ возвратить потерянную дочь, убѣжавшую изъ дома. Вмѣстѣ съ женихомъ ея, старикъ идетъ на богомолье въ Кіевъ и на обратномъ пути, на постояломъ дворѣ, находитъ дочь въ видѣ странницы, прощаетъ ее, благословляетъ... но дѣвушка уже не хочетъ идти за своего суженаго: она будетъ всю жизнь замаливать свой грѣхъ и служить Богу и отцу своему. Узнавъ о такомъ ея рѣшеніи, и женихъ ея тоже рѣшается послужить царю и отечеству и идетъ въ солдаты.

Эта пьеса представляэтъ любопытную психологическую попытку построить драматическую коллизію на сумасшествіи дѣвушки, пораженной отцовскимъ проклятіемъ, но въ цѣломъ производитъ тяжелое впечатлѣніе: роль героини во всѣхъ четырехъ дѣйствіяхъ—почти сплошная истерика, которой вторягъ, въ томъ же тонѣ, отецъ и женихъ злополучной дѣвушки. Аполлонъ Григорьевъ разсердился на автора за это «кликушество», но не замѣтилъ, что оно объясняется желаніемъ писателя какъ можно рѣзче подчеркнуть ту мысль, которая положена въ основу и всѣхъ прочихъ его пьесъ и разсказовъ изъ народнаго быта,—что и въ деревнѣ живутъ такіе же люди, какъ и въ городѣ, также одаренные способностью тонко и глубоко чувствовать различныя движенія души. При тогдашнихъ общественныхъ и литературныхъ условіяхъ, при той грубой жестокости нравовъ, которая господствовала даже въ средѣ, считавшей себя культурною и имѣвшей непосредственное вліяніе на судьбу мужика, одна эта мысль была уже заслугой: она заставляла подумать о томъ, что и у людей, которыхъ

привыкли звать даже не именами, а уничижительными кличками, не признавая въ нихъ образа и подобія Божія, также есть сердце. «Мое горе—отъ души да отъ сердца,—говоритъ въ драмѣ Потѣхина молодой парень проѣзжему барину, который издѣвается надъ крестьянской чувствительностью,—а по тебѣ—какое-де у мужика сердце, какое-де у него чувствіе»... И баринъ побѣжденъ неожиданной для него развязкой пьесы: «Трогательная исторія! — восклицаетъ онъ, утирая слезы.—Именно наши крестьяне... удивительный народъ!.. съ душой!..» Раньше онъ объ этомъ, очевидно, не догадывался.

Почти одновременно съ этой первой драмой Потѣхина изъ народнаго быта явился въ «Москвитянинѣ» его романъ «Крестьянка». Здѣсь представлена дѣвушка крестьянскаго происхожденія, воспитанная, какъ родная дочь, въ семьѣ добраго нѣмца-управителя и получившая хорошее образованіе. Она влюбилась въ молодого барина, который, однако, хотѣлъ только «позабавиться» съ нею, не придавая этому увлеченію никакой важности. Подавленная разочарованіемъ въ своемъ первомъ чувствѣ, измученная клеветой, дѣвушка возвращается въ избу своихъ настоящихъ родителей и рѣшается сдѣлаться крестьянкой. Родители окружаютъ ее недовѣрчивымъ надзоромъ, сватаютъ ей противнаго жениха, и жизнь ея въ родной семьѣ становится невыносимою. Единственнымъ человѣкомъ, ее понимающимъ, является ея братъ Зосима, уже взрослый женатый мужикъ, котораго всѣ считаютъ глуповатымъ и который, не находя въ жизни никакой радости, частенько зашибается хмѣлемъ и потомъ съ дѣтской покорностью переноситъ брань жены и даже побои отца. Это—человѣкъ, съ самаго начала несправедливо униженный; и вотъ, подъ вліяніемъ сестры, также несправедливо обижаемой, въ немъ пробуждаются лучшія умственныя и нравственныя силы... Но дѣвушка уже не можетъ оставаться въ родной семьѣ, которая стала для нея совсѣмъ чужою, и уѣзжаетъ, чтобы поступить въ гувернантки въ помѣщичій домъ.

Продолженіемъ этого повѣствованія о «крестьянкѣ», въ которомъ авторъ хотѣлъ сопоставить жизнь простонародную съ жизнью другихъ круговъ общества и показать ихъ взаимныя отношенія, явилась комедія «Братъ и сестра», поставленная на сцену только черезъ 12 лѣтъ послѣ ея появленія въ печати, подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «Хоть шуба овечья, да душа человѣчья». Здѣсь героиня пьесы—все та же «крестьянка» Аннушка—живетъ у помѣщицы въ качествѣ гувернантки ея дочери и терпитъ всевозможныя униженія за стремленіе отстоять свое человѣческое достоинство: помѣщица, у которой она забрала впередъ деньги для того, чтобы выкупить на волю своего брата Зосиму, хочетъ ее насильно выдать замужъ за глупаго и пьянаго чиновника; одинъ изъ постоянныхъ гостей въ домѣ, грязный волокита, не даетъ беззащитной дѣвушкѣ покоя своими приставаньями; прислуга за ней шпіонитъ и доноситъ на нее барынѣ и т. д. И только одинъ молодой

*

помѣщикъ, искренно полюбившій Аннушку, выступаетъ постояннымъ ея защитникомъ и, въ концѣ концовъ, рѣшается пожертвовать дворянскими предразсудками и предлагаетъ ей свою руку. Пьеса заключается словами Зосимы, изъ которыхъ видна и ея мораль: «Господи! кабы побольше было экихъ людей на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ баринъ, такъ баринъ!»

Такимъ образомъ, первыя повѣтствовательныя и драматическія произведенія Потѣхина изъ народнаго быта, въ которыхъ авторъ обнаружилъ не только серьезное знаніе народной жизни, но и теплое, вдумчивое къ ней отношеніе, проникнуты были желаніемъ пробудить въ читателяхъ доброе чувство къ народной массѣ, униженной и безправной, указать въ этой массѣ свѣтлыя стороны, заслуживающія вниманія и поддержки, вызвать интересъ къ такому кругу явленій, который въ ту пору почти вовсе еще не былъ тронутъ литературой. Если молодой писатель явился въ этихъ произведеніяхъ не простымъ наблюдателемъ, а нѣсколько тенденціознымъ изобразителемъ народнаго быта, то произошло это, во-первыхъ, оттого, что первые шаги нашего народничества по необходимости должны были быть дидактическими, такъ какъ иначе творчество въ этомъ направленіи было бы безцѣльнымъ, а во-вторыхъ—оттого, что тогдашняя критика, смотрѣвшая на литературу съ чисто эстетической точки зрѣнія, постоянно твердила, что народная жизнь не можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія въ силу своей «непосредственности». Это господствовавшее въ ту пору мнѣніе, очень опредѣленно высказанное, напр., Анненковымъ въ его рецензіи на «Крестьянку» («Современникъ» 1854 г., т. 43, отд. 3, стр. 53—80), и окончательно разрушенное только Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, не могло, разумѣется, не повліять на молодого писателя и побуждало его еще болѣе усиливать поучительный элементъ въ своихъ произведеніяхъ, чтобы избѣжать упрека въ художественномъ изображеніи такихъ вещей и отношеній, которыя стоятъ внѣ сферы художества. Съ другой стороны, слѣдуя общераспространенному въ то время вкусу публики, которая отъ повѣствователей требовала прежде всего «романа», т.-е. изображенія непремѣнно любовныхъ приключеній и вызываемыхъ ими происшествій, Потѣхинъ долженъ былъ и для своихъ повѣстей изъ народной жизни придумывать «романическое» содержаніе, а это, конечно, вело къ извѣстной долѣ преувеличенія сентиментальнаго элемента. Этимъ объясняются такія стороны произведеній Потѣхина, которыя читателю нашего времени представляются недостатками, хотя въ свое время далеко не казались такими: въ пятидесятыхъ годахъ наша литература еще не отучилась отъ извѣстной риторической приподнятости тона, отъ той придуманности, искусственности, благодаря которой самое понятіе «романа» противополагалось дѣйствительной жизни, какъ нѣчто съ нею мало схожее. «Романъ», по вкусамъ того времени, долженъ былъ быть за-

нимательной выдумкой; о томъ, насколько вѣрно отражается въ немъ настоящая жизнь, еще не привыкли справляться. Это надо помнить при оцѣнкѣ раннихъ произведеній Потѣхина, въ которыхъ писатель отдалъ дань своему времени, хотя нельзя не замѣтить, что стремленіе къ занимательности даже и въ этихъ раннихъ произведеніяхъ стоитъ у него далеко не на первомъ планѣ, а впослѣдствіи, по мѣрѣ измѣненія литературныхъ взглядовъ, мало-по-малу и совсѣмъ перестаетъ быть замѣтнымъ.

Дѣятельность нашего писателя, какъ романиста и драматурга, на нѣкоторое время была прервана его участіемъ въ знаменитой въ лѣтописяхъ нашей литературы экспедиціи 1856 г., выполненной по плану великаго князя Константина Николаевича и снова объединившей всѣхъ нашихъ литературныхъ костромичей въ одномъ общемъ дѣлѣ. Правительство, вступая на путь преобразованій, почувствовало нужду въ содѣйствіи тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которымъ уже давно присвоено было обществомъ оффиціально не признанное и не утвержденное званіе «литераторовъ» и которые до той поры находились въ сильномъ подозрѣніи. Крутой переходъ къ вниманію, поощренію и исканію помощи въ кругу этихъ дѣятелей былъ и достаточно неожиданнымъ, и знаменательнымъ послѣ недавнихъ фактовъ совсѣмъ иного рода... Однимъ изъ яркихъ симптомовъ этого поворота къ новому времени и явилась литературная экспедиція, въ которой отразилось уже давно созрѣвшее желаніе ближе познакомиться съ народною жизнью. Къ участію въ ней, прежде другихъ, приглашены были Писемскій и Потѣхинъ; потомъ самъ предложилъ свои услуги Островскій, а позднѣе, вмѣстѣ съ другими лицами, приглашенъ былъ и С. В. Максимовъ, Островскій, Писемскій и Потѣхинъ подѣлили между собою изученіе Поволжья такимъ образомъ, что первый принялъ на себя описаніе верхней Волги, до Нижняго, Писемскій—описаніе низовья, а Потѣхину досталось среднее Поволжье, отъ устьевъ Оки до Саратова. Результатомъ этой поѣздки явились статьи нашего писателя, напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ», «Современникѣ» и «Вѣкѣ»: «Ловъ красной рыбы въ Саратовской губерніи», «Рѣка Керженецъ», гдѣ въ прекрасной литературной формѣ изложены данныя относительно лѣсной торговли на одномъ изъ притоковъ Волги, прославленномъ раскольничьими скитами, и «Съ Ветлуги», гдѣ также идетъ рѣчь о разныхъ лѣсныхъ промыслахъ. Эти этнографическія изученія Потѣхина расширили кругъ его наблюденій надъ народною жизнью и, конечно, дали ему много новаго матеріала для повѣстей изъ крестьянскаго быта,—матеріала, которымъ онъ и воспользовался въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ.

Но прежде, чѣмъ снова перейти къ народному бытописанію, Потѣхинъ напечаталъ еще большой романъ изъ жизни провинціальнаго общества, «Крушинскій»,—самое крупное, по объему, свое произведе-

ніе (1857). Собственно, основной сюжетъ этого романа можно передать въ немногихъ словахъ: это—много разъ повторявшаяся въ разныхъ романахъ исторія неудачной любви. Крушинскій, «полковой лѣкарь», сынъ сельскаго дьячка, случайно знакомится съ семействомъ богатаго и чваннаго помѣщика Коркина и влюбляется въ его дочь, Надю, которая скоро начинаетъ платить ему взаимностью. Но за Надей начинаетъ ухаживать князь Бандуровъ, искатель богатой невѣсты, и дѣлаетъ ей предложеніе. Вопреки волѣ отца, она рѣшительно отказываетъ князю; тогда послѣдній распускаетъ по городу сплетню объ ея предосудительныхъ отношеніяхъ къ Крушинскому. Искусный врачъ, два раза спасшій старика Коркина отъ смерти, Крушинскій рѣшается на откровенное объясненіе съ нимъ о Надѣ; но гордый старикъ наотрѣзъ отказываетъ ему, ссылаясь на неравенство происхожденія, которое, въ его глазахъ, не допускаетъ и мысли о родствѣ. Надю увозятъ въ Петербургъ, куда вслѣдъ за нею ѣдетъ и Крушинскій; здѣсь онъ безнадежно заболѣваетъ и умираетъ, а чванный отецъ, разрушившій счастье дочери, становится жертвой ловкаго проходимца, кавказскаго князя, который выманиваетъ у него крупныя деньги.

Сама по себѣ эта исторія, конечно, не представляетъ ничего особенно новаго и интереснаго, и главный интересъ романа заключается вовсе не въ ней, а въ томъ общемъ фонѣ, на которомъ она разыгрывается,—въ правдивомъ и яркомъ изображеніи уѣздной и губернской провинціальной жизни, со всею пустотою ея узкихъ понятій и мелочныхъ побужденій, съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо идеальныхъ стремленій, возвышающихъ человѣка надъ повседневной пошлостью пьянства, картъ, сплетенъ и пересудовъ, въ которыхъ коротаетъ свои дни это общество, считающее себя «образованнымъ» и даже «аристократическимъ». Здѣсь передъ нами—цѣлая галлерея типовъ, очерченныхъ съ непринужденнымъ юморомъ и большой наблюдательностью, множество мелкихъ, но характерныхъ подробностей, обрисовывающихъ избранную авторомъ общественную среду во всемъ ея «натуральномъ» видѣ. Въ этомъ отношеніи «Крушинскій» былъ для своего времени, несомнѣнно, интереснымъ и поучительнымъ произведеніемъ. Недостаткомъ романа является отсутствіе художественной экономіи, которая исключаетъ все лишнее, замедляющее дѣйствіе, но этотъ недостатокъ искупается многими очень живыми и реальными сценами и положеніями.

Къ тому же разряду произведеній нашего писателя относится и другой его романъ—«Бѣдные дворяне», изданный въ 1863 году и тогда же очень сочувственно встрѣченный критикой *). Здѣсь авторъ изображаетъ провинціальное дворянское общество наканунѣ реформы

---

*) «Библ. для Чтенія» 1863 г. № 10, статья *В. П. Острогорскаго*: «Богатые и бѣдные дворяне-собственники».

Героемъ этого романа является бѣдный однодворецъ Никаноръ Осташковъ, потомокъ нѣкогда знатнаго, но уже давно совсѣмъ захудалаго рода, воспитанный совершенно по-крестьянски и ничѣмъ не отличающійся отъ окружающихъ его мужиковъ. Онъ женится на дочери вольноотпущенной дворовой и скоро подчиняется вліянію своей тещи, которая постоянно твердитъ ему, что онъ дворянинъ, что ему слѣдуетъ идти въ дворянскій кругъ, въ которомъ онъ имѣетъ право быть принятымъ на равной ногѣ и можетъ пріобрѣсти сильное покровительство. И вотъ, онъ втирается въ помѣщичью среду, ища въ ней милостивцевъ и благодѣтелей, а господа дворяне начинаютъ всячески издѣваться надъ своимъ собратомъ, его робостью и мужицкою необразованностью, наряжаютъ его въ шутовское платье, бьютъ нагайками, травятъ собаками, однимъ словомъ, обращаютъ его въ жалкаго прихлебателя и невольнаго шута. Такое недостойное положеніе сначала тяготитъ Осташкова, но потомъ онъ мало-по-малу къ нему привыкаетъ и увлекается возможностью жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая и получая подачки, хотя бы и въ перемежку съ пинками. Картина постепеннаго превращенія Осташкова изъ скромнаго, честнаго труженика въ лѣнтяя и дармоѣда, пресмыкающагося у разныхъ благодѣтелей, исполнена въ романѣ мастерски. Съ другой стороны, переводя своего героя отъ одного милостивца къ другому, авторъ рисуетъ цѣлый рядъ жизненныхъ типовъ и раскрываетъ передъ нами ужасающую картину праздности, пьянства, разврата, грубаго животнаго эгоизма, дикаго безчеловѣчія и дряблой безхарактерности,—картину, въ которой каждое изъ дѣйствующихъ лицъ можетъ повторить про себя и про другихъ извѣстные стихи:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой,
Плодотворное зерно...

Въ промежуткѣ между этими двумя большими романами Потѣхинъ написалъ свою третью драму изъ народнаго быта—«Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Она была поставлена въ Петербургѣ, въ 1856 г. и имѣла огромный успѣхъ, особенно благодаря геніальному Мартынову, исполнявшему роль забулдыги-ямщика, который подъ вліяніемъ своего пріятеля лакея совсѣмъ сбивается съ пути и хочетъ убить отца, чтобы воспользоваться найденными имъ чужими деньгами, но во-время одумывается и раскаивается *).

Расцвѣтъ «обличительной» литературы во второй половинѣ 50-хъ годовъ не могъ пройти безъ вліянія на нашего писателя. Потѣхинъ отозвался на это «вѣяніе» своего времени цѣлымъ рядомъ пьесъ, по-

*) Подробный разсказъ автора о представленіи этой пьесы—въ его «Театральныхъ воспоминаніяхъ», въ журналѣ «Театръ и Искусство» 1901 г., №№ 40 и 41.

священныхъ изображенію разныхъ темныхъ и отрицательныхъ сторонъ тогдашней общественной жизни: въ промежутокъ 1858—1869 гг. явились, одна за другою, его комедіи: «Мишура», «Виноватая», «Отрѣзанный ломоть», «Новѣйшій Оракулъ», «Современные рыцари» («Въ мутной водѣ») и «Вакантное мѣсто». Всѣ эти пьесы, безукоризненныя въ отношеніи драматической техники, оставляютъ и на сценѣ, и въ чтеніи очень сильное и вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе; въ нихъ въ полной мѣрѣ проявился талантъ нашего писателя — драматическій по преимуществу. Въ самомъ дѣлѣ, Потѣхинъ, по характеру и манерѣ письма,—не столько повѣствователь, сколько драматургъ; повѣствовательная часть его романовъ и повѣстей почти всегда выходитъ сухою, блѣдною; его описанія обыкновенно не богаты красками и лишены той поэзіи, того непосредственнаго чувства природы, какими проникнуты, напримѣръ, великолѣпные тургеневскіе пейзажи. Писатель какъ будто торопится отбыть эту неизбѣжную для разсказчика повинность и поскорѣе перейти къ своей любимой стихіи,—къ дѣйствію, которое у него всегда изображается ярко, живо, интересно, съ большимъ мастерствомъ въ выборѣ положеній и діалогѣ, нерѣдко достигающемъ настоящей драматической силы. Почему, несмотря на это явное преобладаніе въ талантѣ Потѣхина драматическаго элемента, онъ все-таки такъ много написалъ въ повѣствовательномъ родѣ, мы не беремся судить: можетъ быть, тутъ отчасти виноваты и тѣ особенно неблагопріятныя внѣшнія условія, въ какія поставлена была у насъ дѣятельность серьезнаго драматическаго писателя и тяжесть которыхъ Потѣхину неоднократно приходилось испытывать на самомъ себѣ. Такъ, уже вторая его пьеса «Братъ и Сестра» цѣлыхъ десять лѣтъ находилась подъ цензурнымъ запрещеніемъ; «Мишура» была допущена на сцену только черезъ четыре года послѣ ея напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; «Отрѣзанный ломоть» былъ снятъ съ репертуара послѣ нѣсколькихъ представленій въ Петербургѣ и Москвѣ; «Виноватая» явилась черезъ пять лѣтъ послѣ написанія; «Вакантное мѣсто» также долго не пропускалось драматической цензурой, а «Современные рыцари» и до сихъ поръ не могутъ быть поставлены въ томъ видѣ, какъ ихъ изобразилъ драматургъ: ему пришлось пожертвовать лучшими сценами пьесы, перемѣнить нѣмецкую фамилію одного изъ главныхъ лицъ на русскую, совершенно выкинуть типы губернатора и исправника, которыми онъ особенно дорожилъ, а также уничтожить всѣ народныя сцены и даже дать пьесѣ другое названіе—«Въ мутной водѣ». Трудно было работать при такихъ условіяхъ драматургу, который, вѣдь, пишетъ не для читателей только, а, главнымъ образомъ, для зрителей... Но, какъ бы то ни было, на нашъ взглядъ, драмы и комедіи Потѣхина ярче, выразительнѣе, сильнѣе его романовъ и повѣстей, и притомъ гораздо разнообразнѣе по содержанію, такъ какъ въ нихъ авторъ касается не одного только деревенскаго быта, но и различныхъ проявленій жизни

городского образованнаго общества и затрогиваетъ разные вопросы, очень близкіе большинству зрителей и вызывавшіе на серьезныя размышленія. Здѣсь, въ рѣзко очерченныхъ типахъ переходной поры, явились передъ нами представители ея темныхъ сторонъ: и «образцовые» безкорыстные чиновники, готовые, однако, все принести въ жертву своей карьерѣ («Мишура», «Вакантное мѣсто»), и разные дѣльцы и рыцари наживы, привыкшіе ловить рыбу «въ мутной водѣ», и печальная судьба дѣвушки, проданной родителями («Виноватая»), и та непримиримая рознь во взглядахъ на жизнь, которая не замедлила въ эту эпоху перелома обнаружиться между «отцами» и «дѣтьми» и повела обѣ стороны къ неизбѣжному разрыву («Отрѣзанный ломоть»). Написанныя въ тонѣ, который господствовалъ въ нашей литературѣ 60-хъ годовъ, эти пьесы теперь кажутся намъ нѣсколько устарѣвшими, какъ, впрочемъ, и вся тогдашняя литература, въ которой многое для насъ, отъ многократнаго повторенія, обратилось въ привычное общее мѣсто; но, тѣмъ не менѣе, по содержанію своему и по отношенію къ нему автора онѣ и до сихъ поръ далеко еще не утратили своего жизненнаго значенія. Это—пьесы *общественныя* въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что въ нихъ основнымъ мотивомъ всегда является какой-нибудь общественный вопросъ или общественныя отношенія дѣйствующихъ лицъ, потому что онѣ даютъ матеріалъ для критики различныхъ сторонъ и условій жизни общества; все же остальное—семейное положеніе дѣйствующихъ лицъ, любовная интрига и пр.—является здѣсь только на второмъ планѣ, ради сценической «интриги». Добролюбовъ, въ своей пространной статьѣ о «Мишурѣ» (Соч., т. 2) отмѣтилъ у Потѣхина недостатокъ *смѣха*, т.-е. слишкомъ серьезное, слишкомъ желчное и негодующее отношеніе къ такимъ явленіямъ жизни, которыя слѣдовало бы клеймить только насмѣшкой; и въ самомъ дѣлѣ, комедіи Потѣхина—вовсе не комедіи въ обычномъ смыслѣ этого слова: въ нихъ нѣтъ ничего или почти ничего комическаго; напротивъ, изображаемыя въ нихъ положенія въ высокой степени драматичны и вызываютъ не смѣхъ, а ненависть къ той жизни и къ тѣмъ «героямъ», которыхъ рисуетъ авторъ. Его обличеніе слишкомъ горячо, слишкомъ рѣзко для того, чтобы разрѣшаться смѣхомъ, и хотя правъ Гоголь, сказавшій, что смѣхъ—великая сила, потому что его боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ, но правъ и нашъ писатель, давая полную волю своему благородному негодованію при видѣ отрицательныхъ сторонъ окружающей насъ дѣйствительности. Комедіи Потѣхина—сатиры въ дѣйствіи, и въ этомъ ихъ большое литературное значеніе и достоинство.

Въ 60-хъ годахъ Потѣхинъ напечаталъ, кромѣ этихъ пьесъ, только одинъ небольшой разсказъ изъ народнаго быта, «Бурмистръ», написанный гораздо раньше, но въ свое время не пропущенный цензурою. Здѣсь изображается идеальный бурмистръ, печальникъ и радѣлецъ

бѣдныхъ и обиженныхъ крестьянъ, всегда выручающій ихъ изъ бѣды. Онъ готовъ даже пожертвовать собственнымъ сыномъ и сдать его въ рекруты взамѣнъ несправедливо назначеннаго барыней бѣдняка, но на этотъ разъ судьба помогаетъ ему: ему удается убѣдить барыню измѣнить рѣшеніе. Въ разсказѣ интересны бытовыя сцены и въ особенности—отношеніе народа къ рекрутчинѣ и причитанія матери надъ сыномъ, отправляемымъ въ солдаты.

Въ 70-хъ годахъ, наоборотъ, Потѣхинымъ написана только одна пьеса—«Выгодное предпріятіе» (1877), но за то—цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей, и на этотъ разъ уже исключительно изъ народнаго быта. Они собраны въ 1891 г. въ три небольшіе томика, подъ общимъ заглавіемъ: «Послѣ освобожденія». Содержаніе этихъ разсказовъ взято исключительно изъ семейныхъ отношеній, таковы разсказы: «Хай-дѣвка», «Хворая» (впослѣдствіи передѣланная авторомъ въ драму), «Иванъ да Марья»; интересенъ въ психологическомъ отношеніи небольшой разсказъ «Порченая», въ которомъ изображается дѣйствіе мистицизма на душу молодой дѣвушки; характерно очерчены типы деревенскихъ міроѣдовъ... Въ болѣе широкихъ рамкахъ, захватывающихъ и общественныя отношенія современной деревни, происходитъ дѣйствіе повѣсти «На міру», основной сюжетъ которой отчасти напоминаетъ драму «Чужое добро въ прокъ нейдетъ»: это—своего рода деревенскіе «отцы» и «дѣти»; представителемъ первыхъ является строгій, богобоязненный и патріархальный мужикъ Ѳедотъ Семенычъ, а представителемъ вторыхъ — его отбившійся отъ рукъ сынъ Кирила, который, подъ вліяніемъ суровыхъ мѣръ отца, не только не исправляется, а становится воромъ и поджигателемъ и, въ концѣ-концовъ, попадаетъ въ тюрьму. Въ 1878—1879 гг., въ «Вѣстникѣ Европы» Потѣхинъ далъ продолженіе этой повѣсти, подъ заглавіемъ «Молодые побѣги». Здѣсь дѣйствуютъ отчасти тѣ же лица, что и въ первой повѣсти; но дѣйствіе уже переносится изъ деревни на фабрику, и передъ нами мелькаютъ новые типы энтузіастовъ рабочаго движенія...

Нѣсколько раньше этой послѣдней повѣсти Потѣхина вышелъ его романъ, также изъ сельской фабричной жизни, «Около денегъ»,—исторія злополучнаго увлеченія богомольной старой дѣвы продувнымъ плутомъ, ради котораго она обкрадываетъ своего отца. Этотъ романъ въ началѣ 90-хъ годовъ былъ передѣланъ авторомъ въ драму, которая съ большимъ успѣхомъ исполнялась въ Петербургѣ и Москвѣ.

Объ этихъ произведеніяхъ второго періода дѣятельности Потѣхина, какъ повѣствователя, можно сказать вообще, что они во многихъ отношеніяхъ выше прежнихъ: здѣсь авторъ имѣлъ возможность использовать свое знаніе народнаго быта, міросозерцанія, языка, уже не стѣсняясь, какъ прежде, условными требованіями «выдумки» и романической занимательности, не имѣя надобности обходить разные подводные камни, которые въ прежнее время на каждомъ шагу тормо-

зили свободное творчество художника. Самая манера его письма, его стиль отражаетъ въ себѣ уже иныя литературныя условія: его повѣствованія стали гораздо болѣе сжатыми, сосредоточенными, и отъ этой сжатости, исключающей все лишнее, много выиграли въ своей жизненности и выразительности. Въ ряду представителей нашего литературнаго «народничества» Потѣхинъ, въ этихъ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, выдѣляется своею полною объективностью въ отношеніи къ народной жизни: онъ не заботится о томъ, чтобы непремѣнно вызвать въ умѣ читателя рядъ заранѣе намѣченныхъ мыслей, у него нѣтъ никакой «тенденціи»; онъ просто беретъ изъ народной жизни то, что показалось ему интереснымъ, и воспроизводитъ свои наблюденія въ рядѣ живыхъ и правдиво обрисованныхъ лицъ и положеній. Въ то время, какъ другіе наши писатели-народники занимаются изученіемъ почти исключительно общественныхъ отношеній мужика или изображеніемъ разныхъ сторонъ экономическаго строя деревни, Потѣхинъ сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на домашнемъ, семейномъ крестьянскомъ обиходѣ и на внутренней, душевной жизни своихъ дѣйствующихъ лицъ. Благодаря этой своей особенности, онъ является, между прочимъ, большимъ мастеромъ въ изображеніи различныхъ женскихъ характеровъ; ни одинъ изъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ подробно вникать въ «бабьи» интересы, разбираться въ міровоззрѣніи этого въ полной мѣрѣ темнаго царства, съ его грубымъ суевѣріемъ и своеобразнымъ мистицизмомъ, съ неопредѣленными порывами и запросами чувства, со всѣми его отношеніями къ людямъ и жизни; ни у одного писателя нѣтъ такой полной галлереи женскихъ портретовъ изъ деревенской среды и такого разнообразія психологическихъ этюдовъ по этой части.

Такимъ образомъ, Потѣхину по праву принадлежитъ въ нашей литературѣ почетное мѣсто, и какъ выдающемуся драматургу, всегда избиравшему для своихъ произведеній серьезныя общественныя темы, разработкою которыхъ не особенно богата наша драматическая словесность, и какъ одному изъ старѣйшихъ представителей народнаго бытописанія, всегда умѣвшему пробуждать въ читателяхъ не только интересъ къ народной жизни, но и человѣчное къ ней отношеніе. Это— большая заслуга, которая не забудется.

П. Морозовъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

IV.

Характеръ второго фазиса просвѣтительной дѣятельности Екатерины.—Екатерина и европейское общественное мнѣніе этихъ годовъ.—Дидро, какъ его представитель.—Его впечатлѣнія въ Россіи; уклончивость объясненій Екатерины.—Его проектъ политической реформы.—Отношеніе его и Екатерины къ религіозному вопросу.—Ультиматумъ Дидро и общее впечатлѣніе императрицы.—Послѣдствія его для вопроса о переизданіи «Энциклопедіи» въ Петербургѣ.—Екатерина и русское общественное мнѣніе.—«Исправленіе нравовъ» занимаетъ мѣсто философскаго законодательства.—Попытка изданія нравовоспитательнаго журнала (Всякая Всячина).—Отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія въ другихъ органахъ и полемика императрицы съ этими органами.—Соціальная сатира Трутня и отношеніе къ ней журнала Екатерины.—Споръ о границахъ, пріемахъ и цѣляхъ публицистики.—Нейтральная почва въ восхваленіи «древнихъ» добродѣтелей русскихъ и въ нападкахъ на французоманію.—Происхожденіе націоналистическаго протеста и каррикатурныхъ типовъ сатирическихъ журналовъ.—Новиковъ пробуетъ стать на почву націоналистической каррикатуры въ «Живописцѣ».—Неудачный опытъ восхваленія національныхъ добродѣтелей въ «Кошелькѣ».—Характеръ лучшихъ журналовъ 1769—1774 гг.—Роль публициста при Екатеринѣ.

Мы переходимъ теперь ко второму фазису въ развитіи просвѣтительныхъ идей Екатерининскаго времени. Передовая мысль Европы шагнула къ этому времени далеко впередъ сравнительно съ эпохой молодости Екатерины. Напротивъ, Екатерина успѣла «обжечь себѣ пальцы» на первыхъ опытахъ осуществленія идей своей молодости. «Духъ времени» ушелъ впередъ; духъ власти подался назадъ; такимъ образомъ разрушилась та кажущаяся гармонія между тѣмъ и другимъ, которою характеризовался первый періодъ дѣятельности Екатерины. Съ своимъ практическимъ умомъ, императрица очень скоро отдала себѣ ясный отчетъ въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи принятой на себя роли. Но отдавать въ этомъ отчетъ другимъ, разумѣется, не могло входить въ ея планы. Такимъ образомъ, самой характерной чертой второго фазиса явилось *недоразумѣніе* во взаимныхъ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія и власти. Общественное мнѣніе Европы ждало отъ Екатерины логическихъ выводовъ изъ первыхъ шаговъ ея реформаторской дѣятельности. Нарождавшееся общественное мнѣніе

Россіи, призванное этими самыми шагами къ жизни и дѣятельности, только что собиралось заявить о себѣ. Оба оказались плохо освѣдомленными относительно истинныхъ намѣреній императрицы.

Результатомъ такого недоразумѣнія были первыя, болѣе или менѣе мягкія столкновенія императрицы съ общественнымъ мнѣніемъ. Одно изъ этихъ столкновеній—съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сохранялось, въ полномъ своемъ размѣрѣ, втайнѣ до самаго послѣдняго времени. Я разумѣю разговоры императрицы съ Дидро, настоящимъ депутатомъ отъ передовой Европы въ Петербургѣ. Другое столкновеніе, менѣе глубокое принципіально, но зато болѣе видное для всѣхъ и чувствительное для Екатерины,—произошло у себя дома, въ русской литературной семьѣ: оно было послѣдствіемъ попытки Екатерины—принять личное участіе въ русской журналистикѣ. Собственно хронологическій порядокъ обоихъ этихъ столкновеній былъ обратный сказанному (бесѣды съ Дидро—1773 г.; столкновеніе съ журналами—1769 г.); но мы нарушимъ на этотъ разъ хронологію и начнемъ съ болѣе принципіальнаго столкновенія, чтобы кончить болѣе жизненнымъ.

Не было человѣка въ Европѣ, болѣе способнаго выполнить единственную въ своемъ родѣ миссію—делегата европейской литературной республики при русской императрицѣ, чѣмъ Дидро. Надо было стоять въ самомъ центрѣ просвѣтительнаго движенія и сдѣлать свое имя символомъ этого движенія въ глазахъ друзей и враговъ; надо было имѣть за плечами шестьдесятъ лѣтъ и 28 томовъ «Энциклопедіи»—и при этомъ сберечь юношеское незнаніе людей и вѣру въ идеи; надо было обладать душевнымъ жаромъ и всѣми чарами увлекательной рѣчи и благородной прямоты обращенія: словомъ, надо было такъ полно и цѣльно слить свою личность съ великой цѣлью просвѣтительнаго движенія, какъ это было у Дидро, чтобы обезоружить житейскій скептицизмъ Екатерины и заставить ее выслушать все то, что, нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, отъ трехъ до пяти послѣ полудня, проповѣдывалъ ей Дидро въ своихъ монологахъ, иногда переходившихъ въ оживленные споры *). Надо отдать справедливость Екатеринѣ: она выдержала свою роль великолѣпно и ничѣмъ, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ не дала понять увлекающемуся философу, что передъ нимъ не совсѣмъ то лицо, которое онъ создалъ себѣ въ своемъ богатомъ воображеніи **).

Четырнадцать лѣтъ спустя Екатеринѣ пришлось слушать болѣе ловкую свѣтскую лесть, обращавшуюся не къ «человѣку» въ ней, а къ

---

*) Собственно, Дидро прочелъ Екатеринѣ рядъ записокъ, иногда переходившихъ въ наброски и конспекты для устнаго изложенія.

**) «Я больше слушала его, чѣмъ говорила,—разсказывала Екатерина впослѣдствіи Сегюру;—кто засталъ бы насъ врасплохъ, могъ бы принять его за строгаго педагога, а меня за почтительную ученицу. Кажется, онъ и самъ такъ полагалъ». Задѣтое самолюбіе императрицы сказалось въ послѣдней фразѣ.

«императрицѣ» и «женщинѣ». Патентованный куртизанъ, графъ Сегюръ, не могъ конечно, сдѣлать ошибки—смутить ее наивнымъ удивленіемъ передъ имъ же выдуманными качествами и поставить ее въ неловкое положеніе какого-то небывалаго и невѣроятнаго «чуда» на престолѣ. Съ такимъ собесѣдникомъ Екатеринѣ было легче установить взаимное пониманіе, и вдвоемъ они слегка, шутя вспомнили о непрактичномъ философѣ, навязывавшемъ императрицѣ свои безпочвенныя мечтанія *). Бѣдный философъ: онъ это предвидѣлъ и съ обычной своей прямотой самъ надъ собой шутилъ заранѣе. Было не совсѣмъ справедливо и совсѣмъ не великодушно ловить его на словѣ и отдѣлываться отъ его мечтаній простымъ повтореніемъ его же собственныхъ шутокъ. Если Екатерина замѣчала, что ея философъ говоритъ то какъ столѣтній старикъ, то какъ десятилѣтній ребенокъ,—то это вполнѣ объяснялось характеромъ Дидро: въ кабинетѣ императрицы, какъ въ кружкѣ парижскихъ друзей, онъ отдавалъ себя всего и рѣшительно не умѣлъ удержать въ себѣ ни малѣйшей мысли, которая пробѣгала въ его плодовитомъ мозгу: онъ сообщалъ «все, что приходило въ голову», и даже считалъ себя обязаннымъ дѣлать это передъ *своей* императрицей—давать ей всю свою мысль безъ прикрасъ, безъ обработки. Что-нибудь можетъ пригодиться ей изъ самыхъ бѣглыхъ намековъ, говорилъ онъ; а если и ничего не пригодится, она узнаетъ «мѣру» философовъ и сократитъ себѣ трудъ знакомства со всѣмъ ихъ родомъ. И та знаменитая реплика Екатерины, которую она передала Сегюру,—о «все терпящей бумагѣ», на которой работаютъ философы, и «щекотливой человѣческой шкурѣ», на которой работаетъ императрица,—эта реплика теряетъ значительную часть своего эффекта, когда узнаемъ, что здѣсь лишь скопирована собственная скромная оцѣнка Дидро, нѣсколько разъ повторенная имъ передъ императрицей. «Ничего нѣтъ легче, какъ приводить въ порядокъ государство, лежа на подушкѣ. Тутъ все идетъ, какъ по маслу. А когда приходится приняться за самое дѣло, это уже нѣчто совсѣмъ другое». Или: «это своего рода забава для вашего величества—измѣрять разстояніе между философомъ-систематикомъ, который устраиваетъ благосостояніе общества у

*) Въ разговорѣ съ Сегюромъ Екатерина арранжировала ходъ своихъ бесѣдъ съ Дидро такъ, какъ ей хотѣлось думать, что они происходили. Сперва она внимательно слушаетъ, потомъ сразу осаживаетъ философа эффектной репликой и— «я убѣждена, что съ тѣхъ поръ онъ смотрѣлъ на меня съ состраданіемъ, какъ на узкій и вульгарный умъ; онъ говорилъ со мной послѣ того лишь о литературѣ, а политика была исключена изъ нашихъ бесѣдъ». Dichtung и Wahrheit здѣсь, какъ часто у Екатерины,—безнадежно перемѣшаны; но ясно, что и крутой переломъ въ отношеніи къ ней Дидро и внезапная перемѣна содержанія ихъ бесѣдъ сильно преувеличены въ ея разсказѣ: это своего рода реваншъ за неудачную попытку покорить философа аффектированной простотой обращенія. Обиженная неудачей, императрица принимаетъ здѣсь, заднимъ числомъ, величественную ноту, утѣшающую ея обиженное самолюбіе.

себя на подушкѣ, и великой государыней, которая съ утра до вечера наталкивается, при попыткѣ осуществить малѣйшее благо, на всевозможныя препятствія, понимать которыя научаетъ лишь опытъ и которыя совсѣмъ не входятъ въ разсчеты бѣднаго философа». Въ бесѣдѣ съ Сегюромъ это сопоставленіе фантазера съ государственнымъ дѣятелелемъ было, дѣйствительно, только «забавой»; но вообще говоря, тутъ примѣшивалось и то чувство, которое «бѣдный философъ» опять-таки самъ охарактеризовалъ всего лучше. «Когда нужно удалить отъ государей достойнаго человѣка, его выдаютъ за горячую голову, которая все можетъ перепутать».

Мы теперь сами можемъ прочесть эту тетрадку въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, въ которой Дидро записалъ всѣ свои разговоры съ Екатериной и секретъ существованія которой императрица такъ хорошо сохранила. Философъ здѣсь, дѣйствительно, приходитъ въ отчаяніе отъ своего безсилія передъ русской дѣйствительностью. «Я принужденъ ограничиться общими взглядами, а между тѣмъ я такъ хорошо знаю, что общіе взгляды есть дѣло ординарныхъ людей, и самъ придаю значеніе лишь детальнымъ сужденіямъ, единственнымъ, которыя дѣльны и схватываютъ сущность дѣла». И онъ усиливается вникнуть въ русскую жизнь такъ глубоко, какъ это позволитъ ему императрица. Вождь «Энциклопедіи» слишкомъ много думалъ о соціальныхъ вопросахъ и слишкомъ хорошо знаетъ исторію,—настоящую культурную исторію собственной страны, чтобы нуждаться въ комментаріи къ тому, что онъ видитъ вокругъ себя въ самомъ Петербургѣ. Этотъ городъ «дворцовъ», окруженныхъ пустырями, краснорѣчиво говоритъ ему объ обществѣ, которому не хватаетъ прежде все организующаго, связующаго общественнаго цемента. Нужны не одни «дворцы»; нужны «улицы»—рядъ частныхъ домовъ городского промышленнаго населенія, которые связывали бы «дворцы» между собою. Нужно больше, какъ можно больше населенія, чтобы люди жили ближе, тѣснѣе другъ къ другу; тогда, какъ кремни, они отшлифуются другъ о друга и создадутъ живую общественную атмосферу. Теперь же, изолированные, разбросанные, они существуютъ каждый самъ по себѣ: въ результатѣ получается отсутствіе всякихъ обязательныхъ правилъ общежитія. Взаимнаго довѣрія не существуетъ; купцы продаютъ вдесятеро дороже свои товары въ кредитъ магнатамъ, рискуя большею частью ничего не получить въ уплату. Законъ остается на бумагѣ. Правосудіемъ торгуютъ открыто. Нѣтъ общественнаго контроля, нѣтъ и чувства равенства передъ закономъ, безсильнымъ защитить слабаго отъ сильнаго. Общество, только что пережившее политическій переворотъ, чувствуетъ себя такъ неувѣренно, какъ будто почва каждую минуту можетъ уйти у него изъ подъ ногъ. «Долговременная привычка къ гнету» создала общую сдержанность и недовѣріе,—какой-то осадокъ паническаго страха въ умахъ,—«полный контрастъ той благородной и

честной прямотѣ, которая характеризируетъ свободный, возвышенный и увѣренный въ себѣ складъ ума француза или англичанина». Наконецъ, въ низшихъ классахъ совершенно отсутствуетъ то чувство самоуваженія, которое можетъ быть создано только улучшеніемъ ихъ положенія, признаніемъ за ними права быть людьми, а не вещами. «Душа раба оподлена; не принадлежа самому себѣ, онъ не имѣетъ интереса о себѣ заботиться и живетъ въ грязи и нечистотѣ». «Это жилецъ, который запускаетъ непринадлежащую ему квартиру».

Эти личныя впечатлѣнія, изобличающія глубокаго и тонкаго наблюдателя, Дидро старается пополнить справками и разспросами. Онъ предъявляетъ Екатеринѣ длинный списокъ вопросовъ, на которые она даетъ себѣ трудъ сама отвѣтить, но отвѣчаетъ такъ, что свѣдѣнія Дидро о Россіи увеличиваются незначительно, и притомъ не особенно надежнымъ матеріаломъ. На вопросъ, предложенный такъ недавно самой Екатериной вольному экономическому обществу, «не имѣетъ ли дурныхъ послѣдствій неимѣніе собственности крестьянами»,—Екатерина теперь отвѣчаетъ болѣе чѣмъ уклончиво: «каждое государство имѣетъ свои недостатки, пороки и неудобства». Очень оптимистичнымъ, но совсѣмъ неубѣдительнымъ выходитъ отвѣтъ на прямой вопросъ Дидро, существуютъ ли опредѣленныя условія между помѣщиками и крестьянами? «Условій нѣтъ, но всякій благоразумный хозяинъ бережетъ корову, которую доитъ. Когда законъ молчитъ, естественный законъ занимаетъ его мѣсто,—и часто такое положеніе вещей оказывается не хуже, такъ какъ по крайней мѣрѣ оно создается естественнымъ путемъ, сообразно существу дѣла». Разъ только, отвѣчая на вопросъ о сословіяхъ въ Россіи, Екатерина увлекается и высказываетъ свое собственное настроеніе, вынесенное изъ опыта съ Комиссіей депутатовъ. Ей, очевидно, хочется тутъ убѣдить философа—стать на ея сторону во имя своихъ собственныхъ принциповъ. По ея словамъ, дворянство, горожане и крестьяне (духовенство здѣсь, какъ и въ своей Комиссіи, Екатерина игнорируетъ), «всѣ эти три класса людей, въ защиту своихъ притязаній, потрясаютъ воздухъ самыми громкими словами: землевладѣлецъ взываетъ къ правамъ *собственности*; купецъ—къ правамъ *свободы*; народъ—къ правамъ *гуманности*». Послѣ этого любопытнаго, хотя не совсѣмъ спокойнаго резюме извѣстной уже намъ партійной борьбы въ Комиссіи, Екатерина развиваетъ собственную точку зрѣнія. «Чего особенно слѣдуетъ бояться—это увлечься духомъ партіи. Партійный духъ—это судья, который властвуетъ на просторѣ, пользуясь новизной просвѣщенія,—судья пристрастный, у котораго больше увѣренности, чѣмъ знанія; который упорно цѣпляется за то, что ему удается уловить въ потемкахъ, ни отъ чего не отказывается, потому что неспособенъ къ точному пониманію, и рѣдко позволяетъ себя переубѣдить, такъ какъ мнѣнія лишь тогда становятся гибкими, когда вытекаютъ изъ колебаній и когда питаются мыслью, а не темпераментомъ.

Всякій законъ, изданный для *всей* націи долженъ имѣть источникомъ *общее* благо; когда сила и невѣжество отдаляются отъ этого принципа, то получаются акты деспотизма и заблужденія, противъ которыхъ протестуютъ разумъ и справедливость: это дни бѣдствій, конца которыхъ люди ждутъ съ нетерпѣніемъ».

Зная, что за этой горячей тирадой противъ «партійнаго духа» немедленно послѣдовало дворянское законодательство Екатерины (Уложеніе о губерніяхъ 1775 г. и жалованная грамота дворянству 1785), можно спросить себя, что же это значитъ? Имѣемъ ли мы дѣло съ послѣднимъ воплемъ отчаянія передъ сознанной уже невозможностью законовъ для «общаго блага» и необходимостью партійнаго законодательства; или, наоборотъ, съ твердой увѣренностью, уцѣлѣвшей среди испытаній,—что «разумъ» и «справедливость» могутъ еще восторжествовать надъ «партійнымъ духомъ» господствующаго сословія, или, наконецъ, просто съ желаніемъ говорить съ философомъ на его языкѣ?

Не можетъ быть, конечно, чтобы Дидро вовсе ничего не зналъ о колебаніяхъ Екатерины. Кое-что про закулисную исторію Комиссіи долженъ былъ разсказать ему его спутникъ въ путешествіи и хозяинъ въ Петербургѣ, извѣстный намъ лидеръ интеллигентнаго дворянства, А. Нарышкинъ. Безъ этого трудно объяснить тотъ тревожный тонъ, съ которымъ Дидро проситъ Екатерину сдержать свои обѣщанія и продолжать свое покровительство Комиссіи. Противъ интригъ придворныхъ, противъ зависти, убѣжденій, просьбъ и клеветы онъ заклинаетъ ее остаться непреклонной. «Обѣщаніе,—а тѣмъ болѣе публичное обѣщаніе,—данное государемъ, должно быть священно». «Особенно пусть ваша собственная воля не нарушаетъ публичныхъ обязательствъ. Не подрывайте довѣрія, которое вамъ оказываютъ; иначе народъ перестанетъ вамъ вѣрить: оставьте недовѣріе народа въ удѣлъ другимъ государямъ, которые вызываютъ смѣхъ своими клятвами... Если скажутъ: Екатерина II никогда ничего не обѣщала, чего бы она не сдержала, то при равенствѣ величія вы будете имѣть надъ прусскимъ королемъ преимущество честности и доброты». «Пусть в. в. не потерпитъ, чтобы засѣданія Комиссіи и ея дѣятельность, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, были потревожены, ея кругъ дѣйствій ограниченъ или расширенъ, ея прерогативы увеличены или уменьшены, ея привилегіи уничтожены, ея почетная роль ослаблена. Первый толчокъ къ упадку ея будетъ уже непоправимъ. Это великое зло, когда люди знаютъ, что можно нападать на Комиссію и нападать успѣшно».

О чемъ бы ни говорилъ Дидро,—о правѣ, экономіи, финансахъ, народномъ образованіи, успѣхахъ культуры вообще, о внѣшней политикѣ,—его мысль всегда возвращается къ судьбѣ Комиссіи. Онъ ненавидитъ войну, изъ года въ годъ отвлекающую мысли Екатерины отъ законодательства. Онъ хотѣлъ бы на ея «пирамидѣ» начертать «годъ первый» (царствованія Екатерины); а между тѣмъ, «драгоцѣнные годы

текутъ,—и в. в. нѣтъ возможности заняться своими великими планами для блага страны». «Мнѣ не жаль людей: люди народятся вновь; не жаль и казны: казна наполнится, но кто вернетъ народу истекшіе годы? Вотъ истинная, невознаградимая потеря, которая приводитъ въ отчаяніе всѣхъ честныхъ людей въ Европѣ, вздыхающихъ по результатамъ первоначальныхъ намѣреній императрицы».

Ошибочно было бы думать, однако, что Дидро просто желаетъ возобновленія засѣданій Большой Екатерининской Комиссіи. Его мечты идутъ гораздо дальше: тутъ мы встрѣчаемся съ самой главной мыслью всѣхъ его разговоровъ съ императрицей. Исходя отъ факта созыва Комиссіи, Дидро горячо доказываетъ, что для прочности и полноты реформы Комиссію надо сдѣлать постоянной. «Если задачей императрицы было обезсмертить свое собственное имя, то эта цѣль достигнута».

Дидро съ энтузіазмомъ перечисляетъ всѣ тѣ преимущества, которыя такое учрежденіе доставитъ самой верховной власти, — въ томъ числѣ и возможность для нея стать съ помощью Комиссіи выше «партійнаго духа» сильныхъ членовъ общества, не рискуя подвергнуться личной опасности съ ихъ стороны. Онъ доказываетъ, далѣе, полную безвредность Комиссіи для верховной власти. «Словомъ,—заключаетъ онъ,—если даже это учрежденіе будетъ однимъ только призракомъ свободы, оно все-таки будетъ имѣть вліяніе на національный духъ: нужно, чтобы народъ или былъ свободенъ,—что, конечно, самое лучшее,—или по крайней мѣрѣ чтобы считалъ себя свободнымъ, такъ какъ такая увѣренность влечетъ за собою самые цѣнные результаты. Пусть же в. в. создастъ эту великую реальность или великій фантомъ, пусть сдѣлаетъ его настолько великолѣпнымъ, блестящимъ, почетнымъ какъ только сможетъ, и пусть будетъ увѣрено, что можно стѣснить, но никакъ нельзя заковать въ оковы ребенка, который родится на свѣтъ съ четырьмя стами тысячами рукъ. О Монтескье, зачѣмъ не ты на моемъ мѣстѣ! Какъ бы ты говорилъ! Какъ бы тебѣ отвѣчали! Какъ бы ты слушалъ! Какъ бы выслушали тебя!»

Дидро тоже былъ выслушанъ и получилъ отвѣтъ. Мы можемъ судить о содержаніи этого отвѣта по его дальнѣйшей репликѣ. Ему поставили, очевидно, на видъ, что даже такой «фантомъ» представительства, какимъ онъ ограничилъ свои мечты, не могъ бы быть осуществленъ въ виду полнаго равнодушія населенія къ какому бы то ни было представительству. Ему указанъ былъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ то время, какъ онъ требовалъ увѣковѣченія Комиссіи,—депутатамъ самой Комиссіи даже и немногіе мѣсяцы ихъ засѣданій казались черезчуръ долгими и они спѣшили разъѣхаться по домамъ. Дѣйствительно, въ каждомъ почти засѣданіи Комиссіи находились депутаты, которые пользовались предоставленнымъ имъ правомъ сдать свое полномочіе товарищамъ. Дидро не могъ знать, что эти факты допускали и другое толкованіе. Онъ былъ, очевидно, сильно огорченъ

неожиданнымъ возраженіемъ; но и тутъ не подумалъ отступиться отъ самой идеи постояннаго представительства. Онъ только видоизмѣнилъ свое прежнее предложеніе. «Въ виду равнодушія членовъ Комиссіи», онъ предлагалъ теперь уменьшить число представителей, сдѣлать представителями провинцій чиновниковъ коллегій, какъ постоянныхъ жителей столицы. Каждый изъ нихъ могъ представлять одинаковое количество провинцій и обязывался справляться съ ихъ мнѣніемъ въ важныхъ случаяхъ. Во всякое время провинція сохраняла право послать въ Петербургъ настоящаго представителя, къ которому и переходилъ тотчасъ же голосъ соотвѣтствующаго постояннаго резидента. Мы видимъ, что при глубокой вѣрѣ въ принципъ, у Дидро не было недостатка въ готовности пожертвовать самыми существенными чертами своего идеала, чтобы приблизить моментъ его практическаго осуществленія. Но ни готовность къ практическому компромиссу, ни ясное пониманіе политической дѣйствительности собственной страны, ни тонкія наблюденія надъ положеніемъ самой Екатерины во внѣшней политикѣ, ни даже совпадавшіе съ собственными взглядами Екатерины совѣты— обезвредить вельможъ наградами, ввести въ Россіи вездѣсущую французскую полицію (чтобы обезпечить силу закона) и др., — ничто не спасло Дидро отъ репутаціи празднаго фантазера. Фантазіи Потемкина скоро должны были найти у Екатерины болѣе благопріятную оцѣнку.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одну сторону разговоровъ Дидро съ Екатериной,—ту которая касалась вопросовъ религіозныхъ. Въ религіи, какъ политикѣ, Дидро старался дать понять императрицѣ, что она отстала отъ передовыхъ взглядовъ европейскихъ «философовъ». Вольтеровскій деизмъ уже не удовлетворялъ энциклопедистовъ. «Деистъ отрѣзалъ у гидры дюжину головъ, но изъ той, которую онъ оставилъ, возродятся вновь всѣ остальныя». Деисты продолжаютъ спорить между собой о предопредѣленіи и о свободной волѣ, о безсмертіи души и загробныхъ мукахъ. Самые просвѣщенные изъ нихъ допускаютъ, что высшее существо можетъ сердиться и успокоиваться. Но такому существу нуженъ культъ; его нельзя, какъ боговъ Эпикура, сослать въ надзвѣздную пустоту и усыпить въ полномъ бездѣйствіи. Все это служитъ новымъ источникомъ старыхъ явленій, столь знакомыхъ и столь ненавистныхъ философу: нетерпимости и суевѣрія. Такъ, въ рукахъ у деиста выростаютъ вновь отрубленныя головы старой католической гидры.

Екатерина не хотѣла слушать. О Богѣ и о прусскомъ королѣ она запрещала Дидро разговаривать съ ней. Но философъ не унимался.

Какъ должна была смѣяться про себя Екатерина, когда французскій мыслитель горячился передъ ней по этому поводу! Разъ въ своей жизни, въ самомъ началѣ царствованія, она, дѣйствительно, подъ вліяніемъ Вольтера, сдѣлала faux pas, начавъ сурово преслѣдовать не-

сговорчиваго русскаго архіерея, Арсенія Мацѣевича. Но съ тѣхъ поръ она успѣла убѣдиться, что ей нечего заботиться о приниженіи и невѣжествѣ русскаго духовенства. Напротивъ,—принять совѣты философа и не сказать ни слова о Богѣ въ будущемъ уложеніи, начать свой Наказъ, вмѣсто молитвеннаго обращенія, теоріей общественнаго договора и признаніемъ народнаго верховенства,—вотъ гдѣ заключалась настоящая опасность для Екатерины.

Вернувшись за границу, Дидро написалъ новыя «замѣтки по поводу Наказа», въ которыхъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ читанныхъ передъ Екатериной запискахъ, подчеркивалъ принципіальную сторону своихъ политическихъ и философскихъ воззрѣній. Екатерина или не знала, или игнорировала этотъ ультиматумъ философа, ставившаго теперь ребромъ вопросъ: хочетъ ли она искренно, или вовсе не хочетъ отречься отъ своего деспотизма. Можно подозрѣвать, что на этотъ—или подобный—документъ Екатерина отвѣтила вопросомъ, переданнымъ Дидро черезъ Гримма (1776): «Въ своемъ ли умѣ онъ былъ, когда писалъ это?» Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ отзывъ Екатерины о «замѣткахъ», прочтенныхъ ею послѣ смерти философа (1784) въ его бумагахъ: «Это болтовня, не обнаруживающая ни знанія дѣла, ни проницательности, ни благоразумія». Однако же, въ этомъ наброскѣ ничего не было, что не было бы высказано въ болѣе мягкой формѣ во время бесѣдъ Дидро съ Екатериной. И, конечно, уже эти бесѣды должны были показать Екатеринѣ, куда ведутъ послѣдовательные выводы изъ теорій ея старыхъ авторитетовъ, Монтескьё и Вольтера. Обезоруженная наивностью философа и привлекательностью личныхъ сношеній, Екатерина могла продлить до конца его иллюзію; но она вовсе не хотѣла, чтобы его идеи распространялись въ русской публикѣ. Этимъ объясняется неудача того практическаго предложенія, съ которымъ Дидро пріѣхалъ въ Россію. Увлекшись личными сношеніями съ императрицей, философъ отложилъ это свое собственное дѣло до конца: «мое поведеніе стало отъ этого болѣе достойнымъ и возвышеннымъ», замѣчалъ онъ въ одномъ интимномъ письмѣ. Но мнительному философу нечего было краснѣть за то предложеніе, съ которымъ онъ намѣревался обратиться къ Екатеринѣ. Когда-то прежде, всего девять дней послѣ воцаренія, Екатерина сама предложила Дидро перенести въ Россію печатаніе Энциклопедіи, которую преслѣдовали и уродовали въ Парижѣ. Теперь, доведя искаженное изданіе до конца (1772), Дидро предлагалъ Екатеринѣ издать въ Россіи новое изданіе, исправленное и улучшенное, гдѣ онъ думалъ возстановить всѣ пропуски и искаженія цензоровъ и издателей. Въ матеріальномъ отношеніи предпріятіе обѣщало блестящій и вѣрный успѣхъ; Дидро просилъ только 40.000 р. аванса, чтобы имѣть возможность начать дѣло. Екатерина отослала его къ Бецкому, который затянулъ переговоры, велъ себя «сфинксомъ», послѣ долгихъ проволочекъ отказалъ, потомъ, какъ будто подъ давленіемъ императрицы, согласился,

потомъ отказалъ окончательно. Чтобы понять секретъ этой комедіи, философъ долженъ былъ бы знать, что Екатерина даже свой собственный Наказъ, казавшійся ему такимъ умѣреннымъ и отсталымъ сравнительно съ передовой мыслью энциклопедистовъ, разрѣшила имѣть только въ присутственныхъ мѣстахъ «единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ, и чтобы оный никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даванъ не былъ» (1767).

Только что приведенная цитата какъ нельзя лучше подчеркиваетъ ту огромную разницу, какая существовала въ положеніи европейскаго и русскаго общественнаго мнѣнія относительно Екатерины и ея просвѣтительной дѣятельности. Судъ и критика существовали для Екатерины только въ Европѣ; и тутъ она принимала всевозможныя мѣры, чтобы повліять на приговоръ. Въ Россіи роли мѣнялись. Судьей была здѣсь сама она,—она одна. Общество было подсудимымъ, призваннымъ выслушать надъ собою строгій, но справедливый приговоръ. Поведеніе депутатовъ въ Коммиссіи явилось непредвидѣнной помѣхой, обнаружило обстоятельства, не зависящія отъ личной воли императрицы. Но это нисколько не нарушило цѣльности стройности взгляда Екатерины на свои задачи. Даже напротивъ: Екатерина должна была утвердиться въ своемъ исходномъ убѣжденіи, что она одна противъ всѣхъ. Всѣ проникнуты «духомъ партій»; она одна стремится къ «общему благу». «Люди глупы и неблагодарны; они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ». Но что же изъ этого? «Человѣкъ, старающійся дѣлать или добро, или великія дѣла для того, чтобы заслужить отъ своихъ согражданъ благодарность, и узнавъ послѣ, что они непризнательны и глупы,—для сей одной причины теряющій бодрость духа и охоту подавать имъ всякаго рода помощь въ ихъ недостаткахъ,—конечно ошибается въ своемъ предметѣ... Для великой души трудъ, ею пріемлемый, есть путь, не зависящій ни отъ какихъ постороннихъ приключеній и препятствій. Прямая великость души состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро для того, что оно есть добро, а не для того, что люди суть благодарны; слѣдовательно, и не переставать дѣлать добра для того, что люди суть неблагодарны... Потомство не будетъ страстно; оно разберетъ, оно справедливо судить будетъ» («Всякая Всячина»). Итакъ, Екатерина будетъ «тверда»: «встрѣчающіяся бури» лишь заставятъ ее перемѣнить тактику и сдѣлаются «способами ко пріобрѣтенію новыя славы».

«Когда я отчаиваюсь разрушить что-либо прямо, противъ того я веду подкопъ», такъ выразилась Екатерина въ разговорѣ съ Дидро, говоря о томъ же самомъ: о «препятствіяхъ» на пути къ «ясно сознанной ею цѣли». На языкѣ тогдашней теоріи это можно бы было выразить такъ. Если я не могла осчастливить человѣчество новыми законами, то, очевидно, потому, что законы зависятъ отъ «нравовъ», отъ «на-

роднаго умоначертанія». Слѣдовательно надо начать съ другого конца: съ «исправленія нравовъ». Такова, навѣрное, была *логическая* нить (*только* о ней мы здѣсь говоримъ), приведшая Екатерину отъ идей ея Наказа къ ея опытамъ воспитанія «новой расы людей» и къ ея попыткамъ дѣйствовать на русскіе «нравы» путемъ публицистики и театра. Это были тѣ «мины», о которыхъ императрица говорила Дидро.

Судьбу педагогическихъ опытовъ Екатерины мы уже знаемъ (Оч. II, 295—298). Судьба ея публицистическихъ попытокъ для насъ особенно интересна въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ожидала Екатерину неудача совсѣмъ особаго рода, вовсе не походившая на тотъ «партійный духъ» депутатовъ Большой Коммиссіи, который оказался въ ея глазахъ непреодолимымъ препятствіемъ къ «общему благу». Оказалось, именно, что не только одинъ вождь энциклопедистовъ ушелъ дальше императрицы въ своихъ мечтаніяхъ объ «общемъ благѣ». Въ томъ же направленіи пошли и обогнали Екатерину на открытомъ ею пути—ея собственные «глупые и неблагодарные сограждане».

Въ 1769 году началъ выходить еженедѣльный листокъ «Всякая Всячина». Въ литературныхъ кругахъ было извѣстно, что редакторомъ состоитъ секретарь императрицы Козицкій; болѣе догадливые должны были скоро понять, что руководитъ журналомъ сама Екатерина.

Съ самаго начала журналъ взялъ тонъ, совсѣмъ необычный для простыхъ литераторовъ. Редакція объявила на первыхъ страницахъ, что попреки читателей для нея безразличны, что «никакая препона не можетъ отвратить (ее) отъ великаго предпріятія»; что она не нуждается въ деньгахъ, такъ какъ «доходъ ея» «есть дань, наложенная на людей, кои работаютъ въ потѣ лица своего»; про саму себя она шутливо утверждала, что она «умна» и что у ней «сердце доброе»; относительно читателя напередъ замѣчала, что «глухимъ трудно слышать проповѣди»; но, впрочемъ, великодушно прибавляла при этомъ: «Я не уничтожаю никакого человѣка, ибо уничтожая онаго, я-бъ самъ себя уничтожилъ; понеже я самъ есмь человѣкъ равный ему во всемъ». Еще откровеннѣе «Всякая Всячина» третируетъ свысока своихъ читателей въ заключительныхъ строкахъ журнала: «Прощайте, господа; я съ великимъ терпѣніемъ часто слушалъ всѣ ваши осужденія и смѣялся отъ чистаго сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не пересталъ писать, пока мнѣ самому не вздумалось окончить Всякія Всячины: и сію оканчивая, объявляю вамъ, что я пріемлю другое ремесло, гдѣ достанутся отъ меня многимъ щедрыя милости».

Взявъ сразу этотъ тонъ — благодѣтеля человѣчества, Всякая Всячина выдерживаетъ его въ теченіе всего времени изданія. Екатерина— не высокаго мнѣнія о своей публикѣ; она выступаетъ передъ ней въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ нарядѣ, съ обычнымъ настроеніемъ своихъ досужныхъ часовъ. Ея статьи въ журналѣ—это та же небрежная болтовня, съ тѣмъ же parti pris веселости, подчасъ напус-

кной, и остроумія, черезчуръ тяжеловѣснаго, съ тѣмъ же недостаткомъ литературнаго вкуса и чувства мѣры, тѣмъ же «разстеганнымъ» стилемъ и «прыгающими» мыслями, которыми отличается ея интимная корресподенція. Нѣтъ только тѣхъ яркихъ и мѣткихъ образныхъ выраженій, которыя какъ то сами собой, невзначай, выскакиваютъ изъ ея головы и стекаютъ съ пера въ ея французской рѣчи. Получается въ итогѣ претенціозный и блѣдный стиль, слишкомъ натянутый, чтобы быть живымъ и остроумнымъ, слишкомъ прѣсный и поверхностный, чтобы быть поучительнымъ *). Однако, редакція «не вѣритъ», что у нея выходитъ «не смѣшно, но глупо»,—и готовится одерживать педагогическія побѣды. Напечатавъ, уже въ январѣ, «усердное поздравленіе — самой себѣ—съ тѣмъ, что «листки ваши, *каковыми впредь ни будутъ*, конечно, останутся отечеству полезными и достопамятными навѣки, ибо такихъ правдъ, *какія вы намъ обѣщаете*, у насъ еще не бывало»,— редакція торжествующимъ тономъ прибавляетъ отъ себя: «Сіе письмо доказываетъ великое уваженіе, кое Всякая Всячина зачинаетъ имѣти въ людяхъ: отъ чего мы сочинители уже часъ отъ часу начинаемъ ходить прямѣе и скоро уже принуждены будемъ нѣсколько загнуть спинную кость назадъ». «Великое уваженіе» читателей затѣмъ быстро прогрессируетъ на страницахъ журнала. Корресподенты Всякой Всячины скоро находятъ неуважительнымъ обращаться къ редактору просто «господинъ сочинитель»; «по причинѣ полезныхъ наставленій» они пишутъ: «г. наставникъ» или «г. нравоучитель», и не забываютъ въ каждомъ письмѣ сообщить объ успѣхахъ журнала среди публики. Полушутя, полусерьезно, Всякая Всячина объявляетъ, наконецъ, по поводу одного изъ такихъ писемъ,—совершенно въ стилѣ Наказа: «мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ, и ожидаемъ немедленнаго искорененія всѣхъ пороковъ; ибо уже начали твердить наизусть Всякую Всячину, что вышеписаннымъ письмомъ доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узналъ, что мы ему чрезъ сіе торжественно объявляемъ».

Увы, лавры Всякой Всячины оспаривали у ней съ полдюжины другихъ журналовъ, появившихся немедленно вслѣдъ за нею **). Екатерина

*) На этотъ стиль намекалъ, вѣроятно, Новиковъ въ своемъ Живописцѣ «Чуть найдешь читателя, старающагося забавлять разумъ своими сочиненіями, но увидишь, что онъ производитъ скуку, а смѣется только самъ—бѣдный авторъ! Въ другомъ мѣстѣ увидишь нравоучителя, порицающаго всѣхъ критиковъ и утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а исправляютъ—нравоученія; но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я никогда не имѣю терпѣнія читать твоихъ сочиненій—бѣдный авторъ»! Рѣзкость этихъ характеристикъ смягчалась правда, тѣмъ, что онѣ могли относиться не къ одной только Всякой Всячинѣ.

*) И то и сіо—Чулкова; Ни то ни сіо—Рубана; Смѣсь; Трутень—Новикова; Адская почта—Эмина; Поденьщина—Тузова; Полезное съ пріятнымъ—«упражненіе» при сухопутномъ корпусѣ: все это журналы, издававшіеся только въ томъ же 1769 г.

поспѣшила поставить ихъ на почтительное разстояніе отъ своего журнала. «Государыня моя госпожа Всякая Всячина», привѣтствовалъ ее журналъ Чулкова; «не погнѣвайся на меня, что я наименую тебя родною моею сестрою и сестрою еще большою или старшею, для того что ты прежде вышла на свѣтъ изъ природной утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюсь къ тебѣ роднею. Ты родилась на Парнасѣ, да и я неподалеку оттуда; тебя производила муза, да и меня, я думаю, та же; слѣдовательно, близки мы такъ другъ къ другу, какъ солнце къ огню, которые (одинаково) грѣютъ и освѣщаютъ»... Эта смиренная по формѣ декларація правъ на литературное равенство задѣла Екатерину за живое. Всякая Всячина обидѣлась и жаловалась, что «И то и сіо» обращается съ ней «безо всякаго почтенія». Императрица, очевидно, вовсе не хотѣла панибратства съ собратьями по оружію и на первый разъ объявила себя не «сестрой», хотя бы и старшей, а развѣ только «бабушкой» прочихъ журналовъ: Это сразу отравило взаимныя отношенія. Журналъ Рубана рѣшительно отвѣчалъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ». А Смѣсь прибавила, что «послѣдніе внучата поразумнѣе бабушки». Затѣмъ журналы довольно единодушно рѣшили, что «бабушка выжила изъ ума», и принялись усердно слѣдить за ея промахами. Въ концѣ концовъ и Чулковъ напечаталъ у себя, на этотъ разъ уже дѣйствительно «безо всякаго почтенія», слѣдующую ядовитую пародію на редакціонные пріемы Всякой Всячины. «Г. Сочинитель и Того Сего, сочиненіе ваше похваляется во всякомъ углу С.-Петербурга, слава его носится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ языковъ люди (Всякую Всячину обвиняли въ литературной кражѣ изъ Спектетора) благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полуученыхъ писателей; они одни сочиненіемъ вашимъ издѣваются, но... и они подвержены равной съ вами участи. Люди бываютъ иногда столько неблагодарны, что пересмѣхаютъ и то, что производитъ земля для нашего удовольствія... Сердце мое наполняется сладостію, когда прекрасная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ, и крылатое время, шествуя предъ нею, пишетъ надъ нами «Вторникъ». Я открываю мои глаза и устремляю мои мысли единственно только къ одному вашему сочиненію... Великость вашего духа, важные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ изъясненіяхъ... заслонятъ дорогу дыханію... Часъ отъ часу дѣлаюсь я премудрѣе, и нынѣ уже разсуждаю со слугами моими о коловратности свѣта... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего! Ежели бы мы не имѣли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы мы и донынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами, и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего!.. Ты исправилъ грубые наши нравы и доказалъ намъ, что надобно обѣдать тогда, когда ѣсть захочется. Твоя философія научила насъ и тому, что ежели кто не имѣетъ

лошади, то тотъ непремѣнно пѣшкомъ ходити долженъ. О великій и т. д., гдѣ мнѣ тебя поставить и куда тебя спрятать? Спряталъ бы я тебя въ хорошую библіотеку, но ты зачнешь переводить различныхъ авторовъ и будешь выдавать сочиненія ихъ подъ своимъ именемъ... Спряталъ бы я тебя на Парнассѣ, но ты высокомѣренъ, презришь свою Музу... и заставишь ее вѣчно плакать... Спряталъ бы я тебя въ обществѣ молодыхъ нашихъ сочинителей; но то бѣда, что съ ними ты не соглашаешься, идешь своею дорогой и не требуешь изъ нихъ ни одного себѣ въ путеводители—по причинѣ той, что они сами не выбираютъ себѣ никого въ проводники... Добро,—оставайся ты на своемъ мѣстѣ, безъ большой заслуги не требуй большаго воздаянія, безъ великаго успѣха не ищи великой славы, безъ ежечаснаго труда не желай ежечасной похвалы, будь доволенъ твоею участью и не пекись о томъ, чтобы слава твоя гремѣла повсюду. Сочиненіе твое есть произведеніе слабаго ума для слабыхъ умовъ; но и въ другихъ, мы видимъ,—не граціи танцуютъ, но сельскія дѣвки по русски пляшутъ».

Это было жестоко; но это было еще не все, что пришлось выслушать Екатеринѣ отъ своихъ собратьевъ—или, какъ она предпочитала ихъ называть,—внуковъ по журналистикѣ. Относительно Чулкова, Рубана, Эмина и т. д. императрица могла оправдывать свое брезгливое отношеніе тѣмъ самымъ, что призналъ въ послѣднихъ словахъ сочинитель и Того и Сего. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ въ журналахъ «не граціи танцовали, а плясали русскія дѣвки». Тяжеловѣсное остроуміе Екатерины здѣсь замѣнялось слишкомъ часто пошлостью и цинизмомъ; ея прописная мораль—безцѣльнымъ зубоскальствомъ, бившимъ на самые низменные инстинкты; ея щепетильность по отношенію къ внѣшнимъ приличіямъ—самыми безцеремонными потасовками на потѣху почтенной публики. «Дуракъ» было довольно употребительнымъ эпитетомъ во взаимной литературной критикѣ «сочинителей». Рубанъ заявлялъ въ началѣ своего журнала: «между множествомъ ослов и мы вислоухими быть не покраснѣемъ». Чулковъ писалъ: «когда есть ваканціи публичныхъ дураковъ, то занимаютъ у насъ такія мѣста мелкотравчатые писаки, и намъ гораздо мило смотрѣть, какъ они дурачутся и ругаютъ сами себя». Довольно естественно, что въ подобныхъ «писакахъ» Екатерина могла видѣть не товарищей, а только паціентовъ, примитивные «нравы» которыхъ подлежали смягченію при помощи тѣхъ пріемовъ, которые она считала непогрѣшимыми. Совсѣмъ другое было дѣло, когда самые эти пріемы объявлялись недостаточными и подвергались критикѣ; когда являлся писатель, который стоялъ на одинаковой высотѣ съ Екатериной въ вопросахъ литературнаго приличія и хорошаго тона, и въ то же время оказывался ея принципіальнымъ врагомъ по вопросу, гораздо болѣе существенному: по вопросу, насколько дѣйствительны и цѣлесообразны средства, употребленныя императрицей для «исправленія нравовъ».

Въ чемъ заключались, въ самомъ дѣлѣ, эти средства, отъ которыхъ Екатерина ожидала столь быстрыхъ и чудодѣйственныхъ послѣдствій?

Обычный литературный пріемъ для «исправленія нравовъ» состоялъ у Всякой Всячины, какъ и у другихъ журналовъ, въ помѣщеніи писемъ постороннихъ лицъ къ «Сочинителю» и въ отвѣтахъ редакціи на эти письма. По этой одной формѣ можно довольно безошибочно выдѣлить оригинальную часть журнала отъ переводовъ. Но и по содержанію эти корреспонденціи, писавшіяся, конечно, большею частью въ редакціи, представляютъ извѣстную внутреннюю связь и единство, не говоря уже объ общемъ всѣмъ имъ самовосхваленіи. По теоріи Екатерины надо «заохочивать» публику къ усвоенію моральныхъ сентенцій, мѣшая смѣшное съ серьезнымъ: поэтому, корреспонденты журнала то разсказываютъ что-нибудь забавное, то что-нибудь дурное изъ русской грубости нравовъ; въ обоихъ случаяхъ они просятъ совѣта или «рецепта» у «сочинителя» и получаютъ его, обыкновенно, въ видѣ лаконической резолюціи самаго элементарнаго свойства. Примѣръ забавный: Агафья Хрипухина проситъ лѣкарства отъ безсонницы, такъ какъ ея мужъ по ночамъ не даетъ ей спать своимъ храпомъ. Совѣтъ: прочесть на ночь шесть страницъ Всякой Всячины и шесть страницъ Телемахиды (Тредьяковскаго). Послѣдствія статьи: журналъ не перестаетъ острить надъ храпящимъ мужемъ и надъ Телемахидой въ слѣдующихъ номерахъ; почитатель Всячины протестуетъ противъ мнѣнія редакціи, что ея журналъ усыпителенъ; литературные противники протестуютъ противъ насмѣшки надъ честнымъ труженикомъ—Тредьяковскимъ. Теперь примѣръ серьезный: «многія молодыя дѣвушки чулковъ не вытягиваютъ, а когда сядутъ, тогда ногу на ногу кладутъ, чрезъ что подымаютъ юпку такъ высоко, что я сіе примѣтить могъ, а иногда и болѣе сего»; женщины слишкомъ возвышаютъ голосъ въ обществѣ; «наши жены» говорятъ при дѣтяхъ «обо всемъ». Корреспондентъ проситъ редакцію сдѣлать изъ этихъ замѣчаній «употребленіе на пользу ближняго». Литературные противники находятъ такія нравоученія «непристойными». Еще одинъ пріемъ: корреспондентъ предлагаетъ редакціи «раздѣлить наши обычаи на два рода: первые природные, другіе—татарскіе; всѣ хорошіе обычаи суть природные россійскіе; всѣ же дурные суть татарскіе», и предлагаетъ списокъ, съ которымъ редакція обѣщаетъ справляться, «гдѣ кстати покажется». И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ оказывается, что обычай нарушать обѣщанія «есть крымскихъ татаръ, а старинный россійскій—сдержать данное слово»; «мотать, болтать, злословить»—тоже «татарскіе обычаи»; сюда же относятся далѣе «невѣжливость, жадность и зависть»; женщины, «кои бѣлятся,—суть всѣ татарки»; но взаимное равнодушіе модныхъ супруговъ журналъ объявляетъ обычаемъ «татаро-французскимъ». Журналисты и тутъ не упустили случая поддѣнить Всякую Всячину. Су-

мароковъ написалъ письмо въ «И то и се», гдѣ утверждалъ, что портятъ русскихъ не татары, а французы; что «худые нравы отъ худыхъ сердецъ и отъ худого просвѣщенія происходятъ»; что, наконецъ, «добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія, безъ различія, россіянинъ ли онъ, французъ или татаринъ». Однако и Сумароковъ не прочь былъ объяснить русскую грубость примѣсью «сарматской» (финской) крови. Сама Всякая Всячина, наконецъ, тоже спохватилась, хотя нѣсколько по инымъ соображеніямъ: она помѣстила у себя протестъ отъ имени татаръ; «да и мнѣ», замѣчалъ ея корреспондентъ, «сіе доказательство невѣроятнымъ кажется, потому что сколько у насъ есть выѣзжихъ князей и знатей татарскихъ, кои здѣсь въ великія произошли достоинства: они ихъ получили не по худымъ природнымъ ихъ обычаямъ и нравамъ, но по благороднымъ и добрымъ». И журналъ предпочитаетъ, подобно Сумарокову, свалить вину на безотвѣтныхъ «сарматовъ» тогдашней исторической теоріи: «когда славяне, отъ коихъ мы происхожденіе имѣемъ, по покореніи сарматовъ съ ними смѣшались, то сіи худые обычаи и нравы отъ нихъ въ наслѣдіе намъ достались». Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Всякой Всячинѣ утверждать по прежнему, что старинные русскіе нравы были превосходны и испорчены лишь новыми модами.

Подобный выборъ темъ и способъ ихъ обработки, какъ видимъ, самъ по себѣ уже лишалъ журналъ Екатерины серьезнаго значенія. Литературные антагонисты (И то и сіо) не замедлили отмѣтить, что въ такомъ случаѣ изданіе журнала превращается въ скоропроходящую моду, въ «невинное увеселеніе», которое нечего прикрывать высокими претензіями. «Я пишу единственно только для одного увеселенія», подчеркивалъ почтительный къ Всячинѣ журналъ Чулкова, «и другого намѣренія не имѣю, ибо силъ моихъ къ тому не станетъ; не требую похвалы и за славой не гоняюсь, для того что я ихъ недостоинъ, а желаю, чтобъ получилъ ихъ тотъ, который мыслитъ о себѣ, что онъ приноситъ сочиненіями великую пользу отечеству». Эта скрытая насмѣшка превращается въ совершенно открытую въ «Смѣси», самомъ смѣломъ изъ тогдашнихъ журналовъ послѣ Новиковскаго Трутня, которому Смѣсь горячо и открыто сочувствуетъ. «Праздность вмѣняютъ въ порокъ, а трудолюбіе похваляютъ: но праздность присвояютъ благороднымъ, а трудолюбіе крестьянамъ... Я родился дворяниномъ: итакъ, не хотя сравнять себя съ крестьянами, хотѣлъ было ничего не дѣлать. Но вспомня, что есть *благородныя и модныя упражненія*, коими *увеселяются* и знатные люди,—принялся за перо, чтобы написать письмо къ какому-нибудь издателю еженедѣльныхъ листовъ».

Очевидно, издатель Смѣси, сходясь съ Чулковымъ въ оцѣнкѣ Всякой Всячины, гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на задачи настоящаго журналиста. Но въ своемъ журналѣ онъ остался ниже своего собственнаго пониманія,—на общемъ уровнѣ тогдашнихъ издателей лист-

ковъ. Если онъ писалъ и, не «единственно для одного увеселенія», то съ другой стороны и «пользу» отъ изданія журнала онъ понималъ довольно устарѣлымъ образомъ. Совершенно такъ же, какъ журналисты-дебютанты Елизаветинскаго времени, онъ объявлялъ: «намѣреніе мое было при начатіи журнала употребить въ пользу скучные часы празднаго времени». Совершенно такъ же, какъ тѣ журналы, Смѣсь пробавлялась, главнымъ образомъ, переводными статьями изъ иностранныхъ нравоучительныхъ журналовъ; совершенно такъ же она и расходилась только въ своемъ ближайшемъ литературномъ кругу, въ количествѣ всего 200 экземпляровъ. По собственному признанію, издатель ея былъ только мирнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія, онъ не рисковалъ выйти на бранное поле съ открытымъ забраломъ. Но онъ хорошо понималъ, что̀ на этомъ полѣ можно и нужно дѣлать. Когда въ томъ же самомъ году на журнальномъ поприщѣ появился настоящій боецъ,—издатель Смѣси сразу оцѣнилъ его значеніе и обратился къ нему съ одушевленнымъ привѣтствіемъ «благодарнаго, обязаннаго и вѣрнаго слуги». «Г. издатель Трутня, — писалъ онъ Новикову, — прочитавъ вашего изданія листы, началъ я имѣть къ вамъ почтеніе; ваши сочиненія имѣютъ въ себѣ меньше увеселенія, но больше пользы. Сатиры ваши, подъ именемъ вѣдомостей, не имѣютъ въ себѣ невѣжества и злонравія, какъ думаютъ нѣкоторые злонравные невѣжи, но ѣдкую соль... Пускай злоязычники проповѣдуютъ, что вы объявили себя непріятелемъ всего человѣческаго рода; что злость вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ; что вы пишете только наглую брань (все это—мнѣнія «Всякой Всячины» и Чулкова о «Трутнѣ»): это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ. Пусть Стозмѣй, изо всей мочи надсѣдаясь, кричитъ, что вы обижаете цѣлый корпусъ дворянства и что ваши ругательства скоро уймутся... Не смотрите на клевещущихъ на васъ, презирайте ихъ и продолжайте свой трудъ такъ, какъ вы начали: выводите порочныхъ (*лицъ*), ибо пороки *вообще* осмѣиваемые не исправятъ порочныхъ *настоящаго* времени. Вы тѣмъ не раздражите истинныхъ сыновъ отечества: ибо они вамъ сплетаютъ за̀ сіе похвалы»...

Эта цитата сразу показываетъ тонъ новиковскаго журнала, мѣсто, которое онъ занялъ среди извѣстныхъ намъ собратовъ, отношеніе ихъ къ «Трутню», характерные пріемы его сатиры. Что же было такого необычайнаго въ этомъ журналѣ, что вызвало крики «цѣлаго корпуса дворянства» и вывело изъ равновѣсія сдержанную, приличную «Всякую Всячину», соблюдавшую въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе успѣшно свой основной принципъ: смѣяться, а не сердиться на бранчивый лепетъ и злонравную грызню неблаговоспитанныхъ «внучатъ»?

Бывшій секретарь коммиссіи о «*среднемъ* родѣ людей», можетъ быть, помогшій также сохранить для потомства (въ протоколахъ Боль-

шой Комиссіи, гдѣ также секретарствовалъ) яркія черты «партійной» борьбы городскихъ депутатовъ съ дворянскими притязаніями,— Новиковъ явился въ журналистикѣ сознательнымъ и принципіальнымъ защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, «подлыхъ» противъ «благородныхъ». Не тонъ, не пріемы его сатиры, а, прежде всего, именно это содержаніе ея доставило Новикову популярность среди «мѣщанъ».—того самаго класса, который, по мнѣнію Екатерины, защищалъ «свободу»,— и оно же обрушило на него громъ «придворныхъ господчиковъ», со «Всякой Всячиной» во главѣ. Журналъ Екатерины тщательно устранялъ изъ литературы все, что сколько-нибудь близко касалось общественной жизни. Это были для него «матеріи не нашего департамента», какъ выразился разъ въ подобномъ случаѣ журналъ. Когда одинъ, очевидно, не фиктивный, корреспондентъ попробовалъ было перенести на страницы «Всякой Всячины» обсужденіе важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, поднятыхъ дворянскими депутатскими наказами,— редакція наотрѣзъ отказала: «сіи и симъ подобныя вещи въ нашихъ листахъ мѣста не имѣютъ; они не на насъ положены, но въ числѣ статскихъ, сирѣчь составляющихъ существо правленія вмѣщены быть могутъ». Такимъ образомъ, подъ «нравами», которые журналъ брался исправлять, онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, область личныхъ моральныхъ отношеній и житейскихъ привычекъ. «Всякая Всячина» охотно вмѣшивалась въ распри между мужемъ и женой, родителями дѣтьми, женихомъ и невѣстой; она благословляла на бракъ или совѣтовала его отложить и провѣрить свои чувства; увѣщала отца дать денегъ сыну и т. п. Или она убѣждала подписчицъ не вѣрить въ сны и гаданья; разбирала ихъ жалобы и клала на нихъ резолюціи вродѣ слѣдующей: «худо быть нечисту и неопрятну въ житьѣ и въ обхожденіи; да и очень нѣжиться и гнушаться всѣмъ, что кажется быть противно и не по нашему вкусу, равнымъ образомъ худо». Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ журналъ не избѣгалъ имѣть дѣло даже съ одиночными, совершенно конкретными эпизодами изъ личной жизни подписчиковъ, обращавшихся за совѣтомъ въ редакцію.

Новиковъ ввелъ въ журналистику совершенно новый матеріалъ,—и какъ разъ тотъ, котораго «Всякая Всячина» такъ тщательно избѣгала. Онъ бралъ случай изъ области общественныхъ отношеній и разсказывалъ его во всѣхъ дѣловыхъ подробностяхъ. Случаи были вымышленные, но обстановка, въ которую они ставились, обрисовывалась у талантливаго сатирика настолько жизненными штрихами, что случаи выходили живыми и типичными. Открылась вакансія; на нее являются три кандидата. Одинъ—невѣжественный дворянинъ, но съ деньгами и съ знатной родней; другой—добрый и честный, но не ученый и небогатый дворянинъ; третій, по терминологіи «нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ», «человѣкъ *подлый*, ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ»,—но испытанный обществен-

ный дѣятель и съ широкимъ образованіемъ, оконченнымъ за границей. «Читатель, угадай: глупость ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью вознаградятся?» Или, рядомъ: барыня въ богатомъ экипажѣ пріѣхала въ Гостиный дворъ и украла у купца товаръ. Купецъ ищетъ суда и управы, но получаетъ удары плетьми. «Ништо тебѣ бѣдный купецъ. Какъ ты, честный злородный человѣкъ, осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла! Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу сдѣлана?»

Къ подобнымъ темамъ отношеніе журнала Екатерины сразу опредѣлилось. «Всякая Всячина» объявила, что она не любитъ «дурныхъ шутокъ» и «меланхоличныхъ писемъ»; погрозила поднять «завтра» вопросъ о томъ, «чтобы впредь никому не разсуждать, о чемъ кто не смыслитъ, и никому не думать, что онъ одинъ можетъ весь свѣтъ исправить». Затѣмъ, она искусно перенесла споръ о задачахъ сатиры на другую почву. Вмѣсто вопроса, дѣйствительно подлежавшаго спору, какія стороны жизни могутъ быть доступны сужденію печати, — она подняла вопросъ о личности въ сатирѣ и принялась доказывать, что *личные* нападки не исправляютъ нравовъ; какъ будто обличенія Новикова грѣшили именно личнымъ характеромъ, и какъ будто сама «Всячина» не обсуждала личныхъ случаевъ. Вопросъ о *содержаніи* публицистики былъ подмѣненъ, такимъ образомъ, вопросомъ о дозволительныхъ для нея *пріемахъ*: на этой почвѣ легче было подвести новиковскую сатиру подъ рубрику обычныхъ журнальныхъ «ругательствъ» того времени. Журналисты, съ Новиковымъ во главѣ, приняли сраженіе на предложенной почвѣ—и выиграли его, доказавъ «бабушкѣ», что она «запуталась въ противорѣчіяхъ»; что «въ добрый часъ она намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе» (Смѣсь). Поставленный Новиковымъ вопросъ о разумныхъ и справедливыхъ отношеніяхъ между «подлостью и благородствомъ» «Всякая Всячина» рѣшилась до конца игнорировать и не проронила о немъ ни звука. За то она сдѣлала уступку, снизойдя до обсужденія другого общественнаго вопроса, — еще при Елизаветѣ завоеваннаго русской публицистикой, — вопроса о взяточничествѣ приказныхъ. Осужденіе взятокъ, какъ мы знаемъ (см. выше), было первой побѣдой русской журналистики, вырванной у дворянскаго общественнаго мнѣнія. Поэтому даже въ ближайшемъ къ Екатеринѣ кругу должно было произвести впечатлѣніе скандала, когда императрица взяла на себя въ журналѣ защиту «крапивнаго сѣмени». Взятки перевести «весьма легко»,—заявила «Всякая Всячина»:—не обижайте никого: кто же васъ обижаетъ, полюбовно миритесь безъ подьячихъ». Мы знаемъ изъ депутатскихъ наказовъ, что такъ именно и поступали, въ виду безсилія закона,... слабые, безнаказанно обижаемые сильными. Понятенъ отвѣтъ «Смѣси»: «если бы всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не на-

добно бы было и судовъ, и приказовъ, и подьячихъ... но когда сіе необходимо, то для чего защищать подьячихъ?» Екатерина поняла неловкое положеніе, въ которое поставила себя,—и сдѣлала дальнѣйшую уступку. Сославшись на свой законъ о назначеніи жалованья подьячимъ, она напечатала въ журналѣ грозное «увѣщаніе лихоимцамъ», которое кончалось совсѣмъ не литературной угрозой. «Если вы еще и такъ дерзки, что осмѣливаетеся и т. д..., то неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или вы будете истреблены, или исправитесь, пока есть на то время». Памятуя, однако, что споръ начался съ ея заявленія, что «подьячихъ перевести не можно и не должно», «Всякая Всячина» при первомъ случаѣ поспѣшила успокоить своихъ читателей: «какъ имъ (приказнымъ) отъ насъ предписаны нравоучительныя заповѣди, то должно думать, что они скоро исправятся». Въ глазахъ «Всячины», очевидно, инцидентъ былъ этимъ исчерпанъ.

Какъ видимъ, сама «Всякая Всячина» не удержалась все-таки въ намѣченныхъ ею для публицистики границахъ. Мало того, она въ сердцахъ оказалась способной прибѣгнуть и вовсе къ нелитературнымъ пріемамъ. Если можно было въ журналѣ грозить подьячимъ административной карой, то отчего было не сдѣлать внушенія забывшимся журналистамъ?

«Екатерина въ этомъ отношеніи походила на Вольтера, — замѣчаетъ Сегюръ, — самые легкіе булавочные уколы больно задѣвали ея тщеславіе. Будучи умна, она дѣлала видъ, что смѣется надъ этимъ; но ясно было, что смѣхъ этотъ былъ немножко вынужденный».

Мы, дѣйствительно, видѣли, что Екатерина «аффектировала смѣхъ», пока дѣло шло о нападкахъ «мелкотравчатыхъ писакъ». Она и теперь продолжала рекомендовать смѣхъ, какъ «новѣйшій образъ лѣченія» того рода «горячки», въ которой «больной вздумаетъ строить замки въ воздухѣ (и утверждать, что) всѣ люди не такъ дѣлаютъ, и само правительство,—какъ бы радѣтельно ни старалось,—ни въ чемъ не угождаетъ; они одни по ихъ мыслямъ въ состояніи подавать совѣтъ и все учреждать къ лучшему». Но уже эта характеристика «болѣзни» показывала, что смѣхъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ натуральный. На этомъ способѣ лѣченія Екатерина успокоиться не могла и потому, что «такое несчастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями—вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ: иной, на то прельстяся, старается перенять, а другой угнетается, не бывъ сложеніемъ толь дерзостенъ,—и не осмѣлится дать воли своему здравому разсудку». Въ виду этой возможности юношескихъ увлеченій, «Всякая Всячина» выходитъ изъ своего притворнаго равнодушія и начинаетъ внушать своимъ читателямъ, что «долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ сограждамъ, велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправед-

ливыми жалобами (авторъ хочетъ сказать: несправедливыми жалобами на такіе поступки), коихъ, праео, я еще не видалъ, чтобы съ умысла случались». «Справедливы ли жалобы о неправосудіи, наипаче тогда, когда всякій честный гражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархиня имѣетъ о насъ?» Долгъ писателя, въ такое правленіе, есть прославлять положительныя стороны жизни, а не критиковать отрицательныя. «Добросердечный сочинитель... изрѣдка касается къ порокамъ..., но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами... описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина... присовокупляетъ къ тому пользы, изъ того проистекающія... Вотъ славный способъ исправлять слабости человѣческія».

Какъ бы то ни было, этими наставленіями пока и кончилось дѣло. Всякая Всячина удовольствовалась тѣмъ, что отдала Трутень «на судъ публики»; а Трутень, къ слову, замѣтилъ, что выраженіе, употребленное Всячиной (она «уничтожала» оскорбленія Трутня) неточно. «Уничтожить, то-есть въ ничто превратить — есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть неприлична: уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ». Этими замѣчаніями Новиковъ напоминалъ императрицѣ тѣ условія борьбы, въ которыя она сама себя захотѣла поставить.

Съ Екатериной-писательницей Новиковъ, очевидно, не хотѣлъ считаться иначе, какъ на почвѣ чисто литературнаго спора. Главной, неистощимой темой Трутня остается, вопреки недовольству императрицы, соціальная тема: смѣлая, открытая борьба съ кореннымъ зломъ русской жизни, съ сильными обидчиками, съ привилегированными хищниками, съ безнаказаннымъ нарушеніемъ закона, прикрываемымъ соціальнымъ или оффиціальнымъ положеніемъ преступника. Когда Екатерина, съ своей точки зрѣнія индивидуальной морали, призываетъ сатирика къ «снисхожденію», «шьетъ изъ милосердія кафтанъ для пороковъ» и рекомендуетъ считать ихъ человѣческими слабостями,—Новиковъ и эти совѣты разрабатываетъ въ духѣ своей обычной темы. «Я слыхалъ слѣдующія разсужденія: въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противъ законовъ; въ средостепенномъ воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степени и человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ исчисленіямъ, воровство не что иное, какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительный умъ и превосходительныя знанія и превосходительное просвѣщеніе: слѣдовательно и преступленіе такого человѣка должно быть превосхо-

дительное». Какъ видимъ, Новиковъ старался возвратить императрицу на ту почву, которая была ей особенно непріятна—именно потому, что она хорошо понимала всю важность и щекотливость такой постановки вопроса. На этой почвѣ Новиковъ подавалъ руку другому строителю «замковъ на воздухѣ», Дидро. «Вотъ смѣлая, можетъ быть безумная идея, — говорилъ этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Екатериной,—«приведенная въ исполненіе, она принесетъ больше чести и вызоветъ больше шума, чѣмъ выигрышъ десяти битвъ. Она поможетъ въ тысячѣ случаевъ, когда законъ остается безсильнымъ противъ могущественныхъ лицъ,—излечить страшный недостатокъ, нерѣдкій во всѣхъ обществахъ, но особенно частый въ деспотическихъ, — что слабый не можетъ отстоять свои права противъ сильнаго. На моей родинѣ, если герцогъ не можетъ заплатить долговъ, его, несмотря на грансеньерство, арестуютъ на улицѣ и сажаютъ въ тюрьму. Мнѣ кажется, что здѣсь подобная строгость не въ обычаѣ. Я думалъ сперва, что единственнымъ лекарствомъ было бы дать силу закону и подчинить ему одинаково и сильнаго и слабаго. Но это долгая и трудная исторія, а зло требуетъ немедленнаго искорененія». Итакъ, Дидро предлагаетъ Екатеринѣ лично удовлетворять кредиторовъ и потомъ самой расчитываться со всякимъ вельможей, не исполнившимъ своихъ обязательствъ.

Новиковъ не могъ, разумѣется, подавать такихъ совѣтовъ, но энергично указывалъ на зло—и его указанія нельзя было сохранить въ тайнѣ, какъ рукопись французскаго философа. Къ недовольству Екатерины присоединялось раздраженіе, вызванное журналомъ Новикова въ придворныхъ кругахъ. Онъ только усилилъ это раздраженіе, напечатавъ инвціалы «семерыхъ» наиболѣе вліятельныхъ вельможъ, которымъ нечего «краснѣть, читая его сатиры» *). Всѣ остальные, стало быть, тѣмъ самымъ объявлялись кліентами сатирика. Не могъ Новиковъ ослабить своихъ противниковъ и тѣмъ, что напечаталъ въ своемъ журналѣ, какъ они грозятъ ему Сибирью и досадуютъ на снисходительность государыни. Защищать не въ мѣру откровеннаго журналиста становилось трудно, хотя за его спиной и стояли, говорятъ, вліятельные оппозиціонеры изъ тогдашней знати,—И. Шуваловъ, Воронцовъ, кн. Дакова,—собиравшіе около себя журналистовъ. Новикову, очевидно, были сдѣланы внушенія, и журналъ присмирѣлъ. Но это не помѣшало сатирику отъ имени публики протестовать противъ своего новаго положенія и жаловаться на блѣдность журнала.

Развязка пришла сама собой. Интересъ Екатерины къ своему журналу быстро охладѣлъ, какъ онъ охладѣвалъ ко всему, что не удавалось ей сразу («commenceuse de profession» и «rien d'achevé»—это ка-

*) О(рлова), П(анина), Н(арышкина), С(алтыкова), В(оронцова или Вяземскаго?), Ш(увалова), В(едкаго или Бибикова?), В(еволожскаго или Воронцова?). Число «семь» дано въ другомъ мѣстѣ Трутня.

чество она «открыла» въ себѣ сама въ 1781 г.). Въ 1770 г. Всякая Всячина допечатывала свой «барышокъ»,—рукописи (большей частью переводныя), залежавшіяся въ портфелѣ редакціи, и прекратилась, едва протянувъ полгода. Вслѣдъ за ней (въ іюлѣ) скончался и Трутень, послѣдній изъ журнальной семьи 1769 г., объявивъ передъ смертью читателямъ, что умираетъ «противъ своего желанія», «по обстоятельствамъ» и вслѣдствіе охлажденія публики.

Послѣ того Новиковъ занялся своимъ Словаремъ писателей, а Екатерина увлеклась новымъ способомъ «исправленія нравовъ»—посредствомъ театра. Послѣ неудачныхъ опытовъ съ Комиссіей и съ публицистикой—это была третья арена, на этотъ разъ наиболѣе узкая и скромная, на которую она перенесла свою литературно-общественную дѣятельность. Мы послѣдуемъ, при случаѣ, за Екатериной и въ это послѣднее прибѣжище ея либерализма, но пока мы должны еще заняться дальнѣйшими попытками Новикова на открытомъ ему иниціативой Екатерины поприщѣ русской публицистики.

Въ 1772 г. Новиковъ вернулся на это поприще съ новымъ, наиболѣе зрѣлымъ продуктомъ своего сатирическаго таланта, съ «Живописцемъ». Опытъ съ Трутнемъ научилъ Новикова кое-какимъ журнальнымъ уловкамъ, но ни на іоту не измѣнилъ его настроенія. Старикъ ставитъ себя подъ эгиду императрицы и открываетъ новый журналъ посвященіемъ автору комедіи «О время» здѣсь онъ принимаетъ на-себя роль скромнаго подражателя великихъ начинаній державной писательницы. Каждую смѣлую статью онъ непремѣнно сопровождаетъ трескучимъ панегирикомъ по адресу кого-нибудь изъ великихъ міра. Наконецъ, онъ безпрестанно твердитъ себѣ отъ лица своихъ читателей и корреспондентовъ, что надо быть «осторожнымъ». Все это, однако, не мѣшаетъ Новикову ставить свою главную задачу такъ, какъ онъ ее ставилъ и раньше. Въ только что упомянутомъ посвященіи онъ рекомендуетъ, напр., императрицѣ вотъ какое средство, чтобы сравниться съ Мольеромъ: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ *во всякомъ званіи* достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ *бѣдности* только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками (если будетъ осмѣяно на театрѣ Екатериной), въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными». И въ слѣдующемъ обращеніи къ «самому себѣ» Новиковъ прозрачно намекаетъ на неудачный литературный дебютъ Всякой Вячины.

Что же значитъ это новое «дерзновеніе»? Какой новый рессурсъ имѣетъ въ запасѣ «осторожный» сатирикъ, чтобы дозволить себѣ эти неосторожности? Подъ какимъ новымъ флагомъ онъ надѣется провезти свою старую контрабанду?

Помимо упомянутыхъ уже литературныхъ уловокъ, Новиковъ разсчитывалъ, очевидно, на одно серьезное измѣненіе въ программѣ Живописца, совпадавшее съ желаніями государыни. Рядомъ съ соціальнымъ вопросомъ онъ выдвинулъ на первое мѣсто въ новомъ журналѣ сатиру на «нравы» въ Екатерининскомъ смыслѣ этого слова. Это была такая общая почва, на которой, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, Новиковъ могъ надѣяться—сойтись во взглядахъ съ сочинительницей комедіи «О время» и заслужить ея благосклонность.

Только что указанная общая почва намѣтилась еще во время выхода Трутня и Всякой Всячины. Новиковъ, конечно, не могъ изображать положительныхъ типовъ и отрадныхъ явленій въ настоящемъ, какъ того требовала императрица въ своемъ журналѣ (см. выше). Но и сама Всякая Всячина восхваляла «добродѣтели россіянъ» не въ настоящемъ, а только въ прошедшемъ. Не находя ихъ кругомъ себя, среди «татарскаго» (или «сарматскаго») варварства и «французскихъ» новомодныхъ пороковъ, она твердо надѣялась найти эти добродѣтели въ архивахъ и рукописяхъ. «Древнія повѣсти, крыющіяся теперь въ книгохранительницахъ, когда будутъ тисненіемъ во свѣтъ изданы (мѣры для этого были уже приняты Екатериной), покажутъ намъ довольное число оныхъ, о которыхъ теперь, кромѣ чтущихъ, если кто по счастію достанетъ рукописныя книги, мало кому и слышать удается. О прехвальныя добродѣтели предковъ нашихъ, къ вамъ я теперь рѣчь свою простираю, явите себя міру; заткните уста поношающихъ вамъ и не вѣдущихъ васъ; прославьте потомковъ вашихъ и себя *извнѣ*, внутри же подайте примѣръ домашній, сильнѣйшій къ подражанію, нежели всѣ иностранные. Увидятъ чуждые языки и племена событіе стараній и желаній великія нашея государыни, что народъ россійскій *будетъ* добродѣтеленъ, справедливъ и благополученъ во свѣтѣ столько, сколько можно по человѣчеству». Этотъ любопытный отрывокъ свидѣтельствуетъ о большой путаницѣ мыслей автора (не Екатерины). Тѣ самыя надежды, которыя Наказъ возлагалъ на раціональное законодательство, возлагаются здѣсь на историческую реставрацію древнихъ добродѣтелей, а современное состояніе нравовъ является какимъ-то пробѣломъ. Пробѣлъ этотъ наполненъ отрицательными явленіями, но ихъ вина лежитъ не на русскихъ, а на иностранцахъ. Такъ нащупываются и складываются на нашихъ глазахъ элементы новой націоналистической теоріи, которой предстоитъ долгая исторія и много превращеній. И мы къ ней вернемся еще не разъ; но теперь, стоя у самаго источника будущей теоріи, воспользуемся случаемъ, чтобы заблаговременно указать на обстоятельства, при которыхъ она возникла.

Отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пику имъ, древней простоты нравовъ уже въ описываемый моментъ было явленіемъ, совсѣмъ не новымъ въ Россіи. Источникъ этихъ взглядовъ двоякій,—отчасти въ литературѣ, отчасти

въ жизни. Въ жизни это, прежде всего, реакція стихійнаго націонализма, съ которой мы сталкивались не разъ и при Петрѣ, и при его преемникахъ. Идейнаго тутъ еще очень мало; это просто продуктъ непосредственнаго раздраженія эксплуатируемаго противъ своего конкурента, съ которымъ, за слабостью мысли и знанія, приходится бороться силой и хитростью. Въ любой странѣ, сразу шагнувшей изъ примитивнаго быта въ культурную обстановку жизни и безсильной противъ эксплуатаціи иностранцевъ, это стихійное чувство достигаетъ сильнаго напряженія и проявляется совершенно своеобразными пароксизмами національнаго самомнѣнія. Въ современной Болгаріи пишущій эти строки имѣлъ возможность наблюдать множество поучительнѣйшихъ параллелей къ исторіи русскаго національзма XVIII вѣка. Прежде чѣмъ сложиться въ какую-нибудь теорію, задѣтое чувство національнаго соперничества проявляется во всевозможныхъ мелочахъ жизни. Несложное самолюбіе юныхъ адептовъ культуры одинаково удовлетворяется при этомъ двумя противоположными способами: или безпрекословнымъ усвоеніемъ или грубымъ протестомъ противъ всего иностраннаго. При всей кажущейся противоположности, оба проявленія самолюбія находятся въ самомъ тѣсномъ психологическомъ родствѣ, и потому зачастую прямо другъ въ друга переходятъ или совмѣщаются другъ съ другомъ. На ближайшей высшей ступени оба типа вызываютъ насмѣшки и становятся предметомъ литературнаго изображенія. Изобразить ихъ не трудно, такъ какъ и въ жизни оба типа крайне каррикатурны; тѣмъ не менѣе, для литературнаго изображенія употребляются готовые трафареты болѣе зрѣлыхъ литературъ. Это объясняетъ, почему литературныя характеристики каррикатурныхъ націоналистическихъ типовъ—ксенофоба и ксеномана—появляются у насъ одновременно съ ихъ появленіемъ въ жизни Кантемиръ, Сумароковъ. Но было бы ошибочнымъ заключать отсюда, какъ дѣлали нѣкоторые изслѣдователи,—что въ жизни такихъ типовъ не существовало. Я раскрываю путешествіе по Россіи датчанина Петра Хавена, и нахожу у него прототипы обѣихъ отмѣченныхъ разновидностей доморощеннаго самолюбія еще въ тридцатыхъ годахъ, т.-е. задолго до законченнаго литературнаго изобрѣтенія ихъ въ русскихъ сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени. Вотъ будущая «щеголиха» или «кокетка», молодая княгиня Куракина: «у ней цѣлый придворный штатъ; она ѣздитъ шестерней съ двумя форрейторами и четырьмя лакеями, держитъ двѣ дюжины горничныхъ и столько же лакеевъ, ѣстъ роскошно и не во время, спитъ до полудня, одѣвается какъ петербургская оперная пѣвица, говоритъ только по русски, но примѣшиваетъ столько французскихъ и итальянскихъ словъ съ русскими окончаніями, что природнымъ русскимъ труднѣе понять ее, чѣмъ иностранцу; въ разговорѣ по большей части хвалитъ французскія моды и вольное обращеніе, смѣется надъ богобоязненными женщинами, которыя взды-

хают о мірской суетѣ, потому что не могутъ найти жениховъ и выйти замужъ (она разумѣетъ тутъ своихъ кузинъ); ея любовныя исторіи доказываютъ, что въ Москвѣ можно разыгрывать амурныя трагедіи нисколько не хуже Парижа и Лондона». А вотъ противоположный типъ, князь и княгиня Черкасскіе. «Князь спросилъ меня, понимаю ли я по-русски. Я отвѣчалъ: да, немножко. Тогда князь сказалъ, что такъ какъ онъ вездѣ въ своихъ путешествіяхъ долженъ былъ говорить на томъ языкѣ, гдѣ находился, то онъ не можетъ позволить, чтобы въ его отечествѣ кто-либо говорилъ иначе, чѣмъ по-русски. Я хотѣлъ бы знать, продолжалъ онъ, почему бы русскій языкъ нельзя было поставить наравнѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ. Я отвѣтилъ, что это, вѣроятно, потому отчасти, что науки еще не процвѣли въ странѣ и языкъ не распространенъ и не обработанъ, но отчасти также и по той причинѣ, что русское государство только недавно стало уважаться иностранцами; но что, конечно, съ могуществомъ государства возрастетъ и репутація языка. Князь успокоился на этомъ, но тогда княгиня меня спросила, не нѣмецъ ли я. Когда я сказалъ, что нѣтъ, она сняла съ головы соломенную шляпу, сдѣланную по англійскому фасону, и спросила, какъ я думаю, слѣдуетъ ли выписывать такія вещи изъ-за границы. Я отвѣчалъ, что эта провинность вполнѣ искупается тѣмъ, что ея сіятельству пришлось купить ее поневолѣ и что это хорошая и полезная вещь. Да, отвѣчала княгиня,—а мнѣ ее сдѣлалъ мой мужикъ тутъ въ Москвѣ; стало быть, вы видите, что мы здѣсь въ Россіи не нуждаемся въ нѣмецкихъ товарахъ,—да и въ самихъ нѣмцахъ».

Въ сатирическихъ журналахъ екатерининскаго времени мы встрѣтимъ совершенно тѣ же типы, тѣ же разговоры и ту же самую логику. Но какъ замѣчено выше,—въ промежуткѣ тутъ еще вошелъ элементъ, помогшій передѣлать жизненные факты въ журнальныя статьи, съ соотвѣтствующими обстоятельствамъ націоналистическими выводами. Это тотъ книжный элементъ, который, въ его сыромъ и неприкосновенномъ видѣ, мы нашли въ журналахъ елизаветинскаго времени. Мы знаемъ, что русская журналистика овладѣла описанными явленіями жизни по готовымъ книжнымъ образцамъ, и главнымъ образомъ по нѣмецкимъ. Иностранные источники русскихъ журналовъ, правда, изображали иногда явленія болѣе тонкія и сложныя: напримѣръ «петиметръ» у Гольберга (см. выше) похожъ скорѣе на современнаго эстета или декадента, чѣмъ на кукольный типъ русской сатиры (и русской дѣйствительности). Но это были частности; въ общемъ же не только типы, а и отношеніе къ нимъ журналистовъ было въ германскихъ странахъ то же, что у насъ. Этимъ отчасти объясняется, почему наши писатели такъ любили эксплуатировать именно нѣмецкіе моральные журналы. Тамъ они находили то же самое націоналистическое раздраженіе, тотъ грубоватый тевтонскій протестъ противъ французской модной культуры, который всего лучше соотвѣтствовалъ ихъ собственному настроенію и потреб-

ностямъ русской публики. Тамъ національный протестъ противъ галломаніи сложился раньше, чѣмъ у насъ; вотъ почему мы могли взять его оттуда готовымъ.

Справедливость требуетъ, однако, подчеркнуть, что у насъ этотъ націоналистическій протестъ противъ французской культурной внѣшности зачастую получалъ болѣе прогрессивный, менѣе шовинистскій смыслъ. Отчасти это было потому, что самыя заимствованія были гораздо поверхностнѣе, грубѣе у насъ: поэтому протестъ противъ культурной внѣшности получалъ значеніе протеста противъ внѣшней культурности. Съ другой стороны, у насъ въ гораздо большей степени, чѣмъ у нѣмцевъ, новая культура сдѣлалась привилегированнымъ достояніемъ однихъ только «благородныхъ». Слѣдовательно, нападки на нее сливались съ нападками на исключительное положеніе привилегированнаго класса.

Послѣ этихъ разъясненій будетъ понятно, какимъ образомъ «рус скій Рабенеръ», Новиковъ нашелъ для своихъ новыхъ журналовъ общую почву съ Екатериной въ осмѣиваніи французскихъ заимствованій—въ настоящемъ—и въ идеализаціи старинныхъ русскихъ добродѣтелей, уничтоженныхъ этими заимствованіями, въ прошломъ.

На первый разъ сближеніе съ взглядами императрицы оказалось однако, далеко не полное. «Живописецъ» весьма исправно «малевалъ своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи, новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ», «перенятое нашими молодыми господичами у иностранцевъ нововыдуманное обхожденіе»; «легковѣрность, вертопрашество, непостоянство, вольность въ обхожденіи и многіе другіе пороки», заимствованные у французовъ; но въ то же время онъ набрасывалъ первыя въ русской литературѣ картины крѣпостной крестьянской страды и по прежнему настаивалъ на томъ, что «подлыми» людьми надо называть лишь тѣхъ, которые дѣлаютъ «дурныя дѣла».

Относительно «древнихъ добродѣтелей» предковъ онъ предпочиталъ пока молчать, ограничиваясь критикой, современныхъ ему «развратныхъ обычаевъ» высшихъ классовъ и, позоря ломающуюся на иностранный манеръ молодежь, не думалъ возлагать за это отвѣтственности на самихъ иностранцевъ. Словомъ, общій тонъ и общая картина журнала получались, хотя и много «веселѣе» Трутня, но «меланхолическихъ» нотъ слышалось болѣе чѣмъ достаточно, а картины изъ деревенскаго быта оставили даже за собой лучшее, что было въ Трутнѣ въ этомъ родѣ,—знаменитыя письма и отписки изъ провинціи, перепечатанныя потомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ Живописца. Правда, разсужденія по поводу изображенныхъ явленій далеко не стояли на одинаковой высотѣ съ самымъ этимъ изображеніемъ. Но причины этого понятны: въ числѣ другихъ нововведеній, журналъ долженъ былъ ввести въ употребленіе столь знакомый новѣйшей русской сатирѣ

«езоповскій языкъ». Къ удивленію, этотъ языкъ, который очень хорошо умѣли понимать читатели Живописца, ввелъ въ заблужденіе позднѣйшихъ изслѣдователей, которые и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что сатирическіе журналы Новикова считаютъ свой вѣкъ золотымъ и добиваются только частичныхъ перемѣнъ—не столько въ порядкахъ, сколько въ лицахъ. Разумѣется, Живописецъ, говоря о крѣпостномъ правѣ, долженъ былъ пояснять, что бичуетъ лишь «злоупотребленія дворянскимъ преимуществомъ», а не самое это преимущество; что, нападая на казнокрадовъ и взяточниковъ, онъ критикуетъ лишь отдѣльныхъ бюрократовъ, а не весь бюрократическій строй; что, наконецъ, всѣ эти безпорядки и злоупотребленія, о которыхъ онъ разсказываетъ, уже отмѣнены и исправлены, похитители отставлены, мучители наказаны; словомъ, выражаясь языкомъ «Всякой Всячины», «нравоучительныя заповѣди предписаны» и нравы, если еще не совсѣмъ исправились, то, во всякомъ случаѣ, «скоро исправятся». Но каждый понималъ, что мысль журналиста идетъ дальше, чѣмъ его выраженія, личиной оптимизма журналъ не могъ обмануть никого, а всего менѣе заинтересованныя сферы. Это и отразилось на судьбѣ Живописца, совершенно одинаковой съ судьбою Трутня. Журналъ зачахъ, а журналисту пришлось пойти еще дальше по направленію, желательному для Екатерины. Съ начала 1773 года, т. е. еще раньше, чѣмъ окончательно прекратился Живописецъ, Новиковъ сталъ издавать при прямомъ участіи и денежной поддержкѣ Екатерины сборникъ историческихъ документовъ, долженствовавшій, согласно идеѣ «Всякой Всячины», см. выше, извлечь изъ архивовъ несомнѣнныя доказательства «древнихъ россійскихъ добродѣтелей». Въ предисловіи къ «Вивліоѳикѣ» цѣль эта указана вполнѣ опредѣленно: изъ «начертанія нравовъ и обычаевъ» предковъ читатель долженъ былъ познать «великость духа ихъ, украшеннаго простотой». Мало того, пользуясь благосклоннымъ отношеніемъ императрицы къ этому изданію, въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ строкъ предисловія, нѣтъ ничего публицистическаго, Новиковъ задумываетъ новый сатирическій журналъ, въ которомъ обѣщаетъ развивать ту же идею о древнихъ добродѣтеляхъ. Въ этомъ журналѣ, «Кошелькѣ» (1774), онъ впервые и самъ ближе всматривается въ эту идею, мелькавшую въ его умѣ еще при изданіи Трутня. Результаты его размышленій оказываются, однако, довольно неожиданные. Чѣмъ дальше онъ пишетъ, тѣмъ яснѣе начинаетъ понимать, что древнія добродѣтели предковъ находятся въ очень сомнительной связи съ его собственными общественными и просвѣтительными идеалами. Пока онъ рисуетъ типичнаго проходимца-француза, шевалье де-Мансонжа, дѣло идетъ на ладъ: любопытно, однако, что и тутъ Новиковъ высмѣиваетъ не вообще вліяніе иностранцевъ, а только вліяніе французовъ извѣстнаго типа, и заставляетъ возражать шевалье де Мансонжу—не русскаго а нѣмца, личность котораго изображается въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Но окончательно

сбивается Новиковъ, когда дѣло доходитъ до теоретической защиты старины. Чтобы отдалить моментъ, онъ предпосылаетъ сперва возраженія противъ старины, и возраженія оказываются въ его собственныхъ глазахъ настолько вѣскими, что онъ отказывается опровергать ихъ и прекращаетъ изданіе журнала. Если бы вся эта метаморфоза не происходила на глазахъ читателя, то положительно можно было бы подумать, что все это—одинъ изъ пріемовъ «езоповскаго» языка Новикова. Но нѣтъ: начинаетъ онъ съ прямыхъ заимствованій подлинныхъ выраженій Екатерины и «Всякой Всячины», обѣщаетъ статью, которая должна быть центральной, которою объясняется и самое заглавіе, данное журналу; между тѣмъ, статьи въ журналѣ не оказывается, заглавіе объясняется кое-какъ, мимоходомъ; вмѣсто первоначальнаго пожеланія читателю «въ жизни сей пользоваться древними россійскими добродѣтелями», находимъ весьма резонное разсужденіе воображаемаго противника Новикова: «время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ». Затѣмъ идетъ настоящая сатира на то время, когда «древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно, когда русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; женились, не видавъ невѣсты въ глаза; за различное знаменованіе (креста) сожигали въ срубахъ или, изъ особливаго благочестія, живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, «кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ». Но пусть читатель самъ прочтетъ эти блестящія, чисто новиковскія насмѣшки и опроверженія защищаемаго имъ самимъ взгляда. «Сильныя выраженія и доказательства» противъ старины такъ искусно перемѣшаны здѣсь съ нелѣпыми и смѣхотворными, что, въ концѣ концовъ, вслѣдъ за изображаемымъ противникомъ старины, читатель въ недоумѣніи спрашиваетъ журналиста: «я подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямымъ русакомъ или таковы и въ правду?» Какъ бы ни отвѣтилъ Новиковъ на этотъ вопросъ,—который онъ предпочитаетъ оставить безъ отвѣта,—ясно, во всякомъ случаѣ, одно, что въ пропагандисты націоналистической теоріи, только-что начинавшей складываться, онъ совсѣмъ не годился. Изъ «исторіи» онъ извлекъ лишь такіе непріятные аргументы, о которыхъ «Всякая Всячина» отнюдь не думала, когда ожидала найти «древнія россійскія добродѣтели» въ архивахъ; а въ защиту новой легенды объ этихъ старыхъ добродѣтеляхъ онъ пока привелъ только устное преданіе—«словесныя объявленія старожиловъ»,—да, точно въ насмѣшку, предложилъ редактору «Кошелька» поискать этихъ добродѣтелей въ своей «Вивліоѳикѣ».

Съ прекращеніемъ «Кошелька» окончился второй важный эпизодъ въ исторіи русской журналистики (1769—1774). Для начинавшаго тогда

слагаться русскаго общественнаго мнѣнія журналы этихъ годовъ сыграли въ высшей степени важную роль. Они сформулировали мнѣнія и чаянія передовой части русскаго общества и выяснили отношеніе къ этимъ взглядамъ разныхъ сословій и правящихъ круговъ. Стремленія выступившаго въ этихъ журналахъ поколѣнія были безсословными, точнѣе, они могутъ назваться сословными въ томъ смыслѣ, что къ нимъ могли присоединиться всѣ недовольные господствующимъ положеніемъ сословія, которое какъ разъ въ этотъ моментъ становилось не только привилегированнымъ, но и правящимъ. Главнымъ образомъ это были горожане. Наиболѣе обдѣленные судьбой, крестьяне были и главнымъ предметомъ сочувствія; но до нихъ голоса журналовъ не доходили. «Хлѣбъ, который они ѣдятъ; религія, которая ихъ утѣшаетъ: вотъ единственныя ихъ идеи. Благоденствіе государства, потомство, грядущее поколѣніе—для нихъ это слова, которыми ихъ нельзя затронуть. Они связаны съ обществомъ только своими страданіями и изъ всего того безпредѣльнаго пространства, которое называется будущимъ, они замѣчаютъ только завтрашній день. Ихъ жалкое положеніе лишаетъ ихъ возможности имѣть болѣе отдаленные интересы». Читатель спрашиваетъ, конечно, изъ какого радикальнаго автора взята эта красноръчивая цитата? Она принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ; это часть того отвѣта ея Дидро о русскихъ сословіяхъ, на который я ссылался выше. Конечно, не хуже русскихъ журналистовъ своего времени Екатерина понимала положеніе дѣлъ. Она хорошо знала, «о комъ пещись должно»,—но знала также и то, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ».

Сравнивая настроеніе литературныхъ круговъ 1769—1774 гг. съ настроеніемъ интеллигентнаго поколѣнія, создавшаго первый расцвѣтъ русской журналистики десятью годами раньше, мы должны будемъ констатировать огромный шагъ впередъ. Отвлеченные интересы и чувства характеризовали то поколѣніе, — и они уступили, какъ мы видѣли, первому холодному дыханію жизни. Вчерашніе литераторы сдѣлались сегодняшними защитниками интересовъ своего сословія. Напротивъ, новое поколѣніе интеллигенціи, подъ вліяніемъ идей времени и опираясь уже на своихъ интеллигентныхъ предшественниковъ, выросло съ болѣе серьезными и болѣе конкретными запросами отъ жизни и литературы. Житейскій холодъ охватилъ скоро и ихъ, послѣ короткаго періода «недоразумѣній»; имъ этотъ холодъ былъ даже гораздо чувствительнѣе, чѣмъ ихъ старшимъ братьямъ. Но это только закалило ихъ, какъ скоро увидимъ, для дальнѣйшей борьбы, и, вмѣсто того, чтобы охладить ихъ къ теоріямъ, заставило только внимательнѣе пересмотрѣть свой умственный багажъ. Не простая потребность использовать досугъ, а сознаніе своего нравственнаго долга побудило лучшихъ изъ нихъ взяться за перо журналиста. То же серьезное отношеніе къ себѣ заставило и отложить это перо въ сторону, когда оказалось, что въ журналѣ возможна только одна «веселая и легкая

критика». Двѣ цитаты помогутъ намъ представить себѣ эту смѣну настроенія молодыхъ журналистовъ. «Я думаю,—говорилъ себѣ Фонвизинъ, — что таковая свобода писать, каковой пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій голосъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ перомъ въ рукахъ можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государя, а иногда и спасителемъ сограждань своихъ и отечества». Сравнимъ это радужное настроеніе начинающаго литератора съ горькимъ разочарованіемъ литератора опытнаго. Въ Живописцѣ Новикова отставленный отъ службы взяточникъ обращается къ издателю съ слѣдующей насмѣшливой рѣчью: «Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ: а это по нашему называется — брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно, да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, — только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты: пишешь все пустое».

Мы видѣли, что и Екатерина разочаровалась въ журнальной дѣятельности. Но какъ причины, такъ и послѣдствія разочарованія были діаметрально противоположны у нея и у молодыхъ литераторовъ. Она сокращала и ограничивала районъ своего литературнаго воздѣйствія; они старались расширить. Она ушла отъ журнала къ театру, отъ русскаго театра къ французскимъ эрмитажнымъ спектаклямъ и къ интимной корреспонденціи. Они перенесли свою дѣятельность изъ журнала непосредственно въ жизнь и отъ сатирическихъ набросковъ перешли къ работѣ надъ цѣлымъ міровоззрѣніемъ.

Записки Дидро, читанныя имъ Екатеринѣ, изданы *Maurice Tourneux*: Diderot et Catherine II, Paris 1899. Съ появленіемъ этого важнаго матеріала прежнія работы о Дидро должны считаться устарѣвшими. О Дидро вообще см. *Морлея*, Дидро и энциклопедисты, и *А. Веселовскаго*, статья «Дени Дидро» въ Этюдахъ и характеристикахъ, М. 1894. О журналахъ см. кромѣ текстовъ ихъ (Живописецъ и Трутень переизданы съ примѣчаніями П. А. Ефремовымъ, Спб. 1864 — 5; Кошелекъ въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина, 1900 г.), *А. Аванасьева*. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. М. 1859 г.; *Н. А. Добролюбова*, Русская сатира въ вѣкѣ Екатерины, соч. I; *Е. С. Шумигорскаго*, Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица—публицистъ, Спб. 1887 г.; *В. Ѳ. Солнцева*. Всякая Всячина и Спектаторъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1892 г., I (въ моемъ изложеніи заимствованныя изъ Спектатора мѣста оставлены въ сторонѣ; авторъ преувеличиваетъ ихъ значеніе); *его же*, Смѣсь, сатирическій журналъ 1769 г. Спб. 1894 г. (изд. библіографа). Memoires *de Ségur*, т. III.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Пророчества г. Мережковскаго о судьбѣ русскаго народа.—Его противопоставленія Россіи и Запада.—Въ чемъ онъ видитъ превосходство «наше».—Его характеристика Толстого и Достоевскаго.—Недоброжелательство и придирчивая мелочность его къ Толстому.—Одностороннее и невѣрное освѣщеніе личности и творчества Толстого.—«Мы», о которыхъ постоянно говоритъ авторъ, въ образѣ спасителей не только русской, но и міровой культуры.—Памяти Добролюбова—сорокалѣтіе его смерти.

«Поколѣніе русскихъ людей, вступившее въ сознательную жизнь между восьмидесятыми и девяностыми годами XIX столѣтія, находится въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ положеніи относительно будущаго русской культуры, какъ, можетъ быть, ни одно изъ поколѣній со времени Петра Великаго».

Такъ начинаетъ г. Мережковскій свою книгу «Левъ Толстой и Достоевскій», въ которой пытается помочь своему поколѣнію разгадать задачу этого будущаго русской культуры и посильно рѣшить ее. Пока въ первой части работы г. Мережковскаго мы еще не имѣемъ этого рѣшенія, здѣсь намѣчены имъ только нѣкоторые элементы, по которымъ уже теперь можно составить нѣкое представленіе о духѣ и направленіи, въ которомъ работаетъ мысль автора.

Вся книга написана въ усвоенномъ за послѣднее время г. Мережковскимъ напряженномъ тонѣ пророческаго «глаголанія», откровеній и таинственныхъ предсказаній. Онъ не просто пишетъ книгу о творчествѣ двухъ великихъ геніевъ русской художественной литературы, а «провидитъ» въ ихъ твореніяхъ и отчасти въ ихъ личности основные элементы русскаго духа и того будущаго «всечеловѣческаго» и даже «сверхчеловѣческаго», которое они предвосхитили. Одинъ изъ нихъ—Толстой—есть «тайновидецъ плоти», другой,—Достоевскій—«тайновидецъ духа», оба исходятъ отъ Пушкина, но знаменуютъ пришествіе нѣкоего «третьяго», который соединитъ въ себѣ то, что въ нихъ разъединено, «оба края бездны», раздѣляющей Толстого и Достоевскаго, сблизитъ и благополучно проведетъ насъ въ обѣтованную землю будущаго расцвѣта особой русской культуры. Но пока, «для нашего поколѣнія, увидѣвшаго оба края бездны, тайна Пушкина, тайна всей будущей русской культуры, есть разрѣшеніе міровыхъ противорѣчій,—«столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, какія только могли существовать на землѣ»,—новая, можетъ быть, величайшая и послѣдняя борьба духа Восточнаго и Западнаго, «духа ратнаго и благодатнаго», Богочеловѣка и Человѣкобога».

Отбросивъ эти выспренно-вычурные «глаголы» и эпитеты, мы увидимъ въ рѣчахъ г. Мережковскаго все ту же старую славянофильскую идею о превосходствѣ Россіи надъ Западомъ и о великой, выпавшей на долю «смиренномудраго» русскаго народа миссіи—открыть всему человѣчеству путь къ истинѣ. Западъ давно уже сбился съ этого пути, запутался въ противорѣчіяхъ и теперь ждетъ своего мессію, который бы его вывелъ изъ трясины, гдѣ онъ по-

грязь по уши. Славянофилы, домечтавшіеся до этой идеи въ темные, сумеречные дни сороковыхъ годовъ, питали себя мечтами о великомъ посланничествѣ русскаго народа, суля ему въ будущемъ то величіе, въ которомъ ему было отказано въ настоящемъ. И Хомяковъ, и Кирѣевскіе, и всѣ ихъ искренніе послѣдователи не могли не видѣть той бездны зла и несчастія, въ которой пребывала тогда Россія. Все это были люди великаго сердца, которое билось страстнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ многомилліонной крѣпостной массы и было переполнено жгучимъ негодованіемъ къ «неправдѣ черной», по выраженію Хомякова, овладѣвшей Русью. И такъ велика казалась сила этой неправды, такъ безмѣрно ея царство, что для спасенія отъ безграничнаго отчаянія была необходима для этихъ страждущихъ душъ не менѣе великая мечта, которая могла бы поднять ихъ на своихъ крыльяхъ надъ бездной несчастья и указать какой-либо, призрачный хотя бы, но сіяющій и свѣтлый выходъ вдали. Этой мечтой и явилась идея о превосходствѣ русскаго духа надъ западнымъ. «Мечтательный элементъ» составлялъ въ славянофильствѣ все его содержаніе, всю суть его и весь смыслъ. Этимъ оно начало, этимъ же и кончило.

Указавъ на мечтательный элементъ славянофильства, отмѣченный еще Достоевскимъ, г. Мережковскій вмѣстѣ съ послѣднимъ указываетъ на новую, по его мнѣнію вполнѣ реальную основу для него — русскую литературу. «Если у насъ есть литературныя произведенія такой силы мысли и исполненія,—говоритъ Достоевскій о романѣ Толстого «Анна Каренина»,—то почему намъ отказываетъ Европа въ самостоятельности, въ нашемъ *своемъ собственномъ* словѣ,— вотъ вопросъ, который рождается самъ собою». Эту, мимоходомъ брошенную мысль Достоевскаго г. Мережковскій подхватываетъ и развиваетъ въ цѣлую систему. «Въ то время, — говоритъ онъ, — слова эти могли казаться дерзкими и самонадѣянными, — теперь они кажутся намъ почти робкими, во всякомъ случаѣ, недостаточно ясными и опредѣленными. Достоевскій указалъ въ нихъ на малую часть того всемірнаго значенія, которое открывается намъ все съ большею и большею ясностью въ *русской литературѣ*». Высказавъ далѣе, что ни европейская критика, ни западные читатели до сихъ поръ не поняли всемірнаго значенія этой литературы, г. Мережковскій продолжаетъ: «Намъ уже нѣтъ возврата ни къ западникамъ, отрицавшимъ самобытную идею русской культуры, ни тѣмъ болѣе къ славянофиламъ, не потому, чтобы ихъ проповѣдь казалась намъ слишкомъ смѣлою и гордою,— можетъ быть, наша вѣра въ будущность Россіи еще дерзновеннѣе, еще самовластнѣе, а лишь потому, что эти книжные мечтатели и умозрители сороковыхъ годовъ кажутся намъ слишкомъ покорными и боязливыми учениками нѣмецкой метафизики, переряженными германофилами, простодушными гегеліанцами. И если пророчество Достоевскаго: «Россія скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда-либо слышалъ»—оказалось преждевременнымъ, то лишь потому, что самъ онъ не договорилъ этого слова до конца, не довелъ своего сознанія до послѣдней степени возможной ясности, испугался послѣдняго вывода изъ собственныхъ мыслей, сломилъ ихъ остріе, притупилъ ихъ жало,— дойдя до края бездны, отвернулся отъ нея и, чтобы не упасть, снова ухватился за неподвижныя окаменѣлыя формы славянофильства, — тѣ самыя, для разрушенія которыхъ онъ, можетъ быть, сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо. Нужна, въ самомъ дѣлѣ, великая ясность и трезвость ума, чтобы безъ головокруженія, безъ опьяненія народнымъ тщеславіемъ, признать всемірность идеи, открывающейся въ русской литературѣ. Можетъ быть, для нашего слабаго и болѣзненнаго поколѣнія въ этомъ признаніи—больше страшнаго, чѣмъ соблазнительнаго, — я разумѣю страшную, почти невыносимую тяжесть отвѣтственности».

Тѣмъ не менѣе, г. Мережковскій подъемлетъ эту тягу и въ послѣдующихъ двухъ частяхъ силится вскрыть «всемірность идеи», затаенной въ произведеніяхъ Толстого и Достоевскаго. Отъ прежнихъ славянофиловъ, «боязливыхъ учениковъ нѣмецкой метафизики», его отличаетъ то, что онъ—гордый послѣдователь, или даже братъ Нитче, и, какъ сверхчеловѣкъ, можетъ не бояться той бездны, предъ которой обратился вспять самъ Достоевскій. За него онъ договоритъ то слово, которой унесъ въ могилу послѣдній, и вступитъ въ бой съ антихристомъ. Теперь для этого самый настоящій моментъ: «и съ той, и съ другой стороны, и съ восточной и съ западной, вся дорога пройдена, историческій путь конченъ,—дальше идти некуда; но мы знаемъ, что когда кончается исторія, начинается религія. У самаго края бездны необходимо и естественно является мысль о крыльяхъ, о полетѣ, о *сверхъ-историческомъ* пути—о религіи. Нитче, боровшійся во имя Человѣкобога съ Богочеловѣкомъ, побѣдилъ ли Его? Достоевскій, боровшійся во имя Богочеловѣка съ Человѣкобомъ, побѣдилъ ли Его?—вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ все будущее не только русской, но и всемірной культуры».

Все это г. Мережковскій вѣщаетъ въ слегка одурманенномъ видѣ. Онъ опьяняетъ себя съ нарочитою цѣлью самыми звонкими фразами, сногсшибательными эпитетами, невѣроятными сопоставленіями и самыми головокружительными скачками мысли. «Богочеловѣкъ», «Человѣкобогъ», «тайновидцы плоти и духа», бездна во всѣхъ падежахъ и склоненіяхъ, бездна «нижняя и верхняя», сверхъ-историческіе пути и мистическія волхованія...

Въ чемъ же однако, міровое значеніе русской литературы? Прежде всего въ противорѣчіи, открытомъ г. Мережковскимъ между Толстымъ и Достоевскимъ, изъ коихъ первый есть «тайновидецъ плоти, стремящійся къ ея одухотворенію», а второй—«тайновидецъ духа, стремящійся къ его воплощенію». Одинъ—представитель «бездны нижней», другой—«бездны верхней», что не мѣшаетъ имъ происходить отъ общаго корня—Пушкина, а г. Мережковскій есть та «сверхъ бездна», которая ихъ обоихъ сольетъ во едино. Толстой—тезисъ, Достоевскій—антитезисъ, г. Мережковскій—есть синтезисъ,—скажемъ такъ для наглядности, чтобы иллюстрировать три пиѳійскія бездны, въ которыхъ витаетъ духъ г. Мережковскаго.

Въ первой части «Толстой и Достоевскій какъ люди», онъ съ истинной сверхчеловѣческой безцеремонностью залѣзаетъ въ душу Толстого, копается въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ ея и, когда не находитъ нужнаго ему матеріала, пускается въ безбрежное море произвольныхъ догадокъ и ни на чемъ неоснованныхъ предположеній. Толстой, прежде всего, никого не любитъ, онъ — эгоистъ, онъ неспособенъ къ дружбѣ, онъ всю жизнь только и носится со страхомъ смерти, ибо онъ признаетъ только плоть, и т. д. Для доказательства приводится его ссора съ Тургеневымъ, котораго онъ ненавидѣлъ будто бы потому, что Тургеневъ былъ единственнымъ человѣкомъ, разгадавшимъ его. «Однажды,—пишетъ нашъ провидецъ всѣхъ тайныхъ помышленій Толстого,—Тургеневъ сказалъ, можетъ быть, самое глубокое и проникновенное слово, которое когда-либо говорилось о Толстомъ: главный недостатокъ его заключается въ отсутствіи духовной свободы. О Левинѣ, который,—какъ это было Тургеневу ясно,—есть двойникъ самого Толстого, онъ писалъ одному пріятелю: «Развѣ могъ бы ты хоть на секунду допустить... что *Левинъ вообще способенъ кого-нибудь любить?* Нѣтъ, любовь—это одна изъ тѣхъ страстей, которыя уничтожаютъ наше «я». Левинъ же, узнавъ, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ заниматься своимъ собственнымъ «я», не перестаетъ ухаживать за самимъ собой. *Левинъ—эгоистъ до мозга костей*». Эту характеристику Левина г. Мережковскій цѣликомъ переноситъ на Толстого, какъ раньше приписываетъ ему черты характера Оленина и Ерошки въ «Казакахъ». И такъ

онъ поступаетъ всякій разъ, когда ему нужно приписать Толстому ту или иную черту. Это называется психологической критикой—искать объясненія тѣхъ или иныхъ особенностей героевъ произведеній въ жизни и характерѣ автора. Не говоря уже о томъ, насколько такой методъ опасенъ вообще, къ Толстому онъ примѣняется г. Мережковскимъ наоборотъ, т.-е. всѣ черты Толстого онъ заимствуетъ у его героевъ, нисколько не смущаясь ни противорѣчіями, ни тѣмъ, что Толстой еще живъ и такое безцеремонное отношеніе къ нему просто неприлично. Г. Мережковскій подхватываетъ всякіе слухи, разносимые разными господами интервьюерами, перетолковываетъ ихъ по своему и восхищается: «вотъ онъ вашъ Толстой».

Грубость этого метода мѣстами поразительна, особенно, когда онъ въ цѣлой главѣ расписываетъ и негодуетъ, почему Толстой не роздалъ своего имущества, какъ Францискъ Ассизскій или некрасовскій Власъ. Здѣсь доходитъ до апогея прокурорски-обвинительный тонъ нашего сверхъ-критика. Совершенно какъ ретивый не въ мѣру, но еще мало опытный прокуроръ, г. Мережковскій перетолковываетъ не въ пользу Толстого всякій его шагъ, всякое движеніе, каждое сорвавшееся въ ту или иную минуту слово, и съ дѣтскимъ торжествомъ преподноситъ его присяжнымъ, т.-е. читателямъ, какъ новое обвиненіе, новую улику то безсердечія Толстого, то его эгоизма, то его эпикурейства. И какъ неопытный прокуроръ, достигаетъ, въ концѣ-концовъ, обратнаго результата: даже и предубѣжденные читатели становятся на сторону обвиняемаго, возмущенные этимъ пристрастно-торжествующимъ, злобно-шипящимъ тономъ и фарисейскимъ лицемѣріемъ, съ какимъ г. Мережковскій силится елейно-слащавыми словами прикрыть свою радость, что «уличилъ» преступника. «Не страшно ли, въ самомъ дѣлѣ,—вопіетъ Мережковскій,—то, что и этотъ человѣкъ, который такъ безконечно жаждалъ правды, такъ неумолимо обличалъ себя и другихъ, какъ никто никогда, что и онъ допустилъ въ свою совѣсть такую вопіющую ложь, такое безобразное противорѣчіе? Самый маленькій, и въ то же время самый сильный изъ дьяволовъ, современный дьяволъ собственности, мѣщанскаго довольства, срединной пошлости, такъ называемой «душевной теплоты», не одержалъ ли въ немъ своей послѣдней и рѣшительной побѣды»?

Не намъ, конечно, защищать Толстого отъ этихъ непристойныхъ выходокъ г. Мережковскаго, но мы не можемъ допустить, чтобы г. Мережковскій не зналъ, что сущность ученія Толстого и Франциска Ассизскаго (тѣмъ болѣе мотивы поступка некрасовскаго Власа, «великаго грѣшника») чрезвычайно различна, и не допускаетъ никакихъ подобныхъ сопоставленій.

Не слѣдуетъ, однако, возмущаться манерой и критическими аллюрами г. Мережковскаго. Въ качествѣ новаго пророка онъ не вмѣняемъ, настолько не вмѣняемъ, что, не довольствуясь сыскомъ надъ прошлымъ и настоящимъ Толстого, онъ пускается въ откровенія и относительно его будущаго. «...Не кажется ли *всѣмъ намъ*, что слова и дѣла его жизни для насъ уже не любопытны, незначительны, что мы знаемъ заранѣе, что больше того, что сказалъ и сдѣлалъ—онъ уже не скажетъ и не сдѣлаетъ, и что онъ будетъ жить, какъ жилъ всегда. Но какъ онъ будетъ умирать? Гете говоритъ: «благо тому, кто съумѣетъ соединить конецъ своей жизни съ началомъ ея»—это значитъ—соединить «змѣиную мудрость» старости своей съ «голубиной простотой» своего дѣтства. Съумѣетъ ли соединить ихъ Л. Толстой? Произойдетъ ли въ немъ, если не въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ смерти, это послѣднее Воскресеніе, о которомъ я говорю? Спадетъ ли съ очей слѣпого титана пелена и прозрѣетъ ли онъ окончательно при «бѣломъ свѣтѣ смерти»?

Если бы мы имѣли дѣло не съ г. Мережковскимъ, на кончикѣ пера котораго виситъ будущее не только русской, но и всемірной культуры, мы осмѣлились бы сказать ему: кто далъ вамъ право говорить отъ имени «всѣхъ

насъ»? Говорите за себя, и если васъ не интересуетъ ни жизнь, ни дѣла Толстого, то это ваше testimonium paupertatis *) не распространяйте на насъ всѣхъ.

Но надо помнить, что предъ нами не просто писатель, а опьяненный собственной фразой и самолюбованіемъ витія, забывающій въ эти минуты здравый смыслъ, приличіе и собственную личность. «Крови, Яго, крови»! — кричитъ опьяненный ревностью Отелло, а г. Мережковскій, въ пылу пифійскаго пророчества, жаждетъ и на смертномъ одрѣ «сокрушить выю грѣшника», какъ на протяженіи сотни страницъ сокрушаетъ его при жизни. Безобразная до нелѣпости выходка г. Мережковскаго можетъ быть не то что понята, а объяснена только самоопьяненіемъ, когда человѣкъ не даетъ себѣ отчета въ томъ, что творитъ.

И вслѣдъ за этимъ г. Мережковскій елейно растекается въ сладкихъ возгласахъ: «Мелькнетъ ли въ предсмертномъ бреду его воспоминаніе дѣтства? Почудится ли ему снова упоительный запахъ черемухи и свѣжее, какъ дѣтскій поцѣлуй, прикосновеніе мокрыхъ вѣтокъ къ лицу? И почувствуетъ ли онъ тогда, что въ этой безконечной радости земной и этой любви къ земному, было и начало неземного? Пойметъ ли онъ, что неодолимая, нечеловѣческая, животная и вмѣстѣ съ тѣмъ божественная любовь его къ плоти, съ которою онъ всю жизнь такъ тщетно боролся, могла бы остаться такой же невинной, какъ въ еще болѣе далекомъ, незапятнанномъ дѣтствѣ, когда онъ, купаясь въ корытѣ, въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ «свое маленькое голое тѣльце съ выступающими ребрами», и что эта его любовь къ себѣ, къ себѣ одному, была бы святою, если бы только онъ любилъ себя до конца,—а это значитъ, любилъ бы себя не для себя, а для Бога, такъ же вѣдь, какъ и другихъ велѣлъ Господь любить не для нихъ самихъ, а для Него? Пойметъ ли онъ, наконецъ, что тутъ нѣтъ высшаго и низшаго, что это два противоположныхъ и равноистинныхъ пути, ведущихъ къ одному и тому же; что это, въ сущности, даже и не два пути, а одинъ, только до времени кажущійся двумя, что не противъ и не отъ земли, а только черезъ землю можно придти къ неземному, не противъ и не безъ плоти, а только черезъ плоть—къ тому, что за плотью? И намъ ли бояться плоти,—намъ, дѣтямъ Того, Кто сказалъ: кровь Моя есть питіе и плоть Моя истинно есть пища,—намъ, чей Богъ, чье «Слово и стало плотью». Какъ нужно и важно было бы для всѣхъ насъ, чтобы и Л. Толстой, этотъ въ настоящее время все-таки (!) величайшій, сильнѣйшій изъ русскихъ людей, увидѣлъ то, что мы уже видимъ и въ жизни, и въ смерти нашими едва прозрѣвшими и свѣтомъ ослѣпленными глазами, послѣдній свѣтъ, послѣднее соединеніе,—чтобы и онъ *это* увидѣлъ, если не въ жизни, то хоть въ смерти своей, чтобы онъ успѣлъ, если не написать, то хоть сказать намъ объ *этомъ*,—о, мы вѣдь услышимъ и поймемъ слова его, сказанныя даже въ предсмертномъ бреду, какъ бы ни казались они другимъ неясными, ибо сказанное для насъ уже важнѣе, нужнѣе написаннаго,—говорится, что есть и будетъ, пишется лишь то, что было и чего уже нѣтъ: нашу послѣднюю истину еще нельзя написать, ее можно только сказать и совершить».

На всю эту сладкогласную тираду можно отвѣтить только словами Евангелія: «родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія, и знаменіе не дастся ему»...

Раздѣлавъ Толстого, какъ личность, г. Мережковскій съ неменьшимъ усердіемъ раздѣлываетъ его и какъ художника. Ему нужно доказать, что какъ въ жизни своей Толстой былъ «человѣкомъ плоти», такъ и въ творчествѣ онъ только «тайновидецъ плоти», съумѣвшій понять только тѣлесную сторону вещей, но не понимавшій духа и не проникавшій въ него. «Таковъ обычный

*) Свидѣтельство невѣжества.

пріемъ Л. Толстого: отъ видимаго къ невидимому, отъ внѣшняго къ внутреннему; отъ тѣлеснаго къ духовному или, по крайней мѣрѣ, душевному». Этотъ даръ, свойственный въ такой мѣрѣ только Толстому, г. Мережковскій называетъ «ясновидѣніемъ плоти». Онъ заключается въ томъ, что Толстой изъ сопоставленія ряда внѣшнихъ признаковъ и внѣшнихъ дѣйствій даетъ понять внутреннюю, «душевную» сторону своихъ героевъ. Онъ обыкновенно «прицѣпляется» къ какому-либо одному рѣзкому признаку и постоянно «пристаетъ съ нимъ къ читателю, пока тотъ не запомнитъ его, какъ отличительную особенность даннаго лица, съ которой связанъ весь обликъ его». «Кажется, во всемірной литературѣ нѣтъ писателя, равнаго Толстому въ изображеніи человѣческаго тѣла посредствомъ слова. Злоупотребляя повтореніями, и то довольно рѣдко, такъ какъ большею частью онъ достигаетъ ими того, что ему нужно, никогда не страдаетъ онъ столь обычными у другихъ, даже смѣлыхъ и опытныхъ мастеровъ, длиннотами, нагроможденіями различныхъ сложныхъ тѣлесныхъ признаковъ, при описаніи наружности дѣйствующихъ лицъ; онъ точенъ, простъ и возможно кратокъ, выбирая только немногія маленькія, никѣмъ не замѣчаемыя, личныя особенныя черты, и приводя ихъ не сразу, а постепенно, одну за другою, распредѣляя по всему теченію разсказа, вплетая въ движеніе событій, въ живую ткань дѣйствія». Иногда онъ даже до излишества увлекается этой особенностью своего творчества, останавливая вниманіе читателя на томъ, что безъ всякаго вреда для общаго впечатлѣнія можно было бы и пропустить. «Объ этомъ недостаткѣ Толстого и говорить бы, впрочемъ, вовсе не стоило, если бы иногда не обнаруживалось бы всего яснѣе самое личное, особенное, что есть у художника, не въ томъ, что у него въ мѣру, а именно въ томъ, чего у него слишкомъ много». Именно у Толстого это излишество описаній внѣшнихъ, тѣлесныхъ и указываетъ на его основную черту—черезъ внѣшнее проникать внутрь, такъ какъ вообще есть прямая связь между внутреннимъ душевнымъ міромъ и *выраженіемъ* тѣла. «Толстой съ неподражаемымъ искусствомъ пользуется этою обратною связью внѣшняго и внутренняго. По тому закону всеобщаго, даже механическаго сочувствія, который заставляетъ неподвижную, напряженную струну дрожать въ отвѣтъ сосѣдней звенящей струнѣ, по закону безсознательнаго подражанія, который при видѣ плачущаго или смѣющагося возбуждаетъ и въ насъ желаніе плакать или смѣяться,—мы испытываемъ, при чтеніи подобныхъ описаній, въ нервахъ и мускулахъ, управляющихъ выразительными движеніями нашего собственнаго тѣла, начало тѣхъ движеній, которыя описываетъ художникъ въ наружности дѣйствующихъ лицъ; и посредствомъ этого сочувственнаго опыта, невольно совершающагося въ нашемъ собственномъ тѣлѣ, т.-е. по самому вѣрному прямому и краткому пути, входимъ въ ихъ внутренній міръ,—начинаемъ жить съ ними, жить въ нихъ». Иллюстрировавъ эту вполнѣ вѣрную мысль рядомъ примѣровъ изъ произведеній Толстого, г. Мережковскій вдругъ ссылается на апостола Павла, который «раздѣляетъ существо человѣческое на три состава, заимствуя это раздѣленіе отъ философовъ александрійской школы: на человѣка тѣлеснаго, духовнаго и душевнаго. Послѣдній есть соединяющее звено между двумя первыми, нѣчто среднее, двойственное, переходное и сумеречное, уже не плоть, еще не духъ, то, чѣмъ завершается плоть и зачинается духъ, полуживотное, полубожеское, что, выражаясь на языкѣ современной науки, относится къ области психо-физіологіи—тѣлесно-духовныхъ явленій». Изъ сопоставленія описанныхъ выше пріемовъ Толстого и дѣленія человѣческаго существа на «три состава», г. Мережковскій дѣлаетъ уже совершенно неожиданно для читателя выводъ, что «Л. Толстой есть величайшій изобразитель этого не тѣлеснаго и не духовнаго, а именно тѣлесно-духовнаго—«*душевнаго человѣка*», той стороны плоти, которая обращена къ духу, и той стороны духа, которая обращена къ плоти,—

таинственной области, гдѣ, совершается борьба между звѣремъ и Богомъ въ человѣкѣ: это вѣдь и есть борьба и трагедія всей его собственной жизни, онъ вѣдь и самъ по преимуществу человѣкъ «душевный», ни язычникъ, ни христіанинъ до конца, а вѣчно воскресающій, обращающійся и не могущій воскреснуть и обратиться въ христіанство полу-язычникъ, полу-христіанинъ».

Такимъ образомъ, и разборъ творчества Толстого превращается въ тотъ же сыскъ надъ его душой, съ цѣлью доказать, что какъ въ личной жизни Толстой эгоистъ и эпикуреецъ, такъ въ своихъ произведеніяхъ онъ дальше внѣшней жизни человѣка не пошелъ, не съумѣлъ проникнуть въ духъ его. Насколько онъ великій мастеръ въ описаніи внѣшней стороны явленій, настолько же онъ слабъ, когда старается передать внутреннюю, духовную сторону жизни. И проистекаетъ такая его слабость изъ общаго основного качества Толстого—его холоднаго отношенія ко всему, что не есть его «я», которое одно онъ только любитъ и понимаетъ, вѣчно съ нимъ носится, изъ него исходитъ и къ нему возвращается. Г. Мережковскій великодушно простилъ бы ему эту его слабость, если бы Толстой имѣлъ мужество въ этомъ признаться самому себѣ, безстрастно отдаться своей любви къ плоти и къ себѣ и не раздвоялся бы вѣчно между влеченіемъ и обожаніемъ плоти, съ одной стороны, и порывами къ высшей любви, христіанской и самоотверженной. «Отношеніе Толстого къ природѣ двойственное,—говоритъ г. Мережковскій,—для его сознанія, желающаго быть христіанскимъ, природа есть нѣчто темное, злое, звѣриное или даже бѣсовское (?), для его безсознательной языческой стихіи человѣкъ сливается съ природой, исчезаетъ въ ней, какъ капля въ морѣ».

Дальнѣйшая критика г. Мережковскаго въ томъ и заключается, чтобы доказать слабость Толстого-художника въ умѣніи возсоздать внутренній духовный обликъ его героевъ. Приведя мнѣніе Тургенева, что въ «Войнѣ и Мирѣ» нѣтъ исторической окраски, и Флобера, который нашелъ превосходными два первыхъ тома, но «третій падаетъ ужасно»,—г. Мережковскій хватается обѣими руками за эти вскользь брошенные въ перепискѣ отзывы и начинаетъ ихъ размазывать на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ. Чтобы пояснить этотъ недостатокъ историчности, онъ ссылается на «Декамерона» Боккачіо, въ которомъ «пахнетъ Италіей эпохи ранняго возрожденія», на «Пана Тадеуша» Мицкевича, на «Евгенія Онѣгина», въ которыхъ запечатлѣлся духъ эпохи со всѣми ея особенностями. Между тѣмъ, «воздухъ, которымъ мы дышемъ въ «Войнѣ и Мирѣ» и въ «Аннѣ Карениной»—одинъ и тотъ же: и здѣсь, и тамъ—одинаковая, столь знакомая намъ, атмосфера второй половины девятнадцатаго вѣка.» Насколько художникъ тѣла превосходитъ Толстого-философа, особенно ясно въ его языкѣ. «И въ самомъ дѣлѣ, невозможно не почувствовать, даже при поверхностномъ чтеніи «Войны и Мира» или «Анны Карениной», двухъ складовъ рѣчи, двухъ языковъ, двухъ теченій, которыя стремятся рядомъ, соприкасаясь, но никогда не смѣшиваясь, какъ масло съ водою. Тамъ, гдѣ онъ изображаетъ дѣйствительность, въ особенности животно-стихійнаго, «душевнаго» человѣка, языкъ его отличается такою простотою, силою и точностью, какихъ русскій языкъ, можетъ быть, никогда и ни у кого еще не достигалъ». Но только что начинается отвлеченная психологія не душевнаго, а духовнаго человѣка, размышленія,—«философствованія, по выраженію Флобера—«умствованія», по выраженію Толстого,—только что дѣло доходитъ до нравственныхъ переворотовъ Безухова, Нехлюдова, Позднышева, происходитъ нѣчто странное: «онъ ужасно падаетъ»; языкъ его какъ-будто сразу падаетъ, истощается, изсякаетъ, изнемогаетъ... Написанныя не только другимъ языкомъ, но даже какъ-будто другимъ человѣкомъ, всѣ эти изображенія религіозныхъ и нравственныхъ переворотовъ выдѣляются на основной ткани произведенія такъ рѣзко и странно, какъ заплаты... ихъ можно бы сократить или даже вовсе исключить не только безъ

ущерба, но съ выгодой для архитектурной стройности всего произведенія... Иртеньева, героя «Дѣтства и Отрочества», мы видимъ до конца; онъ ясенъ и человѣчески-близокъ намъ, какъ незабываемо-милый товарищъ нашего собственнаго дѣтства и отрочества. Мы видимъ также, хотя уже съ меньшею ясностью, Пьера Безухова... Съ еще меньшею ясностью Левина, изъ-за котораго все чаще и чаще выглядываетъ авторъ, но Позднышева и Нехлюдова мы уже окончательно не видимъ... Изображенія человѣческихъ личностей у Толстого напоминаютъ тѣ полувыпуклыя человѣческія тѣла на горельефахъ, которыя, кажется иногда, вотъ-вотъ отдѣлятся отъ плоскости, въ которой изваяны и которая ихъ удерживаетъ, окончательно выйдутъ и станутъ передъ нами, какъ совершенныя изваянія, со всѣхъ сторонъ видимыя; но это обманъ зрѣнія—никогда не отдѣлятся они окончательно, изъ полукруглыхъ не станутъ совершенно круглыми, никогда не увидимъ мы ихъ съ другой стороны». Все это несовершенство, недоконченность зависятъ отъ преобладанія тѣлесности надъ духовностью. Въ Наташѣ — прелестная юная дѣвушка превращается въ самку, Анна Каренина только влюбленная женщина, не болѣе понятная и ясная, чѣмъ лошадь Вронскаго. Онъ любуется тѣломъ до цинизма, ищетъ вездѣ страшнаго по своей обнаженности проявленія этого тѣла, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, какъ, напр., въ изображеніи хрюкающаго отъ боли татарина, у котораго вырѣзаютъ пулю изъ спины, или замерзающаго Брехунова съ «раскоряченными ногами, какъ мороженая туша», или въ описаніи болѣзни Ивана Ильича, гдѣ ничто не опущено, всякая боль подчеркнута...

«Итакъ,—заключаетъ свой анализъ г. Мережковскій,—въ произведеніяхъ Толстого нѣтъ характеровъ, нѣтъ личностей, нѣтъ даже дѣйствующихъ лицъ, а есть только созерцающія, страдающія,—нѣтъ *героевъ*, а есть только жертвы, которыя не борются, не противятся, отдаваясь уносящему ихъ потоку стихійно-животной жизни. А такъ какъ нѣтъ героевъ, то нѣтъ и трагедіи: всюду завязываются отдѣльные трагическіе узлы, но, не разрѣшаясь въ человѣческой личности, снова уходятъ въ безличное, безсмысленное, безвольное, нечеловѣческое; нѣтъ и объединяющей развязки, того, что древніе называли катастрофой. Въ океанѣ безбрежнаго эпоса все волнуется, движется, какъ отдѣльные блески и трепеты волны, все рождается, живетъ и умираетъ и снова рождается, безъ конца, безъ начала. И какъ нѣтъ освобождающаго ужаса, такъ нѣтъ и освобождающаго смѣха. Ни разу, читая произведенія Л. Толстого, не только не разсмѣешься, но и не улыбнешься». Нѣтъ воздуха, свѣта, свободы, «душно отъ плоти и крови, отъ человѣческаго мяса», отъ котораго некуда уйти. И для Толстого былъ одинъ только выходъ, котораго онъ не сдѣлалъ. «Въ послѣдней, подземной глубинѣ, въ этой; какъ онъ самъ выражается, «пучинѣ» и «непостижимости» всего живого, животнаго, растущаго, растительнаго—онъ уже видѣлъ тотъ свѣтъ, который велъ его къ выходу въ другую половину міра, въ другое небо. Кажется, еще одна ступень одно усиліе, и подземный выходъ окончательно открылся бы ему, и онъ понялъ бы, что «небо внизу и небо вверху»—одно и то же небо, что тайна плоти и тайна духа—одна и та-же тайна. Но этого шага онъ не сдѣлалъ, изнемогъ, испугался, затосковалъ о небѣ надземномъ, повернулъ назадъ и устремился отъ того, что казалось ему языческимъ, къ тому, что кажется ему христіанствомъ, отъ «духовнаго тѣла» въ безтѣлесной духовности, отъ святой плоти къ безплотной святости, отъ воскресенія плоти къ умерщвленію плоти. Все, что было создано его творческимъ ясновидѣніемъ, захотѣлъ онъ уничтожить своимъ сознаніемъ», но это ему не удалось, и «тамъ, гдѣ видитъ онъ свой стыдъ и грѣхъ—вѣчная слава его и оправданіе».

Не зная произведеній Толстого и только ограничившись анализомъ г. Мережковскаго, можно было бы составить самое странное представленіе о Тол-

стомъ-художникѣ. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ г. Мережковскій рядомъ съ вѣрными допускаетъ рядъ такихъ произвольныхъ толкованій, что получается одна изъ самыхъ невѣрныхъ характеристикъ, въ которой доля правды примѣшана къ массѣ вздора. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что Толстой великій мастеръ возсоздавать тѣлесную сторону жизни, но такъ расчленять эту жизнь на тѣлесную и духовную, какъ это дѣлаетъ г. Мережковскій, значитъ расчленять нераздѣлимое. Если бы у Толстого, какъ, напр., у Золя и другихъ писателей натуралистической школы, тѣлесное описывалось ради него самого, еще можно было бы видѣть въ этомъ раздѣленіи долю правды. Но именно у Толстого никогда не фигурируетъ тѣлесная сторона сама по себѣ, а лишь какъ необходимое дополненіе духовнаго, безъ чего послѣднее не ясно и не опредѣлимо. Только благодаря этому чудесному сліянію получается та почти осязательная яркость, какую мы видимъ въ описаніяхъ Толстого различныхъ сторонъ духовной жизни, всѣхъ проявленій ея въ самые глубокіе патетическіе моменты, какъ любовь, смерть, страхъ, отчаяніе и т. п. Никогда и ни одинъ внѣшній признакъ того или иного лица, того или иного настроенія этого лица не заслоняютъ предъ нами внутренней стороны, и только служатъ для того, чтобы неизгладимой чертой врѣзаться въ нашу память, когда мы представляемъ себѣ именно внутренній, духовный обликъ этого лица. Сцена, напр., съ дѣтскими пеленками, когда возбужденная и радостная Наташа вбѣгаетъ въ кабинетъ мужа, столь возмущающая г. Мережковскаго своимъ натурализмомъ (не подберемъ лучшаго слова), запечатлѣваетъ Наташу-мать въ нашей памяти сильнѣе и ярче, чѣмъ десятки страницъ о ея материнскихъ наклонностяхъ. Именно—мать, а не животное-самку, какъ силится доказать г. Мережковскій. То же самое можно сказать о хрюканіи раненнаго татарина или раскаряченныхъ ногахъ замерзшаго Брехунова, своимъ тѣломъ прикрывшаго и тѣмъ спасающаго другого человѣка. Здѣсь не физическая, тѣлесная сторона останавливаетъ на себѣ исключительное вниманіе читателя, а именно то духовное, что въ ней сказалось—страданіе раненнаго и неувядающая красота подвига Брехунова.

Все это искусственно и нарочито пристрастно раздѣлено г. Мережковскимъ. Нельзя не отмѣтить и его указанія на неисторичность романа «Война и Миръ». Ссылка на «Декамерона», «Пана Тадеуша» и «Евгенія Онѣгина» крайне неудачна. И Боккачіо, и Мицкевичъ, и Пушкинъ писали вовсе не историческія для нихъ самихъ произведенія,—они были современниками описываемой ими эпохи, и только для насъ теперь это историческія эпопеи. Отсюда и этотъ «запахъ» историчности, несомнѣнно чувствуемый и воспринимаемый нами съ такой силой. Несмотря, однако, на то, что Толстой описывалъ жизнь несовременную ему, историческій колоритъ выдержанъ имъ вездѣ и во всемъ томъ, что уже было исторіей въ его время, когда онъ писалъ свое великое произведеніе. Таковы напр., типы военныхъ и описаніе этой среды, крѣпостное право и его проявленіе въ жизни Ростовыхъ, стараго Болконскаго и проч. Но въ томъ и дѣло, что очень многое изъ эпохи «Войны и Мира» и до сихъ поръ еще—не исторія, даже для насъ теперь, спустя сорокъ лѣтъ послѣ написанія романа. Вотъ почему такъ близки намъ настроенія, мечты, религіозныя сомнѣнія Безухова, князя Андрея, разговоры Ростова съ Пьеромъ и проч. Также понятно и теперь превращеніе Наташи изъ поэтическаго созданія, волнуемаго всѣмъ богатствомъ ея внутренняго существа, только въ жену и мать, что тогда было еще естественнѣе, еще больше соотвѣтствовало дѣйствительности, въ которой такъ мало было условій для полнаго развитія и проявленія женщины-человѣка. Въ той же Наташѣ ярко намѣчены всѣ черты одной изъ тѣхъ женъ-декабристокъ, что, не колеблясь, раздѣлили съ мужьями ихъ долю. Не видѣть во всемъ этомъ историческихъ чертъ, «запаха эпохи» можетъ только отуманенный предубѣжденностью взглядъ г. Мережковскаго, которому для его «тезиза» необходимъ Толстой, какъ «тайнови-

децъ плоти», чтобы ему противопоставить «тайновидца духа» Достоевскаго. Ради той же цѣли подчеркивается дѣйствительно небрежный иногда языкъ Толстого, который ради сущности жертвуетъ нерѣдко внѣшней формой. Но у Толстого такія небрежности сплошь и рядомъ бываютъ въ самыхъ яркихъ сценахъ, гдѣ именно «тѣлесное» на первомъ планѣ, напр. въ описаніи охоты въ «Войнѣ и Мирѣ», скачекъ въ «Аннѣ Карениной», въ «Воскресеніи» во многихъ и многихъ мѣстахъ, и т. д. И наоборотъ, моменты высшаго проявленія «духовнаго» человѣка, какъ смерти Брехунова или князя Андрея, удивительно прекрасны по языку. Обиліе «умствованій» въ романѣ «Война и миръ», составляетъ, дѣйствительно, недостатокъ этого произведенія, однако отнюдь не дающій поводъ къ тому обобщенію, какое дѣлаетъ г. Мережковскій. Въ этомъ именно романѣ всѣ разсужденія о философіи войны почти не находятся въ непосредственной связи съ характеромъ и настроеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Авторъ вовсе этого и не скрываетъ, такъ что рядомъ съ эпопеей, развертывающейся передъ читателемъ, внѣ связи съ нею развертываются размышленія автора о войнѣ, о роли личности въ исторіи, значеніи массы и проч. Только съ этой оговоркой можно принять замѣчаніе автора «о заплатѣ», въ видѣ которой эти «умствованія» выдѣляются на общемъ фонѣ этого чуднаго произведенія.

Есть доля правды, хотя и не той, какую хочетъ внушить намъ г. Мережковскій, и въ его замѣчаніи, что герои Толстого, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе рельефны, что Иртеньева мы живѣе, образнѣе представляемъ себѣ, чѣмъ Безухова, и т. д. Дѣло въ томъ, что это общій недостатокъ художниковъ—и не только русскихъ,—что типы, особенно ими излюбленные и близкіе имъ, устами которыхъ часто говоритъ самъ художникъ, высказывая свои завѣтныя, кажущіяся ему самому особенно важныя истины,—теряютъ въ изобразительности, въ наглядности, если можно такъ выразиться. Мы прекрасно чувствуемъ, видимъ «духовными» очами внутренній обликъ Позднышева или Нехлюдова, но плохо представляемъ ихъ себѣ, какъ живую фигуру. Не то ли же самое мы чувствуемъ въ изображеніи князя Мышкина въ «Идіотѣ», при сравненіи его съ такой, словно изъ бронзы вылитой фигурой, какъ Рогожинъ, или Алеши въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» рядомъ съ Дмитріемъ или ихъ отцомъ? И у Толстого это происходитъ отъ той же причины, что и «у тайновидца духа» Достоевскаго. Весь поглощенный внутреннимъ міромъ своего героя, слишкомъ занятый его душевными бурями, мыслями, настроеніемъ, художникъ забываетъ о насъ, читателяхъ, которымъ необходимы отмѣченныя г. Мережковскимъ совершенно вѣрно—*внѣшнія* черты, *внѣшнія* движенія, чтобы связать нашъ міръ внутренній съ ними. Отсюда и неясность въ представленіи, мы не слышимъ ихъ голоса, не видимъ ихъ походки, не можемъ по отдѣльнымъ характернымъ черточкамъ схватить ихъ цѣлостный образъ. Но развѣ драма, разыгрывающаяся въ душѣ Позднышева, или духовный переворотъ Нехлюдова намъ неясны? Именно эта сторона въ нихъ выступаетъ съ необычайной рельефностью, чего нельзя сказать, напр., о внутренней жизни Алеши, какъ ни велико «тайновидство духа» Достоевскаго.

Но здѣсь мы и остановимся, не вдаваясь въ изложеніе столь же пристрастной критики личности и творчества Достоевскаго, какъ и та, образчики которой мы видимъ въ отношеніи г. Мережковскаго къ Толстому. Можно только одно сказать по поводу его разбора Достоевскаго, что здѣсь смутность мысли и восторженность опьяненной Пиѳіи преобладаютъ окончательно надъ логикой и ясностью мысли автора. Мы то и дѣло слышимъ о какихъ-то «безднахъ» духа и о тайнахъ, непостижимыхъ для простыхъ смертныхъ,—увы! въ томъ числѣ и для самого г. Мережковскаго. Жизнь Достоевскаго, этого, поистинѣ, «великаго страстотерпца» въ самомъ буквальномъ, жизненномъ значеніи этого слова, могла дать дѣйствительно массу мотивовъ для словесныхъ упражненій взвин-

ченнаго г. Мережковскаго. Одна болѣзнь Достоевскаго (эпилепсія), припадки которой онъ самъ описываетъ нѣсколько разъ съ свойственнымъ ему геніальнымъ проникновеніемъ въ сущность явленія, дала поводъ г. Мережковскому нагородить столько «безднъ» надъ нею, что подъ ними совсѣмъ исчезъ и Достоевскій, и здравый смыслъ. Непосредственно почти за «анализомъ» этой особенности Достоевскаго, слѣдуетъ у г. Мережковскаго рядъ самыхъ странныхъ «воплей» и «причитаній», въ которыхъ причудливѣйшимъ образомъ перепутаны Нитче и его Заратустра, Кирилловъ (изъ «Бѣсовъ») и стихи Пушкина «Пророкъ», князь Мышкинъ и Л. Толстой, и еще многое разное, чему ни имени, ни счета нѣтъ, и въ заключеніе, какъ разрѣшительный аккордъ всего этого бреда, слѣдующее воззваніе къ «имѣющимъ уши»: «Можетъ быть, никогда еще судьбы міра такъ не колебались незримо для всѣхъ, какъ бы на остріѣ меча, между двумя безднами, не висѣли на такомъ волоскѣ, какъ теперь; можетъ быть, никогда еще духъ человѣческій такъ не предчувствовалъ, тайно для всѣхъ, что близокъ, если не конецъ, то начало конца, что оно—при дверяхъ, стучится въ двери. Горе проснувшимся въ гробахъ слишкомъ рано, когда всѣ еще спятъ. Но если бы мы и хотѣли, то уже не могли бы себя обмануть, снова заснуть, мы можемъ только притвориться спящими. Уже видѣли еще не совсѣмъ открывшіеся, полусонные, слабые глаза наши тотъ свѣтъ, котораго не вынесли самые зоркіе и дерзновенные изъ человѣческихъ глазъ. Куда намъ спрятаться отъ него? Какъ намъ скрыть наготу свою? И пока эта ничтожная горсть, проснувшись, уже видитъ,—остальные, какъ во время Ноя передъ потопомъ, только пьютъ и ѣдятъ, покупаютъ и продаютъ, женятся и выходятъ замужъ». Ну, чѣмъ не ветхозавѣтный пророкъ г. Мережковскій? Разница лишь та, что ветхозавѣтные пророки знали, о чемъ говорили и зачѣмъ говорили, а г. Мережковскій и самъ признается, что все это для него—тайна: «А пока—здѣсь кончается наше явное, наше слово, наше созерцаніе, здѣсь начинается наше тайное, наше молчаніе, наше дѣйствіе».

Но, насладившись нашимъ смущеніемъ, напугавъ читателя, какъ нѣкогда пугалъ Аѳанасій Ивановичъ свою Пульхерію Ивановну угрозами взять саблю и пойти воевать,—г. Мережковскій рѣшается въ заключительныхъ главахъ своей книги пріоткрыть завѣсу и показать кончикъ своей тайны. Съ обычнымъ глубокомысліемъ онъ проводитъ сначала параллель между эпохою Возрожденія, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело и Рафаэлемъ, и русскимъ возрожденіемъ въ лицѣ Пушкина, Толстого и Достоевскаго, которую самъ же и уничтожаетъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Рафаель, соединитель или только желавшій быть соединителемъ двухъ полюсовъ итальянскаго Возрожденія, слѣдовалъ за Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело. Совершенно обратная тройственность въ русскомъ возрожденіи: нашъ Рафаель, Пушкинъ, предшествуетъ Л. Толстому и Достоевскому, которые въ своемъ сознаніи раздвоили и углубили то, что стихійно и безсознательно соединялось въ Пушкинѣ». Тѣмъ не менѣе, такой неожиданный конецъ разрѣшается глубокомысленнымъ вопросомъ: «Ежели религіозное созерцаніе плоти у Л. Толстого—*тезисъ*, религіозное созерцаніе духа у Достоевскаго—*анти-тезисъ* русской культуры, то не слѣдуетъ ли заключить, по закону діалектическаго развитія, о неизбѣжности и русскаго *синтеза*, который, по своему значенію, будетъ въ то же время всемірнымъ, о неизбѣжности послѣдняго и окончательнаго соединенія, символа, высшей, чѣмъ у Пушкина, потому что болѣе глубокой, религіозной, болѣе сознательной гармоніи?»

Намекнувъ на свою тайну, авторъ въ концѣ указываетъ и того, кто ее разрѣшитъ, кто явится этимъ новымъ соединителемъ. На Европу надѣяться больше нечего, ибо, по словамъ Достоевскаго, «въ Европѣ все подкопано, начинено порохомъ и ждетъ только первой искры», а «огонь, начавшись съ

искры, не остановится, пока не сожжетъ всего», какъ говоритъ Толстой, и этой искрой явимся «мы», ибо «слово объ искрѣ—не есть ли, по преимуществу, наше русское слово, нашъ русскій знакъ?» Окончательно убѣжденный такимъ внушительнымъ доказательствомъ, г. Мережковскій торжественно заканчиваетъ свой гимнъ самому себѣ: «И кто знаетъ, ничтожная горсть русскихъ людей новаго религіознаго сознанія (т.-е. увѣровавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, г. Мережковскимъ, что «бездна вверху, бездна внизу—одно») не окажется ли именно этой искрой?.. Чтобы произошелъ взрывъ, надо, чтобы въ искрѣ что-то, самое малое и великое, что-то, самое слабое и сильное, сказало себѣ: или я, или никто». Дальше онъ повторяетъ ту же мысль уже распространеннѣе, что «русскимъ людямъ новаго религіознаго сознанія слѣдуетъ помнить, что отъ какого-то неуловимаго послѣдняго движенія воли въ каждомъ изъ нихъ,—отъ движенія атомовъ, можетъ быть, зависятъ судьбы европейскаго міра... Имъ слѣдуетъ помнить, что, можетъ быть, не уйдутъ они отъ того дня расплаты, когда уже не на кого имъ будетъ сложить съ себя отвѣтственность, и когда должны они будутъ сказать это послѣднее, самое страшное, потому что, какъ будто самое смѣшное, безумное, и однако, неизбѣжное, единственно-разумное слово: или мы, или никто».

Таково горделивое разрѣшеніе славянофильской идеи о посланничествѣ Руси на современный ладъ, съ примѣсью всѣхъ самыхъ свѣжихъ вѣяній и настроеній во вкусѣ истинно русскаго декадентства. Славянофилы сороковыхъ годовъ искали источниковъ обновленія и спасенія міра въ русскомъ духѣ, обладавшемъ, по ихъ мнѣнію, особыми спасительными и цѣлительными свойствами, въ родѣ смиренномудрія, кротости, непротивленія и проч. Отпрыски славянофильства видятъ теперь этотъ источникъ спасенія міра въ русской изящной литературѣ, ибо «она есть фактъ особаго значенія», и, вдохновленные этимъ фактомъ, указываютъ на себя, какъ на его толкователей и пояснителей. Это «мы или никто» очень грозно и внушительно, и, видя, какъ раздѣлывается г. Мережковскій съ Толстымъ, мы бы вострепетали за будущее русской культуры, которой судьба посулила бы такого вождя. Но страшенъ г. Мережковскій, да милостивъ Богъ, и, можетъ быть, насъ минуетъ чаша сія.

Отбросивъ всѣ мечты и нелѣпости г. Мережковскаго, переполняющія его книгу, мы въ правѣ задать заключительный вопросъ, что же даетъ его книга для русской литературы, для выясненія творчества Толстого и Достоевскаго? Открылъ ли онъ новую черту въ томъ и другомъ, помогъ ли намъ понять ихъ какъ людей и писателей? Мы думаемъ, что нѣтъ. То, что въ его анализѣ Толстого есть вѣрнаго,—не ново, а то, что ново,—невѣрно, полно натяжекъ и пристрастныхъ толкованій. Онъ подходитъ къ обоимъ писателямъ не для ихъ изученія, не для исканія истины, а для того, чтобы воспользоваться ими, какъ доказательствомъ своей нелѣпой идеи о всемірномъ значеніи русской литературы, въ которой одной только скрытъ ключъ къ пониманію будущаго «не только русской, но и всемірной культуры». Нелѣпость основной темы не могла не отразиться и на анализѣ матеріала, надъ которымъ работалъ г. Мережковскій.

Славянофильство, какъ общественное теченіе, отличалось мечтательнымъ элементомъ, и потому оно такъ легко и безповоротно было сметено съ поля жизни, какъ только въ послѣдней создались условія для работы надъ реальными интересами русскаго народа и общества. Замѣчательный фактъ, что съ момента возрожденія русской жизни, наступившаго въ концѣ 50-хъ годовъ, славянофильство не выдвинуло ни одного идейнаго ратоборца, равнаго по силѣ его основателямъ, чѣмъ лучше всего доказывается отсутствіе въ немъ реальныхъ корней. Заря новой русской жизни явилась свидѣтельницей его увяданія, и оно закрылось подобно тому, какъ ночные цвѣты свертываютъ свои лепестки

при восходѣ солнца. Именно тогда, когда все расцвѣло, оно увяло, выродившись въ концѣ концовъ въ мистическій лепетъ, образцы котораго мы сейчасъ видѣли. И самыя попытки къ его возрожденію въ подобномъ видѣ именно теперь знаменуютъ не о новомъ возрожденіи русской жизни, какъ мечтаетъ г. Мережковскій, а являются скорѣе результатомъ какого-то застоя въ общественной жизни. Подобно тому, какъ въ индивидуальномъ организмѣ затрудненное по тѣмъ или инымъ причинамъ кровеобращеніе вызываетъ рядъ болѣзненныхъ явленій, мѣстныхъ нарушеній правильнаго функціонированія органовъ, такъ и въ жизни общества недостатокъ движенія и правильнаго обмѣна силъ вызываетъ туманныя настроенія, мистическіе порывы и странныя фантасмагоріи. И умы, не склонные къ борьбѣ и къ исканію реальныхъ причинъ удручающихъ ихъ настроеній, готовы съ радостью ухватиться за звучную фразу, и чѣмъ она туманнѣе, чѣмъ меньше въ ней реальнаго содержанія, тѣмъ она кажется имъ значительнѣе и внушительнѣе.

Не о возрожденіи, такимъ образомъ, можетъ быть рѣчь по поводу подобныхъ произведеній, какъ книга г. Мережковскаго. Для возрожденія нужны иные люди, о немъ поютъ намъ иныя пѣсни. Въ ноябрѣ (17-го) исполняется сорокъ лѣтъ со смерти того русскаго писателя, который явился самымъ яркимъ представителемъ новой русской жизни. Ибо «каждому времени свой мужъ потребенъ», и если въ дни туманной слякоти, какъ грибы въ заплесневѣломъ, непровѣтренномъ мѣстѣ, выростаютъ гг. Мережковскіе, Розановы и Сигмы, то въ дни свѣжей, яркой, хотя бы и вѣтряной, но сухой погоды являются бодрые, сильные люди, «съ полными жита кошницами», которые щедрой, умѣлой рукой широко засѣваютъ поле общественной жизни. И долго-долго спустя, когда сами сѣятели давно уже истлѣютъ въ гробахъ своихъ, когда масса новыхъ наслоеній придавитъ многое изъ того, что было ими посѣяно,—мы продолжаемъ пользоваться ихъ посѣвомъ. Такъ велика и жизненна сила ихъ мысли и чувства, что и теперь, спустя почти полстолѣтія послѣ смерти Добролюбова, его главныя статьи, въ которыхъ вылилась душа этого перваго русскаго писателя-гражданина, производятъ впечатлѣніе неувядающей свѣжести. И зависитъ это не только отъ того, что съ тѣхъ поръ жизнь мало подвинулась впередъ въ томъ направленіи, которое указывалъ Добролюбовъ какъ единственно вѣрное. Мы все же ушли впередъ во многомъ, хотя и далеко еще не «созрѣли» и для его «свистка» матеріала хоть отбавляй. Но, взявъ русскую жизнь въ цѣломъ, мы найдемъ огромныя и коренныя различія съ тѣмъ, противъ чего боролся съ такою страстностью великій русскій критикъ. Возрасло сознаніе личности прежде всего, на отсутствіе которой въ русской жизни постоянно указывалъ Добролюбовъ, измѣнилось и отношеніе къ ней. И если въ «темномъ царствѣ», о которомъ такъ болѣла душа его, далеко еще до настоящаго дня, то все же личности не приходится теперь переживать такихъ трагедій, отстаивая самыя примитивныя права на существованіе, какъ прежде. Соотвѣтственно измѣнилось и многое другое, и если, тѣмъ не менѣе, мысли Добролюбова сохраняютъ свое обаяніе для насъ и теперь, то это зависитъ отъ необычайной ясности и крѣпости его, какъ мыслителя. Онъ, какъ иногда геніальный художникъ въ минуту высшаго подъема творчества создаетъ идеалъ нетлѣнной красоты для грядущихъ поколѣній,—далъ ясное выраженіе стремленіямъ лучшихъ русскихъ людей не для одного своего времени, тѣмъ болѣе, что жилъ онъ такъ мало. Ему было бы теперь только 65 лѣтъ, для многихъ годы крѣпкой и плодотворной старости, далекой отъ дряхлаго безсилія. Эти стремленія—къ подъему народа, нравственному и матеріальному, къ развитію русской гражданственности и росту личности—неизмѣнно стоятъ съ тѣхъ поръ въ сознаніи каждаго, какъ спасительные маяки, и по уклоненіямъ въ сторону отъ нихъ мы безсознательно судимъ объ успѣхахъ или застоѣ нашей общественной жизни.

Краткая дѣятельнось Добролюбова,—всего 4 года, правда, поразительной по плодотворности и объему работы,—заключаетъ въ себѣ что-то символическое. Намъ кажется въ примѣненіи къ нему, болѣе чѣмъ къ кому-либо другому, умѣстнымъ излюбленное слово г. Мережковскаго—*символъ,* соединеніе. Добролюбовъ именно является такимъ символомъ, въ которомъ прошлое и будущее русской мысли сливаются въ рѣдкой гармоніи. «Сокровища духовной красоты совмѣщены въ немъ были благодатно», какъ ни въ комъ изъ его сверстниковъ. Самый молодой изъ нихъ, онъ именно былъ тѣмъ человѣкомъ, который съ наибольшей силой и впечатлительностью могъ прочувствовать настоящее и провидѣть грядущее. Только въ молодости люди способны на такой подъемъ духа, когда исчезаютъ границы текущаго дня и открывается съ высоты необъятная даль будущаго. Но на это способенъ лишь тотъ, кто впиталъ въ себя все лучшее, что заключалось въ прошломъ, и Добролюбовъ проникся всѣмъ лучшимъ этого прошлаго, которое онъ зналъ, какъ рѣдкій изъ его соратниковъ. Стоитъ, напр., прочесть его статьи о Петрѣ и Екатеринѣ *), его поразительную характеристику «обломовщины», отмѣтить также его глубокое почитаніе Пушкина, что такъ отличаетъ его отъ послѣдующаго отношенія къ поэту, напр., Писарева. Это знаніе и пониманіе прошлаго давало его мысли ту спокойную величавость, которая удерживала его отъ неистовыхъ восторговъ современностью и внушала ему чуть-чуть насмѣшливое отношеніе къ «настоящему времени, когда»: онъ слишкомъ ясно понималъ, что наслоенія вѣковъ не уничтожаются въ одну минуту, какъ бы ни казался сильнымъ порывъ, что ветхій человѣкъ, сидящій въ каждомъ изъ насъ, представляетъ огромную силу, съ которой надо бороться упорно и длительно, не ограничиваясь лишь однимъ презрѣніемъ. Въ то же время для окончательной побѣды надъ нимъ недостаточно восторженныхъ настроеній, а необходимо ясное представленіе цѣли, тоже не открывающейся сразу, а лишь путемъ не менѣе упорной работы. Отсюда его поразительная трезвость мысли, съ которою онъ относился къ совершающимся событіямъ. Онъ не увлекался, какъ другіе, и его слово подчасъ производило впечатлѣніе охлаждающаго душа, но послѣдующая жизнь подтвердила во многомъ его опасенія и оправдала его скептицизмъ.

Такъ стоитъ этотъ удивительный писатель-гражданинъ на границѣ умирающаго прошлаго и нарождающагося будущаго, спокойный наблюдатель и руководитель, соединяющій въ себѣ всѣ лучшіе элементы этого прошлаго и всѣ упованія будущаго. Намъ онъ представляется символомъ—не мечтательныхъ настроеній, измѣнчивыхъ, какъ дни, а важныхъ интересовъ русскаго народа, осуществленіе которыхъ составляло задачу не только поколѣнія ему современнаго, а многихъ и многихъ послѣдующихъ. Имъ оставалось и остается только расширять и углублять намѣченныя имъ борозды на общественной нивѣ, но сущность ихъ—неизмѣнна, потому что она заключается въ томъ, что такъ геніально выразилъ его ближайшій другъ и сотрудникъ:

Доля народа—
Счастье его,
Свѣтъ и свобода—
Прежде всего.

А въ этомъ—весь законъ и пророки, а что больше, то... отъ г. Мережковскаго.

А. Б.

---

*) См. его статьи о сатирическихъ журн. екатерин. времени и три статьи о кн. Устрялова «Исторія Петра Великаго».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земскіе бюджеты. Департаментомъ окладныхъ сборовъ изданъ сводъ земскихъ бюджетовъ на 1900 годъ, въ которомъ подводится итогъ сорокалѣтняго свободнаго развитія земскихъ финансовъ, не стѣсненныхъ рамками предѣльности обложенія. «Одесскія Новости», пользуясь данными этого изданія, отмѣчаютъ, насколько несправедливы были жалобы на чрезмѣрный будто бы ростъ земскаго обложенія, обременявшій плательщиковъ.

«За пятилѣтіе отъ 1895 года по 1900-й земскіе расходы возрастали ежегодно на 6,8 проц. Сравнительно съ ростомъ населенія, этотъ ростъ земскихъ расходовъ, дѣйствительно, великъ. Но не слѣдуетъ забывать, во первыхъ, что къ 1895 году земство не успѣло еще возстановить своего бюджета, который былъ нарушенъ неурожаями 1891 и 1892 гг., и значительную долю бюджетнаго прироста за интересующее насъ пятилѣтіе необходимо отнести на это обстоятельство.

«Во-вторыхъ, государственный бюджетъ за это пятилѣтіе давалъ еще большій ежегодный приростъ—8 проц. по обыкновенному бюджету и 9 проц. по всѣмъ расходамъ, включая и чрезвычайные, а это заставляетъ думать, что наше общественное хозяйство вообще находится въ такомъ фазисѣ, когда крупный ростъ расходовъ составляетъ настоятельную необходимость, которой не можетъ не подчиняться такой жизненный органъ управленія, какъ земство.

«При всемъ томъ, на сборъ съ недвижимостей, котораго, собственно, законъ 12-го іюня и касается, ростъ земскихъ бюджетовъ повліялъ, сравнительно, слабо, такъ какъ обложеніе недвижимостей увеличивалось только на 6,2 процента въ годъ, въ то время какъ обложеніе промышленности возрастало ежегодно болѣе, чѣмъ на 13 процентовъ. Характерно, кромѣ того, что изо всѣхъ районовъ земской Россіи, всего болѣе отъ роста обложенія недвижимостей страдали именно среднечерноземныя губерніи, которыя всего громче выражали свое недовольство ростомъ земскихъ бюджетовъ: сборъ съ недвижимостей возрасталъ здѣсь *только на 3,8 процентовъ* въ годъ, почти соотвѣтствуя естественному приросту населенія».

Но если общій ростъ земскихъ бюджетовъ не объясняетъ принятой по отношенію къ нему фиксаціи, то цѣли, ради которыхъ земство увеличивало свои расходы, еще менѣе оправдываютъ жалобы плательщиковъ. Сравнительно съ 1895 годомъ, въ 1900 году земскіе расходы увеличились на 22½ милл. рублей; изъ нихъ больше половины (12,7 милл.) пришлось на долю *врачебной* помощи и *народнаго образованія*, т.-е. важнѣйшихъ нуждъ населенія.

Затѣмъ, на экономическія мѣропріятія и общественное призрѣніе — около 12%; на обязательное содержаніе правительственныхъ учрежденій — около

11%, итого—³/₄ на крайне необходимыя нужды населенія или обязательныя для земства траты; остальная четверть пошла на улучшеніе такихъ отраслей хозяйства, изъ которыхъ нѣкоторые разговоры можетъ вызвать только одно, именно — содержаніе земскаго управленія. Но и здѣсь увеличеніе выразилось всего лишь на 2,8%, что никоимъ образомъ нельзя признать чрезмѣрнымъ, имѣя въ виду сильно расширившееся за пятилѣтіе земское хозяйство.

«Особенно поучительно отношеніе земства въ интересующее насъ пятилѣтіе къ народному образованію и экономическимъ мѣропріятіямъ. Памятные 1891, 1892 и отчасти 1893 годы, когда сначала недороды, а затѣмъ эпидеміи сосредоточили все вниманіе Россіи на деревнѣ, обнаружили всю опасность народнаго невѣжества и отсталости хозяйственныхъ формъ для страны. Земство увидѣло передъ собою колоссальную работу, и оно не замедлило приняться за нее. И вотъ результатъ, къ которому оно пришло за какихъ-нибудь пять лѣтъ. Заставъ затраты на народное образованіе въ два раза ниже расходовъ на медицину, интересующее насъ пятилѣтіе довело первыя до 63 процентовъ послѣднихъ, а расходы на экономическія мѣропріятія оно подняло съ сотенъ тысячъ рублей до 2¹/₂ милліоновъ.

«Конечно, этой переверсткой вниманія къ отдѣльнымъ отраслямъ своего хозяйства земству еще не удалось возстановить равновѣсіе земскаго бюджета, нарушенное исключительными заботами о народномъ здравіи въ предыдущія 35 лѣтъ земской дѣятельности. Но если заботы о народномъ просвѣщеніи и экономическомъ преуспѣяніи имѣютъ въ виду будущее страны, то медицина должна парализовать послѣдствія бѣдности и невѣжества въ настоящемъ, а это вполнѣ оправдываетъ громадныя траты на нее со стороны земства въ прошломъ, какъ и то, что въ моментъ, когда другія нужды властно приковали къ себѣ вниманіе земства, оно не могло оторваться также отъ заботъ о медицинѣ. Но заботясь о послѣдней лишь постольку, чтобы не препятствовать нормальному ея развитію, такъ что въ бюджетъ расходы на медицину *удержали въ 1900 году тѣ же 27 процентовъ, какими они опредѣлялись въ 1895 году*, земство подняло участіе народнаго образованія въ бюджетѣ съ 14,2 проц. до 17,5 проц., а расходовъ на экономическія мѣропріятія съ 1 проц. до 7,6 проц.

«Въ сорокалѣтіе, оканчивающееся годомъ, за который департаментъ окладныхъ сборовъ опубликовалъ свой «сводъ», земство добилось, можно сказать, невѣроятныхъ результатовъ въ смыслѣ оздоровленія—физическаго, моральнаго, умственнаго и матеріальнаго — русской деревни. Законъ 12-го іюня, вступившій въ силу съ 1901 года, открываетъ для земской дѣятельности новую эру. Что послѣдняя дастъ русской деревнѣ, — покажетъ, конечно, будущее, но то обстоятельство, что законодатель придалъ закону 12-го іюня временный характеръ, побуждаетъ особенно внимательно слѣдить за его вліяніемъ на ходъ земскаго дѣла».

Въ поселкѣ г. Пороховщикова. «Нижегородскій Листокъ» знакомитъ съ впечатлѣніемъ, какое членъ нижегородской уѣздной земской управы и два инспектора земскаго страхованія вынесли изъ поѣздки въ Москву для ознакомленія съ «знаменитымъ» огнестойкимъ поселкомъ, построеннымъ г. Пороховщиковымъ въ 20 верстахъ отъ города при с. Спасскомъ-Котовѣ.

«Цѣль поселка двоякаго рода: во-1-хъ, доказать прочность, пригодность и дешевизну нѣкоторыхъ несгораемыхъ построекъ и крышъ и, во-2-хъ, научить присылаемыхъ земствомъ и учрежденіями учениковъ изготовленію и производству какъ матеріаловъ, изъ которыхъ возводятъ несгораемыя стѣны и крыши, такъ и способу постройки ихъ; сверхъ того ученикамъ здѣсь было обѣщано научить ихъ класть усовершенствованныя печи, русскія и голландки по си-

стемѣ инженера Кржиштофовича. Первая изъ этихъ цѣлей не можетъ быть достигнута пока, такъ какъ, существуя всего 3-й годъ, поселокъ и не могъ еще доказать прочности возведенныхъ на немъ построекъ. Тѣмъ не менѣе жилыя помѣщенія изъ самана, имѣющіяся въ поселкѣ, указываютъ какъ будто на пригодность ихъ для жилья, судя по отзыву управляющаго поселкомъ, который самъ живетъ въ саманномъ домѣ и по словамъ котораго онъ сухъ и тепелъ. Лично убѣдиться въ этомъ посѣтители не могли, такъ какъ домъ этотъ внутри обшитъ тесомъ. За исключеніемъ еще кухни и нѣкоторыхъ холодныхъ построекъ, все остальное представляетъ собою небольшой рядъ неоконченныхъ разнаго типа огнеупорныхъ строеній, безъ оконъ и дверей, безъ потолковъ и половъ. Всѣ зданія покрыты частью черепичными, частью глиносоломенными крышами; по краткости времени ихъ существованія судить о прочности этихъ крышъ въ смыслѣ долговѣчности, тоже не представляется возможнымъ, но по внѣшнему своему виду онѣ оставляютъ хорошее впечатлѣніе.

«Что касается до производства кровельной черепицы, то здѣсь, повидимому, доказана возможность производства черепицы кустарнымъ способомъ съ затратой всего нѣсколькихъ сотъ рублей на обзаведеніе.

«Постановка учебнаго дѣла въ поселкѣ произвела на посѣтителей впечатлѣніе самое безотрадное и удручающее, особенно если принять во вниманіе ту высокую (250 руб. за лѣто) плату, которую г. Пороховщиковъ беретъ за своихъ учениковъ. Практическихъ занятій въ настоящее лѣто было поразительно мало: не построено въ поселкѣ ни одного зданія, не покрыто ни одной крыши, не было сложено ни одной печи: все время уходило какъ будто на теоретическое знакомство съ строительнымъ искусствомъ и на производство саманнаго и сырцоваго кирпича и черепицы. Такимъ образомъ, несмотря на то, что до окончанія учебнаго курса оставалось всего двѣ недѣли, ученики были незнакомы практически ни съ кладкой стѣнъ изъ саманнаго кирпича, ни съ устройствомъ глиносоломенныхъ и черепичныхъ крышъ, ни съ кладкой печей.

«Еще болѣе удручающее впечатлѣніе произвела внѣшняя обстановка школы и содержаніе учениковъ. Школа помѣщается въ такъ называемомъ «дворцѣ», дворецъ этотъ представляетъ собою заброшенный домъ, съ крайне убогой обстановкой; такъ, напр., столы въ классахъ и скамьи для учащихся сшиты изъ досокъ на живую нитку и качаются на ножкахъ, скрипятъ при облокачиваніи на нихъ; спятъ ученики на парусинныхъ деревянныхъ койкахъ, причемъ ни матрацевъ, ни даже подушекъ не замѣчено; по недостатку мѣста койки стоятъ вплотную одна къ другой. Одежда, за которую г. Пороховщиковъ беретъ съ земства по 25 р., заключается въ виксатиновомъ плащѣ и парусинной парѣ, и едва ли соотвѣтствуетъ этой цѣнѣ. Пища, по словамъ учениковъ, крайне плоха, зачастую даже изъ недоброкачественной провизіи. За поѣздки въ Москву съ просвѣтительными цѣлями взимается г. Пороховщиковымъ по 15 руб. за каждаго ученика; проѣздъ до Москвы и обратно по желѣзной дорогѣ стоитъ около 40 к., между тѣмъ за все лѣто по крайней мѣрѣ до 16-го августа ученики только одинъ разъ въ августѣ мѣсяцѣ, и то по настоянію самихъ учениковъ, посѣтили Москву, причемъ просвѣтительная цѣль этой поѣздки заключалась въ томъ, что ученики огнестойкаго поселка пришли на Красную Площадь и пропѣли «вѣчную память» передъ памятникомъ Минина.

«Прекрасной характеристикой того, какъ поставлено въ школѣ учебное дѣло, служитъ заявленіе учениковъ, что съ полученными ими здѣсь знаніями имъ стыдно вернуться домой.

«Посѣтившія школу лица сомнѣваются, чтобы и теоретическая часть обученія была поставлена въ огнестойкой школѣ, по крайней мѣрѣ, въ текущемъ 1901 году, удовлетворительно, такъ какъ тамъ теперь не 6 преподавателей— гражданскихъ и военныхъ инженеровъ, какъ то было объявлено г. Пороховщи-

ковымъ на 1900 годъ,—а всего одинъ г. NN, который намъ заявилъ, что и онъ бѣжитъ съ поселка, въ виду невозможной постановки тамъ дѣла.

«Оставляя поселокъ, нижегородцы вынесли впечатлѣніе, что дѣло это находится въ періодѣ паденія, и можно только пожалѣть, что это по идеѣ весьма симпатичное и полезное дѣло поглотило значительныя суммы далеко не такъ производительно, какъ могло бы».

Харьковскій самозванецъ. Въ «Южномъ Краѣ» находимъ слѣдующую любопытную страничку изъ исторіи нашего самозванства, остающагося и понынѣ явленіемъ, весьма характернымъ для опредѣленія бытовыхъ особенностей нашей жизни. Г. В. Карповъ передаетъ свои воспоминанія изъ времени 30—40-хъ годовъ о смѣломъ авантюристѣ, воспитанникѣ Харьковской духовной семинаріи, Башинскомъ.

«Это былъ сынъ бѣднаго сельскаго дьякона, обремененнаго многочисленной семьей. Въ семинаріи онъ прекрасно изучилъ французскій языкъ. Былъ большой любитель чтенія и ненавидѣлъ богословскія науки. Изъ послѣдняго класса онъ былъ уволенъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню, откуда очень скоро бѣжалъ. Въ 1842 году пріѣхалъ въ Харьковъ, проѣздомъ на св. Аѳонскую гору, изъ Петербурга архимандритъ Валентинъ, который по Высочайшему повелѣнію и съ благословенія святѣйшаго синода изъѣздилъ почти всю Россію за сборомъ для построенія и открытія на Аѳонской горѣ русскаго мужского общежительнаго монастыря на суммы, частью дарованныя государемъ и на собранныя имъ отъ благочестивыхъ жертвователей. Архимандритъ везъ съ собою сумму, далеко превышающую пятьдесятъ тысячъ рублей. Онъ остановился въ монастырскомъ домѣ, въ покояхъ тогдашняго харьковскаго преосвященнаго Смарагда, и былъ принятъ съ подобающей честью.

«Въ то время харьковскимъ генералъ-губернаторомъ и попечителемъ харьковскаго учебнаго округа былъ свѣтлѣйшій князь Долгоруковъ.

«Архимандритъ Валентинъ весьма скоро познакомился чрезъ преосвященнаго со всею знатью города и побывалъ у многихъ богатыхъ купцовъ, которые не пропустили случая отъ щедротъ своихъ пожертвовать на вновь открывающійся монастырь на св. Аѳонской горѣ. Пожертвовалъ и Смарагдъ на тотъ же монастырь 500 рублей ассигнаціями. При архимандритѣ былъ послушникъ, вѣрный и испытанный человѣкъ, окончившій полный курсъ Петербургской семинаріи. Пробывъ 7 дней въ Харьковѣ и отслуживъ въ послѣдній разъ въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ литургію, архимандритъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ, въ каретѣ уѣхалъ въ Покровскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы собираться въ дорогу.

«Но къ удивленію всѣхъ, архимандритъ не нашелъ въ своей квартирѣ послушника Никандра, который скрылся и унесъ съ собою всю сумму собранныхъ на монастырь денегъ. Начались поиски, и, къ еще большему удивленію, на другой день, по приказанію генералъ-губернатора, былъ арестованъ и архимандритъ и препровожденъ въ острогъ, какъ ложно назвавшій себя духовнымъ лицомъ и имѣвшій подложную книгу для сбора денегъ на монастырь.

«Былъ слухъ, будто бы одинъ изъ преподавателей семинаріи узналъ въ лицѣ архимандрита Валентина бывшаго воспитанника семинаріи Башинскаго и донесъ объ этомъ начальству. Преподаватель былъ приглашенъ въ острогъ, чтобы удостовѣриться въ личности подсудимаго, но, пробывъ нѣкоторое время въ камерѣ архимандрита, онъ отказался подтвердить свои подозрѣнія, а спустя много лѣтъ, когда уже Башинскаго не существовало на свѣтѣ, тотъ же преподаватель признался, что, оставшись наединѣ съ Башинскимъ, онъ испугался его угрозы и потому отказался подтвердить свое безошибочное мнѣніе.

«— Смотри!—внушительно сказалъ ему Башинскій.—Если ты покажешь, кто я, у тебя будетъ мною распоротъ животъ!!

«Только три дня Башинскій просидѣлъ въ острогѣ и затѣмъ ушелъ переодѣтымъ въ генеральскую форму.

«Въ два часа дня генералъ въ жирныхъ эполетахъ вышелъ изъ острога; ему постовые солдаты сдѣлали на караулъ. Онъ сѣлъ въ карету, которая ожидала его у большихъ воротъ, и уѣхалъ. Кто доставилъ мундиръ и карету Башинскому осталось неразслѣдованнымъ, а его, также какъ и послушника Никандра, нигдѣ не нашли, хотя Никандръ и былъ его пособникомъ. Послѣ этого случая Башинскій исчезъ изъ Харькова.

«Черезъ 5 лѣтъ онъ пріѣхалъ сюда вновь. На этотъ разъ—генераломъ, съ уполномочіемъ отъ военнаго министра обревизовать военныя поселенія, находившіяся подъ управленіемъ генерала Никитина. Авантюра сначала шла очень удачно. Башинскій сдѣлалъ смотръ войскамъ и забралъ деньги отъ зміевскаго казначейства, но на пути отъ Чугуева онъ былъ арестованъ и снова бѣжалъ.

«Позднѣе онъ оказался въ Крыму, гдѣ разбойничалъ въ теченіе нѣкотораго времени и кончилъ, конечно, печально. Онъ былъ препровожденъ въ Петербургъ и повѣшенъ».

Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. Въ печати имѣется очень мало свѣдѣній о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ Сибири, въ ссылкѣ, хотя въ ней онъ провелъ значительную часть своей жизни. Тѣмъ, разумѣется, дороже всякое свѣдѣніе объ этомъ выдающемся писателѣ, и вотъ что разсказываетъ въ «Амурскомъ Краѣ» лицо, знавшее Чернышевскаго.

«Чернышевскій былъ поселенъ въ Вилюйскѣ. Здѣсь было воздвигнуто зданіе, предназначавшееся спеціально быть тюрьмой для государственныхъ преступниковъ, но почему-то зданіе это въ государственную тюрьму превращено не было и единственнымъ ссыльнымъ, помѣщавшимся въ немъ, былъ Чернышевскій, послѣ того, какъ онъ отбылъ срокъ каторги въ Забайкальѣ.

«Караулили его, кромѣ казаковъ, еще и жандармы, пополугодно, назначавшіеся туда изъ Иркутска. Хотя строгости надзора за Чернышевскимъ время отъ времени усиливались, послѣ открытія попытокъ къ его освобожденію, но въ общемъ онъ содержался въ Вилюйскѣ довольно свободно. Впрочемъ, по словамъ разсказчика, онъ велъ знакомство только съ одной семьей казака, куда изрѣдка и заходилъ; вообще же онъ не искалъ людского общества, будучи постоянно погруженъ въ чтеніе, размышленія и писанія.

«Писалъ онъ очень много и беллетристическихъ, и научныхъ статей,—но беллетристическія свои произведенія безпощадно уничтожалъ и «огнемъ, и водой», научныя же писанія свои сохранялъ, говоря: «это когда-нибудь пригодится».

«Недалеко отъ мѣста заключенія Чернышевскаго находилось небольшое озерко. Лѣтомъ Чернышевскій собственноручно устраивалъ на берегу этого озерка бесѣдку изъ тальника и еще какого-то растенія; внутри бесѣдки воздвигалъ изъ дерева и мха родъ кушетки, перетаскивалъ въ бесѣдку столъ и здѣсь проводилъ большую часть дня за чтеніемъ и писаніемъ. Въ этомъ озеркѣ онъ и топилъ иногда свою беллетристику, разорвавъ ее предварительно на мелкіе кусочки.

«Интересенъ также помѣщенный въ тѣхъ же воспоминаніяхъ разсказъ о Чернышевскомъ караулившаго его жандарма. По словамъ послѣдняго, Чернышевскій въ обращеніи своемъ съ простыми людьми, напр., со стражниками своими, былъ очень простъ и обходителенъ. Всякому неграмотному стражнику своему онъ предлагалъ обучаться у него грамотѣ, письму и счету, и многіе изъ нихъ уѣзжали изъ Вилюйска грамотными людьми. По словамъ жандарма,

Чернышевскій получалъ изъ Россіи очень много книгъ,—и бывало, какъ получитъ посылку съ книгами, станетъ ихъ сейчасъ же разбирать и просматривать, и одни книги кладетъ въ одну сторону, говоря: «это все старо, извѣстное», другія кладетъ въ другую сторону со словами, «это надо прочитать»,—и множество книгъ онъ «браковалъ», а потомъ раздаривалъ ихъ своимъ караульнымъ и другимъ знакомымъ. Днемъ Чернышевскій больше спалъ, а за то читалъ и писалъ всю ночь напролетъ и много разговаривать не любилъ.

«Вообще, всѣ, знавшіе Чернышевскаго, отзываются о немъ съ величайшимъ почтеніемъ и любовью, какъ о рѣдкостномъ человѣкѣ».

Первая пьеса Максима Горькаго. Недавно М. Горькій закончилъ свою пьесу въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Сцены въ домѣ Безсѣменовыхъ». Со словъ нижегородскаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», познакомимъ нашихъ читателей съ содержаніемъ новаго произведенія даровитаго беллетриста, впервые выступающаго на поприще драматурга.

«Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, въ домѣ зажиточнаго мѣщанина Безсѣменова. Дѣйствующія лица: старикъ Безсѣменовъ, его жена, ихъ сынъ Петръ, студентъ, исключенный изъ университета за безпорядки, дочь Татьяна, учительница городской школы, Нилъ, машинистъ на желѣзной дорогѣ, воспитанникъ Безсѣменовыхъ Тетеревъ, пѣвчій, человѣкъ пьющій, озлобленный, любящій пофилософствовать, квартирантка Елена Кривцова, молодая вдова смотрителя тюрьмы, Перчихинъ, дальній родственникъ Безсѣменовыхъ, бѣдный мѣщанинъ, торгующій птицами, дочь его Поля, швея. Эпизодическія лица—товарищъ Петра студентъ Шишкинъ, подруга Татьяны учительница Цвѣтаева. Пьеса построена на противуположности двухъ настроеній: съ одной стороны, молодыхъ Безсѣменовыхъ съ ихъ боязнью жить, скукой и неприспособленностью, съ другой—противоположнаго первому настроенія Нила-рабочаго, Шишкина-студента и вдовы Елены, стремящихся, говоря словами самого автора, вмѣшаться «въ самую гущу жизни». Отецъ Безсѣменовыхъ болѣе приближается ко второй категоріи лицъ: онъ живетъ, быть можетъ, несуразно, по шаблону довольно сомнительнаго качества, но все же живетъ. Бывшій подрядчикъ, а въ моментъ начала пьесы старшина малярнаго цеха, мѣтящій въ ремесленные головы, отецъ Безсѣменовъ самолюбивъ, скупъ, грубоватъ, желаетъ, чтобы всѣ въ домѣ повиновались ему, но не только за совѣсть, а и за страхъ, признавъ его своимъ авторитетомъ. Его образованныя дѣти (Петръ и Татьяна) часто затрогиваютъ его самолюбіе; онъ относится къ нимъ безъ уваженія, не видя въ нихъ ни силы, ни характера. «Нашъ порядокъ жизни вамъ не нравится, а какой свой порядокъ вы придумали?» спрашиваетъ онъ своихъ дѣтей. Дѣти не могутъ дать отвѣта. «Никакого характера, ничего эдакого... крѣпкаго,—замѣчаетъ отецъ Безсѣменовъ относительно своихъ дѣтей.—Вотъ Нилъ,—онъ дерзокъ, онъ разбойникъ, но человѣкъ съ лицомъ». Не надѣясь на дѣтей, Безсѣменовъ требуетъ, чтобы они подчинялись ему: «Одна правда—моя правда. Гдѣ ваша правда?.. Укажите?» Дѣти опять ничего опредѣленнаго отвѣтить не могутъ, но не могутъ и признать отцовской (кулацкой) правды. «Правда твоя узка намъ, мы выросли изъ нея», только и могутъ отвѣтить они отцу. И дѣйствительно, молодые Безсѣменовы меньше чѣмъ кто-либо способны дойти до созданія «своей правды».

«Дочь Безсѣменовыхъ Татьяна—слабохарактерное существо. Она молода, но уже дрябла, надломлена и безсильна. Рознь съ семьей и неудачи личной жизни отражаются на ней больше, чѣмъ это слѣдуетъ. Она устала и отъ работы въ школѣ, которая никогда ея не интересовала, и отъ жизни, которую не въ силахъ понять, и отъ семейныхъ дрязгъ и взаимнаго непониманія другъ друга. Ей хочется жить, но какъ,—этого она не въ состояніи рѣшить и томится.

«Всѣ вы,—ты, Нилъ, Елена, всѣ вы,—говоритъ она,—умѣете выдумывать что-то такое, что радуетъ васъ, а я родилась безъ вѣры». Собственной своей судьбой Татьяна приходитъ къ выводу, что логика жизни такова: «Кто не можетъ ничего дѣлать, тотъ не имѣетъ права и жить». И Татьяна пытается отравиться, правда, неудачно, какъ неудачна и вообще всякая ея попытка къ проявленію активной дѣятельности.

Братъ Татьяны Петръ—настолько еще молодъ, что вполнѣ опредѣленной фигуры не представляетъ. Однако, его духовная дряблость проявляется уже въ достаточной степени. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ увольненія изъ университета, онъ говоритъ: «Чортъ дернулъ меня участвовать въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ! Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать римское право, я не чувствовалъ, чувствовалъ лишь режимъ товарищества». Жизнь тяготитъ его, но онъ не умѣетъ разобраться въ ней. Онъ быстро постарѣлъ, и его, какъ изжившагося человѣка, раздражаетъ шумная, лихорадочная дѣятельность и машиниста Нила, и студента Шишкина, и учительницы Цвѣтаевой. Изживъ раньше времени лучшіе идеалы, Петръ брюзжитъ и на общество, прикрываясь фразой, что послѣднее «мѣшаетъ личности развиваться», хотя, собственно говоря, Петръ въ этомъ вовсе не заинтересованъ,—личность въ немъ отсутствуетъ. Это въ минуту откровенности открыто признаетъ и онъ: «Я слабый человѣкъ,—говоритъ Петръ,—жизнь не по силамъ мнѣ. Я чувствую ея пошлость, но не въ состояніи ничего измѣнить, ничего внести»...

Мать Безсѣменовыхъ—слабое существо, любящее дѣтей: она вѣчно находится между двухъ огней,—своимъ мужемъ и дѣтьми, вѣчно грызущимися и враждующими между собою. Эти лица и создаютъ унылое и тревожное настроеніе.

Переходной ступенью является пѣвчій Тетеревъ. И онъ не приспособился къ жизни, и ему не удалось «вмѣшаться въ самую гущу ея», но онъ не унываетъ: пьетъ, дразнитъ всѣхъ, язвитъ и философствуетъ на самыя рискованныя по своей парадоксальности темы.

«Онъ иронически относится и къ самому себѣ и, разболтавшись съ Татьяной, на ея вопросъ, что съ нимъ случилось въ жизни, отвѣчаетъ четверостишіемъ изъ Гейне:

Солнца, счастья шелъ искать,
Нагъ и босъ вернулся вспять:
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ.

«Бѣдный торговецъ птицами Перчихинъ точно такъ же «своей правды» не нашелъ, но онъ не унываетъ: у него есть интересъ—страстная любовь къ природѣ; она и замѣняетъ ему идеалъ. Когда дочь Перчихина Поля выходитъ замужъ за Нила, Перчихинъ, какъ дитя, радуется тому... что теперь онъ совершенно свободенъ и можетъ закатиться въ лѣсъ во всякое время.

«Представителемъ «здоровыхъ натуръ», которымъ принадлежитъ будущее, является Нилъ—центральная въ пьесѣ фигура. Онъ—родственникъ Безсѣменовыхъ, живущій личнымъ трудомъ. Какъ мы указывали вначалѣ, Нилъ—машинистъ, но не дипломированный. Онъ самъ выбился на дорогу и продолжаетъ заниматься самообразованіемъ. Онъ здоровъ, силенъ физически и еще болѣе душевно. Ему приходится большую часть времени трястись на скверненькихъ паровозахъ товарныхъ поѣздовъ, но онъ, въ противоположность Петру и Татьянѣ Безсѣменовымъ, не только не нюнитъ, а, весело улыбаясь, говоритъ: «И все-таки въ этомъ есть какая-то прелесть!.. Въ одномъ только не вижу ничего пріятнаго: въ томъ, что мною и другими порядочными людьми, командуютъ дикія свиньи, дураки и воры». Однако мыслящій машинистъ тутъ же спѣшитъ оговориться и добавляетъ: «Но жизнь не вся за ними. Они пропадутъ, исчез-

нутъ, какъ проходятъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ». Нилъ вѣритъ, что «нѣтъ такого росписанія движенія, которое бы не измѣнялось», вѣритъ, что «наша возьметъ»... Энергія его необычайна: онъ вѣчно занятъ, вѣчно что-нибудь дѣлаетъ, вѣчно торопится «вмѣшаться въ самую гущу жизни», чтобы «этому помочь, того поддержать».

Къ Нилу приближаются, хотя далеко уступаютъ ему, и интеллигенты—прямолинейный студентъ Шишкинъ и учительница Цвѣтаева, а также не интеллигенты—Поля и Елена.

«Главное вниманіе авторъ пьесы обратилъ на обрисовку характеровъ, а не на развитіе дѣйствія. Созданные имъ типы жизненны, интересны и возбуждаютъ вниманіе. Особенно интересны типы «новыхъ людей». О нихъ можно сказать словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы: «Люди настраиваются жить. Вы слышали, какъ музыканты настраиваютъ инструменты передъ началомъ пьесы... Ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты, кто будетъ солистъ, какова пьеса».

За мѣсяцъ. Городовое положеніе 11-го іюня 1892 года, подготовленное и разработанное безъ участія въ обсужденіи его общественныхъ элементовъ, очень скоро обнаружило на практикѣ всѣ существенные свои недостатки, рѣзко отличавшіе его отъ такого же положенія 1870 года. Новая дума, съ подавляющимъ преобладаніемъ представителей торгово-промышленнаго класса, съ полнымъ почти отсутствіемъ въ ней образованныхъ гласныхъ, съ единовластіемъ городского головы, не внушала обществу ни симпатіи, ни даже довѣрія. И дѣйствительно, кучка купцовъ и домовладѣльцевъ, ставшая у кормила городского хозяйства, слишкомъ мало откликалась на запросы городского населенія, а городскія имущества и капиталы, на глазахъ у всѣхъ, употреблялись исключительно въ пользу болѣе состоятельныхъ классовъ. Неудивительно поэтому, что и общество, и печать относились къ существующему городскому управленію совершенно отрицательно, полагая, что единственнымъ выходомъ изъ этой атмосферы узкаго эгоизма и личныхъ разсчетовъ можетъ быть только распространеніе избирательныхъ правъ на широкіе слои квартиронанимателей и превращеніе такимъ образомъ думы въ всесословное учрежденіе, представляющее интересы всѣхъ группъ городского населенія. Въ этомъ смыслѣ еще очень недавно вопросы городского самоуправленія оживленно обсуждались въ печати, причемъ было извѣстно, что для обсужденія вопроса о привлеченіи квартиронанимателей къ участію въ городскомъ самоуправленіи образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра князя Оболенскаго. Затѣмъ стало извѣстнымъ, что коммиссія эта рѣшила переданный ей вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Дальше вопросъ какъ-то заглохъ, а въ объясненіе такого замедленія указывалось на событія на Дальнемъ Востокѣ, которыя, потребовавъ отъ государства экстренныхъ расходовъ, отдаляютъ срокъ передачи городамъ квартирнаго налога, тогда какъ съ этой именно передачей вопросъ объ избирательныхъ правахъ квартиронанимателей все время былъ нераздѣльно связанъ.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находилось дѣло до самаго послѣдняго времени. Городскіе избиратели Петербурга готовились уже къ новымъ предстоявшимъ въ ноябрѣ выборамъ, какъ вдругъ вопросъ о городскомъ общественномъ управленіи вступилъ въ совершенно новую, для большинства неожиданную фазу. Городская управа получила отъ с.-петербургскаго градоначальника извѣщеніе о томъ, что въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ организуется особая коммиссія, на которую возложено обсужденіе вопроса о внесеніи нѣкоторыхъ измѣненій въ дѣйствующее городовое положеніе, примѣнительно къ столичной с.-петербургской думѣ. Выборы

гласныхъ, назначенные на ноябрь текущаго года, отсрочиваются до окончанія работъ по пересмотру дѣйствующаго городового положенія, причемъ весь нынѣшній составъ думы, равно какъ и всѣ вообще выборныя лица, служащія по городскому общественному управленію, сохраняютъ свои полномочія. До сихъ поръ ничего опредѣленнаго о характерѣ намѣченной реформы неизвѣстно. По слухамъ, городское общественное управленіе будетъ передано въ непосредственное вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, по хозяйственному департаменту, въ составѣ котораго образуется съ этою цѣлью особый отдѣлъ. Городскому головѣ предоставляется право личныхъ докладовъ министру. Для всего городского управленія проектированы новые штаты, причемъ служащимъ въ городскихъ учрежденіяхъ предоставляются права государственной службы. Опредѣленіе на должности завѣдующихъ отдѣльными отраслями городского хозяйства и дѣлопроизводствомъ будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ; замѣщеніе прочихъ должностей предоставляется городскому головѣ. Число гласныхъ предполагается уменьшить вдвое; срокъ службы членовъ управы значительно увеличивается. Въ разсмотрѣніи проекта реформы городского общественнаго управленія, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, примутъ участіе представители заинтересованныхъ вѣдомствъ частью по непосредственному приглашенію министра, частью по назначенію отъ подлежащихъ вѣдомствъ.

— По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, поступившимъ отъ губернаторовъ до 12-го сентября, *въ обширномъ районѣ недорода хлѣбовъ* правительственная помощь, по недостатку мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, потребуется по 17 губерніямъ и 2 областямъ, не считая пострадавшей также отъ неурожая области Войска Донскаго, въ которой лишь крестьянскому населенію, проживающему среди казаковъ, продовольственная помощь оказывается по закону изъ средствъ, состоящихъ въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Эти губерніи и области, могутъ быть, по географическому ихъ положенію, распредѣлены на пять группъ: 1) приволжскія: Казанская, Симбирская, Самарская и Саратовская; 2) восточныя: Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская; 3) центральныя: Тамбовская, Орловская и Воронежская, 4) южныя: Харьковская, Екатеринославская и Таврическая и 5) губерніи и области Азіатской Россіи: Тобольская, Томская, Енисейская, Акмолинская и Семипалатинская.

Правительственная помощь, собственно на продовольствіе, въ этихъ губерніяхъ (независимо отъ мѣстныхъ запасовъ, общественныхъ и губернскихъ капиталовъ, размѣры которыхъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны) потребуется въ слѣдующихъ размѣрахъ, которые опредѣлены пока приблизительно: въ Саратовской губерніи—1.000.000 пудовъ ржи, Самарской—1.141.000 пудовъ, Симбирской—741.000 пудовъ, Казанской—1.141.000 пудовъ, Вятской—782.000 пудовъ, Уфимской — 800.000 пудовъ, Оренбургской — денежная ссуда въ размѣрѣ 250.000 рублей, Воронежской—1.460.000 пудовъ, Тамбовской—1.720.000 рублей, Харьковской—до 1.000.000 пудовъ, Екатеринославской—не болѣе 300.000 пудовъ, Таврической—около 900.000 рублей, Тобольской—460.000 пудовъ, Томской—около 1.500.000 пудовъ и 300.000 рублей на организацію гужевой доставки хлѣба, области Акмолинской—600.000 пудовъ и 100.000 рублей на гужевую доставку, Семипалатинской — 77.000 рублей. Пермская губернія, по послѣднимъ сообщеніямъ губернатора, помощи изъ общаго продовольственнаго капитала не потребуетъ. Въ Орловской и Енисейской губерніяхъ размѣръ потребной помощи еще не выясненъ. Такимъ образомъ, по выяснившимся уже приблизительно размѣрамъ нужды требуется къ выдачѣ изъ общаго продовольственнаго капитала, въ воспособленіе къ мѣстнымъ средствамъ, 10.925.000 пудовъ ржи 3.347.000 рублей деньгами, частью на гужевую доставку хлѣба, а главнымъ образомъ на закупку его на мѣстахъ. Наиболѣе пострадавшими

признано 19 уѣздовъ, которые и объявлены министромъ внутреннихъ дѣлъ «неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи», со всѣми послѣдствіями такого распоряженія, въ видѣ особой организаціи продовольственной и врачебной части. Уѣзды эти слѣдующіе: въ Саратовской губерніи — Хвалынскій и Камышинскій, въ Уфимской—Мензелинскій и Белебеевскій, въ Харьковской—Старобѣльскій и Изюмскій, въ Казанской—Мамадышскій, Лаишевскій, Спасскій, Тетюшскій, Чистопольскій и Свіяжскій, въ Симбирской — Симбирскій, въ Самарской—Самарскій, Бугульминскій, Николаевскій, Новоузенскій, Ставропольскій и Бугурусланскій.

Для усиленія общаго по имперіи продовольственнаго капитала, сократившагося до 530.000 рублей, испрошено Высочайшее соизволеніе на особый отпускъ изъ казны 14 милліоновъ рублей. Какъ видно изъ всѣхъ этихъ данныхъ, которыя, однако, считаются пока предварительными и подлежащими въ будущемъ измѣненіямъ, продовольственная кампанія текущаго года должна быть признана одной изъ самыхъ крупныхъ по намѣченнымъ уже оборотамъ.

Некрологи. Въ заключеніе отмѣтимъ двѣ смерти.

Въ началѣ октября скончался дѣйствительный членъ Императорскаго института экспериментальной медицины, проф. *М. В. Ненцкій*, въ лицѣ котораго наука понесла невознаградимую утрату. Заслуженно пользовавшійся всемірной извѣстностью, М. В. оставилъ послѣ себя научное наслѣдство, поражающее громадностью и разнообразіемъ своего содержанія. Къ числу наиболѣе цѣнныхъ его работъ относятся изслѣдованія по броженію въ кишкахъ, по химическому анализу крови, по методикѣ сложныхъ анализовъ. Онъ открылъ салолъ, какъ прекрасное жаропонижающее средство, ввелъ въ практику борьбы съ инфекціонными заболѣваніями деготь, оставилъ цѣнное изслѣдованіе по вопросу о борьбѣ съ чумой рогатаго скота и проч., и проч.

Въ срединѣ сентября умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ провинціальный литераторъ *А. О. Благоразумовъ* (*Недолинъ*), недолго, но много и съ успѣхомъ поработавшій, какъ публицистъ и отчасти какъ беллетристъ. Его публицистическія статьи, печатавшіяся, главнымъ образомъ, въ «Южномъ Обозрѣніи», обнаруживали въ немъ страстный, боевой темпераментъ, а вышедшій въ 1899 г. отдѣльнымъ изданіемъ небольшой томикъ его разсказовъ («Искорки») говорилъ о несомнѣнномъ художественномъ дарованіи молодого автора.

Сельскохозяйственное училище въ Вяткѣ.

(Письмо изъ Вятки).

Съ осени настоящаго года Вятка обогатится низшимъ и среднимъ сельскохозяйственнымъ техническимъ училищемъ, въ которомъ наша крестьянская губернія такъ давно нуждалась. Въ низшемъ будутъ преподаваться основы сельскаго хозяйства и тѣ ремесла и производства, кои имѣютъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Поэтому въ немъ главное вниманіе будетъ обращаться на практическія работы въ мастерскихъ. Пока устроены мастерскія по производству сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и средствъ перевозки (телѣги, тарантасы и проч.). Изготовленіемъ вѣялокъ, косуль, плуговъ, боронъ и др. земледѣльческихъ орудій въ настоящее время занимается не мало у насъ по селамъ ремесленниковъ-самоучекъ. Поэтому надо думать, что тѣ начатки техническихъ знаній, которые вынесутъ кончающіе курсъ этой школы, несомнѣнно улучшатъ способы и пріемы производства, научатъ, какъ приспособить къ мѣст-

нымъ условіямъ какую-либо сложную машину и т. д. Курсъ ученія въ этой школѣ 3-годичный. Принимаются окончившіе начальное училище. При окончаніи, юноши получаютъ званіе подмастерья по изученному ремеслу.

Въ среднемъ училищѣ курсъ 4-лѣтній. Принимаются перешедшіе въ VI классъ ученики реальныхъ училищъ. Но, вѣроятно, на будущій годъ будетъ открытъ приготовительный классъ при немъ и тогда будутъ приниматься въ него кончившіе курсъ городскихъ училищъ. Предметы преподаваться въ училищѣ будутъ слѣдующіе: Законъ Божій, физика, метеорологія. естественная исторія, химія общая и земледѣльческая, сельскохозяйственная технологія, строительное искусство въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, общее и частное земледѣліе, скотоводство, ученіе о сельскохозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ, съемка и нивеллировка, узаконенія, черченіе и рисованіе. Практическія занятія будутъ производиться въ химическихъ лабораторіяхъ, техно-химическихъ мастерскихъ, учебныхъ заводахъ и на фермѣ. Кончившіе курсъ ученія получаютъ званіе техника и право поступленія въ высшія учебныя заведенія сельскохозяйственной спеціальности; по отбыванію воинской повинности они получаютъ права кончившихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Итакъ, населеніе Вятской губерніи можно поздравить съ столь полезнымъ для него учебнымъ заведеніемъ, которое, надо надѣяться, не замедлитъ оказать свое благотворное вліяніе на поднятіе сельскохозяйственной культуры края,—съ училищемъ, котораго губернское земство добивалось и ждало съ 1880 по 1900 г. включительно и только теперь, наконецъ, получило.

Исторію 20-лѣтнихъ ходатайствъ и ожиданій разрѣшенія основать среднее сельско-хозяйственное училище въ Вяткѣ, мы изложимъ, пользуясь оффиціальными данными вятскаго губернскаго земства.

Наша губернія, какъ извѣстно, крестьянская по преимуществу: изъ общаго числа 3.118 тысячъ жителей обоего пола крестьянъ, 2.804.813 человѣкъ владѣютъ 7.723 тыс. десятинъ земли на общинномъ правѣ. Изъ этого количества земли подъ посѣвами только хлѣбовъ и картофеля въ 1899 г. было занято 2.896.336 десятинъ, съ которыхъ собрано 154.973.300 пудовъ хлѣбовъ и картофеля. Торговопромышленныхъ растеній (ленъ, конопля) собрано въ томъ же году 3.424.256 пудовъ. Такимъ образомъ земледѣліе составляетъ основное занятіе жителей и даетъ имъ возможность какъ кормиться, такъ и уплачивать всѣ государственные и земскіе сборы. Фабрикъ же и заводовъ въ губерніи имѣется лишь 668 съ 35 тысячами рабочихъ и съ производствомъ въ 27 милліоновъ рублей.

Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что губернское земство, коему ex officio надлежитъ заботиться о матеріальномъ обезпеченіи ввѣреннаго его попеченію края, не могло не подумать съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности объ училищѣ въ краѣ для распространенія сельскохозяйственныхъ свѣдѣній.

Въ 1872 году оно и устроило въ г. Вяткѣ среднее училище сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній съ особымъ курсомъ по педагогіи. Тогдашнее земство разсчитывало, что изъ училища будутъ выходить образованные сельскіе хозяева, а также и учителя для народныхъ школъ. Но этому училищу не суждено было, однако, долго существовать. Въ 1880 году, оно было преобразовано въ реальное.

Съ 1886 г. земство, убѣдившись, что реальное училище не можетъ отвѣчать тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ въ 1872 г. было открыто сельскохозяйственное, начало вплоть до 1894 г. ежегодно, и притомъ одинаково безуспѣшно, хлопотать о преобразованіи реальнаго училища снова въ сельскохозяйственное, въ коемъ конечно, край по прежнему нуждался.

Въ 1894 году министерство народнаго просвѣщенія отвѣтило земству вмѣстѣ съ отказомъ, что, въ виду недостаточности среднихъ учебныхъ заведеній въ

Вяткѣ, оно не находитъ возможнымъ преобразовать реальное училище въ среднее сельскохозяйственное. Губернское земство въ томъ же (1894) году, дабы его новое ходатайство имѣло большій успѣхъ, постановило ассигновать на просимое училище по 3.500 руб. ежегодной субсидіи изъ своихъ средствъ, а также пожертвовать будущему училищу существующую въ Вяткѣ земскую ферму со всѣми постройками и инвентаремъ.

Губернское земское собраніе 1895 г., видя, что дѣло съ сельскохозяйственнымъ училищемъ гдѣ-то и кѣмъ-то тормозится и естественно желая отъ всей души дать движеніе этому злосчастному вопросу, увеличиваетъ субсидію на него, сразу ассигновавъ 50 тысячъ руб. единовременно и по 10 тысячъ ежегодно.

Въ 1896 году, наконецъ-то, прибылъ въ Вятку уполномоченный министерства народнаго просвѣщенія В. В. Корватовскій для выясненія условій устройства училища. Согласно его указанію, земство еще «накинуло» и купило за 15 тысячъ руб. участокъ земли близъ г. Вятки, который и рѣшило передать въ полное распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, прося при этомъ объ открытіи при будущемъ среднемъ сельскохозяйственномъ училищѣ и низшее съ 3-годичнымъ курсомъ, для чего земство ассигновало еще по 3.500 руб. ежегодно.

Въ 1897 году земство получило изъ министерства увѣдомленіе, что вопросъ о сельскохозяйственномъ училищѣ находится въ слѣдующей стадіи своего развитія: министерство народнаго просвѣщенія вошло въ предварительное сношеніе съ министерствомъ финансовъ объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства на училище 180 тысячъ рублей единовременно и по 16.500 руб. ежегодно.

Въ 1898 году для окончательнаго разсмотрѣнія вопроса объ училищѣ на мѣстѣ пріѣзжалъ въ Вятку управляющій промышленными училищами д. с. с. Аноповъ и обѣщалъ земству свое полное содѣйствіе.

Въ 1899 году никто уже не пріѣзжалъ, и земство усиленно ждало окончанія этого дѣла.

Въ 1900 году 15 марта государственный совѣтъ утвердилъ внесенный министромъ финансовъ потребный кредитъ изъ государственнаго казначейства (180 тысячъ руб. единовременно и по 16.500 руб. ежегодно) на означенное среднее сельскохозяйственное училище, начиная съ 1901 года. А 10 іюня 1900 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи съ 1 іюля 1901 г. въ Вяткѣ средняго сельскохозяйственнаго училища съ низшей при немъ ремесленной школой въ примѣненіи къ сельскому хозяйству.

Въ заключеніе этого письма позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту нашего крестьянина, на котораго воистину, какъ на бѣднаго Макара, такъ и сыпятся отовсюду обвиненія въ его якобы прирожденной косности и проч. Да откуда же взяться у него было новшествамъ въ земледѣліи, когда только въ XX столѣтіи онъ получилъ школу, имѣющую цѣлью внести въ деревню научныя земледѣльческія и техническія знанія. Положимъ, въ Вятской губерніи имѣется агрономическій институтъ (по 1 агроному на уѣздъ). Но что можетъ сдѣлать 1 агрономъ на 300 тысячъ душъ крестьянъ, если даже онъ вѣчно будетъ въ разъѣздахъ? Вятичъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Убійство А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. Г. *Алавердянцъ* напечаталъ въ «Русской Старинѣ» за октябрь переводъ одной главы изъ армянской книги Шермазаняна: «Матеріалы для національной исторіи»;

здѣсь находимъ подробный разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство Грибоѣдова. Главнымъ виновникомъ тегеранскаго бунта 30-го января 1829 г. былъ армянинъ Мирза-Якубъ, взятый въ юности персами въ плѣнъ, обращенный въ мусульманство и воспитанный въ Тегеранѣ при дворѣ шаха. Благодаря своимъ способностямъ, онъ быстро выдвинулся и, какъ искусный бухгалтеръ, занялъ видное мѣсто въ дворцовой администраціи—былъ назначенъ казначеемъ шахова гарема. Ему сулили блестящую будущность, но онъ, оставаясь втайнѣ христіаниномъ, мечталъ о возвращеніи на родину—въ русскую Арменію и искалъ случая отдаться подъ покровительство русскаго посла. Когда Грибоѣдовъ, въ качествѣ посла, въѣхалъ въ Тегеранъ, ему была подана масса просьбъ отъ родныхъ и владѣльцевъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ персы скрывали и отказывались возвратить. Въ это время возникъ, между прочимъ, вопросъ о двухъ плѣнныхъ армянкахъ, находившихся въ гаремѣ важнаго чиновнаго лица, садръ-азама (великаго визиря); для переговоровъ по этому поводу шахъ послалъ къ Грибоѣдову Мирзу-Якуба. Якубъ воспользовался случаемъ и сообщилъ послу о своемъ давнемъ намѣреніи. Черезъ нѣсколько времени уже по всему городу стали ходить толки о переходѣ Якуба подъ русское знамя. Когда Грибоѣдовъ послалъ за имуществомъ Якуба, которое было сложено въ семи ящикахъ и поставлено во дворцѣ, то садръ-азамъ приказалъ задержать и арестовать вещи Якуба, подъ тѣмъ предлогомъ, что Якубъ остался долженъ казнѣ и, кромѣ того, собирался увезти драгоцѣнности, принадлежащія гарему. По увѣренію Якуба, все это была ложь и клевета,—онъ очистилъ всѣ свои счеты съ казной и получилъ квитанціи, которыя лежали тамъ же въ ящикахъ. Настоящая же подкладка этихъ ложныхъ обвиненій заключалась въ мести садръ-азама, который подозрѣвалъ, будто Якубъ выдалъ Грибоѣдову, что вышеупомянутыя плѣнницы находятся у него въ гаремѣ. Грибоѣдовъ еще два раза посылалъ за имуществомъ Якуба, но оказалось, что печати были сломаны, ящики вскрыты, документы и половина вещей выкрадены. Это вызвало рѣзкія пререканія между придворной администраціей и первымъ секретаремъ посольства Мальцевымъ, который при этомъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, обвиняя высшіе придворные чины въ насиліи и воровствѣ. Персы повели борьбу своими средствами: они начали распространять въ народѣ слухи о томъ, будто Якубъ поносилъ мусульманскую вѣру; ихъ разсчетомъ было создать возмущеніе и этимъ запугать посла, чтобы онъ болѣе не требовалъ выдачи плѣнныхъ. Въ праздничный день 29-го января уличная толпа, возбужденная и подстрекаемая муллами и сеидами, подступила къ одной мечети и задала Муллѣ Мсеху слѣдующій вопросъ: «Какъ слѣдуетъ по шаріату поступить съ тѣмъ, кто былъ уже омусульманенъ и вновь вернулся къ своей прежней религіи?» Тотъ отвѣчалъ: «Его слѣдуетъ убить». Выслушавъ этотъ приказъ, толпа, по требованію сопровождавшихъ ее муллъ, разошлась до слѣдующаго дня, а главари бунта отправились на базаръ, обходили магазины и уговаривали не открывать на слѣдующій день торговли, а собираться всѣмъ въ назначенное мѣсто у мечети, угрожая, въ противномъ случаѣ, разгромомъ лавокъ. 30-го января съ ранняго утра муллы и сеиды появились на базарѣ, запрещали открывать лавки, говоря, что «сегодня нужно идти въ посольскій домъ, насильно взять Мирзу-Якуба-вѣроотступника и изрубить его въ куски». Одинъ придворный сановникъ изъ плѣнныхъ армянъ счелъ необходимымъ предупредить Грибоѣдова объ угрожающей опасности и отправилъ къ нему одного армянина Соломона, совѣтуя поскорѣе, пока толпа еще не собралась, послать Мирзу-Якуба съ нѣсколькими людьми въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима, гдѣ онъ будетъ неприкосновененъ, а посольскій домъ такимъ образомъ будетъ огражденъ отъ нападенія черни. «Если кто-нибудь,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ Соломону,—а особенно русскій подданный, приходитъ подъ русское царское знамя и находится подъ его покровительствомъ, я не могу его выгнать

изъ посольскаго дома; но если Якубъ самъ добровольно уйдетъ, я мѣшать не буду». Соломонъ отправился къ Якубу и убѣждалъ его оставить посольскій домъ, но тотъ отвѣчалъ: «Я пришелъ и отдался сильному русскому знамени, поэтому, если посолъ выгонитъ меня изъ посольскаго дома, пойду въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима; своею же волею я отсюда не выйду; если бы даже меня здѣсь изрубили въ куски, я съ радостью готовъ умереть». Соломонъ еще разъ повторилъ свои настоянія, но безуспѣшно; наконецъ, онъ обратился къ посредничеству одного армянина, извѣстнаго въ посольствѣ, но Грибоѣдовъ отвѣтилъ тому: «Въ такомъ дѣлѣ твое вмѣшательство совершенно излишне, запрещаю тебѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, какъ это ты дѣлалъ при моихъ предшественникахъ». Не прошло и полчаса послѣ того, какъ сбродная толпа съ ревомъ и шумомъ подступила къ посольскому дому, но не осмѣлилась войти во дворъ; время отъ времени она издавала неистовые крики «аллахъ, аллахъ!» Нѣкоторые оборванцы и бродяги стали требовать выдачи Якуба, грозя, въ противномъ случаѣ, разломать посольскія ворота. Между тѣмъ, Грибоѣдовъ приказалъ казакамъ и коннымъ солдатамъ изъ грузинъ взять оружіе и одной части занять передній дворъ, а другой—подняться на крышу. Солдаты, взобравшіеся на крышу, бестактнымъ и вызывающимъ образомъ дѣйствій раздражили толпу: она готова была ворваться на крышу и растерзать солдатъ, но муллы сдержали ее. Вдругъ въ это время раздался выстрѣлъ, отъ котораго упалъ въ толпѣ одинъ юноша. Это послужило сигналомъ къ яростному возбужденію толпы. Первой жертвой бунта палъ Соломонъ, который по своей посольской формѣ былъ принятъ за русскаго чиновника. Съ этого момента муллы были уже не въ силахъ сдержать разсвирѣпѣвшую массу, которая разрушила ворота и ворвалась въ посольскій дворъ съ крикомъ: «невѣрующія собаки должны околѣть и, подобно имъ, должны быть избиты». Сопротивленіе посольской стражи было быстро сломлено. Войдя во второй дворъ по крышамъ, толпа обступила помѣщеніе, въ которомъ находился Якубъ, и изрубила его въ куски. Наконецъ, толпа стала пробираться и на третій дворъ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ; здѣсь были сосредоточены оставшіеся солдаты и казаки и упорно отбивали мятежниковъ. Когда тѣ увидали, что не могутъ пробиться во дворъ, то поднялись на крышу и начали ломать ее, разбирали балки и бросали ихъ въ русскихъ. Между тѣмъ, внутри стоялъ Грибоѣдовъ въ парадномъ мундирѣ и орденахъ, разсчитывая, что когда толпа узнаетъ его, то отнесется съ почтеніемъ и не осмѣлится посягнуть на посла. Какъ только пробитъ былъ потолокъ, внутрь посыпались камни, палки,—выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ убили Грибоѣдова, сорвали съ него ордена, платье, треуголку и выбросили тѣло изъ окна. Черезъ нѣсколько времени отыскали предполагаемый трупъ посла и волочили по улицамъ, надругаясь надъ нимъ. На самомъ дѣлѣ тѣло Грибоѣдова было найдено послѣ долгихъ поисковъ среди груды труповъ передъ окномъ его квартиры. Какъ извѣстно, признакомъ подлинности тѣла послужилъ изуродованный большой палецъ руки, прострѣленный на дуэли съ Якубовичемъ. Въ дополненіе къ этому разсказу помѣщено свидѣтельство одного очевидца, который приводитъ еще одну причину раздраженія толпы уже спеціально противъ Грибоѣдова. Въ числѣ плѣнницъ, желавшихъ вернуться на родину, была одна очень красивая грузинка изъ шахова гарема, которая иногда ночью прибѣгала тайкомъ въ посольство и умоляла Грибоѣдова выслать ее на родину, въ Тифлисъ. Когда узнали объ этомъ, то заподозрѣли ее въ любовныхъ отношеніяхъ къ послу, а въ такихъ случаяхъ мусульманка должна быть побита каменьями вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ.

Къ вопросу объ университетской реформѣ Проф. *П. Виноградовъ* въ интересномъ очеркѣ «Учебное дѣло въ нашихъ университетахъ» («Вѣстникъ

Европы», окт.) подвергаетъ критикѣ недостатки отживающаго университетскаго строя и указываетъ мѣры для ихъ устраненія. Особенно поучительна исторія возникновенія современнаго университетскаго устава. Хотя уставъ этотъ выставлялся реформой педагогической, на самомъ дѣлѣ онъ былъ мѣрой чисто политической. Такъ, ему предшествовало разслѣдованіе состоянія университетовъ, произведенное особою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ Делянова, но общей разработки собраннаго этой коммиссіею матеріала сдѣлано не было, а были выхвачены изъ него и тенденціозно подобраны отдѣльныя данныя, лишь для того, чтобы подкрѣпить нареканія на предыдущій уставъ 1863 г. Впрочемъ, нареканія эти въ первой стадіи подготовительныхъ работъ исходили отъ меньшинства комиссіи, и самъ предсѣдатель Деляновъ открылъ засѣданія коммиссіи 1875 года восхваленіемъ университетовъ и возражалъ на упреки, защищая принятую въ университетахъ систему образованія, которая «при всѣхъ толчкахъ, ими неоднократно перенесенныхъ, дала то, что мы видимъ и слышимъ». Однако, черезъ нѣсколько времени, при обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ, во взглядахъ статсъ-секретаря Делянова, уже ставшаго министромъ народнаго просвѣщенія, произошла полная метаморфоза, и онъ представилъ рѣзко-отрицательную характеристику университетскаго быта. «Съ величайшимъ прискорбіемъ—говорилъ онъ,—должно замѣтить, что университеты наши за послѣднее время вовсе не находились на высотѣ своего призванія и далеко не служили государству въ той мѣрѣ, въ какой должны были бы ему служить. Даже самимъ себѣ они не давали, ни по качеству, ни по количеству, тѣхъ ученыхъ дѣятелей, которыхъ должны были бы готовить и для себя, и для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній», и т. д. Разгадка этого крутого поворота во мнѣніяхъ заключается въ послѣднихъ словахъ рѣчи: на университеты возлагается отвѣтственность за «низменный уровень и въ большинствѣ превратныя мнѣнія нашей такъ называемой интеллигенціи». Подъ вліяніемъ этихъ соображеній совершилась полная перелицовка, факты заговорили совсѣмъ другое, въ тонъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя обзывали университеты «очагами крамолы» и требовали «административной опеки». Дальнѣйшая разработка программы пошла по этому направленію. Возникли въ Лейпцигѣ и Берлинѣ «парники» для выращиванія въ особой атмосферѣ желательныхъ педагоговъ и юристовъ, а въ русскихъ университетахъ вина за увлеченіе нѣкоторыхъ студентовъ «лжеученіями» и «крамольной пропагандой» была возложена всецѣло на коллегіальное самоуправленіе; университетскую автономію обвиняли и въ «отчужденіи отъ власти», и въ «неряшливомъ и безтолковомъ» веденіи учебнаго дѣла», вслѣдствіе чего, будто бы, студенты становились жертвами политической агитаціи. Отсюда лозунгомъ задуманныхъ министерствомъ преобразованій поставлена была—бюрократизація университетовъ. Такимъ образомъ, если реформа 1863 г. исходила изъ довѣрія и уваженія къ профессорскому составу и изъ желанія усилить его нравственное вліяніе на студентовъ, то реформа 1884 года была принята, какъ выраженіе недовѣрія къ добросовѣстности и благонадежности профессорскихъ коллегій.

Такъ борьба политики и педагогіи окончилась побѣдой политики, но необходимо было сдѣлать нѣкоторыя уступки и педагогіи, и потому уставъ 1884 г. заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: онъ является соединеніемъ двухъ противоположныхъ принциповъ — правительственной опеки и академической свободы; это внутреннее противорѣчіе и привело къ разложенію устава 1884 г. во всѣхъ существенныхъ его частяхъ. Для повышенія образовательнаго уровня студентовъ большія надежды возлагались на свободный выборъ профессорскихъ курсовъ и на гонорарную систему. «Плата за ученіе въ видѣ гонорара сразу установитъ нравственныя и вполнѣ добросовѣстныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними

на почвѣ науки... Профессоръ (получая причитающіяся за лекціи деньги) естественно будетъ прилагать всѣ усилія, сколь можно полнѣе оправдать возложенныя на него надежды». За этими разглагольствованіями опять стоитъ задняя мысль. Свобода слушанія лекцій въ сущности была фиктивной, ибо она связана была экзаменаціонными требованіями. Обязательныя экзаменаціонныя программы являлись въ рукахъ министерства сильнымъ средствомъ подчинить преподаваніе своимъ планамъ. И на этотъ разъ безпощадную критику этихъ положеній и разоблаченіе противорѣчія между академической свободой и усиленіемъ власти и инспекціи представилъ въ коммиссіи 1875 г. Деляновъ. И опять-таки въ 1884 г. тотъ же Деляновъ, при проведеніи университетской реформы, включилъ въ нее всѣ тѣ внутреннія противорѣчія, которыя такъ здраво обличалъ. При испытаніи 17-ти лѣтней практикой настоящей системы экзаменовъ—государственныхъ, полукурсовыхъ, зачето въ полугодій—обнаружилась вся ихъ несостоятельность, и эта сторона университетскаго устава болѣе всего другого подверглась вырожденію.

Далѣе авторъ разсматриваетъ, въ какую форму вылилась постановка учебнаго дѣла подъ дѣйствіемъ житейской практики, какъ основные принципы устава 1884 превращались въ мертвую букву и какъ сквозь сѣть университетскихъ правилъ жизнь пробивала свои собственные пути. Руководящая роль въ организаціи учебныхъ занятій предоставлена министерству и выражается въ установленіи экзаменаціонныхъ программъ и учрежденіи «государственныхъ» коммиссій. По обыкновенію, и въ этомъ вопросѣ самыя вѣскія возраженія были сдѣланы Деляновымъ, проводникомъ устава 1884 г. Онъ находилъ, что необходимость сообразоваться съ заранѣе извѣстными экзаменными требованіями будетъ парализовать идеальныя стремленія среди молодежи, безкорыстное отношеніе къ знанію. Другіе члены коммиссіи возражали противъ государственныхъ экзаменовъ еще тѣмъ соображеніемъ, что они низводятъ университетское преподаваніе на степень профессіональной выучки, научнымъ занятіямъ подставляютъ утилитарную цѣль—подготовленія людей для государственной службы. Дѣйствительно введеніе однообразныхъ министерскихъ программъ влечетъ за собой цѣлый рядъ серьезныхъ неудобствъ. Требованіе отъ студента знанія предметовъ «въ ихъ полномъ объемѣ» приводитъ къ чтенію профессорами поверхностныхъ курсовъ, жиденькихъ общихъ обзоровъ, а со стороны студентовъ это требованіе вызываетъ усиленное напряженіе памяти, механическое усвоеніе массы матеріала. Такимъ образомъ, обязательныя программы переносятъ центръ тяжести въ преподаваніи отъ самостоятельной научной работы къ затверживанію элементарныхъ свѣдѣній; притомъ отдѣленіе окончательныхъ испытаній отъ текущаго преподаванія, назначеніе предсѣдателями государственныхъ коммиссій стороннихъ профессоровъ лишаетъ возможности дать правильную оцѣнку занятіямъ и знаніямъ студентовъ, вноситъ въ дѣло элементъ случайности и придаетъ всей постановкѣ университетскихъ экзаменовъ нежелательный школьный характеръ. Разсмотрѣвъ неудобства, которыя вноситъ въ университетское преподаваніе централизирующее вліяніе министерства, авторъ обращается къ роли факультетовъ. На факультеты возлагается контроль за занятіями студентовъ, факультеты являются посредниками между занятіями студентовъ и экзаменными требованіями, на ихъ обязанности лежитъ составленіе учебныхъ плановъ: въ результатѣ студентъ попадаетъ въ полную опеку факультетовъ, и отъ свободы выбора предметовъ не остается и слѣда. Жалобы на небрежное отношеніе студентовъ къ занятіямъ, на непосѣщеніе лекцій объясняется, съ одной стороны, обширностью учебныхъ плановъ, невозможностью выполнить всѣ требованія, съ другой стороны, желаніемъ студентовъ вести занятія по своему собственному плану, сообразно своимъ склонностямъ.

«Въ заключеніе нельзя не замѣтить,—говоритъ проф. Виноградовъ,—что

уставъ 1884 г. имѣлъ странную исторію. Онъ не достигъ того, что составляло его цѣль, а къ тому, чего онъ достигъ, едва ли слѣдовало стремиться. Политическія соображенія, которыми онъ былъ вызванъ, не оправдались: радикальныя идеи могутъ существовать въ университетѣ, потому что, въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, онѣ существуютъ въ странѣ; соціальный составъ студенчества не измѣнился, потому что нѣтъ силы, которая могла бы сдѣлать русское общество богатымъ и аристократическимъ. Съ педагогической точки зрѣнія, реформа принесла вредъ учебному дѣлу, такъ какъ заключала въ себѣ непримиримыя противорѣчія и очевидную фальшь: ни качество преподаванія, ни успѣшность студенческихъ занятій — не возросли, хотя профессіональныя требованія были выдвинуты впередъ, въ ущербъ научнымъ; попытка непосредственнаго вмѣшательства центральной власти въ руководство преподаваніемъ привела лишь къ непріятностямъ для факультетовъ и профессоровъ, къ изданію нѣсколькихъ документовъ, которыхъ лучше было бы не издавать, и къ ухудшенію порядка экзаменовъ. Въ частности не только не было достигнуто успокоеніе студенчества, а наоборотъ, столкновенія между учащейся молодежью и учебными властями стали чаще и обострились. Полный успѣхъ имѣла только одна сторона преобразованія—бюрократизація университетовъ; но и въ правительствѣ, и въ обществѣ возникаютъ сомнѣнія, чтобы этотъ результатъ былъ самъ по себѣ такимъ благомъ, ради котораго стоило пожертвовать всѣмъ остальнымъ. Трудно уклониться отъ вывода, что порядокъ, такъ дурно выдержавшій короткое испытаніе семнадцати лѣтъ, подлежитъ коренному пересмотру и измѣненію».

Указавъ недостатки существующей системы, авторъ намѣчаетъ возможные исходы. Первый изъ нихъ состоитъ въ предложеніи — ввести дѣйствительную, а не номинальную свободу слушанія, по нѣмецкому образцу. Но противъ этого говоритъ какъ недостаточность ученыхъ силъ у насъ, чтобы сдѣлать свободный выборъ предметовъ и конкуренцію преподавателей дѣйствительно возможными, такъ въ особенности то неизбѣжное послѣдствіе свободы преподаванія, что университетъ перестанетъ давать служебныя права, и масса аспирантовъ въ чиновники и въ практическіе дѣятели пойдетъ мимо него, т. е. освобождена будетъ отъ необходимости высшаго образованія. Другой выходъ изъ затрудненій—строгая регламентація учебныхъ занятій посредствомъ репетицій и практическихъ работъ—также отвергается проф. Виноградовымъ. Такая регламентація превратила бы университетъ въ школу и воспрепятствовала бы самому цѣнному, что есть въ высшемъ преподаваніи—развитію научной самодѣятельности. Въ результатѣ авторъ останавливается на третьей возможности: придерживаясь въ общемъ типа преподаванія, сложившагося исторически, слѣдуетъ реформировать его въ смыслѣ большей свободы научной самодѣятельности, не устраняя при этомъ вовсе нѣкоторыхъ обязательныхъ рамокъ и провѣрочныхъ средствъ. *Обязательный планъ* проф. Виноградовъ считаетъ возможнымъ ограничить, по американской системѣ, *группой* предметовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ *главной* избранной спеціальности, напр. (на филологич. факультетѣ) при *исторіи*— исторія всеобщая и русская, исторія философіи и древніе языки (или русскій языкъ и литература, или исторія искусства); при *древнихъ языкахъ* — сравнительное языкознаніе, исторія древней философіи, древняя исторія; *провѣрку* же необходимо производить въ самой *тѣсной* связи съ текущимъ преподаваніемъ (какъ въ сущности и было при уставѣ 1863 г.). Присутствіе *правительственнаго делегата* на факультетскихъ экзаменахъ было бы достаточнымъ средствомъ государственнаго контроля. Но оставленія на второй годъ, совершенно безсмысленнаго при мѣняющемся содержаніи ежегоднаго факультетскаго курса, при системѣ проф. Виноградова, не должно быть, а долженъ быть зачетъ отдѣльныхъ предметовъ по

мѣрѣ экзамена изъ нихъ. Практическія работы не должны вытѣснять лекціонной системы, но должны имѣть особое значеніе при оцѣнкѣ знаній и научнаго развитія студентовъ.

Въ связи съ учебной реформой находимъ въ общественной хроникѣ «Вѣстника Европы» обсужденіе вопроса о томъ, «мыслимо ли осуществленіе этой реформы, разъ что въ основаніе ея кладутся принципы, чуждые въ данную минуту другимъ отраслямъ государственной и общественной жизни? Можно ли, напримѣръ, разсчитывать на возстановленіе и расширеніе университетской автономіи, разъ что самоуправленіе вообще все больше и больше оспаривается въ теоріи и ограничивается на практикѣ? Строгая логика подсказываетъ здѣсь отвѣтъ безусловно отрицательный; но *дѣйствительность и логика* не всегда совпадаютъ одна съ другою. Въ нашемъ прошедшемъ, не очень отдаленномъ, не мало найдется случаевъ одновременнаго движенія по двумъ путямъ, идущимъ въ разныя стороны.. Реформѣ высшаго образованія, если ей суждено осуществиться, придется, безспорно, бороться со множествомъ препятствій, пережить множество испытаній. Она можетъ выйти изъ нихъ обезцвѣченною и обезсиленною, но возможенъ и обратный результатъ. Побѣда самоуправленія въ одной области можетъ увеличить для него шансы успѣха и въ другихъ, гдѣ оно потерпѣло и терпитъ рядъ тяжкихъ ударовъ».

Декабристъ кн. А. И. Одоевскій. *Г. Н. Котляревскій* («Рус. Богатство», сентябрь) продолжаетъ серію своихъ очерковъ о «литературной дѣятельности декабристовъ»; первый очеркъ былъ посвященъ Кюхельбекеру, настоящій, второй, посвященъ кн. А. И. Одоевскому. Какъ поэтъ, Одоевскій въ свое время былъ извѣстенъ лишь небольшому кружку друзей, такъ какъ не печаталъ своихъ стихотвореній; когда же, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, баронъ Розенъ издалъ сборникъ его стиховъ (1883), то они уже успѣли утратить литературный интересъ и въ настоящее время имѣютъ значеніе лишь историческаго памятника. А, между тѣмъ, эти стихотворенія являются очень типическими для своего времени—для 20-30-хъ годовъ, по простотѣ, искренности, отсутствію эффектовъ, тщательной отдѣлкѣ стиха и т. п.—качествамъ, которыми запечатлѣна художественная лирика Пушкина и его плеяды. Эти стихотворенія «могли бы быть одной изъ послѣднихъ пѣсенъ, въ которыхъ выразилось уже отходившее въ прошлое религіозно-философское, въ общемъ, оптимистическое міросозерцаніе, которое не позволяло человѣку такъ болѣзненно ощущать разладъ мечты и жизни». Крушеніе юношескихъ надеждъ, а затѣмъ каторга и ссылка въ Сибири не сломили ни оптимизма Одоевскаго, ни философскаго спокойствія духа, ни вѣры въ лучшее будущее, и потому личность его производила необыкновенно сильное впечатлѣніе: Огаревъ, встрѣтившій его на Кавказѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по освобожденіи изъ ссылки, былъ прямо увлеченъ имъ, и даже Лермонтовъ, несмотря на глубокое различіе своего душевнаго склада, преклонился передъ «гордой вѣрой Одоевскаго въ людей и въ жизнь иную». Такъ, на всемъ протяженіи жизни Одоевскій продолжаетъ оставаться цѣльнымъ представителемъ сентиментальнаго либерализма александровской эпохи, съ его отвлеченными стремленіями къ общему благу и свободѣ, глубокимъ и мистически настроеннымъ христіаниномъ и страстнымъ патріотомъ, горячо любящимъ свою родину и народъ; какъ видимъ, сквозь личную его характеристику проступаютъ типическія черты цѣлаго поколѣнія. Біографическихъ свѣдѣній объ Одоевскомъ почти нѣтъ; нѣтъ никакихъ данныхъ и о томъ, какую роль онъ игралъ въ Сѣверномъ обществѣ и на собраніяхъ у Рылѣева. Извѣстно только, что почти наканунѣ 14-го декабря на собраніи тайнаго общества онъ находился въ особенно экзальтированномъ состояніи духа и мечталъ о славной смерти. «Умремъ,—восклицалъ онъ,—ахъ, какъ славно мы

умремъ!» Одинъ изъ его товарищей, Михаилъ Бестужевъ, оставилъ въ своихъ запискахъ свидѣтельство о томъ, какъ держалъ себя Одоевскій въ равелинѣ Петропавловской крѣпости. «Въ сосѣднемъ номерѣ сидѣлъ Одоевскій, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ, какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ, какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ: что ему ни говорили, какъ ни стращали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое, и кончилось тѣмъ, что его оставили». Въ первые годы каторги боевое настроеніе не покидаетъ Одоевскаго, по крайней мѣрѣ, мы можемъ судить объ этомъ изъ его отвѣта Пушкину: на обращенные къ пострадавшимъ друзьямъ строки изъ «19-го октября 1827 года»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли...

Одоевскій отвѣчалъ стихотворнымъ посланіемъ, которое даже въ 1883 г. цензура не разрѣшила напечатать, и гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующія строки:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,—
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли...

Извѣстно, однако, другое стихотвореніе Пушкина «Посланіе въ Сибирь», относящееся къ тому же 1827 году и обращенное прямо къ декабристамъ:

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вамъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
. . . .
Придетъ желанная пора...
«Оковы тяжкія падутъ, —
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ».

Извѣстно также, что посланіе Одоевскаго было отвѣтомъ именно на это стихотвореніе Пушкина.

Но воинственное настроеніе быстро падаетъ въ стихахъ Одоевскаго и уступаетъ мѣсто уравновѣшенному и созерцательному взгляду на жизнь; критическое отношеніе къ русской дѣйствительности совсѣмъ заслоняется патріотическимъ прославленіемъ могущества Россіи съ мечтами о всеславянскомъ объединеніи. Такъ, житейскія невзгоды не внесли никакой мути, никакой примѣси горечи или раздраженія въ его спокойно-безпристрастное отношеніе къ жизни. А, между тѣмъ, вся личная его лирика посвящена воспоминаніямъ, вся область интимныхъ чувствъ связана съ прошлымъ, въ стихотвореніяхъ своихъ, которыя онъ называетъ «пѣснями изъ гроба», онъ возстановляетъ образы своихъ уже умершихъ ближнихъ, оживляетъ въ памяти впечатлѣнія счастливой юности, и эти тѣни прежней жизни не дразнятъ и не озлобляютъ его, а даютъ настроеніе мирной радости. Одоевскій извѣстенъ въ литературѣ, не только какъ поэтъ, но и какъ критикъ, хотя критическія его статьи гораздо слабѣе его лирики. Онъ выступилъ въ журналахъ, еще до декабрьской катастрофы, опредѣленнымъ сторонникомъ новаго романтическаго направленія и народности и врагомъ ложнаго классицизма. Въ статьяхъ своихъ онъ призывалъ поэтовъ отбросить стѣснительныя узы стараго искусства, пойти навстрѣчу нововведеніямъ

и черпать вдохновеніе изъ народной литературы. Самъ онъ съ любовью занимался древней русской словесностью и былъ, повидимому, знатокомъ въ ней. По крайней мѣрѣ, когда въ читинскомъ острогѣ декабристы устроили въ своей средѣ чтеніе лекцій по разнымъ предметамъ, то Одоевскій взялъ на себя курсъ русской словесности. «А. И. Одоевскому,—разсказываетъ Розенъ,—въ очередной день слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память». Для оправданія своихъ романтическихъ теорій Одоевскій далъ два образца романтическихъ поэмъ: «Чалма» и «Василько» (написаны въ Сибири)—произведенія, лишенныя всякой оригинальности: въ нихъ онъ рабски слѣдуетъ общепринятой литературной манерѣ, повторяя стереотипныя фантастическія картины, вѣрно копируя всѣ условности романтическаго вымысла. Характернымъ для міросозерцанія Одоевскаго является въ поэмѣ объ ослѣпленіи Василька религіозная тенденція ея, побѣда христіанства надъ темными силами язычества, довольно насильственно пріуроченная имъ къ описываемой эпохѣ; характеренъ также для выраженія настроенія автора символическій образъ несчастнаго Василька, внезапно, съ высоты своего положенія, низвергнутаго на крайнюю степень бѣдствія и преклонившагося передъ высшей волей: его врагамъ язычникамъ удалось совершить надъ нимъ злое дѣло, но они не могли поработить духа праведника. Характерны и заключительныя слова поэмы:

Предъ Спасомъ не виновенъ Василькó,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей,
Но истина на небѣ и въ потомствѣ,
Какъ солнце просіяетъ!

Воспоминанія г-жи Цебриковой. Въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» за октябрь помѣщено начало воспоминаній г-жи Цебриковой о пятидесятыхъ годахъ. Авторъ предупреждаетъ, что въ этихъ воспоминаніяхъ, относящихся ко времени Крымской войны, читатель не долженъ ожидать ничего, кромѣ чертъ общественнаго настроенія и нѣкоторыхъ фактовъ изъ обороны Кронштадта, родины писательницы. Тяжелая пора послѣднихъ лѣтъ николаевскаго режима рисуется здѣсь во всемъ—и въ отдѣльныхъ характерныхъ эпизодахъ и въ общемъ духѣ служебнаго раболѣпства, рисуется и во всеобщемъ внутреннемъ разложеніи и упадкѣ при внѣшней строгости, и наконецъ, въ превращеніи людей добрыхъ и мягкихъ по натурѣ въ непреклонныхъ служакъ, которые при всякой надобности пускали въ дѣло кнутъ. Уже самое начало Крымской кампаніи возбудило недовольство: негодовали на дипломатію, раздувшую ссору, негодовали на Меншикова за его политику, когда онъ былъ посломъ въ Константинополѣ; винили его въ томъ, что онъ накликалъ войну дерзкими каламбурами, что онъ высокомѣріемъ раздражилъ посланниковъ европейскихъ державъ въ Стамбулѣ. Синопская побѣда не закрыла глаза на неравенство нашего положенія сравнительно съ союзниками: «Вполголоса говорили, что флотъ гнилъ, что мы не приготовлены, артиллерія плоха, большая часть крѣпостныхъ пушекъ въ раковинахъ, а у *нихъ* винтовой флотъ,—что начальство наше большею частью бездарности, выслужившія чины на маневрахъ». Но надо всѣми этими перешептываніями гремѣла патріотическая самонадѣянность въ обычномъ возгласѣ: «шапками закидаемъ» съ обычными тоже ссылками на 12-й годъ. Назначеніе Меншикова главнокомандующимъ прибавило новое основаніе къ недовольству и опасеніямъ. Для характеристики Меншикова г-жа Цебрикова приводитъ слѣдующій

эпизодъ. Отецъ писательницы, «котораго интриги начальства чуть не загнали подъ судъ за то, что онъ не хотѣлъ принять громадную партію гнилой пеньки на казенный канатный заводъ и за это былъ обойденъ чиномъ къ Рождеству, поѣхалъ объясняться съ Меншиковымъ (бывшимъ тогда морскимъ министромъ). Онъ засталъ министра за письменнымъ столомъ передъ небольшимъ складнымъ зеркаломъ и коробкой пилюль. Выслушавъ отца, Меншиковъ сказалъ: «Вотъ сейчасъ докторъ нашелъ, что у меня скверный языкъ, и прописалъ горькія пилюли; ну, а отъ вашего языка, Цебриковъ, никакая пилюля не поможетъ». Отецъ отвѣчалъ грибоѣдовскимъ стихомъ: «Служить готовъ, прислуживаться тошно». Тогда Меншиковъ «скорчилъ рожу» и, наклонясь къ отцу, вполголоса отвѣчалъ: «Всѣ мы, братецъ, прислуживаемся». Словечко «прислуживаемся», сказанное министромъ подчиненному, выдавало порядки управленія». Меншикова обвиняли въ томъ, что онъ, какъ «ловкій царедворецъ», опасаясь потерять «фаворъ», во-время не донесъ о неудовлетворительномъ состояніи средствъ защиты, не хотѣлъ ссориться съ другими вѣдомствами, съ коммиссаріатомъ, не хотѣлъ «огорчать царя неутѣшительной картиной настоящаго положенія дѣлъ». Для характеристики настроенія авторъ приводитъ ходившее тогда по рукамъ стихотвореніе, которое заканчивалось слѣдующимъ обращеніемъ къ царю:

Ты сердца русскаго всѣ знаешь ли біенья,
. . . . ? Скажи, ведешь ли ты впередъ
Къ свободѣ, правдѣ, просвѣщенью
Отъ Бога ввѣренный народъ?
Мы видимъ вкругъ тебя Клейнмихелей, Орловыхъ,
Временщиковъ надменный строй.
Готовъ для нихъ уже стихъ желчный и суровый,
Но смолкъ онъ до поры иной.

Плохое состояніе войска объясняется тѣмъ, что всѣ усилія начальства употреблены были на подготовленіе солдата къ парадамъ, на обученіе декоративнымъ движеніямъ спеціально для смотровъ, а настоящее боевое ученіе было въ пренебреженіи. Авторъ вспоминаетъ при этомъ, какими неимовѣрными истязаніями добивались этой показной дрессировки, вродѣ, напр., тихаго шага «по-гусиному». «Какъ только раздавался барабанный бой, если еще зимнія рамы не были вставлены, мы спускали подъемныя голландскія окна, чтобы неистовая и безцензурная ругань офицеровъ и унтеровъ не врывалась въ комнату... Всего хуже было, когда обучали рекрутъ. Несчастный съ неестественно вытаращенными глазами, багровѣя столько же отъ затянутаго мундира и подпиравшаго шею воротника, сколько и отъ мучительныхъ потугъ понять, стоялъ, поднявъ одну ногу и качаясь на другой. Унтеръ съ палкою ходилъ вокругъ него, ударами вбивая выправку. Разъ свиснетъ палкой—выпрямится спина, два—втянется животъ, на носокъ ноги сыплются удары, чтобы дать ему требуемую выправку граціозно опущеннаго внизъ носка балетчицы. То и дѣло гремятъ крики: «не колыхайся, чортъ, дьяволъ». Унтеръ бросаетъ палку и кидается съ кулаками на «колыхавшагося» рекрута, удары сыпались зря, на голову, лицо. Послѣ такого подготовительнаго обученія руками унтеровъ наступала пытка обученія офицерскаго, еще горшая, если обучавшій былъ изъ «фронтовиковъ», артистовъ фронта». Царскіе смотры были грозой для командировъ. Удача или неудача, какъ бы случайны онѣ ни были, приносили съ собой рѣшеніе судьбы, и сознаніе исполненнаго долга совсѣмъ заслонялось царской милостью или гнѣвомъ. Такъ дядя писательницы, получивъ за блестящій смотръ орденъ Анны, положилъ его на ладонь, благоговѣйно перекрестился и приложился, проговоривъ дрожащимъ голосомъ съ крупными слезами на глазахъ: «Благодарю моего Создателя, я не даромъ жилъ на свѣтѣ!» Авторъ добавляетъ при этомъ, что образцовый экипажъ, отличившійся на парадѣ, совсѣмъ не умѣлъ стрѣлять. Административныя хищенія были такимъ обычнымъ дѣломъ, что продолжались

*

по прежнему и во время войны, и въ обществѣ не стѣсняясь говорили: «N. очень кстати получилъ постройку казармъ—дочь замужъ выдаетъ» и т. п. Тревожное настроеніе общества во время войны выразилось въ увлеченіи спиритизмомъ: въ таинственныхъ сообщеніяхъ духовъ при помощи вертящихся столовъ и «самопроизвольно» пишущаго карандаша искали утѣшительныхъ извѣстій о своихъ близкихъ съ театра войны. По этому поводу г-жа Цебрикова вспоминаетъ, что занятія спиритизмомъ сыграли извѣстную роль въ умственномъ развитіи ея и нѣсколькихъ дѣвушекъ ея поколѣнія. Тогда ходила по рукамъ и передавалась подъ большимъ секретомъ книга Аллана Кардека о спиритизмѣ или магнетизмѣ. Вводя въ сверхъестественный міръ, эта книга освобождала отъ рабскаго подчиненія буквѣ, чужому авторитету, открывала уму полный просторъ витать въ области мистическихъ фантазій и такимъ образомъ служила первой ступенью въ пріобрѣтеніи умственной автономіи.

Американская культура. Г. *Ѳ. И. Кнорригъ* передаетъ впечатлѣнія изъ своего путешествія въ Америку («Вѣстн. Евр.»). Вступая на бортъ гигантскаго американскаго парохода, уже входишь въ черту своеобразной внѣшней культуры, поражающей, прежде всего, своими колоссальными размѣрами. Океанскій пароходъ («Lucania») вмѣщаетъ 1.400 пассажировъ и 400 человѣкъ команды, скорость его хода достигаетъ 900 слишкомъ верстъ въ день, широкіе проходы для прогулокъ вокругъ палубы перваго класса составляютъ кругъ въ четверть версты, обѣденный залъ устроенъ на 400 человѣкъ и т. д. При приближеніи къ Америкѣ, это впечатлѣніе колоссальности всего видимаго усиливается, уже «сплошные десятки верстъ приморскаго берега (у Нью-Іорка), освѣщеннаго a giorno, указываютъ на такой размахъ жизни, какого мы не встрѣчали нигдѣ въ Европѣ»... При вступленіи въ страну свободы, вы подвергаетесь довольно неожиданному мытарству — стѣснительной процедурѣ таможеннаго осмотра, который, впрочемъ, можно сократить далеко не культурными пріемами. При перерываніи вещей, «я спрашиваю чиновника, не могу ли предложить ему что-нибудь. Онъ моментально отворачивается отъ меня, но за спиной оказывается выразительно открытая рука, которая, заполучивъ нѣсколько шиллинговъ, быстро отходитъ отъ меня», — въ результатѣ вещи немедленно выдаются. Нью-Іоркъ, занимающій громадное пространство, распланированъ образцово: рядъ параллельныхъ улицъ, идущихъ вдоль, называются проспектами (avenue) и обозначаются номерами, поперечныя улицы называются streets (улицы) и тоже обозначаются номерами. По всѣмъ одиннадцати проспектамъ (кромѣ 5-го) ходятъ электрическіе трамваи, воздушныя желѣзныя дороги и т. д. Быстрота ѣзды поразительная, остановки моментальныя, въ которыя нужно успѣть вскочить въ вагонъ, ибо поѣзда подхватываютъ съ мѣста сразу. 5-й проспектъ представляетъ улицу дворцовъ чудесной архитектуры: это жилища американскихъ милліонеровъ. Обычная обстановка семьи средняго достатка, живущей своимъ трудомъ, состоитъ изъ отдѣльнаго домика въ четыре этажа съ проведенной водой и электричествомъ, комнаты отапливаются газомъ, блюда подаются элеваторами. Чикаго — городъ еще болѣе американскій, нежели Нью-Іоркъ. При приближеніи къ нему, за нѣсколько верстъ виднѣется темное дымное облако, стоящее надъ городомъ. Чикаго грязнѣе Нью-Іорка, движеніе въ немъ еще болѣе адское, электрическіе вагоны не останавливаются, а только замедляютъ ходъ. Среди суматохи уличнаго движенія, мельканія трамваевъ, автомобилей, велосипедовъ, «ѣдетъ шарабанъ, полный музыкантовъ, играющихъ марши—это реклама какого-то портного. Одновременно трубными звуками зазываютъ съ подъѣзда какого-то дома зайти посмотрѣть зрѣлище, а напротивъ на тротуарѣ паровая машина сбиваетъ сливочное масло, выпуская на улицу отработанный паръ. Хозяинъ этой маслобойки иногда дѣйствуетъ паровымъ свисткомъ, для привлеченія вниманія проходящихъ на его машинку. Для при-

влеченія вниманія на свое дѣло американцы не останавливаются ни передъ чѣмъ. Вотъ на воздухѣ, среди дыма и копоти, летаетъ лента съ надписью, гдѣ можно имѣть лучшую ваксу. Прохожіе невольно заинтересовываются летающей на свободѣ лентой и, только внимательно присмотрѣвшись, открываютъ, что лента привязана къ веревкѣ летучаго змѣя; присматриваясь, невольно прочли рекламу на лентѣ,—что и требовалось при всей этой затѣѣ». Гостинницы въ Америкѣ строятся по одному образцу. Въ нижнихъ этажахъ громадныхъ корпусовъ расположены обширныя сѣни, общественныя уборныя, парикмахерскія, кабаки съ ѣдой и безъ ѣды и т. д. «Въ сѣняхъ—вѣчная толпа, передъ окнами на улицу всѣ кресла заняты: сидятъ въ нѣсколько рядовъ, курятъ, сплевываютъ и смотрятъ на улицу; для пользованія этимъ даровымъ удовольствіемъ не требуется даже быть обитателемъ гостиницы». Всѣ номера въ гостинницѣ—одинаковые и одинаково оплачиваются; такимъ образомъ достигается полное равенство въ пользованіи отелемъ для всѣхъ обитателей его. То же самое равенство условій для всѣхъ посѣтителей преслѣдуется и при распланированіи театровъ: ложъ почти не бываетъ, parterre расположенъ болѣе наклонно, чѣмъ въ европейскихъ театрахъ; въ верхнихъ ярусахъ, выступающихъ на середину зрительныхъ залъ, также ряды креселъ, значительно возвышающихся рядъ надъ рядомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ мѣста въ театрѣ, съ котораго не была бы видна вся сцена, и ни одинъ зритель не заслоняетъ сцены отъ другого. Одной изъ чикагскихъ достопримѣчательностей являются скотобойни, принадлежащія частнымъ фирмамъ. Въ колбасномъ отдѣленіи одной такой фирмы выдѣлывается машинами до 120 тысячъ фунтовъ колбасъ ежедневно. Въ слѣдующемъ отдѣленіи убивается по 4.000 овецъ въ сутки на одинъ ножъ при десятичасовой работѣ мясника, что составляетъ по 7 овецъ въ минуту. «Мясникъ, стоя на одномъ мѣстѣ, только и дѣлаетъ, что машетъ рукой съ ножемъ, а овцы, подвѣшенныя за заднія ноги, подаются къ нему на блокахъ, движущихся по рельсамъ подъ потолкомъ. Двигаясь дальше, туши проходятъ мимо цѣлаго ряда рабочихъ, дѣлающихъ каждый свое дѣло надъ свѣжими, еще судорожно шевелящимися тушами: кто отдѣляетъ голову отъ туловища, кто сдираетъ шкуру и т. д. и все безостановочно, какъ на фабрикѣ. Отрѣзанныя головы идутъ далѣе по одному направленію, подраздѣляясь опять на мозги, языки и т. д.; шкуры—по другому, туши—по третьему. Слѣдуя за тушами, пріостанавливаемся передъ станкомъ, очищающимъ ножки: на нѣсколько секундъ рабочій прикладываетъ ножки къ быстро вращающемуся барабану съ ножами на поверхности, и ножки очищены и отъ копытъ, и отъ шерсти, и отъ кожи. Ежедневно на этомъ станкѣ одинъ рабочій очищаетъ 8.000 ножекъ въ 10 часовъ работы». Далѣе идетъ приготовленіе окороковъ десятками тысячъ. Въ подземномъ отдѣленіи находятся холодильники съ температурой, искусственно поддерживаемой около 5° R. холода. Снаружи кипитъ работа по нагрузкѣ произведеній фирмы и на конныя подводы, и на желѣзнодорожные вагоны.

За границей.

Англія въ трудномъ положеніи. Южная Африка и Ирландія. Конгрессъ института журналистовъ. Во всѣхъ свободныхъ и сильныхъ странахъ общественное мнѣніе высказывается всегда совершенно откровенно о самыхъ жгучихъ вопросахъ, интересующихъ страну. Англія въ этомъ отношеніи занимала до сихъ поръ первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Въ самый разгаръ американской войны, напримѣръ, Чатамъ вмѣстѣ съ Беркомъ, открыто осуж-

дали политику Греввилля и Норзеа и посылали выраженія своего сочувствія американскимъ инсургентамъ. Позднѣе Фоксъ, Шериданъ и Грей, составлявшіе послѣдній остатокъ великой партіи виговъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ политики Питта и его преемниковъ, а во время Крымской войны Джонъ Брайтъ и Кобденъ съ такою же горячностью боролись противъ воинственной страсти, обуявшей Англію, указывая на нее, какъ на возвращеніе ко временамъ варварства, съ какою они возставали противъ хлѣбныхъ пошлинъ.

По счастью для Англіи и теперь еще въ ней сохранились эти великія традиціи прошлаго. Волна имперіализма не смыла ихъ окончательно. Несмотря на имперіалистскую эпидемію, которая охватила страну, и увлекла даже многихъ вождей англійскаго либерализма, въ Англіи, даже съ самаго начала южно-африканской войны, существовала мужественная оппозиція, открыто боровшаяся съ аггрессивнымъ духомъ, охватившимъ и заставившимъ ее стремиться къ завоеваніямъ, попирать права людей и грабить и разорять чужія владѣнія. Было бы несправедливо умалчивать объ этомъ важномъ фактѣ, указывающемъ, что въ націи сохранились еще здоровые и честные элементы, не тронутые духомъ милитаризма, такъ какъ только это обстоятельство заставляетъ надѣяться, что страна перенесетъ кризисъ и не погибнетъ въ мутномъ потокѣ имперіализма. Въ англійскомъ парламентѣ и печати такіе люди, какъ Джонъ Морлей, Вильямъ Гаркуръ, Брайсъ, Робертъ Рейдъ и Ллойдъ Джорджъ, не стѣсняясь высказывали свои взгляды, осуждая политику, противорѣчащую идеямъ справедливости и мира. Однимъ изъ извѣстныхъ юристовъ Англіи, законовѣдъ, членъ королевскаго совѣта, Шерри, напечаталъ въ «Daily News» горячую и въ тоже время документальную статью, возстающую противъ введенія военныхъ законовъ въ Капской области и доказывающую незаконность осужденія военными судами гражданскихъ жителей Капской колоніи. Такое же мнѣніе высказываютъ еще нѣкоторые законовѣды Англіи, Фредерикъ Гаррисонъ и др., подтверждающіе свои выводы ссылками на разныхъ авторитетовъ Англіи. Въ газетахъ возникла по этому поводу горячая полемика, доказывающая все-таки, что имперіализмъ не совсѣмъ еще уничтожилъ чувства законности въ англійскомъ народѣ и не усыпилъ окончательно его совѣсть.

Въ октябрѣ исполнилось два года со времени объявленія войны въ Южной Африкѣ. Война эта превратилась теперь въ настоящую гражданскую войну, потому что капскіе африкандеры толпами бѣгутъ въ бурскіе отряды и увеличиваютъ ихъ ряды. Любопытно, что теперь оправдывается предсказаніе, сдѣланное пять лѣтъ тому назадъ въ палатѣ общинъ тѣмъ самымъ Джо Чэмберленомъ, на котораго теперь падаетъ отвѣтственность за эту ужасную, кровопролитную и разорительную войну. Въ 1896 году Чэмберленъ говорилъ слѣдующее членамъ англійскаго парламента: «Война въ Южной Африкѣ была бы одною изъ самыхъ серьезныхъ войнъ для Англіи, такъ какъ она несомнѣнно должна была бы принять характеръ гражданской войны, очень продолжительной ожесточенной и дорого стоющей и, какъ я уже говорилъ раньше, она оставила бы послѣ себя тлѣющія головни, которыя легко могли бы послужить источникомъ новаго взрыва и которыя было бы очень трудно погасить послѣдующимъ поколѣніямъ. Объявлять войну президенту Крюгеру для того только чтобы заставить его произвести реформы во внутренней организаціи страны, было бы столько же безнравственно, сколько и неблагоразумно!»

Такъ говорилъ нѣкогда Чэмберленъ. Въ 1899 году онъ счелъ за лучшее позабыть объ этомъ, какъ позабыли объ его словахъ и другіе, но тѣмъ не менѣе онъ былъ хорошимъ пророкомъ: южно африканская война оказалась именно такою какъ онъ предсказывалъ.

Послѣдняя парламентская сессія не привела ни къ какимъ сколько-нибудь

чувствительнымъ результатамъ относительно Ирландіи, положеніе которой остается также безъ измѣненій. Ирландскіе націоналисты, конечно, прилагали всѣ свои усилія, чтобы добиться такихъ мѣропріятій, которыя, могли бы, хоть сколько-нибудь, облегчить положеніе ирландскаго народа. Но организованная обструкція уже не имѣетъ той силы какъ во времена Парнелля и восемьдесятъ представителей ирландской партіи въ концѣ-концовъ очутились передъ дилеммой, либо молчать передъ когортами консервативнаго большинства, либо быть изгнанными изъ палаты. Тѣмъ не менѣе ирландскіе націоналисты могутъ все-таки похвастаться двумя нравственными побѣдами, составляющими единственный плодъ стольких усилій и безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ обсужденіи разныхъ вопросовъ въ парламентѣ, нисколько не касающихся Ирландіи, положеніе которой ничуть не измѣняется отъ вотированія различныхъ законопроектовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ тому вопіющему факту, что населеніе Ирландіи уже уменьшилось на 50% за послѣднія 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ налоги возросли въ той же пропорціи за этотъ промежутокъ времени.

Первую нравственную побѣду ирландскіе націоналисты одержали въ тотъ день, когда издатели самой враждебной ирландцамъ газеты «Globe» должны были публично покаяться въ несправедливости взводимыхъ ими на ирландскихъ депутатовъ обвиненій въ подкупности и взяточничествѣ.

Вторая побѣда была еще болѣе важной въ нравственномъ отношеніи. Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Уиндгэмъ высказалъ публичное порицаніе нѣкоему Шеридану, сержанту ирландской жандармеріи, оказавшемуся настоящимъ агентомъ-провокаторомъ, который, дѣйствуя согласно инструкціямъ своего начальства, сочинилъ аграрныя преступленія, за которыя четверо невинныхъ были присуждены къ каторжнымъ работамъ. Уиндгэмъ выразилъ даже при этомъ сожалѣніе, что онъ не можетъ подвергнуть ирландскаго жандарма болѣе строгому наказанію, такъ какъ это не въ его власти. Но этотъ поступокъ Уиндгэма стяжалъ ему симпатіи ирландскаго населенія. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Уиндгэмъ имѣетъ самыя лучшія намѣренія, какъ это онъ уже доказалъ во время своей поѣздки по странѣ, но онъ безсиленъ что нибудь сдѣлать. Ирландія дошла до послѣдней степени обѣдненія, благодаря налогамъ, эмиграціи и такимъ экономическимъ условіямъ, которымъ не могла бы противостоять ни одна страна на свѣтѣ. Уиндгэмъ не скрываетъ того грустнаго впечатлѣнія, которое произвела на него разоренная страна и даже выразилъ намѣреніе высказать свои взгляды на этотъ счетъ министру финансовъ. Вице-король Ирландіи лордъ Кадоганъ тоже очевидно раздѣляетъ эти взгляды. Еще въ маѣ онъ говорилъ слѣдующее: «Мы, англичане, въ значительной степени отвѣтственны за такое положеніе вещей въ Ирландіи. Было бы безуміемъ и слабостью отрицать это». Но тѣмъ не менѣе финансы Англіи, благодаря южно-африканской войнѣ далеко теперь не въ такомъ состояніи, чтобы министерство могло согласиться на какія бы то ни было реформы налоговъ, которыя бы облегчили бремя ирландскаго населенія. Впрочемъ ирландцы окончательно потеряли всякую вѣру въ то, что британское правительство захочетъ произвести какія-либо улучшенія въ положеніи Ирландіи. Еще больше—ирландцы даже увѣрены, что англичане, или вѣрнѣе англійское правительство намѣрено истребить ирландскую расу и сызнова населить Ирландію.

Годовое собраніе англійскаго института журналистовъ было въ этомъ году особенно многолюднымъ, присутствовало около 300 членовъ общества журналистовъ. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя мистера Артура Бекешта, имѣвшей громадный успѣхъ. Онъ очертилъ въ ней дѣятельность журналистовъ, значеніе печати и тѣ громадные успѣхи, которые сдѣлалъ журнализмъ въ Англіи. Журнализмъ сдѣлался профессіей, вполнѣ обезпечивающей существованіе того, кто избираетъ ее, нисколько не меньше, чѣмъ всякая другая про-

фессія—доктора, юриста и т. д. Въ прежніе годы было не такъ и поэтому рѣдко кто изъ людей, получившихъ юридическое образованіе, рѣшался посвятить себя исключительно журналистикѣ. Теперь же это является самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и никто не удивляется, встрѣчая среди профессіональныхъ журналистовъ членовъ адвокатскаго сословія и др. Затѣмъ Бекештъ сказалъ, что ему доставляетъ особенное удовольствіе привѣтствовать многихъ дамъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ института журналистовъ и собратьевъ по перу. «Когда, вскорѣ послѣ учрежденія нашего института,—сказалъ онъ,—женщины обратились къ намъ съ просьбою допустить ихъ въ число членовъ, то мы единогласно рѣшили распространить наши привилегіи и на нашихъ собратьевъ-женщинъ; я радъ видѣть женщинъ-журналистовъ; я радуюсь, что печать открыла свои двери женщинамъ на равныхъ правахъ съ мужчинами и что въ этой области не существуетъ никакой зависти между представителями того и другого пола. Съ журналистской точки зрѣнія мы всѣ тутъ равноправны и всѣ, въ зависимости отъ своихъ способностей, можемъ разсчитывать на хорошее положеніе и будущее въ рядахъ журналистики. Я былъ въ теченіе многихъ лѣтъ членомъ совѣта газетнаго фонда. Правда, мнѣ приходилось тогда сталкиваться съ весьма печальными фактами, доказывавшими, что здоровье представляетъ необходимое условіе для преуспѣянія въ нашей профессіи, но оно, вѣдь, необходимо и во всѣхъ другихъ профессіяхъ! Тѣмъ не менѣе, я убѣдился, что съ финансовой точки зрѣнія наша профессія во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше обставлена, нежели адвокатура или медицина, за весьма лишь рѣдкими исключеніями, и уже, конечно, гораздо лучше всякой другой профессіи. Моя сорокалѣтняя практика въ области журналистики (я началъ свою карьеру 18-ти-лѣтнимъ юношей) даетъ мнѣ право говорить это».

Въ заключеніе своей рѣчи Бекештъ коснулся важнаго вопроса объ отвѣтственности передъ публикой и прибавилъ, что въ Англіи не можетъ быть терпима продажная печать. Доказательствомъ можетъ служить участь нѣкоторыхъ газетъ, нарушившихъ эти традиціи. Одна изъ газетъ, существующая уже полстолѣтія и достигшая высокаго процвѣтанія, погибла только отъ того, что распространился слухъ, будто она подкуплена однимъ иностраннымъ государемъ. «Такіе случаи указываютъ,—прибавилъ Бекештъ,—что англійской печати даже невыгодно быть подкупной, она сейчасъ же теряетъ своихъ кліентовъ!»

Бекештъ вскользь упомянулъ и о южно-африканской войнѣ, и цензурныхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются всѣ корреспонденціи, относящіяся къ этой войнѣ, но въ публикѣ, очевидно, не оказалось охотниковъ развивать эту тему и вопросъ этотъ такъ и остался нетронутымъ.

Не лишенныя интереса свѣдѣнія сообщаетъ «Daily Express» объ успѣхахъ буддизма въ Англіи. По словамъ этой газеты, число буддистовъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ и среди англійской аристократіи буддизмъ насчитываетъ много прозелитовъ. Недавно въ буддизмъ перешелъ графъ Мальборо, членъ палаты лордовъ. Въ Ливерпулѣ существуетъ уже храмъ Будды и такіе храмы предполагается устроить и во многихъ другихъ мѣстахъ. Японскій консулъ сообщилъ между прочимъ, сотруднику «Daily Express», что имѣется въ виду учредить настоящую пропаганду буддизма въ Англіи и во всей остальной Европѣ, для чего и будутъ посланы туда буддистскіе миссіонеры. «Буддизмъ имѣетъ право учреждать миссіи, какъ и всѣ другія религіи», сказалъ японецъ. Попытка насадить буддизмъ въ Европѣ является такимъ образомъ лишь отвѣтомъ на миссіонерскую пропаганду въ Китаѣ и Японіи.

Въ Германіи. Германская печать въ данный моментъ чрезвычайно заинтересована борьбою берлинскаго муниципалитета, не желающаго поступаться своими правами и вольностями, съ всемогущимъ veto императора Вильгельма,

который пользуется каждымъ случаемъ, чтобы дать почувствовать городскому управленію свое неудовольствіе. Между берлинскимъ муниципалитетомъ и императоромъ Вильгельмомъ давно уже существуютъ натянутыя отношенія. Вильгельмъ II считаетъ своихъ «добрыхъ берлинцевъ» фрондерами и не скрываетъ этого, поэтому какое бы рѣшеніе ни было принято берлинскимъ муниципальнымъ совѣтомъ, оно неизмѣнно наталкивается на veto императора. Впрочемъ, какъ говоритъ одна изъ нѣмецкихъ газетъ, это происходитъ еще и отъ того, что императоръ Вильгельмъ желаетъ имѣть рѣшающій голосъ не въ однихъ только вопросахъ государственной политики, но и въ области эстетики и искусства. Многосторонность Вильгельма II дѣйствительно поразительна; онъ лично принимаетъ участіе въ гражданскихъ, военныхъ, морскихъ и дипломатическихъ дѣлахъ, но это не мѣшаетъ ему удѣлять вниманіе эстетическимъ, религіозным и даже литературнымъ вопросамъ и быть фактическимъ директоромъ и режиссеромъ своихъ театровъ при постановкѣ выбранныхъ имъ пьесъ, помимо театральнаго комитета. Иногда же у него является желаніе изумить своихъ подданныхъ проявленіемъ своихъ талантовъ въ качествѣ композитора, архитектора, скульптора, или даже садовника и инженера—словомъ, нѣтъ такой спеціальности, въ которой онъ не чувствовалъ бы себя, какъ дома, и разносторонность его можетъ поразить не однихъ только его подданныхъ То ему вздумается украшать столицу и онъ сооружаетъ «аллею побѣды», то онъ начинаетъ увлекаться искусствами, руководитъ постановкою болѣе патріотическихъ, нежели геніальныхъ драмъ Вильденбрука, то онъ сочиняетъ гимнъ, оперу или пишетъ символическія картины съ помощью профессора Кнакфула. Но въ это же время онъ упорно отвергаетъ всѣ проекты муниципалитета и планы художниковъ, одобренные этимъ послѣднимъ. Вслѣдствіе этого, между городскою коллегіей, которая защищаетъ свою автономію, и императоромъ, существуетъ постоянный конфликтъ, то скрытый, то явный, и иногда принимающій острый характеръ.

Въ данную минуту отношенія особенно обострились. Мы уже имѣли случай говорить нашимъ читателямъ объ избраніи вторымъ бургомистромъ адвоката Кауфмана, который не пользуется симпатіями двора за свои воззрѣнія и за свою прежнюю политическую дѣятельность во времена Бисмарка, противъ законовъ котораго Кауфманъ велъ ожесточенную агитацію. Императоръ Вильгельмъ отказался утвердить его избраніе на должность второго бургомистра и это очень обидѣло муниципальный совѣтъ. На вторичныхъ выборахъ Кауфманъ снова былъ избранъ и притомъ громаднымъ большинствомъ. На этотъ разъ, однако, президентъ бранденбургской провинціи Бетманъ-Гольвесъ отказался представить на утвержденіе императора результаты вторичнаго голосованія, находя такой «рецидивъ» оскорбительнымъ для воли монарха. Не рѣшаясь, однако, идти на проломъ и прямо назначить комиссара ad hoc, который бы выполнялъ обязанности второго бургомистра, мѣсто котораго остается вакантнымъ вслѣдствіе того, что императоръ не утвердилъ Кауфмана, президентъ обратился всетаки къ муниципалитету съ предложеніемъ высказаться насчетъ цѣлесообразности такой мѣры. Такое предложеніе вызвало, конечно, жаркіе дебаты въ совѣтѣ, гдѣ, впрочемъ, въ защиту дѣйствій президента выступалъ только одинъ Момзенъ, которому одинъ изъ членовъ муниципалитета довольно язвительно замѣтилъ, что «изумительно, что глубокое изученіе древняго Рима и его учрежденій нисколько не способствовало, повидимому, усвоенію почтеннымъ историкомъ взглядовъ древнихъ римлянъ на свободу». Такъ или иначе, но муниципалитетъ постановилъ настаивать на своихъ правахъ и жаловаться министру внутреннихъ дѣлъ на самовольныя дѣйствія президента бранденбургской провинціи, который не имѣлъ права отказываться передать на утвержденіе императора вторичное избраніе Кауфмана. Вопросъ остается открытымъ, такъ какъ

муниципалитетъ рѣшительно отказывается произвести новые выборы, пока не будетъ извѣстно рѣшеніе императора. Чѣмъ разрѣшится этотъ конфликтъ, неизвѣстно, но онъ сильно волнуетъ берлинское общество, и одна изъ германскихъ консервативныхъ газетъ даже сочла нужнымъ предостеречь берлинскій муниципалитетъ, что онъ рискуетъ отмѣной хартіи, если будетъ продолжать фрондировать, какъ фрондировалъ до сихъ поръ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ берлинскій муниципалитетъ чествовалъ одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся членовъ, великаго Вирхова, который съ 1859 года состоитъ членомъ муниципальнаго управленія. Газеты полны были описаній чествованій восьмидесятилѣтней годовщины великаго германскаго ученаго и общественнаго дѣятеля. Со всего міра съѣхались ученые, чтобы принести свои поздравленія маститому юбиляру, который, несмотря на свой почтенный возрастъ, продолжаетъ дѣятельно работать въ области науки и принимаетъ такое же живое участіе въ политическихъ и соціальныхъ злобахъ дня. Вирховъ ни разу за все время своей долгой парламентской карьеры, не навлекъ на себя упрека въ слабости, въ измѣнѣ своимъ традиціямъ. Со времени своей поѣздки въ Силезію, въ 1848 г., куда онъ былъ командированъ, когда былъ еще очень молодымъ и неизвѣстнымъ врачомъ, для изслѣдованія причинъ эпидеміи голоднаго тифа, Вирховъ оставался все тѣмъ же проповѣдникомъ гуманитарныхъ идей и сторонникомъ соціальныхъ реформъ. Его отчетъ о поѣздкѣ въ Силезію пришелся не по вкусу правительству, такъ какъ былъ слишкомъ пропитанъ идеями 48-го года. Вирховъ впалъ въ немилость и, поэтому, долженъ былъ удалиться изъ Берлина и начать свою научную карьеру въ Вюрцбургѣ. Когда имя его начало гремѣть, благодаря его научнымъ открытіямъ и работамъ, Вирховъ вернулся въ Берлинъ, гдѣ занялъ въ 1856 году каѳедру профессора патологической анатоміи. Съ этого времени начинается также и его видная дѣятельность въ политической области, такъ какъ онъ становится однимъ изъ основателей и вождей прогрессистской партіи, которая впослѣдствіи превратилась въ партію свободомыслящихъ. Въ періодъ реакціонной политики Бисмарка Вирховъ былъ главнымъ оплотомъ оппозиціи и какъ прежде, такъ и до сихъ поръ, въ немъ воплощаются прогрессивныя стремленія германскаго народа и имя его является цѣлой программой партіи.

Юбилей Вирхова носилъ, конечно, необыкновенно блестящій и вполнѣ международный характеръ. Болѣе ничтожный характеръ имѣло лишь чествованіе, устроенное ему его политическими друзьями и единомышленниками. На этомъ пиру Вирховъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой, между прочимъ, разсказалъ, что въ одномъ изъ полученныхъ имъ писемъ по случаю юбилея, его упрекаютъ въ томъ, что онъ «носитъ ордена». Вирховъ пояснилъ, что онъ носитъ только орденъ, пожалованный ему императоромъ Фридрихомъ, да и то надѣваетъ его чрезвычайно рѣдко, хотя и питаетъ величайшее уваженіе къ этому монарху; насчетъ иностранныхъ орденовъ Вирховъ замѣтилъ, что онъ не считалъ себя въ правѣ отказываться, когда ихъ получалъ, «такъ какъ,— прибавилъ онъ,—мы живемъ въ свѣтѣ, въ которомъ надо соблюдать извѣстныя правила вѣжливости по отношенію къ другъ другу». Вирховъ вспоминалъ въ своей рѣчи разные эпизоды изъ своей политической жизни и закончилъ тостомъ за «свободную Германію, свободную въ работѣ и мышленіи».

Предъ самымъ началомъ вирховскихъ празднествъ въ Берлинѣ происходили засѣданія конгресса соединенныхъ женскихъ прогрессивныхъ союзовъ. Въ самомъ началѣ конгрессу пришлось натолкнуться на притѣсненія со стороны берлинской полиціи. Комитету конгресса удалось добиться разрѣшенія устраивать свои засѣданія въ зданіи рейхстага, и первое общее собраніе прошло благополучно. Но вслѣдъ за этимъ начались придирки полиціи. На второе собраніе публики явилось много, но собраніе долго не открывалось, такъ какъ не было

председательницы и членовъ комитета. Наконецъ, председательница явилась и объявила собравшимся, что ее задержалъ префектъ полиціи, призывавшій ее для объясненій и объявившій ей, что, такъ какъ конгрессъ союза женскихъ прогрессивныхъ обществъ представляетъ политическое собраніе, то на засѣданіяхъ его должны непремѣнно присутствовать два полицейскихъ офицера.

Такое распоряженіе префекта имѣло ту непріятную сторону, что оно вынуждало конгрессъ искать другое помѣщеніе для своихъ собраній, потому что правила рейхстага не допускаютъ присутствій полицейскихъ офицеровъ въ его стѣнахъ. Пришлось отложить засѣданіе, пока не будетъ найдено другое помѣщеніе, оно, впрочемъ, нашлось довольно скоро, но только и тутъ пришлось столкнуться съ полиціей. Когда члены конгресса явились въ новое помѣщеніе, то они нашли двери запертыми и у дверей—полицейскихъ, которые объяснили имъ, что, по закону, о каждомъ политическомъ собраніи надо увѣдомлять полицію сутками раньше, иначе собраніе не можетъ состояться. Насилу всѣ препятствія были устранены, и конгрессъ могъ уже продолжать свои занятія безъ перерыва, но въ присутствіи полицейскихъ офицеровъ.

«Наконецъ, мы имѣемъ надъ головами крышу!» сказала председательница союза въ первомъ же собраніи и просила членовъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не давать полиціи вмѣшиваться въ ходъ засѣданія.

Конгрессъ занимался самыми разнообразными вопросами. Особенный успѣхъ имѣли два доклада: «О политическомъ воспитаніи женщинъ» и «О совмѣстномъ воспитаніи половъ». Этотъ послѣдній докладъ возбудилъ весьма оживленныя пренія. Докладчица, фрейленъ Штёкеръ, доказывала, на основаніи различныхъ данныхъ, собранныхъ ею, что совмѣстное воспитаніе дешевле; что при такой системѣ легче поддерживается школьная дисциплина; что школа продолжаетъ лишь то, что начала семья; что ученіе идетъ успѣшнѣе и что умственное соревнованіе, вызываемое совмѣстными занятіями, уменьшаетъ чувство физическаго влеченія у обоихъ половъ въ періодъ наступленія зрѣлости. Въ заключеніе фрейлейнъ Штёкеръ предложила вотировать резолюцію, въ которой, между прочимъ, говорилось, что совмѣстное обученіе содѣйствуетъ повышенію нравственности мужчины и укрѣпленію брачныхъ узъ и семейной жизни.

Слѣдующее засѣданіе конгресса носило характеръ протеста противъ таможеннаго тарифа. Въ засѣданіяхъ конгресса участвовали и мужчины.

Профессоръ Кохъ и его противники. Рѣчь, произнесенная профессоромъ Кохомъ, на лондонскомъ антитуберкулезномъ конгрессѣ, произвела, какъ извѣстно, громадную сенсацію въ ученомъ мірѣ. У Коха явилось множество противниковъ, изъ которыхъ самый интересный, безъ сомнѣнія, это парижскій врачъ Гарно, предложившій себя профессору Коху для опыта. Онъ написалъ Коху письмо, въ которомъ заявилъ о своемъ желаніи подвергнуться прививкѣ туберкулезной бациллы скота и прибавилъ, что готовъ пріѣхать для этого въ Берлинъ. Въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ затѣмъ во французскихъ газетахъ, Гарно говоритъ, между прочимъ: «Я считаю нужнымъ еще разъ прибавить, что Кохъ, научно убѣжденный въ томъ, что туберкулезъ скота не передается человѣку, долженъ, какъ человѣкъ и какъ ученый, совершенно спокойно относиться къ этому опыту и, даже напротивъ, смотрѣть на него, какъ на благопріятный и въ то же время совершенно непредвидѣнный случай, который даетъ ему возможность доказать свою теорію самымъ неоспоримымъ образомъ. Я желаю прибавить еще слѣдующее: я питаю самое высокое уваженіе къ Коху, какъ къ ученому и нравственной личности. Если онъ и ошибается, какъ это думаютъ Нокаръ и др., то, во всякомъ случаѣ, онъ самымъ искреннимъ образомъ увѣренъ въ своей правотѣ и если бы даже опытъ окончился для меня дурно, то я все-таки не буду обвинять его».

Кохъ, однако, отказался отъ такого опыта надъ живымъ человѣкомъ и предложилъ Гарно, если онъ желаетъ на себѣ убѣдиться въ справедливости его теоріи, пить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ молоко отъ туберкулезныхъ коровъ. Говорятъ, будто Гарно согласился и рѣшилъ въ теченіе цѣлаго года пользоваться только молокомъ туберкулезнаго скота и затѣмъ черезъ каждые два мѣсяца, наперекоръ совѣту Коха, дѣлать себѣ прививку сильнаго туберкулезнаго яда. Конечно, Гарно своими письмами и переговорами съ Кохомъ вызвалъ много толковъ во французскихъ ученыхъ кружкахъ. Профессоръ Бруардель, возражавшій Коху на конгрессѣ, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ такого опыта. Во-первыхъ, по его мнѣнію, подобнаго рода эксперименты ровно ничего не доказываютъ, а во-вторыхъ—надо имѣть въ виду отвѣтственность, въ случаѣ, если опытъ кончится плохо. Какъ доказательство, что такіе опыты не могутъ имѣть серьезнаго значенія, Бруардель привелъ слѣдующій фактъ: Петеръ, съ удивительнымъ мужествомъ, далъ себѣ вымазать горло, ротъ и гортань дифтеритными перепонками и, однако, не заболѣлъ дифтеритомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ опытъ вовсе не доказываетъ, что дифтеритъ не заразительная болѣзнь, а только то, что организмъ Петера не воспріимчивъ къ дифтеритному яду. Не взирая на этотъ опытъ, мы продолжаемъ считать дифтеритъ очень заразительною болѣзнью. Что касается спеціальнаго случая доктора Гарно, то Бруардель говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Я думаю, что профессоръ Кохъ, можетъ быть, правъ, утверждая, что чистыя культуры туберкулеза рогатаго скота не могутъ быть перенесены съ животныхъ на человѣка, а потому вѣсьма вѣроятно, что докторъ Гарно не потерпѣлъ бы вреда отъ этого опыта. Но надо имѣть въ виду, что къ этимъ частымъ разводкамъ примѣшиваются другіе микробы, въ особенности тѣ, которые развиваются въ стойкахъ и встрѣчаются въ такихъ пищевыхъ веществахъ, какъ молоко, масло и мясо. Въ присутствіи этихъ бациллъ туберкулёзныя бациллы могутъ становиться особенно заразительными. Съ такими именно случаями мы и имѣемъ дѣло постоянно. Въ лабораторіяхъ же, гдѣ приготовляются чистыя культуры, дѣло обстоитъ иначе; вотъ почему я и говорю, что если бы даже исходъ опыта надъ докторомъ Гарно былъ бы благополученъ, то все же изъ этого нельзя было бы высти заключенія о незаразительности туберкулёза рогатаго скота для человѣка. Пастеръ много разъ говорилъ, что если на сотню отрицательныхъ опытовъ придется одинъ съ положительнымъ результатомъ, то именно этотъ опытъ надо считать рѣшающимъ!

Бруардель не сомнѣвается, что Кохъ, несмотря на свою увѣренность въ правильности своего взгляда, не рѣшится все-таки произвести опытъ надъ человѣкомъ. Бруардель ожидаетъ и гораздо большихъ результатовъ отъ экспериментовъ, которые будутъ произведены лордомъ Ластеромъ, въ распоряженіе котораго англійское правительство предоставило 2.000 фунтовъ для организаціи этихъ опытовъ, нежели отъ смѣлаго поступка доктора Гарно.

Любопытно. что въ числѣ противниковъ Коха нашелся одинъ, который даже обвинилъ его въ плагіатѣ. Это профессоръ Адами изъ Монреаля, который напечаталъ въ школьныхъ газетахъ, что теорія туберкулёза, изложенная Кохомъ на Лондонскомъ конгрессѣ, представляетъ лишь извлеченіе изъ статьи, написанной имъ, т.-е. Адами въ 1899 г. Содержаніе этой статьи было передано германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Монреалѣ берлинскому ферейну, во главѣ котораго находится профессоръ Кохъ, и такимъ образомъ Кохъ познакомился со взглядами Адами. На это Кохъ возразилъ слѣдующее въ разговорѣ съ однимъ американскимъ журналистомъ, который завелъ рѣчь объ обвиненіи Адами: «Я никогда не думалъ,—сказалъ Кохъ,—приписывать себѣ первенство или монополію высказанныхъ мною взглядовъ. Я только хотѣлъ разсказать о моихъ собственныхъ эксперимснтахъ».

Какъ бы тамъ ни было, но волненіе вызванное Кохомъ въ ученомъ мірѣ, послужитъ, конечно, толчкомъ къ новымъ опытамъ и изысканіямъ въ этой спорной области и, быть можетъ, результатами ихъ явится опять какая-нибудь новая теорія, разрушающая всѣ старыя построенія.

Полярныя экспедиціи. Судьба полярнаго путешественника лейтенанта Пири, о которомъ давно уже не было никакихъ извѣстій, возбуждала сильную тревогу въ послѣднее время, и всѣ, интересовавшіеся его участью, вздохнули съ облегченіемъ, узнавъ, что Пири здравъ и невредимъ и собирается провести четвертую зиму въ Гренландіи, такъ какъ онъ не отказывается отъ своего плана проникнуть изъ Гренландіи къ сѣверному полюсу. Извѣстіе объ этомъ появилось въ американскихъ газетахъ, но быстро облетѣло весь читающій міръ. Но участь другого полярнаго путешественника, Свердрупа, отправившагося къ сѣверному полюсу на своемъ кораблѣ «Фрамъ» въ 1898 г., такъ и остается неизвѣстной. Послѣднее извѣстіе о немъ было отъ 18-го августа 1899 г. и съ той поры ничего уже не было слышно ни о немъ, ни о его спутникахъ. Планы его также никому не были извѣстны въ точности. Говорили, что онъ хочетъ достигнуть сѣвернаго полюса на кораблѣ или на саняхъ и что онъ избралъ своимъ операціоннымъ базисомъ Смитъ-Зундъ. Позднѣе стали утверждать, что онъ вовсе не думаетъ пробираться къ сѣверному полюсу и хочетъ только объѣхать Гренландію съ сѣвера, чтобы опредѣлить протяженіе ея материка. Тѣ, кто знаетъ Свердрупа, отрицаютъ это послѣднее предположеніе и не сомнѣваются, что Свердрупъ желалъ достигнуть полюса, находясь всецѣло подъ впечатлѣніемъ путешествія Нансена, который дошелъ до полюса ближе, чѣмъ всѣ другіе путешественники. Еслибъ Свердрупъ поставилъ себѣ цѣлью только изслѣдованіе малоизвѣстныхъ береговъ сѣверной Гренландіи, то онъ бы могъ уже лѣтомъ этого года выйти въ восточное Гренландское море. Полярное судно «Erie», привезшее извѣстіе о Пири, не встрѣчало Свердрупа и ничего не могло сообщить о немъ, такъ что, очевидно, Пири, хотя онъ тоже находится въ сѣверной части Гренландіи, не видѣлся съ Свердрупомъ и не зналъ, гдѣ онъ.

Относительно судьбы Свердрупа можно дѣлать теперь только одни предположенія и въ Норвегіи уже серьезно обсуждается вопросъ, не слѣдуетъ ли весною отправить экспедицію на поиски за отважнымъ путешественникомъ. Свердрупъ разсчитывалъ пробыть въ отсутствіи три года. Срокъ этотъ уже окончился недавно и поэтому-то вопросъ о его возвращеніи начинаетъ вызывать безпокойство. Правда, Свердрупъ взялъ съ собою запасовъ на пять лѣтъ, но кто знаетъ—остались ли у него эти запасы! Такъ или иначе, но судьба каждаго полярнаго путешественника, если о немъ не получается извѣстій, по истеченіи извѣстнаго срока, всегда возбуждаетъ тревожныя сомнѣнія и невольно въ памяти возникаетъ длинный списокъ жертвъ страшной полярной ночи и стужи.

По инициативѣ герцога Абруццскаго, у мыса Флоры, на землѣ Францъ Іосифа сооружается теперь памятникъ тремъ жертвамъ экспедиціи «Stella polare», пропавшимъ безъ вѣсти въ прошломъ году. Надежды на то, что они еще могутъ вернуться, не существуетъ больше и тайна ихъ участи врядъ ли когда-нибудь разъяснится. Въ полярной области существуетъ уже не мало такихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь людей, погибшихъ въ борьбѣ съ стихійными силами полярной природы; однимъ изъ первыхъ былъ поставленъ памятникъ, напоминающій о гибели франклиновской экспедиціи. Островъ Бичи, на которомъ находится этотъ памятникъ, вообще изобилуетъ могилами многихъ полярныхъ путешественниковъ. На противоположной сторонѣ полярной области, въ пустынной дельтѣ Лены возвышается огромный деревянный крестъ въ память

молодого Де-Лонга и его товарищей, которые добрались сюда послѣ гибели «Жанетты» и тутъ нашли могилу послѣ страшныхъ мученій. На Шпицбергенѣ также много могилъ и также воздвигнуто много памятниковъ, а на Датскомъ островѣ поставлена прошлогоднею шведскою градусною экспедиціей огромная доска съ надписью, напоминающая безумно смѣлую попытку Андре. Эту доску также можно причислить къ арктическимъ памятникамъ. Въ іюлѣ этого года исполнилось четыре года со времени знаменитаго полета Андре. Крайній срокъ, который самъ Андре назначилъ для своего возвращенія, истекъ и насчетъ участи его не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній. Недавно сотрудникъ одной американской газеты, посѣтилъ его старуху-мать, которая живетъ съ дочерью, Эмелиной Шпанбергъ, въ маленькомъ шведскомъ городкѣ Гренна. Замѣчательно, что ни мать, ни сестра Андре до сихъ поръ еще не потеряли надежды на его возвращеніе. Ежедневно онѣ убираютъ его комнату, ту самую, въ которой онъ обрабатывалъ свой безумный планъ, и приготовляютъ все къ его пріѣзду. Ничто не можетъ заставить ихъ потерять надежду, которая ихъ поддерживаетъ; что бы имъ ни говорили, онѣ неизмѣнно отвѣчаютъ: «Онъ живъ и вернется!» Матери Андре теперь уже около 70 лѣтъ, но она выглядитъ гораздо моложе, благодаря сохранившейся живости глазъ и свѣжему лицу.

Институтъ Нобеля въ Норвегіи. Въ этомъ году, десятаго декабря, должна произойти первая раздача пяти премій, учрежденныхъ покойнымъ изобрѣтателемъ динамита Нобелемъ. Преміи эти присуждаются за научныя и литературныя работы и за труды на пользу всеобщаго мира. Нобелевскія коммиссіи, избранныя парламентомъ и стокгольмскою академіей, давно уже занимаются разсмотрѣніемъ правъ различныхъ кандидатовъ на полученіе этихъ премій. Выбрать изъ этого длиннаго списка пять достойнѣйшихъ, разумѣется, не легко и поэтому то шведская коммиссія, для облегченія этой задачи, учредила особенный институтъ изъ разныхъ ученыхъ и другихъ лицъ, которые должны разсматривать и опредѣлять значеніе различныхъ ученыхъ трудовъ, изобрѣтеній и т. п., на которыхъ основываются права кандидатовъ на полученіе премій Нобеля, достигающихъ каждая въ отдѣльности суммы почти въ 200.000 марокъ.

Норвегія также послѣдовала примѣру Швеціи. Норвежская нобелевская коммиссія, которая должна присудить премію мира тому, кто больше всего содѣйствовалъ распространенію идеи братства народовъ и уничтоженію войны, а также сокращенію войскъ и распространенію конгрессовъ мира, также собирается учредить институтъ Нобеля для разсмотрѣнія правъ кандидатовъ. Но по мысли основателей этого учрежденія, новый институтъ не долженъ ограничиваться только этою задачей; онъ долженъ будетъ вообще служить идеѣ мира и поддерживать ея пропаганду, а также распространеніе гуманитарныхъ идей среди современнаго человѣчества. Въ этомъ институтѣ мира, который будетъ постояннымъ учрежденіемъ въ столицѣ Норвегіи, ученые всѣхъ націй и друзья мира найдутъ поддержку въ распространеніи своихъ идей путемъ лекцій или печатныхъ произведеній. Какъ и всѣ прочія нобелевскія учрежденія, такъ и новый нобелевскій институтъ имѣетъ основной капиталъ въ 300.000 марокъ, да еще, кромѣ того, въ пользу каждаго изъ этихъ учрежденій отчисляется четверть суммы, составляющей премію. Что касается присужденія премій, то на этотъ счетъ соблюдается строжайшая тайна. Никому неизвѣстны имена кандидатовъ и притомъ никто самъ не можетъ выставить свою кандидатуру, а это поручается ученымъ обществамъ, академіямъ и т. д.

Нобелевская коммиссія уже начала переговоры въ настоящее время о покупкѣ зданія, которое должно будетъ служить резиденціей новаго нобелевскаго института для пропаганды мира. Въ Швеціи, однако, отнеслись далеко не со-

чувственно къ этой идеѣ учрежденія въ Христіаніи международнаго института мира. Противники этого проекта выставляютъ на видъ, что выполненіе его потребуетъ большихъ финансовыхъ затратъ, между тѣмъ какъ результаты далеко не будутъ соотвѣтствовать имъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ они указываютъ на другое такое же учрежденіе, — гаагскую конференцію мира, результаты которой оказались, однако, весьма ничтожными. Нѣкоторыя ученыя общества, даже въ самой Норвегіи, высказываются противъ открытія подобнаго института мира, указывая на его безполезность и предлагаютъ употребить деньги, завѣщанныя Нобелемъ, на какое-нибудь другое дѣло, хотя и не вполнѣ отвѣчающее мысли завѣщателя, но все-таки приносящее пользу человѣчеству.

Однако, всѣ эти возраженія ученыхъ и политическихъ дѣятелей остались безъ вліянія на рѣшеніе нобелевской коммиссіи, тѣмъ больше, что учрежденіе подобнаго международнаго института мира вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ Альфреда Нобеля, который предоставляетъ пяти корпораціямъ, выбраннымъ для присужденія премій (литературной, химической, физической, медицинской и корпорацій мира) учредить для своихъ цѣлей свои собственные институты, на содержаніе и устройство которыхъ отчисляется фондъ въ 300.000 кронъ. 1-го октября этого года уже началъ свою дѣятельность международный литературный институтъ, учрежденный нобелевскою литературатурною коммиссіей. Относительно международнаго института мира дѣло стоитъ нѣсколько иначе, такъ такъ дѣятельность этого института должна будетъ носить агитаторскій характеръ, не имѣющій прямого отношенія къ присужденію преміи мира. Это обстоятельство и служитъ главною основою всѣхъ возраженій, которыя дѣлаются противъ учрежденія международнаго института мира.

Любопытнѣе всего, что рядомъ съ этими стремленіями организовать на болѣе правильныхъ и дѣйствительныхъ основаніяхъ пропаганду мира, въ Швеціи и Норвегіи, совершенно также какъ и въ другихъ маленькихъ государствахъ Европы (Голландіи, Бельгіи и др.), особенно большое вниманіе обращается на военные вопросы и проекты военной реорганизаціи; оба парламента дѣятельно занимаются этимъ. Шведское правительство уже три года тому назадъ назначило коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о національной оборонѣ и теперь эта коммиссія представила свой докладъ и схему реформъ, которыя, по ея мнѣнію, необходимо произвести въ военной организаціи государства. Докладъ коммиссіи вызвалъ полемику въ печати, такъ какъ, безъ сомнѣнія, если онъ будетъ принятъ, то это должно будетъ отразиться на соціальныхъ условіяхъ страны и увеличить ея финансовое бремя. Военные расходы должны будутъ возрасти вдвое и сумма военнаго бюджета дойдетъ почти до 60 милліоновъ кронъ, что составляетъ значительную часть національнаго дохода.

Погребенные города. Англійскія газеты сообщаютъ, что путешественникъ докторъ Штейнъ, недавно вернувшійся въ Индію изъ своей экспедиціи въ китайскій Туркестанъ, сдѣлалъ въ этой области чрезвычайно важныя и интересныя открытія, бросающія свѣтъ на исторію и цивилизацію страны, которая теперь представляетъ песчаную пустыню, но 2.000 лѣтъ тому назадъ была цвѣтущею страной. «Въ пескахъ этой пустыни погребены цѣлые города,—сказалъ докторъ Штейнъ одному англійскому журналисту, посѣтившему его,—и тщательное изслѣдованіе скульптуры, фресковъ, разной домашней утвари и т. п. вещей, извлеченныхъ изъ храмовъ и домовъ, погребенныхъ въ пескѣ, безъ всякаго сомнѣнія, дастъ возможность познакомиться съ цивилизаціей страны, служившей связующимъ звеномъ между древнимъ Китаемъ и Индіей и классическимъ Западомъ, и сыгравшей въ этомъ отношеніи важную роль въ

исторіи человѣчества. Безплодная, мертвая пустыня эта была нѣкогда населена и изобиловала множествомъ поселеній и городовъ. Но движущіяся песчаныя дюны скрыли всякіе слѣды культуры и жизни и мало-по-малу исчезло даже воспоминаніе о цвѣтущихъ городахъ. Только теперь, въ первый разъ, пустыня раскрываетъ свои тайны. Современные жители, обитающіе на ея границахъ, не рѣшались до сихъ поръ нарушать покой этихъ погребенныхъ въ пескахъ городовъ, такъ какъ мертвая пустыня внушаетъ имъ суевѣрный страхъ. Я былъ пораженъ тѣмъ, что погребенныя въ пескѣ города встрѣчаются въ пустынѣ довольно далеко отъ ея границъ, то-есть отъ населенныхъ мѣстностей и, мнѣ кажется, это указываетъ на то, что границы пустыни расширились и она постепенно раздвигала ихъ, въ то время какъ ея движущіяся пески поглощали культурныя земли и скрывали все подъ своимъ песчанымъ однообразнымъ покровомъ. Суевѣрный страхъ, который внушаетъ безжизненная пустыня всѣмъ пограничнымъ кочующимъ племенамъ, и трудности, съ которыми сопряжено путешествіе по ней, вслѣдствіе отсутствія воды, больше всего, вѣроятно, способствовали сохраненію въ неприкосновенности древнихъ памятниковъ цивилизаціи. Только теперь, по иниціативѣ индійскаго правительства и на его счетъ произведены систематическія раскопки и изслѣдованія въ китайскомъ Туркестанѣ, доказавшія, что жители этой области обладали культурой, вѣроятно въ значительной степени заимствованной изъ Индіи, и были буддистами. Я лично, производя раскопки въ этихъ погребенныхъ въ пескѣ городахъ, пришелъ къ убѣжденію, что жители ихъ стояли на высокой степени культуры и что въ произведеніяхъ искусства у нихъ можно найти слѣды вліянія классической культуры Греціи и Рима, несмотря на дальность разстоянія, отдѣляющаго этотъ міръ отъ древняго европейскаго классическаго міра; Хотанъ лежитъ, быть можетъ, на половинѣ пути между Пекиномъ и западною Европой. Важнѣйшія раскопки были сдѣланы много въ одномъ мѣстѣ, въ самомъ сердцѣ пустыни, гдѣ я нашелъ поселеніе, занимающее пространство въ шесть и четыре мили. Я приступилъ къ раскопкамъ на этомъ мѣстѣ, потому что замѣтилъ цѣлый рядъ полуразрушенныхъ балокъ, которыя виднѣлись въ пескѣ дюнъ. Несмотря на интересъ, вызванный этими раскопками, я не могъ всетаки не сознавать, что и на меня дѣйствуетъ окружающая обстановка, безмолвіе пустыни и эти памятники былой жизни, скрытые въ пескахъ. Мнѣ казалось, что я совершаю какое-то святотатство, нарушая покой этихъ мертвецовъ. Въ высшей степени интересную находку представляли кучи документовъ, найденныя мною возлѣ нѣкоторыхъ разрушенныхъ домовъ, которые, вѣроятно, служили жилищемъ оффиціальнымъ лицамъ деревни. Эти документы заключались въ деревянныхъ дощечкахъ, очень искусно вырѣзанныхъ, связанныхъ вмѣстѣ и запечатанныхъ. Вслѣдствіе особенныхъ свойствъ песка, документы эти сохранились въ цѣлости, чернила даже не выцвѣли, а печать и перевязь сохранились въ такой неприкосновенности, что можно было подумать, что эти рукописи, пролежавшія въ пескѣ многія сотни лѣтъ, были только вчера написаны. Документы написаны древнимъ индійскимъ шрифтомъ и, конечно, понадобится не мало труда, чтобы разобрать его. Въ этихъ документахъ, вѣроятно, заключается много въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній о сельской жизни въ древнія времена. Въ другихъ погребенныхъ городахъ, менѣе древняго происхожденія, я также нашелъ много папирусовъ на санскритскомъ, китайскомъ и тибетскомъ языкахъ, но ни разу мнѣ не пришлось наткнуться на совершенно неизвѣстныя мнѣ письмена. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на меня то, что почти у каждаго изъ погребенныхъ въ пескѣ домовъ мы находили маленькіе садики, огороды и цвѣтники, съ правильно разбитыми дорожками, грядами и клумбами. Очевидно, жители съ любовью занимались ими. Странно было находить подъ толстымъ слоемъ песка груды опавшихъ листьевъ, многія сотни лѣтъ тому назадъ сва-

лившіеся съ деревьевъ и засыпанные пескомъ. Деревья, находимыя въ садахъ, принадлежали къ тѣмъ же породамъ, которые и теперь встрѣчаются въ садахъ Туркестана; это были большею частью тополи, персики, тутовыя и абрикосовыя деревья. Никакихъ признаковъ того, что эти города были покинуты жителями внезапно, вслѣдствіе какой нибудь неожиданной катастрофы, я нигдѣ не могъ найти. Скорѣе можно предположить, что движущіеся пески и усиливающіяся затрудненія при орошеніи заставили жителей, въ виду приближенія грозной пустыни, бѣжать изъ своихъ жилищъ. Пустыня, постепенно надвигаясь, скоро скрыла всякіе слѣды жизни подъ своимъ своеобразнымъ покровомъ, и только въ новѣйшія времена путешественники случайно наткнулись на этихъ, погребенныхъ въ пескахъ, безмолвныхъ свидѣтелей древней культуры».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Разница въ уголовной отвѣтственности мужчинъ и женщинъ.—Послѣдняя статья Вальтера Безанта.—Идеальная школа по мысли одного американскаго профессора.—Фотографированіе дикихъ животныхъ.

Профессоръ судебной медицины бордосскаго университета Морашъ доказываетъ въ очень убѣдительной статьѣ, въ журналѣ «La Revue», что уголовная отвѣтственнность женщины и мужчины не должна быть одинакова, между тѣмъ законъ относится къ женщинѣ-преступницѣ совершенно такъ же, какъ и къ мужчинѣ преступнику, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда она бываетъ беременна. Если женщина умалчиваетъ почему-либо объ этомъ обстоятельствѣ, то ни общество, ни правосудіе нисколько этимъ не интересуются и предоставляютъ погибать двумъ жизнямъ, вмѣсто одной, которая требуется закономъ, какъ искупленіе преступленія. «Въ уголовномъ отношеніи женщина становится равной мужчинѣ», говоритъ Морашъ, но такъ ли это въ дѣйствительности? Число женщинъ превышаетъ число мужчинъ; во Франціи, впрочемъ, меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, но цифры преступности далеко не одинаковы: на пять преступленій—четыре совершаются мужчинами и только одно женщинами. Оставляя даже въ сторонѣ преступленіе дѣтоубійства, отвѣтственность за которое всецѣло ложится на мужчину, какъ на главнаго виновника этого преступленія, и разсматривая лишь обыкновенныя преступленія, мы можемъ видѣть, что на 2.954 преступныхъ мужчинъ приходится всего лишь 211 преступныхъ женщинъ. Итакъ, женщина въ 14 разъ менѣе преступна, нежели мужчина. Эти факты, которые не отрицаются только потому, что ихъ нельзя отрицать, объясняются криминалогами весьма различно. Говорятъ, напримѣръ, что физическая организація женщины не пригодна для того насилія, которое характеризуетъ большинство преступныхъ актовъ; женщина не создана для преступленій, совершаемыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, для грабежа и взлома, но затѣмъ прибавляетъ, что если женщина матеріально не участвуетъ въ преступленіи, то, во всякомъ случаѣ, она его подсказываетъ и извлекаетъ изъ него выгоды; въ нравственномъ отношеніи именно ее слѣдуетъ считать авторомъ преступленія, тѣмъ болѣе виновнымъ, что она остается въ тѣни и наноситъ ударъ чужою рукой. Однимъ словомъ тутъ повторяется поговорка: «En tout crime cherchez la femme» (во всякомъ преступленіи ищите женщину).

Итальянская школа также признаетъ, что съ матеріальной точки зрѣнія, женщина менѣе преступна, нежели мужчина, но объясняетъ это довольно курьезнымъ образомъ: преступникъ воруетъ и убиваетъ, чтобы достать себѣ денегъ, не прибѣгая для этого къ работѣ; деньги же доставляютъ ему воз-

можность предаваться праздности и наслажденіямъ. У женщины же есть болѣе простой способъ достигнуть той же самой цѣли, т.-е. добыть деньги, не прибѣгая къ труду—она можетъ торговать собой. Если въ той же самой соціальной группѣ прибавить число преступницъ къ числу продажныхъ женщинъ, то получится цифра мужской преступности.

По мнѣнію, Мораша эта теорія парадоксальна и грѣшитъ въ самой своей основѣ. Онъ находитъ, что духовная организація женщины, также какъ и физическая, совсѣмъ иная и съ психической точки зрѣнія ее ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить на одну доску съ мужчиной. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она выше его, въ другихъ ниже. Она чувствуетъ иначе, думаетъ иначе и поступаетъ иначе. Во всемъ рѣшительно она совсѣмъ другая, нежели мужчина, и потому къ ней ни въ какомъ случаѣ нельзя прилагать тѣхъ же самыхъ принциповъ правосудія. По этимъ причинамъ положеніе женщины въ уголовномъ отношеніи должно послужить предметомъ серьезныхъ размышленій и изслѣдованій. Необходимо наблюдать факты, но наблюдать ихъ въ качествѣ біолога, вооруженнаго всѣми тѣми научными данными, которыя доставляетъ ему современный прогрессъ науки, и въ качествѣ психолога, вполнѣ безпристрастнаго, но убѣжденнаго въ томъ, что доброта и снисходительность не исключаютъ истины и справедливости.

«Должны ли законы будущаго носить двойственный характеръ и существовать отдѣльные законы для женщинъ и мужчинъ? Конечно нѣтъ, — говоритъ Морашъ въ заключеніе.—Это было бы излишне и было бы непрактично. Но на ряду съ соціальнымъ прогрессомъ, который долженъ составить величайшую и главнѣйшую цѣль изъ всѣхъ тѣхъ цѣлей, которымъ будетъ посвящена дѣятельность людей XX вѣка, мы можемъ надѣяться, что и женщина извлечетъ выгоду изъ психобіологическихъ изысканій, которыми занимаются теперь люди науки. Тогда поймутъ, что женщина совсѣмъ другая, нежели мужчина и что ее нельзя поставить ни выше, ни ниже мужчины и что никакое сравненіе между ними невозможно. Соединившись съ мужчиной и вступая съ нимъ вмѣстѣ въ союзъ для борьбы за существованіе, женщина создаетъ вмѣстѣ съ нимъ семейную группу, въ которую она вноситъ свойственные ей элементы, въ той же степени какъ и мужчина. Если же она нарушаетъ соціальные законы, которые въ принципѣ существуютъ для всѣхъ, то все-таки она должна быть судима, какъ женщина и случай, ея касающійся, надо разсматривать безъ всякаго предубѣжденія и съ точки зрѣнія науки не слѣдуетъ забывать, что всѣ періоды своей жизни женщина подвержена перемѣнамъ и нравственнымъ и физическимъ пертурбаціямъ. Итакъ, не надо создавать спеціальныхъ законовъ для женщинъ, но примѣняя къ ней существующіе законы, надо помнить, что она—женщина».

Въ «North American Review» помѣщена посмертная статья Вальтера Беданта—вѣроятно послѣдняя, которую онъ написалъ въ своей жизни. Эта статья называется «The Burden of Twentieth Century» («Бремя двадцатаго столѣтія») и въ ней авторъ выражаетъ свое мнѣніе о дѣятельности XIX вѣка и о тѣхъ задачахъ, которыя предстоитъ завершить XX вѣку. Въ этомъ отношеніи Вальтеръ Безантъ первое мѣсто отводитъ просвѣщенію. Въ каждой странѣ правительство должно, прежде всего, заботиться о выполненіи этой главной задачи. Надо учить народъ понимать свои права и умѣть пользоваться ими. Обученіе гражданскимъ обязанностямъ должно производиться серьезно и должно быть всегда на первомъ планѣ. Способнымъ, умнымъ и человѣколюбивымъ молодымъ людямъ долженъ быть открытъ свободный доступъ во всѣ карьеры, закрытыя для нихъ до сихъ поръ вслѣдствіе ихъ бѣдности. Конечно, теоретически или номинально всѣ профессіи открыты для нихъ, но у дверей каждой изъ этихъ

профессій стоитъ стражъ, протягивающій руку и требующій уплаты; если вы не можете уплатить — уходите обратно. «Надо изобрѣсти или открыть такую систему воспитанія, — говоритъ Безантъ, которая достаточно будетъ широка и эластична, чтобы охватить не только умныхъ и честолюбивыхъ, но и такихъ людей, которые предназначаются для занятія ремеслами, промышленностью всякаго рода и искусствами. Эта система воспитанія должна сдѣлать изъ всѣхъ изъ нихъ хорошихъ гражданъ, понимающихъ свой гражданскій долгъ и готовыхъ выполнить свои гражданскія обязанности».

Затѣмъ, Вальтеръ Безантъ находитъ, что XIX вѣкъ оставилъ на долю XX вѣку трудную задачу урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ и организаціи труда на болѣе справедливыхъ началахъ. Девятнадцатый вѣкъ организовалъ борьбу съ алькоголизмомъ и отмѣнилъ многіе грубые виды спорта, которымъ развлекались наши предки. Въ то же время онъ ввелъ въ систему физическое воспитаніе; XX вѣкъ долженъ продолжать дѣло въ этомъ же направленіи. Организаціи благотворительности, правосудія и т. д. на болѣе гуманныхъ и широкихъ началахъ должна быть выполнена XX вѣкомъ, такъ какъ тутъ остается сдѣлать еще очень много; необходимо также провести реформы въ законодательствѣ, намѣченныя предшествовавшимъ вѣкомъ и развить ихъ дальше. Въ заключеніе Вальтеръ Безантъ даетъ волю своей фантазіи и рисуетъ картину океанскихъ путешествій въ XX вѣкѣ. Въ XIX вѣкѣ скорость хода судовъ была увеличена съ шести-восьми узловъ въ часъ до 25 или 30. Но «корабль будущаго» пойдетъ въ этомъ направленіи еще дальше. Онъ будетъ имѣть форму, напоминающую утку и будетъ скользить по поверхности воды, приводимый въ движеніе электрическими винтами, имѣющимъ форму крыльевъ. Скорость такого судна будетъ не тридцать узловъ, а полтораста и оно будетъ проходить разстояніе отъ Ливерпуля до Нью-Іорка во столько же дней, во сколько теперь можно совершить путь отъ Лондона до Марселя.

Профессоръ Стэнли Галлъ, президентъ университета Клеркъ, печатаетъ въ американскомъ журналѣ «Forum» статью, въ которой излагаетъ свой взглядъ на воспитаніе дѣтей. Статья его озаглавлена: «Идеальная школа, основанная на изученіи ребенка». Онъ говоритъ, что еслибъ только онъ могъ найти милліонера, который доставилъ бы ему необходимыя средства, то онъ въ теченіе пяти лѣтъ организовалъ бы совершенно новую систему воспитанія, на новыхъ и оригинальныхъ основаніяхъ. По его мнѣнію, чрезмѣрное ученіе ослабило умственныя способности людей, и поэтому школа должна положить себѣ цѣлью продленіе дѣтства и отрочества и содѣйствіе правильному и здоровому развитію физическихъ и нравственныхъ силъ. «Мы должны избавиться отъ фетишизма по отношенію къ азбукѣ, таблицѣ умноженія, грамматикѣ и т. д.—говоритъ онъ.— Мы должны помнить, что Карлъ Великій и много другихъ великихъ людей не умѣли читать»... На этомъ основаніи, почтенный профессоръ въ особенности возстаетъ противъ ранняго обученія чтенію и письму. Онъ говоритъ, что, прежде всего, надо упражнять память устнымъ образомъ и отводить большое мѣсто рисованію. Въ особенности же онъ находитъ нецѣлесообразнымъ заставлять дѣтей писать сочиненія на заданныя темы. Дѣти могутъ писать о томъ, что они хорошо знаютъ и что они прочувствовали и поэтому всѣ темы и сочиненія должны строго ограничиваться тою областью, которая хорошо извѣстна дѣтямъ и возбуждаетъ ихъ интересъ. Тогда ужъ они сами найдутъ подходящія слова для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, но чтеніе и письмо не слѣдуетъ начинать раньше восьми лѣтъ. Въ идеальной школѣ, которую почтенный профессоръ хотѣлъ бы создать съ помощью какого-нибудь великодушнаго милліонера, первоначальная система воспитанія до восьмилѣтняго возраста ограничивалась бы разсказами различныхъ исторій, легендъ, сказокъ и т. д. Періодъ же съ восьми

до двѣнадцати лѣтъ долженъ быть посвященъ упражненію въ чтеніи и письмѣ и постепенному пріученію къ занятіямъ въ школѣ. Далѣе профессоръ подробно развиваетъ свою программу ученія, причемъ онъ высказывается противъ одинаковой системы воспитанія мальчиковъ и дѣвочекъ. Хотя въ развиваемыхъ имъ взглядахъ не заключается ничего особенно новаго и оригинальнаго, такъ какъ въ послѣднее время въ Европѣ во многихъ странахъ дѣлаются опыты въ этомъ направленіи и организуются школы на совершенно новыхъ началахъ, но, тѣмъ не менѣе, его изображеніе идеальной школы все-таки заслуживаетъ вниманія и если даже онъ не найдетъ милліонера, который поможетъ ему осуществить его идею первой школы, многіе родители и педагоги могутъ все-таки воспользоваться нѣкоторыми его указаніями и его схемой въ особенности для первоначальнаго воспитанія.

Одинъ изъ крупныхъ американскихъ издателей, Хетчинсонъ, задумалъ, по словамъ «Hamburger Nachrichten», издать очерки по зоологіи, иллюстрированные фотографіями животныхъ снятыми прямо съ натуры и въ той обстановкѣ, въ которой живутъ эти животныя. Въ теченіе многихъ лѣтъ, и въ такихъ мѣстахъ, куда рѣдко вступаетъ нога человѣка и гдѣ еще ни разу не появлялся фотографическій аппаратъ, путешественники и охотники дѣлали по предложенію издателя фотографическіе снимки съ животныхъ, въ ихъ естественной обстановкѣ. На далекихъ островахъ Тихаго океана, въ Австраліи, въ джунгляхъ Индіи, въ южно африканскихъ степяхъ и т. д. Жизнь фотографовъ не разъ подвергалась серьезной опасности, въ то время, когда они старались запечатлѣть на фотографической пластинкѣ образъ котораго нибудь изъ своихъ страшныхъ враговъ, льва, тигра, пантеру, слона, бегемота, крокодила, гориллу и т. д., въ родной для нихъ средѣ и привычной обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи изданіе Хетчинсона «Leving Animals of the World» дѣйствительно представляетъ своего рода «unicum». «Надо мною подсмѣивались, когда я впервые изложилъ свой планъ изданія зоологіи, иллюстрированный снимками съ животныхъ въ ихъ родной средѣ и среди ихъ обычной обстановки, —говоритъ Хетчинсонъ,—никто не считалъ возможнымъ выполненіе этого плана. Однако, теперь онъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на громадныя затрудненія и опасности. Смѣлость людей, взявшихся выполнить это трудное дѣло преодолѣла все. Не говоря уже о трудностяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжено было фотографированіе дикихъ звѣрей—это понятно само собой—фотографированіе другихъ животныхъ, далеко не столь страшныхъ и опасныхъ для человѣка, все-таки сопряжено было съ громадными затрудненіями, которыя приходилось преодолѣвать фотографамъ-любителямъ. Не легко было, напримѣръ, снимать фотографіи съ акулъ, кита и вообще съ рыбъ, находящихся въ своей естественной средѣ».

Большую помощь въ подготовкѣ этого научнаго труда оказалъ Хетчинсону лордъ Деламеръ, спортсменъ и охотникъ. Въ сопровожденіи двухъ европейцевъ и около 200 туземцевъ, Деламеръ отправился въ малоизвѣстныя области восточной части центральной Африки и пробылъ тамъ два года и въ этотъ промежутокъ времени онъ снялъ фотографіи съ множества звѣрей, которыхъ обыкновенно приходится видѣть и наблюдать только за рѣшеткою звѣринцевъ. Кромѣ этихъ снимковъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ, въ распоряженіе Хетчинсона были предоставлены фотографическіе снимки изъ различныхъ зоологическихъ садовъ. Вообще у Хетчинсона были сотрудники во всемъ мірѣ, старавшіеся доставить ему снимки для его изданія. «Сознаюсь,—говоритъ Хетчинсонъ,—что я не могу не питать безграничнаго восхищенія къ мужеству человѣка, который съ необычайнымъ хладнокровіемъ наводитъ свою фотографическую камеру на какого-нибудь хищника, льва или тигра и, не взирая на опасность, нажимаетъ кнопку. Однажды, напримѣръ, экспедиція лорда Деламера отправи-

лась на поиски за львомъ-людоѣдомъ. Фотографъ ѣхалъ впереди, верхомъ на пони. Это было по дорогѣ въ Уганду, въ область, которая носила названіе «львинаго лагеря!» Всѣ глаза зорко высматривали льва, какъ вдругъ изъ-за кустовъ показалась голова великолѣпнаго хищника, который смотрѣлъ на общество охотниковъ горящими глазами. Фотографъ тотчасъ же подумалъ: «Какъ бы хорошо снять его!» и не долго думая, соскочилъ съ пони и побѣжалъ со своимъ аппаратомъ по направленію къ кустарнику, чтобы фотографировать льва. Онъ установилъ свой аппаратъ на разстояніи 150 ярдовъ. Мы смотрѣли на его приготовленія съ явнымъ изумленіемъ, но когда фотографъ накрылъ голову сукномъ, то левъ началъ безпокоиться, фотографъ также. Но снимокъ былъ сдѣланъ. Левъ, однако, не обнаруживалъ, никакихъ враждебныхъ намѣреній; онъ только хотѣлъ перемѣнить мѣсто. Быть можетъ, онъ думалъ, что въ профиль онъ будетъ выглядѣть лучше. Дѣйствительно онъ повернулся къ фотографу профилемъ и тотъ во второй разъ снялъ его. Послѣ того левъ медленно и величественно направился къ фотографу, который, конечно, поторопился бѣжать. Но льву видимо хотѣлось только посмотрѣть поближе машину, которая возбудила его любопытство и, удовлетворивъ его, онъ пошелъ обратно, фотографъ же вернулся и снялъ его въ третій разъ. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи лорда Деламера вздумалъ было фотографировать носорога на близкомъ разстояніи, но едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, когда чудовище набросилось на фотографическую камеру и растоптало ее».

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Электрическія колебанія и телеграфія безъ проволоки. Очеркъ доктора Бернарда Дессау въ Болоньи.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

Столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ оптическій телеграфъ братьевъ Шаппъ (Chappe) праздновалъ свои первые тріумфы. За Парижемъ и Лиллемъ, которые первые воспользовались новымъ способомъ сообщенія, послѣдовали скоро многіе другіе города, и «Journal des Débats» могъ въ 1829 году занести, какъ особенный успѣхъ, то, что извѣстіе о смерти папы Пія VIII, передача котораго изъ Рима въ Тулонъ потребовала 80 часовъ, дошло изъ Тулона въ Парижъ въ 4 часа. Но уже дни оптическаго телеграфа были сочтены. Въ электрическихъ телеграфахъ для нихъ возникъ соперникъ, который послѣ первыхъ неувѣренныхъ опытовъ уже въ 1833 году выступилъ изъ тиши кабинета Гаусса и Вебера въ толкотню практической жизни и развился съ неожиданной быстротой въ могущественный способъ сообщенія; его предшественнику остались только сигнальныя сообщенія у береговъ и контроль [желѣзнодорожнаго сообщенія, тогда какъ электрическая проволока въ быстромъ, побѣдоносномъ движеніи проникала все дальше и дальше и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій обвила весь земной шаръ. Скоро, однако, послышались голоса, которые признавали электрическую проволоку неудобнымъ, хотя и на первыхъ порахъ необходимымъ посредникомъ, считая ее скорѣе препятствіемъ, чѣмъ союзникомъ для дальнѣйшаго прогресса. Даже Штейнгейль, одинъ изъ піонеровъ электрическаго телеграфа, высказывалъ уже сожалѣніе, что мы не снабжены органомъ, который служилъ бы для воспріятія впечатлѣній электричества, какъ глазъ нашъ служитъ для воспріятія впечатлѣній свѣта. Такого рода органъ, говорилъ Штейнгейль, далъ бы намъ возможность передавать электрическіе знаки на любыя разстоянія безъ посредства проволочныхъ проводниковъ. Никогда поэтому не было недостатка въ попыткахъ осуществить такую безпроволочную передачу и замѣнить недостающій органъ искусственными средствами, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришло извѣстіе, что итальянецъ *Маркони* рѣшилъ эту задачу, что способъ непосредсвенной передачи тока въ видѣ электрическихъ колебаній найденъ, и что органъ, способный воспріять эти колебанія, существуетъ, былъ даже давно извѣстенъ, только не былъ правильно оцѣненъ. Должны ли мы проникнуться мыслью, что начало нынѣшняго столѣтія, подобно началу предшествующаго, составитъ эпоху въ способахъ сообщенія вѣстей, что электрическая проволока окончательно выполнила свое на-

значеніе, какъ посредникъ въ сообщеніяхъ, и что она должна очистить поле болѣе способному наслѣднику? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны поближе ознакомиться съ существомъ и качествами этого предполагаемаго наслѣдника.

II.

Замѣчательныя изслѣдованія *Генриха Герца* составляютъ важный шагъ въ познаніи взаимной связи между явленіями природы; чрезъ нихъ геніальная гипотеза Максвеля, которая видитъ въ свѣтовыхъ колебаніяхъ быстрыя періодическія электрическія явленія въ эфирѣ или, иными словами, электрическія колебанія, получила непредвидѣнное подтвержденіе. И дѣйствительно, скорость, съ которою распространяются электрическія колебанія, точно та же, съ какою свѣтъ проходитъ пространство; электрическія колебанія подлежатъ отраженію и преломленію по тѣмъ же законамъ, какъ и свѣтовыя колебанія, съ которыми они сходны и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и отъ которыхъ они разнятся, очевидно, только въ порядкѣ количественномъ, какъ разнятся, напр., между собою различные тоны одной гаммы. Свѣтящаяся точка должна сдѣлать 400 билліоновъ колебаній въ секунду, для того, чтобы эти колебанія, попадая въ нашъ глазъ, произвели впечатлѣніе краснаго цвѣта, для возникновенія впечатлѣнія фіолетоваго цвѣта нужно 800 билліоновъ колебаній такой точки, а самые новѣйшіе приборы для полученія электрическихъ колебаній даютъ не больше полубилліона колебаній въ секунду, въ первоначальныхъ же приборахъ, съ которыми Герцъ дѣлалъ свои изслѣдованія, число колебаній было въ 10 разъ меньше и доходило только до 50 милліоновъ колебаній въ секунду. Нуженъ былъ геній Герца, для того, чтобы открыть тѣ средства, которыя могутъ дать столь быстрыя (какими бы они медленными въ сравненіи со свѣтовыми ни казались) колебанія. Только со времени этого открытія стало возможно изученіе электрическихъ колебаній и стало доступнымъ болѣе точное опредѣленіе скорости, съ которою распространяются въ пространствѣ электрическія дѣйствія. Прежде сдѣланные въ этомъ направленіи безуспѣшные опыты достаточно доказали, что скорость эта слишкомъ велика, чтобы поддаться непосредственному измѣренію; возможность измѣренія появилась только тогда, когда удалось произвести періодическія электрическія явленія, т.-е. электрическія колебанія, которыя распространяются въ пространствѣ въ формѣ волнъ. Длина волны не что иное, какъ разстояніе, которое состояніе колебанія, сообщаясь отъ частицы къ частицѣ, проходитъ во время, нужное для совершенія въ одной точкѣ среды полнаго колебанія; слѣдовательно, если число колебаній въ секунду извѣстно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, извѣстна и продолжительность одного колебанія (а эту послѣднюю можно вычислить на основаніи теоретическихъ соображеній по размѣрамъ прибора), то остается только измѣрить длину волны, чтобы потомъ прямо найти искомую скорость распространенія. Мы не станемъ здѣсь объяснять, какимъ образомъ измѣряютъ длину волнъ, но понятно, что измѣреніе возможно только тогда, когда нѣсколько волнъ умѣщается въ ограниченномъ пространствѣ лабораторіи, когда, значитъ, длина волнъ не слишкомъ велика. Первые приборы Герца давали, какъ было уже сказано, приблизительно 50 милліоновъ колебаній въ секунду; длина волны, т.-е. разстояніе, на которое состояніе колебанія распространяется въ продолженіи одного колебанія, т.-е. въ данномъ случаѣ въ одну пятидесятимилліонную часть секунды, оказалась по измѣренію равной 6 метрамъ; въ цѣлую же секунду колебаніе распространится на разстояніе въ 50 милліоновъ большее, т.-е. на 300 милліоновъ метровъ или на 300 тысячъ километровъ. Но съ такою же точно скоростью, какъ извѣстно, происходитъ и распространеніе свѣта.

Средства, которыми Герцъ производилъ электрическія колебанія, въ высшей степени просты. Источникомъ колебаній является всегда процессъ разряда; частота, т.-е. быстрота, съ которою происходятъ и слѣдуютъ одно за другимъ отдѣльныя колебанія, зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Во первыхъ, отъ такъ называемаго самонаведенія, которое между различными частями одного и того же проводника, когда въ немъ электрическій токъ начинаетъ появляться, или когда онъ снова исчезаетъ; въ первомъ случаѣ самонаведеніе дѣйствуетъ, какъ препятствіе, мѣшающее развитію полной силы тока, тогда какъ, при перерывѣ сообщенія между источникомъ электричества и проводникомъ оно наоборотъ, обусловливаетъ въ этомъ последнемъ продолженіе электрическаго движенія на нѣкоторое, хотя и короткое, время. Во вторыхъ, отъ емкости проводника. Электрическая емкость, т.-е. количество электричества, требующееся для того, чтобы произвести въ проводникѣ извѣстную величину электрическаго напряженія, опредѣляется не столько объемнымъ содержаніемъ проводника, сколько величиною его поверхности, и кромѣ того чрезвычайно возрастаетъ отъ близости другого, соединеннаго съ землей проводника. Извѣстно, какъ этимъ обстоятельствомъ пользуются для полученія большихъ электрическихъ емкостей въ лейденской банкѣ—стеклянномъ сосудѣ, оклеенномъ снутри и снаружи до извѣстнаго разстоянія отъ края оловяннымъ листомъ. Если хотятъ получить быстрыя электрическія колебанія, нужно стараться сдѣлать какъ можно меньше и емкость, и самонаведеніе проводниковъ, въ которыхъ происходитъ разрядъ. Этимъ условіямъ, какъ учитъ теорія, соотвѣтствовалъ бы металлическій цилиндръ, концы котораго соединены съ полюсами источника электричества; однако, въ такомъ аппаратѣ могли бы возникнуть только очень слабыя колебанія, потому что малѣйшая разность напряженія въ двухъ очкахъ цилиндра тотчасъ уравнивалась бы вслѣдствіе хорошей электропроводности металла. Если же, напротивъ, мы представимъ себѣ цилиндръ перерѣзаннымъ въ срединѣ, то въ обѣихъ половинахъ, если даже разстояніе между ними незначительно, должно развиться значительное напряженіе, для того чтобы могъ произойти разрядъ въ видѣ искры чрезъ отдѣляющій ихъ слой воздуха; разъ уже разрядъ произошелъ, то воздухъ между обоими частями металла нагрѣтъ, и является проводящій мостъ изъ нагрѣтаго воздуха, который и открываетъ колебаніямъ свободный проходъ. Но, во всякомъ случаѣ, колебанія продолжаются, только короткое время послѣ каждаго разряда, и нужно поэтому заботиться о томъ, чтобы за первой искрой быстро послѣдовала другая, которая вызвала бы новыя колебанія: обѣ половины цилиндра нужно поэтому соединить съ полюсами источника электричества, возобновляющаго израсходованные заряды.

Первый *возбудитель* (вибраторъ) (такъ называютъ аппаратъ, производящій электрическія колебанія), который употреблялъ Герцъ, былъ построенъ совершенно по этимъ принципамъ; онъ состоялъ изъ двухъ проволокъ, изъ которыхъ одна составляла на нѣкоторомъ разстояніи продолженіе другой; на обращенныхъ одинъ къ другому концахъ проволоки кончались маленькими шариками, а на отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ онѣ носили большіе шары или диски, которые можно было передвигать вдоль проволокъ; этимъ передвиженіемъ можно было въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣнять электрическую емкость всего прибора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжительность даваемыхъ имъ колебаній. Впослѣдствіи приборъ этотъ подвергся различнымъ измѣненіямъ, которыя имѣли цѣлью отчасти полученіе болѣе быстрыхъ колебаній, слѣдовательно, болѣе короткихъ волнъ, отчасти увеличеніе интенсивности колебаній. Для первой цѣли уже Герцъ употреблялъ вмѣсто снабженныхъ шарами проволокъ просто два цилиндра съ закругленными концами. (Риги) Righi замѣнилъ цилиндры двумя шарами, которые, однако, не были непосредственно

—

соединены съ источникомъ электричества; отъ полюсовъ послѣдняго шли проволоки къ двумъ меньшимъ шарамъ, между которыми, не касаясь ихъ, находились большіе шары собственно возбудителя. Заряженіе возбудителя происходитъ тогда такимъ образомъ, что сначала на соединенныхъ съ источникомъ малыхъ шарахъ накопляются электрическіе заряды, которые затѣмъ начинаютъ передаваться чрезъ посредство искръ, перескакивающихъ чрезъ отдѣляющіе слои воздуха, большимъ шарамъ возбудителя; только когда напряженіе на этихъ шарахъ достигло извѣстной величины, происходитъ и между ними искра, собственно и возбуждающая колебанія. То же самое устройство принялъ и Маркони для своего возбудителя, но онъ теперь въ своихъ новыхъ аппаратахъ не помѣщаетъ болѣе среднихъ шаровъ въ масло, чрезъ которое должна проходить искра возбудителя, какъ находили полезнымъ дѣлать его предшественники да и онъ самъ въ первыхъ своихъ аппаратахъ.

Исходящія изъ описанныхъ аппаратовъ колебанія различаются между собою въ отношеніи ихъ интенсивности и длины волны, но они обладаютъ всегда, какъ уже сказано выше, главными свойствами свѣтовыхъ колебаній; подобно послѣднимъ они распространяются отъ мѣста своего возникновенія по всѣмъ направленіямъ, а помощью выпуклыхъ зеркалъ или чечевицъ (которыя соотвѣтственно большимъ длинамъ волнъ должны, естественно, имѣть совершенно другіе размѣры, чѣмъ оптическіе приборы) ихъ можно собрать и направлять въ опредѣленныя мѣста пространства. Чтобы прослѣдить за распространеніемъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составить себѣ сужденіе о силѣ колебаній въ различныхъ точкахъ пространства, Герцъ употреблялъ аппаратъ, который онъ назвалъ *резонаторомъ*, потому что онъ основанъ на томъ же принципѣ, который лежитъ въ основѣ одноименнаго акустическаго прибора. Опытъ показываетъ, что предметъ, способный производить звуковыя колебанія (камертонъ, напр.), находящійся въ близости звучащаго тѣла, самъ начинаетъ издавать звуки, приходитъ, слѣдовательно, повидимому самъ собой, въ состояніе колебанія, если только оба тѣла имѣютъ одну и ту же высоту тона, т.-е. производятъ одно и то же число колебаній въ одну секунду. То же самое свойство обнаруживаютъ и электрическія колебанія. Если они попадаютъ на проводникъ, форма и величина котораго таковы, что въ немъ могутъ происходить колебанія той же частоты, то дѣйствія, произведенныя отдѣльно попадающими на проводникъ колебаніями суммируются и образуются сравнительно сильныя колебанія, даже если импульсы, каждый въ отдѣльности, были очень слабы. Резонаторъ, такимъ образомъ, представляетъ прекрасное средство для обнаруженія слабыхъ импульсовъ. Изъ принципа резонанса само собою слѣдуетъ, что каждый возбудитель могъ бы служить также и резонаторомъ для колебаній, исходящихъ отъ другого возбудителя одинаковой величины. Герцъ, однако, предпочелъ употребить въ качествѣ резонатора проволоку подходящей длины, согнутую въ кругъ или въ прямоугольникъ такъ, чтобы между концами проволоки оставалось небольшое разстояніе; возникновеніе вслѣдствіе резонанса колебаній въ проволокѣ проявляется тогда въ формѣ маленькихъ искръ между концами проволоки. Предложены были различные способы для того, чтобы косвеннымъ путемъ замѣтить эти искры, напр., по развиваемой ими теплотѣ, если онѣ слишкомъ слабы для непосредственнаго наблюденія. Однако, во многихъ случаяхъ для открытія электрическихъ колебаній болѣе удобенъ, чѣмъ эти способы, аппаратъ, построенный Барлеемъ уже въ 1866 году для другихъ цѣлей Этотъ чрезвычайно простой приборъ состоитъ изъ стеклянной трубки, наполненной крупными металлическими опилками или другого рода небольшими кусочками металла, въ которые съ обоихъ концовъ трубки проникаютъ проволоки. Если соединить наружные концы проволоки съ полюсами электрической батареи, то, вслѣдствіе недостаточнаго соприкосновенія между отдѣльными кусочками металла, либо вовсе не получается

никакого тока, либо токъ этотъ чрезвычайно слабъ; стрѣлка введеннаго въ цѣпь гальванометра либо остается совершенно въ покоѣ, либо же отклоняется на очень незначительный уголъ отъ положенія покоя. Но какъ только на трубку попадаютъ электрическія колебанія, сопротивленіе слоя опилокъ сразу чрезвычайно понижается, интенсивность тока возрастаетъ и проявляется въ сильномъ отклоненіи стрѣлки гальванометра. Достаточны очень слабыя колебанія, чтобы вызвать этотъ эффектъ, который продолжается и послѣ того, какъ электрическія колебанія прекратились, но—достаточно самаго легкаго сотрясенія трубки, чтобы возстановить первоначальное большое сопротивленіе. Послѣ такого сотрясенія стрѣлка гальванометра возвращается въ положеніе покоя, и только новое вліяніе электрическихъ колебаній снова отклоняетъ стрѣлку. Англійскому физику Lodge кажется, первому пришла мысль производить сотрясеніе трубки помощью самодѣйствующаго прибора; онъ включилъ для этой цѣли въ цѣпь, кромѣ вышеупомянутыхъ аппаратовъ, еще электрическій звонокъ, который, какъ только сила тока возрастала подъ вліяніемъ электрическихъ колебаній, начиналъ дѣйствовать и производилъ легкій ударъ по трубкѣ, слѣдствіемъ котораго являлось возстановленіе первоначальнаго сопротивленія; если затѣмъ вліяніе электрическихъ колебаній продолжалось, то сопротивленіе трубки снова падало, звонокъ снова приходилъ въ дѣйствіе, и та же игра продолжалась такъ долго, пока электрическія колебанія попадали на трубку. Lodge, который употреблялъ этотъ приборъ въ 1894 году для изученія электрическихъ колебаній, далъ трубкѣ, наполненной металлическими опилками названіе *соприкасателя-когерера* («coherer»). Это названіе основано на представленіи, что электрическія колебанія производятъ искры между отдѣльными кусочками металла, что эти искры спаиваютъ соприкасающіяся острія и ребра металлическихъ кусочковъ и вызываютъ такимъ образомъ болѣе полное соприкосновеніе между ними. Названіе это вошло во всеобщее употребленіе, хотя въ настоящее время кажется сомнительнымъ, чтобы представленіе, лежащее въ основѣ этого названія, было вѣрно для всѣхъ случаевъ.

III.

Послѣ изложеннаго едва ли нужно еще объяснять, какимъ образомъ помощью электрическихъ колебаній возможно телеграфное сообщеніе между двумя не очень удаленными одна отъ другой мѣстностями. На одной станціи находится возбудитель Герца, который приводится въ дѣйствіе помощью, положимъ, индукціонной катушки Румкорфа; въ цѣпь индуктирующаго тока этого аппарата включаютъ, кромѣ батарей и необходимаго для произведенія индукціонныхъ токовъ самодѣйствующаго прерывателя (индукціонный токъ, какъ извѣстно, возникаетъ только тогда, когда другой токъ замыкаютъ или прерываютъ), еще и телеграфную клавишу. Только пока нажимаютъ на послѣднюю, происходятъ замыканія и прерыванія тока въ индуктирующей спирали аппарата; вслѣдствіе этого, въ другой спирали возникаютъ индукціонные токи, разряды которыхъ приводятъ въ дѣйствіе возбудитель. Такимъ образомъ, простое нажиманіе клавиша въ произвольные промежутки времени даетъ возможность вызвать электрическія колебанія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; колебанія эти распространяются волнообразно по всѣмъ направленіямъ и попадаютъ, между прочимъ, и на другую станцію. На этой станціи находится соприкасатель, (когереръ) соединенный съ гальванической батареей, съ электрическимъ звонкомъ и, кромѣ того, съ телеграфнымъ реле. Реле, какъ извѣстно, представляетъ въ сущности электромагнитъ, который, подъ вліяніемъ самыхъ слабыхъ токовъ, вступаетъ въ дѣйствіе и притягиваетъ свой якорь; движеніе этого якоря замыкаетъ цѣпь болѣе сильной батареи, которая приводитъ въ движеніе соб-

ственно телеграфный аппаратъ. Какъ только электрическія колебанія встрѣчаютъ на пути своемъ когереръ, релэ притягиваетъ свой якорь и отпускаетъ его только тогда, когда дѣйствіе электрическихъ волнъ прекращается на болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Пока релэ удерживаетъ свой якорь, и цѣпь тока самаго телеграфнаго прибора (аппарата Морзе, или упрощеннаго, такъ называемаго «стучателя») остается замкнутой, и, смотря по продолжительности этого тока, возникаютъ линіи или точки, а въ упрощенномъ аппаратѣ различные звуковые сигналы, изъ которыхъ составляется телеграфная азбука.

Описанное расположеніе мы находимъ въ главныхъ чертахъ и въ телеграфѣ Маркони. Но это не единственный и не первый способъ, помощью котораго можно передать электрическіе сигналы между двумя мѣстностями, между которыми или вовсе не имѣется соединяющей ихъ проволоки, или же проволока эта не непрерывна. Уже значительно раньше, чѣмъ электрическія колебанія были экспериментально изслѣдованы, было хорошо извѣстно, что замыканіе или размыканіе электрическаго тока и даже всякое измѣненіе силы или направленія проходящаго по одной проволокѣ тока вызываетъ въ находящейся по близости другой проволокѣ токъ, который снова исчезаетъ, какъ только токъ въ первой проволокѣ прекратится или достигнетъ постоянной силы. Это явленіе и составляетъ открытое Фарадеемъ явленіе индукціи. Разсмотрѣнный нами случай, гдѣ электрическія колебанія, исходящія изъ проводника, встрѣчаютъ другой проводникъ и, вслѣдствіе резонанса, вызываютъ въ немъ колебанія того же періода, составляетъ въ сущности также только частный случай общаго явленія индукціи. Если мы хотимъ искать аналогій вещественнаго характера для обоихъ этихъ явленій, то мы ихъ находимъ, съ одной стороны, въ звуковыхъ колебаніяхъ, которыя проявляются въ воздухѣ въ формѣ незначительныхъ, но быстро слѣдующихъ одно за другимъ измѣненій давленія, воспринимаемыхъ спеціально для того приспособленнымъ слуховымъ органомъ, а съ другой стороны въ болѣе медленныхъ, за то болѣе интенсивныхъ измѣненіяхъ давленія воздуха, для которыхъ слуховой органъ невоспріимчивъ и которыя могутъ быть замѣчены при помощи барометра, который съ своей стороны нечувствителенъ къ быстро чередующимся измѣненіямъ давленія. Такъ какъ индукція, при помощи медленно измѣняющихся электрическихъ токовъ, раньше была изучена, чѣмъ индукція въ случаѣ электрическихъ колебаній, то и примѣненіе первой для цѣлей телеграфіи гораздо старше. Первые практическіе опыты въ этомъ направленіи были сдѣланы, кажется, въ Америкѣ. Сначала имѣлись въ виду только незначительныя разстоянія, сообщеніе между кораблями и близкимъ берегомъ, между встрѣчающимися въ открытомъ морѣ судами, между поѣздами въ движеніи и ближайшими станціями. Для послѣдней цѣли Фельпсъ (Phelps) помѣщалъ между рельсами изолированную проволоку, а подъ однимъ изъ вагоновъ поѣзда другую, параллельную первой; если, затѣмъ, проволоку подъ вагономъ соединяли въ вагонѣ съ телефономъ, а проволоку между рельсами соединяли на станціи съ батареей и прерывателемъ, то дѣйствіе этого послѣдняго возбуждало въ проволокѣ подъ вагономъ индукціонные токи, которые при быстромъ чередованіи приводили въ колебаніе пластинку телефона, производили, слѣдовательно, звукъ, большая или меньшая продолжительность котораго обозначала различные сигналы, какъ точки и черты въ азбукѣ Морзе. Эдиссонъ настолько усовершенствовалъ это приспособленіе, что проводникъ между рельсами сталъ ненуженъ, и передача могла совершиться по одной изъ обыкновенныхъ идущихъ вдоль линіи телеграфныхъ проволокъ. Его система, которой онъ самъ предсказывалъ большую будущность, была дѣйствительно введена для пробы на нѣкоторыхъ американскихъ линіяхъ въ 1885 году, но вскорѣ

была снова упразднена, потому что аппаратами не пользовались. Про возможность преодолѣть большія разстоянія помощью такого рода аппаратовъ Эдиссонъ и самъ, вѣроятно, не думалъ.

Вскорѣ затѣмъ, Присъ, главный инженеръ англійскаго телеграфнаго управленія, снова принялся за подобные опыты въ томъ же направленіи, потому что въ Англіи все болѣе и болѣе ощущалась потребность въ какомъ-либо способѣ сообщенія берега съ расположенными часто на скалистыхъ островахъ маяками или съ совершенно изолированными маяками-кораблями; возможность проложенія дорогихъ кабелей въ большинствѣ случаевъ исключалась, потому что отъ ударовъ прибоемъ о скалистые берега кабеля разрушились бы въ короткое время. Опыты были предприняты въ различныхъ мѣстахъ; выбирали подходящую рѣку или морскую бухту и устраивали на обоихъ берегахъ параллельныя одна другой телеграфныя линіи, концы которыхъ соединялись обычнымъ способомъ съ землей; одна изъ линій соединялась съ батареей и прерывателемъ или съ машиной перемѣннаго тока, а другая, какъ у Фельпса и у Эдиссона—съ телефономъ.

Такъ какъ вліяніе индукціи уменьшается съ увеличеніемъ разстоянія между проволоками и возрастаетъ съ увеличеніемъ силы индуктирирующаго тока и длины параллельныхъ проводниковъ, то опыты имѣли цѣлью, прежде всего, установить, какую длину должны имѣть проволоки при различныхъ разстояніяхъ, для того, чтобы получались еще слышные сигналы. Нашли, что нѣтъ необходимости увеличивать длину проволоки въ томъ же отношеніи, въ какомъ возрастаетъ разстояніе; такъ, напр., для разстоянія въ 2 километра достаточна, вмѣсто двойной, полуторная длина проволоки, необходимой для одного километра. Опыты показали, однако, что надежная передача сигналовъ требуетъ все-таки прямолинейныхъ проводниковъ такой длины, для которой нѣтъ достаточно мѣста ни на маякахъ-корабляхъ, ни даже на большей части острововъ, на которыхъ находятся маячныя башни. Условія за то совершенно иныя тамъ, гдѣ длина противоположныхъ береговъ допускаетъ значительное протяженіе параллельныхъ проводниковъ. Опыты, произведенные въ 1892 году, въ Кардиффѣ, между мысомъ Лавернокъ и островомъ Флатголмомъ, доказали, что для передачи сигналовъ между этими двумя мѣстностями, отстоящими одна отъ другой приблизительно на 5.300 метровъ, достаточна длина проводника въ 1.200 метровъ на одной и въ 600 метровъ на другой сторонѣ. Уже года два, какъ линія эта функціонируетъ регулярно, и, согласно оффиціальнымъ отчетамъ, временами можно было по этой линіи передавать 40 словъ въ минуту. Присъ полагаетъ, что по этой системѣ можно очень легко установить сообщеніе между Англіей и Франціей черезъ каналъ.

Несмотря на всѣ эти опыты, все-таки подлежитъ еще сомнѣнію, можно ли этимъ способомъ преодолѣть бо̀льшія разстоянія, чѣмъ помощью электрическихъ колебаній. Система Приса имѣла бы, конечно, то преимущество, что медленнѣе чередующіеся импульсы, каковыми онъ, напримѣръ, пользовался, не поглощаются при передачѣ ихъ индукціей въ столь сильной степени металлами и другими проводящими электричество массами (кромѣ желѣза), тогда какъ быстрыя электрическія колебанія Герца поглощаются, или, по крайней мѣрѣ, отклоняются и значительно слабѣютъ, если они встрѣчаютъ на своемъ пути значительныя обладающія электропроводностью массы. Съ другой стороны, нѣтъ также основанія приписать благопріятные результаты, достигнутые Присомъ, исключительно индукціи; скорѣе нужно думать, что, кромѣ индукціи и, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ индукція, тутъ дѣйствуетъ прохожденіе электричества чрезъ землю.

IV.

Оптическій телеграфъ или, точнѣе, сигнальный аппаратъ, извѣстный подъ именемъ геліографа, свѣтовыя вспышки котораго соотвѣтствуютъ, смотря по продолжительности ихъ, точкамъ и чертамъ азбуки Морзе и которыя можно наблюдать помощью зрительной трубы или зарегистрировать путемъ фотографическимъ,—значительно усовершенствованъ въ новѣйшее время. Онъ составляетъ теперь необходимую принадлежность вооруженія арміи и онъ далъ желанное телеграфное сообщеніе между отстоящими одинъ отъ другого на 180 километровъ островами Возсоединенія и Маврикія, которые безуспѣшно хлопотали о проложеніи между ними кабеля. Изобрѣтенный Циклеромъ свѣто-электрическій телеграфъ, для котораго передающимъ агентомъ служатъ невидимые для нашего глаза ультрафіолетовые лучи, а телеграфнымъ знакомъ—искра разряда, вызываемая этими лучами, составляетъ въ сущности также родъ оптической телеграфіи. Мы упоминаемъ объ этихъ способахъ только вскользь, потому что они, не говоря объ исключительныхъ случаяхъ, пригодны только для измѣренныхъ разстояній; пока же дѣло идетъ о такихъ разстояніяхъ, возможна и передача электрическихъ сигналовъ безъ соединительной проволоки, притомъ, какъ мы видѣли, различными способами и была уже осуществлена въ то время, когда способы для полученія и для наблюденія электрическихъ колебаній не созрѣли еще для рѣшенія этой задачи. Уже непосредственно, впрочемъ, за опубликованіемъ изслѣдованій Герца ясно понято было и даже указано большое значеніе электрическихъ колебаній для цѣлей телеграфіи. Извѣстный химикъ, сэръ Вилліамъ Круксъ, уже въ февралѣ 1892 года высказался слѣдующимъ образомъ въ журналѣ «Fortnightly Review»:

«До самаго послѣдняго времени мы никогда не задавались серьезно вопросомъ, имѣются ли вокругъ насъ эфирныя волны значительной длины, которыхъ нашъ глазъ уже не замѣчаетъ. Новѣйшія изслѣдованія Lodge'а въ Англіи и Герца въ Германіи открываютъ намъ безчисленное множество явленій въ эфирѣ, такъ называемыхъ электрическихъ лучей, длины волнъ которыхъ варіируютъ отъ тысячи миль до нѣсколькихъ футовъ. Здѣсь для насъ открывается новый, возбуждающій изумленіе міръ, трудно допустить, что онъ не заключаетъ въ себѣ возможности передачи мыслей. Свѣтовые лучи не проникаютъ чрезъ стѣны ни также чрезъ лондонскій туманъ, какъ мы всѣ слишкомъ хорошо знаемъ. Но электрическія волны длиною въ одинъ метръ или больше легко проникнутъ чрезъ эти препятствія; они будутъ для нихъ прозрачны. Тутъ является заманчивая возможность телеграфіи безъ проволокъ, безъ столбовъ, безъ кабелей, безъ всѣхъ этихъ дорогихъ аксессуаровъ. Предположимъ, что немногія выполнимыя требованія уже выполнены, и вопросъ тотчасъ вступитъ въ область практическихъ возможностей. Мы умѣемъ нынѣ производить волны любой длины, отъ немногихъ футовъ и больше, и получить непрерывный рядъ такихъ распространяющихся по всѣмъ направленіямъ волнъ. Возможно—если не по отношенію ко всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ этихъ волнъ—преломить электрическіе лучи чрезъ тѣла соотвѣтственной формы, дѣйствующія, какъ чечевицы, и направить такой пучокъ лучей по какому угодно направленію; для этого пользуются большими чечевицеобразными массами изъ смолы и подобныхъ веществъ. Можно было бы также нѣкоторые, если не всѣ, эти лучи уловить въ отдаленіи помощью спеціально устроенныхъ аппаратовъ и чрезъ условные знаки сообщить ихъ другому аппарату азбукой Морзе... Два друга, находящіеся въ предѣлахъ передачи ихъ пріемниковъ, могли бы настроить свои аппараты на опредѣлнную длину волнъ и бесѣдовать въ знакахъ азбуки Морзе помощью короткихъ и длинныхъ лучеиспусканій такъ долго, какъ они желали бы... Это не одни мечтанія. Всѣ условія для выполненія этого плана лежатъ въ области возможнаго и какъ

разъ именно по этому пути уже направлены изслѣдованія во всѣхъ столицахъ Европы, такъ что мы ежедневно можемъ ожидать извѣстія, что задача эта рѣшена».

Яснѣе, чѣмъ это здѣсь сдѣлано. едва ли можно было высказать основную мысль телеграфіи помощью электрическихъ колебаній. Можно было бы привести еще много подобныхъ замѣчаній, и много опытовъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Поэтому вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать Маркони изобрѣтателемъ телеграфа, основаннаго на колебаніяхъ Герца, зависитъ существенно отъ того значенія, какое мы придаемъ понятію «изобрѣтатель». Даже и тѣ аппараты, которые Маркони употребляетъ для полученія и проявленія электрическихъ волнъ, представляютъ только измѣненія уже ранѣе извѣстныхъ и примѣнявшихся для той же цѣли приборовъ. Но Маркони, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ та заслуга, что онъ первый обнялъ идею въ ея частностяхъ, осуществилъ ее въ практически удобной формѣ и неустанно прибавлялъ дальнѣйшія усовершенствованія. Въ первыхъ опытахъ, которые Маркони предпринялъ въ 1897 году въ Англіи при поддержкѣ англійскаго телеграфнаго вѣдомства и которые были повторены, затѣмъ, Слаби въ Берлинѣ, можно было передавать внятные сигналы только на разстояніе немногихъ киллометровъ; еще въ томъ же году это разстояніе было увеличено при благопріятныхъ устовіяхъ до 50 километровъ; 28-го марта 1899 года были переданы телеграммы—также на разстояніи 50 километровъ—между Англіей и Франціей. Когда же Маркони недавно возвращался изъ Америки, онъ обмѣнялся первыми извѣстіями съ англійскимъ берегомъ уже тогда, когда корабль еще находился на разстояніи приблизительно 100 километровъ отъ берега.

Для этого требовались непрерывныя улучшенія первоначальнаго аппарата. Мы уже описали его въ существенныхъ его чертахъ. На станціи отправленія находится возбудитель Bighi съ индукціоннымъ аппаратомъ и телеграфной клавишей; на станціи полученія—реле, въ цѣпь котораго включенъ «соприкасатель» и молотокъ для автоматическаго возстановленія первоначальнаго сопротивленія, затѣмъ собственно телеграфный аппаратъ, цѣпь котораго замыкается реле, когда электрическія колебанія попадаютъ въ соприкасатель и остается замкнутой, пока не прерываютъ электрическихъ колебаній. Послѣ многочисленныхъ опытовъ Маркони придалъ соприкасателю форму, нѣсколько отличную отъ первоначальной. Въ стеклянной трубкѣ находятся два серебряныхъ цилиндра, плоскія поверхности основаній которыхъ находятся одна противъ другой на разстояніи одного миллиметра приблизительно; пространство между ними наполнено смѣсью, состоящей изъ 96 частей никелевыхъ и четырехъ частей серебряныхъ опилокъ, къ которымъ прибавлена маленькая капля ртути. Отъ цилиндровъ идутъ проволоки сквозь стѣнки трубки наружу, трубка же запаяна съ обоихъ концовъ, послѣ того, какъ изъ нея предварительно выкачали воздухъ. Главное условіе для надежнаго дѣйствія аппарата — опредѣленная величина и форма опилокъ, которыя приходится выбирать очень тщательно. Впрочемъ, по мнѣнію Маркони, возможность телеграфировать на большія разстоянія зависитъ еще отъ цѣлаго ряда измѣненій и дополненій, которыя онъ ввелъ въ первоначальное устройство аппарата. Какъ главное измѣненіе, упомянемъ, что проводныя проволоки какъ возбудителя, такъ и соприкасателя соединены, съ одной стороны съ оканчивающимся въ землѣ проводникомъ, а съ другой стороны, съ направленной вертикально вверхъ изолированной проволокой. На чемъ основано вліяніе этихъ проволокъ, какъ кончающейся въ землѣ, такъ и направленпой вертикально въ воздухъ, въ точности пока еще не выяснено. Маркони самъ считаетъ не невозможнымъ, что передача колебаній происходитъ и черезъ землю, и направленная въ воздухъ проволока, которая должна торчать вертикально вверхъ, играетъ роль посредника въ пріемѣ и передачѣ проходящихъ чрезъ

воздухъ электрическихъ волнъ. Вѣроятно, имѣетъ значеніе и то, что проволоки увеличиваютъ емкость системы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и длину волнъ, и что болѣе длинныя волны легче преодолѣваютъ препятствія. Во всякомъ случаѣ, съ увеличеніемъ разстоянія, на которое передаются телеграммы, нужно увеличивать и длину вертикальныхъ воздушныхъ проволокъ, хотя и не въ той же пропорціи, какъ возрастаетъ разстояніе. По Маркони, достаточны, напр., для передачи на разстояніе одной англійской мили (1.600 метровъ) проволоки въ 20 футовъ длины, для 4-хъ же миль требуется длина въ 40 футовъ, а для 16 миль длина въ 80 футовъ. Эти отношенія вѣрны, конечно, только до тѣхъ поръ, пока на прямой линіи между обѣими станціями нѣтъ никакихъ возвышеній на землѣ, ни другихъ препятствій; правда, подобныя препятствія не дѣлаютъ невозможнымъ сообщенія между станціями, потому что электрическія волны, подобно звуковымъ, ихъ обходятъ, однако, онѣ производятъ все-таки ослабляющее вліяніе, которое должно быть уравновѣшено увеличеніемъ длины воздушной проволоки.

Мы приходимъ теперь къ вопросу о томъ, до какихъ разстояній вообще возможна телеграфія помощью электрическихъ колебаній. Говорили о телеграфѣ Маркони между Европой и Америкой, вычисляли высоту, которую должны были бы имѣть вертикальныя проволоки на обѣихъ сторонахъ, объявляли даже, будто составляется общество для пріобрѣтенія исключительнаго права на эту линію. Подобные проекты, конечно, слишкомъ преждевременны, потому что упомянутое вычисленіе длины проволокъ основывается на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ при передачѣ телеграммъ на сравнительно небольшія разстоянія; на большихъ же разстояніяхъ эти вычисленія, легко можетъ статься, не оправдаются. Такъ, напр., мы ничего не знаемъ о поглощеніи электрическихъ колебаній воздухомъ. Въ опытахъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ, подобнаго поглощенія не замѣчалось, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, оно должно происходить, хотя въ незначительной степени, потому что мы не знаемъ ни одной среды, которая совершенно свободно пропускала бы электрическія колебанія, была бы для нихъ идеально прозрачна. Нужно также принять во вниманіе кривизну земной поверхности; прямая линія между Европой и Америкой прошла бы въ срединѣ между обоими континентами на сотни километровъ ниже уровня океана, а чтобы передача происходила по прямой линіи, пріемныя проволоки на обѣихъ сторонахъ должны были бы имѣть, конечно, соотвѣтствующую высоту, чтобы противодѣйствовать поглощенію колебаній морской водой. Увѣряютъ, правда, что электрическія колебанія вовсе не проникаютъ въ океанъ, а остаются на поверхности, постоянно отражаемыя послѣдней; но даже и такого рода явленіе немыслимо безъ ослабленія колебаній, которое опять-таки должно быть уравновѣшено увеличеніемъ длины пріемныхъ проволокъ. И тутъ могло бы легко случиться, что башни, которыя должны поддерживать эти проволоки, стоили бы столько же или даже больше, чѣмъ трансатлантическій кабель. Допустимъ, однако, что эти опасенія преувеличены, что сообщеніе между Европой и Америкой технически осуществимо и что въ скоромъ времени оно будетъ практически осуществлено. И тогда мы еще довольно далеки отъ возможности регулярнаго сообщенія на такія разстоянія, отъ вытѣсненія кабеля новымъ способомъ. Дѣйствительно, регулярное сообщеніе немыслимо, пока невозможно передавать сообщенія съ любой станціи одной стороны на любую, *но только на одну*, станцію другой стороны. Это теперь еще пока невозможно. Изъ аппарата станціи отправленія электрическія волны распространяются по всѣмъ направленіямъ. Каждый незванный, находящійся на пути прохожденія этихъ волнъ и вооруженный нужными аппаратами, можетъ принимать передаваемыя телеграммы, тайну которыхъ можно развѣ обезпечить очень неудобнымъ и ненадежнымъ способомъ шифрованнаго языка. А еще гораздо хуже то, что каждый пріемный аппаратъ

будетъ воспринимать всѣ волны, попадающія на его пріемную проволоку, хотя онѣ вовсе и не назначены для него. Пока дѣло шло, какъ это имѣло мѣсто въ производившихся до сихъ поръ опытахъ, лишь о соединеніи двухъ только станцій, обстоятельство это не имѣло значенія, но оно привело бы даже на незначительныхъ разстояніяхъ къ совершенно нераспутываемому хаосу, если бы новая система должна была замѣнить хотя бы только часть нынѣшняго телеграфнаго сообщенія. Что для большихъ разстояній не легко было бы концентрировать электрическія колебанія въ одномъ направленіи помощью выпуклаго зеркала, показываютъ затрудненія, которыя встрѣчаются при этомъ для свѣтовыхъ лучей; а съ другой стороны, мы пока еще не умѣемъ такъ точно настраивать пріемные аппараты, чтобы они реагировали только на волны одной опредѣленной длины. Резонансъ, помощью котораго Герцъ изучилъ свойства электрическихъ лучей, дѣйствителенъ лишь въ грубомъ приближеніи, на практикѣ же резонаторъ отвѣчаетъ также и на длины волнъ, которыя значительно разнятся отъ его собственной длины волны, а предѣлы практически примѣнимыхъ длинъ волнъ недостаточно велики, чтобы помощью ихъ сдѣлать независимыми между собою многочисленные аппараты.

Неизвѣстно, конечно, какія неожиданныя улучшенія въ этомъ направленіи можетъ намъ принести, можетъ быть, уже завтрашній день, но безполезно строить планы на неизвѣстныхъ перспективахъ.

Для телеграфіи безъ проволоки существуетъ уже теперь достаточное поле полезнаго примѣненія и, повидимому, самъ Маркони и руководимое имъ предпріятіе направили пока главную свою дѣятельность въ этомъ духѣ. Мы имѣемъ въ виду не исключительно примѣненіе телеграфа безъ проволоки на войнѣ—и для мирныхъ цѣлей есть много случаевъ, гдѣ устройство проволочной линіи или слишкомъ дорого или вообще невозможно, а передача депешъ, тѣмъ не менѣе, необходима или полезна. При этомъ прежде всего особенную важность имѣетъ обмѣнъ вѣстей съ кораблями въ близости береговъ, гдѣ къ опасностямъ отъ подводныхъ камней присоединяются еще часто опасности столкновенія съ другими кораблями. Извѣстно, какъ неудовлетворительно существующіе до сихъ поръ сигнальные аппараты выполняютъ свое назначеніе въ бурю и въ туманъ, а потому понятно, почему значительнѣйшія нѣмецкія судоходныя фирмы заняты мыслью снабдить свои корабли телеграфными аппаратами Маркони, и почему англійская пресса требуетъ, чтобы эти аппараты были немедленно установлены на всѣхъ корабляхъ и прибрежныхъ станціяхъ. Если это требованіе будетъ, какъ можно ожидать, удовлетворено, то для телеграфа безъ проволоки откроется болѣе широкая будущность, чѣмъ могло бы ему доставить состязаніе съ испытанной системой проволочнаго телеграфа.

Въ интересной статьѣ Б. Дессау вовсе не упоминается о томъ ученомъ, который по справедливости долженъ считаться изобрѣтателемъ безпроволочной телеграфіи при помощи электрическихъ колебаній, а именно о бывшемъ преподавателѣ миннаго класса въ Кронштадтѣ, нынѣ профессорѣ Электротехническаго института *А. С. Поповѣ*. Пріоритетъ А. С. Попова въ вопросѣ о безпроволочной телеграфіи почему-то вполнѣ игнорируется въ Англіи и Германіи и признается за границей только во Франціи. Что же касается Россіи, то, къ стыду нашему, должно сознаться, что у насъ большинство не только публики, но и ученыхъ индифферентно и, пожалуй, даже скептически относятся къ этому вопросу, между тѣмъ какъ вопросы этого рода должны были бы интересовать всякаго, кому дорога отечественная наука и техника.

Вопросы пріоритета, въ особенности въ области научной техники, всегда будутъ представляться въ высшей степени сложными и неопредѣленными, если мы не условимся разграничивать въ послѣдней три рода пріоритетовъ: первенство

идеи, первенство доказаннаго осуществленія ея и первенство практическаго выполненія и промышленнаго примѣненія. Первый пріоритетъ—пріоритетъ идеи, по нашему мнѣнію, предметъ, о которомъ ни разговаривать, ни спорить не стоитъ. Голыя идеи, въ вопросахъ разсматриваемаго рода, вещь дешевая и къ нимъ по справедливости отнести можно изреченіе о томъ, что «нѣтъ ничего новаго подъ луною». Между голой идеей и хотя бы самымъ примитивнымъ осуществленіемъ ея—шагъ огромный, и честь и слава тому, кто этотъ шагъ сдѣлаетъ; онъ является истиннымъ изобрѣтателемъ и за нимъ пріоритетъ наиболѣе цѣнный—пріоритетъ осуществленія. Несомнѣнна заслуга и того, кто данный зародышъ изобрѣтенія разовьетъ въ жизнеспособный организмъ—ему принадлежитъ цѣнный пріоритетъ промышленнаго примѣненія. Но истиннымъ изобрѣтателемъ является все же обладатель второго пріоритета; дѣйствительно, возможность практической разработки вопроса и промышленнаго примѣненія его чаще всего зависитъ столько же отъ знанія и таланта, сколько и отъ цѣлаго ряда чисто случайныхъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ сложиться неблагопріятно для самого изобрѣтателя и болѣе благопріятно для кого-либо изъ послѣдователей его, очень часто лишь прямо ступающихъ по слѣдамъ его.

За А. С. Поповымъ второй наиболѣе цѣнный пріоритетъ—пріоритетъ доказаннаго осуществленія. Маркони, котораго часто называютъ изобрѣтателемъ безпроволочной телеграфіи, принадлежитъ честь пріоритета въ промышленномъ развитіи и примѣненіи изобрѣтенія. Чтобы не быть голословнымъ, позволяю себѣ, на основаніи документальныхъ данныхъ, вкратцѣ очертить эту сторону исторіи развитія телеграфа безъ проводовъ чрезъ посредство электрическихъ колебаній.

Въ апрѣлѣ 1895 г., въ засѣданіи физическаго отдѣленія русскаго физикохимическаго общества А. С. Поповъ сдѣлалъ сообщеніе «О приборѣ для обнаруженія и регистрированія электрическихъ колебаній», на засѣданіи приборъ былъ демонстрированъ, а описаніе его появилось въ январьской книжкѣ журнала общества за 1896 г. Приборъ этотъ представляетъ полную пріемную станцію для телеграфа безъ проводовъ, съ когереромъ, автоматическимъ разрушателемъ проводимости, реле, и воспринимающей проволокой; посылающей колебанія станціей являлись болѣе или менѣе удаленные разряды атмосфернаго электричества. Лѣтомъ 1895 г. приборъ былъ установленъ въ метеорологической обсерваторіи Лѣсного института, гдѣ работаетъ и до сихъ поръ, зарегистровывая разряды въ атмосферѣ. Упомянутый выше докладъ свой изобрѣтатель заканчиваетъ словами: «Въ заключеніе я могу выразить надежду, что мой приборъ, при дальнѣйшемъ усовершенствованіи его, можетъ быть примѣненъ къ передачѣ сигналовъ на разстояніи при помощи быстрыхъ электрическихъ колебаній, какъ только будетъ найденъ источникъ такихъ колебаній обладающій достаточной энергіею». Въ этомъ направленіи А. С. Поповъ и продолжалъ свои опыты и уже весною 1896 г. показывалъ въ засѣданіи физическаго Отдѣленія дѣйствіе пріемника подъ вліяніемъ удаленнаго отъ него источника колебаній. Осенью 1896 года появились первыя извѣстія объ опытахъ Маркони, а когда опубликованы были въ 1897 году привилегіи Маркони, то оказалось, что они взяты на комбинацію приборовъ, уже въ 1895 году осуществленную А. С. Поповымъ. Съ 1897 г. началась независимая работа надъ усовершенствованіемъ безпроволочнаго телеграфа. Въ Россіи работалъ на средства морского министерства самъ изобрѣтатель, въ Англіи—Маркони во главѣ «The Wireless telegraph Company», основанной для промышленной эксплуатаціи изобрѣтенія въ Германіи—проф. Слаби. Успѣхи этихъ троихъ ученыхъ шли съ тѣхъ поръ почти параллельно *). Въ настоящее время Маркони достигнута пе-

*) О работахъ А. С. Попова см. интересную популярную статью его «О телеграфированіи безъ проводовъ» въ «Физико-Математическомъ Ежегодникѣ», т. 1, стр. 100.

редача извѣстій на разстояніе до 100 километровъ; А. С. Попову удавалось этимъ лѣтомъ сообщаться съ пунктами, отстоявшими на разстояніи до 120 километровъ.

Въ общей прессѣ часто встрѣчаются извѣстія о новыхъ будто бы огромныхъ успѣхахъ въ безпроволочной телеграфіи и о новыхъ многообѣщающихъ системахъ такой телеграфіи. Большинство этихъ сообщеній не имѣетъ подъ собой никакой серьезной подкладки, а многіе прямо разсчитаны лишь на легковѣріе читателей. Нѣчто обѣщать можетъ только система Николая Тесла, этого новаго «кудесника» Америки, изслѣдованія котораго уже неоднократно поражали какъ научный міръ, такъ и широкую публику неожиданностью своихъ результатовъ и, если можно такъ выразиться, своей грандіозностью. Къ сожалѣнію, о системѣ Тесла такъ мало извѣстно, что преждевременно теперь говорить о ней и объ открываемыхъ ею перспективахъ.

Одно можно сказать увѣренно: безпроволочная телеграфія, изобрѣтенная А. С. Поповымъ, благодаря дружнымъ усиліямъ Маркони, Попова и Слаби, уже больше не игрушка, а техническій способъ, могущій найти и уже находящій огромное поле для примѣненія. *Ред.*

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

80-лѣтняя годовщина Рудольфа Вирхова.—† Адольфъ-Эрикъ Норденшильдъ.—Къ вопросу о происхожденіи видовъ и разновидностей (Гуго де Фризъ).

80-лѣтняя годовщина Рудольфа Вирхова. 13-го октября (нов. ст.) весь культурный міръ чествовалъ годовщину знаменитаго ученаго, берлинскаго профессора Рудольфа Вирхова. Мы дадимъ здѣсь лишь краткое описаніе самого торжества и не станемъ вдаваться въ характеристику трудовъ и личности творца патологической анатоміи—въ краткой замѣткѣ этого не сдѣлать; интересующихся отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ г. Малиса, помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ 1898 г.

Чествованіе растянулось на нѣсколько дней и происходило въ патологическомъ институтѣ, въ парламентѣ, въ берлинской думѣ, на банкетѣ у канцлера, на банкетѣ свободомыслящихъ, наконецъ даже на улицѣ Шеллингстрассе, гдѣ Вирховъ живетъ уже чуть ли не 35 лѣтъ и гдѣ сосѣди устроили ему трогательную иллюминацію. Торжества начались празднествомъ во вновь сооруженномъ патологическомъ институтѣ. Участіе въ немъ принимали иностранные гости, весь берлинскій медицинскій факультетъ, депутаціи отъ другихъ германскихъ университетовъ, и нѣкоторые прусскіе министры. Вирховъ, встрѣченный шумными рукоплесканіями, изложилъ въ почти двухчасовой рѣчи картину развитія патологической науки и демонстрировалъ собранную имъ великолѣпную коллекцію скелетовъ, череповъ и патологическихъ препаратовъ. Послѣ этого главный врачъ Шаперъ въ сердечной рѣчи благодарилъ знаменитаго ученаго за его заслуги передъ всѣмъ міромъ, указавъ на то, что главнымъ правиломъ его всегда было: suprema lex—salus publica. Министръ народнаго просвѣщенія благодарилъ юбиляра отъ имени государства за всѣ услуги, оказанныя наукѣ и университету, и передалъ институту мраморный бюстъ Вирхова. Въ девять часовъ вечера началось торжественное чествованіе Вирхова въ помѣщеніи палаты депутатовъ. Вирховъ появился подъ руку съ проф. Вальдейеромъ при громѣ безконечныхъ рукоплесканій. Первымъ говорилъ Вальдейеръ, отмѣтившій организаціонный геній юбиляра и его даръ сочетать теоретическія познанія съ

практической жизнью, его желѣзную преданность долгу, его гуманность; при этомъ Вальдейеръ вручилъ юбиляру отъ имени врачей всего міра 150.000 марокъ на усиленіе фонда имени Вирхова. Затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія прочиталъ рескриптъ императора и вручилъ отъ имени послѣдняго Вирхову большую золотую медаль за научныя заслуги. Тому самому Вирхову, который когда-то выставлялъ политическое требованіе, чтобы «мы открыто признали республиканскую форму правленія необходимой въ Пруссіи и Германіи», а относительно совсѣмъ недавно рѣшительно выступилъ въ парламентѣ противъ увеличенія содержанія теперешнему императору. Вильгельмъ не забылъ и не простилъ этого, но сила вещей заставляетъ его иногда идти и противъ своихъ желаній. Затѣмъ начались безчисленныя рѣчи депутацій. Отъ имени врачебнаго міра Франціи говорилъ Корниль. Онъ началъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Дорогой учитель! Ваша общественная жизнь провозгласила начала либерализма, опирающіяся на знаніе, которое служитъ источникомъ и должно быть руководителемъ всего соціальнаго прогресса». Другая блестящая рѣчь была произнесена по-латыни итальянскимъ министромъ и профессоромъ—патологомъ Бачелли

«Я тебя, прежде всего, поздравляю и славлю, Рудольфъ Вирховъ,—сказалъ министръ,—отъ имени Виктора-Эмануила III, нашего любимаго короля, котораго влечетъ всегда туда, гдѣ сіяетъ слава истиннаго величія—великихъ заслугъ; поздравляю отъ имени итальянскаго правительства, во главѣ котораго стоитъ Цанарделли, боецъ за свободу и законность, и отъ имени итальянскаго народа, видящаго въ тебѣ героя культуры и своего любимца». Отъ лица англійскихъ врачей и ученыхъ юбиляра привѣтствовалъ знаменитый хирургъ лордъ *Листеръ*. Передавая Вирхову адресы отъ Royal Society, отъ антропологической секціи британскаго общества споспѣшествованія наукъ, эдинбургскаго университета и другихъ ученыхъ учрежденій, Листеръ замѣчаетъ: «Всѣ врачи и антропологи, всѣ ученые Великобританіи соединяются въ признаніи вашей гигантской интеллектуальной мощи, въ благодарности за великія услуги, оказанныя вами человѣчеству, и въ глубокомъ уваженіи къ вашему характеру, отличительная черта котораго—полная правдивость, мужественная защита того, что вы признаете истиннымъ. Истина же,—прибавляетъ ораторъ,—въ вашихъ глазахъ всегда неразрывно связана была съ свободой и справедливостью». Россія была представлена профессорами Боткинымъ, Блюменталемъ, Подвысоцкимъ и Рапчевскимъ. Отъ имени 20-ти тысячъ русскихъ врачей Вирхову выражены были чувства величайшаго уваженія, какъ «гордости и украшенію медицинскаго сословія». Многіе изъ делегатовъ, какъ сообщаютъ «Русскіе Вѣд.», явились и съ цѣнными подарками: итальянцы и швейцарцы поднесли картины, австрійцы—роскошный пультъ изъ оникса, французы—статую мыслителя, задумавшагося надъ научной проблемой, работы Барбехена, съ надписью на пьедесталѣ: «Hommage d'amis et de savants français au professeur R. Virchow», городъ Берлинъ—новую больницу его имени и 100 тысячъ въ фондъ на научныя изслѣдованія и путешествія. Оберъ-бургомистръ, передавая юбиляру постановленіе думы, охарактеризовалъ неутомимую дѣятельность юбиляра въ общественномъ самоуправленіи, результатомъ которой было то, что Берлинъ, когда-то одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ и грязныхъ городовъ, по своимъ гигіеническимъ условіямъ и опрятности сталъ образцомъ для другихъ столицъ.

Чествовали Вирхова, конечно, и банкетами. Банкетъ у канцлера, банкетъ свободомыслящихъ въ пивной Фридрихсгайна. Неправда ли непривычное для насъ-русскихъ сопоставленіе этихъ двухъ банкетовъ. На послѣднемъ банкетѣ остроумную политическую рѣчь произнесъ вождь свободомыслящихъ—Евгеній Рихтеръ.

«Если бы нужно было выразить въ краткой формулѣ содержаніе политической и коммунальной дѣятельности Вирхова,—сказалъ, между прочимъ, ораторъ,—то я бы для этого предложилъ слѣдующую: воздухъ, вода, свѣтъ, здоровое

*

жилище, образованіе, свобода! Чѣмъ только Берлинъ ему не обязанъ въ этомъ направленіи, и какъ много онъ сдѣлалъ для Пруссіи и Германіи, постоянно стоя на стражѣ народной независимости, будя мысль, требуя свѣта для всѣхъ! Его обвиняли въ непримиримой антипатіи къ Бисмарку, но развѣ честный народный представитель могъ иначе относиться къ системѣ, разрушавшей самодѣятельность народа?! Какъ истый представитель нѣмецкой культуры, Вирховъ боролся и противъ властной руки Бисмарка, и противъ «sic volo, sic jubeo» новаго курса. Остановился Рихтеръ и назначеніи Вирхова въ дѣлѣ упорядоченія прусскаго бюджета, сокращенія срока военной службы, поднятія школъ, университетовъ и т. д.

Подъ этимъ градомъ депутацій, привѣтствій, телеграммъ, рѣчей, продолжавшимся въ теченіе нѣсколькихъ дней, казалось, должна была бы сломиться энергія и болѣе молодого человѣка, но большимъ людямъ отпущено силъ на нѣсколько жизней и 80-ти-лѣтній юбиляръ поражалъ всѣхъ своей неутомимостью и подвижностью. Рѣчь его въ патологическомъ институтѣ длилась два часа,—отвѣтная Рихтеру тоже была довольно продолжительной. Въ ней онъ, между прочимъ, сказалъ, что остатокъ жизни ему, вѣроятно, придется отдать научнымъ занятіямъ, но въ серьезныя минуты общественной жизни онъ всегда къ услугамъ своей партіи *). Покидая политическую арену, онъ уйдетъ съ надеждой, что идеалы его молодости все-таки осуществятся и что недалеко день, когда «свобода, которой мы еще не имѣемъ, станетъ достояніемъ сильнаго и идущаго впередъ народа».

Счастливый народъ, свободно чествующій такого сына!

† **Адольфъ-Эрикъ Норденшильдъ**. Въ Августѣ 1901 года скончался извѣстный путешественникъ и минералогъ баронъ Адольфъ-Эрикъ Норденшильдъ. Родился онъ въ Гельсингфорсѣ 6-го ноября 1832 г., гдѣ отецъ его занималъ каѳедру минералогіи. Адольфъ Норденшильдъ поступилъ на естественный факультетъ Гельсингфоргскаго университета; любимыми предметами его стали геологія и минералогія. Въ 1855 г., молодой минералогъ попалъ въ число неблагонамѣренныхъ и долженъ былъ отказаться отъ ученой карьеры въ Финляндіи. Въ 1858 г. Норденшильдъ былъ приглашенъ въ Стокгольмъ завѣдующимъ минералогическимъ институтомъ и профессоромъ минералогіи. Въ этомъ же году онъ совершилъ первое свое путешествіе—на Шпицбергенъ, куда возвращался въ 1860—1861 г., въ 1864, 1868, въ 1872—1873 гг. Въ экспедиціяхъ Норденшильда всегда принимали участіе много натуралистовъ и потому изученію подвергалась не только географія и геологія, но и флора и фауна полярныхъ странъ. Обыкновенно Норденшильдъ совершалъ полярныя путешествія лѣтомъ и осенью, но въ экспедицію 1872—1873 г. ему пришлось зимовать; тогда же на саняхъ имъ была достигнута сѣверо-восточная часть Шпицбергена. Въ 1870 г. Норденшильдъ побывалъ въ Гренландіи, откуда онъ хотѣлъ привезти собакъ для будущей экспедиціи на Шпицбергенъ и изучить способъ употребленія ихъ въ упряжи. Но скромная задача разрослась въ научное путешествіе и онъ привезъ оттуда массу новыхъ наблюденій надъ безпредѣльнымъ ледникомъ, покрывающимъ всю страну. Тогда же на одномъ изъ гренландскихъ острововъ Норденшильдомъ были открыты громадныя глыбы самороднаго желѣза. Съ 1875 г. особенное вниманіе Норденшильда привлекаетъ Сѣверный Ледовитый океанъ, и онъ на парусномъ суднѣ достигаетъ устья Енисея; въ слѣдующемъ году онъ повторяетъ это путешествіе. Во время этихъ экспедицій Норденшильда имъ были открыты острова Сибирякова и изучено устье Енисея. Тогда же у него зародилась мысль, что въ Ледовитомъ океанѣ, вдоль сѣверныхъ береговъ Азіи, долженъ существовать свободный отъ льда проходъ, такъ какъ воды, изливаемыя такими могучими рѣками, какъ

*) Какъ извѣстно, Вирховъ одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи свободомыслящихъ.

Обь, Енисей, Лена и др., нагрѣтыя лѣтомъ, должны растапливать морской береговой ледъ; проходъ этотъ долженъ былъ, по предположенію Норденшильда, простираться отъ Сѣвернаго мыса до Берингова пролива. Съ цѣлью провѣрить это предположеніе и была снаряжена въ 1878 г. экспедиція, частью на средства Оскара Диксона и Александра Сибирякова, постоянно жертвовавшихъ на экспедиціи Норденшильда, частью на средства короля шведскаго и шведскаго правительства. 4-го іюля 1878 г. цѣлая эскадра («Вега», «Лена», «Экспрессъ» и «Фразеръ») отплыла изъ Готеборга, а 6-го августа они уже въ были въ Портъ-Диксонѣ у устья Енисея. 19-го августа Норденшильдъ достигаетъ наиболѣе сѣверной части Азіи—мыса Челюскина. Оказалось, что мысъ этотъ, дѣйствительно, состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ заливомъ, какъ на то указывалъ Челюскинъ, добравшійся до него на саняхъ въ маѣ 1742 года. 27-го августа «Вега» достигла устьевъ Лены. Все шло хорошо, и путешественники думали въ октябрѣ быть уже въ Японіи, но въ концѣ сентября, на небольшомъ разстояніи отъ Берингова пролива, «Вега» была затерта льдами. Норденшильду пришлось зимовать; зимовка окончилась только 18 го іюля 1879 г. Такимъ образомъ, экспедиціей этой была доказана возможность проплыть изъ Атлантическаго океана въ Тихій черезъ Сѣверный-Ледовитый, сдѣлана топографическая съемка многихъ частей сибирскаго берега, измѣрена во многихъ мѣстахъ глубина Ледовитаго океана, изучены водоросли, встрѣчающіяся въ немъ и флора сибирскихъ береговъ, а также и этнографія чукчей.

Послѣднее свое путешествіе Норденшильдъ совершилъ 1883 г. въ Гренландію, съ цѣлью узнать, не существуетъ ли внутри этой страны пространствъ, свободныхъ отъ льда. Путешествіе вглубь Гренландіи не подтвердило этого предположенія—всюду, на многіе сотни километровъ, былъ тотъ же материковый ледъ. Въ 1890 г. подъ руководствомъ знаменитаго путешественника должна была быть снаряжена экспедиція въ Южный-Ледовитый океанъ, но проектъ этотъ не былъ осуществленъ.

Въ послѣдніе годы Норденшильдъ интересовался старыми путешествіями и написалъ два сочиненія по исторіи географіи.

Къ вопросу объ образованіи видовъ и разновидностей. Въ настоящее время, врядъ ли найдется много біологовъ, которыхъ вполнѣ удовлетворяетъ теорія образованія видовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была изложена Дарвиномъ. На научную арену энергично выступаетъ новое направленіе — теорія не постояннаго, а, такъ сказать, внезапнаго образованія видовъ, скачками. Наиболѣе выдающимся представителемъ этого направленія, безспорно, является *Гуго де-Фризъ*, только что опубликовавшій капитальное сочиненіе «Теорія мутацій» («Mutations theorie»). Г. де-Фризъ является также первымъ ученымъ, который сдѣлалъ попытку обосновать свою теорію на фактахъ, добытыхъ путемъ многолѣтнихъ опытовъ.

Прежде всего де Фризъ указываетъ на то, что нужно твердо различать индивидуальныя уклоненія—*варіаціи* отъ *мутацій*. Въ варіяціяхъ дѣло идетъ только о плюсѣ или минусѣ извѣстнаго признака, новыхъ признаковъ не образуется. Предположеніе, что эти индивидуальныя уклоненія путемъ подбора постепенно накапливаются и возрастаютъ, не имѣетъ подъ собою ни опытнаго, ни теоретическаго основанія. Варіаціи не могутъ дать матеріала для образованія новыхъ видовъ. Де-Фризъ указываетъ, что и самъ Дарвинъ не сводилъ образованіе видовъ только къ индивидуальнымъ различіямъ. Онъ съ самаго начала придавалъ большое значеніе другой группѣ измѣненій и лишь постепенно, подъ вліяніемъ своихъ критиковъ, сталъ отдавать предпочтеніе индивидуальнымъ различіямъ.

Эта то вторая группа—*мутаціи* и должна быть принята въ разсчетъ при изложеніи теоріи де-Фриза. Подъ ними разумѣются неожиданныя, случайныя

измѣненія, о законахъ которыхъ пока мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что мутаціи происходятъ довольно рѣдко, и такъ сказать, скачками и вдругъ придаютъ виду новую форму или же образуютъ изъ одной разновидности другую, совершенно отличную отъ первой. При этомъ иногда образуется только одинъ новый признакъ, напримѣръ, появляются цвѣтки, исчезаютъ шипы, волоски, отростки, сѣмена и т. д., иногда же мутація охватываетъ всѣ признаки.

При искусственномъ подборѣ, пользуются, какъ индивидуальными уклоненіями, такъ и мутаціями. Но полученныя путемъ искусственнаго подбора, на основаніи индивидуальныхъ уклоненій, расы сохраняются въ цѣлости только при постоянномъ продолженіи подбора. Если же не дѣлать искусственнаго подбора, то, спустя нѣсколько поколѣній, эти расы снова возвращаются къ первоначальной формѣ. Въ сельскохозяйственной культурѣ приходится преимущественно имѣть дѣло съ подобными расами. Наоборотъ, тѣ новинки, которыя доставляютъ на рынокъ садоводы, если онѣ только не ублюдки или непривезены изъ другой страны, обязаны своимъ происхожденіемъ мутаціямъ. Эти формы произошли вдругъ и найдены въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ. Прежде чѣмъ ихъ доставить на рынокъ, садоводъ нуждается въ четырехъ или пяти годахъ, во время которыхъ онъ можетъ увеличить запасъ сѣмянъ и сдѣлать, какъ говорятъ, данную форму постоянной. Такія формы, очищенныя отъ продуктовъ скрещиванія, могутъ быть сохранены *постоянно* въ каждомъ саду, если только оберегаются отъ посторонней цвѣточной пыли и очищаются отъ примѣси другихъ сѣмянъ. Благодаря мутаціямъ въ природѣ и происходятъ элементарныя виды.

На примѣрѣ *Draba verna* L. можно лучше всего видѣть, что слѣдуетъ считать «элементарными» видами. Этотъ Линнеевскій видъ обнимаетъ въ Европѣ около 200 типовъ, которые, поскольку они культивировались, оказались совершенно постоянными. Обыкновенно подобныя формы называются подвидами или разновидностями, но де-Фризъ придерживается для нихъ названія «*элементарный видъ*».

Не многіе виды такъ богаты разновидностями, какъ *Draba verna*. Въ Германіи или во Франціи можно въ среднемъ считать на каждый основной видъ не болѣе двухъ или трехъ элементарныхъ видовъ, для всей же Европы, можетъ быть, до десяти. Весьма рѣдко элементарные виды отличаются другъ отъ друга только однимъ или немногими признаками, въ большинствѣ случаевъ различіе касается всѣхъ органовъ.

Задача опытнаго изслѣдованія сводится къ тому, чтобы сдѣлать происхожденіе подобныхъ элементарныхъ видовъ доступнымъ наблюденію и эксперименту. Происхожденіе же главнаго вида, также какъ и рода, необходимо разсматривать, какъ историческій процессъ, не доступный прямому наблюденію или опыту.

Итакъ, въ задачу опытнаго изслѣдованія входитъ изслѣдованіе происхожденія не *видовъ*, но *видовыхъ признаковъ* «Предметомъ его,—говоритъ де-Фризъ, должна быть мутація, т.-е. самое измѣненіе. Если намъ удастся найти законы мутацій, то не только наше понятіе о взаимномъ родствѣ живущихъ теперь организмовъ станетъ глубже, но мы можемъ надѣяться проникнуть и въ самый механизмъ образованія видовъ».

По вопросу объ отношеніи измѣненій къ естественному подбору авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Дарвина. Мутаціи совершаются во всѣхъ направленіяхъ, безъ руководящаго принципа; борьба за существованіе выбираетъ изъ мутацій наиболѣе подходящія. «По теоріи подбора Уоллэса и его приверженцевъ, подборъ совершается исключительно между индивидуумами одного и того же вида. По теоріи же мутацій, естественный подборъ происходитъ между видами. Одни побѣждаютъ и увеличиваютъ область своего распространенія, другіе же

исчезаютъ. Первые могутъ снова производить новые виды, вторые исчезаютъ безъ потомства. Основная мысль этой теоріи приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ извѣстномъ смыслѣ виды *не происходятъ* благодаря естественному подбору, но исчезаютъ». Де-Фризъ считаетъ возможнымъ, что новая форма можетъ утвердиться безъ борьбы за существованіе, если, во-первыхъ, она настолько сильна и плодовита, чтобы размножаться, и, во-вторыхъ, если она происходитъ не разъ, но много разъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода.

Авторъ думаетъ, что виды могутъ оставаться безъ измѣненій въ теченіе долгаго времени и лишь при наступленіи опредѣленныхъ условій начинаетъ проявляться измѣнчивость и образовываться новыя формы. «Задача экспериментальнаго изслѣдованія должна, —какъ думаетъ де-Фризъ,—состоять въ томъ, чтобы найти виды, которые находятся въ періодѣ измѣненій, а также отыскать условія, которыя могутъ искусственно привести виды въ подобный періодъ».

Начало этому положилъ самъ де-Фризъ. Въ окрестностяхъ Амстердама онъ искалъ виды, которые находились бы въ періодѣ подобнаго измѣненія. И дѣйствительно, среди болѣе, чѣмъ 100 видовъ, которые не имѣли никакихъ признаковъ измѣненій, онъ нашелъ одно растеніе, которое удовлетворяло требуемымъ условіямъ. Это было Oenothera Lamarckiana растеніе это дало много элементарныхъ видовъ *).

В. Агафоновъ.

---

*) Въ январьской книжкѣ нашего журнала за этотъ годъ мы говорили уже о внезапномъ появленіи элементарнаго вида *Oenothera gigas*, описанномъ Г. де-Фризомъ (мы транскрибировали Гюго де-Врієсъ, такъ какъ думали, что эта фамилія французскаго корня). Тогда де-Фризъ не опубликовалъ еще того капитальнаго сочиненія, содержаніе котораго мы передали теперь въ краткихъ чертахъ. Въ 1902 г. въ «Мірѣ Божьемъ» этому вопросу будетъ посвящена болѣе обстоятельная статья.

Ред.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Ноябрь 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Исторія искусства.—Исторія культуры.—Исторія всеобщая и русская.—Философія.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. А. Соколовъ. «Деревня въ родной поэзіи».—*Т. Щепкина-Куперникъ.* «Мои стихи».—*Леонидъ Андреевъ.* «Разсказы».—*М. Горькій.* «Собраніе сочиненій».

Деревня въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ деревнѣ. Составилъ А. А. Соколовъ. Москва. 1901 г. Собрать стихотворенія, гдѣ изображается русская деревня и русскій народъ—мысль, несомнѣнно, хорошая. Подобнаго рода сборникъ, при извѣстной полнотѣ и систематичности, представилъ бы прекрасный итогъ всего, что сдѣлала русская поэзія для ознакомленія интеллигентныхъ слоевъ сначала съ закрѣпощеннымъ, а потомъ съ освобожденнымъ народомъ. И время для изданія такого сборника выбрано самое подходящее: сорокалѣтняя годовщина освобожденія крестьянъ и начало новаго вѣка, когда обыкновенно подводятся всевозможные итоги старому вѣку. Въ сборникѣ г. Соколова помѣщено болѣе трехсотъ стихотвореній, принадлежащихъ болѣе, чѣмъ семидесяти русскимъ поэтамъ XIX вѣка и распредѣленныхъ на тридцать шесть отдѣловъ, обнимающихъ русскую природу, исторію и современный религіозный, нравственный и матеріальный бытъ русскаго народа съ его положительными и отрицательными явленіями. Въ числѣ пьесъ, вошедшихъ въ книгу г. Соколова, есть много прекрасныхъ и общеизвѣстныхъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ; но, къ сожалѣнію, не мало въ сборникѣ и плохихъ произведеній, принадлежащихъ иногда совершенно неизвѣстнымъ авторамъ, которые не указаны даже въ книгѣ г. Сальникова «Русскіе поэты». Если бы г. Соколовъ имѣлъ въ виду собрать, по возможности, *всѣ* стихотворенія, посвященныя деревнѣ, тогда, конечно, помѣщеніе произведеній разнаго рода самоучекъ и даже случайныхъ поэтовъ, имѣло бы извѣстный смыслъ. Но если замѣчаешь отсутствіе безспорно прекрасныхъ стихотвореній замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ и находишь сомнительные продукты современной россійской музы, то, конечно, приходится пожалѣть, что г. Соколовъ, какъ будто, старался внести въ свой сборникъ поэтовъ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Поэтовъ, писавшихъ о деревнѣ, оказалось, дѣйствительно не мало, но достоинство сборника не могло не понизиться вслѣдствіе того, что стихи мало кому извѣстныхъ гг. Нечаева, А. Державина, Рыскина, Гуляева, Жернова, Симонова, Струкова, Вашкова и иныхъ помѣшали явиться въ сборникѣ многимъ произведеніямъ Кольцова, Никитина, Некрасова, даже Пушкина. Подобные недочеты можно замѣтить почти въ каждомъ отдѣлѣ. Не нужно при этомъ думать, что эти недочеты произошли вслѣдствіе нежеланія собирателя вносить въ свою книгу общеизвѣстныя стихотворенія: въ сборникѣ не мало такихъ пьесъ, которыя извѣстны даже учиникамъ сельскихъ школъ, напримѣръ: «Сѣнокосъ» Майкова, «Нива» Жадовской, «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина и т. д. Въ отдѣльныхъ

случаяхъ выборъ стихотвореній прямо изумительный. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ «Дорога и степь» помѣщена «Зимняя дорога» г. Ѳедорова, а стихотвореніе Пушкина съ тѣмъ же заглавіемъ отсутствуетъ. Въ отдѣлѣ «Весна, лѣто, осень, зима» нѣтъ *ни одного* стихотворенія Пушкина. Въ отдѣлѣ «Пѣсни» нѣтъ *ни одной* пѣсни Кольцова. Въ отдѣлѣ «Русская демонологія» нѣтъ чуднаго пролога къ «Руслану и Людмилѣ», а «Гусару» отдано предпочтеніе передъ «Бѣсами». Въ отдѣлъ «Былины» почему-то попала пьеса гр. А. Толстого «Слѣпой», а былины того же автора о Потокѣ, Алешѣ, Садкѣ отсутствуютъ. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить, насколько полонъ сборникъ г. Соколова и насколько удаченъ сдѣланный имъ выборъ стихотвореній. Съ внѣшней стороны сборникъ изданъ прекрасно: хорошая бумага, четкій шрифтъ, рисунки, портреты, виньетки. Цѣна книги очень дешевая (одинъ рубль за книгу почти въ 500 столбцовъ). *С. Ашевскій.*

Мои стихи. Т. Щепкина-Куперникъ. Москва. 1901 г. Ц. 1 р. Гладкіе и нерѣдко изящные стихи г-жи Щепкиной-Куперникъ обнаруживаютъ если и не особенно выдающійся поэтическій талантъ автора, то, во всякомъ случаѣ, дарованіе—владѣть безупречно формой. Правда, нельзя не отмѣтить нѣкоторой монотонности ея стиховъ съ преобладаніемъ преимущественно шестистопнаго ямба, что дѣлаетъ чтеніе ихъ утомительнымъ. За то вы не встрѣтите въ нихъ ни одной неправильности, никакихъ искусственныхъ натяжекъ или перестановокъ, риѳмы изящны и разнообразны. Содержаніе ея музы также просто и безъ всякихъ современныхъ вычурностей, которыми такъ часто теперь прикрывается пустота и безсодержательность мысли и чувства многочисленныхъ стихотворцевъ нашихъ дней. Но существенный и главный недостатокъ г-жи Щепкиной-Куперникъ, какъ поэтессы, заключается въ отсутствіи яркаго, своеобразнаго настроенія, которое клало бы рѣзкую индивидуальную черту на ея творчество и давало бы свою опредѣленную окраску ея чувству и мысли. Говоритъ ли она о любви, о человѣческомъ страданіи, касается ли общественныхъ вопросовъ,—все выходитъ у нея очень мило, даже трогательно иногда, но только поэтическаго въ этомъ какъ будто нѣтъ, а скорѣе мысли и чувства хорошаго, неглупаго человѣка, облеченныя въ стихотворную, правильную и выдержанную, корректную форму. Вотъ, напр., одно изъ болѣе характерныхъ для настоящей книжечки стихотвореній, по которому читатели могутъ составить себѣ представленіе о преобладающей формѣ и содержаніи творчества автора. Стихотвореніе называется «Любовь».

Ты требуешь любви и жаждешь наслажденій...
О наслажденьяхъ ли мечтать теперь, мой другъ,
Когда такъ много слезъ и ужаса вокругъ,
Такъ много нищеты, такъ страшенъ мракъ осенній?
Нѣтъ, къ радостямъ земнымъ меня ты не зови,
Нѣтъ! Жить не для себя и не желать любви,
Но щедро разливать божественный напитокъ
Всѣмъ тѣмъ, кто жаждою томится безъ него...
Больнымъ, покинутымъ отдать любви избытокъ
И каждое любить земное существо.
Всѣмъ людямъ отдавать и слезы, и молитвы,
Всѣмъ людямъ посвящать порывы и мечты,
А требовать себѣ любви и красоты...
Но развѣ станешь ты на полѣ грозной битвы
Спокойно собирать душистые цвѣты?

Можно бы замѣтить, что послѣднее сравненіе нѣсколько утрировано, но въ общемъ все стихотвореніе такъ благонравно, что способно притупить остріе любой злобной критики. Мотивъ этого стихотворенія является преобладающимъ въ книжечкѣ г-жи Щепкиной-Куперникъ, которая лишь рѣдко-рѣдко позволяетъ себѣ уклоненіе въ сторону чисто личную, какъ, напр., въ стихотвореніи «Глаза».

Въ одни глаза я влюблена.
Я упиваюсь ихъ игрою.
Какъ хороша ихъ глубина...
Но чьи они—я не открою.

Едва въ тѣни густыхъ рѣсницъ
Блеснутъ опасными лучами—
И я упасть готова ницъ
Передъ волшебными очами.

Въ моей душѣ растетъ гроза,
Растетъ, тоскуя и ликуя...
Я влюблена въ одни глаза...
Но чьи они—не назову я!..

Такія поэтическія вольности поэтесса позволяетъ себѣ лишь очень рѣдко, и общій тонъ ея музы неизмѣнно сохраняетъ характеръ проповѣди и воззванія къ лучшимъ чувствамъ читателей.

Кромѣ лирическихъ стихотвореній, есть нѣсколько небольшихъ поэмъ, также мило написанныхъ, въ которыхъ авторъ стоитъ за кротость и всепрощеніе, за любовь къ ближнему, какъ бы онъ ни казался намъ преступенъ. Въ поэмѣ «Испытаніе» молодая женщина-врачъ спасаетъ жизнь ребенка другой женщины, ради которой измѣнилъ ей ея милый. Въ поэмѣ «Изъ лѣтняго альбома» разсказана съ надлежащимъ чувствомъ злополучная жизнь шарманщика-итальянца, котораго гонятъ отъ дачъ злые слуги и пригрѣваетъ своей лаской влюбленная чета. Въ остальныхъ поэмахъ не менѣе трогательные и поучительные сюжеты, внушающіе читателю добрыя чувства и наставляющіе его на путь истинный. По поводу всѣхъ ихъ мы обязаны сказать, что въ наши дни, когда себялюбіе овладѣло всѣми и торжествуетъ побѣду надъ робкими проявленіями любви къ ближнему, нельзя не быть благодарнымъ нашему скромному автору за его хотя и не громкій, но сердечный призывъ къ добру. *А. Б.*

Леонидъ Андреевъ. Разсказы. Ц. 80 к. Изд. товарищества «Знаніе». Спб. 1901 г. Разсказы г. Андреева представляютъ рѣдкое, выдающееся явленіе въ современной литературѣ. Или мы очень ошибаемся, или же можемъ поздравить читателей съ новымъ большимъ талантомъ. Гдѣ раньше печатался г. Андреевъ, мы не знаемъ, но небольшая книжка его разсказовъ отмѣчена такимъ яркимъ своеобразнымъ дарованіемъ, что становится просто жаль, если эти произведенія пропадали гдѣ-то въ неизвѣстности. Въ книгѣ десять небольшихъ разсказовъ, изъ которыхъ каждый такъ оригиналенъ по темѣ и формѣ, что, разъ прочитавъ ихъ, вы уже не забудете ни ихъ, ни автора. Каждый разсказъ даетъ цѣлую человѣческую драму, въ которой сказывается своеобразное умѣніе автора видѣть въ простыхъ и незамѣтныхъ сторонахъ жизни глубокіе мотивы, возбуждающіе всѣ эту бурю статей, разыгрывающуюся передъ нами и подавляющую читателя. Что можетъ быть проще и пошлѣе этихъ четырехъ игроковъ, неизмѣнно собирающихся по вечерамъ на винтъ, въ которомъ всѣ они давно усвоили одну и ту же манеру игры, привычки и отношеніе къ картамъ? Самый незадачливый изъ нихъ все мечтаетъ о большомъ шлемѣ, и вотъ разъ, когда карты сложились для него необыкновенно удачно, его хватилъ ударъ и онъ умеръ, не сыгравъ своего шлема именно тогда, когда онъ былъ у него, несомнѣнно, въ рукахъ. Его пораженные ужасомъ партнеры бродятъ растерянные, но вотъ одного изъ нихъ потрясло «одно соображеніе, ужасное въ своей простотѣ, и заставило его вскочить съ кресла. Оглядываясь по сторонамъ, какъ будто мысль не сама пришла къ нему, а кто-то шепнулъ ее на ухо, Яковъ Ивановичъ громко сказалъ:

«— Но вѣдь никогда онъ не узнаетъ, что въ прикупѣ былъ тузъ и что на рукахъ у него былъ вѣрный большой шлемъ. Никогда!

«И Якову Ивановичу показалось, что онъ до сихъ поръ не понималъ, что такое смерть. Но теперь онъ понялъ, и то, что онъ ясно увидѣлъ, было до такой степени безсмысленно, ужасно и непоправимо. Никогда не узнаетъ! Если Яковъ Ивановичъ станетъ кричать объ этомъ надъ самымъ его ухомъ, будетъ плакать и показывать карты, Николай Дмитріевичъ не услышитъ и никогда не узнаетъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ никакого Николая Дмитріевича. Еще одно бы только движеніе, одна секунда чего то, что есть жизнь— и Николай Дмитріевичъ увидѣлъ бы туза и узналъ, что у него есть большой шлемъ, а теперь все кончилось, и онъ не знаетъ и никогда не узнаетъ.— Ни-ко-гда,—медленно, по слогамъ, произнесъ Яковъ Ивановичъ, чтобы убѣдиться, что такое слово существуетъ и имѣетъ смыслъ. Такое слово существовало и имѣло смыслъ, но онъ былъ до того чудовищенъ и горекъ, что Яковъ Ивановичъ снова упалъ въ кресло и безпомощно заплакалъ отъ жалости къ тому, кто никогда не узнаетъ, и отъ жалости къ себѣ, ко всѣмъ, такъ какъ то же страшное и безсмысленно-жестокое будетъ и съ нимъ, и со всѣми».

Такимъ образомъ пошлый случай превращается въ общечеловѣческую драму, полную глубокаго смысла и внутренняго значенія. И такъ, въ каждомъ разсказѣ, благодаря необыкновенному мастерству и художественному проникновенію въ сущность описываемаго явленія. Будетъ ли это повѣсть о двухъ, не знавшихъ любви и ласки существахъ, какъ въ очеркѣ «Ангелочекъ», гдѣ восковая фигурка рождественскаго ангелочка будитъ въ душѣ этихъ заброшенныхъ людей всю неутолимую въ человѣкѣ жажду счастья, или разсказъ о душѣ мрачнаго, очерствѣлаго попа, въ разсказѣ «Молчанье», или въ удивительномъ по мастерству разсказѣ про Сергѣя Петровича, этомъ среднемъ по уму и способностямъ представителѣ золотой середины, въ которомъ постепенно просыпается чувство гордаго сознанія своей человѣческой личности, и т. д.—вездѣ мы присутствуемъ и мучительно переживаемъ глубочайшую драму борющейся съ судьбой и всегда побѣждаемой личности. Этотъ драматизмъ налагаетъ на всю книгу г. Андреева особую печать безысходной грусти, почти мрачнаго, ѣдкаго пессимизма и какой то злобной тоски.

По силѣ изобразительнаго таланта, не расплывающагося въ мелочахъ, а властно рисующаго рѣзкими и яркими штрихами, г. Андреевъ не уступаетъ нашимъ первокласснымъ художникамъ. Это не ученикъ, робко ищущій дороги или плетущійся въ хвостѣ избраннаго имъ образца,—предъ нами настоящій мастеръ съ энергичной и богатой кистью, совершенно самостоятельный. Вотъ, напр., описаніе ночной картины на рѣкѣ во время разлива. «Грести пришлось противъ теченія, и Алексѣй Степановичъ въ нѣсколько минутъ покрылся пóтомъ. На серединѣ рѣки его понесло внизъ, но онъ съ усиліемъ выправился и отдохнулъ въ залитой слободской улицѣ, куда загнало его теченіемъ. Теперь чердаки были сумрачно-молчаливы и черны и казались немного страшными, какъ крышки большихъ гробовъ, также какъ и черная рѣка, полная скрытой жизнью, таинственнымъ шепотомъ и силою. Она словно боролась съ Алексѣемъ Степановичемъ, вырывала весла и угрожающе весело журчала у носа лодки. Пробираясь вдоль берега черезъ затопленные призрачные сады, вздрагивая отъ прикосновенія холодныхъ вѣтвей, скрюченныхъ и цѣпкихъ, какъ пальцы утопленника, и отталкиваясь отъ черныхъ крышъ, Алексѣй Степановичъ выплылъ за окраину, гдѣ вода разливалась широкимъ тускло-блистающимъ озеромъ. Онъ гребъ наугадъ къ насыпи, которая чернымъ горбомъ стала отдѣляться отъ темнаго неба. Нагибаясь впередъ, равномѣрно поднимая и опуская весла, Алексѣй Степановичъ закрывалъ глаза, и тогда казалось, что весь міръ остался гдѣ-то далеко назади, и онъ плыветъ давно, уже цѣлые года, плыветъ въ черную безконечность, гдѣ все ново и не похоже на оставленное позади. Такъ

шли минуты, и когда онъ поднялъ голову, насыпь стояла передъ нимъ высокая и строгая, а ближе сѣрѣла одинокая крыша, нѣмая и таинственная»...

Выхваченное нами описаніе изъ разсказа «На рѣкѣ» не представляетъ чего-либо особеннаго сравнительно съ другими мѣстами какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ другихъ. Такимъ образнымъ и сильнымъ, несмотря на свою простоту, языкомъ написана вся книга, которую горячо рекомендуемъ читателямъ. Въ ней онъ найдетъ надъ чѣмъ призадуматься, такъ какъ каждый разсказъ оригиналенъ по замыслу и превосходно законченъ по исполненію. Съ г. Андреевымъ мы, вѣроятно еще не разъ встрѣтимся. Суля по такому началу, предъ нами новая крупная литературная сила. *А. Б.*

М. Горькій. Разсказы. Третье изданіе. Четыре тома. Ц. каждаго тома 1 р. Изд. товарищ. «Знаніе». Тридцатая тысяча. Спб. 1901 г. Первое изданіе разсказовъ г. Горькаго въ двухъ томахъ вышло въ 1898 г., затѣмъ два года тому назадъ вышло первое изданіе «Знанія» въ 4-хъ томахъ, теперь имѣемъ третье, съ обозначеніемъ «тридцатая тысяча». Успѣхъ небывалый, какимъ не можетъ похвалится ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей нашего времени, за исключеніемъ Л. Толстого, къ которому не подходятъ обычныя мѣрки. Мы не помнимъ, чтобы какой-либо писатель такъ сразу привлекъ къ себѣ общее вниманіе и завоевалъ такъ быстро всеобщія симпатіи читателей. И это тѣмъ болѣе поразительно, что критика, какъ реакціонная, въ родѣ нововременской, такъ и «либеральная», отнеслась къ молодому писателю далеко недружелюбно. М. Горькій завоевалъ своего читателя исключительно силою своего таланта, такъ рѣзко выдѣлившаго его изъ ряда другихъ беллетристовъ. Интересно между прочимъ, что успѣхъ его на западѣ нисколько не меньшій. Недавно, напр., вышло изданіе его разсказовъ на датскомъ языкѣ съ восторженной статьей Брандеса. Есть, очевидно, что то, влекущее къ этому таланту не только русскаго читателя, а, если такъ можно выразиться, читателя вообще, внѣ національныхъ различій. Мы думаемъ, что это «что-то» заключается въ общемъ настроеніи его произведеній,—въ силѣ и свободѣ, которыми проникнута атмосфера его разсказовъ, въ рѣдкой силѣ и яркости его образовъ, которые врѣзываются въ память читателя неизгладимыми чертами, въ оригинальности обстановки того новаго міра, который онъ такъ чудесно возсоздаетъ предъ нами.

Новое изданіе также изящно и хорошо, какъ и предшествующія. На обложкѣ его значится, что скоро готовится къ выходу пятый томъ, въ который войдетъ, вѣроятно, и романъ «Трое», такъ неожиданно оборвавшійся на самомъ интересномъ и важномъ мѣстѣ. *А. Б.*

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

А. фонъ-Фрикенъ. «Итальянское искусство въ эпоху возрожденія.—*В. Дѣдловъ.* «Кіевскій владимірскій соборъ и его художественные творцы.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть четвертая. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1901 г. Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ многолѣтнемъ трудѣ г. А. фонъ-Фрикена, доведенномъ нынѣ до окончанія. Авторъ доводитъ свое изложеніе до второй половины XVI вѣка, когда начался такъ называемый упадокъ искусства въ Италіи. Въ настоящемъ томѣ онъ разсматриваетъ главныхъ представителей венеціанской школы—Джіорджіоне, Тиціана, Веронезе, Тинторетто, вмѣстѣ съ нѣсколькими менѣе значительными художниками того же направленія, а также Корреджіо и его послѣдователя Пармиджанино, причисляемыхъ къ неопредѣленной группѣ такъ называемой ломбардской школы. Обширныя знанія автора, т.-е. не столько начитан-

ность въ литературѣ предмета, сколько близкое знакомство со всѣми главными галлереями Европы, и горячая любовь къ искусству не могутъ не подкупать читателя, но отдавая должное этимъ качествамъ, нельзя не признать, что г. фонъ Фрикенъ совсѣмъ не умѣетъ поддержать интересъ къ своему предмету. Это зависитъ далеко не только отъ сухого и тяжеловатаго языка, что можно было бы не ставить въ вину писателю, живущему уже нѣсколько десятковъ лѣтъ внѣ родины (во Флоренціи). Вина заключается въ самомъ характерѣ изложенія, въ которомъ не чувствуется ни какой внутренней связи, а главное въ примитивности историческихъ взглядовъ автора. Выбравъ какого-нибудь художника, онъ вкратцѣ сообщаетъ все, что извѣстно изъ его біографіи, главнымъ образомъ анекдотическую сторону ея, и затѣмъ даетъ точное описаніе внѣшности всѣхъ произведеній даннаго художника. Описаніе картинъ въ исторіи искусства можетъ имѣть одну цѣль: чтобы дать понять свое сужденіе о данномъ художникѣ или о данномъ теченіи въ искусствѣ, историкъ долженъ такъ описать подлежащія оцѣнкѣ произведенія, чтобы читатель, которому въ большинствѣ случаевъ недоступно непосредственное ихъ созерцаніе, получилъ хоть отдаленное понятіе о производимомъ ими впечатлѣніи. Для этого историкъ долженъ быть въ извѣстной степени самъ художникомъ, а про г. фонъ-Фрикена этого никакъ нельзя сказать. Приведемъ для примѣра хоть одно изъ сотенъ его описаній. Остановимся на одномъ изъ знаменитыхъ женскихъ портретовъ Тиціана, находящемся въ эрмитажѣ: «Это молодая особа, красивая и граціозная, написанная въ фасъ. Она улыбается нѣсколько хитро и способна плѣнить сердце зрителя. На головѣ ея надѣта немного на бекрень налѣво красная шапочка съ вышитыми жемчугомъ желтыми лентами. Пряжка, усѣянная драгоцѣнными каменьями, прикрѣпляетъ къ шапочкѣ длинное перо страуса, которое, сгибаясь, падаетъ почти до плеча. Изъ-подъ этого головного убора выбѣгаютъ локоны, спускающіеся на лобъ и виски; въ ушахъ серьги; на шеѣ жемчужное ожерелье; на правой рукѣ браслетъ. Ея правое плечо, часть груди и рука обнажены; ею она придерживаетъ свой падающій плащъ, брошенный на лѣвое плечо. Подъ нимъ видна бѣлая сорочка. Въ этомъ женскомъ образѣ, представленномъ въ натуральную величину, по колѣни, много чувственнаго; болѣе, чѣмъ въ другихъ фигурахъ подобнаго же рода, написанныхъ Тиціаномъ. Нагое тѣло пострадало отъ нѣсколькихъ реставрацій». Совершенно такъ описываются картины въ каталогахъ. Вотъ, напр., описаніе того же портрета въ эрмитажномъ каталогѣ: «Портретъ молодой женщины.—Она изображена по колѣни, стоящею, въ тонкой бѣлой сорочкѣ, спущенной съ праваго плеча, и въ накинутой на плечи зеленой шубкѣ, подбитой собольимъ мѣхомъ; правою рукою она придерживаетъ шубку у лѣваго плеча, а лѣвою у праваго бедра. На головѣ у нея—небольшая шляпа малиноваго цвѣта, украшенная жемчугомъ и страусовыми перьями, съ дорогою пряжкою; на шеѣ—нитка жемчуга, въ ушахъ—жемчужныя серьги, а на правой рукѣ—золотой браслетъ съ драгоцѣнными камнями». Въ каталогахъ подобныя описанія вполнѣ умѣстны. Здѣсь важно сообщить всѣ внѣшніе признаки картины, чтобы помочь зрителю возстановить въ своей памяти впечатлѣніе, полученное непосредственно отъ самаго произведенія искусства. Оцѣнивать картину и художника каталогъ долженъ предоставить самому зрителю, а критикъ или историкъ искусства, желающій, конечно, чтобы читатель согласился съ его сужденіемъ, не можетъ ограничиваться перечисленіемъ брошекъ и браслетовъ. Такими-то описаніями, болѣе или менѣе подробными, полна книга г. фонъ-Фрикена.

Нѣсколько живѣе говоритъ онъ только о произведеніяхъ Корреджіо, который, повидимому, лично ему симпатичнѣе, чѣмъ художники венеціанской школы. По перечисленіи всѣхъ произведеній какого-нибудь художника, авторъ всегда резюмируетъ свое мнѣніе о его личности и дѣятельности. Эти характери-

стики также весьма блѣдны и не даютъ никакого представленія о дѣйствительномъ значеніи разсмотрѣнныхъ явленій искусства. Чрезвычайно слаба также заключительная глава, гдѣ авторъ старается на нѣсколькихъ страницахъ изобразить историческія условія расцвѣта и паденія итальянскаго искусства, значеніе его въ исторіи итальянской культуры и вліяніе на искусство другихъ европейскихъ народовъ. «Возрожденіе искусства въ Италіи,—говоритъ онъ,—проявилось, или лучше сказать было результатомъ пробужденія арійскаго ума итальянцевъ». Далѣе еще много говорится объ этомъ загадочномъ арійскомъ умѣ въ противоположность семитическому, который будто бы воплотился въ средневѣковомъ католицизмѣ. Эта идея о борьбѣ арійскаго и семитическаго міровоззрѣнія въ Европѣ, какъ мы указывали въ свое время, помѣшала г. фонъ-Фрикену оцѣнить даже такого художника, какъ Микель-Анджело; въ данномъ случаѣ она тоже ничего не уясняетъ и многое затемняетъ: такъ, напр., остается непонятнымъ, какимъ образомъ искусство достигло такого развитія въ Испаніи, гдѣ никакого пробужденія арійскаго ума не происходило. Г. фонъ-Фрикенъ старается увѣрить насъ, что въ Испаніи достигла совершенства только художественная форма, заимствованная изъ Италіи. Но это невѣрно. Форма не можетъ развиться помимо развитія художественнаго пониманія природы. И признавая во всей силѣ вліяніе итальянскаго искусства на Испанію, всякій непредубужденный человѣкъ не можетъ отрицать, что здѣсь искусство получило совершенное оригинальное развитіе и, несмотря на свою католическую окраску, съумѣло выразить много общечеловѣческихъ идей и чертъ. Также предвзято судитъ г. фонъ-Фрикенъ и о нидерландской живописи. Исходя изъ банальнаго принципа, «что какая-либо картина, оживленная мыслью, будетъ болѣе привлекать насъ, чѣмъ лишенная внутренняго содержанія», онъ находитъ, что итальянское искусство, особенно флорентійская и римская школы, гораздо выше, напр., Рембрандта потому, что тамъ художники старались выражать въ своихъ произведеніяхъ философскія идеи, къ числу которыхъ авторъ причисляетъ и психологическія проблемы, тогда какъ Рембрандтъ будто бы ищетъ только свѣтовыхъ эффектовъ. Преимущество идейной живописи передъ безыдейною доказывается тѣмъ, что послѣдняя совершенно теряетъ свой интересъ въ гравюрѣ, тогда какъ первая и въ гравюрѣ можетъ говорить уму зрителя. Это доказательство равносильно тому, какъ если бы кто-нибудь значеніе музыкальнаго произведенія вздумалъ измѣрять тѣмъ, можно ли разсказать его содержаніе словами или нѣтъ. Но даже независимо отъ этого, весьма странно, что г. фонъ-Фрикенъ не замѣчаетъ той неизмѣримой психологической глубины, которая раскрывается намъ въ портретахъ Рембрандта и не уничтожается даже въ гравюрѣ.

Такіе скороспѣлые и однобокіе выводы, которыхъ заключается не мало на послѣднихъ страницахъ книги г. фонъ-Фрикена, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о неправильности его основныхъ положеній, и такимъ образомъ конечно результатъ его громаднаго труда оказывается далеко не въ соотвѣтствіи съ объемомъ затраченныхъ на него усилій. *Е. Дегенъ.*

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 25. В. Л. Дѣдловъ. Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы. Съ автотипическими снимками. М. 1901 г. in 8 vo. Стр. 86. Ц. 40 коп. Серія брошюръ подъ приведеннымъ выше общимъ заглавіемъ задумана по образцу извѣстной «Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge» проф. Вирхова и Гольцендорфа и задается цѣлью «дать въ популярной формѣ, съ одной стороны, критически-провѣренное изложеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ или отдѣловъ науки, съ другой—освѣщать нѣкоторыя изъ текущихъ явленій искусства, литературы и жизни». Путемъ изданія своихъ брошюръ анонимная редакція выражаетъ надежду способствовать «проведенію въ среду читающей

публики основныхъ положеній науки и пріемовъ научнаго мышленія, сближенію современнаго знанія съ дѣйствительною жизнью». Серія начата изданіемъ въ 1896 году, за шесть почти лѣтъ анонимная редакція, вспомоществуемая издательскою фирмою Гросманъ и Кнебель, успѣла издать 24 брошюры, изъ которыхъ вопросамъ искусства посвящены три: 1) *Ив. Ег. Забѣлинъ.* «Черты и самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ», 2) *Р. Мутеръ.* «Русская живопись въ XIX вѣкѣ» и 3) нынѣ разбираемая. Первая—превосходно задуманная и со вкусомъ выполненная работа лучшаго знатока русскихъ древностей въ Россіи, вторая—не лишенная интереса по содержанію, является образцомъ возможной со стороны анонимной редакціи неряшливости и, наконецъ, третья, въ виду приведенныхъ выше заявленій редакціи о цѣляхъ преслѣдуемыхъ изданіемъ, обращаетъ на себя наше вниманіе со стороны вопроса, насколько она освѣщаетъ нѣкоторыя изъ текущихъ явленій искусства или способствуетъ сближенію современнаго знанія съ дѣйствительною жизнью. В. Л. Дѣдловъ, поставивъ центромъ своихъ наблюденій живописныя работы Кіевскаго Владимірскаго собора, дѣлаетъ попытку нарисовать страницу изъ исторіи русской *религіозной* живописи. Попытка трудная, мало благодарная по существу, но, кажется, по внѣшности нынѣ очень обезпеченная. Авторъ по преимуществу останавливается на работахъ В. М. Васнецова, культъ котораго, особливо въ современной Москвѣ, стоитъ очень высоко, и лишь рядъ отдѣльныхъ замѣчаній посвящаетъ А. В. Прахову, П. А. Свѣдомскому, В. А. Котарбинскому и М. В. Нестерову. Манера изложенія беллетристическая, анализъ отсутствуетъ, авторъ даетъ описаніе работъ В. М. Васнецова, сопровождая ихъ лирическими изліяніями достаточно жаркими, но не всегда достаточно понятными, за то постоянно враждебными научной постановкѣ любопытной темы. Авторъ нарисовалъ портретъ А. В. Прахова, наговорилъ по его адресу кучу любезностей, но не проронилъ ни слова о значеніи его «ученыхъ работъ по искусству», которыя-де «признаны солидными вкладами въ европейскую науку». Что можетъ вынести простой читатель популярной книжки изъ подобной фразы? Ровно ничего. Въ популярномъ очеркѣ, посвященномъ современной русской религіозной живописи, менѣе всего простительно пускать въ ходъ фразу—истинное бѣдствіе нашего общества и нашей литературы. Въ то время, когда А. В. Праховъ занялся соборомъ св. Владиміра, пишетъ г. Дѣдловъ (стр. 8 и 9), «шла рѣчь объ отдѣлкѣ храма и этому *народному памятнику* (?!) грозила опасность быть расписаннымъ какой-нибудь заурядной иконописной артелью или таковыми же отдѣльными художниками; такъ было рѣшено въ канцеляріяхъ и смѣтахъ». А. Прахову удалось отдать дѣло въ руки В. Васнецова, и тѣмъ «онъ создалъ памятникъ не только крестителю Россіи, но и самой Россіи, русскому искусству... Мало того, въ этомъ храмѣ произошелъ переломъ въ направленіи русской живописи... Праховъ выдвинулъ такого сильнаго идеалиста, какъ Викторъ Васнецовъ, и создалъ *первый въ новой Россіи національный храмъ*». Мы ухватились сейчасъ за исходную точку всего разсказа г. Дѣдлова. Живописныя созданія В. Васнецова во Владимірскомъ соборѣ—перлъ созданія національной русской живописи въ религіозномъ направленіи. Въ чемъ же заключаются національныя черты этой живописи?—вотъ вопросъ, на который читателю въ популярной книжкѣ долженъ быть данъ обстоятельный, ясный отвѣтъ и притомъ въ формѣ опредѣленныхъ положеній, а не тѣхъ или другихъ жгучихъ изліяній или красивыхъ фразъ. В. Васнецовъ оставляетъ жанръ, читаемъ у г. Дѣдлова (стр. 29), и вступаетъ въ область былинъ и народныхъ сказаній: въ произведеніяхъ этого рода «много поэзіи, еще больше *національнаго элемента*». Но въ чемъ же г. Дѣдловъ видитъ этотъ національный элементъ? Не знаемъ, ибо авторъ, бросивъ мимоходомъ это важное замѣчаніе, тотчасъ же переходитъ къ описанію четырехъ картинъ

В. Васнецова «Каменный вѣкъ». Это описаніе заканчивается новымъ замѣчаніемъ, составляющимъ переходъ къ характеристикѣ религіозной живописи В. Васнецова: «Васнецовъ въ «Каменномъ вѣкѣ» только расправляетъ крылья. Ставшая теперь знаменитою «Богоматерь» была тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросли великолѣпныя *національныя* религіозныя картины во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ» (стр. 33). Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Дѣдлова читатель съ нескрываемымъ волненіемъ ищетъ отвѣта на свои запросы о томъ, въ чемъ же выражается національный элементъ у В. Васнецова. Но увы!.. отвѣта не находитъ. Признавая В. Васнецова художникомъ національнымъ, авторъ сознаетъ, что это положеніе надо доказать. Будемъ же искать этихъ доказательствъ, такъ какъ простой фактъ, что художникъ изображаетъ русскія формы, вѣрованія и идеалы, еще не дѣлаетъ его національнымъ (срв. стр. 44). Эти доказательства начинаются со стр. 48-й и заключаются въ многочастномъ и многообразномъ повтореніи термина «русскій духъ»: «неподражаемый, неизучаемый русскій духъ русской церкви понятъ Васнецовымъ въ совершенствѣ»,—«куда бы вы ни взглянули, вы видите тотъ же русскій духъ»,—«что даетъ Васнецовъ—свое, воспринятое вами въ дѣтствѣ, видѣнное вами въ вашей сельской церкви, на иконахъ вашей кормилицы и няньки, но, къ сожалѣнію, не въ комнатахъ вашего дома: теперь *національныя русскія* иконы, благодаря Васнецову, будутъ и тамъ»,—«національный въ общемъ, Васнецовъ націоналенъ до послѣдней написанной имъ черты». Авторъ полагаетъ, что въ научно популярной брошюрѣ возможно аргументацію замѣнять дѣтскимъ призывомъ вѣрить лучшимъ чувствамъ автора. Любопытно, что г. Дѣдловъ даже не считаетъ нужнымъ дать подробный анализъ знаменитой русской «Богоматери» В. Васнецова, замѣняя его басней по адресу находчивости А. В. Прахова (стр. 53), а въ брошюрѣ нѣтъ даже автотипическаго снимка съ изображенія первой русской «Богоматери». Это вовсе непростительно, особливо если имѣть въ виду, что въ брошюрѣ имѣются автотипіи другихъ менѣе замѣчательныхъ и интересныхъ изображеній.

Такимъ образомъ, національныя черты васнецовскихъ произведеній остаются совершеннымъ иксомъ для читателей брошюры г. Дѣдлова. Она написана живо и легко, но не разрѣшаетъ ни тѣхъ задачъ, которыя поставила себѣ анонимная редакція «Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни», ни той, которую самъ г. Дѣдловъ навязываетъ русской художественной критикѣ.

Вас. Сторожевъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

А. Марковъ. «Бѣломорскія былины».—*Э. Лангъ.* «Миѳологія».

Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. Съ предисловіемъ проф. В. Ѳ. Миллера. Москва. 1901 г. «Къ чести нашего общества, нашей литературы и печати нужно сказать,—говоритъ профессоръ В. Ѳ. Миллеръ въ своей книгѣ: «Очерки русской народной словесности»,—что нигдѣ въ Европѣ интересъ къ народу, его жизни, изученію его прошлаго и настоящаго, его духовнаго склада не поднятъ такъ высоко, не согрѣтъ такимъ живымъ сочувствіемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ». Въ частности, благодаря интересу къ народному творчеству, XIX вѣкъ былъ свидѣтелемъ цѣлаго ряда открытій драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи и цѣлаго ряда изслѣдованій, посвященныхъ всестороннему изученію этихъ памятниковъ. Въ самомъ концѣ истекшаго вѣка къ прежнему богатству русской народной поэзіи присоединились цѣнныя находки новыхъ памятниковъ русскаго былевого эпоса. Находки

эти сдѣланы въ Архангельской губерніи молодыми этнографами г.г. Марковымъ и Григорьевымъ. Первый изъ нихъ въ двухъ селахъ Зимней Золотницы (Верхней и Нижней) на зимнемъ берегу Бѣлаго моря записалъ сто шестнадцать «старинъ». Второй въ теченіе двухъ лѣтъ, 1899 и 1900 годовъ, въ Поморьѣ и по теченію рѣки Пинеги записалъ 167 №№ «старинъ». Находки, сдѣланныя названными этнографами подтвердили предположеніе, что былинная традиція въ Архангельской губ. не менѣе свѣжа, чѣмъ въ Олонецкой, считающейся «Исландіей» нашего эпоса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г.г. Марковымъ и Григорьевымъ, оказывается, что былины поются во многихъ мѣстахъ Архангельской губерніи. Предстоятъ, слѣдовательно, и въ XX вѣкѣ новыя записки былинъ.

«Бѣломорскія былины», собранныя г. Марковымъ, занимаютъ болѣе пятисотъ страницъ. Цѣлая половина напечатанныхъ былинъ записана отъ замѣчательной сказательницы *) Аграфены Матвѣевны Крюковой, замужней женщины лѣтъ сорока пяти, родомъ съ Терскаго берега. Ея удивительная память сохранила шестьдесятъ былинъ, въ которыхъ болѣе десяти тысячъ стиховъ. Въ этомъ отношеніи наравнѣ съ нею не можетъ быть поставленъ ни одинъ изъ извѣстныхъ олонецкихъ сказателей, если не считать калики Мѣщанинова, о которомъ Гильфердингу сообщали, что онъ зналъ до семидесяти былинъ. Изъ числа же извѣстныхъ этнографамъ олонецкихъ сказателей первое мѣсто по количеству стиховъ принадлежитъ Ивану Трофимовичу Рябинину, память котораго сохранила шесть тысячъ стиховъ **).

«Типическую особенность архангельскихъ старинъ,—по отзыву профессора В. Миллера,—составляетъ ихъ сжатость и содержательность. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ олонецкихъ, которыя переполнены повтореніями и достигаютъ нерѣдко тысячи стиховъ и болѣе. Былины Терскаго и зимняго берега обыкновенно укладываютъ даже довольно сложный разсказъ въ 150—200 стиховъ... Отсутствіе растянутости, нисколько не вредящее притомъ полнотѣ деталей, значительно возвышаетъ ихъ интересъ для всякаго любителя народной поэзіи. Но лица, ближе интересующіяся народной былиной и изучающія ее спеціально, найдутъ въ сборникѣ г. Маркова много новыхъ и цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ».

Ближайшее ознакомленіе съ «Бѣломорскими былинами» позволяетъ внести цѣлый рядъ поправокъ въ наши свѣдѣнія о русскомъ былевомъ эпосѣ. Въ упомянутыхъ, «Очеркахъ русской народной словесности» (Москва. 1897 г.) говорится, что въ Архангельской губ. неизвѣстны былины о многихъ богатыряхъ, напримѣръ, о Потокѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Ставрѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Сухманѣ, Вольгѣ, Микулѣ, Святогорѣ, Чурилѣ, Садкѣ и Василіи Буслаевѣ. А въ 1898 и 1899 годахъ на берегахъ Бѣлаго моря были записаны былины, въ которыхъ говорится или только упоминается обо всѣхъ этихъ богатыряхъ, исключая Микулы, имени котораго даже Крюкова никогда не слыхала. Тотъ же профессоръ В. Миллеръ въ названныхъ «Очеркахъ» заявилъ, что нѣтъ надежды найти былины съ новыми сюжетами или новыми типами богатырей. А въ предисловіи къ «Бѣломорскимъ былинамъ» самъ профессоръ Миллеръ заявляетъ, что «г. Марковъ записалъ нѣсколько вполнѣ новыхъ старинъ, которыя до сихъ поръ не встрѣчались прежнимъ собирателямъ. Эти впервые издаваемыя старины составляютъ лучшее украшеніе его сборника и даютъ новый матеріалъ для изслѣдователей народнаго эпоса». Изъ такихъ вполнѣ

*) Въ Олонецкой губ. пѣвцы и пѣвицы былинъ называются сказителями и сказительницами, въ Архангельской губ.—сказателями и сказательницами.

**) Память Арины Ѳедосовой хранитъ до двадцати тысячъ стиховъ, но это не «сказительница» («старинъ» въ ея репертуарѣ немного), а «вопленница», спеціальность которой составляютъ разнаго рода причитанія.

новыхъ старинъ особенно интересны былины о сватовствѣ Идолища къ племянницѣ князя Владиміра Марѳѣ Митревнѣ, о женитьбѣ Добрыни, объ Ильѣ Муромцѣ въ изгнаніи, о Камскомъ побоищѣ, о царѣ и купеческой дочери, а также историческія пѣсни о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II.

Въ «Бѣломорскихъ былинахъ» есть не только новые сюжеты, но даже новые богатыри, напримѣръ, Глѣбъ Володьевичъ, Жданъ-королевичъ, Иванъ Тородоровичъ. Наконецъ, кромѣ новыхъ сюжетовъ, въ «Бѣломорскихъ былинахъ» есть очень рѣдкіе сюжеты, имѣющіе всего одну-двѣ параллели въ прежнихъ сборникахъ былинъ. «Даже въ широкоизвѣстныхъ былинныхъ сюжетахъ, вошедшихъ въ архангельскій репертуаръ, знатокъ эпоса,—по словамъ г. В. Миллера—подмѣтитъ нерѣдко новые мотивы, интересныя детали и новыя второстепенныя лица. Вообще мы, увѣрены,—говоритъ профессоръ Миллеръ,—что «Бѣломорскія былины» по разнообразію содержанія и новизнѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ займутъ выдающееся мѣсто среди сборниковъ эпическихъ пѣсенъ и дадутъ изслѣдователямъ-спеціалистамъ новый и обильный матеріалъ для разработки».

Записаны былины съ необыкновенной точностью: переданы всѣ особенности рѣчи бѣломорскихъ сказателей и сказательницъ. «Лучшихъ записей былинъ,—говорится въ предисловіи — не исключая и записей Гильфердинга, мы не имѣемъ». Кромѣ текста былинъ и предисловія читатель «Бѣломорскихъ былинъ» найдетъ интересную статью собирателя «Былинная традиція на зимнемъ берегу Бѣлаго моря» и біографическія свѣдѣнія о тамошнихъ пѣвцахъ былинъ. Въ концѣ книги даны очень цѣнныя приложенія: словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ, указатели собственныхъ именъ и предметовъ, списокъ былинъ по содержанію съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ и напѣвы двухъ былинъ. *С. Ашевскій.*

Э. Лангъ. Миѳологія. Переводъ подъ редакціею Н. Н. и В. Н. Хорузиныхъ. Москва. 1901 г. Изданіе В. Линдъ. (209 стр. 16°). Ц. 80 к. Небольшая книга англійскаго миѳолога Ланга представляется настолько содержательной, что появленіе ея въ русскомъ переводѣ необходимо признать значительнымъ обогащеніемъ русской миѳологической литературы, бѣдной какъ оригинальными, такъ и переводными сочиненіями. Эта бѣдность объясняется отчасти также и тѣмъ обстоятельствомъ, что спеціалистовъ-миѳологовъ въ настоящее время немного и на Западѣ. Быстрый расцвѣтъ миѳологіи какъ-то внезапно смѣнился почти полнымъ затишьемъ послѣ того, какъ наступило разочарованіе въ стройныхъ и блестящихъ миѳологическихъ теоріяхъ, оказавшихся совершенно несостоятельными. Миѳологія почти совсѣмъ замерла, и нѣкоторые спеціалисты оставили свои занятія въ этой области. И дѣйствительно плодотворное занятіе миѳологіей стало дѣломъ крайне труднымъ. Сначала миѳологія занималась только миѳами народовъ классической древности—грековъ и римлянъ. Миѳологическій матеріалъ значительно возросъ, когда къ нему присоединились миѳы германцевъ, индійцевъ, кельтовъ, литовцевъ, славянъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. Когда и въ миѳологіи появился такъ называемый сравнительный методъ, матеріалъ ея распространился на миѳы всѣхъ народовъ земного шара. Осилить такой огромный матеріалъ не легко, а сравненіе сходныхъ миѳовъ до сихъ поръ не дало ничего опредѣленнаго для ихъ научнаго объясненія. Вотъ почему сравнительная миѳологія въ настоящее время не пользуется особенною популярностью. Миѳологическіе вопросы разбираются попутно спеціалистами какихъ-либо отдѣльныхъ областей, но почти вовсе нѣтъ охотниковъ заниматься одною только миѳологіей. Мы увидимъ изъ разбора книги Ланга, что есть и иныя причины современнаго упадка изученія миѳологіи.

Но обратимся къ содержанію самой книги. Миѳологію авторъ опредѣляетъ, какъ «науку, предметъ которой составляютъ миѳы, т.-е. преданія, относящіяся къ космогоніи къ богамъ и героямъ» (30). Въ миѳахъ цивилизованныхъ народовъ

Лангъ находитъ два элемента: одинъ—раціональный, естественный и потому не требующій объясненія; другой—ирраціональный, неестественный, нелѣпый, дикій и безсмысленный. Какъ примѣръ раціональнаго элемента, Лангъ приводитъ изображеніе Артемиды-охотницы въ Одиссеѣ. «Мы сразу чувствуемъ, что понятіе объ этой царственной покровительницѣ лѣсовъ, объ этой гордой и цѣломудренной царицѣ и охотницѣ, составляетъ идею полную красоты и естественности и не требующую объясненія» (31). Ирраціональный элементъ миѳовъ составляютъ разсказы, въ которыхъ боги являются въ видѣ животныхъ, птицъ и рыбъ, изображаются ворами, мошенниками, убійцами, людоѣдами, прелюбодѣями и т. п. Этотъ непонятный элементъ миѳовъ и требуетъ, главнымъ образомъ, объясненія. Уже въ древности появились толкованія миѳовъ, какъ аллегоріи: непристойные разсказы о богахъ имѣютъ въ виду не боговъ, а тѣ стихіи или нравственныя и умственныя качества, которыя боги собою представляютъ (Гефестъ—огонь; Артемида—луна и т. п.). Другое древнее объясненіе миѳовъ, эвгемеризмъ, толкуетъ миѳы, какъ разсказы объ историческихъ событіяхъ, искаженные въ изустной передачѣ послѣдующими поколѣніями. Главное свое вниманіе Лангъ сосредоточиваетъ на критикѣ теоріи Макса Мюллера, который старался объяснить миѳы исторіей языка. По этой теоріи имена боговъ объясняются этимологически, и добытое такимъ образомъ первоначальное значеніе божества кладется въ основу объясненія миѳовъ. Современное языкознаніе отвергло правильность большинства изъ этихъ этимологическихъ объясненій именъ боговъ и тѣмъ лишило эту теорію ея главнаго основанія. Неосновательность ея Лангъ доказываетъ еще и тѣмъ простымъ соображеніемъ, что, если бы въ основаніи миѳовъ лежалъ языкъ, то одинаковые миѳы могли бы встрѣчаться только у народовъ, говорящихъ родственными языками, а между, тѣмъ, сходные миѳы мы находимъ у народовъ, говорящихъ на совершенно различныхъ языкахъ и живущихъ другъ отъ друга такъ далеко, что заимствованіе миѳовъ представляется совершенно невѣроятнымъ. Отвергая эту *филологическую* теорію, Лангъ становится на сторону *исторической*, или *антропологической* теоріи, которая «объясняетъ ирраціональный элементъ, содержащійся въ миѳахъ, просто какъ *переживаніе* такого состоянія *мышленія*, которое было когда-то очень обыкновеннымъ, чтобы не сказать всеобщимъ, но которое встрѣчается теперь только среди дикарей и еще до нѣкоторой степени у дѣтей» (42). Нелѣпый и дикій элементъ въ миѳологіи «завѣщанъ культурнымъ племенамъ ихъ предками; въ то время, когда наши предки создали нѣкоторые изъ своихъ миѳовъ, умственный уровень ихъ не превышалъ развитія австралійцевъ, бушменовъ, краснокожихъ, низшихъ племенъ Южной Америки и еще болѣе дикихъ народовъ» (72). Исходя изъ того положенія, что ирраціональный элементъ миѳовъ долженъ быть объясненъ первобытнымъ состояніемъ мышленія. Лангъ естественно переходитъ къ изображенію «умственнаго состоянія дикарей», ихъ «понятій о вселенной» и «объ отношеніи человѣка къ видимому міру» (76—96). Въ остальной части книги излагаются и объясняются миѳы о богахъ, о происхожденіи міра и человѣка, о звѣздахъ, солнцѣ и лунѣ, о похищеніи огня и о происхожденіи другихъ сторонъ житейской техники, о происхожденіи смерти и, наконецъ, героическія преданія и народныя сказки.

Изъ этого краткаго изложенія теоріи Ланга и содержанія его книги, читатель видитъ, какъ стройно его изложеніе. Его небольшая книга можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ изученіе миѳологическихъ вопросовъ. Теорія Ланга въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ на задачи миѳологіи. Однако, стоитъ нѣсколько присмотрѣться къ этой теоріи и разобрать ее, чтобы оцѣнить тѣ основанія, изъ которыхъ она исходитъ, и тѣ результаты, которые она можетъ дать. Мы видѣли, что Лангъ считаетъ главной задачей миѳологіи объясненіе ирраціональнаго элемента миѳовъ. Находя, что этотъ «дикій»

элементъ находится въ полномъ согласіи съ мышленіемъ современныхъ дикихъ племенъ, онъ находитъ ему объясненіе въ этомъ міросозерцаніи дикарей. Такимъ образомъ ирраціональный элементъ превращается въ раціональный, т.-е. предполагается, что онъ былъ первоначально вполнѣ раціональнымъ для дикаго состоянія человѣческаго мышленія. Все это совершенно справедливо, но вопросъ въ томъ, насколько удовлетворительно такое объясненіе. Если мы видимъ, что въ дикомъ состояніи люди часто представляютъ своихъ боговъ въ видѣ звѣрей, рыбъ и птицъ, то мы говоримъ, что это для дикаго состоянія было вполнѣ раціонально. Вотъ и весь выводъ. Но все-таки остается совершенно непонятнымъ, почему эта видимая нелѣпость признавалась за истину. Однимъ словомъ эта теорія въ сущности не объясняетъ «ирраціональнаго элемента миѳовъ», а предполагаетъ для его объясненія «ирраціональный» образъ мыслей дикарей. Такъ какъ миѳы несомнѣнно—продуктъ человѣческой мысли, то существованіе «ирраціональнаго» образа мыслей дикарей можно признать вполнѣ доказаннымъ, но миѳы отъ этого не станутъ для насъ понятнѣе, пока мы не объяснимъ, почему дикари имѣютъ именно такой, а не иной образъ мыслей. Такимъ образомъ, теорія Ланга необходимо требуетъ постановки другого вопроса, именно вопроса о происхожденіи «ирраціональнаго» образа мыслей. И вотъ, когда мы подходимъ къ этому вопросу, то ясно уже видимъ, насколько неправильно дѣленіе Лангомъ миѳовъ на раціональные и ирраціональные. Сведя объясненія миѳовъ къ образу мыслей, къ міросозерцанію создавшаго ихъ народа, Лангъ естественно долженъ придти къ вопросу о развитіи человѣческаго міросозерцанія отъ дикаго состоянія до современнаго, цивилизованнаго. Гдѣ же здѣсь провести границу между ирраціональнымъ и раціональнымъ? Лангу кажется «не требующимъ объясненія» изображеніе Артемиды въ Одиссеѣ (см. выше); но и этотъ миѳъ содержитъ множество «ирраціональныхъ» элементовъ. Почему въ лѣсу непремѣнно должна быть царица? Вѣдь Гомеръ въ свое время, навѣрно, въ дѣйствительной жизни не видалъ ни одной охотницы. Казалось бы, что ужъ если бы необходимо быть и въ лѣсу какому-нибудь начальству, то это долженъ быть царь-охотникъ, а не царица-охотница. Однимъ словомъ и тѣ миѳы, которые Лангъ считаетъ «раціональными», также требуютъ объясненія, и, пожалуй, нисколько не менѣе другихъ «ирраціональны». Миѳологія должна объяснить не только то, что бросается въ глаза своею «нелѣпостью», но также и созданіе самыхъ обыкновенныхъ миѳовъ; даже болѣе того, только тогда миѳологія сможетъ удовлетворительно объяснить «нелѣпые» миѳы, когда она изслѣдуетъ причины созданія обыкновенныхъ, «не требующихъ объясненія», по мнѣнію Ланга. Изъ всего этого ясенъ выводъ, что миѳологія должна объяснить сначала міросозерцаніе народа, создающаго миѳы. Но, если сознательно поставить себѣ вопросъ, гдѣ искать объясненія этому міросозерцанію, то мы должны будемъ прежде всего признать, что его нельзя искать въ миѳахъ, которые имъ должны быть объяснены. Мысль не возникаетъ въ человѣкѣ самопроизвольно; она есть отраженіе въ человѣческомъ умѣ того, что человѣка окружаетъ. Миѳы о богахъ-царяхъ, ворахъ, кровосмѣсителяхъ, людоѣдахъ не могли бы существовать, если бы всего этого не существовало въ окружающей жизни. Поэтому изученіе миѳологіи невозможно безъ изученія всей окружающей первобытнаго человѣка обстановки, начиная съ природы и кончая учрежденіями общественной жизни. Кромѣ того, миѳы, т.-е. преданія о богахъ, герояхъ, происхожденіи вселенной и т. д. находятся въ ближайшей связи съ религіей, съ культомъ различныхъ божествъ. И въ настоящее время изслѣдователи приходятъ къ тому заключенію, что культъ исторически предшествуетъ миѳу и нерѣдко его объясняетъ. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній видно, что миѳологи только въ томъ случаѣ могутъ дать правильное научное объясненіе миѳамъ, если они отъ изученія миѳовъ обратятся къ изученію условій жизни народовъ, создавшихъ эти

миѳы, къ изученію различныхъ сторонъ культуры. Вотъ почему въ настоящее время такъ мало миѳологовъ спеціалистовъ: работая въ сферѣ одной только миѳологіи невозможно добыть никакихъ научныхъ объясненій миѳовъ. Что это дѣйствительно такъ, видно отчасти и по книгѣ Ланга. Онъ самъ, напр., указываетъ на то, что представленіе боговъ въ видѣ различныхъ животныхъ находится въ связи съ такъ-называемымъ тотемизмомъ, т.-е. вѣрою, что родоначальникомъ отдѣльныхъ родовъ было какое-либо животное, которое называется тотемомъ. Объяснить происхожденіе тотемизма невозможно безъ изслѣдованія организаціи первобытной семьи. Такимъ образомъ, этотъ частный миѳологическій вопросъ не можетъ быть объясненъ безъ изслѣдованія строя первобытнаго общества. Мы не станемъ вдаваться въ подробности этого вопроса, а укажемъ только, что наиболѣе естественное и понятное объясненіе тотемизма даютъ намъ не миѳологи, а изслѣдователи культуры первобытныхъ племенъ. Послѣ всего указаннаго естественно является вопросъ, имѣемъ ли мы право выдѣлять миѳологію, какъ отдѣльную научную область. Мы можемъ, конечно, изъ практическихъ соображеній дѣлить научный матеріалъ, какъ намъ угодно; но будетъ ли практично выдѣлять въ отдѣльную область миѳы, которые должны быть объяснены самыми разнообразными причинами, лежащими въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни? Намъ кажется, поэтому, вполнѣ законнымъ, что въ настоящее время разнородными миѳами занимаются не миѳологи-спеціалисты, а изслѣдователи различныхъ областей человѣческой культуры, миѳами о богахъ—изслѣдователи исторіи религіи, миѳами о происхожденіи житейскихъ удобствъ—изслѣдователи матеріальной культуры и т. д.

Все это, однако, не умаляетъ важности книги Ланга: она наглядно представляетъ современное состояніе миѳологическихъ изслѣдованій со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

Переводъ сдѣланъ съ французскаго изданія книги, снабженнаго интереснымъ предисловіемъ Ш. Мишеля, которому принадлежатъ также многочисленныя указанія на миѳологическую литературу, конечно, иностранную.

Что касается самаго перевода и внѣшности изданія, то ихъ можно признать удовлетворительными, хотя можно было бы пожелать нѣсколько меньшаго количества опечатокъ. *Д. Кудрявскій.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Шильдеръ. «Императоръ Павелъ».—«Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго».—*Н. Карѣевъ.*. «Исторія Западной Европы».—*А. Дживелеговъ.* «Городская община въ средніе вѣка».

Н. К. Шильдеръ Императоръ Павелъ Первый. Историко біографическій очеркъ. Съ портретами, видами, планами и автографами. Спб. 1901. in 4. Стр. 8 нен.+608. Ц. не озн. Цѣль автора—набросать краткій очеркъ жизни Павла Перваго, а не изложить исторію его царствованія. Книга г. Шильдера занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ нашей исторіографіи и представляетъ по взглядамъ автора и по способу трактованія темы выдающійся интересъ для большой публики; она имѣетъ въ виду внимательнаго и вдумчиваго читателя, который привыкъ дѣлать сопоставленія отдѣльныхъ страницъ читаемой работы, понимать автора съ полунамека и приходить къ опредѣленнымъ выводамъ на основаніи представленнаго матеріала. Можетъ быть, новая работа г. Шильдера менѣе удовлетворитъ тѣхъ, кто знакомъ съ его четырехтомнымъ произведеніемъ «Императоръ Александръ Первый» въ изданія того же А. С. Су-

ворина, но, во всякомъ случаѣ, и та, и другая работы свидѣтельствуютъ о значительномъ поворотѣ въ оффиціозной исторіографіи и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны русскихъ читателей, для которыхъ русская исторія — всегда потемки, словно чужая душа. Изъ пятнадцати главъ новой работы г. Шильдера первыя десять посвящены Павлу цесаревичу (стр. 1—284) и послѣднія пять Павлу-императору (стр. 285—504). Хотя такое расположеніе матеріала соотвѣтствуетъ вполнѣ хронологическому распорядку біографіи Павла, который, родившись 20 сентября 1754 года, на престолъ вступилъ лишь 6 ноября 1796 года, т.-е. на 43-мъ году своей жизни, и умеръ 12 марта 1801 года, т.-е. на пятомъ году царствованія, однако критика была бы въ правѣ требовать отъ автора болѣе разносторонняго и обширнаго изображенія четырехлѣтняго момента между временами Екатерины II и Александра I съ точки зрѣнія *итоговъ* перваго и *введенія* во второе, и притомъ на фонѣ тогдашнихъ общественныхъ теченій и своеобразнаго состоянія народныхъ массъ. Быть можетъ, въ виду современнаго состоянія источниковъ новой русской исторіи, авторъ сузилъ свою задачу до предѣловъ личной біографіи Павла, причемъ и эту послѣднюю охватилъ въ предѣлахъ не научнаго изслѣдованія, а болѣе или менѣе суженнаго повѣствованія. Итакъ, на первомъ планѣ лица, а не явленія, отдѣльные факты, а не ихъ послѣдовательность и взаимная связь, причемъ авторъ, ограниченный въ своемъ изученіи, обнаружилъ несомнѣнную наклонность къ обобщеніямъ, бросая общій взглядъ на русскую политику съ половины XVIII до половины XIX вѣка въ разныхъ мѣстахъ книги, а также въ заключительныхъ ея строкахъ по адресу «эпилога длиннаго ряда событій, связывающихъ 1741 годъ съ 1825 годомъ» (стр. 504).

Мы не имѣемъ возможности подвергать книгу г. Шильдера подробному обсужденію, либо изложить бѣгло ея содержаніе. Отмѣчая ея появленіе въ свѣтъ, настойчиво рекомендуя ее читающей публикѣ, указывая на необходимость читать ее, такъ сказать, съ карандашомъ въ рукахъ, представимъ два, три частныхъ замѣчанія. Въ психологическомъ отношеніи Павелъ Первый представляетъ чрезвычайный, выдающійся историческій интересъ: двѣ вещи капитально важны для научнаго изученія его психологіи: во-первыхъ, лица, которыя его окружали вообще и съ которыми онъ былъ хорошъ въ частности, а во-вторыхъ, что и какъ онъ читалъ. Всѣ мы хорошо знаемъ, какую роль сыграла *книга* въ жизни Екатерины II; новѣйшій русскій біографъ Екатерины II цѣлыхъ двѣ главы спеціально посвятилъ вопросу о томъ, что читала Екатерина. Біографъ Павла не пошелъ по столь удачно намѣченному В. А. Бильбасовымъ пути и по вопросу о чтеніи Павла отдѣлывается немногими замѣчаніями... Сохранились Indication des lectures journalières du grand duc Paul faites dans la sainte écriture; на отдѣльныхъ листочкахъ онъ собственноручно записывалъ прочитанное. Павелъ перечитывалъ Библію и особенно Книги Царствъ, Псалмовъ и Пророковъ (стр. 187). Къ сожалѣнію, авторъ не подвергъ изученію матеріалъ этихъ записочекъ и къ вопросу о чтеніи Павла бѣгло возвращается еще только одинъ разъ (на стр. 462), сообщая, что въ дни юности онъ читалъ исторію дома Стюартовъ Юма и сдѣлалъ изъ нея выписку по вопросу, относящемуся до введенія Карломъ I въ 1637 году въ Шотландіи каноновъ и литургіи (выписка приведена г. Шильдеромъ). Ничего больше у г. Шильдера нѣтъ о чтеніи Павла. Пробѣлъ странный и, кажется, исходящій не изъ какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ.

Что Павелъ читалъ и чѣмъ въ чтеніи увлекался, важно не только для характеристики его личности, но и для полноты обрисовки его политики. 22-го декабря 1764 года, т.-е. на одиннадцатомъ году, Павелъ сказалъ С. А. Порошину, человѣку весьма начитанному и прикосновенному къ литературѣ (по словамъ С. М. Соловьева, «одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ рус-

скихъ образовъ второй половины XVIII вѣка»): «Куды какъ книгъ то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ». Воцарившись, прибавляетъ г. Шильдеръ (стр. 431), Павелъ «вступилъ въ борьбу съ книгой вообще и принялъ радикальныя мѣры для уменьшенія книгъ въ Россіи». Указомъ 17 мая 1798 года опредѣлено было устройство цензуры во всѣхъ портахъ и строгое наблюденіе столичныхъ почтамтовъ за газетами и книгами, получаемыми изъ-за границы; 18 апрѣля 1800 года запрещено было вовсе ввозить изъ-за границы въ Россію «всякаго рода книги, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, равномѣрно и музыку»; 5 іюня 1800 года повелѣно было графу П. А. фонъ-деръ-Паленъ «всѣ типографіи, кромѣ сенатской, академической и перваго кадетскаго корпуса запечатать, дабы въ нихъ ничего не печатать»; 7 іюля 1800 года повелѣно было типографіи опять распечатать, строжайше наблюдая, чтобы противозаконныхъ и запрещенныхъ книгъ, нотъ и пѣсенъ нигдѣ печатаемо не было. Достаточно простого перечисленія этихъ указовъ, чтобы характеризовать ихъ непослѣдовательность, чтобы понять въ нихъ отраженіе тенденцій, искусно осмѣяныхъ поэтомъ въ тирадахъ Скалозуба и Фамусова...

Помимо вопроса о чтеніи Павломъ Первымъ книгъ, о вліяніи на него этого чтенія и о его невозможной политикѣ въ области цензуры и печати, г. Шильдеръ оставляетъ внѣ детальнаго изслѣдованія мистицизмъ Павла, его увлеченіе чудеснымъ, сверхъестественнымъ, его романтическое направленіе, хотя въ этой области онъ касается обширнаго матеріала. Какъ этотъ матеріалъ, такъ и тотъ, который не использованъ авторомъ, опять-таки представляетъ большую цѣну для историка-психолога.

5-го апрѣля 1797 года Павелъ издалъ актъ о престолонаслѣдіи (стр. 561—562): въ немъ впервые оффиціально высказана мысль, что «государи россійскіе суть главою церкви». Въ Оршѣ, при посѣщеніи іезуитскаго коллегіума, Павелъ подчеркнулъ различіе въ поведеніи его, еретика въ отношеніи римско-католической церкви, и Іосифа, римско-католическаго императора, при посѣщеніи монастыря въ Брюннѣ (стр. 344, 356). Характернымъ въ міровоззрѣніи Павла было то, что латинскую церковь онъ считалъ «самымъ твердымъ оплотомъ противъ злоупотребленій ума». Злоупотребленіе ума или, какъ однажды выразился Павелъ въ указахъ 1798 года, данныхъ губернаторамъ пограничныхъ областей, «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка», представлялись ему страшнѣйшимъ врагомъ его власти. Стремясь «къ отвращенію разномыслія и сохраненію прямыхъ и единообразныхъ понятій закона», Павелъ указомъ 18-го апрѣля 1797 года распространилъ тѣлесныя наказанія на священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ важныя преступленія; указъ этотъ явился такимъ образомъ въ отмѣну Павломъ же изданнаго 9-го декабря 1796 года указа о томъ, чтобъ духовенство «тѣлесно впредь не наказывать..., ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана» (стр. 347 и срв. указъ 22-го декабря 1796 года и стр. 326). Быть можетъ, здѣсь мы наблюдаемъ не простую непослѣдовательность (срв. выше о закрытіи типографій), какъ думаетъ г. Шильдеръ, а лихорадочное колебаніе въ борьбѣ съ врагомъ, настолько, съ точки зрѣнія Павла, сильнымъ, что онъ буквально терялся въ выборѣ мѣръ для его пораженія. Императоръ на Западѣ же находилъ элементы, пригодные для борьбы съ зломъ «революціи и вольнодумства» (срв. стр. 248—249), отсюда его вниманіе къ строю католической церкви, сближеніе двора съ іезуитами, вліяніе патера Грубера (стр. 421—422... Г. Шильдеръ говоритъ, что «среди этой небывалой обстановки русскаго двора возникло естественнымъ образомъ предположеніе о соединеніи церквей православной и римской, причемъ оказалось, что великій магистръ относится

къ этой мысли съ нѣкоторымъ сочувствіемъ» (срв. стр. 160). Павелъ принялъ Мальтійскій орденъ подъ свое покровительство 4-го января 1797 года, онъ обнаружилъ непонятное для многихъ сочувствіе рыцарскимъ традиціямъ ордена, установивъ его въ Россіи, «зарождалась, по словамъ г. Шильдера (стр. 340), невиданная доселѣ въ исторіи политическая фантасмагорія», благодаря которой усложнились международныя отношенія имперіи (стр. 395—398) въ моментъ принятія 10-го сентября 1798 года ордена Іоанна Іерусалимскаго подъ верховное руководство православнаго императора; Павелъ, по словамъ Бруннова, этимъ путемъ хотѣлъ воспротивиться «воцаренію идеи равенства, которая уже готова была охватить всѣ слои общества»... Если припомнимъ, что Мальтійскій орденъ обратилъ на себя вниманіе Павла еще въ бытность его великимъ княземъ, то не трудно представить себѣ, какъ нѣкоторыя впечатлѣнія необычайно прочно овладѣли Павломъ... Чудесное и сверхъестественное всегда играли роль въ жизни Павла, по словамъ г. Шильдера; послѣдніе факты сюда относящіеся онъ разбрасываетъ по разнымъ частямъ книги, не сопровождая ихъ достаточно стройно вытекающими одно изъ другого объясненіями... Г. Шильдеръ говоритъ о нервной возбужденности окружающихъ Павла въ 1797 году, которою объясняютъ тревоги 2-го и 4-го августа и 11-го декабря (стр. 365—673, 387), описанныя императрицей въ письмахъ къ Е. И. Нелидовой (стр. 536—575, 580), и приводитъ цѣлый рядъ данныхъ о видѣніяхъ Павла или, точнѣе говоря, о состояніяхъ крайняго нервнаго напряженія (срв. стр. 166, 170, 277, 317, 459 и др.). Въ нашей литературѣ хорошо извѣстно упоминаніе Павла въ дѣлѣ Н. И. Новикова, извѣстно преданіе о большихъ надеждахъ, которыя масоны возлагали на цесаревича... Г. Шильдеръ обо всемъ этомъ только упоминаетъ и считаетъ возможнымъ ограничиться такою оговоркой (стр. 249—250): «Не менѣе французской революціи должно было волновать и раздражать цесаревича дѣло Новикова, возникшее въ 1792 году, и связанная съ нимъ массонская исторія; все это дѣло, равно какъ и сношенія Павла Петровича съ массонами, еще далеко не выяснены и не изслѣдованы окончательно». Автору надлежало изслѣдовать и выяснить вопросъ, значеніе котораго для психологіи Павла громадно. Вообще чрезвычайно страннымъ представляется, что наши историки весьма часто въ своихъ работахъ любятъ отмѣчать неразработанность того или другого вопроса, имѣющаго непосредственное отношеніе къ ихъ темѣ, и полагаютъ, что стоитъ привести такую оговорку, чтобы быть совершенно чистымъ передъ наукою и читающею публикой... Здѣсь же позволимъ себѣ замѣтить, что въ книгѣ г. Шильдера имѣется большой матеріалъ для характеристики политическихъ воззрѣній Павла, но цѣльнаго изображенія нѣтъ, и читатель вынужденъ самъ работать надъ этимъ матеріаломъ. Итакъ, рядъ предложенныхъ замѣчаній имѣетъ цѣлью указать на превосходныя данныя для уясненія психологіи Павла, собранныя въ книгѣ г. Шильдера; но данныя эти авторъ не подвергаетъ детальному анализу и цѣльной характеристики не даетъ, что объясняется не только узкими рамками взятой на себя задачи, но и манерой простого хронологическаго распорядка матеріала...

Выше указано было, что для уясненія психологіи Павла необходимо очертить кругъ лицъ, вообще бывшихъ около Павла, а главное тѣхъ, съ которыми онъ былъ хорошъ. И въ этомъ отношеніи у г. Шильдера собранъ матеріалъ, очень неравномѣрно распредѣленный между отдѣльными лицами и столь же мало разработанный. Е. И. Нелидова и А. П. Лопухина, великая княгиня Наталья Алексѣевна и императрица Марія Ѳеодоровна, графъ Н. И. Панинъ, князь А. Б. Куракинъ, князь Репнинъ, Н. И. Салтыковъ, графъ Кутайсовъ и Паленъ и т. д.: многіе изъ этихъ лицъ нуждались бы въ выразительныхъ характеристикахъ, но у автора онѣ отсутствуютъ.

Въ общемъ книга г. Шильдера богата разнообразными матеріалами, отдѣль-

ными критическими замѣчаніями, соображеніями исторіографическаго характера, нѣкоторыми совершенно новыми извѣстіями, но въ ней читатель не найдетъ ни стройнаго изслѣдованія, ни цѣльнаго портрета: она является превосходнымъ источникомъ для будущаго изображенія личности Павла и любопытнымъ матеріаломъ для чтенія большой публикѣ. Авторъ дѣлаетъ попытку провести единый цѣльный взглядъ на внѣшнюю политику второй половины XVIII и первой половины XIX вѣка и на исторію русскаго двора за то же время; при этомъ авторъ исходитъ въ своемъ сужденіи изъ оцѣнки ноябрьскихъ событій 1741 года. Г. Шильдеръ рѣзко подчеркиваетъ на многихъ страницахъ своей работы связь дальнѣйшихъ не совсѣмъ обыкновенныхъ фактовъ съ 25-го—26-го ноября 1741 года... быть можетъ, мы въ правѣ ждать отъ него новой книги, посвященной біографіи императрицы Елизаветы; это было бы весьма цѣнно, если принять въ разсчетъ извѣстную искренность автора, съ какою онъ опубликовываетъ свои труды, и читатель его труда о Павлѣ I съ чрезвычайною благодарностью вспоминаетъ нижеслѣдующія строки изъ его біографіи Павла, которыми мы считаемъ умѣстнымъ закончить нашъ поверхностный обзоръ: «Есть чѣмъ вдохновиться будущему русскому Шекспиру. Художественная кисть его нарисуетъ намъ потрясающія картины нашего прошлаго и раскроетъ передъ зрителями внутренній смыслъ событій; тогда станетъ понятнымъ таинственное звено, связывающее между собою самыя, повидимому, разнородныя явленія, логически вытекающія одно изъ другого. Но до этого еще далеко! Пока приходится довольствоваться однимъ туманнымъ очеркомъ этого далекаго прошлаго, въ которомъ лишь мимолетно проглядываетъ едва уловимый проблескъ солнца. Мы, съ своей стороны, можемъ только подходить къ истинѣ, и не намъ суждено вступить въ обѣтованную землю полной исторической правды»! (Стр. 6),

В. Сторожевъ.

Записки Сергія Григорьевича Волконскаго (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. Обширныя записки С. Г. Волконскаго составляютъ крупный вкладъ въ литературу, касающуюся высокоинтересной эпохи царствованія императора Александра I. Подъ перомъ маститаго автора «Записокъ» живо возстаютъ событія изъ великой эпопеи борьбы Россіи съ Наполеономъ, т.-е. того памятнаго въ лѣтописяхъ нашей исторіи времени, когда, мощно напрягши всѣ свои силы для изгнанія вторгшагося въ предѣлы нашего отечества врага и достигши этой цѣли, русская земля, въ лицѣ прогрессивнѣйшихъ сыновъ своихъ, обратила всѣ свои помыслы на уврачеваніе недуговъ собственной внутренней жизни. Принимавшій очень близкое участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ своего времени, рано достигшій блестящаго положенія въ арміи и при дворѣ, гдѣ былъ сначала флигель-адъютантомъ, а потомъ генераломъ свиты Его Императорскаго Величества, умный и тонкій наблюдатель окружавшей его жизни и надѣленный отзывчивымъ на страданія ближняго сердцемъ человѣкъ, князь Волконскій слишкомъ много видѣлъ, слишкомъ много перенесъ и вращался въ слишкомъ замѣчательной средѣ, чтобы уже a priori не предположить о выдающемся интересѣ его «Записокъ». И это дѣйствительно такъ. Читая «Записки» Волконскаго, какъ бы бесѣдуешь съ почтеннымъ старцемъ, не утратившимъ и на склонѣ дней, не взирая на всѣ постигшія его испытанія, необыкновеннной гуманности, душевной теплоты и вѣры въ осуществленіе свѣтлыхъ идеаловъ его юности.

Личность С. Г. Волконскаго, роль, которую онъ игралъ въ войнахъ съ Наполеономъ и въ общественномъ движеніи эпохи Александра I, наконецъ, его послѣдующая судьба весьма замѣчательны, а, между тѣмъ, у насъ нѣтъ или, лучше сказать, до появленія рецензируемой книги не было совершенно его біографіи да и самая литература, его касающаяся, чрезвычайно бѣдна. Если не считать напечатанныхъ во всеобщее свѣдѣніе, по Высочайшему повелѣнію, въ

1826 году «Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной коммиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ» и въ 1827 году «Донесенія слѣдственной коммиссіи главнокомандующему польской арміи Е. И. В. Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу», въ которыхъ упоминается о роли Волконскаго въ тайныхъ обществахъ, то остаются лишь коекакія свѣдѣнія о немъ, въ статьѣ о М. Н. Волконской, напечатанной въ № 6 «Русской Старины» за 1878 годъ, въ статьяхъ д-ра Н. А. Бѣлоголоваго, напечатавшаго обширныя воспоминанія собственно о декабристѣ А. В. Поджіо (въ №№ 11 и 12 «Вѣстника Европы» за 1896 годъ и въ книгѣ «Воспоминанія и другія статьи»), но удѣляющей не мало страницъ и С. Г. Волконскому, да въ некрологѣ Волконскаго, напечатанномъ въ №№ 50—51 газеты «День» за 1865 годъ. Конечно, отдѣльныхъ свѣдѣній о Волконскомъ разсыпано не мало въ трудахъ историковъ александровской эпохи и воспоминаніяхъ многихъ декабристовъ, но всѣ такія свѣдѣнія носятъ отрывочный характеръ и не даютъ полнаго понятія объ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ личности. Иногда свѣдѣнія эти страдаютъ даже невѣрностями. Такъ, нѣкоторыя данныя о Волконскомъ, приводимыя Богдановичемъ въ VI томѣ его «Исторіи царствованія Александра I и Россіи его времени», оказываются при сличеніи ихъ съ записками самаго Волконскаго, какъ это мы увидимъ ниже, совершенно не отвѣчающими дѣйствительности. Между тѣмъ, о другихъ декабристахъ въ нашей литературѣ имѣются не только гораздо болѣе обширныя воспоминанія, но и болѣе или менѣе полныя ихъ біографіи. Такова тщательная, но, къ сожалѣнію, неоконченная біографія Николая Александровича Бестужева, напечатанная М. И. Семевскимъ въ журналѣ «Заря» за 1869 годъ; таковы біографія Гаврилы Степановича Батенкова въ «Русской Старинѣ» 1889 года, Сергія Ивановича Муравьева-Апостола въ «Русской Старинѣ» 1873 года, князя Александра Ивановича Одоевскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 года, Кондратія Ѳедоровича Рылѣева въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 и т. д. Появившіяся нынѣ «Записки» Волконскаго пополняютъ этотъ крупный недочетъ.

Но обратимся къ самымъ «Запискамъ»: въ первой же главѣ «Записокъ», которыя авторъ посвящаетъ своему сыну, явившемуся нынѣ и ихъ издателемъ, онъ говоритъ: «Если я начну разсказъ моихъ впечатлѣній моей генеалогіей—далека отъ меня мысль ею тщеславиться. Мои убѣжденія по этому предмету тебѣ извѣстны; заслуги прадѣдовъ и отцовъ нимало не даютъ вѣса сыновьямъ и правнукамъ, а болѣе налагаютъ на нихъ трудную обязанность стать въ уровень ихъ».

Останавливаясь на моментѣ вступленія своего въ кавалергардскій полкъ, Волконскій характеризуетъ общество того времени такими словами:

«Круги товарищей и начальниковъ моихъ въ этомъ полку, за исключеніемъ весьма немногихъ, состояли изъ лицъ, выражающихъ современныя понятія тогдашней молодежи. Моральности никакой не было въ насъ; весьма ложныя понятія о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всемъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я нахожу чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это—тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличій общественныхъ того времени».

И далѣе:

«Во время перваго года моего служенія самая отличительная и похвальная сторона въ убѣжденіяхъ молодежи—это всеобщее желаніе отомстить Франціи за нашу военную неудачу въ Аустерлицѣ. Это чувство преобладало у всѣхъ и каждаго и было столь сильно, что въ этомъ чувствѣ мы полагали единственно нашъ гражданскій долгъ и не понимали, что къ отечеству любовь не въ одной военной славѣ, а должна имѣть цѣлью поставить Россію въ гражданственности на уровень съ Европой и содѣйствовать къ перерожденію ея

сходно съ великими истинами, высказанными въ началѣ французской революцiи, но безъ увлеченiй, ввергнувшихъ Францiю въ бездну безначалiй. Честь и слава многимъ падшимъ жертвамъ за святое дѣло свободы. Но строгiй приговоръ тѣмъ, которые исказили великiя истины той эпохи» (стр. 4—6).

Подъ этимъ угломъ зрѣнiя и смотрѣлъ семидесяти-семилѣтнiй Волконскiй на всѣ событiя, среди которыхъ онъ жилъ и въ которыхъ онъ принималъ участiе. Сначала всеобщее патрiотическое одушевленiе и желанiе смиренiя Францiи, потомъ великая народная война, знакомство съ европейскими учрежденiями и возвращенiе въ Россiю съ мечтами о реформѣ всего ея быта. «Въ это время,—пишетъ Волконскiй,—у насъ въ Россiи ненависть къ Францiи, порожденная нашими военными пораженiями въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 гг., вовсе исчезла; компанiи 1812 года и послѣдующихъ 1813 и 1814 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленiями ея, порядкомъ управленiя и народными гарантiями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленiя—рѣзко высказались уму и сердцу многихъ»... (стр. 401). Съ непокидающею автора ни на одну минуту задушевною теплотою и гуманностью вспоминаетъ онъ шагъ за шагомъ событiя своей богатой впечатлѣнiями жизни: Каменскiй, Бенигсенъ, Остерманъ, грозные дни Прейсишъ-Эйлауской битвы, Тильзитскiй миръ, Шведская кампанiя, Буксгевденъ, война съ Турцiей, Кульневъ, Сперанскiй, эпопея 1812 года, Винценгероде, Кутузовъ, занятiе французами Москвы, Березина, Лейпцигъ, занятiе Парижа, г-жа Сталь, Бенжаменъ Констанъ, Людовикъ XVIII, Ватерлоо и много-много другихъ историческихъ лицъ, мѣстъ и событiй проходятъ передъ читателемъ при чтенiи Записокъ Волконскаго. Но самою интересною частью этихъ записокъ является, безспорно, описанiе тѣхъ событiй во внутренней жизни Россiи, которыя имѣли мѣсто непосредственно вслѣдъ за огромнымъ напряженiемъ всѣхъ силъ земли русской во время войны съ Наполеономъ. Волконскiй наблюдалъ многое не только въ Петербургѣ, но и въ провинцiи.

Прiѣхавъ въ Кiевъ, Волконскiй появился у своего стараго товарища, извѣстнаго генерала М. Ф. Орлова и встрѣтился тамъ со многими изъ лицъ, игравшими значительную роль въ движенiи 20-хъ годовъ. «Благодаря тому, что я остановился въ квартирѣ Орлова,—разсказываетъ онъ,—я вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ преподаваемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе, нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодничества царедворничества. Сожитiе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми я имѣлъ ежедневныя сношенiя, оказали сильное влiянiе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина и я вступилъ въ новую колею убѣжденiй и дѣйствiй. Съ этого времени началась для меня новая жизнь. Я вступилъ въ нее съ гордымъ чувствомъ убѣжденiя и долга гражданина и съ твердымъ намѣренiемъ исполнить во чтобы то ни стало мой долгъ исключительно изъ любви къ отечеству» (стр. 401—402). Волконскiй сдѣлался членомъ сначала извѣстнаго «Союза Благоденствiя», а затѣмъ вступилъ въ тѣсныя отношенiя съ Юшнявскимъ, Пестелемъ и многими другими дѣятелями «Южнаго Общества». Разсказывая о дѣлахъ того времени и характеризуя личности своихъ товарищей по убѣжденiямъ, Волконскiй проливаетъ немало свѣта въ эту область. Такъ, благодаря его разсказу о Пестелѣ, должно, какъ намъ кажется, окончательно исчезнуть много пошлостей, которыя наговорилъ о Пестелѣ Кропотовъ (въ статьѣ «Изъ бiографiи графа Михаила Николаевича Муравьева», «Русскiй Вѣстникъ» 1874 г. январь, стр. 62—64). Пошлости Кропотова опровергались, впрочемъ, и раньше другими декабристами (см., напр., статью Розена «М. Н. Муравьевъ

и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 г.» «Русская Старина» январь 1884 г., стр. 66—67). Совершенно опровергаются разсказомъ Волконскаго и слѣдующій будто бы эпизодъ изъ его жизни, занесенный Богдановичемъ въ его «Исторію царствованія Александра Перваго», на основаніи сообщенія какой-то княгини С. А. М. «Найдя въ спискахъ, поданныхъ Шервудомъ, имена нѣсколькихъ офицеровъ 7-го корпуса, Александръ отмѣнилъ Высочайшій смотръ, назначенный войскамъ въ 1825 году у Бѣлой Церкви, но на пути въ Таганрогъ, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, имѣлъ случай видѣть полки бригады князя Сергѣя Волконскаго, одного изъ членовъ Южнаго Общества, и, найдя ихъ въ неудовлетворительномъ состояніи, выразилъ свое неудовольствіе бригадному командиру, который, желая оправдаться въ неисправности ввѣренной ему части войскъ, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе представиться государю. Императоръ повелѣлъ сказать ему, что онъ его приметъ во время прогулки въ саду послѣ обѣда. Около 7 часовъ государь, прохаживаясь, какъ всегда, одинъ, встрѣтился съ Волконскимъ, обошелся съ нимъ ласково, разспрашивалъ о его семействѣ и частныхъ дѣлахъ и не напомнилъ ни однимъ словомъ о своемъ прежнемъ неудовольствіи Тронутый столь неожиданнымъ пріемомъ, князь Волконскій бросился къ ногамъ монарха, благодаря его за незаслуженную милость. Императоръ поднялъ его и, подавъ руку, сказалъ: «я забуду *все*, но совѣтую вамъ заниматься болѣе своей дивизіей, нежели политикой, а паче всего оставить проекты конституціи». (Богдановичъ. Т. VI, стр. 502—503). Дамская фантазія княгини, которую принялъ за чистую монету ученый историкъ, изукрасила до неузнаваемости одно событіе, дѣйствительно имѣвшее мѣсто въ жизни Волконскаго. Разсказъ о немъ читатель найдетъ на стр. 434—435 «Записокъ». Необходимо при этомъ замѣтить, что свои записки Волконскій велъ въ 1859 г., т.-е. задолго до появленія труда Богдановича и потому, конечно, не имѣлъ въ виду описывать эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь, лишь въ опроверженіе ученаго историка. Свои записки Волконскій доводитъ до момента допроса его императоромъ Николаемъ. Болѣзнь и смерть помѣшали, къ сожалѣнію, автору докончить свои записки. Сынъ покойнаго и издатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, его записокъ князь М. С. Волконскій дополнилъ автобіографію своего отца разсказомъ о послѣдующихъ событіяхъ его жизни. Нельзя не поблагодарить за это и вообще за изданіе такой высокоинтересной книги князя М. С. Волконскаго, но нельзя, съ другой стороны, не пожелать, чтобы при второмъ изданіи этой книги было внесено одно существенное въ нее улучшеніе. Всѣ разсказы С. Г. Волконскаго о военныхъ дѣйствіяхъ нашей арміи во время наполеоновскихъ и другихъ войнъ снабжены подстрочными примѣчаніями спеціалиста въ лицѣ капитана генеральнаго штаба В. В. Бутовича. Отъ этого разсказы о военныхъ событіяхъ автора «Записокъ» выигрываютъ чрезвычайно много. Отчего не сдѣлано того же по по отношенію къ разсказываемымъ С. Г. Волконскимъ событіямъ, относящимся къ общественному движенію александровской эпохи? Вѣдь, самъ князь М. С. Волконскій говоритъ, что въ своихъ «Запискахъ» его отецъ «основывался исключительно на указаніяхъ своей памяти». Недочеты при этихъ условіяхъ, особенно, если принять во вниманіе, что С. Г. Волконскому было въ моментъ составленія имъ «Записокъ» 77 лѣтъ, являлись неизбѣжными. Наконецъ, послѣ того, какъ были написаны «Записки» С. Г. Волконскаго прошло свыше сорока лѣтъ и за это время появилось въ нашей литературѣ очень значительное количество документовъ, основываясь на которыхъ, можно было сгладить нѣкоторыя неточности въ разсказахъ автора «Записокъ». Такъ, разсказывая о доносѣ Шервуда, С. Г. Волконскій называетъ его «агентомъ Вита». Теперь обнародована собственноручная «Исповѣдь» Шервуда (см. «Историческій Вѣстникъ» 1896 г., январь, а также Шильдеръ «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», т. 4, стр. 337—348), изъ которой извѣстно, что

Шервудъ «дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ»... Отсутствіе подстрочныхъ примѣчаній приводитъ издателя и къ такой, напр., легко устранимой вещи: на стр. 413 С. Г. Волконскій пишетъ: «Вслѣдствіе моей безусловной преданности дѣламъ тайнаго общества, мнѣ довѣрили переговоры съ назначенными для совѣщанія депутатами отъ польскаго тайнаго общества: лица эти были князь Яблоновскій и... люди вполнѣ акредитованныя отъ общества». Въ моментъ изложенія этихъ событій на бумагѣ, С. Г. Волконскій, видимо, забылъ фамилію другого польскаго депутата и думалъ, конечно, внести ее впослѣдствіи. Но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это хоть въ примѣчаніи, издатель ограничился выноской, гласящей: «Пропускъ въ подлинникѣ». Между тѣмъ, изъ опубликованнаго еще въ 1827 году «Донесенія Главнокомандующему польской арміей Е. И. В. Великому Князю Константину Павловичу» видно, что вторымъ депутатомъ былъ Гродецкій («Донесеніе», стр. 59). Такихъ недочетовъ встрѣчается въ книгѣ не мало, и вотъ почему мы и выражаемъ пожеланіе, чтобы во второмъ ея изданіи, котораго она, конечно, дождется, недочеты эти были исправлены. Въ общемъ же, повторяемъ, князь М. С. Волконскій внесъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ русскую литературу. Книга украшена тремя портретами: С. Г. Волконскаго въ молодости, его же въ старческомъ возрастѣ и знаменитой, воспѣтой Некрасовымъ, одной изъ «русскихъ женщинъ», княгини М. Н. Волконской. Наконецъ, отмѣтимъ еще чрезвычайно интересную вещь: говоря на стр. 450 объ одномъ событіи изъ жизни С. Г. Волконскаго, издатель дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Разсказъ объ этомъ подробно изложенъ въ *неизданныхъ* запискахъ княгини М. Н. Волконской». Будемъ надѣяться, что князь М. С. Волконскій подѣлится съ русской публикой и этими записками, которыя, судя по нѣкоторымъ, имѣющимся въ «Запискахъ С. Г. Волконскаго» даннымъ, должны представлять также выдающійся историческій интересъ.

В. Богучарскій.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Первая треть XIX вѣка. Изданіе 2-е. Спб. 1901. Огромный трудъ г. Карѣева, еще незаконченный въ 1-мъ изданіи, уже издается 2-мъ. Несмотря на всѣ достоинства этой работы,—ея полноту, научность, ясность,—фактъ второго изданія для знакомыхъ съ нашимъ книжнымъ рынкомъ можетъ все-таки показаться неожиданнымъ: во-первыхъ, книга разсчитана вовсе не на самую широкую публику, а на общество, уже кое-что читавшее, кое съ чѣмъ ознакомленное, а во-вторыхъ, въ виду чрезвычайно крупныхъ размѣровъ книги, цѣна за нее была назначена вовсе не маленькая. Если, несмотря на это, книга въ какихъ-нибудь три года оказалась раскупленною безъ остатка, то подобное явленіе можетъ, по справедливости, назваться однимъ изъ очень знаменательныхъ симптомовъ количественнаго роста нашей интеллигенціи.

Лежащій предъ нами IV томъ отличается обычною для всего изданія полнотою, точнымъ и яснымъ изложеніемъ, обиліемъ драгоцѣннѣйшихъ библіографическихъ указаній. Начало европейскаго соціализма изложено такъ хорошо, какъ ни въ одномъ изъ имѣющихся на Западѣ общихъ историческихъ трудовъ. Что еще важнѣе (и въ чемъ г. Карѣевъ является уже вполнѣ новаторомъ), пятая часть книги посвящена экономической исторіи Европы въ первыя тридцать лѣтъ XIX вѣка. Ни коллекція Онкена, ни Лависсъ и Рамбо,—никто даже приблизительно не даетъ ничего подобнаго этой сводкѣ богатѣйшаго матеріала по экономической исторіи начала вѣка, весьма мало тронутой и спеціальными изслѣдованіями. Параграфы о капитализмѣ, пауперизмѣ, рабочемъ пролетаріатѣ и крестьянсковъ вопросѣ—лучшее украшеніе этого тома.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ окончанія перваго изданія; какъ оно остановилось на 1870 годѣ, такъ и стоитъ,—а шестой томъ, посвященный 1870—1900 гг. все почему-то не выходитъ уже третій годъ. Искренно желаемъ устраненія

препятствій, мѣшающихъ большой читательской аудиторіи ознакомиться съ содержаніемъ VI тома, который по своей темѣ способенъ еще болѣе заинтересовать читающее общество, нежели уже вышедшіе пять томовъ. Замѣтимъ еще слѣдующее. Почему бы не выдѣлить IV, V и будущій VI томы въ особую серію съ другою нумераціей томовъ такъ, чтобы они составляли I, II и III томы исторіи XIX столѣтія? Тогда эти послѣдніе три тома пріобрѣтались бы, какъ нѣчто цѣльное, всѣми, желающими имѣть полную исторію одного лишь XIX столѣтія. Теперь же нумерація «IV, V, VI»—придаетъ этой части работы проф. Карѣева характеръ извѣстной отрывочности, разрозненности,—конечно только съ внѣшней стороны, но все же это обстоятельство можетъ затруднить лицъ, имѣющихъ желаніе или возможность пріобрѣсти только исторію XIX вѣка и не знающихъ, что изложеніе автора сдѣлало изъ каждаго тома нѣчто цѣльное. Словомъ, эта маленькая, чисто типографская «реформа» въ изданіи была бы чрезвычайно желательна. *Е. Т.*

А. К. Дживелеговъ. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Москва. 1901 г. Ц. 50 к. (84 стр.). Очеркъ г. Дживелегова посвященъ чрезвычайно интересному вопросу, до сихъ поръ не разрѣшенному ни европейской, ни русской исторіографіей,—вопросу о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Г. Дживелеговъ, конечно, и не думаетъ въ своемъ сжатомъ изложеніи пытаться разрѣшить этотъ вопросъ, онъ только даетъ отчетъ о современной постановкѣ вопроса въ научной литературѣ,—и отчетъ его, несомнѣнно, всѣ, знакомые съ предметомъ, признаютъ вполнѣ правильнымъ и,—что не послѣднее въ изложеніи теорій,—вполнѣ яснымъ. Общій результатъ оживленія исторіографической дѣятельности въ этой области историческихъ знаній г. Дживелеговъ усматриваетъ въ томъ, что новѣйшіе изслѣдователи, даже совершенно другъ отъ друга независимые, все больше и больше склоняются къ признанію за экономическими условіями самой серьезной роли въ выработкѣ средневѣковой городской жизни. Предлагаемая работа, по словамъ автора, была сдѣлана на практическихъ занятіяхъ у профессора П. Г. Виноградова, и это обстоятельство, дѣйствительно, отложило отпечатокъ на работѣ: научное, спокойное отношеніе къ полемикѣ несогласныхъ между собою изслѣдователей, столь характерное для автора «Происхожденія феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи», составляетъ главное достоинство и этой работы его слушателя. Г. Дживелеговъ даетъ очеркъ полемики Белова и Зома и изложеніе взглядовъ Кейтгена (въ 1-ой и послѣдней главахъ). Глава, посвященная воззрѣніямъ Флака, могла бы, собственно, быть опущена, ибо Флакъ самъ по себѣ является лишь добросовѣстнымъ и проницательнымъ критикомъ и излагателемъ чужихъ теорій. Развѣ, какъ типъ широкаго и терпимаго ученаго Флакъ можетъ быть интересенъ: это—поучительная фигура стараго профессора, одинаково глубоко и всесторонне знающаго всѣ, царящіе въ наукѣ взгляды, не рѣшающагося по совѣсти примкнуть ни къ которому изъ нихъ, и довольствующагося лишь систематическимъ расхолаживаніемъ слишкомъ одностороннихъ и фанатичныхъ новаторовъ; при всемъ томъ—это человѣкъ рѣдкой между французскими жрецами науки терпимости. Беловъ выводитъ происхожденіе городовъ отъ земельной общины, другими словами: онъ отвергаетъ вліяніе въ этой области римскихъ порядковъ и феодальной системы, ибо не ставитъ начало городскихъ поселеній ни въ какую связь съ феодальнымъ замкомъ. Несогласный съ нимъ юристъ Зомъ утверждаетъ, что города со всѣмъ своимъ устройствомъ возникли изъ такъ называемаго «рыночнаго права»: рынки, мѣста торговаго обмѣна, пользовались извѣстными правами, напримѣръ, временнымъ самоуправленіемъ, правомъ чинить судъ и расправу надъ лицами, находящимися въ чертѣ рыночной торговли, и отсюда-то, изъ этого временнаго (длящагося извѣстное время въ году,

когда производится торговля) рыночнаго права, по мѣрѣ осложненія экономической жизни страны, стало развиваться право городское. Конечно, теорія Зома гораздо менѣе основательна, нежели теорія Белова, ибо земельная община есть явленіе болѣе старое и общее, нежели рыночная торговля; да и вообще Зомъ больше опирается на внѣшнюю стройность своей гипотезы. Внимательный анализъ, которому подвергаетъ Беловъ книжку Зома, обнаружилъ въ теоріи рынковъ весьма большіе частичные изъяны. Замѣтимъ, что на одно (частичное) противорѣчіе въ теоріи Зома указалъ вполнѣ самостоятельно и г. Дживелеговъ (стр. 42, примѣчаніе).

Кейтгенъ, послѣдній по времени, самостоятельный изслѣдователь даннаго вопроса, гораздо ближе примыкаетъ къ Белову, нежели, повидимому, полагаетъ авторъ разбираемой работы. Правда, онъ выдвинулъ и подчеркнулъ общее значеніе (въ проблемѣ о городахъ) идеи о непрерывности исторической эволюціи,—но, смотря подъ этимъ теоретическимъ угломъ на имѣющіеся скудные источники, онъ, разумѣется, ближе къ Белову, нежели хотя бы къ Флаку или Зому, такъ какъ земельная община есть явленіе болѣе сѣдой древности, нежели римскіе порядки или юридическія права средневѣковыхъ рынковъ. Едва ли вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ окончательно,—если не откроются и не будутъ привлечены къ изслѣдованію новые матеріалы, но полемика, вродѣ той, которую изложилъ г. Дживелеговъ, всегда имѣетъ дисциплинирующее и потому полезное дѣйствіе для слишкомъ увлекающихся новаторовъ. Убѣдиться въ недостаточности своего знанія—есть уже извѣстный научный прогрессъ, теоретическій результатъ.

Въ заключеніе замѣтимъ: читатели, ознакомившись по брюшюрѣ г. Дживелегова съ положеніемъ весьма интереснаго научнаго вопроса современной исторіографіи, въ правѣ спросить, почему же имъ не даютъ еще болѣе (съ общеобразовательной точки зрѣнія) интересныхъ свѣдѣній о такихъ, напримѣръ, предметахъ, какъ грандіозная, давнишняя и высокоинтересная полемика германистовъ и романистовъ? Подобные сюжеты подавну пора бы сдѣлать общимъ достояніемъ людей, вовсе не посвятившихъ себя наукѣ. Будемъ надѣяться, что и эта, долго дѣлившая (и отчасти продолжающая дѣлить) ученый міръ борьба двухъ началъ—римскаго и германскаго—въ европейской исторіографіи,—также станетъ извѣстною людямъ, которымъ довольно часто даютъ въ популярной формѣ окончательныя научныя завоеванія, и слишкомъ рѣдко позволяютъ заглянуть въ ту лабораторію, гдѣ эта умственная пища готовится.

Е. Т.

ФИЛОСОФІЯ.

В. Лясковскій. «Братья Кирѣевскіе».—*Т. Рибо.* «Творческое воображеніе».

Валерій Лясковскій. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. (Выпускъ III изданій Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III). Спб. 1899 г. Стр. 99. Эта книжечка, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ, прошла, кажется, незамѣченной въ нашей повременной печати. Между тѣмъ, она говоритъ о великомъ явленіи въ исторіи нашей культуры, о славянофильствѣ.

Славянофильство умерло, убитое своими бо́льшей частью лицемѣрными и всегда грубыми послѣдователями-практиками. Но истинные славянофилы оставили въ нашемъ литературномъ и общественномъ развитіи неизгладимый слѣдъ, какъ глубокіе умы и честные характеры. Эти философствовавшіе умы должны

были бы содрогнуться, если бы увидѣли, на потребу *чему* пошли ихъ мечтанія, если бы узнали, какъ ихъ широкія формулы (кстати, не въ обиду славянофиламъ будь сказано, всецѣло заимствованныя у нѣмцевъ) стали пышной одеждой для тѣхъ методовъ и пріемовъ, съ которыми никогда не могъ помириться «живъ духъ» живого еще славянофильства.

Насъ не удивляетъ нисколько, что совершенно прозаическія души потянулись къ славянофильству, что грубыя руки жадно ухватились за его красивый поэтическій нарядъ. Скверную наготу всегда прикрываютъ изящными облаченіями. Но насъ никогда не перестаетъ удивлять, какъ могли и могутъ лица, искренно любящія славянофильство въ качествѣ высокаго выраженія и произведенія философствующаго ума, выносить эти нечистыя, оскверняющія прикосновенія.

Кажется, г. Валерій Лясковскій принадлежитъ къ этимъ страннымъ, одновременно и глухимъ, и слѣпымъ людямъ, любящимъ красивую поэтическую мечту и не замѣчающимъ ея возмутительной профанаціи грубыми и грязными руками.

Иванъ Кирѣевскій былъ или, вѣрнѣе, долженъ былъ явиться философомъ par exellence славянофильства. Но жизнь его порвалась въ тотъ моментъ, когда онъ, наконецъ, собрался создать философію славянофильства. Славянофильство осталось безъ философіи. Вѣрнѣе, оно осталось при той философіи, которую славянофилы заимствовали у Фихте, Шеллинга, Гегеля и... графа Уварова. Кирѣевскій старшій намѣревался въ это странное сочетаніе ввести и непосредственно Платона и христіанскую философію святыхъ отцовъ, но, какъ сказано, умеръ, не исполнивъ этой задачи.

Славянофилы не были никогда партіей, но славянофильство было сильнымъ и вліятельнымъ теченіемъ русской мысли, пока графъ Уваровъ не пожралъ въ немъ окончательно Фихте, Шеллинга и Гегеля. Тогда славянофильство умерло. А кстати къ этому времени и всѣ славянофилы окончили земной путь, своей физической смертью какъ бы удостовѣривъ и закрѣпивъ духовную смерть славянофильства. Но философствующіе потомки славянофиловъ должны съ благодарностью помнить, что славянофилы были одни изъ первыхъ въ числѣ тѣхъ, что несли и принесли къ намъ съ Запада лучшіе плоды его философской мысли. Славянофилы ставили философскіе вопросы и искали философскихъ рѣшеній. Словомъ, они философствовали среди тупого и безсмысленнаго общества— въ этомъ ихъ крупная заслуга передъ русской культурой.

Книжка г. Лясковскаго о Кирѣевскихъ полезна и какъ краткое и вразумительное резюме взглядовъ старшаго Кирѣевскаго, и какъ тепло написанный очеркъ жизни обоихъ братьевъ. Важнаго значенія она не имѣетъ.

П. И.

Т. Рибо. Творческое воображеніе. Перев. съ фр. Е. Предтеченскаго и В. Ранцева. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб. Это послѣднее произведеніе извѣстнаго французскаго ученаго, автора трудовъ: «Современная англійская психологія», «Психологіи воли» и др., значительно уступаетъ имъ по своимъ научнымъ достоинствамъ. Авторъ и самъ это сознаетъ, нѣсколько разъ напоминая о томъ, что книга его не имѣетъ притязаній быть монографіею, а представляетъ собою только опытъ (гл. IV, стр. 126. Подъ этимъ болѣе точнымъ заглавіемъ: «Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія», разсматриваемая книга Т. Рибо вышла одновременно въ изданіи Л. Ф. Пантелѣева). Трудность задачи, поставленной авторомъ, зависитъ отъ того, что творческое воображеніе есть весьма сложное психическое явленіе. По словамъ автора, «въ умственной жизни оно представляетъ третичную формацію, если предположить существованіе первичнаго слоя (ощущеній и простыхъ эмоцій) и вторичнаго (образовъ и ихъ сочетаній, нѣкоторыхъ элементарныхъ логическихъ дѣйствій и пр.»). А такъ

какъ далеко нельзя считать окончательно установленными законы этихъ простѣйшихъ явленій психологической жизни, то неизбѣжно при изученіи такого сложнаго продукта этой жизни, какъ творческое воображеніе, мы будемъ находиться въ области колебаній и невыясненнаго. Вслѣдствіе сказаннаго, книга Т. Рибо даетъ мало новаго или, точнѣе говоря, она лишь переводитъ на языкъ научной психологіи то, что и ранѣе было эмпирически извѣстно о сферѣ творческаго воображенія.

Исходнымъ пунктомъ изложенія автора является положеніе, что всѣ представленія заключаютъ въ себѣ *движущіе элементы*. Двигательный элементъ представленія или образа стремится сбросить съ себя свои чисто-внутреннія свойства и объективироваться, выразиться внѣшнимъ образомъ, выступить изъ насъ вонъ наружу. Въ этомъ общій источникъ происхожденія обѣихъ формъ воображенія: простого воспроизводящаго воображенія, или памяти, и воображенія творческаго. Но первое даетъ лишь повторенія, тогда какъ творческое воображеніе требуетъ какъ бы новаго. Это новое дается ему способностью мыслить по *аналогіи*. «Существенный, основной элементъ создающаго воображенія въ порядкѣ интеллектуальномъ состоитъ въ способности мыслить по аналогіи, т.-е. по частному и чисто случайному сходству». Аналогія — этотъ неустойчивый, колеблющійся, многообразный процессъ производитъ самыя неожиданныя и самыя новыя группировки; по своей почти безграничной гибкости онъ производитъ какъ самыя нелѣпыя сближенія, такъ и весьма своеобразныя открытія» (стр. 20, 21). Но помимо *интеллектуальнаго* фактора въ работѣ воображенія участвуютъ факторы *аффективный* или *эмоціональный* и *безсознательный*. Вліяніе перваго сказывается во всякомъ актѣ творческаго воображенія и изобрѣтенія, все равно въ искусствѣ ли или въ жизни, и, повидимому, всѣ виды аффектовъ способны равно оказывать вліяніе на дѣйствія создающаго воображенія: гнѣвъ, радость, любовь, горе, страхъ и проч. Факторъ безсознательный—это то, что на обыкновенномъ языкѣ называется *вдохновеніемъ*. По мнѣнію автора, «вдохновеніе не есть причина, но скорѣе слѣдствіе или, точнѣе—моментъ, кризисъ, острое состояніе: это просто *указатель*. Онъ указываетъ или конецъ безсознательной выработки, которая могла быть очень короткой, или очень продолжительной, или же начало сознательной выработки, которая будетъ очень продолжительной, или очень короткой» (стр. 47). Начало единства дѣятельности этихъ трехъ факторовъ: интеллектуальнаго, эмоціональнаго и безсознательнаго, даютъ въ процессѣ воображенія или господствующую мысль, или господствующую эмоцію, страсть, точнѣе говоря, преобладаніе того или другого. «Это начало единства служитъ центромъ притяженія и точкой опоры всякой работы творческаго воображенія, т.-е. субъективнаго синтеза, стремящагося сдѣлаться объективнымъ. Оно представляетъ собою *идеалъ*. Въ полномъ смыслѣ слова идеалъ есть построеніе изъ образовъ, которое должно обратиться въ дѣйствительность» (стр. 64).

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приведеннаго анализа сущности воображенія авторъ останавливается на вопросѣ, существуетъ ли особый *творческій инстинктъ*. Онъ отвѣчаетъ безусловно отрицательно (стр. 39, 201, 275). «Между механизмомъ инстинкта и механизмомъ созданія изобрѣтенія существуютъ часто очень большія аналогіи, но тожества нѣтъ. Каждое изобрѣтеніе рождается изъ особой потребности человѣческой природы, дѣйствующей въ своей сферѣ и для собственной цѣли». «Никакого особаго творческаго инстинкта или же неопредѣленной и самодовлѣющей творческой способности не существуетъ и все сводится къ потребностямъ, которыя, въ извѣстныхъ случаяхъ, вызываютъ новыя сочетанія образовъ. Природа наличныхъ матеріаловъ является поэтому весьма существенною. Она опредѣляетъ до извѣстной степени характеръ творчества, указывая направленіе, въ которомъ воображеніе должно работать».

Таковы основные выводы того анализа творческаго воображенія, которому авторъ посвящаетъ первую часть своего труда. Вторая часть заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе развитія воображенія въ послѣдовательныхъ ступеняхъ: зачатковъ его у животныхъ, воображенія у дѣтей, у первобытнаго человѣка, вплоть до высшихъ формъ изобрѣтенія въ искусствѣ и практической дѣятельности. Особенное значеніе придаетъ авторъ творческой работѣ воображенія, сказывающейся въ созданіи миѳовъ. Преобразуясь и приспособляясь къ измѣнчивымъ условіямъ цивилизаціи, та же работа даетъ намъ изящную литературу. «Литература — лишь захудалая и осмысленная (раціонализированная) миѳологія» (стр. 107).

Третья и послѣдняя часть книги посвящена *главнымъ типамъ воображенія*. Авторъ, впрочемъ, упоминаетъ, что онъ «не ставитъ себѣ задачей установленіе какой-либо классификаціи» (стр. 157). И дѣйствительно, перечисленіе этихъ типовъ, соотвѣтствующее главамъ: «Пластическое воображеніе», «Расплывчатое воображеніе», «Мистическое воображеніе», «Научное воображеніе», «Воображеніе въ практической жизни и въ механикѣ», «Воображеніе въ области торговли», «Воображеніе въ области утопій», — нельзя признать научной классификаціей, и даже съ точки зрѣнія распредѣленія матеріала изложеніе нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Къ главѣ VII: «Воображеніе въ области утопій», авторъ дѣлаетъ примѣчаніе, что «это заглавіе, какъ выяснится впослѣдствіи, соотвѣтствуетъ лишь отчасти содержанію главы». Но примѣчаніе это въ одинаковой мѣрѣ приложимо и къ предыдущей главѣ: «Воображеніе въ области торговли», гдѣ авторъ разсматриваетъ также творческую дѣятельность военнаго воображенія. Въ заключительной части книги авторъ считаетъ возможнымъ свести творческое воображеніе во всей его совокупности къ тремъ формамъ: «намѣченной, выясненной и воплощенной, смотря по тому, довольствуется ли оно созданіемъ—фантомомъ, существующимъ для самого творца, или же облекается въ случайную и податливую матеріальную форму, или же, наконецъ, подчиняется условіямъ строгой внутренней или внѣшней законности» (стр. 277). Подобную классификацію формъ творческаго воображенія врядъ ли можно признать удачной, это не столько формы, сколько ступени одного и того же процесса. Во всякомъ случаѣ, можно бы было ожидать, что авторъ укажетъ, въ какомъ отношеніи къ этому дѣленію формъ творчества относится подраздѣленіе воображенія на пластическое и расплывчатое. Почему авторъ предпочелъ дать характеристику довольно неопредѣленному типу «расплывчатаго» воображенія, а не говоритъ (хотя о немъ упоминаетъ) объ *эмоціональномъ воображеніи*? (Стр. 174). Есть ли основаніе относить все музыкальное воображеніе въ область воображенія расплывчатаго, послѣ того, что говоритъ самъ авторъ объ отчетливости музыкальныхъ звуковъ для самихъ музыкантовъ и лицъ, понимающихъ музыку? (Стр. 176—179). Всѣ эти и многіе другіе вопросы и недоумѣнія возникаютъ при знакомствѣ со второю описательною частью книги, которая имѣла дѣло съ богатымъ и мало разработаннымъ матеріаломъ.

М. П—въ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ол. Лоджъ. «Піонеры науки».—«Н. М. Сибирцевъ, его жизнь и дѣятельность».

Піонеры науки. Лекціи по исторіи астрономіи Оливера Лоджа, проф. физики въ Ливерпулѣ. Перев. съ англ. С. Займовскаго. Изд. Ф. Павленкова 1901 г. 334 стр. 120 рис. Ц. 1 р. 25 к. «Въ каждомъ поколѣніи появляется одна - двѣ великихъ души—люди изъ другого міра и края

Міръ имъ кажется не базаромъ для купли и продажи, и не лѣстницей, по которой люди прыгаютъ внизъ и вверхъ, безъ всякаго толку, не зная, куда и зачѣмъ, но великимъ и таинственнымъ фактомъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься, который можно изучать, а можетъ быть и понять до нѣкоторой степени». Это—пророки, геніальные поэты и музыканты и «люди науки, великіе богоравные мудрецы». «Въ наши дни,—говоритъ авторъ,—около множества геніальныхъ изобрѣтеній вращается масса маленькихъ людей, призывающихъ имя науки, но работающихъ для личныхъ цѣлей, примѣняясь и изворачиваясь, какъ и во всякой другой профессіи или торговлѣ. Это неутомимые работники, которые могутъ двигать науку впередъ и двигаютъ ее, но которые никоимъ образомъ не могутъ называться ея піонерами. Не имъ дано открывать намъ пути въ неизвѣданныя области и созерцать духовнымъ окомъ обѣтованную землю, какъ съ вершины горы. О нихъ мы не будемъ говорить: наша бесѣда коснется только великихъ людей, создавшихъ эпоху, людей, жизни и трудамъ которыхъ мы всѣ и ихъ потомки столь многимъ обязаны». Вотъ какъ характеризуетъ авторъ піонеровъ науки и какъ ограничиваетъ рамки своей задачи—дать популярный очеркъ исторіи астрономіи. На всемъ протяженіи своей довольно объемистой книги проф. Лоджъ остался вѣренъ своему плану: здѣсь вы не встрѣтите Вагнеровъ науки, которыми такъ богато и гордо наше время; только гиганты мысли, раскрывшіе намъ законы вселенной, нашли мѣсто въ этомъ пантеонѣ. Авторъ съ большой талантливостью и простотою сумѣлъ и «нарисовать живой образъ» нѣкоторыхъ піонеровъ астрономіи, и «очертить ихъ вліяніе на прогрессъ мысли». Особенно удалось ему это по отношенію къ Кеплеру, Галилею и Ньютону. И удалось, благодаря одному весьма простому пріему. Вся жизнь этихъ великихъ людей была посвящена исканію истины, отличіе другъ отъ друга лежало только въ глубинѣ и широтѣ этой истины и въ томъ, *какъ* каждый изъ нихъ искалъ ее. Когда авторъ вводитъ насъ въ лабораторію ихъ мысли, заставляетъ слѣдить за ходомъ ихъ творческой работы, то этого достаточно, чтобы воскресить самое существенное—духовную индивидуальность этихъ геніевъ; умѣло выбранные біографическіе моменты дополняютъ ихъ характеристики. Такимъ образомъ читатель становится какъ бы участникомъ умственной работы «піонеровъ» астрономіи, видитъ всю напряженность этой работы и научается цѣнить этихъ великихъ людей не только за ихъ геніальность, но и за самозабвеніе и преданность избранному дѣлу жизни. И законы, открытые ими, которые намъ достались даромъ, на школьной скамьѣ, въ передачѣ какого нибудь вицмундирнаго педагога, становятся величественнѣе, одухотвореннѣе и въ то же время какъ то ближе, роднѣе. Что, напримѣръ, говоритъ вашему уму и воображенію 3-й законъ Кеплера, если вы не естествоиспытатель?! Скучное и непріятное воспоминаніе о гимназической мертвечинѣ. Лоджъ знакомитъ васъ съ пламеннымъ, мечущимся исканіемъ Кеплера, съ его болѣе чѣмъ двадцатилѣтней упорной работой среди нищеты, огорченій и преслѣдованій, съ его сомнѣніями, ошибками и, наконецъ, торжествомъ—и значеніе законовъ Кеплера выступаетъ для васъ съ необыкновенной ясностью и вы готовы присоединиться къ тому восторженному гимну, который вырвался у великаго искателя, когда онъ пришелъ къ давно жданному исходу. «То, что я предсказывалъ 22 года тому назадъ, когда помѣстилъ 5 правильныхъ тѣлъ въ планетныя орбиты,—то, что я съ увѣренностью утверждалъ задолго до того, какъ увидѣлъ впервые Гармоніи Птоломея, что я обѣщалъ моимъ друзьямъ въ заглавіи этой книги, которой я далъ названіе еще не будучи увѣренъ въ своемъ открытіи,—то, что я 16 лѣтъ назадъ считалъ вполнѣ возможною вещью, то, ради чего я присоединился къ Тихо Браге, ради чего я поселился въ Прагѣ, ради чего я посвятилъ лучшую пору моей жизни астрономическимъ изысканіямъ,—я, наконецъ, озарилъ свѣтомъ и позналъ

*

истину выше самыхъ смѣлыхъ надеждъ моихъ. Едва 18 мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ блеснулъ первый лучъ свѣта, три мѣсяца, какъ занялась заря, и всего только нѣсколько дней, какъ роскошное солнце, во всемъ своемъ великолѣпіи, взошло надъ моимъ горизонтомъ. Ничто меня теперь не удержитъ; я предаюсь святому неистовству: я восторжествовалъ надъ родомъ человѣческимъ въ честномъ и правомъ сознаніи, что похитилъ золотые сосуды у египтянъ, дабы воздвигнуть скинію моему Богу далеко отъ предѣловъ Египта. Если вы мнѣ простите, я возрадуюсь; если вы на меня вознегодуете, я перенесу это; жребій брошенъ, книга написана, а будутъ ли ее читать теперь или въ потомствѣ, это мнѣ безразлично; она можетъ ждать своего читателя хоть сто лѣтъ, если Богъ могъ ждать созерцателя 6.000 лѣтъ»...

Галилей—слишкомъ выпуклая фигура, и нѣтъ большой заслуги дать болѣе или менѣе живой образъ ея, другое дѣло — выяснить безпристрастно и точно его значеніе въ исторіи астрономіи, но авторъ и здѣсь справился съ своей задачей. Нужно отмѣтить рѣдкое въ нашу эпоху національныхъ самомнѣній качество проф. Лоджа—безпристрастіе. Ярко выступаетъ, эта черта напр., въ его отношеніи къ Бэкону Веруламскому, котораго въ Англіи обыкновенно считаютъ отцомъ современной опытной науки. Лоджъ утверждаетъ, что значеніе Бэкона преувеличено: многіе изъ методовъ, рекомендованныхъ имъ—не тѣ, которыми съ успѣхомъ пользуется человѣчество, и не тѣ, которыми пользуются люди науки. «Конечно, говоритъ авторъ, въ его (Бэкона) аллегоріяхъ относительно ошибокъ, въ которыя способенъ впадать человѣкъ, много красоты—въ этихъ *idola* площадей, сословій, театровъ, притоновъ; но все это—литература, на прочный прогрессъ науки оказавшая, можно сказать, мало или совсѣмъ не имѣвшая никакого вліянія. Декартовы «Разсужденія о методѣ» — несравненно болѣе солидное произведеніе». Это же безпристрастіе Лоджа проявляется и въ отношеніи къ французу Декарту, значеніе котораго въ исторіи науки онъ оцѣниваетъ весьма высоко и признаетъ, напр., что безъ помощи аналитической геометріи Декарта Ньютонъ никогда не написалъ бы «Началъ» и не сдѣлалъ бы своихъ величайшихъ открытій. «Онъ (Ньютонъ) могъ бы и самъ изобрѣсти ее, прибавляетъ Лоджъ, но ему пришлось бы затратить часть жизни на необходимыя усовершенствованія». А между тѣмъ къ Ньютону авторъ относится съ восторженнымъ поклоненіемъ и считаетъ его научныя открытія «сверхчеловѣческими». Тѣмъ болѣе удивителенъ отзывъ проф. Лоджа о Коперникѣ, про котораго онъ говоритъ: «Я не вижу причинъ считать Коперника гигантомъ въ области мысли, это былъ лишь спокойный, трудолюбивый, терпѣливый, богобоязненный человѣкъ, глубоко ученый, непредубѣжденный мыслитель, хотя и *безъ особеннаго таланта* (?); но ему *суждено (?)* было произвести переворотъ въ теченіи человѣческой мысли, подобный которому трудно было отыскать въ исторіи». Этотъ отзывъ такъ не вяжется съ довольно подробнымъ изложеніемъ Лоджемъ работъ Коперника и оцѣнкой ихъ (см. стр. 24), что невольно приходитъ въ голову сомнѣніе въ точности перевода этого абзаца.

Книга проф. Лоджа дѣлится на 2 части. Первая озаглавлена: «Отъ тьмы къ разсвѣту», вторая—«Два вѣка прогресса».

Первая—содержитъ 9 главъ, изъ нихъ первыя 6 посвящены Копернику, Тихо Браге, Кеплеру, Галилею и Декарту, послѣднія 3 Ньютону. На Ньютонѣ, на открытіи закона тяготѣнія и вообще на «Principa» авторъ останавливается наиболѣе подробно, и это конечно, вполнѣ справедливо. За то титаническое, по истинѣ «сверхчеловѣческое» дѣло жизни этого величайшаго генія встаетъ во всемъ своемъ объемѣ и значеніи. 2-ая часть книги посвящена уже послѣ—ньютоновскому періоду. Здѣсь авторъ останавливается на Ремерѣ и Брадлеѣ, на вычисленіи скорости свѣта, на открытіи абберацiи и нутаціи, на Лагранжѣ

и Лапласѣ и небулярной гипотезѣ; цѣлую главу посвящаетъ Гершелю и выясненному послѣднимъ движенію неподвижныхъ звѣздъ. Затѣмъ идутъ Бессель и опредѣленіе паралакса неподвижныхъ звѣздъ, Адамсъ и Леверье и открытіе Нептуна, глава о кометахъ и метеорахъ. Заканчивается книга двумя главами о приливахъ, гдѣ авторъ снова возращается къ Ньютону, и крайне интереснымъ наброскомъ, трактующимъ о ходѣ планетной эволюціи.

Большимъ пробѣломъ является, по нашему мнѣнію, то, что Лоджъ совершенно опустилъ одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ отдѣловъ астрономіи— астрофизику. Это тѣмъ болѣе странно, что и философское и педагогическое значеніе ея громадно.

Во второй части, при переходѣ отъ генія къ простой талантливости, изложеніе автора мѣняетъ нѣсколько свой характеръ: «Люди становятся родственнѣе намъ по времени и по духу», деликатно объясняетъ авторъ; «сообразно съ этимъ суживается область біографіи и шире становится научный обзоръ.» Невольно встаетъ печальный вопросъ: неужели эта замѣна генія талантомъ— неизмѣнный и общій законъ духовной эволюціи человѣчества?!

Переводъ книги проф. Лоджа въ общемъ удовлетворителенъ, но не ровенъ. встрѣчаются мѣста довольно таки угловатыя. Напр., (стр. 77) «слабый отголосокъ этихъ новостей нашелъ дорогу въ Падую, *къ ушамъ* Галилея», или «глазъ имѣетъ линзу, помощью которой происходитъ смотрѣніе». Къ счастью такихъ мѣстъ немного. Встрѣчаются невѣрности и въ примѣчаніяхъ переводчика. Такъ на (стр. 329) г. Займовскій утверждаетъ, что «по общепринятой геологической номенклатурѣ возрастъ (?!) пластовъ дѣлится на *эры*, эры—на *системы*...» И не понятно и совершенно не вѣрно. Рисунки, помѣщенные въ разбираемой книгѣ, выбраны весьма удачно и исполнены отчетливо жаль только, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ англійскія названія не замѣнены русскими.

Вообще можно сказать, что и выборъ и изданіе «Піонеровъ науки» вполнѣ достойны памяти Ф. Павленкова — этого истиннаго и безкорыстнаго піонера русскаго книжнаго дѣла. *В. Агафоновъ.*

Н. М. Сибирцевъ. Его жизнь и дѣятельность. Составили П. Ф. Бараковъ, К. Д. Глинка, Н. А. Богословскій, А. Ф. Фортунатовъ, К. А. Мацѣевичъ, А. Р. Ферхминъ и П. В. Отоцкій. Съ двумя портретами. Изд. журн. «Почвовѣдѣніе». Спб. 1901. 40 стр. Ровно годъ тому назадъ въ Сентябрьской книжкѣ «Міра Божьяго» нами былъ помѣщенъ некрологъ тогда только что скончавшагося профессора почвовѣдѣнія ново-александрійскаго института Николая Михайловича Сибирцева. Мы были убѣждены, что вскорѣ должна появиться болѣе или менѣе подробная біографія такой личности, какъ Николай Михайловичъ. И дѣйствительно, друзья и товарищи покойнаго рѣшили составить біографическій очеркъ общими силами. Трогательный памятникъ, особенно въ наше время, когда товарищество не переходитъ порога гимназіи, а дружба обыкновенно даетъ патентъ для злословія и клеветы. Четверо изъ 7 авторовъ этого сборника взяли на себя характеристику—каждый какой-нибудь одной стороны дѣятельности покойнаго ученаго. Такимъ образомъ появилась характеристика Сибирцева, какъ ученаго, какъ организатора земскаго нижегородскаго музея и почвенно-статистическаго изслѣдованія этой губерніи, какъ статистика и какъ профессора. П. Ф. Бараковъ далъ небольшой (2 стр.) curriculum vitae, а гг. Ферхминъ и Отоцкій попытались очертить Николая Михайловича, какъ человѣка.

Редакторы этого маленькаго сборника, видимо, смотрятъ на него, какъ на предварительный очеркъ, какъ на памятникъ дружбы и уваженія, и надѣятся возвратиться впослѣдствіи къ обстоятельной оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ, на-

учной дѣятельности Сибирцева*). Это намъ кажется вполнѣ правильнымъ, такъ какъ такіе *сборные* очерки, особенно при крайне незначительномъ объемѣ, никогда не могутъ исчерпать предмета вполнѣ. Настоящій сборникъ пріятно будетъ прочесть всѣмъ, такъ или иначе сталкивавшимся съ Николаемъ Михайловичемъ; онъ напомнитъ имъ о хорошемъ и способномъ человѣкѣ, недаромъ прожившемъ свою короткую жизнь;—можетъ быть, они узнаютъ о немъ кое-что новое и портретъ, запечатлѣвшійся въ памяти, выиграетъ въ ясности,—но лица, не знавшія покойнаго ученаго, врядъ ли получатъ о немъ болѣе или менѣе полное представленіе. Опять-таки повторяемъ, хорошо, что этотъ очеркъ появился, онъ долженъ былъ появиться,—но мы по долгу рецензента отмѣчаемъ только тотъ кругъ лицъ, кому онъ будетъ интересенъ и понятенъ. И такихъ лицъ, знавшихъ Сибирцева, не мало. И въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ завѣдующій музеемъ, и въ Новой Александріи, какъ профессоръ, онъ былъ очень популяренъ. Насъ особенно тронули страницы сборника, написанныя бывшимъ его ученикомъ Мацѣевичемъ и посвященныя памяти Николая Михайловича, какъ профессора. Здѣсь отмѣчено и глубокое уваженіе и горячая любовь студентовъ къ своему молодому профессору, девизомъ котораго были слѣдующія слова: «Профессоръ долженъ всегда помнить, что онъ прежде всего общественный дѣятель, что его служеніе наукѣ—общественное дѣло».

В. Агафоновъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

«Народное образованіе въ Москвѣ 1863—1898 гг.».—«Вопросы народнаго образованія въ Московской губ.».

Общественное хозяйство города Москвы. Народное образованіе въ 1863—1898 годахъ. Историко-статистическое описаніе. Часть IV, вып. 1-ый. Составилъ М. П. Щепкинъ. Изданіе московской городской думы. Москва. 1901 г.

Этотъ большой трудъ одного изъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей города Москвы представляетъ, несомнѣнно, серьезный вкладъ въ историческую литературу по вопросамъ народнаго образованія въ Россіи. Источниками для составленія настоящей книги, какъ видно изъ предисловія, служили доклады городскихъ коммиссій, заявленія и предложенія отдѣльныхъ лицъ, журналы засѣданій думы, отчеты о состояніи городскихъ училищъ и, наконецъ, подлинныя дѣла городского архива. Въ введеніи авторъ даетъ интересный общій историческій очеркъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Россіи, вызванныхъ къ жизни императрицей Екатериной II, которая подъ вліяніемъ ученаго физика и естествовѣда Эпинуса взяла за образецъ австрійскія школы. Предположено было основать школы трехъ разрядовъ: *начальныя* для обученія Закону Божію, чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики; *главныя* съ болѣе расширеннымъ курсомъ и *нормальныя*, или учительскія семинаріи для приготовленія будущихъ учителей. Для исполненія предначертаній Екатерины II присланъ былъ изъ Австріи Іосифомъ II опытный педагогъ—сербъ Янковичъ. Въ сентябрѣ 1782 года была открыта коммиссія объ учрежденіи училищъ, по плану которой и было основано первое народное училище въ Петербургѣ. Ученики набирались изъ духовныхъ семинарій, и учителя, на первый

*) Только что вышли изъ печати два первыхъ выпуска капитальнаго сочиненія проф. Н. Сибирцева «Почвовѣдѣніе». Мы откладываемъ нашъ отзывъ до выпуска въ свѣтъ третьяго и послѣдняго выпуска этого замѣчательнаго труда.

разъ, изъ профессоровъ академіи наукъ и Московскаго университета. Вскорѣ послѣдовало открытіе и другихъ училищъ, такъ что въ 1774 г. императрица писала Гримму, «что по милости Божіей, въ теченіе одного года, у насъ устроено здѣсь, въ Петербургѣ, 10 нормальныхъ училищъ и что въ нихъ болѣе 1.000 учениковъ». Въ 1786 г., по Высочайшему повелѣнію, были открыты народныя училища въ 20 ти губерніяхъ и въ томъ числѣ Московской. Въ 1789 г. училища были открыты еще въ остальныхъ 14-ти губерніяхъ. Всего въ царствованіе императрицы Екатерины II-й было учреждено 223 учебныхъ заведенія, которыя продержались до начала XIX столѣтія, когда малыя училища, начальныя были переименованы въ приходскія и уѣздныя; главныя народныя училища были обращены въ среднія учебныя заведенія—гимназіи, а учительская семинарія—въ педагогическій институтъ. Начальныя училища Екатерины II и послужили, по словамъ автора вышеуказанной книги, «первообразомъ, изъ котораго образовались въ Москвѣ и такъ называемыя «казенныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія». Первый «Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ» былъ утвержденъ 8-го декабря 1828 г., а черезъ 11 лѣтъ—1 го ноября 1839 г. было издано особое «Положеніе о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ». Съ момента поддержанія «казенныхъ» училищъ и началась просвѣтительная дѣятельность московской городской думы, именно, съ 1863 года. Въ дальнѣйшемъ изложеніи дается полная картина какъ постепеннаго развитія начальныхъ училищъ въ Москвѣ, такъ и современнаго ихъ положенія. Въ концѣ книги, для иллюстраціи текста, приложенъ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ. *К. Диксонъ.*

Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи. Выпускъ III. I. Объ отношеніи народа къ грамотности.—II. Народныя чтенія. По порученію московской земской управы составилъ земскій статистикъ В. В. Петровъ. Москва. 1900 г. Ц. 50 коп. Также какъ и предыдущіе выпуски «Вопросовъ народнаго образованія», настоящая книга представляетъ собою сводку матеріала, состоящаго изъ отзывовъ, данныхъ учителями и учительницами начальныхъ школъ Московской губерніи на вопросы соотвѣтствующихъ программъ. Этотъ любопытный, въ своемъ родѣ, плебисцитъ далъ возможность выяснить отношеніе населенія къ школамъ, а также и къ народнымъ чтеніямъ, которыя за послѣднее время, несмотря на всѣ неблагопріятныя для нихъ обстоятельства, продолжаютъ захватывать все большій и большій раіонъ. Обращаясь къ полученнымъ отзывамъ объ отношеніи народа къ грамотности, авторъ сборника, прежде всего, констатируетъ тотъ фактъ, что среди отзывовъ очень немного встрѣчается такихъ, которые указываютъ, что «стремленіе къ грамотности у крестьянъ данной мѣстности вызывается любовью къ чтенію», «потребностью духовнаго развитія» и т. п. Въ общей массѣ такіе отзывы представляются исключительными; подавляющее же большинство отвѣтовъ по настоящему вопросу имѣютъ иной характеръ: причинами распространенія грамотности они считаютъ почти исключительно требованія промысловой и экономической жизни и отчасти знаніе тѣхъ неудобствъ, которыми грозитъ безграмотному солдатчина. Однимъ словомъ, большинство крестьянъ видитъ въ грамотности только чисто практическую сторону. Поэтому обученіе дѣтей въ начальной школѣ обыкновенно ограничивается насколько возможно и очень немногіе родители даютъ возможность своимъ дѣтямъ окончить полный курсъ ученія. Бѣдность и семейныя условія—вотъ тѣ главныя причины, которыя мѣшаютъ крестьянскимъ дѣтямъ посѣщать школу, заставляя дѣтей школьнаго возраста уже помогать родителямъ дома по хозяйству или даже уходить на стороннія заработки. «Нѣкоторыя дѣти не учатся потому,—пишетъ одинъ учитель,—что представляютъ собою рабочую силу; они разматываютъ бумагу, такъ какъ въ нашей мѣстности сильно развито ткачество». «Если у крестьянина одна дочь или одинъ

сынъ,—читаемъ въ другомъ отзывѣ. — то его совсѣмъ не обучаютъ грамотѣ: его заставляютъ мотать шпули за отца и мать, которые уходятъ на фабрику». Тотъ фактъ, что фабричный промыселъ побуждаетъ вооружаться грамотностью и въ то же время является нерѣдко условіемъ, мѣшающимъ ея пріобрѣтенію, отмѣчается почти во всѣхъ отзывахъ изъ фабричныхъ раіоновъ и отмѣчается не впервые. Сопоставленіе статистическихъ данныхъ о движеніи числа учащихся въ начальныхъ школахъ Московской губерніи за рядъ лѣтъ привело къ заключенію, что существуетъ обратная зависимость между тѣмъ или инымъ состояніемъ промысловъ, съ одной стороны, и ростомъ числа учащихся, съ другой. Сдѣланъ былъ даже выводъ, что «періоды процвѣтанія промысловъ задерживаютъ распространеніе той самой грамотности, которая развивается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ экономическихъ промысловыхъ условій жизни этого населенія». Объясняется это слѣдующими соображеніями: «Потребность въ грамотности въ настоящее время вызывается и поддерживается въ нашемъ крестьянствѣ главнымъ образомъ экономическими и промысловыми условіями его жизни, а между тѣмъ населеніе это въ матеріальномъ отношеніи обезпечено слишкомъ мало; отсюда представляется вполнѣ понятнымъ, что въ такіе годы, когда промышленныя дѣла нѣсколько улучшаются, оно съ жадностью бросается на открывшіеся заработки, отрываетъ отъ школы дѣтей, чтобы посадить ихъ за работу, и не отпускаетъ въ школу безграмотныхъ, но могущихъ получить хотя бы ничтожный заработокъ дѣтей, или же оставляетъ ихъ у себя, возлагая на нихъ нѣкоторыя домашнія обязанности, чтобы тѣмъ самымъ сберечь хотя часть дорогого времени и употребить ее на занятіе тѣмъ или инымъ промысломъ или на фабричную работу». Совершенно иную картину представляютъ годы, когда спросъ на «рабочіе руки» малъ, когда работы не хватаетъ даже взрослымъ. Въ эти годы оказывается относительно менѣе учениковъ, принужденныхъ оставить школу «по домашнимъ обстоятельствамъ» и является, кромѣ того, возможность отпустить въ школу дѣтей, еще не успѣвшихъ обучиться грамотѣ. Такимъ образомъ, крайне плохое экономическое положеніе крестьянъ Московской губерніи, заставляя ихъ смотрѣть на пріобрѣтеніе грамоты только съ чисто утилитарной точки зрѣнія, является непреодолимымъ тормазомъ для ихъ духовнаго развитія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ коррективомъ (но, конечно, только нѣкоторымъ) могутъ быть народныя чтенія, къ которымъ вездѣ населеніе относится крайне сочувственно и организаціи которыхъ въ Московской губерніи посвящена вторая статья въ вышеуказанномъ сборникѣ. Въ концѣ сборника читатели найдутъ примѣрные списки имѣющихся при уѣздныхъ земскихъ управахъ книгъ и брошюръ для народныхъ чтеній, а также докладъ К. М. Языкова о народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гигіенѣ въ Московскомъ уѣздѣ. *К. Диксонъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШIЯ ВЪ РЕДАКЦIЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го сентября по 15-ое октября 1901 г.).

Эмиль Фаге. Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. Перев. съ франц. П. Канчаловскаго. М. 1901 г. Ц. 2 р.

Е. Бошнякъ. Перев. съ англ. Какъ написать повѣсть. Изд. Кудрявцева. М. 1901 г. Ц. 2 р.

Жоржъ Пелисье. Критическiе этюды современной литературы. Перев. съ франц. Заблоцкой. Изд. кн. скл. Ефимова. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Л. Андреевъ. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Н. Карѣевъ. Идеалы общаго образованiя. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

А. М. Коровинъ. Убѣжище для алкоголиковъ. М. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ив. Франко. Въ потѣ лица. Перев. Рувимова и Ольшна. Съ предисловiемъ Славинскаго. Спб. Изд. Орѣхова. Ц. 1 р. 50 к.

Басни Лафонтена. Полное собранiе сочиненiй съ бiограф. и примѣч. Подъ ред. А. Введенскаго. Спб. 1901 г. Ц. 2-хъ том. 6 р.

Тиндаль. Звукъ. Изд. т-ва «Знанiе». Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Ѳ. Горбуновъ. Полное собранiе сочиненiй. Подъ ред. и съ предисл. А. Ѳ. Кони. въ 2-хъ том. Изд. Маркса. Спб. 1901 г. Ц. 4 р.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. и дополн. подъ ред. Энгеля. Вып. I. Ц. всего словаря 6 р.

Фр. Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго. Перев. съ нѣм. подъ ред. К. А. Поссе. Изд. т-ва «Знанiе». Спб. 1901 г.

З. Красинскiй. Не божественная комедiя. Перев. и вступ. статья А. Курсинскаго. Изд. об-ва «Скорпiонъ». М. 1902 г. Ц. 60 к.

Е. Балабановой. Библiотечное дѣло. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Ея же. Маръ-Ивонна. Спб. 1901 г. Ц. 90 к.

Д. Кайгородовъ. На разныя темы, преимущественно педагогическiя. Изд. Суворина. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

А. Андреевой. Воскресенiе у гр. Л. Толстого и Г. Ибсена. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Н. Н. Шиповъ. Опытъ приложенiя законовъ эволюцiи и изученiя причинъ на развитiе плода мужского или женскаго. Спб. 1901 г.

Его же. Изслѣдованiе болевого чувства во время родовъ и послѣродовомъ перiодѣ. Спб. 1901 г.

Д. Зеленчнъ. Международный языкъ науки и культурныхъ сношенiй. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Сост. Р. В. Л—въ и О. А. М—чъ. Рѣшенiя съ подробн. объясн. алгебраич. задачъ изъ сборн. Шапошникова и Вальцова. Изд. Всев. Попова. Кiевъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Петръ Струве. Крѣпостная статистика. Спб. 1901 г.

В. Муратовъ. Душевная слабость и ея значенiе въ общ. жизни и художествен. творчествѣ. М. 1901 г.

Докладъ о дѣятельности праздничныхъ собранiй об-ва помощи нуждающ. женщинамъ въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1901 г.

И. А. Каблуковъ. Очерки изъ исторiи электрохимiи за XIX в. М. 1901 г. Ц. 40 к.

Земск. вр. В. В. Хижнякозъ. О болѣзни глазъ назыв. трахомой. Изд. «Книжное Дѣло». М. 1901 г.

Л. Абезгаузъ. Разудалая головушка. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Варшава. 1900 г. Ц. 50 к.

А. В. Кругловъ. Совѣсть проснулась. М. 1901 г. Изд. «Книжное Дѣло».

Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторiи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 30 к.

Е. Е. Сиверсъ. Общее счетоводство. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

А. Казиной. Мысли и думы. Спб. 1901 г.

П. В. Сюзевъ. Наставленiе для собиранiя и засушиванiя растенiй для гербарiя. Юрьевъ. 1900 г. Ц. 10 к.

В—евъ. Очерки профес. гигіены. М. Изд. Нѣмчинова. 1901 г. Ц. 40 к.

Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Спб. Изд. т-ва «Знаніе». 1901 г. Ц. 80 к.

Маркъ Басанинъ. Новоселковское кладбище. Спб. Изд. Суворина. 1901 г. Ц. 60 к.

Г. Н. Брейтманъ. Преступный міръ. Очерки изъ быта профессіональныхъ преступниковъ. Кіевъ. 1901 г. Ц. 85 к.

А. Бѣломоръ. Изъ записной книжки моряка. Спб. Изд. Суворина. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Трилогія. Перев. Маттерна. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Д. Н. Вергунъ. Червонно-русскіе отзвуки. Изд. литерат. кружка при об-вѣ «Другъ». Львовъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Уставъ общества о безплатной школѣ В. П. Острогорскаго въ г. Валдаѣ, Новгород губ. Спб 1901 г.

С. Разинъ. Бракъ по господствующему способу производства или Кандидъ и Панглоссъ женатые. Фантастическое происш. въ 3-хъ дѣйств. М. 1901 г.

В. П. Городня. Война и Миръ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Научно-литературный сборникъ. Періодическое изданіе галицко-русской матицы. Подъ ред. Дѣдицкаго. 1901 г. Львовъ. Ц. 3 корб.

Заслуж. проф. А. В. Романовичъ-Славатинскаго. Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ. Кіевъ. 1901 г.

Мих. Павловича. Что доказала англо-бурская война. Одесса. 1901 г. Ц. 20 к.

Кедровъ. О жилищахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ Россіи.

Ив. Левицкій. Повѣсти и оповиданья Т. III. Нахаба Новижена. Кіевъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. С. Корелинъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Изд. акц. об-ва «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности об-ва взаимнаго вспомоществ. учащимъ и учившимъ за 1900 г. Томскъ. 1901 г.

Е. Чикаленко. Розмова про сельское хозяйство. 4-я кн. Спб. 1901 г. Ц. 5 к.

П. О. Кулишъ. Выговщына. Спб. 1901г. Ц. 2 к.

О. Я. Кониськый. Повидання про Т. Шевченка. Спб. 1901 г. Ц. 2 к.

Сергій Вагановъ. Розмова про сухоты на рогатій худоби. Спб. 1901 г. Ц. 3 к.

М. Комарь. Оповидання про Богдана Хмѣльницкаго. Спб. 1901 г. 8 к.

Павле Орловичъ. Питанье о старој Србији. Београдъ. 1901 г.

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей. Вып. I. М. 1901 г.

Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества. Т. VI. Среднее и нижнее Поволожье и Заволжье. Изд. Девріена. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ Московскаго об-ва взаимопомощи лицъ интеллегентной профессіи за 1900 г. М. 1901 г.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностран. рынкахъ за 1900 г. Спб. 1901 г.

Докладъ Лебедева по вопросу объ изученіи отхожихъ промысловъ Москов. губ. въ санитарномъ отношеніи.

Журналъ засѣданія городского благотворит. совѣта 22-го апрѣля 1901 г.

В. Н. Соловьевъ. Посмертный сборникъ Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

А. Силантьевъ. Опредѣлитель европейскихъ птицъ. Спб. Изд. «Девріена». 1901 г. 1 р. 20 к.

Васюковъ. Скорпіоны. Современ. дѣятельн московской прессы. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Раевскій и Звѣздинъ. Задачникъ для начальн. народн. учил. въ 2-хъ част. Младшее и старшее отд. 2-е изд. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 50 к.

П. Вольногорскій. Растенія и друзья человѣка. Изд. то же. Вып. 1—6. М. 1901 г.

У. Е. Старцевъ. Бакинская нефтяная промышленность. Баку. 1901 г. Ц. 50 к.

Л. А. Золотаревъ. Гигіена супружеской жизни. М. 1901 г. Ц. 80 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Abdul Hamid intime» par G. Dorys (Stock). (*Абдулъ Гамидъ въ интимной жизни*). Авторъ этой книги, хорошо освѣдомленный насчетъ того, что дѣлается въ Ильдызъ-Кіоскѣ (дворецъ султана) знакомитъ читателя съ интимною жизнью властителя Оттоманской имперіи, его характеромъ, привычками и странностями.

(Revue internationale).

«La Fondation universitaire de Belleville» (Félix Alcan) 1 fr. 50. (*Народный университетъ въ Бельвиллѣ*). Въ этой брошюрѣ Жакъ Барду излагаетъ въ краткихъ словахъ исторію университетскаго движенія во Франціи. Онъ разсказываетъ о коллективныхъ усиліяхъ группы молодыхъ людей, иниціаторовъ этого движенія, а затѣмъ описываетъ организацію народнаго университета и его открытіе. Въ видѣ предисловія къ брошюрѣ приложена публичная лекція профессора юридическаго факультета въ Парижѣ Жида, озаглавленная: «Умственный и физическій трудъ». Эта маленькая книжка интересна въ томъ отношеніи, что она можетъ служить руководствомъ для организаторовъ новыхъ такихъ же группъ и въ то же время можетъ содѣйствовать распространенію идей университетскаго движенія.

(Revue internationale).

«Les regions boréales» par Etienne Richet. Bibliothéque d'Histoire et de Géographie universelles (Schleicher). (*Полярныя страны*). Это трудъ путешественника и ученаго. Разсказавъ о геройскихъ попыткахъ раскрыть тайны полярнаго міра, стоившихъ жизни смѣлымъ піонерамъ науки, авторъ описываетъ негостепріимныя полярныя области, ихъ природные рессурсы и нравы обитателей этихъ областей. Книга написана очень популярно и читается съ большимъ интересомъ.

(Revue internationale).

«Le Coopératisme» par M. Bancel (Schleicher). Collection des livres d'or de la Sciense (*Кооперативизмъ*). Авторъ изучаетъ въ этомъ томѣ великое кооперативное движеніе, достигшее такого широкаго развитія за послѣдніе годы. Онъ дѣлитъ на три категоріи различныя проявленія кооперативизма: потребительныя общества, промышленныя ассоціаціи и смѣшанныя ассоціаціи. Авторъ стоитъ за свободное внутреннее развитіе всѣхъ кооперативныхъ ассоціацій.

(Revue internationale).

«L'Etat Mahdiste du Soudan» par Gaston Dojarrie (Maisonneuse). (*Государство махдистовъ въ Суданѣ*). Въ этой книгѣ авторъ знакомитъ читателя съ исторіей махдизма въ египетскомъ Суданѣ. Махдизмъ возникъ и превратился въ настоящее государство на нашихъ глазахъ. Развитіе махдитскаго государства достигло своего кульминаціоннаго пункта въ 1885 году, тогда, когда Махди Могаммедъ Ахмедъ основалъ въ пустынѣ свою столицу Омдурманъ. Паденіе махдизма произошло въ 1898 году, когда былъ взятъ Омдурманъ Китченеромъ. Авторъ разсказываетъ всѣ перипетіи этого любопытнаго религіознаго движенія отъ самого его возникновенія и описываетъ причины, вызвавшія появленіе и развитіе. Исторія этого движенія очень интересна и до сихъ поръ была мало извѣстна читающей публикѣ.

(La Grande Revue).

«The Heart of the Empire» Discussions of Problems of Modern City Life, with an Essay on Imperialism (Fisher Unwin). (*Сердце Имперіи*). Имперіализмъ представляетъ въ настоящее время злобу дня въ Англіи, отодвигающую на задній планъ всѣ другіе вопросы. Въ названной книгѣ разсматривается его вліяніе на современную англійскую жизнь. Книга составлена изъ статей разныхъ авторовъ.

(Bookseller).

«Secret Chambers and Heding Places» by Allan Fea (Bousfield and C°). (*Потайныя комнаты и другія тайны*). Въ исторіи Англіи тайники играли далеко не послѣднюю роль и въ каждомъ замкѣ и дворцѣ непремѣнно существовали тайныя убѣжища задолго до XVI вѣка, но больше всего значенія они получили во времена Елизаветы и ея жестокихъ законовъ противъ послѣдователей римской церкви. Авторъ посвящаетъ этому періоду очень серьезное и

интересное историческое изслѣдованіе, снабженное иллюстраціями, и приводитъ извлеченія изъ записокъ разныхъ лицъ, въ особенности католическихъ священниковъ, которые должны были оставаться болѣе или менѣе продолжительное время въ такихъ потайныхъ убѣжищахъ, скрываясь отъ преслѣдованій англійскихъ властей. Авторъ описываетъ эти тайныя убѣжища, ихъ устройство и знакомитъ читателей со многими драматическими эпизодами англійской исторіи, въ которыхъ эти убѣжища играли весьма важную роль.

(Athaeneum).

«*Commercial Education in Theory and Practice*» *by E. E. Whitfield* (*Methuen and C°*). (*Коммерческое воспитаніе въ теоріи и на практикѣ*). Авторъ разбираетъ прежнее и современное положеніе коммерческаго воспитанія и указываетъ разницу, существующую между теоріей и практикой коммерческаго воспитанія и тѣ условія, которыя могутъ содѣйствовать согласованію теоретическихъ идей въ этой области съ практическими требованіями.

(Athaeneum).

«*Essays on Islam*» *by E. Sell* (*Simpkui, Marshall and C°*). (*Очерки ислама*). Книга эта знакомитъ читателя съ развитіемъ религіозныхъ идей подъ вліяніемъ ислама. Авторъ ея задался цѣлью популяризовать результаты научныхъ изслѣдованій разныхъ другихъ ученыхъ въ этой области и дѣйствительно составилъ прекрасную компиляцію, доступную самому широкому кругу читателей. Двѣ трети его книги посвящены описанію различныхъ сектъ ислама, бабидамъ, друзамъ, дервишамъ и др. Въ послѣдней части авторъ говоритъ о распространеніи Ислама въ Китаѣ.

(Athaeneum).

«*The Romance of the Heavens*» *by A. W. Pickerton. Prof. New Seland. Christchurch University* (*Sonnenschein and C°*). (*Романъ неба*). Авторъ этой книги разсматриваетъ въ ней генезисъ и эволюцію міра, въ которомъ мы живемъ, и космосъ другихъ міровъ. Это второе его сочиненіе; первое называлось «Romance of the Earth» («Романъ земли»).

(Athaeneum).

«*The Story of the Birds*» *by Charles Dixon. London* (*George Aleen*). (*Исторія птицъ*) Популярная орнитологія, написанная очень живо и могущая служить прекраснымъ руководствомъ для читателей, интересующихся этою областью. Книга хорошо иллюстрирована.

(Daily News).

«*Women and Men of the French Renaissance*» *by Edith Sichel* (*Constable and C°*). (*Женщины и мужчины французской эпохи возрожденія*). Первоначальною цѣлью автора было, вѣроятно, изученіе вліянія женщинъ на эпоху возрожденія и созданіе ея характерныхъ чертъ, но цѣль эта постепенно отступила на второй планъ, такъ какъ роль мужчинъ въ эпохи возрожденій оказалась болѣе значительной, вслѣдствіе чего центральными фигурами этого историческаго изслѣдованія являются мужчины. Портреты, заключающіеся въ книгѣ, увеличиваютъ ея интересъ, но далеко не оправдываютъ той репутаціи красоты, которая установилась за придворными дамами дворовъ Людовика XIV и Франциска I.

(Daily News).

«*Comment la Route crèe le Type Social*» *par E. Demolens. Paris* (*Didot*). (*Какимъ образомъ дорога создаетъ соціальный типъ*). Въ этой первой части своего широко задуманнаго труда авторъ развиваетъ теорію о вліяніи на человѣческія расы выбираемой ими дороги для достиженія страны, которую данная раса избираетъ своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ. Авторъ говоритъ о дорогахъ древности и доказываетъ, что отличительные признаки расъ, различающіе ихъ другъ отъ друга, были именно результатомъ странствованія, которое и выработало всѣ національныя особенности и черты даннаго типа. Въ слѣдующемъ томѣ авторъ продолжаетъ говорить о современныхъ эмиграціяхъ и движеніяхъ человѣческихъ расъ. Несмотря на свою парадоксальность, теорія автора и представляемыя имъ доказательства въ ея пользу не лишены интереса даже въ научномъ отношеніи. Авторъ, видимо, увлекается своими взглядами и своею теоріей и ищетъ ея подтвержденія во всѣхъ малѣйшихъ фактахъ исторіи человѣческихъ расъ. Но увлеченіе это только содѣйствуетъ занимательности книги и живости изложенія.

(Journal des Débats).

«*Die Königin des Tages und ihr Reich*». *Astronomische Unterhaltungen über unser planeten system und das Leben auf anderen Erdsternen. Von D-r Wilhelm Meyer. mit 4 Abb ildungen. Zweite Auflage* (*Salon Bibliothek*). (*Царица дня и ея царство*). Для чтенія этой книги, въ которой читатель знакомится съ современнымъ состояніемъ ученія о солнечной системѣ, не нужно никакихъ особенныхъ математическихъ познаній. Иллюстраціи превосходны.

(Berlines Tageblatt).

«*American History told by Contemporaries*». *Edited by prof. Hart.* (*Macmillan and C°*). (*Исторія Америки, разсказанная современниками*). Вышелъ третій томъ этого прекраснаго изданія, въ которомъ авторъ, слѣдуя первоначальному плану, разсказываетъ исторію развитія Соединенныхъ Штатовъ на основаніи свидѣтельствъ и разсказовъ

современниковъ. Такой способъ сообщаетъ особенную живость историческому повѣствованію и даетъ болѣе полную картину эпохи, которую описываетъ авторъ.

(Daily News).

«Les problèmes politiques et sociaux à la fin du XIX Siècle» *par Edouard Drault (Felix Alcan). Bibliothèque d'histoire contemporaine.* (*Политическія и современныя проблемы*). Авторъ гораздо больше посвящаетъ вниманія политическимъ, нежели соціальнымъ проблемамъ конца XIX вѣка, разрѣшеніе которыхъ представляется XX вѣку. Его взгляды на эти проблемы тѣмъ болѣе интересны, что они, повидимому, раздѣляются огромнымъ большинствомъ французской націи.

(Journal des Débats).

«Renaissance Types» by W. S. Lilly (Fisher Unwin). (*Типы возрожденія*). Хотя извѣстно, что та эпоха цивилизаціи, которая получила названіе «Эпохи возрожденія», беретъ свое начало въ Италіи, тѣмъ не менѣе авторъ, изображающій въ своихъ очеркахъ пять наиболѣе типическихъ представителей этой эпохи, выбралъ только одного итальянца, Микель Анджело, изъ всей плеяды итальянскихъ художниковъ и ученыхъ эпохи возрожденія. По мнѣнію автора, типическимъ художникомъ возрожденія былъ именно Микель Анджело, сосредоточившій въ себѣ всѣ стремленія той эпохи въ области эстетики. Говоря въ послѣдней главѣ о результатахъ эпохи возрожденія, авторъ приходитъ къ заключенію, что нельзя приписывать непосредственному вліянію этой эпохи освобожденіе человѣческой совѣсти и что собственно «прямымъ ея результатомъ было введеніе въ Европу цезаризма древняго міра». Авторъ вообще понимаетъ эпоху возрожденія въ болѣе широкомъ смыслѣ и причисляетъ къ ней общее движеніе мысли XV и XVI вѣка.

(Athaeneum).

«Men and Letters» by Herbert Paul (Lane). (*Люди и литература*). Очень живо написанные очерки, обрисовывающіе разныхъ литературныхъ дѣятелей въ жизни и литературѣ. Авторъ, кромѣ того, дѣлаетъ критическій разборъ выдающихся произведеній современной англійской литературы.

(Bookseller).

«The Children of the Nations» a Study of Colonization and its Problems, by Poultney Biqelow. (*Дѣти націи*). Книга, представляющая изслѣдованіе исторіи и задачъ колонизацій, болѣе интересна по содержанію, чѣмъ объ этомъ можно было бы судить по ея заглавію. Авторъ ея — американецъ и поэтому американская точка зрѣнія преобладаетъ въ его изслѣдованіи исторіи различныхъ колоній и успѣха колонизаціи.

(Athaeneum).

«A Forgotten Empire» by Robert Sewell (Sonneschein). (*Забытая имперія*). Забытое царство, исторію котораго разсказываетъ авторъ, существовало въ Индіи и размѣрами своими превосходило Австрію. Европейскіе путешественники въ XV и XVI вѣкѣ описывали великолѣпную столицу этого царства въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. По ихъ словамъ, ни одна западная столица не могла соперничать съ этимъ городомъ по богатству, красотѣ и процвѣтанію, а, между тѣмъ, теперь даже самое существованіе этого царства почти забыто въ Индіи и столица его, носившая горделивое названіе «города Побѣды», исчезла съ лица земли и остались только коекакія развалины зданій, которыя нѣкогда были дворцами и храмами. Всякое воспоминаніе исчезло изъ памяти людей и остатки нѣкогда пышнаго царства даже не носятъ спеціальнаго имени. Но исторія этого царства, его возвышенія и паденія, представляетъ большой интересъ и разсказана авторомъ очень живо. Очень хороши также иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ.

(Bookseller).

«Das alte Gymnasium und die Neue Zeit» von D-r Phil. Albert Fischer. Berlin (*Старая гимназія и новыя времена*). Авторъ высказываетъ свои взгляды на прошлое, настояще и будущее средней и высшей школы, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, германскую систему воспитанія. Но книга его можетъ представить интересъ и съ общей точки зрѣнія, такъ какъ вопросъ о школьной реформѣ составляетъ въ настоящее время злобу дня во всѣхъ государствахъ.

(Frankfurt. Zeit.).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

„МІРЪ БОЖІЙ".

(ОДИННАДЦАТЫЙ—XI—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 28 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1902 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Колтоновскаго, Ладыженскаго, Маковскаго, Чюминой; «На поворотѣ», повѣсть **В. Вересаева**; «Другъ дѣтства», повѣсть **О. Шапиръ**; «Ита Гайна», повѣсть **С. Юшкевича**; «Дуракъ», повѣсть **И. Потапенко**; «Въ борьбѣ», повѣсть **К. Станюковича**; «Записки дерптскаго студента» (воспоминанія и наблюденія), **Ев. Дегена**; «Домой» и «По Японіи» (очерки изъ путешествія), **Тана**; разсказы г.г. **Бунина, Быстренина, Яблоновскаго, Сѣрошевскаго** и др. «Вѣчный городъ», ром. Холль-Кена, пер. съ англ. **М. Ватсонъ**; «Достопочтенный Питеръ Стерлингъ», ром. **Л. Форда**, пер. съ англ.; «Пасынокъ своего вѣка», ром. Сантера Ингмана, пер. съ финскаго **П. Морозова**.

Отдѣлъ II. Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Двойное оплодотвореніе въ растительномъ царствѣ», проф. **И. П. Бородина**; «Современный взглядъ на ученіе о невронахъ» и «Новыя данныя о третьей форменной составной части крови», проф. **А. С. Догеля**; «Новыя звѣзды», **К. Покровскаго**; «Къ вопросу объ измѣненіи видовъ» и «О международной библіографіи по естествознанію и математикѣ», акад. **А. С. Фаминицына**; «Критическія замѣтки о дарвинизмѣ», **С. Д. Чулока**. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе, кромѣ указанныхъ, наши постоянные сотрудники: **В. К. Агафоновъ**, проф. **В. П. Амалицкій**, **А. Л. Гершунъ**, проф. **А. В. Клоссовскій**, проф. **Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ**, проф. **А. П. Павловъ** (геологъ), проф. **И. П. Павловъ** (физіологъ), акад. **Ѳ. Н. Чернышевъ**, проф. **В. А. Фаусекъ**, проф. **Н. А. Холодковскій**. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «В. А Жуковскій» (біографическій и историко-литер. очеркъ), **С. Ашевскаго**; «Достоевскій и Бѣлинскій», **С. Ашевскаго**; «Семья Бестужевыхъ» (Марлинскій и его братья), **В. Богучарскаго**; «Викторъ Гюго» (Къ 100 лѣтію рожд.), **П. Вейнберга**; «Молодая Франція» (возрожденіе гуманистической идеологіи), **Е. Дегена**; «Запросы демократіи къ искусству», **Е. Дегена**; «Н. В. Гоголь», **Н. А. Котляревскаго**; «Гоголевская Русь», **В. П. Острогорскаго**; его же статья о Жуковскомъ; «Адамъ Эленшлегеръ» (очеркъ изъ исторіи скандинавской литер.), **П. Ганзена**; «Характерная черта теченій западно-европейской литературы въ концѣ XIX в.», **Е. Тарле**. ИСТОРІЯ: «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III (продолженіе, XIX в.) **П. Н. Милюкова**; «Сѣверная трагедія» (эпизодъ изъ исторіи просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в.), **Ев. Тарле**.

Тип. И. Скороходова, Надежд. 43.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ: «Соціологія, соціальная философія и соціальная политика», проф. Райхесберга; «Очерки по исторіи политической экономіи», ч. II. (Исторія политической экономіи въ Россіи), М. Туганъ-Барановскаго. **ФИЛОСОФІЯ**: «Соціологическій матеріализмъ и теорія познанія», Н. Бердяева; «Эволюціонный и критическій методъ въ теоріи познанія», проф. Г. П. Челпанова. **ПЕРЕВОДНЫЯ НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ**. Въ приложеніи, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ помѣщено одно цѣльное сочиненіе по исторіи и одно по естествознанію.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Отчеты о болѣе выдающихся произведеніяхъ и книгахъ русской и иностранной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности различныхъ обществъ, и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Изложеніе болѣе выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе выдающихся статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный обзоръ. Статьи по всѣмъ отдѣламъ естествознанія и техники. Дополненіемъ служатъ **научныя новости**, составляемыя по иностраннымъ и русскимъ научнымъ журналамъ.

Библіографическій отдѣлъ. Рецензіи и критическіе разборы русскихъ и переводныхъ книгъ по изящной словесности, публицистикѣ, и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованныхъ читателей. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью, знакомить читателей съ болѣе важными и интересными книгами, появляющимися за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи **на годъ** . .	8	руб.
Безъ доставки **на годъ**	7	»
За границу **на годъ**	10	»

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.
За границу	5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.	

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» апрѣлѣ	3 »
» августѣ	2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

— Ужъ это меня удивляетъ,—произнесла фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ,—вѣдь у васъ, господа, сила и право.

— Да,—подтвердилъ совѣтникъ, потягивая пиво.

— Гм... прежде всего имъ покровительствуетъ конституція,—говорилъ чиновникъ въ промежуткахъ между ѣдой,—затѣмъ... нѣтъ у насъ хорошихъ исполнителей.

— Нужно искать лучшихъ,—улыбнулась фрейлейнъ Эльза.

— На видъ они всѣ кажутся хорошими, но когда доходитъ до дѣла, обнаруживается ихъ неспособность. У меня свѣжій примѣръ передъ глазами.

— Какой?

— Я именно и пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ исправить оплошность нижнихъ чиновъ администраціи.

— А, это очень интересно, можетъ быть вы намъ разскажете? — спросилъ совѣтникъ, складывая салфетку.

— Я долженъ это вамъ разсказать, такъ какъ г-нъ Новакъ можетъ намъ оказать услугу въ этомъ случаѣ.

Всѣ обратили свои взоры на Новака, который, удивленный словами чиновника, воскликнулъ:

— Оказать услугу! Если сумѣю, съ большимъ удовольствіемъ.

— Съ нѣкоторыхъ поръ мы начали замѣчать, — началъ чиновникъ, — что здѣсь, въ окрестностяхъ завода, составляются какіе-то противогосударственные и противообщественные заговоры, но вы знаете, господа, какъ хитры и осторожны силезцы, уже мы было напали на слѣдъ, но теперь все исчезло, такъ какъ они вѣрно отрекутся отъ всего.

— Да, святая истина, они извѣстны своимъ упрямствомъ,—подтвердилъ совѣтникъ.

— Одному изъ полицейскихъ удалось напасть на самое главное гнѣздо пропаганды и онъ имѣлъ въ рукахъ самаго опаснаго агитатора—женщину.

— Ну, и что же?—воскликнула съ интересомъ фрейлейнъ Эльза.

— Онъ потерялъ присутствіе духа, онъ сплошалъ и выпустилъ все изъ рукъ.

— Какъ? Его побили? —удивилась фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ.

— Нравственно,—улыбнулся чиновникъ,—ему импонировала фамилія богатаго промышленника, г-на... Новака.

— Но какъ это произошло? Гдѣ? Когда?—спросила фрейлейнъ Эльза.

— Фрейлейнъ Богатъ посѣщаетъ рабочихъ подъ разными предлогами...

— А, фрейлейнъ Богатъ, силезка!—воскликнула фрейлейнъ Эльза, поглядывая подозрительно на пана Новака.

— Вы знаете эту барышню?

— По слухамъ. Но, пожалуйста, продолжайте, это очень интересная исторія.

Слова красивой барышни подбодрили чиновника, и онъ продолжалъ съ оживленіемъ:

— Полицейскому удалось прослѣдить силезскихъ дѣтей, бѣгущихъ тайно на одну квартиру, туда же вслѣдъ за ними вошла и фрейлейнъ Богатъ. Онъ подождалъ нѣсколько, прислушался къ говору, раздававшемуся оттуда и ворвался въ импровизированную школу.

— Однако, ловкій малый вашъ полицейскій,—одобрила фрейлейнъ Эльза.

— Начало хорошее, но конецъ печальный,—разсмѣялся г-нъ Бауманъ.

— Это интересно,—притворился удивленнымъ совѣтникъ, онъ уже зналъ объ этой встрѣчѣ.

— Онъ ворвался туда и въ самомъ дѣлѣ нашелъ тамъ фрейлейнъ Богатъ, она даже держала въ рукахъ книжку, а этотъ болванъ не сдѣлалъ у нея обыска и не забралъ даже книжки,—онъ замолчалъ, ожидая эффекта, и дѣйствительно фрейлейнъ Эльза, слѣдившая съ живымъ интересомъ за разсказомъ, воскликнула:

— Но вѣдь онъ возмутительно глупъ!.. Чѣмъ же онъ себя оправдываетъ?

— Онъ принесъ мнѣ карточку г-на Новака, говоря, что въ присутствіи домовладѣльца и извѣстнаго промышленника онъ не осмѣлился дѣлать обыска, да вы, кажется, даже запретили ему это...

— Про обыскъ и рѣчи не было, я только запретилъ ему обращаться невѣжливо.

— Однако, какимъ образомъ очутились тамъ вы, Карлъ?—спросилъ серьезно совѣтникъ.

— Случайно.

— Все-таки хорошо, что вы тамъ были, — поспѣшилъ прибавить чиновникъ,—отъ васъ только я и ожидаю помощи.

— Какого рода?—спросилъ онъ спокойно.

— Вы должны быть нашимъ свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вы не можете отказать мнѣ въ этомъ, — воскликнула фрейлейнъ Эльза, раздраженная разсказомъ.

— Свидѣтелемъ? Чего?

— Что эта женщина на самомъ дѣлѣ обучала дѣтей по-силезски, вы должны также указать намъ нѣкоторыхъ дѣтей, находившихся тамъ, тогда мы сумѣемъ уже добиться правды.

— Я ничего объ этомъ не знаю, г-нъ Бауманъ.

— Однако вы тамъ были вмѣстѣ съ нею, на это вѣдь есть доказательства и свидѣтельство; этотъ будто бы осмотръ нужнаго ремонта былъ лишь предлогомъ, такъ какъ я тамъ былъ и нашелъ все въ порядкѣ.

— По вашему да, по моему нѣтъ.

— Кто тамъ живетъ?—спросилъ совѣтникъ, насупившись.

— Въ настоящее время никто, тамъ только сложена мебель жильцовъ.

— Но ключъ? Кто далъ ключъ?—спросила раскраснѣвшись фрейлейнъ Эльза

— Я изслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ,—отвѣтилъ чиновникъ.—Ключъ былъ у смотрителя, смотритель же передалъ его г-ну Новаку, какъ домовладѣльцу. О, этотъ смотритель, тоже птица!

— Какъ его зовутъ?

— Сейчасъ, г-нъ совѣтникъ,—онъ вынулъ записную книжку, поискалъ и сказалъ:—Готлибъ Веберъ.

— Это нашъ, это, вѣдь, нѣмецъ.

— Фамилія нѣмецкая, — улыбнулся иронически г-нъ Бауманъ,—но ручаюсь, что мать его была силезкой. У насъ часто бываютъ ошибки такого рода, имя и фамилія совсѣмъ нѣмецкія, а душа силезская. Мы въ ландратствѣ поручаемъ отвѣтственные посты лишь такимъ, которые укажутъ, что въ ихъ родѣ нѣтъ ничего силезскаго, такъ какъ кровь, подобно яду, заражаетъ нѣсколько поколѣній.

Всѣ невольно посмотрѣли на пана Новака, который спокойно пилъ черный кофе, притворяясь, что его нисколько не занимаетъ этотъ разговоръ.

— Что же теперь будетъ?—спросила спустя минуту фрейлейнъ Эльза.

— Подождемъ показаній г-на Новака, такъ какъ смотритель отнѣкивается отъ всего, онъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ, обычная силезская манера,—улыбнулся онъ иронически. Особенно теперь передъ выборами намъ слѣдуетъ слѣдить и строго наказывать за силезскую пропаганду.

— Такъ говорите же. — Обратилась со злостью фрейлейнъ Эльза къ пану Новаку.

— Что?

— Съ вами потеряешь всякое терпѣніе,—говорила она съ негодованіемъ,—вѣдь не ради красивыхъ глазъ этой силезски вы пошли туда.

— Я осматривалъ квартиру, чтобы знать, какія починки слѣдуетъ тамъ произвести.

— И она съ вами?—разсмѣялась она нервно.

— Я встрѣтился по дорогѣ съ панною Богатъ и разговаривая мы зашли въ эту квартиру.

— Не о кружевахъ ли вы разговаривали?—спросила она саркастически.

— Не помню точно, но должно быть объ этомъ.

— Такъ вы не согласны ни быть свидѣтелемъ, ни давать какія-либо показанія по этому дѣлу?—спросилъ чиновникъ съ сожалѣніемъ.

— Ни на то, ни на другое.

— Но мы знаемъ, что она занимается обученіемъ.

— Если вы, господа, знаете, такъ зачѣмъ же меня спрашиваете?

— У насъ нѣтъ свидѣтелей.

— Я не буду свидѣтелемъ.

— Но вѣдь это невозможно,—воскликнула фрейлейнъ Эльза,—чтобы вы собою прикрывали ихъ преступленія.

— Силезцы имѣютъ право учиться, это не преступленіе.

— Мы имѣемъ приказъ изъ округа слѣдить и подвергать наказанію обучаю-

щихся по-силезски, — сказалъ съ важностью г-нъ Бауманъ.

— Свѣтъ не кончается въ округѣ— улыбнулся иронически Новакъ, —есть еще министерство, наконецъ ландтагъ, рейхстагъ. Впрочемъ, будемъ, господа, справедливы; положимъ, что намъ запрещаютъ обучать нашихъ дѣтей по-нѣмецки; что бы вы тогда сказали?

— Это дѣло другого рода,—сказалъ совѣтникъ гордо,—у насъ могущественное государство, за нами сила и штыки.

— Сдѣлаемъ, однако, такое предположеніе: вѣдь никакое государство не вѣчно; каждое имѣетъ эпохи величія и могущества, слабости и упадка. Что бы вы тогда дѣлали?

— Зачѣмъ намъ вдаваться въ философскія разсужденія,—перебилъ кисло чиновникъ;—такъ значитъ, вы отказываетесь быть свидѣтелемъ?

— Безусловно.

— Дѣло кончено, теперь мы должны выждать другого случая,—я увѣренъ, что она не перестанетъ учить дѣтей.

— Такъ нѣтъ у васъ другого пути, чтобы узнать объ этомъ? — спросила фрейлейнъ фонъ-Виссенбургъ.

— Вы не знаете силезцевъ, они всѣ будутъ отпираться, и въ случаѣ чего выставятъ сколько угодно лжесвидѣтелей. Можетъ быть, вы указали бы намъ, по крайней мѣрѣ, дѣтей, если вы какъ джентельменъ не желаете ей вредить?

Панъ Новакъ, при упоминаніи о дѣтяхъ вспомнилъ разсказъ о сѣченіи розгами Кубуся и сказалъ:

— И это пятно на нашей цивилизаціи, что мы наказываемъ розгами дѣтей, говорящихъ въ школахъ по-силезски

— Я бы дѣлала то же самое,—сказала возбужденно фрейлейнъ Эльза.

— Вы?!—спросилъ онъ изумленный.

— Надо хоть разъ научить ихъ послушанію,—отвѣтила она рѣзкимъ тономъ.

— Гм... гм... полицейскій не узналъ бы дѣтей?—спросилъ задумчиво совѣтникъ, желая помочь ландратству.

— О если бы... остальное было бы пустяки, но онъ ни одного не узнаетъ. Онъ указываетъ то на одного, то на другого ребенка, но у нихъ есть свидѣтели, что они были тогда дома.

— Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ это поручить учителю,—сказала съ раздраженіемъ фрейлейнъ Эльза—пусть онъ разспроситъ дѣтей.

— Да, да, это недурно,—подхватилъ чиновникъ,—здѣшній учитель энергичный человѣкъ, онъ держитъ дѣтей строго, я уже представилъ его къ наградѣ, онъ вынудитъ у нихъ сознаніе. Благодарю васъ, фрейлейнъ, я зналъ, что не уѣду изъ вашего дома безъ дѣльнаго совѣта.

Фрейлейнъ Эльза улыбнулась довольная. Новакъ прислушивался къ ея словамъ и дивился, онъ смотрѣлъ на нее и она казалась ему положительно безобразною съ ея раздраженіемъ, злобою и ненавистью противъ силезцевъ. Онъ подумалъ, что лишь теперь онъ ее узналъ такою, какою она была на самомъ дѣлѣ и почувствовалъ, что не любитъ этой женщины.

Чиновникъ поднялся, распрощался еще разъ и у порога спросилъ Новака:

— Такъ вы не скажете?

— Нѣтъ!

Глава XXVIII.

Желая избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ и поученій совѣтника и фрейлейнъ Эльзы, Новакъ ушелъ на заводъ и взялся за работу. Сквозь не запертыя двери онъ слышалъ, какъ вошелъ бухгалтеръ, затѣмъ его помощникъ. Они развернули книги, шелестя листами, и начали оживленно бесѣдовать:

— Вы уже приготовили вѣдомость заказовъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ?— спросилъ Вальковакъ своего помощника.

— Нѣтъ еще.

— Завтра она будетъ нужна совѣтнику.

— Успѣю, успѣю,—отвѣтилъ онъ раздражительно.—Мы должны вѣчно работать, а богатые лишь забавляются.

— Такова уже судьба... впрочемъ и у нихъ свое горе.

— Ну, только не у господина Новака,—разсмѣялся тотъ.

— Кто знаетъ, не имѣетъ ли онъ

больше горя, чѣмъ мы; онъ недавно потерялъ отца, котораго онъ горячо любилъ,—вздохнулъ бухгалтеръ.

— Это, однако, не мѣшаетъ ему развлекаться и вести любовную интригу въ два фронта.

— Оставьте, онъ очень порядочный человѣкъ.

— Какъ, вы развѣ не слышали или вы, быть можетъ, притворяетесь, потому что она силезка,—разсмѣялся насмѣшливо Фуерихъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Уже два дня, какъ въ Гливицахъ заливаются отъ смѣха при воспоминаніи о томъ, какъ полицейскій поймалъ ихъ на мѣстѣ преступленія, это забавно, ха, ха, ха...

— Но кого же?

— Господина Новака съ дѣвицей Богатъ.

— Это невѣроятно.

— Однако, есть доказательства... но у него губа не дура, эта силезка стоитъ того, чтобы ради нея совершить грѣхъ. Однако я не думалъ, что съ нею можно такъ легко сладить, но теперь она оскандалилась и никто больше принимать ее у себя не станетъ.

— Какъ вамъ не стыдно вѣрить всякимъ сплетнямъ?

— Это не сплетни, полицейскій самъ видѣлъ и всѣмъ разсказываетъ. Однако потѣшимся теперь вдоволь надъ этою сумасбродною силезкою; она была такъ горда, а теперь такъ позорно попалась, ха, ха, ха...

Дверь съ шумомъ ударилась объ стѣну, и на порогѣ появился блѣдный какъ смерть, Новакъ.

— Вы врете безсовѣстно,—крикнулъ онъ, подступая вплотную къ Фуериху.

Тотъ поднялся весь красный и, выпрямляясь, отвѣтилъ:

— Прошу васъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, вы говорите съ нѣмцемъ, а не съ силезцемъ.

— Вы сплетникъ, почище всякаго силезца.

Въ это время изъ главнаго входа показался совѣтникъ и у порога воскликнулъ:

— Карлъ, что такое? Что здѣсь произошло?

— Этотъ господинъ,—онъ указалъ на Фуериха—распространяетъ безсовѣстныя сплетни.

— Какого рода?

— Онъ бросаетъ тѣнь на честнѣйшую и благороднѣйшую дѣвушку.

— На кого?

— На фрейлейнъ Богатъ.

— А, на нее!—проговорилъ спокойно совѣтникъ.—И до меня дошли слухи объ этомъ, что же вы хотите, вѣдь васъ застали вмѣстѣ...

— Но она не виновата...

— Гм... ничего не подѣлаете противъ злыхъ языковъ, васъ же предупреждаю:—обратился онъ сурово къ помощнику бухгалтера,—что я въ будущемъ не позволю вамъ вмѣшиваться въ дѣла вашего начальства, васъ это не должно интересовать, тѣмъ болѣе въ конторѣ... Пойдемъ, Карлъ.

Совѣтникъ вошелъ въ кабинетъ, заперъ дверь за собою и, усаживаясь въ кресло, сказалъ:

— Вы слишкомъ рѣзки въ выраженіяхъ, Карлъ, это не годится, вѣдь это нашъ служащій... теперь будетъ еще хуже... онъ изъ мести станетъ разсказывать самыя невѣроятныя вещи.

— Но вѣдь это возмутительная ложь!

— Гм... а вы не видали выраженія лица Баумана, когда онъ разсказывалъ объ этой встрѣчѣ вашей. Но скажите вы сами, что бы вы подумали о дѣвушкѣ, которую полиція застаетъ наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, и вдобавокъ еще въ уединенной, нежилой квартирѣ?

— Несчастное стеченіе обстоятельствъ,—вздохнулъ Новакъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.—Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы Эльза не узнала объ этихъ сплетняхъ...

— Вы, Карлъ, крайне неосторожны... Видите ли, согрѣшить можно, всѣ мы люди, кровь, вѣдь, не вода, но нужно дѣлать втихомолку, безъ шума, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Все горе въ томъ, что полицейскій видѣлъ васъ вмѣстѣ.

— Даю вамъ слово честнаго человѣка, что въ этихъ сплетняхъ нѣтъ ни слова правды.

— Гм... я вамъ вѣрю,—улыбнулся совѣтникъ,—но не повѣрятъ другіе, современемъ это пройдетъ, васъ это вообще не пятнаетъ, что же касается ея, то она найдетъ себѣ силезца. Никакой нѣмецъ, конечно, уже не рѣшится жениться на такой барышнѣ. У ея отца есть кусокъ земли, силезецъ позарится на землю и женится охотно даже на гораздо худшей дѣвушкѣ.

— Однако, это ужасно, изъ-за глупыхъ сплетень загублена честь прекрасной женщины.

— Гм... это всегда такъ бываетъ... Теперь же я вамъ посовѣтую, чтобы снять съ себя всякое подозрѣніе въ ухаживаньѣ за этой дѣвицей, разскажите Бауману всю правду, и для ея чести будетъ лучше, если узнаютъ, что она учила дѣтей, нежели эти слухи... ну и Эльзѣ это доставитъ удовольствіе.

— Про ученіе я ничего не знаю,—отвѣтилъ тотъ рѣзко, замѣтивъ хитрую улыбку совѣтника.

— Идите, Карлъ, прогуляться, пройдетесь, успокоитесь, дѣло уладится...

Онъ послѣдовалъ совѣту совѣтника и пошелъ прогуляться, но обнаженныя поля, умирающая растительность угнетающе на него дѣйствовали и онъ скоро вернулся домой.

Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ и виноватымъ. Онъ самъ дожидался прихода Ядвиги, просилъ позволенія остаться въ комнатѣ и присутствовать при занятіяхъ, а теперь бросилъ пятно на эту дѣльную, честную дѣвушку и погрузилъ ее въ грязь сплетень. Онъ мысленно видѣлъ горе ея отца, ея печальные, безропотные глаза, ея страданія и тоску, всѣ отъ нея отворачиваются, презираютъ ее, и она — эта чистая, добрая, благородная душа, полная самоотверженія, несущая помощь бѣднымъ и обездоленнымъ, будетъ на всю жизнь заклеймена пятномъ позора и разврата.

Конечно, нѣмцы будутъ судить о ней, какъ Фуерихъ, вѣдь онъ лишь эхо ихъ, даже серьезный совѣтникъ и тотъ предполагаетъ, что между ею и имъ была связь, что эта неумышленная встрѣча была условленнымъ свиданіемъ.

А вѣдь эта дѣвушка никогда ничего дурного ему не сдѣлала, напротивъ, она указывала ему путь долга, труда и истины; у нея прямой честный характеръ, она сочувствуетъ всякой людской бѣдѣ и, забывая себя, помогаетъ и облегчаетъ страданія людей.

И это онъ ее такъ обидѣлъ, бросилъ ее на жертву сплетнямъ и въ ея лицѣ обезчестилъ всѣхъ силезцевъ, которыхъ онъ обѣщалъ защищать, онъ, который долженъ предупреждать эксплуатацію, идти путемъ истины и справедливости.

Имъ овладѣла глубокая тоска, смѣшанная съ чувствомъ угрызеній совѣсти.

Въ его глазахъ панна Ядвига выросла высоко, какъ честная, добрая дѣвушка, какъ жертва сплетенъ и человѣческой подлости. Онъ представилъ ее себѣ со всею ея добротою къ людямъ, съ ея сочувствіемъ къ чужому горю и сердце его переполнилось, онъ почувствовалъ, что не только уважаетъ ее, цѣнитъ, преклоняется передъ нею, но и любитъ... той чистой любовью, источникъ которой въ уваженіи, въ общности цѣлей, задачъ и обязанностей жизни.

Какъ помочь горю? Какъ исправить нанесенную обиду? Если бы не данное фрейлейнъ Эльзѣ слово, какъ былъ бы онъ счастливъ принести ей въ жертву свою любовь и свою жизнь!

Онъ просилъ бы ея руки и тогда прекратились бы всѣ сплетни, кто осмѣлился бы бросить тѣнь на его жену?

Но теперь слишкомъ поздно.

Когда онъ пришелъ къ вечернему чаю, онъ засталъ тамъ директора, сидѣвшаго въ гостиной съ дамами. Лица у всѣхъ были улыбающіяся и оживленныя.

Когда онъ вошелъ, разговоръ мгновенно оборвался, онъ почувствовалъ презрительный взглядъ фрейлейнъ Эльзы и понялъ, что разговоръ шелъ о немъ и Ядвигѣ, опять, значитъ, сплетничали о ней.

Директоръ завелъ разговоръ о модахъ, о возвращеніи къ узкимъ рукавамъ, онъ говорилъ осторожно и пріятно, дамы съ удовольствіемъ слушали его.

Вечеромъ въ кабинетъ совѣтника неожиданно вошла фрейлейнъ Эльза.

— Что такое?—воскликнулъ совѣтникъ, удивленный необычнымъ посѣщеніемъ.

— Папочка,—говорила Эльза ласкаясь къ нему,—мнѣ по горло надоѣлъ этотъ господинъ.

— Какой?

— Г-нъ Новакъ.

— Что ты говоришь, дитя мое?

— Но, вѣдь, онъ совсѣмъ одурѣлъ, у него настоящая силезоманія.

— Пройдетъ это, пройдетъ... это обыкновенное увлеченіе молодости, ничего больше.

— Такъ и это свиданіе съ силезкою тоже увлеченіе, манія?—разсмѣялась она со злою ироніею.—Не могу же я соперничать съ силезкою и покорно принимать остатки его любви.

— Онъ мнѣ далъ честное слово, что зашелъ туда случайно.

— Случайно?—улыбнулась она.—Но мнѣ это все равно, я рѣшила порвать съ нимъ и прошу тебя, папа, передать ему объ этомъ.

— Тише, тише, Эльза, онъ богатъ, имѣніе его свободно отъ долговъ, такого теперь не легко достать. Подумай объ этомъ. Раздѣлъ компанейскаго имущества труденъ, онъ, какъ спеціалистъ, взялъ бы себѣ фабрику, онъ имѣетъ право это сдѣлать, онъ не ухлопалъ столько денегъ, сколько я, на этотъ дворецъ и паркъ и имѣетъ большую долю въ общемъ имуществѣ. Это хорошая партія, обдумай хорошенько, дочь моя, прежде чѣмъ ты рѣшишься съ нимъ разойтись. Послѣ свадьбы ты обуздаешь его.

— Я вижу и сознаю, что ты, папа, правъ,—вздохнула она,—но сколько онъ успѣетъ надѣлать глупостей до свадьбы? Должна же была вмѣшаться эта смерть отца и трауръ по немъ! Не могъ старикъ подождать до послѣ свадьбы!

— Ничего не подѣлаешь, дитя мое, но, быть можетъ, удастся какъ-нибудь устроить это... успокойся только, все будетъ хорошо.

— Я должна согласиться съ тобою, папа, но передай ему, что я не намѣрена дольше переносить его силезскія увлеченія.

— Хорошо, Эльза, скажу ему очень вразумительно.

Она поднялась и поцѣловала отца, говоря нѣжно:

— Покойной ночи, папа!

Глава XXIX.

Пользуясь отсутствіемъ совѣтника въ конторѣ, Вальковякъ зашелъ въ хозяйскій кабинетъ и, плотно затворивъ за собою дверь, подошелъ къ сидѣвшему у стола Новаку и заговорилъ съ нимъ шепотомъ:

— Я пришелъ съ большою новостью.

— Какой?

— Сюда пріѣзжаетъ силезецъ, онъ будетъ держать рѣчь въ пользу избранія Милоты въ рейхстагъ; я это знаю изъ достовѣрнаго источника.

— Я уже слышалъ объ этомъ отъ совѣтника, онъ тоже думаетъ пойти на это собраніе.

— Да?.. И вы тамъ будете?

— Вѣроятно пойду, а вы?

— Гм... я такъ... изъ любопытства... послушать, что онъ будетъ говорить.

— Пойдемъ, пожалуй, вмѣстѣ?

— Вы развѣ не пойдете вмѣстѣ съ совѣтникомъ?

— Нѣтъ мнѣ хочется отправиться немного раньше.

— Такъ сегодня въ шесть часовъ вечера возлѣ костела.

— Выйдемъ вмѣстѣ изъ конторы и направимся прямо на предвыборное собраніе.

— Гм... гм... не возбудитъ ли это неудовольствія совѣтника, что я буду вмѣстѣ съ силезцами? Какъ вы объ этомъ думаете?

— Должно быть, нѣтъ, вѣдь онъ и самъ туда идетъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ вмѣстѣ.

По дорогѣ въ Гливицы, позади рабочихъ домовъ, немного въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, стоялъ костелъ, окруженный деревьями и каменною оградою.

Подходя къ костелу, Новакъ съ бухгалтеромъ замѣтили тамъ толпу изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, преимуще-

ственно заводскихъ рабочихъ, которыхъ легко можно было узнать по поношенному платью, огрубѣвшимъ и пожелтѣвшимъ рукамъ, по фуражкамъ и небольшимъ шляпамъ, которыя обыкновенно носятъ рабочіе. Среди нихъ выдѣлялись окрестные поселяне покроемъ платья и головнымъ уборомъ; они держались особнякомъ. Здѣсь и тамъ мелькали женскія лица, дѣти, маленькія и и постарше.

— Бывавшій уже на предвыборныхъ собраніяхъ Вальковякъ объяснялъ своему спутнику:

— Тамъ у ограды, стоя на высокомъ камнѣ, обыкновенно говоритъ кандидатъ въ депутаты.

— Я думалъ, что его мѣсто возлѣ столика.

— Этотъ столикъ и стулья возлѣ камня предназначены для коммиссара и болѣе почетныхъ посѣтителей, сегодня тамъ, вѣрно, будетъ сидѣть совѣтникъ, а можетъ быть и г-нъ Бергеръ.

Изъ толпы время отъ времени среди шума и говора слышались нетерпѣливыя восклицанія:

— Когда же начнется?

— А можетъ онъ совсѣмъ не явится.

— Видѣли вы его?

— Кто онъ такой?

Къ стоявшимъ въ сторонѣ бухгалтеру и Новаку подошелъ младшій Летоха вмѣстѣ съ нѣсколькими рабочими изъ завода.

— Бухгалтеръ шепнулъ на ухо Новаку фамилію кузнеца, къ которому обратился съ вопросомъ:

— Что у васъ слышно Летоха?

— Плохо, баринъ, прогнали меня изъ завода и до сихъ поръ хожу безъ мѣста.

— Почему васъ прогнали?

— Дѣло вышло изъ-за г-на Госселя, который присутствовалъ на засѣданіи кружка св. Станислава. Ему никакъ не удалось узнать, кто былъ виновникомъ того, что это ему не дали прервать пѣніе благочестивыхъ гимновъ, онъ искалъ по всему заводу, наконецъ присталъ ко мнѣ, что я сдѣлалъ. Я отрицалъ, но ничто не помогло; ему повѣрили больше, чѣмъ мнѣ, вѣдь у насъ всегда нѣмцы правы, именя прогнали съ завода.

— Обратитесь ко мнѣ черезъ двѣ недѣли, если вы въ теченіе этого времени не найдете мѣста.

— Благодарю васъ, да вознаградитъ васъ Богъ.

Черезъ нѣкоторое время къ нимъ подошелъ невысокаго роста плечистый рабочій и сказалъ:

— Прошу вашей милости.

— Въ чемъ дѣло?

— Повздорилъ я съ товарищемъ и со злости выругался по нашему, бригадиръ изъ литейнаго отдѣленія сейчасъ перевелъ меня въ наказаніе въ поденные и оштрафовалъ меня. Если я виноватъ, то хватило бы, думаю, и одного наказанія.

Новакъ вынулъ записную книжку и спросилъ:

— Ваша фамилія.

— Янъ Шимичекъ.

—Хорошо, я разсмотрю ваше дѣло и извѣщу васъ.

— Если вы ужъ такъ добры къ намъ бѣднымъ, — началъ одинъ изъ стоявшихъ рядомъ,—то покорнѣйше прошу вступиться за меня, чтобы меня приняли обратно на заводъ, такъ какъ я уже отбылъ срокъ наказанія.

— Какого наказанія?

— Я былъ членомъ кружка св. Ядвиги, служившаго для помощи сиротамъ. Я исполнялъ тамъ должность кассира. Объ этомъ узнали на заводѣ и приказали въ теченіе двухъ недѣль не являться на работу. Вотъ уже кончается и третья, а они все тянутъ, тянутъ. Все, что у меня было, я уже распродалъ, а дѣти кричатъ: хлѣба!

-- Какъ васъ зовутъ?

— Мацій Хромихъ, изъ литейнаго отдѣленія.

— Явитесь послѣзавтра въ контору,— сказалъ Новакъ, внося его фамилію въ записную книжку.

— Благодарю васъ.

— Перейдемъ въ другое мѣсто,—сказалъ бухгалтеръ,—а то сюда сойдутся съ жалобами и просьбами со всѣхъ сторонъ.

— Тѣмъ лучше для меня, это дастъ

мнѣ возможность познакомиться со способомъ хозяйничанья г-на Шейера.

— О, это заклятый врагъ силезцевъ.

— Придетъ этому скоро конецъ,— пробормоталъ онъ вполголоса въ отвѣтъ.

Толпа съ каждою минутою увеличивалась. Рабочіе прямо изъ мастерскихъ шли послушать силезскаго оратора.

Въ одной довольно многочисленной группѣ, стоявшей нѣсколько поодаль, происходилъ живой обмѣнъ мыслей, тамъ, видно, о чемъ-то совѣщались, бросая время отъ времени взгляды въ сторону Новака. Наконецъ, трое человѣкъ отдѣлились и направились къ Новаку, сопровождаемые любопытными взглядами своихъ товарищей.

— Какая-то депутація идетъ къ вамъ— сказалъ Вальковякъ.

— Тѣ приблизились, и, поклонившись одинъ изъ нихъ началъ:

— Насъ послали къ вамъ товарищи, чтобы узнать истину. Говорятъ, что есть постановленіе свыше лишить мѣста всякаго, кто подастъ голосъ въ пользу нашего кандидата.

— Кто вамъ это говорилъ?

— Нѣмцы—отвѣтили въ одинъ голосъ депутаты.

— Какіе это нѣмцы?

— Гмъ... Говорилъ мастеръ, бригадиръ, надсмотрщикъ и еще многіе другіе, даже кабатчикъ это говорилъ.

Панъ Новакъ вспомнилъ слова и совѣтъ г-на Шейера на собраніи у совѣтника и не зналъ, что имъ отвѣтить. Хотя онъ не былъ согласенъ съ образомъ дѣйствія директора и былъ готовъ всѣми силами ему противодѣйствовать, тѣмъ не менѣе ему казалось неудобнымъ сообщать имъ о планахъ директора, а съ другой стороны ему не хотѣлось подвергать ихъ преслѣдованіямъ со стороны нѣмцевъ.

— Значитъ это правда?—спрашивали нетерпѣливо делегаты.

— Я ничего объ этомъ не знаю— отвѣтилъ онъ наконецъ, рѣшивши мысленно не позволять прогонять рабочихъ изъ за выборовъ.

— Если вы сами, владѣлецъ,—улыбнулись рабочіе, — не знаете о такомъ приказѣ значитъ его и не существуетъ. Намъ наврали, чтобы напугать насъ.

— Если намъ можно, то мы выберемъ своего,—воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Однако вы должны предварительно выслушать и того и другого кандидата.

— Не будь я Павелъ Вержбица — ударилъ себя въ грудь другой делегатъ,— если я не подамъ голоса за своего.

Какъ только депутаты направились къ своимъ товарищамъ, чтобы передать отвѣтъ Новака, въ собравшейся толпѣ произошло движеніе, глаза всѣхъ обратились къ проѣзжей дорогѣ, по которой шелъ въ разступившейся шпалерами толпѣ полицейскій коммиссаръ въ форменной фуражкѣ, а за нимъ шагахъ въ пяти слѣдовалъ молодой брюнетъ лѣтъ тридцати, съ коротко остриженною бородкою, одѣтый изящно, но безъ претензій, въ дорожное платье. Черты лица его выражали энергію и силу воли. Онъ смѣло и неустрашимо оглядывалъ собравшуюся толпу.

Здѣсь и тамъ слышались голоса:

— Такой молодой.

— Это онъ!

— Одѣтъ бариномъ!

Коммиссаръ сѣлъ за столикъ вынулъ записную книжку, карандашъ и приготовился писать, презрительно оглядывая собравшихся и прибывавшихъ силезцевъ.

Кандидатъ вскочилъ на камень, снялъ шляпу, отбросилъ волосы со лба и началъ громкимъ звучнымъ голосомъ:

— Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ!

Толпа въ одинъ голосъ отвѣтила:

— На вѣки вѣковъ!

Со всѣхъ сторонъ послышались голоса:

— Это нашъ!

— Прекрасно поздоровался съ нами!

— Тише!

— Успокойтесь!

— Тише тамъ.

Вблизи коммиссара помѣстился на стулѣ ксендзъ Кригеръ со сладкою улыбкою на полномъ лицѣ.

Громкіе голоса и восклицанія мгновенно прекратились, слушатели столпились тѣснѣе, и на всѣхъ лицахъ выразилось напряженное ожиданіе.

— Я привѣтствую васъ, друзья мои,

согласно нашему древнему силезскому обычаю, словомъ Божьимъ. Я объѣздилъ большую часть нашей страны, нашей Силезіи, я говорилъ съ земледѣльцами въ деревняхъ и фермахъ, я встрѣчался съ жителями городовъ, я посѣщалъ фабрики и заводы, вездѣ я встрѣчалъ нашихъ братьевъ бодрыми и полными надежды, и васъ, друзья мои, я вижу такими же; вы не замедлили собраться сюда по моему зову. Да, братья мои, у насъ конституція, парламентъ, въ которомъ каждый долженъ быть выслушанъ, и справедливая жалоба не можетъ тамъ остаться безъ результата... Этихъ жалобъ, этого горя и скорби отъ перетерпѣваемыхъ обидъ накопилось столько, что только честное, доброе сердце, сердце брата, можетъ имъ сочувствовать и снести наши горькія слезы къ властелину всего нѣмецкаго государства... Развѣ чужой, какой-нибудь герръ фонъ-Гольденау можетъ насъ понять?... Развѣ онъ страдалъ вмѣстѣ съ нами? Развѣ онъ переносилъ обиды? Можетъ ли его интересовать нашъ языкъ? Что ему наши религіозныя пѣсни? Наши читальни? Наши кружки? Преслѣдованія и несправедливости перетерпѣваемыя нами отъ нѣмцевъ, его же братьевъ?...

— Онъ остановился на минуту, его голосъ заглушали громкіе вздохи, почти стоны, и восклицанія собравшихся.

— Желаете ли вы улучшить свое положеніе?—спросилъ онъ опять—желаете ли вы, чтобы высшій парламентскій судъ разсмотрѣлъ ваши жалобы, ваши обиды? Изберите своего, кровь отъ крови вашей, кость отъ кости вашей, Петра Милоту, владѣльца Кадлубца изъ вашего же округа, онъ прислалъ меня сюда, и скоро онъ самъ явится передъ вами. Кто другой, если не силезецъ, пойметъ наши и нашей страны нужды? Онъ такъ же хорошо, какъ и мы, видитъ, что солнце свѣтитъ у насъ не такъ ярко, какъ въ другихъ мѣстахъ, его заслоняютъ наши слезы. Слыша шумъ нашихъ лѣсовъ, силезецъ знаетъ, что они жалуются на то, что топчетъ ихъ нѣмецъ и что онъ разводитъ въ нихъ дикихъ животныхъ, опустошающихъ наши поля.

— Истина! Святая истина!—воскликнули изъ толпы крестьяне.

— Нѣмецъ васъ не пойметъ. Воспряньте духомъ, подымите вверхъ головы, братья мои! Наступила уже пора показать, что мы силезцы. Изберите своего, подайте голосъ за силезца, Петра Милоту, троекратно крикнемъ вмѣстѣ, чтобы услышала насъ вся страна:

Да здравствуетъ Силезія и нашъ кандидатъ Милота! Да здравствуетъ! Да здравствуетъ!

Изъ груди нѣсколькихъ сотъ собравшихся вырвались восторженныя восклицанія, заглушая свистки и шиканье прибывшихъ изъ разныхъ фабрикъ нѣмцевъ.

Коммиссаръ презрительно смотрѣлъ передъ собою; на лицѣ его была написана насмѣшка надъ этимъ собраніемъ.

Ксендзъ Кригеръ поднялся, кивнулъ головою, здороваясь съ подошедшимъ г. Бишофсманомъ, направился къ импровизированной трибунѣ, всталъ на камень, снялъ шляпу и поздоровался словомъ Божьимъ по нѣмецки.

Стоявшіе ближе отвѣтили ему, но шумъ голосовъ не прекращался. Ксендзъ посмотрѣлъ на коммиссара, тотъ схватилъ звонокъ со стола и рѣзко позвонилъ. Наступила относительная тишина, и ксендзъ Кригеръ началъ свою рѣчь по нѣмецки.

— Милые мои прихожане! Выслушали вы чужого, какого-то проходимца, который дуритъ вамъ только головы, выслушайте же и меня, вашего настоятеля, духовнаго пастыря.

Отдаетъ-ли хорошій пастырь овечки свои волкамъ на съѣденіе? Поведетъ ли онъ ихъ въ пропасть, гдѣ ждетъ ихъ неминуемая гибель? Оставитъ ли онъ ихъ во время бури и мятели въ полѣ и самъ будетъ искать убѣжища дома? Какъ пастырь вашъ, я чувствую себя обязаннымъ предостеречь васъ отъ волка, который, прикрывшись овечьей шкурой, искушаетъ васъ. Обѣщать легко, но дѣлать трудно. Говорятъ вамъ, что исчезнутъ съ лица земли обиды и несправедливость — это ложь. До царства Божьяго далеко, и лишь самъ Богъ— тутъ онъ набожно поднялъ вверхъ гла-

за — можетъ и сумѣетъ это сдѣлать. Всякъ несетъ крестъ свой, и нѣтъ человѣка безъ креста, вы несете также свой. Но подумайте творятъ-ли надъ вами дѣйствительно такія несправедливости, какъ вамъ стараются внушить безсовѣстные люди. У васъ есть хлѣбъ, есть гдѣ его зарабатывать, есть больницы, школы, желѣзныя дороги, это все для тѣла, для души же есть у васъ католическіе костелы. Вы желаете церковное пѣніе на своемъ языкѣ? Хорошо!

— Слушайте, слушайте!— послышались восклицанія, когда онъ сталъ говорить о пѣніи.

— О вашемъ желаніи узналъ г-нъ баронъ фонъ-Гольденау, онъ сейчасъ же обратился къ его высокопреосвященству нашему епископу, и вотъ я получилъ письменное разрѣшеніе служить каждыя двѣ недѣли по-силезски.

— Слава Богу!
— Наконецъ-то!
— Благодаримъ!

Со всѣхъ сторонъ кричали съ радостно сіяющими лицами.

— Совѣтую вамъ, милѣйшіе мои, отгоняйте прочь искушенія, изберите того, котораго назначили вамъ въ депутаты, подайте голосъ свой въ пользу г-на барона фонъ-Гольденау, который оказалъ вамъ уже услугу, этимъ вы доставите удовольствіе и своему начальству.

Онъ медленно сошелъ съ камня и вернулся на свое мѣсто. Сейчасъ же раздались насмѣшливыя восклицанія:

— О, теперь настоятель добръ!
— Теперь онъ сладко говоритъ!
— А гдѣ наши хоругви?
— А какъ онъ учитъ нашихъ дѣтей?

Къ камню подошелъ силезецъ, уполномоченный кандидата Милоты, намѣреваясь еще разъ говорить. Замѣтивъ это, полицейскій коммиссаръ позвонилъ, затѣмъ онъ поднялся и сказалъ сухимъ оффиціальнымъ тономъ:

— По распоряженію начальства, каждый ораторъ имѣетъ право говорить на этомъ собраніи только одинъ разъ. Потрудитесь сойти съ трибуны.

— Что это за новый законъ?—воскликнулъ агитаторъ. — По какому это уставу?

— Еще одно слово, и я закрою собраніе,—крикнулъ рѣзко коммиссаръ.

Агитаторъ молча сошелъ съ камня, ропотъ неудовольствія и протеста пронесся по толпѣ, въ отвѣтъ на это коммиссаръ окинулъ ее взглядомъ, полнымъ злобной радости.

Стоявшіе въ первыхъ рядахъ, сильно возбужденные всѣмъ происшедшимъ, попятились назадъ, трибуну окружила другая толпа слушателей, увлекая за собою и бухгалтера съ паномъ Новакомъ.

Со стула тяжело поднялся г-нъ Бишофсманъ, высокій, толстый, одѣтый въ короткую куртку и высокіе изъ желтой кожи сапоги. Ставъ на камень, онъ оглядѣлъ толпу насмѣшливымъ взглядомъ и началъ громкимъ голосомъ, заглушавшимъ шумъ толпы:

— Ксендзъ-настоятель говорилъ съ вами, какъ съ людьми, по хорошему, но можетъ ли такой грубый народъ, какъ вы, понять такой языкъ? Ужъ я-то васъ хорошо знаю, не напрасно большинство изъ васъ съ нашей фабрики, съ вами нужно говорить по вашему. Чего вы галдите, какъ сороки, одинъ другого перекрикивая? Языкъ! Языкъ! Развѣ кто-нибудь отнимаетъ его у васъ? И даромъ никто не хочетъ взять такое сокровище, — ухмыльнулся онъ.—Съ нѣмецкимъ языкомъ пройдешь весь свѣтъ, всякъ тебя пойметъ, а съ вашимъ? Вотъ съ ребятами да съ глупой бабой у себя въ хатѣ и то съ трудомъ на немъ сговоришься. И что это за языкъ, котораго всякій, одѣвъ сюртукъ, начинаетъ стыдиться?

— Неправда! Ложь! — воскликнули силезцы, указывая глазами на пана Новака и на приближавшихся Богата съ панною Ядвигою.

Ораторъ, ни мало не смущенный, продолжалъ:

— Укажите мнѣ другого, кромѣ этого пришельца съ конца свѣта, кто бы говорилъ на этомъ языкѣ. Ваше пѣніе, это рычаніе, не можетъ никому нравиться, учитесь въ «Männervereiн'ахъ» и вы будете пѣть сколько вашей душѣ

угодно. Вы жалуетесь на штрафы, остерегайтесь, и не будетъ штрафовъ. Солдатъ долженъ слушаться офицера,—рабочій своего начальника; за непослушаніе должны быть и всегда будутъ штрафы. Если вамъ, такому грубому народу, ваши старшіе, какъ-то мастера, бригадиры, надсмотрщики и другіе говорятъ: выбирайте г-на барона фонъ-Гольденау, то этотъ г-нъ баронъ ужъ навѣрное хорошъ и онъ пройдетъ въ нашемъ округѣ. Слышите?.. Онъ долженъ пройти!.. Я не вмѣшиваюсь въ это дѣло, но говорю вамъ: жаль мнѣ людей, которые сами себя добровольно губятъ.

Дрожь страха пробѣжала по рабочимъ отъ этого предупрежденія заводскаго смотрителя, болѣе трусливые отодвинулись отъ агитатора, нѣкоторые подходили къ пану Новаку и вполголоса спрашивали:

— А зачѣмъ вы говорили, что мы можемъ выбирать, кого хотимъ?

— Что вы на это скажете?

— Вотъ и берутъ верхъ нѣмцы, какъ всегда.

Панъ Новакъ угрюмо молчалъ; онъ притворялся, что не слышитъ этихъ словъ. Повернувъ голову, онъ встрѣтился глазами съ панной Ядвигою, онъ почтительно поклонился ей и вспомнилъ о низкихъ сплетняхъ, распространяемыхъ о ней. Онъ почувствовалъ, какъ она оскорблена и огорчена ими, у него явилось желаніе подойти къ ней, извиниться и попросить у нея прощеніе, но его удержалъ ея холодный и гордый видъ.

Вдругъ на трибунѣ раздался нѣсколько дрожащій голосъ:

— Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ!

Это былъ Юрашикъ, кузнецъ изъ завода, который все время держался около силезскаго оратора.

— На вѣки вѣковъ!—отвѣтили ему товарищи съ нѣкоторымъ изумленіемъ, всѣ знали, что у него пятеро дѣтей и ни копѣйки сбереженія.

— Послушайте меня, вашего брата, который вмѣстѣ съ вами ѣстъ этотъ горькій хлѣбъ, переноситъ обиды и насмѣшки.

— Эй, осторожно!—кричали ему.— Юрашикъ, что ты дѣлаешь?—и толпа съ тревогою смотрѣла въ сторону сидѣвшихъ у столика коммиссара и гг. Рейнера, Бергера и Бишофсмана, которые дѣлали видъ, что не слушаютъ, занятые веселымъ разговоромъ.

— Все равно,—воскликнулъ ораторъ громче, — прогонятъ меня не сегодня, завтра, какъ прогнали Бржезика, Летоху, Шимичека и многихъ другихъ, тѣмъ не менѣе скажу то, что приказываетъ мнѣ совѣсть. Ксендзъ настоятель говоритъ вамъ сладко: неси свой крестъ. Ба, я несъ бы его охотно, но пусть нѣмцы не прибавляютъ тяжести ежедневно, ежечасно...

— Ой, истинная правда!

— Святая правда! — вздыхали силезцы.

— Самъ ксендзъ прибавляетъ сколько можетъ,—воскликнулъ громко ораторъ.

— Ура, Юрашикъ!

— Дѣльный парень!

— Вотъ нашъ братъ!

— Отличный человѣкъ!

Толпа радостно шумѣла, была забыта рѣчь ксендза, угрозы и издѣвательства заводскаго смотрителя, надежда проникла въ сердца самыхъ трусливыхъ, когда они услышали смѣлую рѣчь Юрашика, который скромно принималъ выраженія благодарности присутствовавшихъ, особенно агитатора.

Слушая его, Новакъ вспомнилъ слова отца, данное ему обѣщаніе, и онъ почувствовалъ глубокій стыдъ, что онъ, человѣкъ независимый и богатый, колеблется открыто выступить въ защиту силезцевъ, которые, по словамъ Юрашика, терпятъ преслѣдованія, обиды и страданія. Въ его памяти возстали впечатлѣнія, пережитыя въ Ченстоховѣ, проходили картины, имъ тамъ видѣнныя, дальше онъ мысленно остановился на словахъ монаха: кто возвратитъ потерю и опору семей?

Вѣдь онъ далъ слово замѣнить отца и стараться всѣми силами загладить преступленіе.

Сдержалъ ли онъ слово? Что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ? Да, онъ успокаиваетъ свою совѣсть тѣмъ, что онъ вы-

полнитъ обѣщаніе, когда возьметъ въ свои руки завѣдываніе заводомъ, но до сихъ поръ онъ ничего, кромѣ зла, не сдѣлалъ: изъ-за его любопытства невинная женщина должна была перенести жестокую обиду. Онъ посмотрѣлъ въ ея сторону, сіяющая съ блестящими глазами, она пожимала честную мозолистую руку Юрашика. Въ эту минуту онъ позавидовалъ ему.

Въ группѣ господъ у столика коммиссара замѣтна была тревога послѣ рѣчи Юрашика, тамъ видно совѣщались о чемъ-то, наконецъ поднялся совѣтникъ Рейнеръ, чтобы своею рѣчью ослабить впечатлѣніе словъ рабочаго. Раздался звонокъ, и г-нъ Рейнеръ началъ:

— Замѣтивъ ваше волненіе, я, по просьбѣ коммиссара рѣшилъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Успокойтесь и слушайте:

Я живу уже здѣсь съ вами двадцать восемь лѣтъ, это срокъ не маленькій, посмотрите, у меня уже сѣдые волосы. Вы зарабатывали и зарабатываете около меня не мало, я хорошо знаю васъ и жизнь вашу знаю, кто вы такіе и какой вамъ будетъ конецъ. Здѣсь мѣстность была дикая, безъ фабрикъ, машинъ, желѣзныхъ дорогъ, вы жили въ избахъ, крытыхъ соломою, питались чѣмъ попало, лишь бы не умереть съ голоду. Но вотъ явились мы. Посмотрите теперь: вездѣ торговля, промышленность, желѣзныя дороги, школы, богатые города, благоустроенныя деревни, все это дѣло рукъ нашихъ! Вы же хотите опять впасть въ варварство, въ темноту, въ нищету въ безпорядокъ!? Вы хотите избрать своего и сдѣлаться посмѣшищемъ всего свѣта! Но этого не допустимъ мы, нѣмцы, и тѣ изъ васъ, которые поумнѣе. Оглянитесь кругомъ, посмотрите внимательно; найдется ли хоть одинъ изъ васъ, кто, побывавъ въ нашихъ школахъ, вкусивъ нашей цивилизаціи, достигши мѣста въ администраціи, пріобрѣвъ богатства,— вернулся бы къ вамъ? Вступился бы за васъ? За вашъ языкъ? За ваши якобы права, о которыхъ вы столько толкуете? Покажите мнѣ хоть одного такого, и я позволю вамъ, даже посовѣтую, чтобы вы подали голосъ за своего кандидата. Но пока вы мнѣ такого показать не сможете, вы должны избрать барона фонъ-Гольденау депутатомъ. А, что? Вы молчите? Потому что нѣтъ такого, потому что всякій интеллигентный человѣкъ съ нами держится и долженъ держаться!

Спокойныя, серьезныя слова такого финансоваго туза повліяли угнетающимъ образомъ на присутствовавшихъ. Видъ группы господъ у столика рядомъ съ представителемъ государственной власти рождалъ въ нихъ боязнь и опасеніе, они казались себѣ такими бѣдными, жалкими, обездоленными, униженными и презираемыми и имъ ли вступить въ борьбу и оказать сопротивленіе этимъ могущественнымъ людямъ, которые однимъ мановеніемъ руки могутъ ввергнуть ихъ въ нищету и несчастія. Посмотрѣли они въ сторону собравшихся нѣмцевъ: мастеровъ, бригадировъ, надсмотрщиковъ и подумали про себя: вѣдь каждый изъ нихъ можетъ наказать ихъ, оштрафовать даже прогнать, а что значатъ они въ сравненіи съ тѣми, сидящими у столика?

Они, такіе ничтожные, осмѣливаются тягаться съ такими богачами и вельможами!

Волна апатіи, страха и опасенія за будущее нахлынула на нихъ, они стояли печальные, подавленные, тяжело вздыхая. Казалось, что надъ собравшимся пролетѣлъ на крыльяхъ летучей мыши духъ нищеты и страха.

Въ этой глухой тишинѣ ободряюще прозвучалъ смѣлый звучный голосъ Новака:

— Прошу голоса!

Не дождавшись отвѣта онъ прошелъ между рядами слушателей къ трибунѣ, сопровождаемый удивленнымъ взоромъ толпы. Онъ всталъ на камень, снялъ шляпу, провелъ рукою по непокорнымъ темнымъ волосамъ, посмотрѣлъ на тѣснившуюся возлѣ трибуны толпу и началъ ровнымъ звучнымъ голосомъ по-силезски:

— На вопросъ господина совѣтника Рейнера я отвѣчу. Сейчасъ господинъ Рейнеръ выразился, что самъ будетъ совѣтовать вамъ подавать голосъ за силезца, если вы укажете ему такого силезца, который побывалъ въ нѣмецкихъ

школахъ, вкусилъ нѣмецкой культуры, обладалъ бы средствами и вернулся бы къ вамъ и открыто сознался бы что онъ силезецъ. Вотъ, именно я, Карлъ Новакъ, былъ въ нѣмецкихъ школахъ, окончилъ политехникумъ и вернулся къ вамъ, чтобы вмѣстѣ съ вами работать, лелѣять вашъ языкъ, защищать ваши права, защищать васъ самихъ отъ преслѣдованій, положить предѣлъ эксплуатаціи, злоупотребленіямъ, попиранію вашихъ чувствъ, презрѣнію къ вамъ, какъ къ народу побѣжденному, обреченному на вымираніе.

Господа у столика съ самаго начала рѣчи смотрѣли на него въ оцѣпенѣніи, полные негодованія и недоумѣнія, наконецъ совѣтникъ съ неподдѣльною болью въ голосѣ воскликнулъ:

— Карлъ, Карлъ, что вы дѣлаете?

По мѣрѣ того, какъ Новакъ говорилъ имъ овладѣлъ гнѣвъ и онъ крикнулъ:

— Онъ съ ума сошелъ!.. Удержите его! Онъ съ ума сошелъ!

Силезцы, понявъ громадное значеніе словъ Новака, преисполнились радости, они просіяли отъ гордости и счастья, нѣкоторые отъ волненія плакали. Они окружили его плотною толпою и повели къ агитатору, разговаривавшему съ паномъ Богатомъ.

Первой протянула ему руку сіяющая улыбкою счастья и радости панна Ядвига, онъ отвѣтилъ ей сердечнымъ пожатіемъ.

Они оба почувствовали, что въ этомъ рукопожатіи они соединились на всю жизнь искренной дружбою, что съ этихъ поръ ихъ соединяетъ общность цѣлей и средствъ. Вся красная отъ волненія, она не отнимала руки, онъ же тщетно искалъ слова, чтобы выразить ей свое сожалѣніе по поводу нанесенной ей обиды. Къ нимъ приблизились остальные, и вся толпа въ радостномъ возбужденіи кричала:

— Да здравствуетъ Новакъ!

— Да здравствуетъ Силезія!

— Мы побѣдимъ!

Сохранявшій до сихъ поръ молчаніе Вальковякъ взошелъ на камень и крикнулъ:

— Братья силезцы, теперь вознесемъ Господу благодарность за пробужденіе наше отъ долгаго и тяжелаго сна!

— Что и этотъ?—крикнулъ со злостью Рейнеръ. — Карлъ и онъ! Конецъ міра!

— Въ костелъ! Въ костелъ!

Толпа силезцевъ, вмѣстѣ съ главною группою, въ которой находились панна Ядвига, Новакъ, агитаторъ и Вальковякъ, двинулась къ воротамъ окруженнаго оградою костела.

Коммиссаръ закрылъ записную книжку и посмотрѣлъ насмѣшливо на совѣтника, руку котораго сочувственно пожималъ г-нъ Бергеръ.

Изъ толпы послышались крики:

— Отпереть костелъ! Отпереть!

Двое силезцевъ, приставленныхъ смотрѣть за костеломъ, подошли къ ксендзу съ просьбою дать ключи.

— Вамъ? Вамъ?—закричалъ ксендзъ Крюгеръ въ изступленіи. — Молитесь чорту, вашему союзнику, а не Господу Богу. Не дамъ! Не дамъ.

Посланные удалились смущенные.

— Ну, вашъ компаніонъ, — усмѣхнулся коммиссаръ, — выкинулъ намъ прекрасную штуку. Что на это скажутъ въ ландратствѣ? Въ округѣ?

— Компаніонъ!? — воскликнулъ совѣтникъ.—Я его знать больше не хочу! Прокляну, прогоню его!

Они начали обсуждать вопросъ о томъ, какъ задержать распространеніе силезской агитаціи; со стороны костела до нихъ доносились возгласы:

— Запоемъ! Запоемъ!

Одни затянули: «Звѣзда вечерняя», другіе — «Тебѣ честь и хвала», наконецъ, запѣли: «О Боже истинный, прими дѣла денныя наши съ миромъ»!

— Ну, они уже опять затянули свою іереміаду, — разсмѣялся г-нъ Бишофсманъ, — въ горѣ ли, въ радости эти скоты всегда воютъ.

— Однако, прекрасно вы его воспитали, г-нъ совѣтникъ, — замѣтилъ ксендзъ.

— Самъ сатана въ это дѣло впутался. Четырнадцать лѣтъ труда пошло прахомъ.

— Ничего еще не потеряно, посмотримъ, кто возьметъ верхъ на выборахъ,—сказалъ коммиссаръ.—Пожалуй, немного труднѣе будетъ, но мы все-таки проведемъ своего.

Они направились къ ожидавшимъ ихъ экипажамъ.

— Что онъ надѣлалъ? Что онъ надѣлалъ?—жаловался другу совѣтникъ,—что теперь скажетъ моя Эльза?

— Найдетъ себѣ другого, Отто.

— О, я несчастный! — простоналъ совѣтникъ.

— Я увѣряю васъ, г-нъ совѣтникъ,—воскликнулъ Бишофсманъ,—это временное безуміе, онъ ослѣпленъ, его жалость возбуждена, онъ поддался сгоряча, но онъ вернется, вернется къ намъ.

— Быть можетъ, вы правы, — сказалъ нѣсколько спокойнѣе совѣтникъ,—это, вѣдь, горячая голова, но я уже постараюсь его образумить, я его заставлю отказаться отъ этого безумства. Онъ долженъ, долженъ это сдѣлать.

Глава XXX.

Совѣтникъ Рейнеръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и мрачно, удрученно просматривалъ заводскіе счеты.

Лакей доложилъ о приходѣ помощника бухгалтера, господина Фуериха.

— Пусть онъ войдетъ.

Тотъ вошелъ, низко кланяясь, съ бумагами въ рукахъ.

— Согласно вашему желанію, господинъ совѣтникъ, принесъ вамъ вѣдомость заводскаго имущества по настоящій день.

— Благодарю васъ... Что новенькаго?

— Все обстоитъ благополучно, господинъ совѣтникъ.

— Это меня радуетъ,—онъ нажалъ пуговку звонка и сказалъ лакею:—попроси ко мнѣ господина Новака.

Господинъ Фуерихъ стоялъ въ нерѣшительности и, наконецъ, робко проговорилъ:

— Позволитъ ли, господинъ совѣтникъ?..

— Что такое? Говорите.

— Если бы вы не нуждались во мнѣ, я бы съѣздилъ на минутку въ городъ, такъ какъ сегодня послѣдній день выборовъ.

— Ахъ, да! За многочисленными своими дѣлами и заботами и я позабылъ совсѣмъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что голосъ свой я передалъ. Поѣзжайте, поѣзжайте и сообщите, въ какомъ положеніи наше дѣло.

Откланиваясь при прощаніи, господинъ Фуерихъ сказалъ съ преувеличенной готовностью:

— Я сейчасъ же вернусь обратно, чтобы дать вамъ, господинъ совѣтникъ, отчетъ о ходѣ выборовъ.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ паномъ Новакомъ, который вошелъ въ кабинетъ и спросилъ холоднымъ тономъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ, господинъ совѣтникъ?

Господинъ Рейнеръ поднялся съ кресла ему навстрѣчу и, протягивая руку, сказалъ радушно:

— Прошу васъ, Карлъ, садитесь и выслушайте меня, старика. Съ вашимъ отцомъ мы жили въ тѣсной дружбѣ и согласіи, и мнѣ бы хотѣлось сохранить тѣ же отношенія и къ сыну его. Я думаю, что отказываясь отъ совмѣстнаго веденія дѣлъ, намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ судебному разбирательству, къ посвященію чужихъ въ наши личныя дѣла. Мы оба свѣдущи въ дѣлахъ и сами безъ чужого вмѣшательства уладимъ раздѣлъ нашего имущества, — окончилъ совѣтникъ, усаживаясь въ кресло, и какъ бы приготовляясь этимъ къ болѣе продолжительной бесѣдѣ.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, господинъ совѣтникъ. Увѣряю васъ, что бы потомъ ни произошло, я буду относиться къ вамъ съ прежнимъ уваженіемъ и признательностью.

— Я приказалъ приготовить балансъ всего имущества, быть можетъ, просмотрите и провѣрите на досугѣ, — говорилъ онъ, указывая на лежащія на письменномъ столѣ бумаги.—Намъ, собственно, осталось теперь обсудить вопросъ о раздѣлѣ имущества. Какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Какъ технику, мнѣ бы хотѣлось оставить за собой дѣло, въ которомъ я могъ бы прилагать свой трудъ.

— Вы, конечно, заводъ имѣете въ виду?

— Да, заводъ... Возможно, что стоимость его превыситъ сумму запаснаго

капитала вмѣстѣ со стоимостью имѣнія Боровъ, но въ такомъ случаѣ я излишекъ выплачу наличными деньгами.

— Никогда я не предполагалъ, что наше товарищество кончится такимъ образомъ, — вздохнулъ совѣтникъ. — Я заботился о васъ, какъ о родномъ сынѣ, я мечталъ, чтобъ вы сдѣлались специалистомъ своего дѣла, и вы, дѣйствительно, достигли этого. Теперь вы сумѣете расширить свой заводъ, увеличить производство, но это ужъ не для меня... не для меня... вѣдь, вы теперь мой противникъ.

Замѣтивъ выраженіе истинной скорби на лицѣ совѣтника, панъ Новакъ сказалъ тономъ ласковаго убѣжденія:

— Я, господинъ совѣтникъ, не понимаю почему мы, расходясь въ политическихъ убѣжденіяхъ, должны и въ денежныхъ дѣлахъ выступать враждебно другъ противъ друга? Вѣдь мы живемъ въ конституціонномъ государствѣ.

— Молоды вы молоды,—воскликнулъ совѣтникъ.—Еслибъ вы принадлежали къ крайней лѣвой партіи, а я къ католическому центру, мы бы, пожалуй, могли еще примириться, сойдясь на какой-нибудь нейтральной почвѣ, и жить въ дружбѣ, но ваше недавнее заявленіе обозначаетъ уже принадлежность вашу не къ какой-либо другой партіи, но къ цѣлой націи, чужой и враждебной намъ; нѣтъ, между нами ужъ ничего общаго быть не можетъ, развѣ... развѣ только...

— Что развѣ?

— Ахъ, видите ли, это мечтанія старика,—говорилъ взволнованный совѣтникъ,—старика, потерявшаго жену и двухъ дѣтей, у котораго осталась одна единственная дочь...

— Отъ души вамъ сочувствую, господинъ совѣтникъ, и сожалѣю, что наши долголѣтнія отношенія...

— Если вы, на самомъ дѣлѣ, сожалѣете,—быстро перебилъ его совѣтникъ,—то вернитесь къ намъ, вернитесь... Я забуду о вашемъ признаніи, да и всѣ прочіе тоже позабудутъ. Подумайте только, что вы этимъ пріобрѣтаете? Наше товарищество продолжается въ прежнемъ своемъ видѣ, нашими капиталами и вашимъ знаніемъ мы побиваемъ своихъ конкуррентовъ, диктуемъ всѣмъ цѣны, являемся настоящими господами торговли, наше слово пріобрѣтаетъ вѣсъ золота, вы живете богато и счастливо. Что большаго можете желать вы отъ жизни?

— Прекрасная, но неполная картина,—улыбнулся панъ Новакъ,—поймите, что не могу же я отказаться отъ своихъ убѣжденій.

— Убѣжденія!? Убѣжденія!—воскликнулъ съ досадой совѣтникъ.—Никто вамъ не мѣшаетъ остаться при нихъ, но держите ихъ про себя, не высказывайте ихъ публично, громко. Часто какая-нибудь шальная мысль можетъ погубить человѣка окончательно, свести его съ пути разума, я знаю, это случается... Ну, Карлъ,—сказалъ онъ ласковымъ тономъ,—я былъ вамъ почти отцомъ и, какъ отецъ, желаю вамъ счастья и спокойствія. Я сдѣлаю все для того, чтобы ваше самолюбіе при этомъ не пострадало. Знаете, что я вамъ предложу? Поѣдемте вмѣстѣ въ округъ, тамъ я васъ выгорожу, тамъ нѣсколькими словами вамъ удастся оправдаться, а затѣмъ уѣдете за границу, и когда вернетесь, все будетъ улажено и въ порядкѣ.

Панъ Новакъ слушалъ его внимательно и смотря ему пристально въ глаза, спросилъ:

— Ну, а они-то?

Совѣтникъ пожалъ плечами и затѣмъ сказалъ:

— Ахъ, Карлъ, у васъ всегда въ умѣ эти силезцы, но кто тамъ станетъ выслушивать ихъ глупые разговоры? Покричатъ между собой да и замолчатъ.

— Карлъ,—говорилъ онъ, протягивая ему руку,—вамъ говоритъ вашъ старый, любящій васъ другъ, откажитесь отъ заблужденій, приносящихъ намъ однѣ только униженія, нравственное и матеріальное разореніе. Ну, подайте мнѣ руку въ знакъ примиренія.

— Нѣтъ, господинъ совѣтникъ, не могу я въ округъ поѣхать и ихъ бросить также не могу. Останемтесь по прежнему въ компаніи, но я ни на іоту не отступаю отъ всего того, что высказалъ раньше.

Совѣтникъ поднялся съ мѣста, сурово сдвинулъ брови и заговорилъ гнѣвнымъ тономъ:

— Не хотите—не нужно. Я хотѣлъ исправить вашу глупость, я говорилъ съ вами, какъ съ разсудительнымъ человѣкомъ, но вы не желаете себѣ добра. Посмотримъ, чего вы добьетесь своимъ упрямствомъ.

Панъ Новакъ также поднялся, собираясь уходить, но, замѣтивъ это, совѣтникъ сказалъ ему спокойнѣе:

— Я попрошу васъ сейчасъ же здѣсь просмотрѣть балансъ, такъ какъ онъ мнѣ будетъ нуженъ... Быть можетъ, вы отмѣтите себѣ послѣднія цифры и прикажете провѣрить, такъ какъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Панъ Новакъ сѣлъ молча у письменнаго стола и началъ дѣлать замѣтки, время отъ времени поглядывая на прохаживающагося совѣтника.

Совѣтникъ стоялъ какъ разъ у самыхъ дверей, когда онѣ открылись, и въ нихъ показалась фрейлейнъ Эльза; она была нѣсколько блѣдна, но, какъ всегда, прелестна, изящно одѣта. Она сразу не замѣтила пана Новака, сидѣвшаго въ углу письменнаго стола, такъ какъ его заслонялъ стоявшій впереди совѣтникъ, и съ оживленіемъ спросила:

— Папа, каковъ результатъ?

— Чего?

— Выборовъ.

— Не знаю еще, я послалъ Фуериха узнать. Докторъ былъ, Эльза?

— Я здѣсь, господинъ совѣтникъ— раздался голосъ сзади фрейлейнъ Эльзы.

Докторъ, невысокаго роста, сѣдоватый съ окладистой темнорусой бородой и пріятной улыбкой на полныхъ губахъ, поздоровался съ совѣтникомъ и сказалъ:

— Фрейлейнъ Эльза съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ результата выборовъ, что я самъ посовѣтовалъ ей зайти сюда къ вамъ въ кабинетъ, господинъ совѣтникъ, чтобы освѣдомиться объ этомъ, такъ какъ сюда вѣсти дойдутъ, вѣрно, первыми.

Говоря это, онъ смотрѣлъ на фрейлейнъ Эльзу и невольно обратилъ вниманіе на смущенное выраженіе ея лица, когда панъ Новакъ съ ней здоровался, да и самый способъ привѣтствія его нѣсколько удивилъ; но все-таки онъ съ улыбкой подошелъ къ нему и заговорилъ:

— Всегда застаю васъ за работой.

— Я сейчасъ кончаю.

— Вы, докторъ, были правы,— сказалъ спустя минуту совѣтникъ—здѣсь мы въ самомъ дѣлѣ, скорѣе всего узнаемъ о результатахъ выборовъ. Присядь, Эльза, скоро придетъ Фуерихъ.

— Какого вы мнѣнія о выборахъ, господинъ совѣтникъ?

— Я бы желалъ, чтобы ихъ вовсе не было — отвѣтилъ тотъ съ горечью, садясь вмѣстѣ съ докторомъ у стола, стоявшаго возлѣ дивана, на которомъ сидѣла фрейлейнъ Эльза.

— Я же—воскликнула дочь—совершенно другого мнѣнія, я, напротивъ, благословляю эти выборы, такъ какъ благодаря имъ мнѣ многое, очень многое стало яснымъ окончила она, подчеркивая свои слова и немного покраснѣвъ.

— Вы мнѣ обѣщали сохранить спокойствіе—напомнилъ укоризненно докторъ.

— Я спокойна.

— Ну, какъ же сегодня состояніе ея здоровья, докторъ?—спросилъ отецъ.

— О, лучше, гораздо лучше. Раздраженное состояніе проходитъ, и черезъ два-три дня мы будемъ вполнѣ здоровы и спокойны.

— Это меня очень радуетъ, Эльза, но показала ли ты доктору новый ятрышникъ?

— А, новый ятрышникъ?—воскликнулъ докторъ.—Мнѣ очень интересно его посмотрѣть.

— Пойдемте, докторъ, въ залу и я покажу вамъ такой, какого нѣтъ въ вашей коллекціи. Мы сейчасъ вернемся, Эльза, не хочешь ли пойти вмѣстѣ съ нами?

— Я обожду здѣсь, господа.

Фрейлейнъ Эльза посмотрѣла иронически на писавшаго пана Новака и спросила:

— Развѣ вамъ ваша новая національность запрещаетъ даже разговаривать со мной?

Онъ всталъ съ мѣста, отошелъ отъ

письменнаго стола и, приблизившись къ ней, сказалъ тѣмъ же тономъ:

— Нація, къ которой я принадлежу привыкла къ жестокому обращенію съ ней.

— Скажите, пожалуйста, какая терпѣливая, покорная нація!

— Скажите лучше: несчастная!

— Однако, какая скромность!—воскликнула она съ ироніей.—Развѣ можетъ быть она несчастна, когда имѣетъ васъ въ своей средѣ?

— Но нація не женщина, для которой одинъ человѣкъ составлялъ бы все.

— Вы, видно, упорствуете по прежнему?

— Это, фрейлейнъ, неизлѣчимая болѣзнь.

— Пустяки, развѣ самъ больной можетъ объ этомъ судить? Что вы думаете о выборахъ? Кто побѣдитъ?

— Не знаю.

— Пойдемте въ пари! Я, конечно, держу сторону нашего кандидата.

— Я не считаю выборовъ спортомъ.

— Однако, какъ вы перемѣнились!.. Боже, какъ перемѣнились!—сказала она со вздохомъ. Мнѣ кажется, что со дня послѣдней вашей рѣчи прошли уже цѣлые вѣка. Вы стали мнѣ такъ чужды, такъ далеки, только туманныя, почти неясныя воспоминанія всплываютъ наружу изъ далекаго, почти забытаго прошлаго.

— Еслибъ только вы знали, какъ много страданій я перенесъ за послѣднее время, вы отнеслись бы ко мнѣ, вѣрно, съ большимъ снисхожденіемъ.

— Я понимаю, что ошибиться можно только разъ въ жизни,—заговорила она серьезно,—но коль скоро человѣкъ понялъ свою ошибку, онъ долженъ постараться излѣчиться отъ нея и самымъ радикальнымъ образомъ, такъ какъ всякое заблужденіе коверкаетъ, извращаетъ человѣка, въ особенности васъ ваша новая національность.

— Оставимъ это дѣло въ сторонѣ, національныя убѣжденія не должны насъ нисколько разъединять.

— Нѣтъ, напротивъ, господинъ Новакъ, мы должны поставить вопросъ ясно и открыто. Въ данный моментъ мы расходимся съ вами принципіально: но я жажду свѣта, вы тьмы, я цивилизаціи, вы варварства, я жизни, вы смерти.

— Очень возможно, но я поступилъ согласно своимъ обязанностямъ и принципамъ справедливости.

Она наклонилась въ его сторону, посмотрѣла ему прямо въ глаза и заговорила ласковымъ тономъ:

— Помните ли, какъ разсказывали вы мнѣ о странѣ счастья и свѣта, о жизни среди блеска и цвѣтовъ? Тогда я вѣрила вамъ и была счастлива, такъ какъ видѣла передъ собой путь, усѣянный цвѣтами,—жизнь рисовалась мнѣ въ видѣ момента счастья, упоенія, восторга и безконечной любви,—докончила она съ улыбкой, нагибаясь къ нему все ближе и ближе, такъ что ея волосы касались его лба, онъ вдыхалъ ароматъ ея духовъ.

Глаза у него заблестѣли, у него явилось непреодолимое желаніе схватить ее въ свои объятія, унести съ собой куда-нибудь, чтобы она всецѣло принадлежала ему одному, онъ пожиралъ глазами ея волосы, руки, всю ея стройную фигуру. Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное ея словами, она положила свою красивую бѣлую руку на его ладонь и заговорила нѣжно:

— Я хочу вернуться въ ту полную грезъ страну, которую вы мнѣ рисовали, будьте же по прежнему добрымъ, милымъ Карломъ...

— И я васъ такою же любилъ,—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, сжимая и цѣлуя ея руку,—о такой я мечталъ, къ такой стремился, я не хочу разрыва, позвольте лишь...

Вдругъ они услышали скрипъ дверной ручки, онъ быстро отодвинулся, и сейчасъ же въ комнату вошелъ совѣтникъ съ докторомъ, спрашивая:

— Фуерихъ уже былъ?

— Пока еще нѣтъ, — отвѣтила она.

— А мнѣ показалось, что кто-то пріѣхалъ.

— Однако, этотъ ятрышникъ чуде-сенъ,—говорилъ докторъ съ увлеченіемъ,—невиданная до сихъ поръ разновидность.

Лакей полураскрылъ двери и доло-

жилъ о прибытіи господина Фуериха, который быстро вошелъ и отвѣсилъ общій поклонъ.

— Ну, что слыхать, господинъ Фуерихъ?

— Пока голоса раздѣлились поровну. Ни одинъ изъ кандидатовъ не имѣетъ абсолютнаго большинства.

— Долженъ же, однако, кто-нибудь изъ нихъ побѣдить,—воскликнулъ докторъ...

— Ко времени моего отъѣзда у силезцевъ было незначительное большинство.

— Это плохо, очень плохо,—вздохнулъ совѣтникъ.

— Это можно было предвидѣть, такъ какъ въ нашемъ округѣ силезцы составляютъ шестьдесятъ семь процентовъ населенія,—замѣтилъ панъ Новакъ.

— Это должно быть, наши рабочіе перевѣсили,—объяснилъ господинъ Фуерихъ.

— Это заслуга господина Новака,— сказалъ совѣтникъ иронически и обратился къ дочери:—ну, Эльза, что скажешь на это?

— Слышу, — отвѣтила она равнодушно.

— Ты говоришь это такъ хладнокровно и совершенно забываешь, что, вѣдь, баронъ фонъ-Гольденау долженъ быть избранъ во что бы то ни стало, здѣсь дѣло идетъ и о моей чести...

— И я этого желаю, папа.

— А вы просили кого-нибудь, господинъ Фуерихъ, извѣстить меня немедленно о результатѣ выборовъ?

— Господинъ директоръ Шейеръ пріѣдетъ.

— Хорошо. А не заходили ли вы по дорогѣ въ контору?

— Я теперь именно туда иду,—отвѣтилъ тотъ, уходя.

— И я съ вами—сказалъ докторъ— я буквально сгораю отъ любопытства.

— Останьтесь съ нами, докторъ. Извѣстіе сюда придетъ раньше, чѣмъ вы туда дойдете.

— Избраніе силезца было бы для насъ истиннымъ пораженіемъ—вздохнулъ докторъ.

— Да еще какимъ! — воскликнулъ совѣтникъ.—Это бы еще болѣе возбудило упрямство народа, придало бы бодрости и увѣренности колеблющимся и ослабило бы всю нашу энергію.

— А вы, герръ Карлъ, — спросила фрейлейнъ Эльза, смотря ему прямо въ глаза — вы раздѣляете мнѣніе моего папы! — подчеркнула она слегка свои слова.

— Я бы хотѣлъ быть всегда съ нимъ одного мнѣнія; въ этомъ, однако, случаѣ я не могу желать побѣды барону Гольденау, такъ какъ тутъ замѣшана моя честь такъ же, какъ и господина совѣтника.

— Оставь его, Эльза... Я говорилъ, объяснялъ, убѣждалъ господина Новака, но съ неофитомъ очень трудно имѣть дѣло.

— Убѣжденія, вообще, дѣло субъективное—примиряюще замѣтилъ докторъ.

— Очень хорошо, я съ этимъ вполнѣ согласенъ, но пусть они не высказываются открыто. Скажите, докторъ, — говорилъ возбужденный совѣтникъ—долженъ ли, имѣетъ ли нравственное право фабрикантъ возстановлять противъ себя правительство, общественное мнѣніе, стать въ тягость обществу, собраніямъ всякаго рода, и, главное, дѣйствуя совершенно добровольно безъ всякихъ побудительныхъ мотивовъ, изъ-за прихоти, каприза?

Фрейлейнъ Эльза между тѣмъ посматривала то на отца, то на пана Новака и сказала наконецъ:

— Убѣжденія г-на Карла и мнѣ крайне непріятны, и никогда я не соглашусь спуститься съ ясныхъ солнечныхъ вершинъ въ пропитанный запахомъ гнили подвалъ. Но я хочу вамъ кое-что предложить.

— Что же именно, дитя мое? Говори.

— Въ конституціонномъ государствѣ дѣла рѣшаются, обыкновенно, большинствомъ голосовъ, и меньшинство должно уступить. Не такъ ли?

— Вы совсѣмъ, какъ съ каѳедры говорите—,разсмѣялся докторъ.

— Не всякое большинство является олицетвореніемъ мудрости—замѣтилъ совѣтникъ—очень часто оно бываетъ проявленіемъ глупости.

— Не будемъ вдаваться въ споръ, папа... Предлагаю поэтому, чтобы побѣда....

Вдругъ дверь съ шумомъ раскрылась, и въ комнату вбѣжалъ сіяющій директоръ Шейеръ, еще у порога восклицая:

— Побѣда! Побѣда!

— Наша? Наша?—спросила съ оживленіемъ фрейлейнъ Эльза.

— Конечно, наша. Можно было лопнуть со смѣху, глядя на вытянутыя рожи силезцевъ. Ха, ха, ха.... Нѣкоторые обливались слезами, причитывая: мы пропали, Силезія погибла!... Ну, поймутъ теперь, что значитъ тягаться съ нами!

Панъ Новакъ взялъ съ письменнаго стола бумагу и хотѣлъ удалиться, такъ какъ это проявленіе радости было ему въ высшей степени непріятно, но фрейлейнъ Эльза загородила ему дорогу, говоря:

— Ну, а теперь, г-нъ Карлъ, когда выборы кончились и когда побѣда на нашей сторонѣ, хотите ли пойти за нами?

— Слушайтесь голоса своего сердца, Карлъ—сказалъ совѣтникъ.

Панъ Новакъ стоялъ въ нерѣшительности, фрейлейнъ же Эльза, нагнувшись нашептывала ему на ухо:

— Или со мной, или противъ меня—громче же она прибавила: вы съ нами? да?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, я останусь съ побѣжденными.

Конецъ.

настоящее время не возобновлена. Арабы, въ свою очередь, пользовались ею въ теченіе вѣковъ, и новыя столицы тогда намѣтили ея путь. Месопотамскій центръ снова получилъ, какъ въ древности, свое важное политическое и экономическое значеніе. Моссулъ и Багдадъ воскресили величіе Ниневіи и Вавилона, Дамаскъ и Бейрутъ—Антіохіи. Такимъ образомъ, арабы явились продолжателями роли финикіянъ и грековъ и въ ихъ рукахъ была монополія торговли между Средиземнымъ моремъ и Индіей. Они, подобно Александріи, явились господами береговъ восточной Африки довольно далеко къ югу, почти до Мозамбикскаго канала. Европейскіе купцы здѣсь не проходили. Венеція и Генуя ограничивали свою коммерческую дѣятельность только Средиземнымъ моремъ. Они были принуждены признавать за арабами монополію торговли въ Азіи, такъ какъ были ихъ кліентами.

Но послѣ открытій Васко де-Гамы, португальцы нашли путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды и эта конкуренція вызвала сильное волненіе среди арабскихъ купцовъ. Вице-король Португальской Индіи д'Альбукеркъ принужденъ былъ вести противъ нихъ ожесточенную борьбу. Португальцы сохранили за собой морской путь, арабы континентальный, по которому движеніе каравановъ, въ виду конкуренціи морского пути, сильно стало уменьшаться.

Только въ началѣ XIX вѣка европейскіе купцы, дѣйствительно, появились во внутренней Азіи и эта страна вошла въ общее теченіе міровой политики. Здѣсь, какъ и въ Египтѣ, Наполеонъ явился иниціаторомъ, такъ сказать, современнымъ Александромъ. Когда онъ сдѣлался императоромъ, уже въ апогеѣ своего величія, послѣ Аустерлица и Іены, онъ мечталъ достигнуть Индіи. Онъ заключилъ союзъ съ Турціей и подписалъ соглашеніе съ русскимъ государемъ въ Тильзитѣ, не говорившее ничего объ Индіи, но нужное ему для дальнѣйшихъ плановъ. Онъ послалъ генерала Гордона съ миссіей въ Персію, чтобы вооружить по-европейски войска шаха, дать имъ пушки и двинуть затѣмъ ихъ въ Индію на англичанъ. Онъ простеръ свою шпагу надъ Средиземнымъ моремъ до самаго сердца центральной Азіи. Это было только указаніе пути. Испанія и Англія воспользовались его мыслью на Западѣ. Но и эта дорога не будетъ потеряна, такъ какъ она является естественнымъ путемъ изъ Европы въ Индію.

Если мы взглянемъ теперь на карту, то увидимъ, что одинъ путь идетъ черезъ верхнее теченіе Ефрата на Тавризъ, Тегеранъ и Гератъ и Кабулъ, а другой путь—черезъ нижнее теченіе Ефрата къ Персидскому заливу.

Изъ этихъ двухъ дорогъ, по которымъ шли нѣкогда Александръ Великій и начальникъ его флота Неархъ,—первая и до настоящаго времени окончательно еще не установлена, а вторая представляетъ изъ себя просто окольный путь, который, огибая Аравію, идетъ черезъ Аденъ и Бомбей. Первый путь есть, кромѣ того, наиболѣе древній. Его направленіе обозначено грандіозными развалинами Пальмиры, Вавилона, Селевкіи, Экбатаны, Сузы и Персеполя, а также умирающими городами Домаскомъ, Багдадомъ, Испаганью, Гератомъ и Кандагаромъ, которые могли бы, при другихъ условіяхъ, вернуть себѣ прежнее политическое и экономическое значеніе. Упадокъ и нищета этихъ странъ обязаны туркамъ, которые заняли ихъ около того времени, когда Васко-де-Гама открылъ дорогу черезъ мысъ Доброй Надежды. Бывшіе тѣлохранители арабскихъ халифовъ, игравшіе нѣкогда такую же точно роль въ Багдадѣ, какую играли въ Римѣ преторіанцы, они

окончательно привели въ упадокъ арабскую имперію, главныя города которой на цѣлыхъ четыре вѣка погрузились въ сонъ, очень похожій на постепенное угасаніе. Турецкое господство не только не способствовало дальнѣйшему прогрессу этой имперіи, но даже не позаботилось сохранить уже существовавшую въ ней ранѣе цивилизацію. Оно, вообще, основано исключительно на деспотическомъ гнетѣ, который должны переносить побѣжденныя расы, и мало интересуется эксплуатаціей завоеванныхъ земель. Оно облагаетъ побѣжденныхъ произвольной контрибуціей, которая совершенно истощаетъ ихъ землю и представляетъ, такимъ образомъ, изъ себя замѣчательное орудіе разоренія. Это разореніе угрожаетъ даже болѣе азіатской Турціи, чѣмъ европейской, такъ какъ передняя Азія не вернулась еще на великій путь европейской торговли.

Этотъ результатъ ясно можно видѣть, между прочимъ, изъ того любопытнаго доклада, который былъ представленъ султану въ 1890 году его министромъ общественныхъ работъ Гассаномъ Фехми-пашой. Докладъ заключаетъ въ себѣ довольно смѣлое изслѣдованіе причины плачевнаго состоянія имперіи, территорія которой находится почти въ первобытномъ состояніи, такъ какъ въ ней нѣтъ ни удобныхъ путей сообщенія, ни благоустроенныхъ гаваней. «Дороги, — говоритъ въ своемъ докладѣ Гассанъ Фехми-паша, — начатыя безъ всякаго опредѣленнаго плана, не окончены или заброшены. Ими пользуются гораздо менѣе, чѣмъ старыми, для замѣны которыхъ они и были, собственно говоря, проектированы. Имперія заключаетъ въ себѣ тѣ страны земного шара, которыя наиболѣе благопріятны въ отношеніи климата и естественныхъ богатствъ. Но администрація парализуетъ здѣсь всякій прогрессъ и поэтому здѣсь наблюдаются періодическія голодовки, опустѣвшія деревни и разоренныя провинціи. Отсутствіе землечерпательныхъ работъ и регулированія текучихъ водъ вызываютъ появленіе болотъ и наводненій, которыя съ каждымъ годомъ развиваются все болѣе и болѣе и принуждаютъ жителей деревень покидать свои дома и искать спасенія на возвышенныхъ мѣстахъ. Громадныя пространства плодоносной земли остаются затопленными водою и, слѣдовательно, безъ эксплуатаціи. Населеніе замѣтно убываетъ, деревни и города пустѣютъ, и путешественникъ съ грустью наблюдаетъ здѣсь полное разрушеніе». Министръ султана ищетъ теперь какихъ-нибудь средствъ для уничтоженія всѣхъ этихъ золъ. Но онъ напрасно будетъ ихъ указывать: все останется по старому, такъ какъ султана Абдулъ Гамида I все это очень мало безпокоитъ. Но хорошо уже то, по крайней мѣрѣ, что это турецкое варварство не страшно болѣе великимъ европейскимъ державамъ. Оно слишкомъ разслаблено восточной роскошью и разнаго рода наслажденіями и не имѣетъ, поэтому, теперь уже больше силы сопротивляться цивилизаціи, которую принесетъ собой вмѣшательство европейцевъ. Уже не за горами, несомнѣнно, тотъ моментъ, когда вопросъ о передней Азіи, настоятельное разрѣшеніе котораго являлось столь необходимымъ съ самаго дня его зарожденія, будетъ положенъ, такъ сказать, на зеленый столъ европейской дипломатіи.

Расы и религіи.

Расовыя и религіозныя различія должны быть приняты въ соображеніе при разрѣшеніи этого вопроса, подобному тому, какъ они послу-

жили аргументомъ въ исторіи Балканскаго полуострова. Они даютъ богатый матеріалъ для интересныхъ открытій и, можетъ быть, натолкнутъ на какія-либо политическія соображенія. Турки, на самомъ дѣлѣ, являются полными господами всей передней Азіи и даже почти всего аравійскаго побережья. Они соединены съ большимъ числомъ своихъ подданныхъ общностью религіи. Но ихъ раса не занимаетъ всей страны и, кромѣ того, не пользуется любовью всѣхъ своихъ народовъ, не исключая даже мусульманъ. Большая часть населенія, напротивъ, смотритъ на турокъ, какъ на завоевателей и считаетъ ихъ варварами. Они внушали всегда своимъ подданнымъ болѣе страха, чѣмъ уваженія и любви.

Турки-Османы занимаютъ только плоскогорье Малой Азіи отъ Бруссы до подножія Армянскихъ горъ и отъ Чернаго моря до Средиземнаго. Они составляютъ здѣсь весьма сплоченный центръ почти безъ примѣси другихъ народностей. Число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается, благодаря тому, что они выселяются изъ Европы и Россіи. Они опять возвращаются такимъ образомъ на то же самое мѣсто, откуда нѣкогда вышли, такъ какъ Эрзерумъ былъ первой столицей ихъ перваго султана Османа, а Брусса сдѣлалась второй въ 1317 году въ то время, какъ онъ двигался по дорогѣ въ Константинополь *).

Они не занимаютъ возвышенность, лежащую на югѣ подъ Араратомъ. Она принадлежитъ расѣ индо-европейской и ее населяютъ курды, ставшіе мусульманами, подобно албанцамъ на Балканахъ, и армяне, оставшіеся христіанами. Эта возвышенность совершенно отдѣляетъ турокъ отъ ихъ сородичей въ Туркестанѣ. Они не имѣютъ, кромѣ того, въ своемъ распоряженіи всего побережья Чернаго моря, точно также какъ и Эгейскаго, которое принадлежитъ грекамъ. Даже Смирна, единственный наиболѣе живой городъ Малой Азіи, заключаетъ въ себѣ весьма небольшое число турокъ, да и то только чиновниковъ и нищихъ.

Со всѣхъ сторонъ турки окружены другими расами и, главнымъ образомъ, индо-европейскими, которыя почти всѣ исповѣдуютъ христіанскую религію и которыя, благодаря этому, являются вѣчными ихъ врагами. Это отчасти должно служить основной причиной ужасныхъ вспышекъ турецкаго фанатизма. Вся остальная часть Передней Азіи, Сирія и Месопотамія имѣютъ населеніе почти одинаковое съ населеніемъ Малой Азіи. Здѣсь живутъ племена семитическаго происхожденія: евреи, и въ особенности арабы, затѣмъ сирійцы, друзы, марониты и бедуины. Всѣ они гораздо менѣе турокъ угрожаютъ мирному культурному развитію христіанъ индо-европейской расы. Они не изолированы другъ отъ друга, а, наоборотъ, тѣсно связаны своимъ семитическимъ происхожденіемъ даже съ большей частью мусульманскихъ народовъ Сѣверной Африки. Арабы, нѣкогда побѣжденные турками, хорошо это помнятъ и далеко не являются друзьями этихъ послѣднихъ. Они уважаютъ, однако, султана, какъ высшаго представителя мусульманской религіи, но врядъ ли это уваженіе переживетъ паденіе престижа турецкаго султана въ Константинополѣ. Тѣмъ болѣе, что арабы и прежде уже проявляли сильное стремленіе къ сепа-

*) Османъ—по прозвищу Аль-Гази (т.-е. завоеватель) явился основателемъ турецкой имперіи и завоевалъ всю западную часть Малой Азіи.

Прим. переводчика.

*

ратизму. Такъ, напр., Маскатъ *) вдругъ отказался повиноваться оттоманскимъ султанамъ и его шейхи были долгое время господами всего восточнаго побережья Африки. Въ настоящее время здѣсь имѣютъ большое вліяніе англичане и, повидимому, этотъ городъ, въ концѣ концовъ, перейдетъ къ нимъ по наслѣдству, подобно Занзибару. Египетъ при Мехметѣ-Али открыто возсталъ противъ Константинополя, какъ будто желая возродить этимъ исламъ и влить въ него свѣжую струю изъ чистыхъ арабскихъ источниковъ. На самомъ же дѣлѣ, турецко-египетскія войны съ 1830 по 1840 годъ, на взглядъ многихъ, являются не болѣе, какъ войнами различныхъ расъ. Онѣ могутъ, конечно, снова возобновиться, такъ какъ существующія отношенія между арабами и турками Передней Азіи всегда могутъ вызвать какой-либо конфликтъ между ними, который повлечетъ за собой политическій разрывъ. Наиболѣе интереснымъ и наиболѣе жизнеспособнымъ оказался въ Аравіи расколъ, образованный сектой ваггабитовъ. Мохаммедъ-Ибнъ-Абдъ-Эль-Ваггаби, первый основатель этой секты, жилъ въ началѣ XVIII вѣка и былъ сначала чѣмъ-то вродѣ караваннаго торговца. Подобно Магомету въ юности, онъ также объѣхалъ всѣ аравійскіе оазисы, причемъ побывалъ даже въ сосѣднихъ странахъ. Будучи крайне благочестивымъ мусульманиномъ, онъ презиралъ турокъ за ихъ разслабленнность и за то, что они дали возможность побѣдить себя христіанамъ. По его мнѣнію, изъ нихъ, какъ иностранцевъ, забывшихъ притомъ Аллаха, никогда не могло бы выйти истинныхъ учениковъ Магомета и мужественныхъ защитниковъ Корана. Онъ страстно проповѣдывалъ возвращеніе къ правиламъ жизни, изложеннымъ въ этой книгѣ, къ заповѣдямъ пророка, къ героической простотѣ первыхъ вѣковъ ислама. Его не могли не услышать, и у него явилась масса учениковъ, покорныхъ его приказаніямъ, неукротимыхъ по отношенію къ его врагамъ, однимъ словомъ «пуританъ ислама». Онъ обратилъ, или вѣрнѣе, опять возвратилъ къ корану всѣ аравійскія племена, создалъ громадную армію и отказался повиноваться константинопольскому султану.

Аравія послѣ него осталась независимой. Могущество ваггабитовъ достигло своего апогея во времена Наполеона I. Они прошли черезъ всю Сирійскую пустыню и много разъ угрожали Биссорѣ и Багдаду. Они овладѣли священными городами — Меккой и Мединой и для султана явилась страшная опасность потерять свой титулъ наслѣдника пророка, который былъ для него символомъ духовной власти. Но въ то же время они не осмѣлились сдѣлать Мекку своей столицей, и ихъ шейхи водворились въ Дгерайѣ, а потомъ въ Ріадегѣ, чтобы отсюда охранять свои пески. Но эта арабская держава просуществовала очень недолго.

Мехеметъ-Али, чтобы сдѣлать удовольствіе султану и поднять престижъ своей собственной власти, а также и для того, чтобы уничтожить пропаганду ваггабитовъ въ Египтѣ, послалъ противъ нихъ своего сына Ибрагима. Египетское войско вступило въ Геджасъ и быстро овладѣло Меккой и Мединой. Затѣмъ, вскорѣ былъ взятъ и разрушенъ главный городъ ваггабитовъ Дгерайя. Но Ибрагимъ могъ укрѣпить власть султана только по берегамъ Краснаго моря. Въ пустынѣ ваггабиты остались независимыми и сохранили у себя въ чистомъ видѣ

*) Маскатъ—главный городъ султаната Оманъ на сѣв.-вост. берегу Аравіи. *Примѣч. переводчика.*

ученіе Корана. Такимъ образомъ, здѣсь поддерживается настоящій очагъ ислама.

Бабизмъ и попытки возрожденія современной Персіи имѣютъ нѣкоторыя общія черты съ этимъ религіозно-политическимъ движеніемъ, которое, быть можетъ, въ будущемъ явится однимъ изъ факторовъ для созданія новыхъ политическихъ отношеній. По крайней мѣрѣ, несмотря на побѣды Мехемета-Али, одержанныя имъ отъ имени султана, арабскій исламъ все болѣе и болѣе отдѣляется отъ Турціи. Мекка и Медина, хотя и управляются оттоманскими чиновниками, все-таки имѣютъ больше связи и въ религіозномъ и коммерческомъ отношеніяхъ съ Каиромъ, чѣмъ съ Константинополемъ. Каиръ является ученымъ центромъ ислама. Здѣсь находится высшее училище (Эль-Азаръ) для толкованія Корана, гдѣ и получаютъ образованіе улемы или ученые для всѣхъ странъ ислама.

Въ настоящее время, въ Африкѣ исламъ распространяется изъ Каира, Египта и Триполи. Успѣхъ, котораго онъ достигъ, и удивительная быстрота, съ какой онъ распространился вплоть до Нигера и Замбези, возвратили арабамъ ихъ великую вѣру въ свои историческія судьбы. Этотъ успѣхъ нанесъ также серьезный вредъ престижу турокъ, которые уже испортили политическое будущее ислама въ Азіи, допустивъ туда невѣрныхъ.

Но произойдетъ ли, на самомъ дѣлѣ, возрожденіе ислама? Окажется ли онъ въ состояніи воскресить блестящую эпоху первыхъ халифовъ? Мы думаемъ, что исторія къ этому не вернется. Время войнъ за вѣру уже прошло и полумѣсяцъ, точно также какъ крестъ, уже не соберетъ вокругъ себя громадныя арміи среднихъ вѣковъ.

Христіане, впрочемъ, и не претендуютъ разрушить ученіе Магомета, они, наоборотъ, относятся къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Они желаютъ только сдѣлать его безвреднымъ и подчинить его потребностямъ европейской цивилизаціи. А къ этому онъ безусловно способенъ. Поэтому, теперь является вопросъ уже не о способахъ взаимнаго истребленія, а о томъ, какимъ путемъ приступить къ совмѣстной выработкѣ наиболѣе совершенныхъ общественныхъ формъ.

Съ каждымъ днемъ, къ тому же, усиливается связь между расами арабской и индо-европейской, между христіанской религіей и мусульманской. На всемъ сѣверѣ Африки это сліяніе почти полное. Озлобленіе утихло и, можетъ быть, совершенно разсѣется. Въ передней Азіи великія европейскія державы берутъ подъ свою защиту христіанскія общества, разбросанныя въ серединѣ мусульманской массы и эта защита, дѣлается все болѣе и болѣе сильнымъ орудіемъ европейской политики.

Христіане и великія державы.

Христіане довольно многочисленны въ этихъ странахъ Леванта. Они повсюду перемѣшаны съ мусульманскимъ населеніемъ и иной разъ жестоко страдаютъ отъ этого сосѣдства. Въ Дамаскѣ, напримѣръ, на ряду съ 75.000 мусульманъ, живетъ около 15.000 христіанъ. Въ Арменіи христіанскія деревни окружены деревнями мусульманъ—курдовъ,

*) Баби или Бабиды—религіозная секта въ Персіи, основанная Хаджи-Али-Моххамедомъ изъ Шираза, который былъ потомъ казненъ въ Тавризѣ въ 1849 г.
Прим. переводчика.

которые выжидаютъ только удобнаго случая начать рѣзню. Іерусалимъ сталъ почти совсѣмъ христіанскимъ и въ тоже время мечеть Омара находится недалеко отъ Гроба Господня. Здѣсь есть христіане принадлежащіе ко всѣмъ церквамъ, и они оспариваютъ другъ у друга наиболѣе почитаемыя святыни и дѣлаютъ это съ такой рѣзкостью, въ которой нѣтъ ничего евангельскаго. Подобные раздоры являются какъ бы символомъ политическаго соперничества, которое часто скрывается позади мелкихъ интригъ духовенства. Въ частности католики и греки много разъ устраивали здѣсь настоящія побоища за обладаніе гробомъ Господня, который былъ страшно изуродованъ. Необходимо было установить рамки и отвести свое опредѣленное мѣсто каждой церкви. «Существуютъ особые протоколы, которыми установлено, что францисканцы будутъ выметать помѣщеніе святыни съ такого-то дня по такой-то, а греки съ такого-то по такой-то; при этомъ они могутъ выливать воду изъ ведеръ только отъ одного, строго опредѣленнаго мѣста до другого и могутъ пользоваться такими-то привилегіями и въ такіе-то часы и пр. Извѣстныя права, кромѣ того, страннымъ образомъ ограничены. Такъ грекамъ принадлежитъ право открытія двери, служащей входомъ во дворъ церкви, но имъ не позволено эту дверь чинить. Это можетъ дѣлать только одно турецкое правительство и если оно этого бы не сдѣлало, то тѣмъ хуже для грековъ, дверь принадлежитъ имъ и ихъ прерогативы распались бы такимъ образомъ въ дребезги» *).

Греческая церковь, раздѣленная на три фракціи — православную, евтихейскую или монофизитскую **) и несторіанскую,—имѣетъ четыре патріархата въ Константинополѣ, Александріи, Антіохіи и Іерусалимѣ. Она естественно ищетъ себѣ опоры въ Россіи. Въ Іерусалимѣ она имѣетъ большое число монастырей и организуетъ каждый годъ паломничества, причемъ число паломниковъ все болѣе и болѣе увеличивается, такъ что Россія была принуждена основать для нихъ громадныя учрежденія, которыя, конечно, могутъ имѣть важное политическое значеніе.

Армянская или грегоріанская церковь не признаетъ власти папы. Она имѣетъ своего патріарха въ Эчміадзинѣ, который находится въ русской Арменіи. Въ Іерусалимѣ у ней также есть монастыри и церкви. Деревни съ армянскимъ населеніемъ, главнымъ образомъ, сосредоточены на сѣверѣ и югѣ озера Ванъ, въ Сассунѣ, т.-е. между Тигромъ и верхнимъ теченіемъ Ефрата, вокругъ городовъ Эрзерума, Битлиса и Діарбекира и, наконецъ, они занимаютъ еще одинъ пунктъ около Зейтуна по направленію залива Александретта.

Къ церкви католической или римской, кромѣ чистыхъ католиковъ, принадлежатъ еще греки-уніаты, сирійцы-уніаты, марониты и армяне-уніаты, однимъ словомъ всѣ тѣ, которые признаютъ верховную власть папы, и католическая церковь всегда поэтому пользуется большей силой и болѣе многочисленна. Она имѣетъ наиболѣе богатые монастыри и наиболѣе посѣщаемыя школы. Она очень часто возбуждаетъ гнѣвъ и жалобы своихъ сосѣдей, такъ какъ пользуется особыми привилегіями.

Протестанты появились на востокѣ только почти во вторую половину XIX вѣка. Первые протестанскіе миссіонеры явились здѣсь

*) Gabriel Charmes. «Voyage en Palestine», in—18. Paris, 1884.
**) Монофизиты признаютъ въ Христѣ только одно естество.
Прим. переводчика.

по иниціативѣ Англіи, которая пожелала оспаривать у Франціи и Россіи выгоды, которыми тѣ пользовались, благодаря своему протекториту въ религіозномъ отношеніи. Foreign Office въ 1840 году обратилось къ Портѣ съ просьбой разрѣшить ему построить въ Іерусалимѣ церковь. Но Порта не дала сразу своего согласія и только въ 1842 году, въ Іерусалимѣ появилась первая протестантская капелла. Американскіе священники соединились съ англійскими и нѣмецкими миссіонерами, и новая религіозная лига не замедлила вступить въ борбу съ другими. Она добилась даже значительнаго успѣха среди мусульманъ. Подобныя евангелическія корпораціи особенно развиты въ малой Азіи и Сиріи, гдѣ насчитываютъ отъ 20 до 25 тысячъ присоединенныхъ. Это, конечно, не много для того, чтобы успѣшно бороться противъ католическаго вліянія на Востокѣ, но вполнѣ достаточно, чтобы дать необходимый предлогъ для вмѣшательства тѣмъ государствамъ, представителями которыхъ эти корпораціи являются. Въ Палестинѣ и Сиріи много также евреевъ, число которыхъ, напримѣръ, только въ одномъ Дамаскѣ достигаетъ 5 000 чел. Ихъ населеніе замѣтно увеличилось за послѣдніе годы, благодаря антисемитизму, который въ Западной Европѣ и Алжирѣ отзывается на нихъ крайне тяжело. Кромѣ того, на это увеличеніе повліяло и сіонистское движеніе, которое привлекло къ этой идеѣ массу приверженцевъ, и въ Палестинѣ уже устроено въ настоящее время нѣсколько еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.

Къ слову сказать, еще до сихъ поръ не видно, чтобы сіонизмъ оказался способнымъ создать всеобщій «исходъ» евреевъ въ Іерусалимъ.

Всѣ эти религіозные культы пользуются, въ силу особыхъ договоровъ, абсолютной свободой и представители ихъ ревниво охраняютъ свои взаимные въ то же время интересы, не упуская изъ виду возможности создать какой либо конфликтъ, могущій повести за собой дипломатическое вмѣшательство. Громадная важность, съ географической точки зрѣнія, этихъ странъ придаетъ особую цѣнность подобнымъ конфликтамъ.

Франція имѣетъ здѣсь издавна весьма большіе выгоды и, въ силу этого, преобладающее значеніе. Подъ ея протекторатомъ находятся всѣ мѣстные католики. Она обязана своимъ значеніемъ той роли, какую играли французскіе рыцари во время крестовыхъ походовъ, которые и положили начало большей части существующихъ нынѣ религіозныхъ корпорацій въ Палестинѣ и Сиріи.

Кромѣ того, Франція была первой союзницей оттоманскихъ турокъ во времена Франциска и Сулеймана Великолѣпнаго. Сначала этотъ союзъ вызвалъ большіе толки въ христіанскомъ мірѣ, но понемногу къ нему привыкли. Франція, благодаря этой новой политикѣ, получила важныя торговыя привилегіи, согласно договорамъ 1535 года, подтвержденнымъ затѣмъ еще въ 1740 году. Она пользовалась въ тѣ времена громаднымъ вліяніемъ на Левантѣ, и ея купцы вели обширную торговлю въ приморскихъ городахъ Востока.

Ни одна изъ христіанскихъ націй не могла въ теченіе долгаго времени, оспаривать здѣсь ея преобладающаго значенія въ религіозномъ и коммерческомъ, отношеніяхъ. Этимъ самымъ Франція удерживала за собой на востокѣ и политическое главенство. Но послѣ войнъ въ эпоху революціи и имперіи французское правительство не позаботилось возобновить свои привилегіи, и греческіе священники поспѣшили воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Въ это время, какъ разъ, случайно была сломана серебряная звѣзда, которая нахо-

дилась на Виѳлеемской церкви. Греки сдѣлали новую, помѣстили на мѣсто старой и потребовали за это отдать имъ всю церковь въ ихъ полное владѣніе. Они захватили, затѣмъ, и другія святыни, которыя до сихъ поръ были въ рукахъ католическихъ монаховъ. Президентъ французской республики, Людовикъ-Наполеонъ-Бонапартъ, возстановилъ въ 1850 году вѣковыя права Франціи и потребовалъ отъ султана точнаго исполненія договора 1740 года, т.-е. новаго признанія особыхъ привилегій за католиками. Тогда Россія выступила на защиту православныхъ монаховъ, но ничего не добилась. Фирманъ 9-го февраля 1852 г. возвратилъ Франціи всѣ ея преимущества и это рѣшеніе уже перешло границы «церковнаго спора», какъ называли этотъ вопросъ въ Лондонѣ. Отнынѣ этотъ споръ уже превратился не только въ борьбу двухъ религій, но также и въ борьбу двухъ расъ, создавъ, такимъ образомъ, какъ бы поворотъ къ ожесточенному антагонизму грековъ и латинянъ временъ Крестового похода; даже болѣе того, этотъ споръ оказался проявленіемъ противорѣчивыхъ интересовъ Франціи и Россіи. Россія постоянно спускается на югъ къ Босфору и Арарату. Ея безпрерывныя успѣхи въ Малой Азіи и Сиріи угрожаютъ здѣсь интересамъ Франціи, хотя эта послѣдняя и является союзницей Россіи. Это соперничество уже вызвало въ свое время крымскую войну и правительствамъ обоихъ государствъ нужно соблюдать крайнюю осторожность, чтобы избѣжать всякаго рода недоразумѣній и конфликтовъ. Это единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ франко-русскій союзъ подвергается риску.

Оставшись побѣдительницей въ Крыму, Франція стала добиваться расширенія своихъ интересовъ въ Сиріи. Поводомъ къ этому послужило массовое избіеніе мусульманами ливанскихъ маронитовъ. Франція послала сюда войска подъ начальствомъ генерала де-Бофорта, но порядокъ былъ возстановленъ еще до ихъ прибытія. Тѣмъ не менѣе, войска были оставлены здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ и укрѣпили протекторатъ Франціи въ области религіозныхъ отношеній, даже въ глазахъ великихъ европейскихъ державъ.

Такое положеніе вещей, быть можетъ, дало бы Франціи случай удержать за собой Сирію и оставить въ ней войска. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступила Англія въ 1882 году въ Египтѣ. Въ 1860 г. Англія потребовала удаленія съ Ливанта французской арміи. Наполеонъ III уступилъ, скорѣе, впрочемъ, изъ-за часто политическихъ соображеній даннаго момента, чѣмъ по требованію англичанъ. Онъ дорожилъ союзомъ съ Англіей, такъ какъ предполагалъ объявить войну Россіи, чтобы гарантировать недѣлимость оттоманской имперіи. Онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Константинополѣ и предпринялъ здѣсь рядъ замѣчательныхъ попытокъ къ реформѣ. Онъ предпочиталъ такое общее воздѣйствіе дѣйствительному занятію какого-либо пункта турецкой имперіи. Впрочемъ, Франція никогда не соглашалась на расчлененіе этой имперіи для своей выгоды. Ея великодушіе въ этомъ отношеніи является какъ бы воспоминаніемъ трехъ-вѣкового союза съ Турціей.

Однако, генералъ де-Бофортъ до тѣхъ поръ не ушелъ отсюда, пока не былъ здѣсь окончательно упроченъ миръ. Постановленіемъ отъ 9-го іюня 1861 года должность ливанскаго губернатора должна отнынѣ замѣщаться христіаниномъ. Затѣмъ, были установлены смѣшанные суды и мѣстные совѣты, куда члены назначаются по выбору различныхъ общинъ. Эти вольности на самомъ дѣлѣ обезпечили миръ на Ливанѣ, населеніе котораго съ этихъ поръ достигло значительнаго благосостоя-

нія. Оно очень довольно опекой Франціи и продолжаетъ до сихъ поръ чувствовать къ ней большія симпатіи. Да и сама Европа признала, наконецъ, пользу вышеуказанныхъ мѣропріятій Франціи: берлинскій трактатъ торжественно подтвердилъ отъ имени всѣхъ подписавшихся державъ ея религіозны привилегіи въ Сиріи и Палестинѣ. Несмотря на то, что Франція встрѣчаетъ здѣсь, на каждомъ шагу, сильныхъ соперниковъ, она не отступаетъ и продолжаетъ свое дѣло. Ея инженеры углубили и благоустроили прекрасный портъ у Бейрута, проложили, затѣмъ, дорогу изъ Бейрута въ Дамаскъ и, наконецъ, провели желѣзную дорогу изъ Яффы въ Іерусалимъ. Французскія школы здѣсь наиболѣе многочисленныя и французскій языкъ самый распространенный. «Французскій союзъ» (L'Alliance Française) поддерживаетъ здѣсь французское образованіе противъ ужасной конкуренціи, субсидируя почти всѣ существующія французскія школы. Благодаря этимъ постояннымъ усиліямъ, а главнымъ образомъ благодаря старому престижу, который окружаетъ на Востокѣ имя Франціи особымъ ореоламъ христіанской державы и просвѣтительницы, ей не страшны какія бы то ни было попытки уничтожить ея преобладающее значеніе.

Итальянцы являются соперниками Франціи и субсидируютъ также громадное число школъ. Это они дѣлаютъ изъ самолюбія, такъ какъ иначе даже католики-итальянцы должны были бы находиться подъ протекторатомъ Франціи. Но до сихъ поръ папа не высказываетъ особаго желанія помочь итальянскому правительству и придерживается въ этомъ отношеніи традицій. Если бы состоялось примиреніе между Квириналомъ и Ватиканомъ, или если бы Италія получила новую политическую форму, въ которой папа занялъ бы доминирующее положеніе (отъ чего онъ, конечно, не отказался бы), то условія протектората Франціи на Левантѣ могли бы быть измѣнены, такъ какъ, несомнѣнно, они зависятъ отчасти отъ папы. Т.-е., другими словами, я думаю, что французское правительство могло бы тогда сохранить свое положеніе на Левантѣ только при томъ условіи, если его политика не противорѣчила бы желаніямъ папы. Императоръ германскій, хотя самъ и протестантъ, тѣмъ не менѣе также претендуетъ взять подъ свой протекторатъ всѣхъ нѣмцевъ-католиковъ, живущихъ въ Палестинѣ. Онъ совершилъ въ октябрѣ 1898 года путешествіе изъ Константинополя въ Іерусалимъ и Дамаскъ и торжественно открылъ на нѣмецкой территоріи въ святомъ городѣ церковь во имя Спасителя. Онъ задался цѣлью подорвать моральную силу Франціи на Левантѣ. Онъ стремится создать изъ своей имперіи великую морскую державу и, поэтому, старается отвлечь ее отъ той чисто-континентальной политики, которой она придерживалась въ предшествовавшія ему царствованія. Онъ придерживается, такъ сказать, «міровой» политики (Weltpolitik) и ему нравится служить идеѣ поднятія всемірнаго престижа христіанства, не обращая совершенно вниманія на то, въ какую форму, католическую или протестантскую, будетъ облечена эта идея. Подъ предлогомъ охраны нѣмцевъ-котоликовъ въ Китаѣ онъ въ 1898 году занялъ Кіао-Шау. Той же политикой объясняется, несомнѣнно, также и его идея путешествія въ Палестину. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этой поѣздки, онъ старался добиться назначенія оттоманскаго посла при папскомъ престолѣ, чтобы, такимъ образомъ, уничтожить посредничество Франціи въ сношеніяхъ папы съ Портою. Но это ему не удалось. Папа, наоборотъ, даже воспользовался его путешествіемъ въ Іерусалимъ, чтобы торжественно подтвердить права Франціи въ Палестинѣ и Сиріи.

Вообще, повидимому, Вильгельмъ II не получилъ отъ этого путешествія всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя разсчитывалъ, и онъ даже не увѣренъ теперь въ томъ, что его престижъ здѣсь не поколебленъ. 14-го октября, въ тотъ самый моментъ, когда Вильгельмъ II прибылъ въ Венецію, чтобы отсюда прослѣдовать въ Константинополь, посланники Франціи, Россіи, Англіи и Италіи потребовали отъ султана удаленія его войскъ съ Крита. Срокъ ультиматума истекъ какъ разъ наканунѣ его прибытія въ Константинополь. Ничего не было сдѣлано, чтобы остановить приведеніе въ исполненіе этого ультиматума, и пріемъ Абдулъ-Гамидомъ II германскаго императора совпалъ съ однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ униженій Порты, какія только она пережила въ этомъ вѣкѣ. Принятый достаточно холодно въ Палестинѣ, императоръ ограничилъ свое путешествіе Дамаскомъ, гдѣ возложилъ вѣнокъ на могилу Саладина, и оттуда обратился съ привѣтствіемъ ко всѣмъ 300 милліонамъ мусульманъ, населяющихъ земной шаръ.

Онъ почувствовалъ себя гораздо лучше въ этой роли, да и на самомъ дѣлѣ онъ является наиболѣе вѣрнымъ союзникомъ Турціи. Онъ поддерживалъ ее противъ Греціи и отказался содѣйствовать окончательному урегулированію греческаго вопроса. Какимъ же образомъ можетъ онъ быть при такихъ условіяхъ защитникомъ христіанъ на востокѣ? Впрочемъ, перемѣна ролей, точно также какъ и костюмовъ, является его отличительной чертой.

До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, нѣмецкое вліяніе въ странахъ Леванта обязано своими выгодами исключительно дружбѣ съ мусульманами. За послѣднія двадцать лѣтъ нѣмецкая торговля въ Турціи получила значительное развитіе. Въ портовыхъ городахъ Малой Азіи и по берегу Эгейскаго моря, да, наконецъ, и въ самомъ Константинополѣ существуютъ много уже торговыхъ нѣмецкихъ домовъ. Нѣмецкіе инженеры, сильно поддерживаемые правительствомъ, стараются захватить въ свои руки постройку желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи и превратить такимъ образомъ эту страну въ арену промышленной дѣятельности Германіи. Въ самое послѣднее время возникъ вопросъ по поводу намѣренія нѣмцевъ въ ближайшемъ будущемъ построить громадный желѣзнодорожный путь отъ Смирны или Бруссы въ Діарбекиръ и Багдадъ, съ вѣтвями на Бассору или Ковейтъ. Русское правительство не нашло возможнымъ допустить этой постройки и выразило оффиціальный протестъ. Этотъ шагъ съ его стороны явился только естественнымъ продолженіемъ возникшихъ уже ранѣе между Россіей и Германіей отношеній на почвѣ восточнаго вопроса. Въ свое время на Балканахъ австро-нѣмецкая политика, поддерживаемая Англіей, удержала Россію отъ дальнѣйшаго движенія къ югу. Въ настоящее время и по сю сторону Босфора нѣмцы преслѣдуютъ ту же политику. Всѣ державы германской расы, кажется, съ яростью готовы были бы отбросить Россію какъ можно далѣе на востокъ, къ Азіи. Поэтому, политика Россіи поневолѣ дѣлается все болѣе и болѣе анти-германской. Но, на самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы Россія могла быть удержана въ ея стремленіи къ югу, такъ какъ теперь она уже хорошо знаетъ, кто является ея настоящими врагами. Кромѣ того, она и не пожелаетъ отказаться въ чью бы то ни было пользу отъ тѣхъ выгодъ, которыя она можетъ здѣсь получить. Послѣ своихъ неудачъ въ Палестинѣ въ 1852—1853 гг., она достигла здѣсь значительныхъ успѣховъ. Принужденная отказаться на берлинскомъ конгрессѣ отъ протектората надъ Балканами, она сохранила, вмѣстѣ съ тѣмъ, блестящую

позицію въ Закавказьѣ, такъ какъ не могли найти приличнаго повода, чтобы лишить ее рѣшительно всѣхъ плодовъ ея побѣды. Кромѣ того, чтобы удержать ее на западѣ, необходимо было сдѣлать ей уступки на востокѣ. Другими словами, необходимо было допустить ее продолжать свое движеніе къ Арарату.

Впрочемъ, враги ея постарались уступить ей какъ можно меньше. По Санъ-Стефанскому договору ея граница на Кавказѣ была продолжена немного далѣе къ югу присоединеніемъ Баязета, который господствуетъ съ горы надъ дорогой изъ Эрзерума въ Тавризъ и Тегеранъ. Но уже Берлинскій трактатъ принудилъ ее отказаться отъ этой позиціи и удовольствоваться Батумомъ и Карсомъ. Кромѣ того, въ видахъ компенсаціи, дабы обезпечить равновѣсіе силъ въ этихъ странахъ, Англія заняла островъ Кипръ и по спеціальному соглашенію съ Портою гарантировала ей неприкосновенность ея провинцій въ Малой Азіи. Англія, такимъ образомъ, является какъ бы жандармомъ, который не опускаетъ глазъ съ турецко-русской границы въ Азіи. Но тѣмъ не менѣе успѣхи Россіи здѣсь несомнѣнны. Императоръ Александръ III пожелалъ распространить политическое и религіозное вліяніе Россіи по всѣмъ склонамъ Арарата вплоть до залива Александретты. Для этого онъ находилъ нужнымъ присоединить армянскую церковь къ православной, причемъ онъ думалъ даже перемѣстить армянскаго патріарха изъ его резиденціи въ Эчміадзинѣ въ С.-Петербургѣ. Но онъ встрѣтилъ упорную оппозицію и не могъ, поэтому, закончить это объединеніе. Но послѣ того, какъ 150.000 армянъ погибли въ рѣзнѣ, устроенной по приказанію султана,—оставшіеся въ живыхъ поняли, что лучше быть поглощенными Россіей, чѣмъ быть окончательно задавленными Турціей. Избіеніе армянъ оказало такимъ образомъ большую услугу русскому вліянію.

Въ настоящее время Россія пользуется весьма большимъ вліяніемъ на Араратѣ, этомъ историческомъ пунктѣ древняго міра. Съ высотъ Карскаго плато, главнымъ образомъ изъ крѣпости Карса *), которая представляетъ изъ себя какъ бы гнѣздо русскаго орла, стерегущаго свою добычу,—Россія ведетъ дѣятельную пропаганду по всей Малой Азіи. Она устроила здѣсь школы и монастыри, съ большимъ искусствомъ пользуется инертнымъ фатализмомъ турокъ для своихъ выгодъ и, кажется, уже смотритъ, какъ на свою собственность, на весь сѣверъ Малой Азіи и южное побережье Чернаго моря. Митридатъ, царь понтійскій, господинъ Херсонеса Таврическаго и всего побережья Понта Эвксинскаго, а также приморскихъ областей на Кавказѣ,—оказался какъ бы предшественникомъ Россіи, которая можетъ воспользоваться теперь его примѣромъ. Отсюда, съ Арарата она можетъ повернуть къ Константинополю и подвигаться къ нему теперь съ востока, такъ какъ съ запада она потерпѣла уже неудачу.

Съ Арарата она можетъ спуститься въ долину Ефрата и, затѣмъ, въ заливъ Александретты.

Одинъ изъ наиболѣе проницательныхъ публицистовъ Англіи, Чарльзъ Дилькъ написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ любопытную статью, представляющую собою какъ бы историческое пророчество. Статья эта, озаглавленная «Сраженіе при Пелусіи» и появившаяся на другой день послѣ взятія Египта англичанами, рисуетъ слѣдующую фантастиче-

*) Крѣпость Карсъ находится на высотѣ около 6.000 ф. надъ ур. моря.
Прим. переводчика.

скую картину. Русская армія въ 100.000 человѣкъ, подобная древнимъ ассирійскимъ или персидскимъ полчищамъ, спускается по Ефрату черезъ Дамаскъ и Журданъ къ Суэзскому перешейку и сталкивается при Пелусіи съ небольшой англійской арміей. Нѣкогда египтяне, аттакованные ниневійскимъ царемъ Сеннахерибомъ, были спасены только потому, что богъ Фта послалъ множество крысъ, которыя съѣли тетивы у луковъ и ремни у щитовъ ассирійскихъ воиновъ. Но въ настоящее время, когда даже крысы не могли бы ничего сдѣлать современному оружію, подобное нашествіе сѣверныхъ завоевателей оказывается гибельнымъ для англичанъ, они терпятъ жестокое пораженіе, и политическая карта Европы совершенно измѣняется.

Но вернемся къ Арарату. Отсюда Россія можетъ понемногу спускаться также и на юго-востокъ, въ Персію, къ Тегерану, Испагани и въ Персидскій заливъ. Впрочемъ, въ Персіи она и теперь уже пользуется преобладающимъ вліяніемъ и даже имѣетъ нѣчто вродѣ протектората надъ правительствомъ Тегерана. Въ послѣднее время былъ поднятъ вопросъ объ уступкѣ Россіи Бендеръ-Аббаса, этого лучшаго порта Персіи, который господствуетъ надъ проходомъ изъ персидскаго залива въ заливъ Оманскій. Россія пользуется монополіей сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Персіи, которая ей обезпечена до 1911 года. Изъ всего вышесказаннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что Россія представляетъ здѣсь серьезную опасность для англійскихъ интересовъ, такъ какъ можетъ отрѣзать всѣ пути, идущіе изъ Средиземнаго моря въ Индію черезъ переднюю Азію.

До настоящаго времени алчное вождѣленіе европейскихъ державъ не коснулось ощутительнымъ образомъ Месопотаміи, которая имѣетъ такія прекрасныя воспоминанія, начиная съ висячихъ садовъ Вавилона и кончая золоченными дворцами Багдада. Ея прошлое величіе еще можетъ возродиться. Она имѣетъ особую важность, такъ какъ въ ней находится узелъ всѣхъ дорогъ передней Азіи и въ этомъ отношеніи она служила уже для почтовыхъ сношеній.

Такъ въ началѣ XIX вѣка индійскій губернаторъ Рихардъ Веллеслей организовалъ регулярное сообщеніе моремъ изъ Бомбея въ Бассору. Отсюда арабы на верблюдахъ доставляли почту до Алеппо и Александретты или въ Константинополь. Въ 1834 году англійскій полковникъ Хесней переправилъ отъ Оронта къ Ефрату два парохода—«Тигръ» и «Ефратъ» и спустился съ ними до Бассоры. Эта попытка, можетъ быть, послужитъ толчкомъ къ проведенію канала изъ Антіохіи на Оронтѣ въ Биреджикъ на Ефратѣ. Разстояніе не больше, чѣмъ между Суэцомъ и Портъ Саидомъ. Рельефъ этой мѣстности не особенно возвышенный и, кромѣ того, имѣются рѣки. Но слишкомъ еще рано останавливаться на этомъ предпріятіи. Пока поднятъ вопросъ только о желѣзнодорожныхъ линіяхъ, которыя соединили бы Сирійское побережье съ городами на Ефратѣ и достигли бы на югѣ Персидскаго залива, или на востокѣ Персіи и Афганистана. Эти линіи прорѣзали бы Сирійскій перешеекъ и дали бы, такимъ образомъ, возможность избѣжать индо-европейской торговлѣ кругового путешествія вокругъ Аравіи. Они, несомнѣнно, выдвинутъ переднюю Азію на политическую арену и привлекутъ къ ней вниманіе европейскихъ державъ. Франція не имѣетъ здѣсь прямого интереса, такъ какъ у ней нѣтъ азіатскихъ владѣній позади Сиріи и поэтому она не заняла мѣста среди враговъ Россіи. Даже, напротивъ того, она скорѣе можетъ оказать услугу этой послѣдней съ той позиціи, какую она заняла въ Сиріи. Другое дѣло—

Германія и Англія. Первая изъ нихъ пробирается сюда черезъ Константинополь, а вторая черезъ Персидскій заливъ, и обѣ стремятся остановить движеніе русскихъ и перебросить изъ Европы въ Индію великій германскій путь. Для будущей борьбы уже взяты позиціи: Франціей—на Ливанѣ, Россіей на Араратѣ, Германіей на Балканахъ и Англіей при устьѣ Тигра и Ефрата.

Глава IX.

Проблема Центральной Азіи.

Иранское плоскогоріе.

Иранъ представляетъ собою возвышенное плоскогорье, расположенное на горахъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ являются наиболѣе высокими горами земного шара. Опираясь, съ одной стороны, на Араратъ и съ другой на Помиръ, это плоскогорье кажется еще выше благодаря глубокимъ низменностямъ, окружающимъ его почти со всѣхъ сторонъ. Пустынное въ своемъ центрѣ, оно имѣетъ два склона, по которымъ слѣдуетъ и направленіе водъ.

Западная часть его—Персія. Ея воды, также какъ и ея интересы, идутъ въ направленіи къ Каспійскому морю или къ Мессопотаміи и Персидскому заливу. Но движеніе Персіи къ Каспійскому морю встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны Россіи, которая, скользя вдоль восточнаго и западнаго береговъ Каспійскаго моря, понемногу захватываетъ и всѣ прилегающія области въ сферу своего вліянія. Еще болѣе естественно влеченіе Персіи къ Месопотаміи. Ея суровые горцы во всѣ времена завидовали плодороднымъ равнинамъ Тигра и Ефрата. Киръ даже взялъ Вавилонъ, а современные персы долго оспаривали Багдадъ у константинопольскаго султана и вели изъ-за него жестокую борьбу, отъ которой Западная Европа была отвлечена болѣе близкой войной за испанское наслѣдство и спорами Франціи съ Австрійскимъ домомъ.

Между персами и турками издавна существовала ненависть, которая и въ настоящее время еще не вполнѣ исчезла. Объясняется это отчасти борьбою расъ, а, главнымъ образомъ, религіозными распрями, хотя и тѣ, и другіе, собственно говоря, мусульмане: персы были обращены въ исламъ завоеваніемъ первыхъ арабскихъ халифовъ, т.-е. ранѣе принятія законовъ Корана оттоманскими турками. Подобно тому, какъ въ XVI вѣкѣ единство христіанской церкви было разрушено протестантскимъ расколомъ, исламъ со времени своего зарожденія также распался на двѣ секты. Одна изъ нихъ, наиболѣе многочисленная, признаетъ законными трехъ первыхъ халифовъ, Абу-Бекра, Омара и Отмана, какъ непосредственныхъ наслѣдниковъ Магомета, и сохраняетъ, наравнѣ съ Кораномъ, заповѣди *Сунны* или комментаріи, которыя эти три халифа присоединили къ ученію пророка. Другая секта, которую составляютъ только персы, считаетъ этихъ халифовъ узурпаторами и признаетъ законнымъ только четвертаго халифа—Али, двоюроднаго брата Магомета и мужа его любимой дочери Фатимы. Она отрицаетъ религіозное значеніе книгъ Сунны и придерживается только Корана въ его первоначальномъ видѣ. Приверженцевъ этой религіозной формы ислама называютъ *шіитами*, въ противоположность по-

слѣдователямъ другой формы—*суннитамъ*. Сунниты и шіиты считаютъ другъ друга еретиками и ненависть между этими двумя сектами одной и той же религіи часто бываетъ гораздо болѣе яростной, чѣмъ даже между приверженцами различныхъ религій.

Еще въ началѣ XIX вѣка цари Тегерана надѣялись, что ихъ союзъ съ Наполеономъ дастъ имъ возможность обратно завоевать у турокъ Месопотамію и Кавказъ у русскихъ и вернуть такимъ образомъ свое прежнее величіе. Но, затѣмъ, ихъ озлобленіе остыло и полный застой сковалъ эту страну, которая имѣетъ такое блестящее прошлое. И только теперь можно замѣтить здѣсь глухую и медленную работу европейскаго вліянія, которое понемногу пробиваетъ себѣ дорогу.

Восточная часть Иранскаго плоскогорія занята, главнымъ образомъ. Афганистаномъ. Онъ занимаетъ на сѣверѣ плоскую страну Туранъ или Туркестанъ, на югѣ бассейнъ Инда, представляющій собою какъ бы ворота къ сокровищамъ Индіи, черезъ которые не разъ проходили жадные завоеватели древнихъ и среднихъ вѣковъ и которые и теперь являются цѣлью для не менѣе жадныхъ завоевателей новѣйшихъ временъ.

Нѣкогда на этихъ возвышенностяхъ происходили жестокія войны и не менѣе ужасныя предстоятъ еще въ будущихъ. Здѣсь возникали великія и грозныя имперіи и, несомнѣнно, будутъ еще возникать и впослѣдствіи. Эта часть Ирана пережила, особенно въ періоды между X и XV вѣками, цѣлый рядъ потрясеній, на которыя Европа не обратила вниманія, но которыя, тѣмъ не менѣе, съ достоточной ясностью выясняютъ современное положеніе этой страны. Вообще, для разрѣшенія многихъ современныхъ проблемъ, приходится очень часто обращаться къ прошлому. Вотъ почему я позволю себѣ начать такъ издалека, не претендуя, тѣмъ не менѣе, на то, что исторія прошлаго непремѣнно должна точно повториться. Какъ на характерный примѣръ, гдѣ можно съ успѣхомъ примѣнить подобное разрѣшеніе вопроса, я могу указать на Балканскій полуостровъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, XIX вѣкъ воспроизвелъ снова многія политическія черты среднихъ вѣковъ.

Сассаниды X вѣка, по происхожденію иранцы, царствовали одновременно надъ областями Аму и Сыръ Дарьи и въ Афганистанѣ отъ Аральскаго моря до Инда. Они, были, впрочемъ вскорѣ покорены турецкими и монгольскими завоевателями, наслѣдниками которыхъ во многихъ отношеніяхъ являются русскіе.

Въ XI вѣкѣ хазневиды имѣли своей столицей Хазну около Кабула. Власть ихъ распространялась на Туркестанъ, Сѣверную Персію Афганистанъ, бассейнъ Инда и о отчасти на бассейнъ Ганга.

Турки-сельджуки господствовали на всемъ протяженіи отъ Аму-Дарьи до Константинополя, охвативъ какъ бы кольцомъ весь югъ Каспійскаго моря.

Затѣмъ, Чингисъ-ханъ, великій монгольскій завоеватель XIII вѣка и его первые преемники, были полными господами почти всей страны, которая въ настоящее время составляетъ русскую имперію, не исключая Москвы, отъ Кореи до Карпатскихъ горъ. Кромѣ того, они завладѣли всѣмъ Иранскимъ плоскогоріемъ до Инда на востокѣ и Персидскаго залива на юго-западѣ, а также и большей частью Малой Азіи вокругъ Арарата и, наконецъ, всей китайской имперіей. Эта монгольская имперія, наиболѣе обширная изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ, была какъ бы первымъ опытомъ русской имперіи, указавъ ей столь необходимые для нея выходы къ открытымъ морямъ.

Наконецъ, знаменитый Тимуръ-Ленкъ или Тамерланъ возстановилъ изъ обломковъ монгольской имперіи древнее господство хазневидовъ въ Иранѣ, Туркестанѣ и бассейнѣ Инда. Почти всѣ эти завоеватели, пришедшіе съ сѣвера или спустившіеся прямо съ горъ, достигали Оманскаго залива и Инда.

Дальше они не шли, находя здѣсь какъ бы фатальный предѣлъ своимъ завоеваніямъ и, конечно, не имѣли здѣсь тѣхъ серьезныхъ экономическихъ интересовъ, какіе имѣетъ въ этихъ странахъ современная Россія. Благодаря этимъ же завоеваніямъ, произошло мусульманское объединеніе центральной Азіи. Исламъ и отдѣльныя секты его распространились по всему Ирану, затѣмъ охватили русскій Туркестанъ и всю область, лежащую по ту сторону Туркестана китайскаго, долину Тарима, съ одной стороны весь бассейнъ Ганга и часть бассейна Ганга съ другой стороны. Это единство въ религіозномъ отношеніи можетъ быть также орудіемъ и политическаго объединенія и Россія, благодаря Туркестану, точно также какъ Франція Алжиру, дѣлается мало-по-малу мусульманской державой въ Азіи.

Расовые вопросы въ XIX вѣкѣ получили особую важность и не разъ видоизмѣняли общій ходъ исторіи.

Индо-европейская раса, которая нѣкогда господствовала на Иранѣ и Малой Азіи, за послѣдніе вѣка была нѣсколько оттѣснена татарскими массами, пришедшими съ сѣвера. Турки все время являются господствующей расой въ русскомъ и китайскомъ Туркестанѣ, а также въ центральной части Персіи, къ югу отъ Іезда, въ окрестностяхъ Тегерана и во всемъ Хиланѣ. Они занимаютъ восточный Кавказъ, почти весь бассейнъ Куры, распространяясь по нему къ западу, какъ бы за тѣмъ, чтобы соединиться со своими братьями-турками османами, которые затерялись въ Малой Азіи.

Параллельно и южнѣе этой турецкой полосы индо-европейцы вновь образовали компактную массу на всемъ протяженіи отъ Ганга и Инда, черэзъ Афганистанъ и Персію до самой Арменіи и Чернаго моря. Они отдѣлены теперь отъ Европы только османами, элементомъ довольно-таки разнороднымъ, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ тревожитъ индо-европейскій организмъ и прерываетъ правильный ходъ цивилизаціи. Но, тѣмъ не менѣе, индо-европейская раса всегда одерживаетъ теперь верхъ, благодаря сильной поддержкѣ славянъ, которые быстро распространяются все дальше и дальше и окружаютъ со всѣхъ сторонъ Туркменъ, съ сѣвера и отъ Чернаго моря до границъ Китая. Это все та же великая борьба Ирана съ Тураномъ, Ормузда и Аримана, добра и зла.

Экономическіе интересы въ настоящее время имѣютъ еще большее политическое значеніе, чѣмъ вопросы расы.

На Иранѣ, у самаго подножія непроницаемой массы центральнаго плато, скрещиваются великіе коммерческіе пути Азіи и великія дороги, по которымъ двигались нѣкогда народы.

Здѣсь проходилъ большой торговый путь древнихъ грековъ, которые направлялись въ Кашгаръ за шолкомъ, гдѣ ихъ встрѣчали китайцы.

Здѣсь же въ наше время проходятъ караваны, которые доставляютъ необходимые товары для всего населенія между Европой и Азіей. Кульджа, Кашгаръ, Самаркандъ въ сѣверной части Памира, Гератъ— прежняя Александрія Арійская, Кандагаръ (Александрія Арахозійская), Кабулъ (Александрія Кавказская) и Мервъ (Александрія Мар-

гіанская)—вотъ всѣ важнѣйшіе пункты этихъ дорогъ. Всѣ окружающія горы прорѣзаны узкими проходами, по которымъ идутъ караваны и по которымъ нѣкогда шли монгольскіе завоеватели.

Проходы эти тщательно изучаются англійскими и русскими солдатами. Русскій Туркестанъ, кромѣ того, является еще мѣстомъ, гдѣ какъ бы связываются въ узелъ всѣ эти дороги, изъ которыхъ однѣ идутъ изъ центральнаго Китая черезъ Таримъ и Кашгаръ, и другія изъ Индіи черезъ Кабулъ, Кандагаръ и Гератъ. Въ открытіи этихъ путей для обмѣна продуктовъ промышленности и цивилизаціи заинтересована не только Россія, но и вся Европа.

До сихъ поръ сношеніе съ Европой совершалось по морю, вокругъ всей восточной Азіи, такъ какъ всѣ области центральной Азіи находятся еще въ совершенно дикомъ состояніи, которое является отчасти результатомъ средневѣковыхъ погромовъ.

Необходимо, прежде всего, устроить Иранское плоскогоріе, какъ переднюю часть Азіи. Для этого необходимо исторгнуть его изъ ослабѣвшихъ рукъ тѣхъ государей, народы которыхъ съ глубокой древности пріостановили всякую эксплуатацію своихъ земель и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушили единство индо-европейской цивилизаціи.

Иранъ до сихъ поръ имѣетъ политическія формы среднихъ вѣковъ. Въ Афганистанѣ и Персіи еще и теперь можно наблюдать безформенные остатки нѣкогда великихъ монгольскихъ или туркменскихъ имперій.

Афганистанъ, разрѣзанный высокими хребтами на многочисленныя и совершенно отдѣленныя одна отъ другой долины, уже въ теченіе многихъ вѣковъ былъ ареной для борьбы отдѣльныхъ вождей.

Кабулъ, въ узкомъ бассейнѣ его рѣки, окруженный отовсюду горами, высотою до 5.000 метровъ, принадлежитъ къ области Инда, но соединенъ съ нею лишь узкимъ проходомъ чрезвычайно удобнымъ для засады.

Кандагаръ, въ 500 километрахъ къ югу отъ Кабула, расположенъ по долинѣ средняго теченія рѣки Гильменда и тоже отдѣленъ отъ Инда узкими ущельями, Боланскимъ и Ходжакскимъ. Гератъ отстоитъ на 600 километровъ къ западу отъ Кабула и на 500 километровъ къ сѣверо-западу отъ Кандагара; онъ также имѣетъ свою долину рѣки Гери-руда, по которой существуетъ удобное сообщеніе съ Мешедомъ и Персіей. Его естественный склонъ тянется къ русскому Туркестану по направленію этой же рѣки, которая, миновавъ Зульфикаръ, проходитъ мимо Серахса и кончается уже на русской территоріи.

Кабулъ, Кандагаръ и Гератъ—это три главные города Афганистана. Въ центрѣ гигантскаго хаоса, который представляютъ собою горы Памира, существуютъ еще афганскія территоріи—Кафиристанъ и Бадахшанъ, населенные другими племенами и управляемые особыми ханами.

Эти племена состоятъ изъ дикихъ горцевъ, способныхъ нанести страшное пораженіе врагу и оказать серьезное сопротивленіе всякому, кто рѣшился бы приступить къ ихъ укрощенію. Они занимаются болѣе войнами другъ съ другомъ, чѣмъ общимъ дѣломъ противъ посягательствъ Англіи и Россіи.

Было бы напраснымъ стараніемъ опредѣлить точныя политическія условія, при какихъ существуютъ эти маленькія государства. Ихъ общее условіе—это анархія, въ ожиданіи той организаціи, которая можетъ придти къ нимъ только, или съ англійскаго Инда, или изъ русскаго Туркестана.

Персія также не представляетъ какихъ-либо особенностей въ этомъ

отношенія. Ее населяютъ арійцы, потомки древнихъ персовъ, исторія которыхъ имѣетъ такія блестящія страницы. Они управляются династіей туркменскаго происхожденія, именно династіей Каджаровъ,—устроившихъ свою столицу на сѣверѣ Персіи, вблизи той страны, откуда они родомъ. Они еще менѣе, чѣмъ турки на Балканахъ, слились со своими подданными и до сихъ поръ являются чужестранцами, раскинувшими лагерь на завоеванной землѣ.

Здѣсь, точно также какъ и въ Европейской Турціи, замѣчаются признаки національнаго возрожденія среди населенія, такъ долго находившагося подъ игомъ деспотизма. Въ настоящее время, вновь появляются изъ развалинъ древнія столицы Ахеменидовъ. Какъ и въ Египтѣ, здѣсь трудятся французы надъ реставраціей этихъ превосходныхъ памятниковъ древности. (Особенно много сдѣлали для оживленія въ памяти людей именъ Сузы и Персеполя г. и г-жа Діелафуа (Dieulafoy). Не есть ли это, какъ и на берегахъ Нила, первые признаки будущаго возрожденія, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ?

Во всякомъ случаѣ, данныхъ для этого достаточно, такъ какъ большинство персовъ очень плохо переноситъ татарское иго. Въ этомъ отношеніи громадный интересъ представляетъ революціонное движеніе, извѣстное подъ именемъ бабизма. На первый взглядъ это чисто религіозное движенію, подобное возстанію вагабитовъ въ Аравіи, вдохновленное отвращеніемъ къ разврату восточныхъ дворовъ и глубокой преданностью Корану. Но, на самомъ дѣлѣ, оно представляетъ изъ себя нѣчто иное. Бабизмъ очень популяренъ среди персовъ-арійцевъ и противъ него упорно борются шахи и дервиши.

Онъ представляетъ собою восстаніе туземцевъ противъ тиранніи иностранцевъ, т.-е. имѣетъ, такимъ образомъ, характеръ чисто національнаго движенія, опирающагося на религію, съ которымъ, быть можетъ, придется еще считаться.

По мнѣнію Джемса Дарместетера *), «если Персія и можетъ еще возродиться, то только этимъ путемъ», т.-е. на почвѣ бабизма.

Трудно сказать, угрожаетъ ли это національно-религіозное движеніе европейцамъ или нѣтъ. Можно предполагать, что оно уже слишкомъ запоздало для того, чтобы остановить стремленія завоевателей, которые уже совсѣмъ близко. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время ни Англія, ни Россія нисколько не смущены этой революціонной пропагандой.

Они смотрятъ на все Иранское плоскогоріе, какъ на добычу, которая достанется болѣе ловкому. Они все ближе и ближе приближаются къ нему съ той и съ другой стороны и уже не разъ столкновеніе между ними казалось неизбѣжнымъ. Кризисъ уже существуетъ въ зародышѣ и рано или поздно долженъ будетъ разрѣшиться тѣмъ или другимъ образомъ.

До сихъ поръ имъ пока удавалось удерживаться на своихъ позиціяхъ и сохранять между собою нѣкоторое необходимое разстояніе.

Мелкія государства плоскогорія пользуются подобнымъ положеніемъ вещей, чтобы оставаться независимыми, но, въ концѣ концовъ, благодаря ихъ мусульманскому фатализму, будутъ все-таки завоеваны болѣе сильнымъ противникомъ.

*) Джемсъ Дарместетеръ—современный французскій писатель и оріенталистъ, профессоръ въ collége de France. *Примѣч. переводчика.*

Я указалъ, каковы ставки, а теперь будемъ дальше говорить объ игрокахъ.

Англичане и русскіе.

Въ теченіе полувѣка англичане сильно укрѣпили свою власть въ Индіи, которая сдѣлалась центромъ ихъ величія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, также и стержнемъ ихъ политики. «Великая Компанія» *) не пережила возстанія сипаевъ; и въ 1878 году королева Викторія была уже провозглашена императрицей Индіи. Съ этимъ титуломъ Англія, кажется, пріобрѣла любовь къ гигантскимъ предпріятіямъ и жажду всемірнаго господства. Съ этого же времени получилъ свое начало и современный англійскій имперіализмъ. Индія отдаетъ Англіи свои неисчислимыя богатства и служитъ орудіемъ для англійскаго честолюбія, къ которому до сихъ поръ судьба относилась весьма благосклонно. Сама же она не стала отъ этого счастливѣе. Она постоянно страдаетъ отъ голода, какъ будто она самая бѣдная страна въ мірѣ. А, между тѣмъ, она была бы цвѣтущей страной, если бы могла бы пользоваться хотя бы частью того богатства, которое ей обезпечено судьбою. Она похожа на того легендарнаго безумца-царя, который умеръ съ голода на грудахъ золота. Сознаніе своего тяжелаго положенія врядъ ли можетъ дать ей энергію подняться противъ тѣхъ, кто заставляетъ ее такъ мучительно страдать.

На востокѣ, положимъ, распространено мнѣніе, что индусы только ждутъ удобнаго случая, чтобы сбросить съ себя чужеземное иго, которое ихъ давитъ, но это предположеніе врядъ ли имѣетъ серьезныя основанія. Дѣло въ томъ, что изъ религій самыя распространенныя въ Индіи—браминская и затѣмъ мусульманская (мусульмане живутъ, главнымъ образомъ, въ Пенджабѣ). Фатализмъ Ислама и нирвана браминовъ являются прекрасной почвой для укрѣпленія въ индусахъ полной покорности провидѣнію. Поэтому они стоически переносятъ всякаго рода невзгоды земной жизни и въ томъ числѣ англійское иго.

Но хотя они и индифферентны къ гнету своихъ завоевателей, справедливость требуетъ сказать, что они далеко не чувствуютъ себя связанными дружбой съ иностранцами: они отдаютъ имъ свое тѣло, но не душу.

Если придутъ новые завоеватели, то индусы покорятся и имъ съ тѣмъ же смиреніемъ, какъ и англичанамъ и, быть можетъ, дадутъ имъ нѣчто другое, кромѣ угрюмой покорности. Быть можетъ, при другихъ законахъ, они и дѣйствительно окажутся способными къ интеллектуальному возрожденію.

Печально, на самомъ дѣлѣ, что 250 милліоновъ людей, несомнѣнно богато одаренныхъ умомъ и моральными силами, такъ долго остаются потерянными для великой работы цивилизаціи. Вотъ почему въ великой партіи, которая разыгрывается подъ «Крышей Міра» не одинъ

---

*) «Великая Компанія», или Остъиндская была основана съ коммерческими цѣлями въ 1600 г. Впослѣдствіи съ ней слились и другія торговыя компаніи, вродѣ, напр., возникшаго въ 1698 г. «General society trading to the East Indies». Въ ея рукахъ было сосредоточено управленіе англійскими владѣніями въ Индіи, причемъ ея политическая власть, а также штаты индійскаго правительства были опредѣлены статутомъ 1773 г, Въ 1858 г., послѣ возстанія сипаевъ, управленіе Индіей было взято короной въ свои руки, несмотря на протесты К°.

Примѣч. переводчика.

только Иранъ является ставкой, но и цѣликомъ вся Индія, которая теперь, какъ и была всегда, есть экономическій центръ міра и которая будетъ завтра, быть можетъ, какъ и въ первые вѣка исторіи, интеллектуальнымъ и моральнымъ очагомъ человѣчества. Англичане не сумѣли снова зажечь его пламя, и эта честь выпадетъ на долю другихъ.

Тѣмъ не менѣе, они неусыпно стерегутъ свои сокровища и наблюдаютъ со всѣхъ сторонъ горизонта за идущими сюда путями. Дорога съ моря почти въ полной безопасности, такъ какъ здѣсь они держатъ въ своихъ рукахъ всѣ главнѣйшіе пункты. Но за то континентъ внушаетъ большія опасенія. Давно уже они слѣдятъ за Персіей. Наполеонъ въ началѣ еще вѣка показалъ имъ, чего они здѣсь должны бояться. Онъ мечталъ (но была ли это только мечта?)—достигнуть Индіи, подобно Александру Великому, черезъ Босфоръ и переднюю Азію. Послѣ Тильзитта (1807 г.) онъ бесѣдовалъ объ этомъ съ императоромъ Александромъ I. Если онъ не удержался на востокѣ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, то онъ все-таки далъ толчокъ современному тяготѣнію европейцевъ къ этимъ странамъ. Онъ долго поддерживалъ дружественныя отношенія съ Турціей и хотѣлъ вступить въ такія же отношенія съ шахомъ персидскимъ. Въ томъ же 1807 году онъ подписалъ съ нимъ договоръ и послалъ въ Тегеранъ генерала Гордона и миссію изъ офицеровъ. Онъ хотѣлъ организовать по-европейски персидскую армію и сдѣлать изъ нее авангардъ своей великой арміи. Такимъ образомъ, онъ уже простиралъ свою шпагу надъ Индомъ.

Это было неожиданное открытіе для Англіи. Она постаралась разрушить, при помощи интригъ, его замыслы и послала съ своей стороны особую миссію въ Персію во главѣ съ Гардфордомъ Джонсомъ, который блестящимъ образомъ и выполнилъ свою задачу.

Это было также открытіемъ для Россіи, которая, увидавъ въ Персіи путь въ Индію, думала начать въ свою пользу предпріятіе своего Тильзитскаго союзника. Съ этого момента Тегеранъ сдѣлался мѣстомъ, гдѣ постоянно встрѣчалось англійское вліяніе съ русскимъ. Послѣднее, какъ вообще болѣе близкое, сдѣлалось и болѣе сильнымъ. Тѣмъ не менѣе, Англія не теряла изъ виду Тегерана.

Въ 1855 году, во время Крымской войны, Россія заключила союзъ съ Персіей и шахъ подъ ея вліяніемъ отнялъ Гератъ у афганцевъ. Это была попытка приблизиться къ Инду. Но въ это время Туркестанъ еще не былъ подчиненъ Россіи и англійскій генералъ Утрамъ аттаковалъ Персію со стороны Персидскаго заливъ, взялъ небольшой островъ Хараки и портъ Буширъ и пошелъ затѣмъ на Тегеранъ. Въ тоже время Севастополь былъ взятъ соединенными силами Англіи и Франціи и шахъ былъ принужденъ по парижскому трактату возвратить Гератъ афганцамъ, который и былъ присоединенъ англичанами къ сферѣ своего вліянія.

Въ 1888 году, вслѣдъ за миссіей сэра Генри-Друммонда Вольфа *), англійское правительство добилось открытія для своей торговли рѣки Каруна (притока Шат-эль-Араба), которая судоходна отъ города Мохалинера, расположеннаго у самого устья, вплоть до Ахуова, у подножья первыхъ персидскихъ горъ. Одна англійская компанія получила

*) Сэръ Генри Друммондъ Вольфъ—англійскій дипломатъ, состоялъ въ послѣднее время посланникомъ въ Тегеранъ. *Примѣч. переводчика.*

*

концессію на постройку дороги отъ Ахуаза на Испагань и Тегеранъ, но работы не могли быть начаты въ виду того, что встрѣтили противодѣйствіе со стороны горныхъ племенъ. Но съ этихъ поръ, тѣмъ неменѣе, все побережье включено въ громадный кругъ британской торговли. Въ Бендеръ-Буширъ и Бендеръ-Абасъ направляются пакетботы изъ порта Карачи на Индѣ. Это путь по которому нѣкогда слѣдовалъ Неархъ съ флотомъ Александра Великаго.

Еще болѣе чѣмъ за Персіей англичане наблюдаютъ за Афганистаномъ. Но они упустили уже случай окончательно тамъ утвердиться и сдѣлали такимъ образомъ непоправимую ошибку. Во всякомъ случаѣ, опытъ 1842 года послужилъ для нихъ урокомъ. Они проникли сюда подъ разными предлогами и имъ удалось сдѣлать кабульскимъ эмиромъ Шуяха-Шаха, которому они покровительствовали. Новый шахъ вступилъ въ Кабулъ въ сопровожденіи 8.000 человѣкъ англійскихъ солдатъ, подъ командой лорда Эльфинстона. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые прошли въ полномъ спокойствіи и, казалось, указывали на полное подчиненіе, афганцы вдругъ подняли возстаніе. Дипломатическій агентъ Англіи въ Кабулѣ сэръ Макнаутенъ былъ умерщвленъ; англійскій гарнизонъ бѣжалъ, но афганцы остановили его и принудили къ позорной капитуляціи, послѣ чего онъ все таки весь былъ уничтоженъ (въ январѣ 1842 г.). Англичане вскорѣ же отомстили афганцамъ. Они явились уже съ болѣе значительными силами, разогнали банды бунтовщиковъ, разрушили всѣ укрѣпленія страны, но отказались отъ оккупаціи и удовольствовались только обязательствомъ со стороны эмира кабульскаго не подчиняться русскому вліянію.

Мнѣ кажется, что солидный гарнизонъ въ Кабулѣ болѣе прочно обезпечилъ бы будущее для англичанъ, чѣмъ это простое обязательство, которое эмиръ всегда могъ нарушить.

Въ 1878 году афганскій эмиръ принялъ въ Кабулѣ съ величайшими почестями русское посольство и отказался принять англійское, которое въ августѣ того же мѣсяца было послано британскимъ вице-королемъ лордомъ Литтономъ. Тогда послѣдній отправилъ въ Афганистанъ войска и принудилъ Эмира, по мирному договору 26-го мая 1879 г. въ Гандамакѣ, согласиться на пребываніе въ Кабулѣ постояннаго британскаго резидента, а также на занятіе англичанами горныхъ проходовъ Солимана. За это англичане обязались вносить ежегодно въ кассу эмира $1^1/_2$ милліона франковъ. Они сильно укрѣпили Пешаверъ, который съ тѣхъ поръ сталъ главнымъ средоточіемъ индійской арміи и зорко слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ въ Афганистанѣ, стараясь обезпечить цѣльность его территоріи. Послѣднее, конечно, требуетъ большихъ усилій и имъ уже не разъ приходилось, помимо своего желанія, признавать русскія границы, т.-е. другими словами допускать Россію двигаться по направленію къ югу.

Что касается ихъ крѣпостей, то онѣ весьма солидны. Пешаверъ опирается съ одной стороны на Шикарпуръ и съ другой на Кашмиръ. Ихъ солдаты закалены непрерывной борьбой съ воинственными горными племенами и примѣняютъ въ этой борьбѣ послѣднія открытія военной науки. Ихъ желѣзныя дороги даютъ возможность быстро произвести мобилизацію военныхъ силъ: Пешаваръ прямо соединяется черезъ Гангъ съ Калькуттой и съ Бомбеемъ черезъ Шикарпуръ и Индъ. Отъ Шикарпура новая дорога прошла уже Солиманы черезъ Боланское ущелье и достигла Кандагара. Белуджистанъ сдѣлался теперь какъ бы западнымъ проходомъ для англійской имперіи.

Такимъ образомъ англійское вліяніе отъ Персидскаго залива и до вершинъ Памира набрасываетъ сѣть невидимыхъ нитей на Иранское плоскогорье, которыя какъ щупальцы предохраняютъ его отъ всякаго неожиданнаго нападенія. Но это вліяніе имѣетъ характеръ чисто оборонительный и англичане въ глазахъ населенія уже потеряли престижъ нападающей стороны. Русскіе, напротивъ, находятся въ непрерывномъ движеніи къ расширенію своихъ владѣній. Ихъ вся современная исторія имѣетъ много общаго съ исторіей движеній монгольскихъ племенъ въ средніе вѣка. Благодаря имъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ политическая карта Азіи претерпѣла безконечныя измѣненія. Ихъ побуждаетъ къ этому не только жажда военной славы или страсть къ захватамъ, но также и чисто экономическая потребность.

Главный недостатокъ ихъ имперіи—это неимѣніе открытыхъ выходовъ для ея флота. Она замкнута со всѣхъ сторонъ и чѣмъ больше развивается эксплуатація ея богатствъ, тѣмъ болѣе является для нея необходимымъ открытое море. Туркестанъ, большая часть котораго представляетъ изъ себя пустыню, и мало населенная, благодаря своему климату, Сибирь,—являются прежде всего дорогами къ сокровищамъ Китая и Индіи. Поэтому пока они совершенно безполезны для русскихъ и, конечно, завоеваніе Туркестана можетъ быть лишь средствомъ, но не цѣлью.

Нѣкогда они надѣялись достигнуть Средиземнаго моря черезъ Константинополь. Но они были отброшены отъ него въ 1856 году послѣ Крымской войны, когда Черное море было объявлено нейтральнымъ. Тогда они устремились на центральную и восточную Азію. Они завоевали въ 1858 году Амуръ и назначили постоянное посольство въ Пекинѣ. Они основали затѣмъ Владивостокъ, само названіе котораго означаетъ «владѣніе востокомъ» и, наконецъ, нахлынули на Туркестанъ, взяли въ 1865 году Ташкентъ, Самаркандъ—эту древнюю столицу Тамерлана, подчинили себѣ хановъ Хивы и Бухары (1873), и даже сама Англія должна была признать верхнее теченіе Аму-Дарьи за новую русскую границу у подножья Памира. Но это, конечно, не есть еще окончательная граница русскихъ владѣній въ этихъ странахъ.

Позднѣе русскіе еще разъ пытались овладѣть Константинополемъ, именно во время русско турецкой войны въ 1877—1878 гг. Но Берлинскій трактатъ лишилъ ихъ этой добычи, которую они почти уже держали въ своихъ рукахъ. Тогда они опять вернулись къ Китаю и Туркестану, и ихъ политика окончательно дѣлается азіатской. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они достигаютъ блестящихъ результатовъ и «русскій ледникъ» съ ужасной быстротою скользитъ отъ береговъ Чернаго моря къ берегамъ Японскаго. Посмотрите теперь, какое на самомъ дѣлѣ положеніе занимаетъ Россія на Иранскомъ плоскогоріи. Съ тѣхъ поръ, какъ стало проникать въ Персію русское вліяніе, прошло не болѣе полувѣка. Въ 1803 году состоялось присоединеніе Грузіи къ Россіи. Персія пыталась воспротивиться этому, разсчитывая на помощь Наполеона, но была разбита и по Туркманчайскому договору въ 1828 г. должна была уступить русскимъ Баку, Эривань и сѣверные склоны Арарата, а также отказаться отъ монополіи плаванія по Каспійскому морю, которое черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалось совсѣмъ русскимъ озеромъ.

Съ этихъ поръ Персія отказалась отъ борьбы и мало-по-малу вошла въ сферу русскаго вліянія, какъ вассальное государство, чему, несомнѣнно, много способствовалъ и мусульманскій фатализмъ. Шахъ

уже много разъ посылалъ свою армію на службу Россіи и аттаковалъ въ 1837 и 1855 гг., по ея желанію, Гератъ. Онъ является какъ бы предводителемъ ея авангарда и очень полезнымъ агентомъ для исполненія ея порученій. Однимъ словомъ, русскій посолъ въ Тегеранѣ «играетъ ту же роль, что и англійскій резидентъ при индійскомъ Раджѣ» (Д. Дармерстетеръ). Хотя англійское вліяніе и удержалось на барегахъ Оманскаго залива и хотя англійскій резидентъ и называется среди его соотечественниковъ «королемъ Персидскаго залива» ,тѣмъ не менѣе истиннымъ королемъ Персіи является русскій посолъ.

Одинъ англичанинъ пишетъ, что англійское вліяніе въ Персіи равно почти нулю. «Англія для персовъ—пустой звукъ, въ то время какъ Россія—сильная держава, передъ которой все преклоняется» *). Я напомню, кромѣ того, что русское вліяніе основывается, главнымъ обратомъ, на авторитетѣ шаха, а этотъ авторитетъ за послѣднее время сильно пошатнулся. Но это не смущаетъ русскихъ, и они продолжаютъ дѣлать свое дѣло. Они имѣютъ большое число судовъ на Каспійскомъ морѣ на случай передвиженія ихъ арміи.

До 1911 года въ ихъ рукахъ находится монополія на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Персіи. Они получили уже концессію на постройку желѣзной дороги отъ Решта на Тегеранъ, которая затѣмъ будетъ продолжена на Мешхедъ и Гератъ, чтобы завершить такимъ образомъ ихъ закавказскую и закаспійскую сѣть.

Кромѣ того, двадцать пять лѣтъ тому назадъ они закончили покореніе Туркестана. Это была поистинѣ эпическая борьба, вызвавшая кровопролитныя сраженія, слава о которыхъ гремѣла по всей Центральной Азіи. Она завершила блестящимъ образомъ карьеру генерала Скобелева. Главной крѣпостью туркменовъ - текинцевъ была Геокъ-Тепе, расположенная въ закаспійской пустынѣ, до которой было очень трудно добраться. Русскій отрядъ состоялъ всего изъ 800 человѣкъ съ 58-ю орудіями, въ то время какъ въ крѣпости находилось 7.000 текинцевъ. Русскіе пошли на штурмъ 12-го января 1881 года. Ихъ пушки пробили широкія отверстія въ стѣнахъ крѣпости и казаки бросились въ середину крѣпости, гдѣ и произошла ужасная рѣзня. Текинская армія бѣжала и отступила въ пески, гдѣ и расположилась у колодцевъ. Результаты этой побѣды были весьма значительны: большой городъ Мервъ на р. Мургабѣ открылъ безъ всякаго сопротивленія свои ворота русскимъ (въ февралѣ 1884 г.). Два мѣсяца спустя то же сдѣлалъ Сарахсъ, стоящій на р Гери-Рудѣ, у самаго подножія Гинду-Куша, въ 200 километрахъ отъ Герата. Такимъ образомъ край былъ замиренъ.

Въ Англіи вызвало это большое волненіе. Небольшой отрядъ афганцевъ подъ начальствомъ британскихъ офицеровъ двинулся на Пенджехъ, который находится въ 150 километрахъ къ югу отъ Мерва на р. Мургабѣ. Навстрѣчу ему выступилъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Комарова, который и повелъ аттаку. Русскіе одержали верхъ и взяли Пенджехъ. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Ожидали англо-русской войны, но англичане уступили, оставивъ Мервъ, Сарахсъ и Пенджехъ въ рукахъ ихъ противниковъ. Это безсиліе Англіи, конечно, не осталось незамѣченнымъ среди населенія страны.

Въ 1892 году русскіе отняли у афганцевъ истоки Аму-Дарьи и

---

*) D-r Wills. «In the land of the Lion and the Sun».

поднялись на сѣверные склоны Памира. Англо-русское соглашеніе въ февралѣ 1895 года раздѣлило это плоскогорье между обѣими державами и теперь аванъ-посты казаковъ и индійскихъ сипаевъ находятся въ виду другъ у друга. Нигдѣ Англія и Россія не соприкасаются такъ близко. Тѣмъ не менѣе, мало вѣроятія, что великая борьба этихъ двухъ государствъ начнется здѣсь на высотѣ болѣе 4.000 метровъ.

Пунктъ, на который цѣлятся русскіе, это, конечно, Гератъ. Нѣсколько дней марша достаточно для того, чтобы ихъ войска пришли сюда изъ Пенддеха или Сарахса. Безъ сомнѣнія, это послужило бы сигналомъ къ конфликту, который уже давно подготовляется всѣми этими событіями, такъ какъ англичане ни за что не допустили бы русскихъ занять Гератъ, который они считаютъ ключомъ къ Индіи. Тѣмъ не менѣе, русскіе все-таки подвигаются къ Герату, иначе имъ не было бы никакого смысла забираться въ узкій переулокъ Туркестана. Это безспорный фактъ, неизвѣстно только, когда ихъ намѣреніе будетъ приведено въ исполненіе. Сила русскихъ очень велика и продолжаетъ все увеличиваться. Туркестанъ уже не является преградой для ихъ расширенія, а даже, напротивъ, можетъ оказать теперь большіе услуги русскимъ. Туркмены прекрасные воины и въ рядахъ русской арміи они будутъ, несомнѣнно, представлять грозную силу. Еще недавно они считались отчаянными разбойниками. Верхомъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, они ночью врывались въ незащищенныя селенія, убивали мужчинъ, а женщинъ и дѣвушекъ привязывали арканами къ лукѣ сѣдла и гнали ударами кнута до своихъ крѣпостей. Хотя они теперь принуждены отказаться отъ этихъ привычекъ, они все-таки не могутъ преодолѣть свою страсть къ битвамъ и къ бѣшеной скачкѣ на лошадяхъ. Будучи въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ воинственнымъ народомъ, они и теперь остаются такими же и принесутъ на русскую службу дикую отвагу варвара. Это та же монгольская орда, но собранная уже подъ знамена русскихъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ казаки Мазепы были страшными врагами Московіи. Покоренные, они отнынѣ уже служатъ интересамъ своихъ побѣдителей и требуютъ даже чести сражаться въ авангардѣ. Слава объ ихъ храбрости гремитъ по всему міру, и туркмены только удвоятъ силу этой вольной конницы. Они ждутъ только момента, когда можно будетъ броситься къ югу на хрупкій барьеръ Афганистана и затѣмъ на роскошные дворцы Индіи, гдѣ нѣкогда обитали ихъ предки.

Русская исторія не столько богата, сколько сильна, но она еще будетъ богатой. Туркестанскія земли въ короткое время приведены въ болѣе культурный видъ и уже начата ихъ эксплуатація. Фергана, или долина верхняго теченія Сыръ-Дарьи, въ высшей степени плодородна, такъ какъ защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ хребтомъ Тянь-Шаня и прекрасно орошается текучими водами, которыя питаются многочисленными источниками изъ горныхъ ледниковъ. Она имѣетъ климатъ Испаніи или нижней Италіи и является одной изъ наиболѣе счастливыхъ областей Центральной Азіи.

Древніе города снова возникаютъ здѣсь изъ своихъ развалинъ, а новые растутъ также быстро, какъ города-грибы американскаго Far-West'а *). Фергана есть тоже въ своемъ родѣ русскій Far-West. Самаркандъ реставрируетъ могилу Тамерлана и хочетъ снова вернуть къ себѣ блестящее прошлое. Мервъ также сдѣлался значительнымъ

*) Far-West.—Дальній Западъ. *Прим. переводчика.*

городомъ. Онъ имѣлъ, какъ говорятъ, нѣкогда до 100.000 жителей и является въ настоящее время святыней для мусульманъ. Его называли когда-то житницей Центральной Азіи и онъ былъ для монгольскихъ завоевателей ключомъ къ Индіи. Онъ можетъ еще снова сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, такъ какъ всѣ эти страны являются какъ бы садомъ міра. Здѣсь родина самыхъ сладкихъ плодовъ и отсюда впервые вывезли въ Европу вишневыя, абрикосовыя, персиковыя и апельсиновыя деревья, для произростанія которыхъ въ этихъ странахъ, наиболѣе подходящія условія. Въ этомъ краю библейская легенда помѣстила земной рай.

Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ онъ былъ обращенъ въ пустыню набѣгами разбойничьихъ племенъ и полной анархіей.

Но судьба не оставила его навсегда въ такомъ положеніи. Русскіе рѣшили возвратить природѣ всѣ ея права.

Въ XVIII вѣкѣ, когда они подчинили себѣ казаковъ, они предприняли эксплуатацію и колонизацію черноморскихъ степей. Потемкинъ, въ царствованіе Екатерины II й, самъ наблюдалъ за ихъ благоустройствомъ. Число селеній здѣсь скоро увеличилось, появились города и по степямъ впервые прошелъ плугъ, превративъ ихъ въ житницу Россіи. Съ тѣхъ поръ Россія имѣетъ значительные интересы на Черномъ морѣ. Здѣсь она основала Одессу и сильно стремится овладѣть Константинополемъ, такъ какъ для этихъ новыхъ богатствъ ей необходимъ выходъ въ открытое море.

Прежде чѣмъ сдѣлаться полными господами всего Туркестана, они создали здѣсь пути сообщенія. Въ этомъ отношеніи Закаспійская желѣзная дорога является въ высшей степени замѣчательнымъ сооруженіемъ. Въ самый разгаръ борьбы съ текинцами генералъ Анненковъ клалъ рельсы и пускалъ вагоны, т.-е. та же самая армія, которая боролась противъ пиратовъ пустыни, работала и надъ сооруженіемъ желѣзной дороги. Солдатъ оставлялъ заступъ для ружья, а когда непріятель удалялся, онъ снова начиналъ рыть песокъ. Желѣзная дорога подвигалась вмѣстѣ съ завоеваніемъ, и когда русскіе одержали полную побѣду, она была открыта для эксплуатаціи. Конечно, эта дорога имѣетъ, главнымъ образомъ, интересъ чисто стратегическій, но она будетъ не безполезна и для торговыхъ сношеній и поэтому, въ силу майскаго указа 1899 года, она продолжена на Ташкентъ, затѣмъ пойдетъ на городъ Вѣрный и отсюда до встрѣчи съ Сибирской желѣзной дорогой.

На Закаспійской дорогѣ, почти на половинѣ пути отъ Каспійскаго моря до Бухары есть станція, носящая названіе Душанъ, что значитъ «двѣ вѣтки». Это самый южный пунктъ дороги, гдѣ она наиболѣе приближается къ Мешхеду и Герату. Здѣсь намѣчено направленіе для развѣтвленія дороги; отсюда пойдетъ вѣтка черезъ Гератъ на Кашгаръ, навстрѣчу англо-индійской линіи, что, конечно, не особенно нравится англичанамъ.

Закаспійская дорога, несмотря на то, что она еще не закончена и представляетъ изъ себя безформенный стволъ, лишенный вѣтвей, уже теперь обезпечиваетъ большія преимущества для русскихъ въ этомъ краѣ. Рядомъ находится богатая персидская провинція Хорассанъ, съ большимъ городомъ Мешхедомъ. Русскіе стянули почти всю торговлю къ своей желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ они обезпечили непрерывность своихъ наступательныхъ движеній отъ Баку черезъ Рештъ, Тегеранъ, Астрабадъ и Мешхедъ на Гератъ. Дорога, которая

будетъ проведена отъ Ретша къ Тегерану и отсюда на Мешхедъ, доставитъ имъ экономическую монополію во всемъ Хорассанѣ.

Съ 1895 по 1896 г., т.-е., всего за одинъ годъ, англійскій ввозъ въ Мешхедъ упалъ съ 8 милліоновъ франковъ на 3 милліона; въ то же самое время русскій ввозъ возросъ съ 1 милліона до $2^1/_2$ милліоновъ. Въ настоящее время онъ, вѣроятно, уже превысилъ цифру англійскаго импорта.

Это коммерческое развитіе даетъ себя чувствовать до самаго Персидскаго залива и замѣтнымъ образомъ вытѣсняетъ англійское вліяніе. Англійскій импортъ въ Бендеръ-Буширъ за три года, съ 1894 по 1897 годъ, уменьшился съ 46 до 30 милліоновъ франковъ, т.-е. болѣе, чѣмъ на $^1/_3$.

Однимъ словомъ, для англичанъ русскіе являются здѣсь серьезными противниками. Они, несомнѣнно, поведутъ свои дороги гораздо дальше. Закаспійская желѣзная дорога будетъ продолжена ими на Гератъ и Индію, а затѣмъ и на Кашгаръ и Китай. Уже много лѣтъ, подъ вліяніемъ русскихъ, разрабатывается, поэтому, проектъ великой центрально-азіатской желѣзной дороги.

Сэръ Генри Равлинсонъ, бывшій президентъ лондонскаго географическаго общества, предлагалъ провести желѣзную дорогу изъ Константинополя на Тегеранъ, Мешхедъ и Гератъ. Отсюда ее необходимо было бы продолжить или на Кабулъ и Пешаверъ, или на Кандагаръ и Шикарпуръ.

Фердинандъ Лессепсъ исходнымъ пунктомъ дороги полагалъ сдѣлать Оренбургъ на Уралѣ, затѣмъ пройти киргизскія степи и, взявъ дальше направленіе по берегу Аральскаго моря и Сыръ-Дарьи, достигнуть Ташкента, Ходжента и Пешавера. Телеграфная линія проведена именно по этому пути, который является почти прямой линіей отъ Москвы до Калькутты. Фердинандъ Лессепсъ просилъ въ Лондонѣ свободнаго проѣзда для его сына въ Афганистанъ, но англійское правительство самымъ яснымъ образомъ отклонило эту просьбу.

Гохштеттеръ, президентъ географическаго общества въ Вѣнѣ, предлагалъ круговую желѣзную дорогу вокругъ каспійско-аральской впадины, черезъ Екатеринбургъ, Омскъ, Семипалатинскъ, Вѣрный, Ташкентъ, Самаркандъ, Мервъ, Мешхедъ, Тегеранъ и Тифлисъ. Этотъ путь походилъ бы на ступицу въ колесѣ, къ которой присоединились бы, какъ спицы, всѣ желѣзныя дороги Азіи.

Наконецъ, д-ръ Рихтгофенъ, президентъ берлинскаго географическаго общества, разработалъ проектъ, главнымъ образомъ, восточной части этого пути. Онъ ведетъ его изъ Шанхая, который играетъ роль значительнаго китайскаго порта, черезъ Хань-Коу на Янъ-тсе-Кіангѣ, Синанъ-Фу въ бассейнѣ Гоангъ-Го; отсюда черезъ великій оазисъ Хами, у подножія Тянь-Шаня, онъ полагаетъ достигнуть или, ведя далѣе на югъ, Кашгара и Самарканда, или, повернувъ къ сѣверу, Кульджы, Семипалатинска и, наконецъ, Омска на Сибирской желѣзной дорогѣ.

Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, несомнѣнно, будутъ приведены въ исполненіе. Современная Азія сама уже сознаетъ необходимость желѣзныхъ дорогъ, и можно думать, что проведеніе желѣзно-дорожнаго центрально азіатскаго пути является теперь вопросомъ только нѣсколькихъ лѣтъ. Съ проведеніемъ его, экономическія условія этого древняго материка будутъ совершенно видоизмѣнены.

Вотъ почему проблема Центральной Азіи является одною изъ са-

ныхъ важныхъ проблемъ современной политики. Вотъ почему борьба, которая здѣсь подготовляется, будетъ, безъ сомнѣнія, болѣе драматическая, чѣмъ всякая другая, которая еще остается для грядущихъ поколѣній. Лордъ Керзонъ, ставшій вице-королемъ англійской Индіи, говорилъ въ 1892 году по этому поводу слѣдующее: «Иранъ—это загороженное поле между Англіей и Россіей. Его судьба, пока еще не рѣшенная, послужитъ камнемъ преткновенія какъ для военной силы, такъ и для будущихъ шансовъ двухъ соперницъ». Скорѣе можно сказать, что это будетъ вопросомъ жизни или смерти, если не для Россіи, то, по крайней мѣрѣ, для Англіи.

Глава X.

Китайскій вопросъ.

Китай и китайцы.

Китай не имѣетъ ни единства расы, ни единства управленія и религіи. Европейцы долго представляли его себѣ въ видѣ каменной и непроницаемой массы. Чѣмъ больше они туда проникали, тѣмъ больше они наблюдали въ немъ разнообразія и дѣятельности. Они замѣтили съ нѣкоторымъ ужасомъ его странную подвижность. Они боялись иной разъ, чтобы тѣ значительныя силы, которыя онъ въ себѣ заключаетъ, не вызвали бы противъ ихъ предпріятій какой нибудь ужасной реакціи.

Въ Китаѣ насчитывается до 300 милліоновъ жителей, почти столько же, сколько во всей Европѣ, но занимающихъ при этомъ пространство вдвое большее. Они имѣютъ въ высшей степени оригинальную очень древнюю цивилизацію и гордятся своей исторіей, которая имѣетъ много блестящихъ страницъ. Они противятся всякому иностранному вліянію и сильно уступаютъ европейцамъ въ научныхъ познаніяхъ. Впрочемъ, будущее, вѣроятно, дастъ имъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ, и они окажутся тогда способны не только сбросить съ себя всякое чужеземное господство, но даже сыграть, въ свою очередь, значительную роль въ развитіи человѣчества, четвертую часть котораго они составляютъ. Въ эту пока отдаленную еще отъ насъ эпоху Европа, можетъ быть, потеряетъ свое господство надъ міромъ, и появленіе китайскаго вопроса будетъ тогда началомъ новой исторической эры, характерныя черты которой намъ пока абсолютно неизвѣстны.

Всѣ эти соображенія для настоящаго момента имѣютъ чисто-умозрительный характеръ, но они были необходимы, чтобы показать всю важность настоящей проблемы. Я не буду начинать съ потопа, ни даже съ основанія китайской имперіи, которая возникла за 3.000 лѣтъ до христіанской эры. Укажу только, что первыя сношенія Китая съ Западомъ возникли благодаря продавцамъ шолка, котрые встрѣчались въ странѣ Кашгара съ греческими купцами, слѣдуя по коммерческимъ путямъ, въ настоящее время совершенно заброшеннымъ. Эти отношенія продолжались до вторженія варваровъ, которые разгромили Азію, также какъ и Европу, во время переселенія азіатскихъ народовъ, изъ которыхъ Западу стали извѣстны только гуны.

Въ средніе вѣка, до монгольскихъ вторженій XII и XIII вѣка, существовали въ Китаѣ двѣ соперничествующія имперіи въ громадной равнинѣ, образованной наносами большихъ рѣкъ: имперія татарская

съ династіей Киновъ, на сѣверѣ вокругъ Пекина, и имперія собственно китайская, съ династіей Сунговъ, на югѣ, вокругъ тогдашней ихъ столицы Хангхоу. Необходимо обратить вниманіе на этотъ расколъ, такъ какъ онъ и до нашихъ дней не потерялъ еще серьезнаго значенія. Монголы и китайцы до сихъ поръ не смѣшиваются другъ съ другомъ, несмотря на все ихъ родство. Различія, которыя существуютъ между ними, являются, главнымъ образомъ, продуктомъ естественныхъ силъ природы. Монголы, какъ обитатели плоскогорій и пустынь, оставались долгое время номадами и благодаря лишеніямъ кочевой жизни стали весьма воинственнымъ народомъ. Китайцы, жившіе на равнинѣ съ прекраснымъ климатомъ и изнѣженные болѣе легкой жизнью, часто дѣлались добычей монголовъ. Великая китайская стѣна была выстроена почти за 200 лѣтъ до Р. Х., для защиты китайцевъ отъ монголовъ и другихъ разбойничьихъ племенъ изъ сосѣднихъ степей и пустынь. Эту борьбу между китайцами и монголами можно прослѣдить въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, вплоть до нашихъ дней, такъ какъ она и теперь еще, какъ я указалъ уже выше, имѣетъ большое значеніе.

Чингизъ-ханъ и его непосредственные потомки на нѣкоторое время объединили монгольскія и китайскія страны, лежащія по обѣ стороны Великой Стѣны. Затѣмъ произошла неизбѣжная реакція. Потомки Чингизъ-хана были низвергнуты въ 1368 году китайской династіей Минговъ, которыя сдѣлали своей столицей сначала городъ Нанкинъ, а затѣмъ, распространившись къ сѣверу, утвердилось въ XV вѣкѣ въ Пекинѣ. Въ Манджуріи въ это время образовалась могущественная династія Цинговъ. Она происходила отъ древней династіи Киновъ или восточныхъ татаръ. Она снова предприняла въ XVII вѣкѣ завоеваніе китайской равнины, низвергнула династію Минговъ (1644 г.) и ввела въ Китаѣ свой обычай брить головы и носить косы.

Въ концѣ концовъ манджуры сами приняли китайскіе нравы и учрежденія. Такимъ образомъ, эти иностранные завоеватели были сами завоеваны и поглощены громадной массой своихъ подданныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, различіе между ними до сихъ поръ не изгладилось.

Минги, оттѣсненные съ континента, отняли у голландцевъ островъ Формозу, но и здѣсь ихъ настигли Цинги и подчинили своей власти. Имперія Цинговъ дошла до своего апогея. Она распространилась на Тибетъ и Аннамъ и совершила грандіозное политическое объединеніе, которое мы уже видимъ въ наше время въ полномъ распаденіи. Но тѣмъ не менѣе изъ элементовъ распада, какъ это вообще очень часто бываетъ, могутъ возникнуть еще новые жизненные элементы, которые и создадутъ новую политическую форму.

Эта грандіозная масса населенія, находящаяся постоянно въ движеніи, заключаетъ въ себѣ серьезныя моральныя и экономическія силы.

Въ Китаѣ существуютъ оффиціально три религіи: конфуціанство, даосизмъ и буддизмъ. Конфуціанство, т.-е. моральная доктрина Конфуція, есть религія ученыхъ и императора. Она допускаетъ на практикѣ только государственный культъ неба и земли въ лицѣ императора. Даосизмъ—это родъ чисто-метафизической религіи, которая теряется въ абстрактныхъ разсужденіяхъ о природѣ и потребностяхъ души и, вслѣдствіе этого, доступна только небольшому числу посвященныхъ. Наконецъ, буддизмъ, который является наиболѣе распространенной религіей въ Китаѣ, куда онъ проникъ изъ Тибета къ началу христіанской эры. Но каковы бы ни были религіозныя воззрѣнія китайцевъ, они всегда основаны на культѣ предковъ, который съ не-

запамятныхъ временъ лежитъ въ основѣ всей религіозной и политической жизни Китая. Этотъ культъ обновленъ ученіемъ Конфуція о необходимости почитанія умершихъ или живыхъ родителей и очень часто проявляется въ видѣ ужасныхъ суевѣрій, которыя, несомнѣнно, есть продуктъ малаго изученія явленій природы. Почитаніе родителей не является у нихъ, какъ на Западѣ, чисто индивидуальнымъ чувствомъ, дѣломъ, такъ сказать, домашнимъ. Здѣсь оно представляетъ собой оффиціальную доктрину. Она налагаетъ обязанность по отношенію къ имени, которое носятъ и которое слѣдуетъ обезсмертить, украсивъ его добродѣтелью и славой, чтобы оказать такимъ образомъ честь своимъ отцу и матери; она предписываетъ, затѣмъ, почитаніе предковъ и, наконецъ, императора, который является первымъ среди живущихъ, такъ же, какъ его предки первыми среди умершихъ, ибо всѣ они сыны Неба. Китай не представляетъ изъ себя только государство: онъ есть какъ бы одна, нераздѣльная семья. Разрушить это государство, конечно, было бы очень не трудно, но не такъ легко было бы расторгнуть эту семью изъ 300 милліоновъ человѣкъ и проникнуть въ эту громадную массу, которая въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ пережила всевозможныя политическія катастрофы. Вотъ почему я указываю на грозную экономическую проблему, которая вызвана къ жизни удивительнымъ трудолюбіемъ этой расы и ея странной способностью къ распространенію. Десять милліоновъ китайцевъ уже разсѣялись вокругъ Тихаго океана, несмотря на цѣлый рядъ такихъ почти непреоборимыхъ препятствій, какими являются для нихъ религіозныя воззрѣнія, ихъ нравы и обычаи, культъ предковъ, тиранія семьи и, наконецъ, обязанность возвратиться на родину живымъ или мертвымъ. Что же произойдетъ, когда желѣзныя дороги проникнутъ въ Китай и приблизятъ къ портамъ этотъ громадный резервъ человѣчества? Онъ страшно скученъ, въ настоящее время, въ своихъ древнихъ городахъ, имѣющихъ слишкомъ тѣсныя границы, и занимаетъ, поэтому, даже плавучіе дома. Этой сонной и оцѣпенѣлой массой китайская имперія заполнена до того, что готова разорваться на части. И эта масса можетъ броситься на Европу, которая старается тысячью уколовъ пробудить ее отъ вѣкового сна. Но каково же будетъ это пробужденіе? Сумѣетъ ли Европа сдержать этотъ неудержимый потокъ и подчинить его своей волѣ? Правда, я уклоняюсь отъ тѣхъ факторовъ, которые были причиной слабости китайской расы и о которыхъ я говорилъ выше. Китайцы, дѣйствительно, въ теченіе вѣковъ выносили безъ большого сопротивленія иностранное иго, и возможно, конечно, что они также легко будутъ переносить и европейское вліяніе. Но я не считалъ возможнымъ пройти и мимо той опасности, которую заключаютъ въ себѣ нѣкоторые элементы настоящей проблемы.

Приходъ европейцевъ.

Европейцы открыли путь въ Китай тогда же, когда открыли дорогу въ Индію, а именно въ концѣ XV вѣка. Первыми здѣсь также утвердились португальцы, основавъ свои факторіи въ Макао въ 1553 году.

За ними послѣдовали голландцы, которые пытались ихъ отсюда вытѣснить. Они воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что Португалія одно время подпала подъ власть испанцевъ, бывшихъ также и ихъ врагами и захватили нѣкоторыя изъ ея колоній. Они сдѣлались

полными господами на Зондскихъ островахъ и первые пристали къ берегамъ Японіи. Въ 1622 году они завладѣли островомъ Формоза. Они боролись здѣсь противъ японцевъ и противъ испанцевъ Филиппинскихъ островомъ и продержались на этомъ островѣ до 1662 года, когда они были изгнаны уже китайской династіей Минговъ, послѣ того, какъ она сама была оттѣснена съ континента Цингами. Вслѣдъ за португальцами и голландцами, въ Китаѣ очень скоро появились и французы, такъ какъ они имѣли свои интересы на Крайнемъ Востокѣ еще задолго до завоеванія Кохинхины во время царствованія Наполеона III.

Св. Франсуа-Ксавье предпринялъ насажденіе въ Китаѣ христіанства и самъ руководилъ здѣсь первой католической миссіей. Père-La Chaise — духовникъ Людовика XIV-го, добился у короля рѣшенія послать новыхъ миссіонеровъ въ Китай и іезуиты долгое время были здѣсь единственными представителями Запада. Они дѣлали энергичныя усилія, чтобы обратить китайцевъ въ христіанство. Чтобы скорѣе добиться положительныхъ результатовъ, они прибѣгали здѣсь, какъ и въ Европѣ, къ оппортюнизму и даже думали соединить христіанское ученіе съ наиболѣе важными обрядами культа предковъ. Это стремленіе примирить обѣ религіи было подвергнуто строгому разсмотрѣнію во Франціи и споръ о китайскихъ обрядахъ достигъ до Сорбоны, гдѣ попытка іезуитовъ и потерпѣла полное фіаско. Впрочемъ положеніе іезуитовъ въ Китаѣ отъ этого нисколько не пострадало. Благодаря имъ, Франція впродолженіи многихъ вѣковъ сохранила за собой протекторатъ надъ всѣми католическими миссіями на Крайнемъ Востокѣ, что явилось какъ бы расширеніемъ ея привилегій на Левантѣ.

Я укажу на одинъ крайне любопытный фактъ. Въ XVII вѣкѣ іезуиты получили отъ императора Кангъ-Сивъ даръ землю въ городѣ Пекинѣ, лежащую почти у дверей императорскаго дворца. Такимъ образомъ оказывается, что этотъ китаецъ признавалъ вѣротерпимость въ тѣ времена, когда Людовикъ XIV отмѣнилъ Нантскій эдиктъ. Врядъ ли король—солнце съ своей стороны согласился бы добровольно на постройку, положимъ, буддійскаго храма въ Версалѣ. *Петангъ*, т.-е. кварталъ уступленный іезуитамъ-лазаристамъ, *) сдѣлался главной святыней столицы.

Во время войны 1859 года онъ былъ совершенно разрушенъ. По договору въ Пекинѣ лазаристамъ было снова возвращено ихъ мѣсто и выданъ 1 милліонъ франковъ на постройку храма. Они построили тогда новый соборъ, увѣнчанный двумя башнями, съ высоты которыхъ были видны внутренніе покои дворца. Нѣсколько лѣтъ спустя, императрица, царствующая еще и теперь, настойчиво требовала, чтобы христіане покинули Петангъ. Былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы не признавать протектората Франціи надъ католическими миссіями и Ли-Хунъ-Чжанъ обратился къ папѣ съ просьбой прислать въ Пекинъ своего нунція. Но Левъ XIII отклонилъ эту просьбу и разъ навсегда подтвердилъ привилегіи Франціи. Дѣло по поводу Петанга было также улажено мирнымъ путемъ. Императрица приказала отвести іезуитамъ другое мѣсто. Соборъ былъ разобранъ и выстроенъ вновь, но уже на значительномъ разстояніи отъ императорской части города.

Права Франціи на протекторатъ—несомнѣнны, ибо въ Китаѣ су-

*) Лазаристы—члены іезуитской конгрегаціи, основанной св. Винцентомъ Деполь для проповѣди въ чужихъ странахъ. *Прим. переводчика.*

ществуютъ около сорока миссіонерскихъ викаріатовъ, управляемыхъ сорока прелатами, и заключающихъ въ себѣ около тысячи миссіонеровъ, изъ которыхъ почти двѣ трети—французы. Этотъ протекторатъ имѣетъ не только религіозный, но и соціальный характеръ, такъ какъ миссіи, кромѣ церквей устраиваютъ еще школы и больницы. Въ настоящее время въ Китаѣ находится около 630.000 христіанъ, изъ которыхъ 600.000 католиковъ и 30.000 протестантовъ.

Но давно уже интересы религіозные повлекли за собой и интересы экономическіе. Англичане грубо открыли Китай для своей торговли «войною за опіумъ». Этотъ ядъ былъ запрещенъ въ Китаѣ императорскими декретами, которые постоянно нарушались контрабанднымъ путемъ. Въ іюнѣ 1839 года 20.000 ящиковъ опіума были заарестованы кантонской таможней и выброшены въ море. Тогда немедленно появился англійскій флотъ, который блокировалъ Кантонъ, Амои, Шанъ-Хай и сталъ угрожать Нанкину. Китайское правительство принуждено было подписать знаменитый Нанкинскій трактатъ, который былъ первой уступкой, вырванной у него европейцами (29-го августа 1842 г.). Пять портовъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ Пекина, были открыты для европейской торговли: Кантонъ, Амои, Фу-Чу, Нинг-По и Шан-Хай. Большинство другихъ портовъ, морскихъ или рѣчныхъ было открыто послѣ войны 1860 года.

Пользуясь нанкинскимъ трактатомъ, почти всѣ великія державы добились тѣхъ же торговыхъ правъ, что и Англія: Соединенные Штаты въ 1844 году по договору въ Ванхоѣ; Франція въ томъ же году по договору въ Вампоѣ, который кромѣ того заключаетъ въ себѣ оффиціальное признаніе ея религіознаго протектората. Затѣмъ, по очереди, слѣдовали Бельгія, Швеція, Норвегія и мало-по-малу вся остальная Европа. Это иностранное вмѣшательство сильно раздражило китайское населеніе и явилось главной причиной ужаснаго кризиса, который терзалъ имперію впродолженіи двадцати лѣтъ. Кризисъ этотъ показалъ, что въ нѣдрахъ туземнаго населенія существуетъ такое политическое и соціальное броженіе, на которое слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе.

Китай покрытъ сѣтью тайныхъ обществъ, которыя, благодаря своей своеобразной организаціи, совершенно ускользаютъ отъ всякаго изученія. Всѣ эти общества, кажется, направлены къ пропагандѣ возстанія, съ одной стороны, противъ манджурской династіи въ Пекинѣ, а съ другой стороны противъ европейцевъ. Такимъ образомъ, они имѣютъ скорѣе всего характеръ чисто-національный, и все это революціонное движеніе является такимъ образомъ продуктомъ китайскаго національнаго.

Въ 1813 году члены тайнаго общества «Бѣлый Ненюфаръ» захватили императорскій дворецъ, что послужило поводомъ къ ужаснымъ экзекуціямъ. Наиболѣе извѣстнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе грознымъ обществомъ является организація «Тріада», избравшая своимъ девизомъ формулу «Минъ-Шао», которая имѣетъ двойной смыслъ. Ее можно перевести словами: «Да царствуетъ свѣтъ» или «Да царствуетъ Мингъ». Въ эпоху національной династіи Минговъ оно было простымъ благотворительнымъ обществомъ взаимной помощи. Послѣ паденія этой династіи, оно приняло политическій характеръ съ чисто-революціонной окраской и въ настоящее время постоянно организуетъ бунты.

Нанкинскій трактатъ послужилъ поводомъ для одного изъ самыхъ грозныхъ возстаній, извѣстнаго въ Европѣ подъ именемъ возстанія тайпинговъ. Предводитель мятежниковъ Хунгъ родился въ 1813 году,

въ окрестностяхъ Кантона. Онъ призывалъ къ возстанію сначала въ Куанг-Си и около него вскорѣ собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Движеніе это очень быстро захватило сосѣднія провинціи, перешло за Ян-тсе-Кіангъ и Хоан-Хо и достигло воротъ Пекина. Нанкинъ былъ взятъ въ 1853 г. Мятежники сдѣлали его своей столицей въ противовѣсъ столицѣ манджурской династіи. Они отказались отъ обычая имѣть косы и стали носить длинные волосы. Они открыто объявили затѣмъ о своемъ намѣреніи освободить Китай отъ всякаго иностраннаго вліянія.

Въ то же самое время, въ области Юн-Нанскихъ копей возстали мусульмане. Въ Китаѣ ихъ вообще насчитываютъ до 20 милліоновъ, которые разбросаны между Юн-Наномъ и Шан-си къ югу отъ Пекина. Исламъ, безъ сомнѣнія, былъ занесенъ въ эту мѣстность арабскими и персидскими купцами, приходившими черезъ Туркестанъ. Мусульмане Юн-Нана возстали въ 1855 году противъ китайскихъ мандариновъ, которые ихъ угнетали, и образовали родъ независимаго государства вокругъ Тали-Фу. Это возстаніе не слилось съ возстаніемъ тайпинговъ, такъ какъ эти послѣдніе считали мусульманъ также иностранцами, которыхъ необходимо также избивать. Государство Тали было весьма недолговѣчно. Въ 1860 году это мусульманское возстаніе было жестокимъ образомъ подавлено. Оно, тѣмъ не менѣе, ясно обнаружило существованіе весьма значительной мусульманской колоніи, которая не перестаетъ рости и съ которой, быть можетъ, придется еще считаться.

Между тѣмъ, возстаніе тайпинговъ охватило большую часть имперіи, и китайскій императоръ не могъ уже его укротить. 29-го февраля 1856 года священникъ иностранной миссіи, патеръ Августинъ Шапделэнъ, былъ умерщвленъ весьма жестокимъ образомъ на югѣ Китая. Немного времени спустя, было захвачено около Кантона небольшое англійское судно «Arrow». Франція и Англія поспѣшили воспользоваться этими двумя случаями, чтобы добиться новыхъ уступокъ отъ китайскаго правительства. Онѣ опирались на Россію и Соединенные Штаты Сѣв. Америки. Всѣ иностранцы совмѣстно желали расширить коммерческій портъ Китая. Въ іюнѣ 1860 г. былъ подписанъ трактатъ въ Тіен-тзинѣ, который открылъ новые порты для международной торговли, но императоръ отказался его утвердить.

Англо-французская армія высадилась въ Тіен-тзинѣ подъ командой генерала Монтобана и генерала Гранта. Фортъ Таку былъ взятъ штурмомъ. Китайскія войска были разбиты при Пали-Као, европейцы взяли Пекинъ и сожгли въ немъ лѣтній дворецъ. Имперія Цинговъ казалась совершенно разрушенной. Европейцы не были подготовлены для управленія этимъ громаднымъ наслѣдствомъ. Имъ было необходимо, чтобы эта имперія продолжала жить и чтобы они могли эксплуатировать ея богатства. Они боялись тѣхъ таинственныхъ силъ, которыя, казалось, удерживали китайскія массы въ постоянномъ возбужденіи. Они не желали, чтобы Китай возродился путемъ гигантскаго національнаго движенія, характеръ котораго былъ такъ плохо опредѣленъ, но послѣдствія котораго могли быть ужасны. Поэтому они не только вошли въ переговоры съ императоромъ Пекина, который согласился утвердить Тіен-тзинскій договоръ и уступить Гон-Конгъ англичанамъ, но даже предложили ему помочь подавить возстаніе тайпинговъ.

На самомъ дѣлѣ династія Цинговъ была спасена только благодаря помощи иностранцевъ. Тогда было учреждено при китайскомъ императорѣ особое бюро иностранныхъ дѣлъ, или Цзунгъ-ли-Яменъ, для под-

держиванія сношеній съ европейскими державами. Во главѣ его былъ поставленъ принцъ Конгъ, предшественникъ Ли-хун-Чжана.

Англо-французскій корпусъ, сформированный, главнымъ образомъ, изъ побѣдителей при Пали-Као, началъ свои операціи противъ возставшихъ. Вскорѣ погибъ адмиралъ Проте. Затѣмъ Гордонъ, позднѣе Гордонъ-паша *), и Ли-хун-Чжанъ овладѣли Соу-Чоу и отбросили мятежниковъ на югъ отъ Ян-тсе-Кіанга. Въ 1864 году былъ взятъ Нанкинъ. Окончательно востаніе было подавлено франко-китайской арміей, подъ командой капитановъ Эгбелля и Жикеля, въ провинціи Че-Кіангъ, къ югу отъ Шанхая. Послѣднія банды тайпинговъ удалились на югъ къ Анному, гдѣ французы встрѣтили ихъ потомъ двадцать лѣтъ спустя подъ именемъ «черныхъ» и «желтыхъ флаговъ».

Возстаніе тайпинговъ было послѣднимъ шансомъ для самостоятельнаго возрожденія Китая и, быть можетъ, послѣдней попыткой добиться національной независимости. Такимъ образомъ, европейцы, подавляя ихъ возстаніе, не только трудились въ пользу манджурской династіи, но и въ свою собственную. Тіен-тзинскій трактатъ вскорѣ былъ распространенъ и на Пруссію, Данію, Португалію, Испанію, Австрію и Россію. Китай широко раскрылъ свои двери для европейской торговли и для европейскаго вліянія. Онъ сталъ, такимъ образомъ, новой ареной для соперничества великихъ державъ запада или востока. Онъ, казалось, долженъ былъ сдѣлаться самымъ большимъ рынкомъ въ мірѣ, съ тѣхъ поръ, какъ въ него проникли европейцы, такъ какъ въ немъ заключаются неисчерпаемыя богатства растительнаго царства, среди которыхъ шелковица, чай и рисъ занимаютъ первое мѣсто. Его почва содержитъ драгоцѣнныя ископаемыя сокровища и здѣсь можетъ быть открыто такое количество копей, какое существуетъ на всей остальной части земного шара.

Наконецъ, этотъ рынокъ можетъ имѣть кліентуру болѣе, чѣмъ въ 300 милл. человѣкъ. Съ большимъ безпокойствомъ подходили европейцы къ этимъ сокровищамъ. Они боялись, что эта огромная масса населенія выйдетъ вдругъ изъ своего оцѣпенѣлаго состоянія и, вооружившись европейскимъ орудіемъ, дастъ страшный отпоръ европейцамъ, разобьетъ ихъ силы и хлынетъ, затѣмъ, потокомъ на Западъ, какъ нѣкогда гуны и монголы.

Но потомъ, когда это колоссальное чудовище не проявляло никакихъ признаковъ возбужденія и терпѣливо переносило всякаго рода обиды и оскорбленія со стороны европейцевъ, алчность этихъ послѣднихъ взяла перевѣсъ надъ страхомъ и они устремились къ самымъ безцеремоннымъ захватамъ его богатствъ.

Въ 1852 году англичане отняли у короля бирманской имперіи побережья Араканское и Тенассеримское, съ устьемъ рѣки Иравади, гдѣ находится гавань Рангунъ **). Они полагали сдѣлать этотъ пунктъ

---

*) Званіе паши генералъ Гордонъ получилъ отъ египетскаго вице-короля, на службу котораго онъ поступилъ вскорѣ послѣ подавленія возстанія тайпинговъ.
Примѣч. переводчика.

**) Англичане воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что бирманскій намѣстникъ въ Рангунѣ внезапно нарушилъ мирный договоръ, заключенный съ ними королемъ Бирмана въ 1825 году, потребовавъ отъ англійскихъ коммерческихъ судовъ уплаты произвольныхъ таможенныхъ пошлинъ. При этомъ съ англійскими купцами онъ обращался, какъ съ обыкновенными преступниками. Англичане послали ультиматумъ, съ требованіемъ полнаго удовлетворенія потерпѣвшихъ купцовъ. По истеченіи срока ультиматума, англійскій флотъ появился у береговъ бирманской имперіи съ 10.000 человѣкъ десанта и открылъ военныя дѣйствія.
Прим. переводчика.

точкой отправленія для желѣзной дороги въ Китай. Когда же Франція заняла Кохинхину и распространила свою власть на Аннамъ и Тонкинъ, то эти успѣхи стали сильно безпокоить англичанъ, такъ какъ она могла теперь перерѣзать этотъ путь.

Въ то самое время король Бирмана Тибо, опасаясь слишкомъ близкаго сосѣдства англичанъ, занявшихъ берега его имперіи, сталъ добиваться французской дружбы. Это послужило толчкомъ для рѣшительныхъ дѣйствій Англіи, которая воспользовалась первымъ случайнымъ предлогомъ *).

Въ концѣ 1885 г. англійская армія вступила въ Бирманъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Король Тибо былъ взятъ въ его дворцѣ, въ Авѣ, и отправленъ со всей своей семьей въ Рангунъ. 1-го января 1886 г. приказомъ вице-короля Индіи, лорда Дюфферэна, Бирманъ былъ присоединенъ къ Англіи. Приказъ этотъ гласилъ слѣдующее: «По повелѣнію королевы-императрицы, симъ объявляется, что территорія, управляемая до сего дня королемъ Тибо, перестаетъ ему принадлежать и будетъ управляться, пока это будетъ угодно ея величеству, офицерами, которые будутъ назначаться вице-королемъ и губернаторомъ Индіи».

На верхнемъ теченіи Иравади, въ сѣверной части Бирмана, англичане устроили постъ Ба-Мо съ намѣреніемъ вести отсюда дорогу къ Юн Нану, сосѣдями котораго они теперь стали. Ба-Мо находится только въ 350 километрахъ отъ Тали и въ 550 километрахъ отъ Юн-Нан-Фу. Въ 550 километрахъ отъ Ба-Мо отстоитъ также и Ханои. Но Ба-Мо отдѣленъ отъ Юн-Нана огромными горными хребтами, черезъ которые будетъ довольно трудно устроить сообщеніе. Красная рѣка, напротивъ, представляетъ прекрасный естественный путь между Юн-Наномъ и Тонкиномъ. Вскорѣ же, послѣ войны 1860 года, французы также устроились по сосѣдству съ Китаемъ. Чтобы отомстить за смерть миссіонеровъ, умерщвленныхъ аннамскими мандаринами, Франція въ 1862 году заняла нижнюю Кохинхину. Въ 1863 году король Камбоджи, находясь въ натянутыхъ отношеніяхъ съ королемъ Сіама, отдалъ свое королевство подъ протекторатъ Франціи. Она явилась тогда наслѣдницей правъ Камбоджи на правый берегъ нижняго теченія Ме-Конга, соперничая такимъ образомъ съ Сіамомъ. Этими правами она и воспользовалась впослѣдствіи.

Въ 1883—85 гг. она вела большую войну съ Аннамомъ. Завоеваніе Тонкина было сопряжено съ большими трудностями въ виду присутствія здѣсь «Черныхъ флаговъ», поддерживаемыхъ самимъ Китаемъ. Послѣ долгой кровавой борьбы французы разбили, наконецъ, китайскія войска и Тіен-Тзинскій договоръ оставилъ за ними Аннамъ и Тонкинъ. Такимъ образомъ, она овладѣла большей частью Индо-Китая.

Въ 1894 году она принудила сіамскаго короля признать ея владѣніемъ все теченіе рѣки Ме-Конга. Управленіе г. Думера этой новой имперіей уже проявилось значительными результатами. Его путешествіе въ Бан-Кокъ въ 1899 году пріобрѣло новыя выгоды для Франціи: граница Кохинхины и Камбоджи была отодвинута по направленію къ западу присоединеніемъ Шантабу и, кромѣ того, двое изъ министровъ Сіама будутъ отнынѣ французы (именно для постройки и

*) Этотъ предлогъ—отказъ со стороны бирманскаго короля отмѣнить, по требованію англичанъ, нѣкоторыя изъ своихъ распоряженій, касающіяся иностранной торговли. *Прим. переводчика.*

эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, между Сангономъ и Бан-Кокомъ). Сверхъ всего этого, область Лао, которая занимаетъ такое важное положеніе близъ Луанъ-Прабанга, сдѣлалась совершенно французской.

Французская имперія въ Индо-Китаѣ имѣетъ значительную цѣнность. Богатая, благодаря своему климату и обилію минеральныхъ богатствъ, и населенная, кромѣ того, болѣе чѣмъ 20-ю милліонами жителей, она достигнетъ, несомнѣнно, благосостоянія, какъ только появятся въ ней удобныя пути сообщенія. Изъ всѣхъ европейскихъ владѣній въ этихъ странахъ она занимаетъ наилучшую позицію по отношенію къ Китаю. Она является превосходной базой для дипломатическихъ и военныхъ операцій при упорядоченіи китайскаго вопроса. Благодаря этой имперіи, Франція занимаетъ мѣсто среди наиболѣе заинтересованныхъ этимъ вопросомъ державъ. Наконецъ, она соприкасается непосредственно съ самыми богатыми и наиболѣе населенными провинціями Китая бассейна Си-Кіанга. Она находится въ постоянныхъ коммерческихъ сношеніяхъ съ Юн-Наномъ и Куан-Си. Мон-Тсе, таможенный китайскій постъ между Юн-Наномъ и Тонкиномъ, заваленъ теперь работой. Здѣсь будетъ построена французскими инженерами желѣзная дорога по направленію къ Юн-Нан-Фу.

Такимъ образомъ, французская имперія въ Индо-Китаѣ обѣщаетъ многое въ будущемъ и, главнымъ образомъ, благодаря ея сосѣднему положенію съ Китаемъ. Это положеніе позволитъ Франціи занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди державъ при рѣшеніи китайской проблемы.

Съ этой точки зрѣнія еще также выгодно и положеніе Россіи, которая надвигается съ сѣверной границы Китая. Въ 1858 году по Айгунскому трактату она пріобрѣла весь лѣвый берегъ Амура и графъ Муравьевъ, счастливый посредникъ въ этомъ дѣлѣ, получилъ за это титулъ графа Амурскаго. Въ 1860 году Пекинскій трактатъ закрѣпилъ за русскими земли, лежащія между Уссури и Японскимъ моремъ. Здѣсь они немедленно построили Владивостокъ. Въ 1875 году они пріобрѣли у японцевъ островъ Сахалинъ въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Кромѣ того, ихъ Сибирь имѣетъ сама по себѣ громадную цѣнность и обнаруживаетъ все болѣе значительныя богатства. На Алтайскихъ горахъ, напримѣръ, и берегахъ Амура находятся въ изобиліи золотыя розсыпи. Но тѣмъ не менѣе, цѣнность Сибири не можетъ быть сравниваема съ съ цѣнностью французскаго Индо-Китая.

Что касается Сибирской желѣзной дороги, то она, несомнѣнно, является грознымъ орудіемъ въ рукахъ русскихъ для ихъ дѣйствій въ Китаѣ. Конечно, она будетъ имѣть также и большое коммерческое значеніе, такъ какъ она дастъ выходъ сибирскимъ богатствамъ, котораго въ настоящее время не достаетъ, и, кромѣ того, будетъ самымъ короткимъ путемъ изъ Европы въ Пекинъ. Но главное ея значеніе, конечно, стратегическое. Она дастъ возможность Россіи въ нѣсколько дней перенести на китайскую границу огромную армію, которая, быть можетъ окажется способной урегулировать судьбы этой огромной имперіи.

Вотъ почему русская политика послѣднихъ лѣтъ упорно преслѣдуетъ сохраненіе мира. Еще не пришло время для энергичныхъ дѣйствій. Въ ожиданіи его прихода, русскіе предпринимаютъ изслѣдованіе центральной Азіи и проходятъ съ чисто научными цѣлями западныя и сѣверныя провинціи Китая, Монголію, долину Тарима и даже Тибетъ. Они ткутъ ту сѣть, которая охватитъ мало-по-малу съ сѣвера весь Китай. Они подготовляютъ такимъ образомъ будущее:

Расчлененіе Китая.

Будущее Китая, о которомъ я говорилъ выше, уже не за горами. Въ 1894 году Японія прямо поставила китайскій вопросъ на первую очередь и даже хотѣла его разрѣшить собственными силами. Надо вообще сказать, что развитіе Японіи за послѣднія 50 лѣтъ представляетъ крайне интересное зрѣлище. Почти столь же замкнутая полвѣка тому назадъ, какъ и Китай, она также непріязненно относилась къ европейцамъ и также дурно управлялась отсталой олигархіей, которая обнаруживала нѣкоторое сходство съ феодализмомъ Европы среднихъ вѣковъ. Раздираемая постоянными распрями, которыя казалось должны были удерживать ее въ полной безпомощности, она вдругъ преобразилась, вооружилась по европейски, вообще организовалась и заставила Европу считаться съ ея мнѣніемъ. Этотъ быстрый переворотъ представляетъ собою примѣръ необыкновенной способности восточныхъ народовъ къ ассимиляціи. Можно представить себѣ, какую грозную имперію могъ бы создать застывшій въ настоящее время Китай, если бы онъ рѣшился на подобный же шагъ!

Въ 1868 году произошла революція, которая спасла и возвысила Японію. Императоръ, который до сихъ поръ являлся только высшимъ лицомъ духовной іерархіи, и былъ устраненъ отъ всякой дѣйствительной роли въ управленіи, вырвался внезапно изъ рукъ своихъ оффиціальныхъ тюремщиковъ, захватилъ самъ власть и утвердился затѣмъ въ Токіо. Онъ низвелъ дайміосовъ *) до положенія послушныхъ исполнителей его воли и далъ своей имперіи учрежденія, скопированныя съ учрежденій европейскихъ государствъ. Онъ заимствовалъ затѣмъ у Европы ея вооруженіе, воспользовался ея научными рессурсами и организовалъ армію и флотъ по европейскому образцу. Такимъ образомъ онъ заставилъ сразу свой народъ перешагнуть черезъ нѣсколько вѣковъ исторіи. Даже преобразованія Петра Великаго не были такъ радикальны. Вообще немного найдется людей, которые оказали бы такое вліяніе на нравы и судьбы своей родины, какъ японскій императоръ Мутцу-Хито, имя котораго въ исторіи будетъ, несомнѣнно, окружено ореоломъ славы. Эту славу онъ, безспорно, заслужилъ.

Нельзя сказать, что бы японскій императоръ и его подданные приходили въ восторгъ отъ учрежденій Запада. Они просто поняли, что подавляющее превосходство Европы надъ Востокомъ есть результатъ болѣе высокой культуры, и постарались постичь европейскую науку. Эта наука послужила имъ, какъ орудіе ихъ независимости, такъ какъ теперь уже ни одна изъ европейскихъ державъ и не помышляетъ отнять у нихъ свободу.

Мутцу-Хито имѣлъ болѣе обширные замыслы. Онъ думалъ завоевать нѣкоторыя китайскія земли и прочно основаться на континентѣ. Очень можетъ быть, что ему и удалось бы подчинить себѣ и преобразовать Китай, если бы Европа не стерегла его, какъ свою жертву. Японскій императоръ появился на арену исторіи слишкомъ поздно. Появись онъ вѣкомъ раньше, онъ несомнѣнно былъ бы однимъ изъ великихъ завоевателей на Крайнемъ Востокѣ.

Японія подѣлила съ Китаемъ очень неопредѣленныя права на сюзеренство по отношенію къ Кореѣ и это совмѣстное право представ-

*) Дайміасами назывались въ Японіи намѣстники императора въ различныхъ областяхъ, которые являлись настоящими феодальными князьками. *Прим. переводч.*

ляетъ прекрасный матеріалъ для постоянныхъ конфликтовъ. Подъ предлогомъ, что китайцы недостаточно добросовѣстно уважаютъ независимость Кореи и, такимъ образомъ, вредятъ Японскому вліянію, Японія въ 1894 году объявила имъ войну.

Для европейцевъ это было внезапнымъ открытіемъ ея силы. Впродолженіи шести мѣсяцевъ, съ іюля 1894 года по февраль 1895 г., китайскія войска потерпѣли цѣлый рядъ жестокихъ пораженій. Оттѣсненныя изъ Сеула и разбитыя при Пинъ-Янгѣ, они не могли помѣшать переходу японскихъ войскъ черезъ р. Ялу, которая служитъ границей между Кореей и Манчжуріей. Такимъ образомъ, дорога на Мукденъ была для японцевъ открыта. Ихъ флотъ въ то же время безъ особыхъ затрудненій овладѣлъ Портъ-Артуромъ (въ ноябрѣ 1894 г.) и Вей-хай-веемъ (въ февралѣ 1895 г.), блокировалъ все побережье Печелійскаго залива и Китаю оставалось только сдаться на милость побѣдителя. Бѣдный Китай разбился, какъ старый фарфоръ при соприкосновеніи съ японской сталью.

Надѣясь избѣжать европейскаго вмѣшательства, японцы прекратили военныя дѣйствія и поспѣшили начать переговоры. 17-го апрѣля 1895 года въ Симоносаки былъ заключенъ миръ, причемъ Корея должна была сдѣлаться независимой, а Японія получила Формозу, острова Пескадоресъ (или Понгъ-Ху) и полуостровъ Ліан-Тунгъ или Портъ-Артуръ.

Но устранить вмѣшательство европейцевъ Японіи все-таки не удалось. Европейскія державы и, главнымъ образомъ, Россія опасались, что Японія, занявъ Портъ-Артуръ, который находится напротивъ Тіен-Тзина и Пекина, можетъ оказывать болѣе сильное давленіе на китайское правительство. Россія боялась, чтобы Японія не взяла въ свои руки дѣло возрожденія китайской имперіи и чтобы китайскіе рынки не оказались закрытыми для русской торговли и, наконецъ, чтобы Японія, опираясь на Китай, не изобрѣла бы вдругъ какой-нибудь новой политической доктрины для Азіи, вродѣ, напр., знаменитой доктрины Монрое для Америки. Подобныя же безпокойства внушалъ Европѣ въ 1840 году египетскій паша Мехемедъ-Али. Кромѣ того, Европа вообще не желала, чтобы Китай былъ выведенъ изъ своего безпомощнаго состоянія. Она привыкла считать его, какъ и турецкаго султана, «больнымъ человѣкомъ», наслѣдство послѣ котораго она должна получить.

Россія, Франція и Германія сочли нужнымъ вмѣшаться и принудили Японію оставить часть ея добычи и отказаться отъ ея континентальныхъ замысловъ. 5-го мая былъ измѣненъ договоръ, подписанный въ Симоносаки: Японія должна была теперь удовольствоваться только островами Формозой и очистила полуостровъ Ліанъ-Тунгъ. Такимъ образомъ Японія опять была отброшена въ море и этимъ самымъ эта «имперія восходящаго солнца», какъ она сама себя называетъ, была лишена права подвигаться «къ закату» и вмѣшиваться, наравнѣ съ европейскими державами, въ китайскій вопросъ. Ей оставалось только подчиниться требованіямъ европейцевъ, но она, конечно, не была удовлетворена тѣмъ, что получила только Формозу, такъ какъ надѣялась на другіе результаты своей побѣды.

Время отъ времени, появляются предположенія о возможности дружбы между Китаемъ и Японіей. Если бы это сближеніе дѣйствительно состоялось, если бы эти два родственные народа заключили между собой тѣсный союзъ и если бы Китай передалъ Японіи заботу о его буду-

щемъ, то возможно, что судьбы крайняго Востока могли бы совершенно измѣниться. Но Европа не дремлетъ и сдѣлаетъ все, чтобы помѣшать выздоровленію этого «больного человѣка». Даже необходимо, чтобы она поторопилась принять рѣшительныя мѣры и воспользоваться слабостью китайской имперіи. Побѣды японцевъ—это предупрежденіе. Онѣ показали удивительную хрупкость этого колосса, котораго Европа такъ боялась.

Недостатка въ поводахъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, конечно, не будетъ. Европейскія державы увѣряютъ, что онѣ обезпечили цѣльность Китая, что онѣ изгнали его враговъ и оказали ему такія услуги, за которыя онъ долженъ быть имъ благодаренъ. Онѣ дѣйствительно, быть можетъ, оказали громадную услугу, если и не самому Китаю, то во всякомъ случаѣ, манчжурской династіи. А всякая услуга должна быть вознаграждена, такъ какъ безкорыстіе въ политикѣ является только наивностью. Съ другой стороны, благодаря китайско-японской войнѣ, весь Китай былъ приведенъ въ волненіе и во многихъ мѣстахъ стало не безопасно вести торговыя сношенія. Еще въ 1898 году въ Куанг-Си и Куанг-Тунѣ пытался вызвать востаніе Ли-Лан-Янгъ, одинъ изъ вожаковъ «Тріады», который предполагалъ свергнуть правительство вдовствующей императрицы и изгнать «иностранныхъ дьяволовъ». Тогда англичаніе высадили войска на китайскій берегъ напротивъ Гон-Конга. Подъ этими различными предлогами великія европейскія державы отрѣзываютъ себѣ все новые и новые куски изъ китайской территоріи и эта операція, несомнѣнно, есть только начало окончательнаго раздѣла Китая.

Россія заняла Портъ-Артуръ и Таліенъ-ванъ. Отсюда, такимъ образомъ, не видно, какую же выгоду получилъ Китай, благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ въ его переговоры съ Японіей. Развѣ только то, что та опасность, которая угрожала ему со стороны Японіи была замѣнена теперь опасностью со стороны Россіи. Было бы развѣ для него выгоднѣе быть поглощеннымъ русскими, чѣмъ японцами? Русскіе, конечно, не замедлятъ извлечь всѣ выгоды, какія будетъ возможно, изъ своего новаго положенія. Они все болѣе и болѣе усиливаютъ свое вліяніе въ Манчжуріи и Кореѣ. Ихъ консулъ въ Сеулѣ оказываетъ большое давленіе на корейское правительство. Они думаютъ воспользоваться своимъ вліяніемъ въ этихъ областяхъ для проведенія сибирскаго пути черезъ Манчжурію вплоть до Портъ-Артура, а можетъ быть, и Пекина. Они все ближе и ближе надвигаются, такимъ образомъ, на Китай.

28-го апрѣля 1899 года англійскій посолъ въ С.-Петербургѣ, сэръ Скоттъ, и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Муравьевъ обмѣнялись нотами, въ силу которыхъ Англія обязалась не брать никакихъ концессій для постройки желѣзныхъ дорогъ на сѣверъ отъ Великой стѣны. Россія же, съ своей стороны, дала точно такое же обязательство относительно бассейна Янгъ-То-Кіанга, въ которомъ она признала преимущество Англіи. Русскіе имѣютъ въ Пекинѣ школу переводчиковъ. Они проектируютъ устроить желѣзную дорогу отъ Пекина до большого города Сингала, въ которомъ имѣется до 500.000 жителей и откуда направляются караваны въ Кашгаръ и Тибетъ. Уже понемногу обрисовывается та область, которую русскіе думаютъ сохранить для себя. Она простирается отъ Памира до Пекина черезъ китайскій, Туркестанъ и Монголію. Франція, которая также оказала своеобразную «услугу» Китаю своимъ вмѣшательствомъ въ Симоносакскій

договоръ, «вознаграждена» на югѣ Китая около Юнъ-Нана. Она заставила дать ей концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, которая служила бы продолженіемъ желѣзныхъ дорогъ Тонкина. Ни одна изъ европейскихъ державъ не можетъ уже получить здѣсь что-либо отъ Китая, такъ какъ вся территорія къ югу отъ Си-Кіанга находится въ сферѣ французскаго вліянія. Франція сохранила за собой монополію на постройку желѣзныхъ дорогъ во всей этой области. Въ такихъ же условіяхъ находится теперь и богатый островъ Хайнанъ, имѣющій отъ 2 до 3 милліоновъ жителей и закрывающій Тонкинскій заливъ. Въ восточной части этого острова, а также на полуостровѣ Ланъ-Чау, Франція пріобрѣла портъ Куанъ-Чау-Кванъ и построила здѣсь укрѣпленіе. Свободная проповѣдь католической религіи въ Китаѣ была еще разъ подтверждена и снова былъ признанъ французскій протекторатъ надъ католическими миссіями.

Такимъ образомъ, вся южная полоса Китая, вдоль всего Си-Кіанга до Юн-Нана, мало-по-малу входитъ въ сферу французскаго вліянія. Что же касается самого Юн-Нана, то здѣсь еще придется бороться съ англійскимъ вліяніемъ.

Германія также была въ числѣ «благодѣтелей» Китая въ томъ же самомъ симоносакскомъ вопросѣ. Сразу она ничего не получила. Но въ 1897 году ей представился случай напомнить о своихъ услугахъ. Въ Китаѣ имѣется нѣкоторое число католическихъ монаховъ нѣмцевъ. Они явились сюда, главнымъ образомъ, въ эпоху Kulturkampf'а *), спасаясь отъ преслѣдованія германскаго правительства. Въ 1887 году, будучи преданы, какъ католики, особой политикѣ, они организовали нѣмецкій католическій викаріатъ на Шан-Тунгѣ. 1-го декабря 1897 года двое нѣмецкихъ миссіонеровъ были жестокимъ образомъ умерщвлены. Тогда нѣмецкое правительство захватило бухту Кіао-Чау, на самомъ югѣ полуострова Шан-Тунга.

Китай призналъ совершившійся фактъ и далъ новыя льготы германской торговлѣ во всей провинціи. Шан-Тунгъ представляетъ изъ себя, пожалуй, самую лучшую и самую богатую изъ всѣхъ провинцій имперіи, онъ простирается на западъ за Нуан-Хо и обладаетъ богатыми залежами каменнаго угля. По пространству онъ немного болѣе 1/4 Франціи и населенъ болѣе, чѣмъ 30 милліоновъ жителей. Если нѣмецкое правительство удержитъ здѣсь свои преимущества, что, впрочемъ, повидимому, уже рѣшено, то позиція Германіи въ Кіау-Чау будетъ, несомнѣнно, имѣть громадную важность. Эта важность усугубляется близкимъ сосѣдствомъ англичанъ, которые заняли другой пунктъ на томъ же полуостровѣ и могутъ оказать серьезную конкуренцію своимъ сосѣдямъ.

Англія, съ своей стороны, хотя и не оказала Китаю никакой услуги въ его несчастьи (она поддерживала политику японцевъ), хотя она и не потеряла убитыми ни одного миссіонера, тѣмъ не менѣе, за-

---

*) Культуркампф'омъ называютъ политику Германіи въ отношеніи католическаго духовенства съ 1872 года по 1879 г. Впервые употребилъ это названіе въ въ 1873 г. Вирховъ для обозначенія борьбы прусскаго и отчасти общеимперскаго права противъ папской власти. Въ 1872 г., по постановленію германскаго рейхстага, изъ Германіи были изгнаны всѣ существовавшіе въ ней ордена іезуитовъ, послѣ чего послѣдовалъ рядъ законовъ, которые устанавливали строгій надзоръ за католическимъ духовенствомъ (такъ называемые—«майскіе законы»). Иниціаторомъ политики Kulturkampf'а былъ Бисмаркъ, а главнымъ исполнителемъ его плановъ—прусскій министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій Фалькъ.

Примѣч. переводчика.

ставила Китай заплатить и ей, во имя важности ея коммерческихъ интересовъ и во имя сохраненія европейскаго равновѣсія въ Китаѣ. Это «европейское равновѣсіе» очень часто является очень удобнымъ аргументомъ.

Японцы оставили для нея завоеванный Вей-Хай-Вей на Шан-Тунгѣ при входѣ въ Печелійскій заливъ противъ Портъ-Артура. Китай, съ своей стороны, сдѣлалъ для нея нѣсколько уступокъ, признавъ за ней привилегированное положеніе въ области средняго теченія Ян-тсе-Кіанга. Англія мечтаетъ провести желѣзную дорогу вдоль всей этой великой рѣки черезъ весь Китай до Юн-Нана, чтобы тамъ присоединить эту дорогу къ своей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Бирманѣ. Это былъ бы громадный коммерческій путь изъ Шан-хая въ Калькутту, черезъ наиболѣе плодородныя земли Азіи. Но пока еще многое надо сдѣлать, чтобы эта мечта получила реальное осуществленіе. Всѣ остальныя коммерческія державы также стремятся что-нибудь захватить въ Китайской имперіи. Такъ, Соединенные Штаты держатся за Филиппины только для того, чтобы имѣть значеніе на берегахъ Китая. Они имѣютъ здѣсь уже значительные торговые обороты, но такъ какъ у нихъ здѣсь нѣтъ опредѣленной позиціи, то они опираются на свою дружбу съ Англіей. Вообще двоюродные братья Джонъ и Джонатанъ, въ настоящее время, являютъ примѣръ поистинѣ трогательнаго согласія. Итальянцы также не прочь были бы захватить какую-либо часть китайской территоріи. Они хотѣли занять бухту Сан-Мунъ, находящуюся почти въ 200 километрахъ къ югу отъ Шанхая, на берегу Че-Кіанга. Они для этого не имѣли никакого повода: ни указанныхъ выше «услугъ», ни убитыхъ миссіонеровъ, ни коммерческихъ интересовъ, которые «надо охранять». Правда, ихъ поддержали англичане, которымъ было выгодно имѣть въ китайскихъ водахъ одного лишняго союзника, чтобы уравновѣсить, такимъ образомъ, образовавшійся въ 1895 году, союзъ Россіи, Франціи и Германіи, но и эта поддержка не помогла итальянцамъ. Дѣло въ томъ, что вліяніе Англіи на Тзунъ-Ли-Яменъ сильно уменьшилось за послѣднее время и въ мартѣ 1899 года онъ категорически отвергнулъ всѣ домогательства итальянцевъ.

Въ настоящій моментъ всѣ иностранныя державы, которыя стремятся къ раздѣлу Китая, могутъ быть распредѣлены на двѣ группы: съ одной стороны, великія континентальныя державы—Россія, Франція и Германія, и съ другой стороны, великія морскія державы—Англія, Соединенные Штаты и Италія. Эта группировка, само собой разумѣется, не можетъ быть устойчивой. Изъ всѣхъ вышеуказанныхъ державъ только Россія и Франція, а затѣмъ Англія и Америка дѣйствительно поддерживаютъ другъ друга. Японія выжидаетъ моментъ и ищетъ новыхъ путей для своей политики. Между тѣмъ, желѣзныя дороги все дальше и дальше проникаютъ въ глубину Китая. Одна, напримѣръ, франко-бельгійская компанія имѣетъ концессію на проведеніе центральной дороги изъ Пекина черезъ Ханкоу на Кантонъ. Это будетъ главный стволъ желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, къ которому присоединятся вѣтви, идущія со всѣхъ пунктовъ Азіи, сибирская дорога на Пекинъ, закаспійская дорога черезъ Туркестанъ и долину Тарима, англійскія дороги черезъ Бирманъ и Юн-Нанъ и, наконецъ, французскія дороги черезъ Тонкинъ и долину Си-Кіангъ. Китай похожъ теперь на «старый стволъ дерева, въ которомъ скрещиваются разрушающіе его ходы термитовъ». Побѣда европейской цивилизаціи была искуснымъ образомъ подготовлена. «Желтый призракъ», кото-

рый такъ долго пугалъ Европу, кажется, совершенно разсѣялся, по крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, что всѣ эти проектированныя линіи, по которымъ европейскіе инженеры заставятъ циркулировать паръ и электричество, если и оживятъ Китай, то вовсе не для того, чтобы направить его противъ «иностранныхъ дьяволовъ». Этотъ призракъ нуженъ былъ только для того, чтобы спасти Японію. Теперь же она въ немъ не нуждается, такъ какъ заняла уже такое положеніе среди державъ міра, при которомъ ея независимость обезпечена.

Глава XI.

Соединенные Штаты.

Образованіе Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Европѣ и въ частности во Франціи очень мало знакомы съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. До послѣдняго времени имъ не больше оказывали вниманія, чѣмъ колоніямъ Франціи или Англіи. Но пораженіе Испаніи привлекло къ нимъ всеобщее вниманіе. Это внезапное вторженіе Соединенныхъ Штатовъ въ міровую политику явилось съ ихъ стороны какъ бы узурпаціей. До сихъ поръ всѣмъ было извѣстно, что равновѣсіе въ міровой политикѣ зависѣло отъ соперничества пяти или шести главныхъ европейскихъ державъ, а тутъ вдругъ вводится въ задачу еще одно неизвѣстное. Это, конечно, страннымъ образомъ измѣняетъ уравненіе.

Въ исторіи послѣднихъ лѣтъ дѣйствительно нѣтъ болѣе значительныхъ событій, кромѣ побѣды Соединенныхъ Штатовъ надъ Испаніей. Необходимо поэтому болѣе близко ознакомиться съ этимъ столкновеніемъ и опредѣлить его мѣсто на страницахъ исторіи. Соединенные Штаты представляютъ изъ себя прекрасное созданіе духа свободы. Но они, кажется, иногда забываютъ это при своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями. Тотъ же духъ свободы во Франціи привелъ послѣ 1789 года къ революціонной пропагандѣ, а затѣмъ и къ наполеоновскаму имперіализму.

Первые англійскіе колонисты, которые прибыли въ Сѣверную Америку, бѣжали отъ монархическаго абсолютизма и религіозныхъ преслѣдованій; они не желали платить налоги, не принятые ихъ депутатами и не хотѣли произносить молитвъ, которыя были имъ навязаны. Они предпочли свободу совѣсти своей родинѣ и не остановились передъ тяжелымъ трудомъ воздѣлыванія новыхъ земель. Они еще болѣе укрѣпили, среди этихъ колонизаціонныхъ трудовъ, свою любовь къ личной и національной независимости. Ничто такъ не закаляетъ характеръ, какъ трудъ. Они сильно способствовали, на ряду съ солдатами метрополіи, побѣдамъ въ семилѣтней борьбѣ съ Наполеономъ I и гордились тѣмъ, что образовали на восточномъ берегу Атлантическаго океана новую Англію. Океанъ былъ такимъ образомъ только широкой улицей, раздѣляющей англійскія земли. Они, конечно, считали себя равными своимъ соотечественникамъ въ Европѣ и даже, пожалуй, выше ихъ, благодаря сознанію своей моральной силы, а также того обстоятельства, что они завоевали себѣ положеніе только упорнымъ и тяжелымъ трудомъ.

Когда торійское правительство захотѣло обложить ихъ налогомъ,

котораго они не желали признавать, и стало обращаться съ ними не какъ съ свободными гражданами, а какъ съ своими подданными, они показали себя болѣе англичанами, чѣмъ лондонское правительство, и отвергли налогъ *). Они встрѣтили одобреніе со стороны премьера Питта, который доказывалъ неполитичность этой мѣры и отрицалъ самое право Англіи облагать колоніи налогами, не вотированными ихъ законодательными собраніями. «Вы не восторжествуете надъ англичанами Америки,—говорилъ Питтъ въ палатѣ лордовъ,—и это также вѣрно, какъ то, что я не могу васъ обратить въ бѣгство моей палкой».

Американскіе колонисты всегда охотно принимали участіе въ налогахъ Англіи, которые шли на уплату расходовъ, понесенныхъ во время Семилѣтней войны. Но они хотѣли, чтобы эти налоги непремѣнно были бы одобрены ихъ представителями, а не были бы только имъ навязаны. Ихъ предки покинули родину изъ любви къ свободѣ и это славное наслѣдство они хотѣли во что бы то ни стало спасти. Имъ не пришлось отъ него отказаться, такъ какъ они, въ концѣ концовъ, остались побѣдителями. Англія потеряла большую часть Сѣверной Америки послѣ войны съ Соединенными Штатами; эта война дорого ей обошлась и вызвала новые налоги, которые она уже ни съ кѣмъ не могла раздѣлить.

Англо-американское столкновеніе имѣло еще и другія, болѣе важныя послѣдствія. Оно устранило возможную гегемонію англо-саксонской расы надъ всѣмъ міромъ, которая могла бы имѣть мѣсто, если бы Питту удалось убѣдить правительство исполнить желаніе американскихъ колонистовъ и если бы Соединенные Штаты остались въ рукахъ Англіи. Можно себѣ представить, какія послѣдствія могло бы имѣть подобное положеніе вещей для мірового равновѣсія, когда Лондонъ и Вашингтонъ являлись бы столицами одной и той же имперіи.

Американцы въ концѣ XVIII вѣка спасли міровое равновѣсіе и вмѣстѣ со своей свободой спасли свободу и другихъ народовъ. Въ настоящее время американцы предпочитаютъ перейти въ другой лагерь. Здѣсь они могутъ обрѣсти золото, но вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣсти и страшную къ себѣ ненависть со стороны другихъ народовъ. Впрочемъ, сильные народы обыкновенно презираютъ судъ исторіи. Послѣ своего возникновенія Соединенные Штаты быстро разбогатѣли, такъ какъ Европа въ это время была раздираема болѣе чѣмъ въ теченіе 20-ти лѣтъ международными распрями, которые и послужили на пользу американцамъ. Усиленная эмиграція изъ Европы значительно увеличила народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ и смѣшала тамъ самые разнообразные космополитическіе элементы, которые позднѣе способствовали образованію имперіализма. Древній Римъ также принималъ въ свои стѣны стекавшихся отовсюду иностранцевъ по праву защиты **) и это разнообразіе народностей, можетъ быть, и натолкнуло его на идею всеміарнаго господства. Въ 1812 году вспыхнула новая война между Соединенными Штатами и Англіей, которую американцы называютъ второй войной за независимость. Наполеонъ не любилъ американцевъ

*) Налогъ этотъ торійское правительство предписало ввести въ видѣ особаго гербоваго сбора, мотивируя его необходимость разстроенными войной финансами и желаніемъ возложить на колоніи часть бремени отъ войны, веденной въ ихъ интересахъ. *Прим. переводчика.*

**) Авторъ книги, вѣроятно, подразумѣваетъ здѣсь такъ называемое hospitium publicum, т.-е. принятіе иностранца подъ защиту самимъ государствомъ. *Примѣч. переводчика.*

и пренебрегъ возможностью соединиться съ ними. Вообще традиціи франко-американскаго альянса были уже утрачены со временъ Людовика XVI. За то оба Наполеона мечтали разрушить или, по крайней мѣрѣ, хоть немного ограничить господство англо-саксонской расы. Въ 1812 году англичане опирались на индѣйцевъ въ своей борьбѣ съ Соединенными Штатами. Но въ 1814 году, когда война была окончена, другія заботы заставили англійское правительство всецѣло отдаться европейскимъ дѣламъ. Тогда американцы поспѣшили урегулировать вопросъ объ индѣйцахъ, принимая такія же мѣры, какъ и турецкій султанъ по отношенію къ армянамъ, и въ настоящее время ихъ остается всего только уже около 25.000 чел. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и они, несомнѣнно, совершенно исчезнутъ. Англо-саксы любятъ свободу только тогда, когда они ее желаютъ для себя, но по отношенію къ другимъ народамъ они предпочитаютъ право сильнаго.

Они не разъ уже проявляли стремленія къ завоеваніямъ, особенно, когда ихъ междоусобныя распри стихали. Они сильно увеличились въ первой половинѣ XIX вѣка и ихъ современный имперіализмъ есть только слѣдствіе ихъ національныхъ традицій. Въ 1803 году они купили у Бонапарта Луизіану. Это вызвало появленіе вопроса о чернокожихъ, который и привелъ скоро къ ужасному кризису. Этотъ вопросъ еще и до сихъ поръ не разрѣшенъ вполнѣ, къ стыду великой свободной республики, въ которой вообще происходятъ довольно странныя вещи, далеко не соотвѣтствующія демократическому духу страны.

Когда возстали испанскія колоніи въ Центральной и Южной Америкѣ, Соединенные Штаты немедленно заняли Флориду, чтобы обезпечить спокойствіе своей южной границы и затѣмъ, въ 1818 году, они заставили Испанію совершенно отъ нея отказаться. Это дало имъ случай провозгласить доктрину Монрое, въ силу которой Европа имѣетъ право сохранять свои колоніи въ Америкѣ, а Соединенные Штаты имѣютъ право брать себѣ въ Америкѣ все, что имъ потребуется. Америка—для американцевъ—вотъ краткая формула этой доктрины. Отсюда ясно, почему свобода въ ихъ рукахъ очень часто превращалась въ орудіе притѣсненій. Съ тѣхъ поръ они быстро стали расширяться къ дальнему Западу, по направленію къ Скалистымъ горамъ и Тихому океану. Ихъ путь преградила Мексиканская республика, въ составъ которой входилъ Техасъ и вся Калифорнія и которая тянулась вплоть до Санъ-Франциско. Эта республика явилась препятствіемъ для Соединенныхъ Штатовъ и потому была снята съ дороги. Техасъ возсталъ противъ Мексики и въ 1845 году присоединился къ Соединеннымъ Штатамъ. Мексика протестовала и объявила войну, но была разбита. Вера-Круцъ и Мексика были взяты и Мексиканская республика въ 1848 г. подписала въ Гвадалупе—договоръ, въ силу котораго она отказалась отъ всего, что только было полезно для Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, они получили Техасъ, Новую Мексику и континентальную Калифорнію. Имперіализмъ Макъ-Кинлея, какъ оказывается, не былъ новостью для Сѣверной Америки.

Въ 1867 году Соединенные Штаты купили у Россіи территорію Аляски. Она явилась первой ихъ колоніей, первой подчиненной имъ землей, такъ какъ они и не думали вводить свою конституцію въ этой обледенѣлой области. Они поднялись уже до гордаго достоинства метрополіи. Побѣдой надъ Мексикой они завершили свое территоріальное объединеніе отъ одного океана до другого. Вся западная часть Соединенныхъ Штатовъ, т.-е. лежащая къ западу отъ Миссисипи, пред-

ставляла огромное пространство земли, удобной для колонизаціи и поэтому долгое время она служила для американскихъ піонеровъ мѣстомъ для переселеній. Теперь почти всѣ эти земли уже заняты и переселенцы должны искать новыхъ земель, что служитъ, такимъ образомъ, какъ бы внѣшнимъ проявленіемъ страсти къ завоеваніямъ, которая до сихъ поръ удовлетворялась только въ предѣлахъ республики. Между тѣмъ у нихъ еще много дѣла и у себя дома. Они только что начали эксплуатировать свой Far-West, и до сихъ поръ еще главныя массы населенія тѣснятся въ Аллегани и по берегу Атлантическаго океана. Топографическій центръ ихъ поселенія хотя и перемѣщается довольно быстро въ направленіи съ востока на западъ, но онъ все-таки еще очень мало отдалился отъ Цинцинати и находится еще далеко отъ Санъ-Луи, который лежитъ почти въ центрѣ Соединенныхъ Штатовъ. Главные ихъ интересы еще до сихъ поръ на востокѣ. Они не нашли еще своего окончательнаго равновѣсія между двумя океанами. Серьезныя территоріальныя пріобрѣтенія первой половины XIX вѣка, передъ которыми послѣднія присоединенія кажутся чрезвычайно мизерными, были вдругъ прерваны разразившимся кризисомъ рабства. Впродолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ союзъ былъ терзаемъ междоусобной войной, которая скорѣе походила на борьбу двухъ народовъ, чѣмъ на обыкновенную гражданскую войну. Не одинъ только вопросъ о рабствѣ сдѣлалъ югъ и сѣверъ враждующими сторонами. Сѣверъ былъ аболиціонистомъ не только потому, что онъ исповѣдывалъ принципъ свободы для всѣхъ американскихъ гражданъ, но также изъ зависти экономическимъ и политическимъ преимуществамъ, которыя рабство обезпечивало югу. Кромѣ того, сѣверъ былъ англо-саксонскій и протестантскій, а югъ—латинскій и католическій. Эта борьба явилась продолженіемъ войны съ Мексикой въ 1848 г.

Англо-саксонскій сѣверъ оказался побѣдителемъ и рабство было уничтожено. Моральное и политическое объединеніе Соединенныхъ Штатовъ было закончено, по крайней мѣрѣ, между бѣлыми, такъ какъ сліяніе между бѣлыми и черными, несмотря на 40 лѣтъ мира и совмѣстной работы, все еще вполнѣ не закончено. Эти двѣ расы все еще враги другъ другу. Бѣлые не умѣютъ заслужитъ привязанность черныхъ, а черные часто остаются грубыми и жестокими, такъ какъ никто не трудился надъ ихъ воспитаніемъ, надъ пріобщеніемъ ихъ къ моральнымъ интересамъ, ихъ считаютъ недостойными для этого. Бѣлые продолжаютъ презирать черныхъ, какъ зачумленныхъ, и эта расовая борьба, доходящая иной разъ до кровопролитій, продолжается еще во многихъ городахъ *).

---

*) Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Рузвельтъ, который занялъ этотъ постъ послѣ трагической смерти Макъ-Кинлея, съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности вызвалъ страшный взрывъ негодованія за то, что пригласилъ къ себѣ на обѣдъ негра Букера Вашингтона, одного изъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей въ области просвѣщенія черныхъ. Одинъ сенаторъ (отъ штата Южная Каролина) даже прямо заявилъ по этому поводу въ своей рѣчи, что пріемъ негра президентомъ Рузвельтомъ въ Бѣломъ домѣ заставитъ ихъ (т.-е. жителей южныхъ штатовъ) убить тысячи черныхъ на югѣ, чтобы сбить съ нихъ спѣсь. Въ Ригландѣ (въ штатѣ Виргинія) публика освистала въ одномъ театрѣ портретъ Рузвельта и устроила овацію портрету президента Макъ-Кинлея. Президентъ Рузвельтъ уже не въ первый разъ оказываетъ гостепріимство негру. Онъ принималъ не разъ негровъ въ своей резиденціи въ Ойстеръ-беѣ, а также пріютилъ у себя, будучи уже губернаторомъ штата Нью-Іорка, пріѣхавшаго дать концертъ въ Альбани негра-баритона, котораго не пустили ни въ одну гостинницу.

Примѣчаніе переводчика.

Вопросъ о черныхъ еще не рѣшенъ. Конечно, онъ не долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что черные должны быть задавлены бѣлыми. Надо, чтобы бѣлые постарались поднять ихъ до себя и дали бы имъ возможность воспользоваться всѣми благами культуры, чтобы такимъ образомъ избѣжать новой катастрофы. Во всякомъ случаѣ, война съ югомъ надолго обезпечила недѣлимость союза. Онъ можетъ теперь значительно больше силъ направить на эксплуатацію своихъ дѣвственныхъ земель и пріобрѣтеніе новыхъ богатствъ, заняться внѣшнимъ своимъ расширеніемъ и снова слѣдовать впередъ по пути имперіалистской политики.

Доктрина Монроё.

Соединенные Штаты были основаны на принципѣ свободы и аболиціонизмъ явился только его формой и при томъ формой наиболѣе совершенной. Другой существенный принципъ ихъ политическаго существованія—это доктрина Монроё, которая въ концѣ концовъ есть прямое слѣдствіе революціоннаго права. Эта доктрина получила свое чачало въ 1823 году, во время возстанія испанскихъ колоній въ Америкѣ. Испанскій король Фердинандъ VII прибѣгъ къ помощи державъ Священнаго союза и союзъ обѣщалъ (особенно Россія) послать свои войска въ Америку. Въ Соединенныхъ Штатахъ это намѣреніе произвело сильное впечатлѣніе, такъ какъ помимо чисто моральныхъ причинъ, сходныхъ съ тѣми, какія они поддерживали сорокъ лѣтъ тому назадъ, они имѣли теперь еще и коммерческіе интересы и вовсе не желали встрѣтиться съ конкуренціей европейскихъ державъ. По этому поводу Джефферсонъ *) восклицалъ: «Въ то время, какъ Европа работаетъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться областью деспотизма, мы будемъ работать для того, чтобы сдѣлать изъ этого полушарія пріютъ свободы».

2-го декабря 1823 года президентъ Монроё **) послалъ, по случаю вышеуказаннаго событія, въ американскій конгрессъ особое посланіе, въ которомъ было выражено слѣдующее главное положеніе: «Американскій континентъ пользуется и будетъ пользоваться впредь свободой и независимостью, которыхъ онъ достигъ, и не можетъ быть разсматриваемъ поэтому, какъ область для будущей колонизаціи европейскихъ державъ».

Священный союзъ не особенно настаивалъ на своихъ намѣреніяхъ и Испанія потеряла почти всѣ свои колоніи. У ней остались только Куба и Порто-Рико. Симонъ Боливаръ, этотъ Вашингтонъ испанской Америки, пытался создать окончательный союзъ всѣхъ освобожденныхъ земель. Онъ мечталъ даже о сліяніи двухъ Америкъ въ одну единую обширную республику. Конгрессъ, который онъ собралъ въ Панамѣ, чтобы изыскать средства къ этому сліянію, не имѣлъ успѣха. Прежнія испанскія колоніи раскрошились на нѣсколько мелкихъ республикъ, которыя до сихъ поръ еще не нашли себѣ правильной политической организаціи и постоянно ведутъ междоусобныя войны. Послѣднее на руку Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, которые,

---

*) Ѳома Джефферсонъ (Jefferson), третій президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, занялъ постъ президента въ 1801 г. и оставался до 1809 г. (Былъ выбранъ вторично въ 1805 г.). *Примѣчаніе переводчика.*

**) Джемсъ Монроё—пятый президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ. Исполнялъ эту обязанность въ теченіе 8 лѣтъ (1817—1825). *Примѣчаніе переводчика.*

благодаря этимъ безконечнымъ раздорамъ, на самомъ дѣлѣ могутъ подчинить своему господству, въ экономическомъ отношеніи, а быть можетъ, и въ политическомъ, весь Американскій материкъ. Въ началѣ XIX вѣка они были еще слишкомъ молоды, слишкомъ слабы и слишкомъ мало населены, чтобы поглотить всѣ американскія земли; они бы ничего не выиграли отъ такого сліянія и скорѣе всего потерялись бы въ массѣ другихъ расъ. Въ настоящее время положеніе ихъ, конечно, совсѣмъ иное. Война между сѣверомъ и югомъ могла бы навсегда ограничить ихъ полетъ. Всякая междоусобная война всегда благопріятна для вмѣшательства чужеземцевъ. И эта война дала возможность Наполеону III вмѣшаться въ дѣло Мексики. Этотъ шагъ былъ не только «самой великой идеей его царствованія», но, быть можетъ, и самой большой химерой. Я постараюсь изложить эту идею такъ, какъ она представлялась самому императору. Онъ хотѣлъ ограничить ростъ Соединенныхъ Штатовъ при помощи французскаго вліянія въ Мексикѣ и укрѣпить католическую Америку противъ Америки протестантской. Онъ не рѣшился оказать поддержку югу въ войнѣ противъ сѣвера, чтобы не вступать въ прямую войну съ Соединенными Штатами и чтобы избѣжать возможнаго въ такомъ случаѣ вмѣшательства европейскихъ державъ. Соединенные Штаты избѣжали, поэтому, серьезной опасности, такъ какъ, по всей вѣроятности, въ случаѣ, если бы война затянулась, южане получили бы въ Мексикѣ солидную поддержку и, образовавъ вмѣстѣ съ нею массу, объединенную расой и религіей, подняли бы снова борьбу за Техасъ и можетъ быть навсегда испортили бы будущее союзу. Наполеонъ III не могъ лично приводить въ исполненіе свою «великую идею» созданія имперіи Атлантическаго океана, такъ какъ былъ занятъ въ Европѣ другими заботами и ввѣрилъ, поэтому, судьбу Мексики австрійскому эрцъ-герцогу Максимиліану. Какъ только междоусобная война сѣвера и юга была окончена, Соединенные Штаты рѣшительно потребовали отъ Франціи очищенія Мексики и Наполеонъ былъ принужденъ отозвать свои войска въ Европу, оставивъ Максимиліана своимъ собственнымъ силамъ *). Англо-саксонская Америка, такимъ образомъ, восторжествовала.

Съ этихъ поръ Соединенные Штаты постарались упрочить свое, на одинъ моментъ пошатнувшееся положеніе. Они продолжали занимать и эксплуатировать всѣ свои земли, извлекая изъ нихъ громадныя богатства. Они сдѣлались, въ концѣ концовъ, поставщиками большей части свѣта и необыкновенно, вслѣдствіе этого, разбогатѣли. Они уплатили всѣ свои національные долги и уменьшили у себя налоги. Они съ презрѣніемъ стали относиться теперь къ старой Европѣ, задавленной милитаризмомъ, и только ждали случая помѣряться съ ней силами.

Въ настоящее время союзъ заключаетъ въ себѣ 45 штатовъ и, кромѣ того, еще три территоріи будутъ возведены въ достоинство штатовъ, какъ только населеніе въ нихъ будетъ достаточно многочисленно. Союзъ имѣетъ 75 милл. жителей, которые, несмотря на различіе своего происхожденія, представляютъ одну сплоченную массу, съ единымъ національнымъ характеромъ. Этотъ характеръ, а также духъ иниціативы и гордость личной свободой совершенно изгладили различіе происхожденія.

Ихъ экономическая величина была обнаружена для Европы впер-

---

*) Максимиліанъ былъ взятъ вскорѣ въ плѣнъ мексиканскими инсургентами, преданъ военному суду и разстрѣлянъ. *Прим. переводчика.*

вые во время всемірной выставки въ Филадельфіи 1876 года, въ столѣтнюю годовщину ихъ независимости. Выставка имѣла громадный успѣхъ и вскорѣ послѣ нея Соединенные Штаты оказались склонными вступить въ борьбу съ Европой на коммерческой почвѣ, а затѣмъ и на почвѣ политической. Такимъ образомъ, доктрина Монрое не замедлила привести къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Этотъ послѣдній періодъ исторіи американскаго имперіализма можно резюмировать однимъ именемъ теперешняго президента республики Макъ-Кинлея *), который сознаетъ величіе своей родины, вѣритъ въ ея будущее и задается для нея самыми широкими, полными честолюбія планами. Прежде всего онъ объявилъ войну европейской торговлѣ и претендовалъ изгнать ее съ американскихъ рынковъ. Онъ является самымъ непримиримымъ протекціонистомъ и въ 1890 году имъ былъ предложенъ и вотированъ билль, извѣстный подъ его именемъ. Этотъ «билль Макъ-Кинлея» запрещаетъ ввозъ почти бо̀льшей части европейскихъ товаровъ и прилагаетъ къ политической экономіи формулу—«Америка для американцевъ». Отнынѣ Европа сдѣлалась потребительницей американской индустріи въ гораздо большей степени, чѣмъ Америка осталась потребительницей товаровъ Европы, такъ какъ эта послѣдняя, благодаря несогласію, царящему среди отдѣльныхъ ея державъ, не можетъ отвѣтить Америкѣ тѣмъ же.

Но въ Америкѣ остались еще и земли, принадлежащія европейскимъ метрополіямъ, на которыя не разъ уже посягали Соединенные Штаты.

Въ 1895 году снова обострился хроническій конфликтъ между Англіей и Венецуэллой изъ-за сѣверныхъ границъ англійской Гвіаны. Англичане хотѣли достигнуть устья Ориноко, чтобы эксплуатировать большія золотыя розсыпи, которыя находятся по сосѣдству съ этой рѣкой и такимъ образомъ придать своей колоніи большее коммерческое значеніе. Тогда Соединенные Штаты взяли Венецуэллу подъ свою защиту и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль все населеніе Штатовъ было захвачено волной самаго грубаго шовинизма. Они потребовали, чтобы англичане отказались отъ ихъ притязаній.

Бывшій тогда президентомъ Кливлендъ опубликовалъ 17 декабря 1895 г. свое посланіе Англіи, въ которомъ онъ говоритъ, что доктрина Монроё «не выйдетъ изъ употребленія до тѣхъ поръ, пока республика будетъ существовать», и приглашаетъ Англію согласиться на третейскій судъ Соединенныхъ Штатовъ, въ противномъ же случаѣ, онъ предупреждаетъ, что Соед. Штаты будутъ дѣйствовать заодно съ Венецуэллой.

Американскій конгрессъ единогласно вотировалъ кредитъ, который у него требовало правительство, и американскіе порты начали вооружаться съ лихорадочной поспѣшностью. Эдиссонъ объявилъ объ изобрѣтеніи имъ новыхъ удивительныхъ машинъ, при помощи которыхъ можно испепелить весь англійскій флотъ.

Англичане отступили. Они засыпали Соединенные Штаты увѣреніями въ своей дружбѣ, согласились на ихъ третейскій судъ и благодарили ихъ за оказанную имъ услугу. Недаромъ лордъ Сольсбери, когда онъ не былъ еще у власти, сдѣлалъ очень любопытную характеристику политики С.-Джемскаго кабинета, который, по его мнѣнію,

*) Скончался 14-го сентября н. с., смертельно раненый двумя выстрѣлами изъ револьвера анархистомъ Чолгошемъ. *Прим. переводчика.*

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Бассейная, 35 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы** — въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

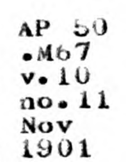
Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час. *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

AP 50
.M67
v.10
no.11
Nov
1901

Mir Bozhiĭ.

U of Chicago
24942990